

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

Hw RRMT P

שלום על ישראל

FROM THE INCOME
OF THE BEQUEST OF
LEE M.
FRIEDMAN '93

Harvard College
Library

ГОДЪ

1890

000

ВОСХОД

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

VII

І ю л ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Т

Книга 7-я.—ПОЛЬ, 1890 г.

I. ЦАРЬ САУЛЬ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	3
II. БИОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. Раби Іегуда, Патріархъ. М. Г. Моргулиса	7
III. ЕВРЕИ ВЪ ИСТОРИИ И ВЪ ЛЕГЕНДЪ. Публичная лекція И. Лѣба. Перев. В. Л. Ранцева	28
IV. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ. (Продолженіе). С. М. Дубнова.	67
V. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Днѣпровскаго.	85
VI. ПРИЗРАКИ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. I. Иче Комисаровъ. Ю. А. Эльтермана	112
VII. ЕВРЕЙСКИЙ ЕЗОПЪ. С. М. Станиславскаго	130
VIII. ИЗЪ «ЕВРЕЙСКИХЪ МЕЛОДІЙ». Стихотвореніе. С. Гринблата.	148
IX. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. НАУЧНЫЙ АНАЛИЗЪ АНТИСЕМИТИЗМА. Z.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ И ІУДЕИ (<i>Gli Ebrei sotto la Dominazione Romana. Vol. II, per P. Manfrini. Roma, 1890</i>). (Окончаніе). Л. Рускина.	17
XII. БИБЛИОГРАФІЯ:	
1) תולדות ישראל: <i>Биографическій словарь всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ Св. Писаніи. Составилъ И. О. Мандельштамъ. Варшава, 1889 (420 стр. in 8°)</i>	32
2) תולדות יושבי צפת: <i>Комментарій къ книгѣ Іова, составленный рабби Самуиломъ Маскутомъ, жившимъ въ Алеппо въ XII вѣкѣ. Изданъ впервые съ древняго манускрипта, съ примѣчаніями и введеніемъ Соломона Бубера. Берлинъ, 1889 (XV+185 стр. gr. 8°)</i> . С. М.	34

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

І ю л ь.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольного Театра, 2.
1880.

USF[△] 458 (1890, July-Sept)

Friedman Fd

ЦАРЬ САУЛЬ.

Средь яркихъ образовъ завѣтной старины,
Встаршихъ предо мной изъ темной глубины
Легенды вѣковой, съ неотразимой силой
Влечетъ меня къ себѣ одинъ, родной и милый,—
Любимый мной еще съ далекихъ дѣтскихъ дней,
Съ тѣхъ поръ, когда душѣ восторженной моей
Блеснули въ первый разъ, полны очарованья,
Безсмертной Вибліи глубокія сказанья.

* * *

Питомецъ воли и труда,
Свободный сынъ степной равнины,
Онъ пастъ отцовскія стада
Въ лугахъ цвѣтущей Палестины.
Но въ пастуху явился жрецъ
И молвилъ—вѣстникъ Божьей воли:
— „Ты родился для высшей доли,
И царскій ждешь тебя вѣнецъ.
Золототканная порфира
Твои покроетъ рамена
И преклонятся племена
Предъ повелителемъ поль-мира“.

И отрокъ голову склонилъ,
 Покоренъ волѣ неизмѣнной.
 Онъ сталъ царемъ, — слей священный
 Чело пастушье окропилъ;
 Шатеръ пастушій замѣняди
 Покои царственныхъ хоромъ,
 И сотни, тысячи кругомъ —
 Передъ вчерашнимъ пастухомъ
 Безмолвно голову склонили.

* *
 *

Набѣги, битвы, громъ побѣдъ,
 Добыча, дань... Страна ликуеть,
 Дружина грозная пируетъ,
 И далеко ложится слѣдъ
 Ея губительныхъ походовъ,
 Какъ смертоносный ураганъ,
 Среди испуганныхъ народовъ
 И близкихъ и далекихъ странъ.
 Обильны нивы Палестины,
 Обилень жертвами алтарь;
 Цвѣтутъ сады, цвѣтутъ долины...
 Но отчего жъ не весель царь?
 Въ какихъ печальныхъ думахъ тонеть
 Усталый взоръ его очей,
 Какая скорбь такъ низко клонить
 Его главу, о чемъ онъ стонеть
 На пышномъ ложѣ средь ночей?
 И скоро вѣстью роковою

Пронеси слухъ среди людей:
 Безумецъ царь,—его душою
 Владѣеть грозный Асмодей...
 Волхвы творили заклинанья,
 Варили земля врачю,
 Жрецы молились: „Облегчи,
 О, Савасоъ, его страданья!“
 И ни одинъ не зналъ изъ нихъ,
 Какимъ томится царь недугомъ.
 Пастухъ среди пажитей глухихъ
 И пахарь, согнутый надъ плугомъ,—
 Ему-ль грустить и тосковать
 Въ чертогѣ царскомъ, въ блескѣ, въ холмѣ?
 Какимъ еще утѣхъ желать,
 Какой прекраснѣй жаждалъ доли?
 И ни одинъ изъ нихъ не зналъ,
 Какъ глубоко—въ столицѣ шумной,
 Въ чертогѣ пышномъ—царь безумный
 И дни, и ночи тосковалъ
 По тѣмъ лугамъ родного края,
 Гдѣ, глядя весело кругомъ
 И звонко пѣсни распѣвая,
 Вродилъ онъ бѣдникъ пастухомъ.
 Вънекъ данилъ его, Порфира
 Душила грудь и плечи жгла, —
 И оттого Давида лира
 Дыханье благостнаго мира
 Въ большую грудь его лила,

Что въ ней онъ слышалъ отзывъ милнй
 Счастливой юности своей,
 Что самъ когда-то, полный силы,
 Ту пѣсню пѣлъ онъ средь полей...
 О, какъ рвалась, въ тоскѣ по волѣ,
 Его усталая душа
 Въ зеленый лѣсъ, въ родное поле,
 Подъ сѣнь родного шалаша!
 А передъ нимъ, какъ стражъ суровый,
 Бездушный, старнй жрецъ стоялъ,
 И къ новымъ битвамъ призывалъ,
 И обрекалъ неволѣ новой...

* * *

Востока знойнаго изнѣженный цвѣтокъ—
 На почвѣ сѣвера, холодной и унылой,
 Газель—въ ярнѣ, съ уздой тяжелой и постылой,—
 Печаленъ ихъ удѣлъ, печаленъ и жестокъ;
 Но что сравнится съ той мучительною долей,
 Которой обреченъ разумный человѣкъ,
 На волѣ выросшій, вспоенный вольной волей
 И отъ нея—увн!—оторванный навѣкъ!
 Ярно желѣзное или клетка золотая—
 Не все-ль равно? Душа, которой нуженъ свѣтъ—
 Не жить въ неволѣ ей и за вратами рая,
 И въ золотыхъ цѣпяхъ для ней отрады нѣтъ.

С. Фругъ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУ- ДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

РАВИ ІГУДА, ПАТРИАРХЪ.

Время, въ которое дѣйствовалъ раби Іегуда, было свободно отъ внѣшнихъ и внутреннихъ смуть. Жестокія преслѣдованія римлянъ улеглись; запрещеніе религиозныхъ обрядовъ отмѣнено; тайныя сборища ученыхъ для обсужденія средствъ къ сохраненію іуданзма прекратились; стеченіе въ пещерахъ и подземельяхъ для исполненія требованій религиознаго закона не имѣло болѣе мѣста. Съ другой стороны, и внутри іудейства энтузіазмъ въ борьбѣ съ римлянами охладѣлъ; потоки крови, орошавшіе палестинскія поля, еще были свѣжи въ памяти народа; великія жертвы, павшія въ борьбѣ съ римлянами, въ лицѣ лучшихъ дѣятелей, исполненныхъ беззавѣтной любви къ народу, оставили глубокіе слѣды. Римляне убѣдились, что гоненіе на религію, насиліе надъ совѣстью въ вопросахъ, затрогивающихъ самыя священныя чувства человѣка, не ведутъ къ цѣли, не смотря ни на какую власть, а только ожесточаютъ преслѣдуемыхъ противъ гонителей и вызываютъ фанатизмъ, сильный своею вѣрою и несокрушимый въ своихъ надеждахъ. Евреи также убѣдились, что открытая борьба съ превозмогающею физическою силой имѣетъ въ результатѣ одни только народныя бѣдствія, нисколько не открывая дороги къ самостоятельности и политической независимости. Отрезвленіе обѣихъ враждующихъ сторонъ дало возможность обратиться къ мирной жизни и направить дѣятельность на внутреннее самоусовершенствованіе и развитіе.

Такому порядку вещей значительно способствовалъ раби Іегуда, который своими всесторонними знаніями и несмѣтными богатствами въ состояніи былъ импонировать римской власти, оказавшей сильную поддержку его авторитету въ глазахъ народа. Власть раби Іегуды, которою онъ укрѣпилъ свое положеніе среди евреевъ, какъ верховный ихъ глава, достигла такой высоты, которая до того не была извѣстна. Бывшіе до него патриархи пользовались также авторитетомъ, но сила ихъ коренилась въ одномъ нравственномъ превосходствѣ, которому патриаршество уступало тотчасъ, какъ не въ силахъ было стоять на высотѣ своего призванія. Такъ, должны были очистить мѣсто великому уму и могучему нравственною силою законвѣду Гиллалю. У Іегуды же сверхъ того была власть съ внѣшнимъ блескомъ, которая сосредоточивала все въ своихъ рукахъ. Подобно Людовику XIV, онъ могъ сказать: патриаршество — это я! Централизація власти проявилась во всемъ: не только въ стѣнахъ аудиторіи, но и далеко за ея предѣлами. Инвестира была необходима для занятія должностей общественныхъ во всѣхъ палестинскихъ общинахъ. Впослѣдствіи же власть его распространилась даже внѣ предѣловъ Палестины—въ Вавилоніи, въ которой нѣкоторые изъ его знаменитыхъ слушателей не могли удостоиваться полнаго рукоположенія по всѣмъ отраслямъ дѣятельности. Словомъ—патриаршество въ его рукахъ достигло апогея своего величія. Но вопросъ въ томъ—насколько могущественная власть раби Іегуды способствовала свободѣ научнаго развитія и объединенію интересовъ національности?

Глухая борьба, которая шла въ средѣ его современниковъ и слушателей, доказываетъ, что только подавленные его властью они не могли прямо противъ него протестовать. Когда же представлялся удобный случай, никто не стѣснялся уградкою и намекомъ, а иногда въ самой рѣзкой формѣ высказаться, если не самому, то черезъ посредство другихъ, противъ его режима.

Мы не говоримъ о протестахъ Пинхоса бенъ-Яира, который своимъ крайне-ортодоксальнымъ направленіемъ задерживалъ реформы Іегуды въ области религіозныхъ вопросовъ, а объ его единомышленникахъ, которые въ религіозныхъ и социальныхъ вопросахъ ничего не имѣли противъ его ученія. Раби Хія,

одинъ изъ выдающихся законовѣдовъ, слушатель р. Іегуды, довольно популярный, о которомъ въ народѣ успѣли сложиться разныя легенды, очевидно былъ противъ самовластия патріарха. Это можно заключить изъ того, что сыновья его, за столомъ у патріарха, на предложеніе послѣдняго что нибудь высказать, заявили, что пришествіе Мессіи будетъ не прежде того, какъ исчезнетъ патріархатъ въ Палестинѣ и экзилархатъ въ Вавилоніи. На жалобу р. Іегуды р. Хія ничего болѣе не отвѣтилъ, какъ то, что на весельѣ иногда срывается съ устъ глубоко залегшая тайна. Но случай этотъ прямо указываетъ на то, что: 1) въ тѣсномъ кружкѣ ученыхъ власть патріарха порицалась въ такой степени, что она считалась задерживающею пришествіе Мессіи, и 2) что р. Хія раздѣлялъ это убѣжденіе, не считая нужнымъ даже высказать дѣтямъ упрекъ за неуваженіе къ власти патріарха или, по крайней мѣрѣ, успокоить послѣдняго на этотъ счетъ. Тотъ же р. Хія позволилъ себѣ разъ злую шутку надъ патріархомъ, которая также характеризуетъ неблагоприятное отношеніе къ его власти. Въ бесѣдѣ съ р. Хией, р. Іегуда разъ высказался, что онъ ни за что не поступился бы властью патріарха, какъ это сдѣлали бетеріанцы, и если уступилъ бы уже кому нибудь свою власть, то развѣ только одному Равъ-Гуну (вавилонскому законовѣду), который происходитъ отъ Давида по мужеской линіи, тогда какъ онъ самъ потомокъ лишь по женской. Черезъ нѣкоторое время р. Хія вбѣгаетъ къ р. Іегудѣ со словами: «Равъ-Гуна здѣсь!» Патріархъ поблѣднѣлъ отъ неожиданности сообщенія, и, чтобы вывести его изъ затруднительнаго положенія, р. Хія прибавилъ: «трупъ Равъ-Гуны здѣсь!» Оказалось, что Равъ-Гуна скончался и при жизни просилъ, чтобы его похоронили въ Палестинѣ, а потому трупъ его прибылъ на мѣсто. Патріархъ разсердился на р. Хію и удалилъ его съ глазъ своихъ на 30 дней. Это была, правда, шутка, но въ шуткѣ скрывается иногда затаенное желаніе, которое и понялъ патріархъ. Раби Хія подвергся также временно изгнанію изъ академіи за разсужденіе о законѣ на улицѣ. Патріархъ, какъ стражъ національныхъ интересовъ, не желалъ бы, чтобы публичныя разсужденія о законѣ, въ аудиторіи, давали поводъ римлянамъ къ недовольствамъ поведеніемъ евреевъ. Раби

Хія же считалъ это опасеніе преувеличеннымъ и дѣйствовалъ противъ желанія патріарха, который не оставлялъ безъ наказанія ни одной его выходки. Въ такое рѣзкое отношеніе онъ поставилъ себя къ р. Хіи, своему любимцу, котораго онъ называлъ своимъ другомъ, своимъ лучшимъ совѣтникомъ и съ которымъ онъ не разлучался также во время своихъ путешествій. Чего же можно было ждать другимъ, не пользовавшимся его личнымъ расположеніемъ? Другой ученый, Баръ-Капора, сатирикъ-юмористъ, вѣчно докучавшій патріарху своими злыми остротами, касавшимися чести патріарха, къ которымъ, однако, нельзя было придаться, также часто подвергался немилости и опалѣ. Разъ, за столомъ, Баръ-Капора вложилъ въ уста невѣжественнаго зятя раби Іегуды загадку, содержаніе которой относилось къ домашнему быту послѣдняго. Въ другой разъ, сынъ патріарха предложилъ Баръ-капорѣ обратиться къ первому за разрѣшеніемъ ученаго спора, возбужденнаго между ними по одному вопросу. На это Баръ-Капора отвѣтилъ, что это не его ума дѣло, и это передано сыномъ патріарху. Такія выходки, очевидно, могли имѣть мѣсто только въ виду того, что окружающіе патріарха не питали къ нему сочувствія и рады были всякой случайности, которая могла обнаружить тотъ или другой недостатокъ, подвергавшійся осмѣянію публично, на глазахъ же патріарха. Съ этой точки зрѣнія, глядя на выходки Баръ-Капоры, какъ на выраженіе общаго мнѣнія, нельзя согласиться съ Іустомъ въ его нападкахъ на тривіальность Баръ-Капоровскихъ шутокъ. Если бы Баръ-Капора не имѣлъ опоры въ общественномъ мнѣніи, патріарху, при его всемогуществѣ, легко было бы справиться съ такимъ надоедливымъ шутникомъ. Но дѣло въ томъ, что за плечами Баръ-Капоры стояли и другіе ученые, выдвигавшіеся своими всесторонними познаніями, которые подвергались опалѣ только потому, что не подчинялись его подавляющему властолюбію. Повышенія въ назначеніяхъ на разныя должности распространялись патріархомъ только на тѣхъ, которые безусловно покорялись его власти, и, напротивъ, обходили тѣхъ, которые не были съ нимъ солидарны. Ученикъ его Самуилъ былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ ученыхъ, который впоследствии выдвинулся въ Вавилоніи какъ

первоклассный законовѣдъ, увлекавшій въ своей академіи бесчисленныхъ учениковъ. Уже въ качествѣ слушателя академіи патриарха, Самуилъ былъ извѣстенъ всесторонними знаніями иностранныхъ языковъ, медицины, астрономіи и права. Иностранные языки ему послужили для объясненія иностранной терминологіи, греческой и римской, заимствованной кодексомъ патриарха; медицинскую науку онъ пользовался не только въ сферѣ религіознаго закона, но и на практикѣ, какъ извѣстный въ свое время медикъ; объ его астрономическихъ познаніяхъ легенда говоритъ, что онъ такъ же хорошо знакомъ былъ со стезями небесными, какъ со стезями земными; въ правовыхъ вопросахъ онъ былъ самостоятеленъ и справедливъ: стоитъ указать на установленіе его о томъ, что продавецъ не имѣетъ права извлекать прибыли изъ продаваемыхъ предметовъ болѣе $\frac{1}{6}$ части покупной цѣны, чтобы уже по этому судить о его направленіи въ правѣ; въ вопросахъ нравственности онъ былъ однимъ изъ строгихъ послѣдователей Гиллеля. Однако, всѣ эти достоинства, которыя уже значительно проявились въ направленіи молодого ученаго, не спасли его отъ опалы въ обходѣ при назначеніи на должность. Патриархъ, очевидно, чувствовалъ несправедливость своихъ отношеній къ Самуилу и разъ нашелъ удобный случай извиниться передъ нимъ. Раби Іегуда долго страдалъ глазами и рѣшился наконецъ обратиться къ помощи Самуила, который уже былъ извѣстенъ какъ врачъ и изобрѣтатель глазной мази. Самуилъ своими медицинскими познаніями освободилъ патриарха отъ глазной болѣзни, которая давно его мучила. И тутъ же патриархъ счелъ нужнымъ извиниться предъ Самуиломъ за продолжительный обходъ его при назначеніяхъ на общественныя должности. Но Самуилъ на это иронически отвѣтилъ патриарху: «Въ книгѣ Адама вѣдъ записано: Самуилъ долженъ быть мудрецомъ, но не раби дабы я могъ излечить твою болѣзнь». Скромный, но уважающій свое достоинство, Самуилъ не могъ, конечно, прибѣгать къ шуткамъ, подобно остроумному Баръ-Капорѣ; но при случаѣ и онъ не могъ воздержаться отъ ироніи, чтобы намекнуть на злоупотребленіе патриархомъ своею властью.

Даже маловажныя нарушенія постановленій патриарха могли

вызвать съ его стороны наказанія за ослушаніе, хотя-бы самое нарушеніе заключалось въ нежеланіи пользоваться дозволеннымъ закономъ. Патріархъ издавъ облегчительный законъ, по которому разрѣшалось ходить по внутренней сторонѣ полевой межи тамъ, гдѣ наружная представляла трудность въ ходьбѣ. И вотъ однажды, рассказывая съ р. Хіей по внутренней сторонѣ полевой межи, патріархъ замѣтилъ молодого человѣка, который пробирается имъ на встрѣчу по наружной сторонѣ межи съ большими затрудненіями. Патріархъ вознегодовалъ на молодого человѣка и уже готовъ былъ подвергнуть его наказанію за ослушаніе, если бы р. Хія не увѣрилъ его, что этотъ юноша, который состоитъ его ученикомъ, ему извѣстенъ какъ человѣкъ богобоязненный. Этотъ фактъ, какъ онъ ни ничтоженъ самъ по себѣ, все-таки характеризуетъ въ яркой степени страсть къ обереганію во что бы ни стало патріаршеской власти даже и тогда, когда проявленіе ея не имѣло въ виду запрета извѣстнаго дѣйствія, а, лишь дозволеніе его. Молодой человѣкъ не желалъ пользоваться облегченіемъ, которое разрѣшено закономъ патріарха, а, изъ уваженія къ старому закону и праву собственности землевладѣльца, себя самого ограничивалъ въ пользованіи болѣе удобнымъ проходомъ, лишь бы не топтать полевыхъ посѣвовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, усмотрѣно было въ этомъ невинномъ по существу поступкѣ посягательство на majestas патріарха, и молодой человѣкъ чуть не подвергся несправедливому наказанію. Патріархъ ему сказалъ: «Если бъ не заступничество р. Хіи, я бы тебя бросилъ въ желѣзные оковы». Принципъ неприкосновенности патріаршеской воли р. Іегуда ставилъ такъ высоко, что предъ смертью заповѣдалъ старшему сыну высоко поддерживать достоинство патріаршескаго званія и круто обходиться съ учениками.

Г. Вейсъ принимаетъ подъ свою защиту эту черту въ характерѣ патріарха. Онъ находитъ, что проявленіе сильно-сосредоточенной власти было крайне необходимо въ цѣляхъ объединенія національныхъ интересовъ и сдерживанія современныхъ ученыхъ и слушателей отъ развитія чрезвычайно разнообразныхъ направленій какъ въ толкованіи закона, такъ и въ практическомъ его примѣненіи. Но кажется, что этого можно

было бы скорѣе достигнуто снисхожденіемъ и болѣе справедливымъ проявленіемъ власти. Гиллель своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ, какъ патриархъ, не злоупотреблявшій своею властью, достигъ гораздо болѣе благоприятныхъ результатовъ: его направленіе сдѣлалось господствующимъ и продолжительнымъ. самъ р. Іегуда—однимъ изъ его исповѣдниковъ, и ученіе его нашло благодарную почву въ академіяхъ Вавилоніи. Между тѣмъ надежды и чаянія р. Іегуды о томъ, чтобы положить конецъ широкому методу толкованія законовъ и установить болѣе однообразный, обязательный для всѣхъ, не увѣнчались успѣхомъ. Самые лучшіе ученики его, еще при его жизни, оставили Палестину, въ которой не находили свободнаго поприща для развитія науки, удалились въ Вавилонію и стали учреждать академіи, въ которыхъ имъ же составленный кодексъ подвергался самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Стѣсненная наука нашла себѣ выходъ: палестинскія оковы сняты, и свобода науки вступила въ свои права. Можно видѣть въ направленіи слѣдующей эпохи много схоластики, можно видѣть отсутствіе единства въ направленіи школъ, но еще вопросъ—не имѣла-ли эта схоластика благотворнаго вліянія на современные умы той эпохи; не отвлекала-ли она современниковъ отъ другихъ сферъ, въ которыхъ дѣятельность, быть можетъ, и отличалась бы практическимъ смысломъ, но за то не доставляла бы столько гарантіи нравственной чистотѣ и заботѣ объ осуществленіи и водвореніи въ массѣ нравственныхъ идеаловъ? Стремленія сподвижниковъ слѣдующей эпохи въ результатѣ дали то же единство національныхъ интересовъ, тотъ же оплотъ противъ вторженія въ народную жизнь противныхъ нравственности началъ, устраненіе которыхъ составляло цѣль и дѣятельности патриарха. Поэтому мы склонны думать, что это была ошибка въ образѣ дѣятельности р. Іегуды какъ патриарха, которая не совместила съ его солидными познаніями, какъ ученаго, и съ его нравственными качествами, какъ человѣка.

За исключеніемъ властолюбія, другія личныя достоинства р. Іегуды вполне совпадали съ его дѣятельностью въ качествѣ истиннаго представителя народныхъ интересовъ. Около 80 лѣтъ отъ роду сдѣлавшись патриархомъ, онъ сталъ во главѣ ушни-

ской академіи и сосредоточивалъ затѣмъ свою дѣятельность въ трехъ городахъ Галилеи. Слава его академіи привлекала въ Палестину многихъ даровитыхъ слушателей изъ Вавилоніи. Онъ отличался обширнымъ знаніемъ языковъ: еврейскаго, сирійскаго, греческаго и латинскаго, для изученія которыхъ предпринималъ путешествія. Кроме того, онъ зналъ естественныя науки и астрономію. Онъ былъ ученикомъ р. Меира, но былъ самостоятеленъ въ методѣ толкованія закона. Онъ, главнымъ образомъ, допускалъ толкованіе по буквальному смыслу, рѣдко прибѣгалъ къ сложнымъ способамъ толкованія своихъ предшественниковъ, допуская, въ случаѣ неясности простаго смысла, лишь примѣненіе аналогіи. Насколько онъ былъ стоекъ и энергиченъ въ проявленіи власти, настолько же онъ былъ уступчивъ въ научныхъ вопросахъ, признавая и уважая чужое мнѣніе. Въ юности, бывало, онъ возражалъ противъ мнѣній авторитетныхъ ученыхъ, но затѣмъ сознавался въ своей смѣлости, которую онъ объяснялъ одною молодостью. Такъ, его современникомъ былъ Равъ-Нусонъ, сынъ вавилонскаго эскларха, который промѣнялъ роскошь и власть родительскаго дома на скромное положеніе слушателя палестинской академіи. Онъ былъ современникомъ и единомышленникомъ р. Меира и коллегой р. Іегуды. Равъ-Нусонъ объяснялъ библейскій приказъ объ оказаніи помощи врагу запрещеніемъ со стороны закона не любить ближняго. Онъ пользовался также популярностью въ качествѣ президента высшаго коллегіальнаго суда. Патриархъ позволялъ себѣ дерзкое отношеніе къ его научнымъ воззрѣніямъ, но затѣмъ извинился предъ нимъ въ этомъ, объяснивъ прежнюю свою смѣлость одною молодостью. И дѣйствительно, р. Іегуда отдавалъ достодолжное каждому. Онъ говорилъ, что многимъ онъ обязанъ своимъ учителямъ, многимъ своимъ коллегамъ, но болѣе всего обязанъ — своимъ ученикамъ. Раби Хія былъ однимъ изъ главныхъ его совѣтниковъ и, благодаря замѣчательному дарованію послѣдняго, патриархъ, вѣроятно, извлекалъ немало пользы отъ близости съ такимъ ученикомъ. Всегда прислушиваясь къ замѣчаніямъ своихъ учениковъ, онъ иногда отступался отъ своихъ взглядовъ. Такъ, напр., р. Іегуда былъ того убѣжденія, что поддерживать слѣдуетъ только мо-

лодость, посвящающую себя наукѣ. Но одинъ изъ его учениковъ обратилъ вниманіе на то, что благодѣянія его должны быть распространены на всѣхъ бѣдняковъ безразлично. Слова ученика, что онъ лучше желалъ бы получать отъ него помощь не въ качествѣ ученика, а вообще какъ голодный воронъ,— произвели на него впечатлѣніе, и онъ перемѣнилъ свой взглядъ. Въ другой разъ патриарху замѣтили, что онъ несправедливо лишаетъ своей помощи дочерей знаменитаго нѣкогда учителя Елиши-бенъ-Абуи за отпаденіе послѣдняго отъ іудаизма, и онъ отказался отъ недостойной великаго учителя мести потомству за нераздѣленные имъ убѣжденія предковъ. Словомъ, уваженіе къ чужому мнѣнію и склонность къ анализу своихъ убѣжденій и отступленію отъ нихъ, какъ признанныхъ неправильными, составляетъ замѣчательную черту въ характерѣ патриарха.

Не менѣе важною чертой характера патриарха слѣдуетъ считать неувлеченіе своимъ богатствомъ, какъ силою, которою можно было злоупотреблять. Легенда придаетъ его богатствамъ баснословный характеръ и говоритъ о нихъ въ слѣдующей формѣ: «скотные сараи патриарха превосходятъ своимъ богатствомъ всѣ сокровища персидскаго царя». Тѣмъ не менѣе патриархъ не окружалъ себя такою пышностью, которая сдѣлала бы его недоступнымъ. Напротивъ, за его столомъ мы всегда встрѣчаемъ коллегъ и слушателей, которые подчасъ позволяютъ себѣ злые шутки. Употребленіе своихъ средствъ большею частью на поддержку учащейся молодежи сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ. Патриархъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что воспитаніе и обученіе дѣтей составляетъ одну изъ величайшихъ обязанностей въ отношеніи народа. Онъ постоянно утверждалъ, что народная жизнь поддерживается дыханіемъ дѣтей въ школахъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что патриархъ требовалъ образованія въ духѣ той страны, въ которой жили евреи. Поставивъ себѣ задачей нравственное и духовное усовершенствованіе народа, онъ считалъ главнымъ факторомъ, способствующимъ осуществленію этой задачи, широкое распространеніе знаній въ массѣ. Въ этомъ отношеніи онъ также, очевидно, раздѣлялъ убѣжденіе своего ученика р. Хиз, который въ особенности занимался учрежденіемъ школъ, и притомъ

школъ *взаимнаго обученія*. О немъ легенда передаетъ, что онъ собственноручно занимался плетеніемъ шелковъ, которыми самъ охотился на оданей, и, по изготовленіи изъ кожъ пергаментовъ, на послѣднихъ составлялъ массами списки съ закона и безвозмездно вручалъ ихъ элементарнымъ учителямъ. Недаромъ сравниваютъ р. Хію съ великимъ реставраторомъ іудаязма Ээдрю. Оригинальная идея учрежденія школъ взаимнаго обученія вызвана была пламеннымъ желаніемъ дать элементарному образованію самое широкое распространеніе. Патриархъ, раздѣляя такое убѣжденіе, удѣлялъ значительную долю своихъ средствъ на обученіе дѣтей въ школахъ и на поддержку учащейся молодежи.

Кромѣ того патриархъ щедро поддерживалъ и бѣдныхъ своими средствами, и во время голода, свирѣпствовавшего при Маркѣ Авреліѣ, онъ открывалъ свои житницы и надѣлялъ народъ хлѣбомъ. О немъ говорили современники, что онъ нисколько не пользовался своими громадными богатствами. Между учеными законовѣдами того времени господствовало вообще стремленіе въ умѣренной жизни и оказанію помощи бѣднымъ. Такъ, р. Хія, не смотря на свою поземельную собственность и торговлю шелкомъ, велъ умѣренную жизнь и не могъ, какъ говорятъ о немъ, принимать изъ-за этого у себя изнѣженнаго баловня р. Іошуа бенъ-Леви. Коллега р. Іегуды, ученый Самуилъ, весь сборъ своихъ полевыхъ произведеній сохранялъ на черный день вздорожанія продуктовъ, и тогда продавалъ его бѣднякамъ по удешевленной цѣнѣ. Этотъ выработанный въ средѣ ученыхъ принципъ благотворительности нашелъ полное выраженіе въ щедрой дѣятельности патриарха на этомъ поприщѣ.

Какъ представитель академіи, патриархъ былъ строгимъ послѣдователемъ направленія Гиллея, заключавшагося въ облегченіи народныхъ тягостей, какъ результата строгихъ предписаній закона. Такъ, онъ допустилъ значительное облегченіе законовъ о постахъ, держась правила, что нѣтъ надобности въ обремененіи народа постами. Онъ даже пытался отмѣнить постъ 9 Ава, установленный въ память разрушенія Іерусалима, но оставилъ свою попытку вслѣдствіе оппозиціи, образовавшейся въ синадріонѣ. Аскетизмъ не пользовался симпатіями ученыхъ

того времени. Противъ него воставалъ также и Самуиль, который утверждалъ, что міръ созданъ для удовольствій, а не для истязаній. На его взглядъ міръ представляется большимъ свадебнымъ заломъ, который, для угощенія, то наполняется входящими, то освобождается отъ выходящихъ. Точно также патриархъ допустилъ облегченіе относительно молитвы, разрешая ее безъ стѣненій во всякомъ положеніи. Въ особенности важны его облегченія предписаній о субботнемъ днѣ. Въ этомъ отношеніи патриархъ находилъ поддержку въ р. Нуфонѣ, который также допускалъ нарушеніе правилъ о субботнемъ днѣ, когда рѣчь заходила объ опасности жизни. «Лучше, — говаривалъ онъ, — нарушить для человѣка святость одной субботы, чѣмъ лишиться его внослѣдствіи возможности соблюдать святость многихъ субботъ». Патриархъ допускалъ облегченіе правилъ субботняго дня не только во время угрожающей опасности, но и просто въ интересѣ удобства, какъ, напр., ставить холодную пищу на мѣсто, гдѣ она могла бы подогрѣваться, что прежде было запрещено, и т. п. Когда же рѣчь заходила объ угрожающей жизни опасности, патриархъ разрешалъ нарушеніе самыхъ существенныхъ обрядовъ религіи, даже обрѣзаніе. Точно также онъ разрешилъ работу въ праздникъ Пуримъ, и самъ подавалъ въ томъ примѣръ, занимаясь въ этотъ день насажденіями. Но въ особенности велика его заслуга относительно отмины въ пограничныхъ Палестинѣ областяхъ десятины и закона о субботнемъ годѣ, установленномъ для отдыха земли, на томъ основаніи, что эти мѣстности не могутъ считаться входящими въ составъ палестинской территоріи, подчиненной законамъ о десятинѣ и субботнемъ годѣ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько освобожденіе отъ десятины и разрешеніе обрабатывать поля въ субботніе годы составляли благодѣяніе для земледѣльческаго класса, который образовалъ все населеніе данныхъ мѣстностей. Это былъ, конечно, только шагъ къ тому, чтобы перейти къ болѣе общей, коренной реформѣ объ отмины вовсе славанныхъ законовъ, какъ отяготительныхъ и для всего палестинскаго земледѣльческаго класса. Но, къ сожалѣнію, дальнѣйшая дѣятельность патриарха въ этомъ направленіи всгрѣтила сильную оппозицію со стороны Пинхаса Бенъ-Гаира, которому

необходимо было уступить, какъ человѣку, пользовавшемуся всеобщимъ народнымъ уваженіемъ. И первыя облегчительныя мѣры вызывали также протесты противъ патріарха, которые заключались въ томъ, что онъ принимаетъ на себя смѣлость отмѣнять то, что признавалось предшествовавшими ему народными авторитетами. Но на эти протесты онъ отвѣчалъ, что и до него предшественниками отмѣнялись законы, которые также чтимы были предками, и что онъ съ спокойною совѣстью принимаетъ на себя послѣдствія своихъ мѣръ въ полной увѣренности, что его предшественники предоставили ему честь современной отмѣны прежнихъ законовъ, точно также какъ имъ такая же честь была предоставлена предшествовавшими имъ авторитетами. Когда онъ пожелалъ идти дальше, оппозиція дала отпоръ и сдѣлала дальнѣйшія реформы невозможными. Вообще-же патріархъ, какъ послѣдователь Гиллея, обращалъ серьезное вниманіе на приведеніе закона въ соотвѣтствіе съ современными и экономическими условіями народной жизни,— и если бы не оппозиція Пинхаса Бенъ-Іанра, закоренѣлаго ортодокса, патріарху удалось бы еще очень много сдѣлать облегченій на пользу своего народа.

Что касается воззрѣній патріарха по вопросамъ благочестія и морали, то, сверхъ его практической дѣятельности, свидѣтельствующей о его дѣйствительныхъ намѣреніяхъ, въ этомъ отношеніи сохранились нѣкоторыя изреченія, характеризующія также его взгляды на эти предметы. «Если желаешь быть подальше отъ грѣха,—говорилъ онъ,—то помни всегда о трехъ вещахъ: знай, что выше тебя — око, которое видитъ, ухо, которое слышитъ, и что все, содѣянное тобою, записывается въ книгу». Чтобы убѣдить въ необходимости соблюденія закона независимо отъ его важности, патріархъ говорилъ: «Всегда соблюдай маловажный законъ наравнѣ съ важнымъ, потому что ты не знаешь послѣдствій закона». Въ самомъ дѣлѣ, если бы каждому предоставлена была оцѣнка закона по его силѣ и важности, то было бы очень много нарушеній, — между тѣмъ какъ иногда основаніе маловажнаго закона имѣетъ въ виду предупредить серьезныя послѣдствія. Въ особенности же цѣнное значеніе имѣетъ его правило постоянно сохранять нравственную чистоту.

ни на минуту ея не оставляя. Это правило онъ поддерживаетъ разговоромъ, вполне уясняющимъ необходимость непрерываемаго соблюденія его. Разъ царь, — рассказываетъ патриархъ, — объявилъ придворнымъ о предстоящемъ у него обѣдѣ, на который ихъ и пригласилъ. При этомъ, однако, царь не объявилъ, когда именно этотъ обѣдъ состоится, а просилъ ихъ, во всякомъ случаѣ, быть на-готовѣ по первому зову. Одни изъ придворныхъ, болѣе умные, подумали, что у царя недостатка въ приготовленіяхъ къ обѣду не бываетъ, а потому могутъ быть позваны ежечасно. На этомъ основаніи они, не откладывая ни минуты, тотчасъ же позаботились о томъ, чтобы предстать къ царскому обѣду въ приличномъ видѣ. Другіе же, менѣе умные, разсудили, что никогда обѣда безъ особыхъ приготовленій не бываетъ, а потому они еще успеютъ позаботиться о своемъ костюмѣ. Между тѣмъ приглашеніе послѣдовало совершенно неожиданно. Первые обрадовались своей предусмотрительности и явились къ царю въ подобающемъ видѣ, за что и были допущены къ обѣду. Вторые же вынуждены были явиться въ неприличномъ видѣ, и въ наказаніе за это имъ оставалось только глядѣть на то, какъ другіе обѣдаютъ. Такъ и съ будущимъ міромъ: нужно ежеминутно быть готовымъ предстать предъ Господа Бога; но такъ какъ неизвѣстно, когда это можетъ случиться, человѣкъ долженъ соблюдать нравственную чистоту безъ перерыва, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ.

Въ отношеніи возрѣвній патриарха на вопросы морали высшаго порядка, въ Талмудѣ сохранилась притча его о взаимодѣйствіи души и тѣла, которая вызвана его сношеніями съ однимъ изъ римскихъ императоровъ — Антонинъ. Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ этой притчѣ, мы должны остановиться нѣсколько на томъ достойномъ вниманія обстоятельстве, что р. Иегуда, благодаря своему всестороннему образованію и высокому положенію, какъ патриархъ, очевидно имѣлъ сношенія съ учеными римскими юристами и съ высшею властію въ имперіи. Майеръ ¹ указываетъ на сходство по стилю нѣкоторыхъ

¹ Die Rechte der Israeliten, Orthener und Römer, т. I, стр. 84. Тамъ приводится параллельно одно мѣсто:

институцій Гая, современника патриарха, съ постановленіями составленнаго послѣднимъ кодекса. Но кто изъ восьми римскихъ Антониновъ былъ тотъ, съ которымъ въ близкихъ отношеніяхъ находился р. Иегуда, до сихъ поръ окончательно не выяснено. Существуютъ различныя предположенія по этому вопросу. Одни полагаютъ, что это былъ Маркъ-Аврелій (Раппортъ); другіе утверждаютъ, что это былъ Александръ Северъ (Заксъ и Грецъ); третьи — что это былъ Гелиогабалъ (Постъ); четвертые, — что это былъ римскій намѣстникъ Цеварь или Антонинъ (Майеръ). Но вѣрнѣе всего, что это былъ Маркъ-Аврелій. Въ этомъ убѣждаютъ данныя, которыя г. Гамбургеръ представляетъ въ своей *Realencyklopedie*. Онъ указываетъ на склонность этого императора къ изслѣдованію нравовъ и правъ чужихъ народовъ; на воспитаніе, полученное имъ въ Палестинѣ; на его дѣятельность въ собраніи и редактированіи законовъ; на его строгость въ отношеніи народной нравственности; на его трехлѣтнее пребываніе въ Азіи по случаю возмущенія въ Сиріи Авидія Кассія и, наконецъ, на его распоряженія объ отмѣнѣ стѣснительныхъ условій, существовавшихъ въ римскихъ провинціяхъ. Ко всему этому мы отъ себя прибавимъ, что въ пользу этого мнѣнія склоняетъ еще и то, что Маркъ-Аврелій очень враждебно относился къ христіанамъ. Въ особенности же убѣдительно выдержки изъ сочиненія Марка-Аврелія, приближающія его къ ученію іудаизма. Эти выдержки слѣдующія: Богъ одинъ, творецъ и влечитель вселенной; все находится подъ его надзоромъ; нужно слѣдовать Божеству; всѣ люди имѣютъ возможность быть добродѣтельными; всѣ люди дѣти одного Отца; всѣ суть равноправные граждане великаго всемірнаго государства и т. п. Все это убѣждаетъ въ томъ, что патриархъ имѣлъ сношенія съ Маркомъ-Авреліемъ. Сохранившіяся въ еврейской письменности данныя объ этихъ сношеніяхъ характеризуютъ близкое взаимное довѣріе и вліяніе. Такъ, рассказывается, что римскій императоръ послалъ разъ пословъ къ патри-

Мишна:

Жена приобретаетъ тремя способами: деньгами, актомъ и сожитіемъ.

Gajus I, § 110:

Faeminae olim tribus modis in manum conveniebant: usq, fareo, coemptione.

арху съ просьбою дать ему намекомъ совѣтъ относительно разстроеннаго положенія финансовъ въ его странѣ. Въ отвѣтъ на это р. Іегуда пригласилъ посланца въ свой садъ и при нихъ въ однихъ мѣстахъ вырывалъ съ корнемъ растительность и насаждалъ другую. О томъ, что посланецъ видѣли, онъ велѣлъ имъ передать императору. Это, очевидно, былъ намекъ на коренное преобразование, которымъ обусловливалось улучшение финансовъ въ государствѣ. Въ другой разъ приводится отношеніе императора къ предоставленной имъ же сенату широкой власти, о которой не разъ упоминается въ Талмудѣ. Онъ жалуется р. Іегудѣ на зависимость свою отъ сената при осуществленіи своихъ намѣреній и спрашиваетъ у него совѣта о слѣдующемъ. Императоръ желаетъ объявить Тиверію вольнымъ городомъ, а сына своего Севера — наслѣдникомъ. Между тѣмъ изъ этихъ двухъ желаній сенатъ можетъ согласиться лишь на одно. Въ отвѣтъ на это патриархъ поввалъ двухъ людей, изъ которыхъ одного посадилъ на другого. Затѣмъ, давъ въ руки вверху сидящему голубя, онъ сказалъ другому: скажи ему, чтобы онъ голубя отпустилъ на свободу. Это было, по мнѣнію г. Гамбургера, намекъ на то, что онъ можетъ приказать сыну, который будетъ ему наслѣдовать, объявить Тиверію вольнымъ городомъ. Точно также онъ совѣтовался съ нимъ относительно средствъ, какія слѣдуетъ употреблять противъ его распутной дочери. Но болѣе всего замѣчательнъ отвѣтъ патриарха на вопросъ, живо интересовавшій императора, относительно возмездія въ будущемъ мірѣ. Какъ можно, — спрашивалъ Маркъ-Аврелій, — наказывать душу за грѣхи тѣла? На это патриархъ далъ слѣдующій отвѣтъ въ формѣ притчи. Садовладѣлецъ разъ поручилъ охрану фруктовъ своего сада хромому и слѣпому, въ надеждѣ, что первый никогда ихъ не достанетъ, а второй ихъ не увидитъ. Но они оба умудрились какъ ихъ истреблять: хромой садился на слѣпного и такимъ образомъ доставалъ фрукты. При посѣщеніи сада, владѣлецъ его обратилъ вниманіе сторожей на недостатку фруктовъ и требовалъ объясненія. Хромой утверждалъ, что онъ не виноватъ, такъ какъ онъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ бы ихъ достать. Слепой же утверждалъ, что онъ также не виноватъ, потому что онъ фруктовъ

этихъ не видитъ. Тогда садовладѣлецъ приказалъ посадить слѣплого на хромого и въ этомъ видѣ наказалъ обонихъ. Точно также на томъ свѣтѣ будетъ съ грѣшниками. Когда душа станетъ утверждать, что она не могла грѣшнить, потому что у нея нѣтъ страстей, а тѣло съ своей стороны будетъ доказывать, что оно также не могло грѣшнить, потому что у него не можетъ быть никакихъ замысловъ, — то Господь Богъ вдунетъ въ тѣло душу и въ этомъ видѣ дастъ имъ надлежащее воамездіе. Съ другой стороны и патріархъ соглашался съ убѣжденіемъ Марка-Аврелія о томъ, что дитя обладаетъ душою уже въ утробѣ матери и что алой инстинктъ зарождается въ человѣкѣ уже послѣ рожденія. Еще при жизни Марка Аврелія знаменитый раби обѣщали ему участіе въ будущей жизни; а по смерти его воскликнулъ: «Теперь связь порвана!» Эти интимныя сношенія съ римскимъ императоромъ и милости, оказанныя послѣднимъ патріарху — подаркомъ значительнаго участка земли и другими явными признаками вниманія къ нему, имѣли весьма важное вліяніе на возвеличеніе имени р. Іегуды въ глазахъ народа. Всѣ приписывали расположеніе монарха высокимъ достоинствамъ своего патріарха, какъ это на самомъ дѣлѣ и было.

Но лучшимъ лавровымъ вѣнкомъ въ патріаршеской коронѣ раби Іегуды слѣдуетъ считать замѣчательный сборникъ законовъ подъ названіемъ «Мишна», которую многіе переводятъ второзаконіемъ, а по нашему слово это означаетъ учебникъ. Это колоссальный трудъ, въ который собраны воедино всѣ *Галахи*, т. е. законоположенія, обнимавшія право, богословіе и мораль евреевъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ понятій. Для собранія всего матеріала по этимъ предметамъ за нѣсколько столѣтій, патріархъ, какъ правильно утверждаетъ г. Вейсъ, предпринималъ путешествіе по разнымъ школамъ вмѣстѣ съ лучшими своими учениками. Затѣмъ приходилось, при помощи своихъ ученыхъ современниковъ, весь матеріалъ провѣрить какъ относительно источника, такъ и по силѣ и значенію. Необходимо было удостовѣриться не только въ самомъ существованіи *Галахи*, но и въ томъ—кто и гдѣ ее установилъ и какъ она была принята на практикѣ. Кромѣ того, необходимо было дѣлать выборъ между *Галахами*, отдавать предпочтеніе той или

другой, привести въ соответствие Галаху съ современными условіями жизни, установить различіе между законами Моисея и законами позднѣйшихъ правовѣдѣвъ. Словомъ, предстояла сложная научная работа, которая была выполнена, правда, при условіяхъ многихъ ученыхъ сотрудниковъ, но прежде всего благодаря гению энергическаго, руководившаго всею работой патріарха. Весь матеріалъ былъ расгруппированъ по отдѣламъ и уложенъ въ систему, которая, для конца II-го вѣка послѣ Рождества Христова, составляетъ довольно рѣдкое и необычайное явленіе. Сборникъ этотъ можетъ считаться не только прекраснымъ, научно составленнымъ учебникомъ, но и вполне выработаннымъ кодексомъ тогдашняго іудаизма. Для составленія его необходимы были познанія по всѣмъ отдѣламъ права, не только опредѣлившагося въ законѣ Моисея, но и всего историческаго его развитія. Тѣ же познанія обязательны были по законамъ религіи и позднѣйшаго ея развитія. Для правильнаго разрѣшенія многихъ аграрныхъ вопросовъ съ цѣлью опредѣлить право бѣдныхъ на произведенія полевыхъ краевъ, права и обязанности на десятины первой и второй, ограниченіе относительно первородныхъ произведеній земли и деревьевъ, а также правила относительно запрещенія смѣшенія различныхъ породъ животныхъ при работѣ, различныхъ сѣмянъ и волокъ, — необходимо было имѣть свѣдѣнія по агрономіи и естественнымъ наукамъ. Точно также для разрѣшенія вопросовъ о чистомъ и нечистомъ, о вліяніи болѣзней животныхъ на добываемое отъ нихъ мясо, о кожныхъ болѣзняхъ людей, о менструаціи — необходимы были свѣдѣнія по гигиенѣ, медицинѣ и ветеринарному искусству. Кроме того, въ области нравственныхъ воззрѣній предстояло собрать всѣ изреченія извѣстнѣйшихъ законоучителей, въ которыхъ сосредоточено все міровоззрѣніе предшествовавшей эпохи о взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою и къ общественному союзу и объ исполненіи обязанностей по отношенію къ Богу. Правда, уже до раби Іегуды составлялись сборники Галахъ раби Акивы и раби Меира; но это были первыя, смѣлыя попытки на поприщѣ юридическо-богословской дѣятельности. Сборникъ же, составленный патріархомъ, есть полнѣйшее, систематическое объединеніе всего народнаго достоянія

за нѣсколько вѣковъ, проникнутое духомъ воостероннаго научнаго изслѣдованія, которое производилось при обязательномъ содѣйствіи первоклассныхъ ученыхъ эпохи раби Іегуды, специалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія. Первоначальные сборники носили на себѣ отпечатокъ личныхъ стремленій отдѣльныхъ академиковъ,—тогда какъ Мишна раби Іегуды составляетъ результатъ великаго народнаго подвига, который понынѣ еще высоко чтится народомъ какъ свѣжій еще вѣнокъ неувядаемой славы патріарха, прозваннаго святымъ.

Сборникъ Мишна состоитъ изъ шести порядковъ (отдѣловъ):

- 1) *Зремъ*—о произрастеніяхъ, въ которомъ рассматриваются всѣ аграрные вопросы, касающіеся произведеній земли въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Этому отдѣлу предшествуетъ глава о благословіяхъ Господа. Религіозный раби, очевидно, считъ необходимымъ во главѣ сборника поставить священныя обязанности челоуѣка къ Богу.
- 2) *Моедъ*—о ирздникахъ и постахъ.
- 3) *Пошимъ*—о женщинахъ, или законы о бракѣ и разводѣ. Сюда входятъ также законы объ обѣтахъ и *особленникахъ* (назоряхъ).
- 4) *Незикимъ*—о поврежденіяхъ, который обнимаетъ всю область права и морали. Сюда входятъ: а) законы объ имущественныхъ поврежденіяхъ, причиненныхъ самими разнообразными способами въ сферѣ частной и общественной; б) о находкѣ, о приобрѣтеніи куплею, о ростѣ и процентахъ, о личномъ и имущественномъ наймѣ и арендѣ; в) о правѣ сосѣдства, о сервитутахъ, о давности владѣнія, о принадлежностяхъ разнаго рода имущества, движимаго и недвижимаго, о правѣ наслѣдованія и договорахъ; г) о судоустройствѣ верховнаго, центральныхъ и мѣстныхъ судовъ, объ уголовномъ судѣ и о разныхъ видахъ смертной казни; д) о тѣлесныхъ наказаніяхъ и убѣжищахъ для преступниковъ; е) о различнаго рода присягахъ; ж) о свидѣтельствахъ достовѣрныхъ лицъ по спорнымъ вопросамъ; з) объ отношеніяхъ къ идолопоклонству¹; и) объ изре-

¹ Въ Мишнѣ нѣтъ никакихъ враждебныхъ опредѣленій относительно пріверженцевъ ученія Христа, а въ законахъ объ идолопоклонствѣ установлены ограниченія евреевъ въ сношеніяхъ съ язычниками за нѣсколько дней до ихъ праздниковъ (календи, сатурналии и пр.) и другихъ, которыя могли бы свидѣтельствовать о непосредственномъ, или косвенномъ участіи еврея въ почитаніи

ченіяхъ отцовъ синагоги, и 1) о судебныхъ ошибкахъ при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ. 5) *Кедашимъ*—о священныя предметахъ (*рез запета*), и 6) *Тасоратъ*—о вопросахъ, касающихся чистоты въ различныхъ ея видахъ въ отношеніи жилищъ, человѣка, животныхъ, напитковъ и т. п.

Въ этомъ сборникѣ очевидно проглядываетъ слѣдующая система: на первомъ планѣ—*Богъ*, затѣмъ—*земля природы*, связанныя для человѣка съ произрастеніями земли, и наконецъ—*человѣкъ* съ различными его потребностями, личными и имущественными, причѣмъ къ первымъ изъ нихъ патриархъ, очевидно, относитъ и потребность личности въ развитіи и усовершенствованіи нравственнаго чувства.

Цѣль изданія сборника объясняютъ различно. Ее находятъ въ стремленіи къ созданію учебника для школъ, въ желаніи положить конецъ равнообразнымъ возвращеніямъ отдѣльныхъ школъ и въ объединеніи ихъ. Но намъ кажется, что цѣль составленія сборника была совершенно иная. При составленіи р. Нусонемъ своего сборника Галахъ, объясняя себѣ это нарушеніе традиціи о непередачѣ устнаго закона на письмѣ тѣмъ, что р. Нусонъ считалъ возможнымъ дѣйствовать во имя Бога именно тогда, когда законы Адриана стали посягать на законы Вождя. Въ этомъ самомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать основанія для составленія сборниковъ р. Акибы и р. Меира. Всѣ они относятся къ памятной еврейскъ эпохѣ адриановскихъ преслѣдованій, которыя должны были вызвать опасеніе за исчезновеніе изъ памяти законоучителей всей массы накопившихся традиціонныхъ правилъ устнаго закона. Для устраненія этой опасности, о которой можно было спокойно подумать лишь во время р. Іегуды, наиболѣе благопріятствовавшее іудаизму, и предпринято было составленіе органическаго сборника законовъ. Въ то время еще нельзя было останавливаться на мысли, что господствовавшій тогда мирный порядокъ вещей можно счи-

одолюжества. Христіанство также чуждалось общенія съ язычниками съ цѣлью неводворенія у себя языческихъ обычаевъ. Грець указываетъ на перваго христіанскаго богослова Тертуліана, современника Іегуды (въ концѣ II-го вѣка по Р. Х.), который устанавливалъ относительно христіанъ такіа же ограниченія во отношеніи къ язычеству, какія установлены Машной.

татъ утвердившимся. Напротивъ, изъ восклицанія патріарха, вызваннаго смертію Марка-Аврелія, можно придти къ заключенію, что оно выражаетъ собою страхъ неизвѣстности того, что скрывается для евреевъ въ ближайшемъ будущемъ. Языческій міръ еще находился въ полномъ броженіи, и нельзя было съ увѣренностью знать, къ которой изъ двухъ борющихся съ нимъ религій онъ будетъ относиться враждебно или благосклонно; между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса въ томъ или иномъ направленіи зависѣло не отъ нихъ. Поэтому каждая изъ нихъ должна была стоять на стражѣ своихъ интересовъ, если не желала быть совершенно поглощеною язычествомъ. Для созданія твердаго оплота противъ напора язычества и нравственной опоры для борьбы, патріархъ позаботился о собраніи въ одну храмину всего того, что было плодомъ научнаго и моральнаго развитія іудаизма. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что послѣ кровопролитной Баръ-Кохвійской войны Іудея, какъ политически-независимое цѣлое, уже болѣе не воскреснетъ. Поэтому ему хотѣлось сосредоточить вниманіе народныхъ дѣятелей и самого народа на другомъ отечествѣ, болѣе сильномъ своимъ нравственнымъ могуществомъ. Ему хотѣлось найти полнѣйшее выраженіе единства народныхъ воззрѣній, и онъ нашелъ его въ Мишнѣ, въ томъ народномъ, нерукотворномъ памятникѣ, который долженъ былъ замѣнить массѣ всѣ потери, понесенныя въ тяжкую годину борьбы съ римскимъ варварствомъ. Въ этомъ новомъ храмѣ, созданномъ рукою другого Соломона, воплотилось все прошлое еврейскаго народа, но прошлое не въ блескѣ матеріальнаго могущества, а прошлое въ дорогихъ воспоминаніяхъ о духовномъ величій среди языческаго міра. Противъ этого храма были безсильны дальнѣйшія попытки его разрушенія, какъ безсильны всякія преслѣдованія противъ идеи, укоренившейся въ жизни народа. На этомъ храмѣ воздвигалось дальнѣйшее зданіе іудаизма, какъ на фундаментѣ, прочномъ въ своемъ основаніи. Мишна оказала громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу іудаизма и его исповѣдниковъ. Патріархъ р. Іегуда Святой, полагая достигнуть законченности въ мировоззрѣніяхъ прошлаго, не могъ предвидѣть—какому широкому развитію подвергнется собранный имъ матеріалъ. Онъ

не могъ предвидѣть того колоссальнаго по величинѣ и архитектурному стилю зданія, какое будетъ воздвигаться на положенномъ имъ широкомъ основаніи. Тѣмъ болѣе славы его творческому гению, который сумѣлъ бросить такое содержательное зерно на почву іуданзма.

М. Моргулисъ.

ЕВРЕИ ВЪ ИСТОРИИ И ВЪ ЛЕГЕНДЪ.

ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ ВЪ ПАРИЖѢ Г. ЛЕВОМЪ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРА-
НІИ «ОБЩЕСТВА НАУКИ ІУДЕЙСТВА».

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Всѣмъ извѣстно, что объ евреяхъ ходитъ множество нелѣпыхъ легендъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго основанія, зачастую прямо противоположныхъ истинѣ, но тѣмъ не менѣе заступающихъ ея мѣсто и охотно принимаемыхъ за истину общественнымъ легковѣріемъ. Уже давно рѣшено, что евреи — матеріалисты, люди безъ идеала, природные ростовщики и скряги; что они ненавидятъ весь родъ человѣческой вообще, и христіанскія его группы въ особенности; что евреи отравляли колодцы, крали и прокалывали просфоры; что они до сихъ поръ убиваютъ христіанскихъ дѣтей, чтобы пить ихъ кровь. Все это настолько извѣстно, что я не стану на этомъ останавливаться...

Я задаюсь, на этотъ разъ, цѣлью выяснить только то, что въ ходячихъ представленіяхъ объ евреяхъ роль легенды несомнѣнно важнѣе и значительнѣе, чѣмъ вообще думаютъ, и даже, пожалуй, важнѣе и значительнѣе, чѣмъ думаете вы сами. Масса разсказовъ и утверженій, слышащихъ исторически-достоверными и пользующихся репутаціей истинъ, не подлежащихъ сомнѣнію, оказывается на самомъ дѣлѣ просто-напросто баснями, созданными воображеніемъ народнаго суевѣрія или же изобрѣтенными врагами евреевъ. Я никогда не могъ бы повѣрить возможности столь колоссальной фальсифи-

каціи въ исторіи, но теперь пришелъ къ убѣжденію, что изъ всѣхъ разсказовъ и сообщеній объ еврейхъ, къ какой эпохѣ ни относились бы эти разказы—къ древнимъ временамъ, среднимъ вѣкамъ или даже къ временамъ новѣйшимъ, нѣтъ ни одного, который не представлялся бы самъ по себѣ подозрительнымъ. Каждый такой разказъ необходимо, поэтому, подвергнуть тщательнѣйшей критикѣ, прежде чѣмъ отнести къ нему съ довѣріемъ. Дѣло въ томъ, что разказы объ еврейхъ представляютъ собою отъ начала до конца сплошную ткань изъ лжи, клеветы и неумышленныхъ ошибокъ.

Всего любопытнѣе во всемъ этомъ, — хотя самъ по себѣ объясняется и очень просто, — тотъ фактъ, что даже евреи зачастую вѣрили этимъ сказкамъ, смотрѣли на нихъ какъ на истину. Еврейскіе лѣтописцы, лучшіе еврейскіе историки, не исключая даже и превосходнѣйшаго изъ нихъ, часто относились къ подобнымъ сказкамъ безъ всякаго недоувѣрія. Такъ, въ еврейскихъ лѣтописяхъ и у еврейскихъ историковъ можно прочесть изумительныя описанія колоссальнаго богатства евреевъ въ средніе вѣка, ихъ многочисленности, а также громаднаго вліянія, которымъ они пользовались у государей и при дворахъ. Въ средніе вѣка все относящееся до евреевъ представлялось остальнымъ смертнымъ въ колоссальне-увеличенномъ видѣ. Злополучные еврейскіе лѣтописцы наивно слѣдовали ходячимъ мнѣніямъ, для провѣрки которыхъ у нихъ не было средствъ. Новѣйшіе еврейскіе историки въ свою очередь слѣдовали показаніямъ лѣтописцевъ. Заблужденія, которыя они повторяли и распространяли, укоренились такъ прочно, что даже вы сами не повѣрите мнѣ сразу, когда я разоблачу нѣкоторыя изъ нихъ, и потому я варагѣе рассчитываю встрѣтить съ вашей стороны известное сопротивленіе.

Но я приведу совершенно неопровержимыя доказательства. Понятно, что нельзя въ одну публичную лекцію одолѣть такую обширную тему, хотя бы даже въ общихъ чертахъ. Я долженъ, поэтому, ограничиться представленіемъ нѣсколькихъ

отдѣльныхъ отрывковъ, не состоящихъ въ связи другъ съ другомъ. Отрывки эти будутъ, тѣмъ не менѣе, достаточными для уясненія фактовъ, которые я могу выставить на видъ.

I.

Первый отрывокъ будетъ имѣть заголовкомъ: «Геніальность евреевъ по части торговли». Держу пари, что всѣ вы думаете, слѣдуя общепринятому мнѣнью, что евреи рождаются уже торговцами и банкирами, что они созданы для того самою природою и что, по волѣ Провидѣнія, они обладаютъ изумительною инстинктивною способностью къ коммерческимъ операціямъ. И какъ могли бы вы этому не повѣрить? Всѣ говорятъ вамъ это и повторяютъ на всѣ лады. Нѣтъ ни одного писателя, который, говоря о евреяхъ, не указалъ бы прежде всего, на спеціальныя способности евреевъ къ торговлѣ и на необычайную ловкость и дѣловитость, обнаруживаемыя евреями во всѣхъ денежныхъ операціяхъ. Это само по себѣ представляется весьма пріятнымъ и заслуженнымъ комплиментомъ по адресу евреевъ. Съ нимъ соглашаются, ему вѣрятъ, и эта увѣренность становится настоящимъ догматомъ. Между тѣмъ, самимъ евреямъ надлежало бы не довѣрять комплинтамъ и вглядываться въ нихъ внимательнѣе. Похвалы еврейской торговой геніальности зачастую имѣютъ такой смыслъ, какъ если бы евреи обладали геніальностью и пониманіемъ лишь по отношенію къ торговлѣ, причемъ міръ возвышенныхъ чувствъ и благородныхъ идей остается для нихъ закрытымъ. Такая похвала евреямъ является, поэтому, скрытымъ оскорбленіемъ. Обладать такимъ еврейскимъ умомъ и такой геніальностью вовсе не лестно.

У меня здѣсь нѣтъ вѣсовъ для точнаго взвѣшиванія и опредѣленія умственныхъ способностей евреевъ. Я не стану говорить, въ избыткѣ скромности, чтобы евреи были менѣе интеллигентны, чѣмъ другіе народы. Не скажу также, воз-

держиваясь отъ противоположной крайности, чтобы евреи были интеллигентнѣе другихъ народовъ. По правдѣ сказать, я думаю, что въ отношеніи умственныхъ способностей евреи стоятъ на одномъ уровнѣ съ не-евреями. У евреевъ имѣются свои достоинства и недостатки. Въ своемъ прошломъ еврейскій народъ можетъ потягаться съ знаменитѣйшими народами древности, уступая имъ въ однихъ и превышая ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Можно сколько угодно распространяться на эту тему и я поостерегусь предлагать вамъ по этому поводу какое либо предвзятое мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, я вполне убѣжденъ и могу подтвердить неопровержимыми доказательствами, что евреи не были специально рождены для торговли и что если они обладаютъ въ этой отрасли человѣческой дѣятельности какими либо талантами, то не прирощенными, а благопріобрѣтенными.

Если бы евреи обладали прирощенною способностью къ торговлѣ, то очевидно, что ихъ предки, обитавшіе въ Палестинѣ, были бы уже въ то время торговцами, подобно финиціанамъ. Между тѣмъ, евреи не были тогда торговымъ народомъ. При царяхъ, до самаго вавилонскаго плѣненія, евреи были земледѣльцами и только земледѣльцами. Двое царей, Соломонъ и Иосафатъ, пытались завести черезъ Черное море торговые сношенія съ Офиромъ¹. Попытки эти были, однако, вскорѣ оставлены, такъ какъ подобныя экспедиціи не соответствовали настроенію и склонностямъ еврейскаго народа. Если бы евреи были торговцами въ душѣ, какъ это утверждаютъ, то очевидно, что коммерческій инстинктъ проявился бы въ нихъ, наконецъ, хотя во время вавилонскаго плѣненія, когда они были поставлены въ самое тѣсное соприкосновеніе

¹ Царствъ IX, 26—28; XXII, 49—50; II Паралипоменонъ, гл. XXXVI, изъ которой слѣдуетъ, повидимому, что іудеи при царѣ Осии владѣли нѣкоторое время прибрежьемъ, находившимся обыкновенно въ рукахъ финиціанъ. Не видно, чтобы это повело къ какому либо развитію или усиленію торговли среди евреевъ.

съ такимъ существенно торговымъ народомъ какъ халден. Тогда по возвращеніи изъ вавилонскаго плѣненія и въ эпоху второго храма палестинскіе евреи не стали бы заниматься почти исключительно земледѣліемъ, подобно своимъ предкамъ. Въ противность утвержденіямъ нѣкоторыхъ историковъ, вавилонское плѣненіе вовсе не преобразовало еврея изъ земледѣльца въ купца. Глава LXV Исаи, написанная во время плѣненія или даже по возвращеніи изъ него, ставитъ еще идеаломъ счастья мирное житіе земледѣльцевъ, которые насаждаютъ виноградники и потребляютъ плоды ихъ (стихъ 21). Для пророка Захаріи, жившаго въ Палестинѣ послѣ плѣненія, идеаль этотъ состоитъ въ отдыхѣ подъ виноградникомъ и смоковницей (глава III, ст. 10). Въ книгахъ Ездры и Нееміи говорится только о земледѣльцахъ и ремесленникахъ ¹. Государственное казначейство и храмъ существовали только налогами съ земледѣльческихъ продуктовъ. Религозныя празднества оставались земледѣльческими празднествами и царь изъ дома Ирода принимаетъ еще въ нихъ непосредственное участіе. Онъ лично несетъ въ храмъ первые плоды земли ². Еще въ царствованіе Калигулы сирийскій губернаторъ Петроній въ 40-мъ году по Р. X. беспокоится объ урожаѣ въ Палестинѣ и заявляетъ, что счелъ бы неурожаѣ тамъ чрезвычайнымъ бѣдствіемъ. Наконецъ, іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, современникъ разрушенію второго храма и, вѣроятно, знавшій не хуже нынѣшнихъ историковъ нравы и обычаи тогдашнихъ евреевъ, высказываетъ о нихъ слѣдующее замѣчательное сужденіе ³. «Земля наша не прилегаетъ къ морскому побережью. Мы не торгуемъ и не имѣемъ съ другими народами сношеній, возникающихъ изъ торговли. Наши города лежатъ вдали отъ моря, земля у насъ плодородная и мы обрабатываемъ ее собственными руками, стараясь болѣе всего о воспитаніи дѣтей на-

¹ См., между прочимъ, главы V и XIII Нееміи.

² Агриппа I, отъ 40 до 44 года христіанской эры.

³ Противъ Анниова, книга I, н° 12.

шихъ и о соблюденіи закона... Этимъ объясняется, что у насъ въ прежнія времена не было съ греками такихъ сношеній, какія поддерживали съ ними египтяне, благодаря своей ввозной и вывозной торговлѣ, или жители морского побережья—финикияне, занимавшіеся изъ любви къ деньгамъ торговыми сдѣлками и оборотами». Другими словами—Иосифъ категорически заявляетъ, что у евреевъ не было ни малѣйшей склонности къ торговлѣ ¹.

Какимъ же образомъ стали евреи торговцами?

Они сдѣлались торговцами въ Александріи ², благодаря грекамъ и по примѣру грековъ ³. Евреи въ своихъ малоазійскихъ колоніяхъ послѣ македонскаго завоеванія стали торговцами опять-таки по примѣру грековъ. Наконецъ, въ средніе вѣка они сдѣлались торговцами также и въ Европѣ по той простой причинѣ, что съ ними поступали тогда, какъ съ чужеземцами, принуждали ихъ жить исключительно въ городахъ и не дозволяли имъ владѣть землей. Всѣ другія профессіи были для евреевъ въ то время почти закрыты. Не трудно доказать, что въ средніе вѣка существовалъ настоящій заговоръ между законами, общественнымъ мнѣніемъ, свѣтскими и духовными властями, дабы заставить евреевъ сдѣлаться торговцами и банкирами, не дозволяя имъ стать ничѣмъ инымъ. Я не стану теперь пускаться въ доказательства этого положенія, что завлекло бы меня слишкомъ далеко. Позволю себѣ только констатировать, что, посвятивъ себя торговлѣ, евреи очевидно

¹ Правда, что Иосифъ хочетъ объяснить этии соображеніями—почему евреи были неизвѣстны грекамъ. Очевидно, однако, что, описывая социальное и экономическое положеніе евреевъ, онъ не дѣлаетъ никакого различія между прежними евреями и своими современниками.

² Евреи, жившіе близъ храма Оніа, несомнѣнно, занимались земледѣліемъ.

³ Бесполезно было бы настаивать на томъ, что греки на самомъ дѣлѣ обладали необыкновенными способностями въ торговлѣ. Сами римляне, сдѣлавшіеся такими сѣлками и безцеремонными спекуляторами, заимствовали у грековъ technicalныя выраженія, употреблявшіеся для обозначенія спекулятивныхъ сдѣлокъ. Лица, занимавшіеся такими сдѣлками, назывались у римлянъ греками. См. Антонина Делума: „Les Manieurs d'argent à Rome“ (Парижъ, 1890, стр. 179).

выказали на торговомъ поприщѣ тѣ качества ума, дѣятельности, смѣлаго почина и предприимчивости, которыми надѣлили ихъ природа и воспитаніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они обладали достаточными капиталами (а это было, сравнительно, рѣдко), они могли съ честью выдержать сравненіе съ негоціантами любой другой націи.

Если фактъ прирожденной склонности къ торговлѣ считать преступленіемъ, то евреевъ надо будетъ признать совершенно неповинными въ такомъ преступленіи. Дѣйствительными преступниками окажутся представители тѣхъ самыхъ расъ, о которыхъ говорятъ, будто онѣ стоятъ неизмѣримо выше семитической расы, какъ, напримѣръ, древніе и нынѣшніе греки, венеціанцы, генуэзцы, пизанцы и вообще всѣ итальянцы ¹, нынѣшніе армяне и, какъ утверждаютъ, также англичане. Евреи, напротивъ того, не имѣли прирожденной склонности къ торговлѣ. Никогда не было народа болѣе привязаннаго къ земледѣлію, чѣмъ евреи. Всѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ ихъ исторіи въ Палестинѣ въ теченіи первыхъ двухъ-трехъ вѣковъ по Р. Х. свидѣтельствуютъ, что еще и въ то время они жили почти исключительно земледѣліемъ ². Все, что рассказываютъ о такъ называемомъ коммерческомъ геніѣ евреевъ, является чистѣйшею нелѣпостью, если понимать этотъ геній въ смыслѣ прирожденнаго національнаго предрасположенія. Истина оказывается здѣсь прямо противоположною легендѣ.

II.

Перехожу къ другому пункту. Говорятъ, что евреи богаты, и я убѣжденъ, что вы также этому вѣрите. Признаться, я и

¹ Технические термины, повсемѣстно употребленные въ торговлѣ и въ особенности въ банковомъ дѣлѣ, были первоначально итальянскаго происхожденія, впоследствии же ихъ стали заимствовать у англичанъ.

² Существенная часть Мишны, сборника гражданскихъ и религіозныхъ законовъ, составленнаго въ Іудей въ концѣ второго столѣтія по Р. Х., посвящена земледѣлію и земледѣльческимъ продуктамъ.

самъ желалъ бы раздѣлять ваше убѣжденіе. Хотя, пожалуй, и не во всѣхъ отношеніяхъ удобно быть Ротшильдомъ, тѣмъ не менѣе я бы желалъ, чтобы не только евреи, но и нападающіе на нихъ сдѣлались Ротшильдами хотя бы въ миниатюрѣ. Къ сожалѣнію, мы и въ данномъ случаѣ оказываемся во власти легенды. На самомъ дѣлѣ евреи вовсе не богаты, а, напротивъ того, бѣдны, ужасающе бѣдны! Это чистая истина и я тотчасъ же представлю ей надлежащее доказательство. Иллюзія еврейскаго богатства объясняется тѣмъ, что во всѣхъ государствахъ имѣется нѣсколько богачей-евреевъ, образующихъ собою какъ бы занавѣсъ, за которымъ скрывается нищета большинства ихъ единовѣрцевъ. Впрочемъ, если бы эти богачи не были евреями, то на нихъ, вѣроятно, даже не обратили бы особеннаго вниманія. Кто, напримѣръ, знаетъ здѣсь фамиліи англійскихъ лордовъ, столь же богатыхъ и болѣе богатыхъ, чѣмъ Ротшильды? Кому извѣстны фамиліи американскихъ милліонеровъ: Вандербильдтовъ, Гульдтовъ и т. п.?¹ Имя же Ротшильдовъ, напротивъ того, знаютъ всѣ. Недавно еще мнѣ довелось прочесть въ описаніи путешествія одного француза по азіатскимъ ханствамъ, что одинъ изъ хановъ, съ которымъ ему пришлось говорить объ евреяхъ, прежде всего назвалъ Ротшильда. Крупный еврейскій банкиръ пользуется привилегіей возбуждать общее вниманіе, зависть и ненависть, именно потому, что онъ еврей. Само собой разумѣется, что его деньги являются общею собственностью всѣхъ евреевъ и что всѣ евреи—тѣ же Ротшильды.

Спрашивается: существуетъ-ли такой государственный, религіозный, или же естественный законъ, который воспрещалъ бы евреямъ богатѣть, дозволяя это христіанамъ? Имѣется-ли высшая

¹ Умершій нѣвѣдней весной американскій богачъ Асторъ оставилъ послѣ себя состояніе почти въ 200 милліоновъ рублей золотомъ. Между тѣмъ въ Европѣ лишь немногіе знали о его существованіи, тогда какъ о Ротшильдѣ, безъ преувеличенія, извѣстно всему міру. См. Варинъ: „Les grandes fortunes aux États-Unis et en Angleterre“ (Парижъ, 1889, стр. 30—31). Асторъ помѣщенъ тамъ на седьмомъ мѣстѣ въ ряду крупнѣйшихъ милліонеровъ.

норма, за которую не должны заходить состоянія, принадлежащія евреямъ? Почему именно еврейскіе капиталы не могутъ считаться столь же законными, какъ и капиталы, принадлежащіе не-евреямъ? На это нельзя привести рѣшительно никакой основательной причины, кромѣ развѣ того, что еврейскіе капиталы принадлежатъ именно жидамъ. Такая причина могла бы считаться основательною въ средніе вѣка. Она можетъ быть хороша и теперь въ глазахъ людей, ослѣпленныхъ религіозной ненавистью или предразсудкомъ, но сомнѣваюсь, чтобы она могла показаться достаточно основательною разсудительному и честному человѣку, къ какой бы расѣ и странѣ онъ ни принадлежалъ и какую бы религію онъ ни исповѣдывалъ.

Опредѣленіе размѣра еврейскихъ богатствъ представляетъ собой весьма трудную и щекотливую задачу. Вотъ, что заставляетъ меня предполагать, что евреи даже во Франціи (о другихъ странахъ я тотчасъ же буду говорить) далеко не такъ богаты, какъ это вообще утверждаютъ и какъ убѣждены въ этомъ даже многіе евреи. Возьмемъ для примѣра Парижъ, являющійся во всѣхъ отношеніяхъ исключительнымъ городомъ. По разнымъ причинамъ, въ особенности же благодаря господствующему во Франціи либеральному духу, Парижъ притягиваетъ къ себѣ изъ-за границы по преимуществу богатыхъ евреевъ. Не смотря на это, оказывается, что парижскимъ евреямъ было очень трудно выстроить себѣ синагоги. При всемъ своемъ желаніи и не взирая на содѣйствіе со стороны города, имъ не удалось сдѣлать этихъ синагогъ зданиями величественнаго, монументальнаго характера. Для сокращенія расходовъ пришлось мѣстами употребить при сооруженіи синагогъ матеріалы не перваго сорта. Допустимъ, что результатъ этотъ долженъ быть отчасти приписанъ религіозному индифферентизму богатыхъ еврейскихъ семействъ; но въ такомъ случаѣ ихъ почти не стоитъ и причислять къ евреямъ. Они еврейскія только по имени и по всей справедливости подлежатъ исключенію изъ списковъ еврейскаго народа. Могу указать еще и на

другой симптомъ. Всѣ интересующіеся еврейскими благотворительными заведеніями въ Парижѣ знаютъ, что поддержка этимъ заведеніямъ оказывается не болѣе какъ 2,500 лицами, многія изъ которыхъ участвуютъ въ этой поддержкѣ лишь довольно малыми взносами. Въ числѣ 36,000—40,000 парижскихъ евреевъ¹ должно быть приблизительно 8,000 отцовъ семействъ. Изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, 5,000 оказываются, слѣдовательно, неспособными удѣлять хотя бы даже самую ничтожную сумму на общинные расходы. Мнѣ кажется, что это не можетъ считаться признакомъ особеннаго благосостоянія.

Согласенъ, что приведенное доказательство не можетъ считаться абсолютно строгимъ, но въ подобныхъ вопросахъ абсолютная точность и строгость представляются немислимыми. Надо принять къ тому же во вниманіе, что существуютъ серьезные поводы считать подозрительнымъ все, что говорилось и до сихъ поръ говорится о богатствѣ евреевъ. Въ теченіи вѣхъ среднихъ вѣковъ и ближайшихъ къ намъ столѣтій повсемѣстно кричали, будто евреи захватываютъ въ свои руки всѣ богатства. Позволю себѣ спросить, что же случилось съ этими баснословными богатствами? Куда они дѣвались? Кто можетъ указать въ современномъ еврействѣ крупное состояніе, существующее хотя бы одно столѣтіе? Какое изъ нынѣшнихъ крупныхъ еврейскихъ состояній продержится хотя бы въ теченіи вѣка? Немножко больше терпѣнія! Эти крупныя состоянія исчезнуть и, въ большинствѣ случаевъ, перейдутъ естественнымъ путемъ къ христіанамъ, куда ихъ притягиваетъ своеобразная магнетическая сила, которая проявляла свою дѣятельность въ прошломъ и, повидимому, нисколько не ослабѣла и теперь. Во время французской революціи, когда подготавлилась во Франціи эмансипація евреевъ, весь христіанскій Эльзасъ признавалъ себя погибшимъ, утверждая, что всѣ земли тамъ находятся въ закладѣ у евреевъ и

¹ Въ 1884 году въ Парижѣ умерло 637, въ 1885—620, а въ 1886—686 евреевъ. Цифры эти указываютъ, что численность еврейскаго населенія въ Парижѣ должна быть около 40,000.

что, ставъ полноправными гражданами, евреи разомъ поглотятъ христіанъ. Много-ли было правды во всѣхъ этихъ искреннихъ или притверныхъ опасеніяхъ? Многіе изъ насъ, эльзасскихъ уроженцевъ, могутъ отвѣтить на это, что въ упомянутыхъ опасеніяхъ не было ровне ни на волосъ истины. Эльзасское еврейство, которое мы знали въ нынѣшнемъ вѣкѣ, было на самомъ дѣлѣ въ бѣдности. Крупныя состоянія сводились въ общей сложности къ очень немногому, а большинство эльзасскихъ евреевъ влечило свою жизнь почти къ нищетѣ.

Таково было, впрочемъ, всегдашнее положеніе евреевъ не только въ Эльзасѣ, но и въ другихъ странахъ. Мнѣ пришлось разбирать ¹ книгу счетовъ города Везуля начала XIV столѣтія. Что же я узналъ изъ этой книги? Что у везульскихъ евреевъ, разумѣется, имѣлись деньги, но что за ними стояли христіанскіе банкиры, ломбарды, у которыхъ было гораздо больше денегъ и которые зачастую сужали ими евреевъ. Впослѣдствіи я имѣлъ возможность изучить въ сочиненіи о марсельской торговлѣ въ XIII вѣкѣ ² торговыя операціи, производившіяся въ этомъ городѣ. И что же оказалось при этомъ? Съ одной стороны, тамъ были крупныя, богатыя, могущественныя христіанскія фирмы, обладавшія большими капиталами и возможностью предпринимать грандіозныя операціи, и тутъ же рядомъ съ ними существовали дѣятельные, трудолюбивые, предприимчивые евреи, подыскивавшіе выгодныя сдѣлки въ отдаленныхъ странахъ, но едва поддерживавшіе свое существованіе за отсутствіемъ денежныхъ средствъ. Это были ничтожныя бѣдняки по сравненію съ крупными христіанскими капиталистами. Въ другой разъ я нашелъ въ еврейской рукописи разсказъ о налогѣ, который былъ взятъ съ перпиньянскихъ евреевъ въ 1413 году и распределенъ между ними про-

¹ Revue des Études juives, томъ VIII и IX „Deux livres de commerce“.

² Revue XVI, 73, по Балакару „Documents inédits sur le commerce de Marseille au moyen âge“ (Марсель, 1884—85).

порціонально ихъ состоянію ¹. Каждый отецъ семейства обязанъ былъ показатъ подъ присягой въ присутствіи раввина и передъ сверткомъ закона, какъ велико его состояніе. За лже-свидѣтельство налагалась большая кара, а потому имѣется основаніе думать, что ложныхъ показаній было немного. Съ помощью этихъ показаній я могъ выяснитъ, что перпиньанскіе евреи были весьма небогаты и что средняя состоятельность у нихъ была ниже нынѣшней средней состоятельности всего французскаго населенія. Просматривая архивы въ Карпентрасѣ, мы видимъ, что въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ еврейская община была тамъ въ зависимости отъ христіанскихъ кредиторовъ, что она была обременена долгами и вынуждена прибѣгать къ новымъ займамъ ². Еврейскіе банки въ Авиньонѣ и въ Карпентрасѣ были только дѣтскими игрушками по сравненію съ итальянскими банками, существовавшими въ тѣхъ же городахъ ³. Вотъ каково было въ средніе вѣка богатство евреевъ!

Вернемся теперъ къ новѣйшимъ временамъ. Если только что представленныя соображенія относительно состоятельности

¹ Revue, XIV, 55.

² Annuaire de la Société des Études juives, 1-й годъ (1881), стр. 261 и слѣд. О богатыхъ bankersкихъ домахъ тамплиеровъ и крупнѣхъ операціяхъ, которыя они производили, см. у Леопольда Делля: „Memoire sur les opérations financières des Templiers“ (Парижъ, 1889), и у Лавока: „Procès des Frères et de l'Ordre du Temple“ (Парижъ, 1888), стр. 45—46. Тамплиеры ежегодно зарабатывали своими финансовыми операціями до 57 милліоновъ франковъ на нынѣшніе деньги.

³ Р. де-Моль „Les Juifs dans les États français du Saint-Siège“ (Парижъ, 1886), стр. 9. О состоятельности евреевъ въ Вальдолоидѣ въ Испаніи въ 1388 году. См. Revue XVIII, 137. Ригоръ и всѣ послѣдующіе историки утверждали, будто въ царствованіе Филиппа-Августа еврейскіе принадлежали въ Парижѣ половина домовъ. Это, очевидно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ оптическихъ иллюзій, которымъ такъ часто подвержены враги евреевъ. Въ „Catalogue des Actes de Philippe-Auguste“, обнародованномъ Леопольдомъ Деллемъ, упоминается еврейская синагога въ Парижѣ (n° 81), 24 еврейскихъ дома (n° 86), и еще одинъ еврейскій домъ (n° 1186). Каталогъ, безъ сомнѣнія, не полонъ, но изъ содержащихся въ немъ данныхъ можно составитъ себѣ достаточно правдливое сужденіе о негнѣстѣ завлеченія Ригора.

парижскихъ евреевъ не могутъ быть признаны вполне доказательными, то вполне достоверно, бесспорно и несомненно, что евреи, рассматриваемые все вообще и въ массѣ, живутъ въ бѣдности, нищетѣ и умирая съ голода. Численность евреевъ на всемъ земномъ шарѣ простирается, какъ вообще полагаютъ, до семи милліоновъ. Изъ этого числа съ трудомъ отыщется полтора милліона такихъ, положеніе которыхъ можно признать хотя сколько нибудь удовлетворительнымъ. Къ такой сравнительно счастливой категоріи я причисляю евреевъ во Франціи, въ Англіи, Германіи, Италіи, Австріи, въ нѣкоторой части Венгріи, нѣсколько другихъ небольшихъ еврейскихъ группъ въ Европѣ и, наконецъ, евреевъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Во всехъ прочихъ странахъ и частяхъ свѣта евреи живутъ въ страшной бѣдности. Въ Европейской и Азіатской Турціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, даже частью въ Венгріи, въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ, Триполи и въ Персіи—они находятся въ крайней нищетѣ. Въ восточной и южной Россіи, а также въ Галиціи, нищета эта достигаетъ еще болѣе ужасающихъ размѣровъ. Крайняя нищета до такой степени отражается на здоровьѣ русскихъ евреевъ, запертыхъ въ громадное гетто, скрапшенное названіемъ «черты осѣдлости», что новобранцы изъ евреевъ отличаются отъ всехъ прочихъ значительно меньшимъ обхватомъ грудной клѣтки. Такимъ образомъ, изъ семи милліоновъ евреевъ по меньшей мѣрѣ пять милліоновъ живутъ въ самой страшной бѣдности¹. Если принять во вниманіе, что болѣе состоятельные евреи дружныхъ странъ считаютъ долгомъ помогать бѣдствующимъ своимъ соплеменникамъ и что западно-европейскіе евреи, вслѣдствіе оказываемаго на нихъ нравственнаго давленія, вы-

¹ Итого этотъ составляютъ слѣдующимъ образомъ (совершенно выпускаю Венгрію): въ Европейской и Азіатской Россіи 3,500,000 евреевъ, въ австрійской Галиціи 700,000, въ Румыніи и Сербіи 300,000, въ Европейской и Азіатской Турціи 300,000, въ Персіи 20,000 и въ Африкѣ 200,000, а всего пять милліоновъ бѣдствующихъ евреевъ.

нуждены нести большія тягости, чѣмъ ихъ сограждане другихъ вѣроисповѣданій, то окажется, что экономическое положеніе евреевъ далеко не представляетъ собою чего либо завиднаго. Они не богаты, а между тѣмъ непремѣнно требуется, чтобы они были таковыми. Ихъ вездѣ эксплуатируютъ хотя понемногу, иногда даже и весьма сильно, а между тѣмъ кричать, будто они-то и являются эксплуататорами. Все это легенда, одна только легенда!

III.

Съ легендой вы встрѣчаетесь всюду. Она поджидаетъ васъ у каждаго закоулка. Она превращаетъ евреевъ въ скрягу въ то время, когда они, на самомъ дѣлѣ, выказываютъ необычайную щедрость въ дѣлахъ благотворительности¹; она провозглашаетъ евреевъ малодушными трусами, въ то время какъ дѣйствительные факты древней, новой и даже самоновѣйшей исторіи блистательно протестуютъ противъ такого приговора². Легенда называетъ евреевъ матеріалистами, хотя они въ теченіи многихъ вѣковъ жертвуютъ собою своимъ религіознымъ вѣрованіямъ; она обвиняетъ евреевъ въ томъ, что они сторонятся отъ христіанскаго общества, когда на самомъ дѣлѣ само христіанское общество сторонится отъ евреевъ. Легенда утверждаетъ, будто евреи считаютъ людей всѣхъ другихъ расъ и вѣроисповѣданій совершенно чуждыми себѣ, тогда какъ древніе еврейскіе пророки, напротивъ, впервые провозвѣстили и

¹ По крайней мѣрѣ въ Парижѣ любая подписка съ благотворительною цѣлью служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что евреи жертвуютъ, сравнительно, гораздо больше чѣмъ прочіе парижане.

² На первомъ планѣ символической картины Мейсонье, изображающей осаду Парижа въ 1870 году, находится еврей Франкетти. Когда недавно въ германскомъ рейхстагѣ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что евреи въ германской арміи находятся въ состояніи фактической невозможности дослужиться до офицерскихъ чиновъ, хотя и не существуетъ закона, который бы этому препятствовалъ, никто не рѣшился сказать, чтобы эта фактическая невозможность обуславливалась недостаткомъ у нихъ воинской доблести.

объявили желательною эру всечеловѣческаго братства, а на первой страницѣ еврейской Библии прямо провозглашается единство рода человѣческаго.

Чаще всего упрекають евреевъ въ пристрастіи къ биржевымъ спекуляціямъ и ростовщичеству. Жестокаго и безсердечнаго заимодавца называютъ жидомъ. Чтобы составить себѣ понятіе о справедливости этихъ обвиненій, достаточно вспомнить о томъ, что колоссальнѣйшею спекуляціей, занесенною въ лѣтописи исторіи, была спекуляція Лоу. Между тѣмъ, самъ Лоу не принадлежалъ къ еврейской національности, да вообще въ то время не было еще евреевъ въ Парижѣ и почти не было ихъ во Франціи ¹. Прочтите исторію краха «Union générale» даже у писателей, относящихся благосклонно къ этому банку, и вы увидите, какой разнузданной и безразсудной спекуляціей предавалось, напримѣръ, все населеніе города Ліона, въ которомъ, сколько мнѣ извѣстно, насчитывается не особенно много евреевъ ². Евреевъ упрекають въ ростовщичествѣ, а между тѣмъ челоуѣкъ, пользующійся повсюду величайшимъ авторитетомъ, недавно заявлялъ, что сами христіане заставили евреевъ давать деньги въ ростъ ³. Позволю себѣ присовокупить, что они буквально, въ строжайшемъ смыслѣ этого слова, принудили евреевъ сдѣлаться заимодавцами подъ проценты. Замѣчу также, что легенда о жидѣ-ростовщикѣ въ нынѣшней ея формѣ произошла, если можно такъ выразиться, вслѣдствіе игры словъ. Въ средніе вѣка всякая ссуда подъ проценты называлась ростовщичествомъ, такъ что это слово было только синонимомъ ссуды подъ проценты. Современная легенда о жидѣ-ростовщикѣ, заимствованная у средневѣковыхъ лѣтописцевъ, приобрѣла совер-

¹ См. Аликс де-Женезе «Les financiers d'autrefois» (Парижъ, 1886, стр. 47): «При дворѣ насчитывалось всего лишь челоуѣкъ пять, не принимавшихъ участія въ этихъ спекуляціяхъ».

² Луи Рейно „L'Année financière“ (1-й годъ, Парижъ, 1888, стр. 71, 73): Еврейское населеніе Ліона простирается не болѣе, какъ до 1,300—1,400 душъ.

³ Эрнестъ Ренавъ. См. „Figaro“ отъ 21-го января 1890.

ненно иное значеніе вслѣдствіе того, что смыслъ слова ростовщикъ радикально измѣнился. Средневѣковое ростовщичество представляло собой ссуду подъ проценты, совершенно законную по существу и воспрещавшуюся единственно лишь вслѣдствіе религіознаго предразсудка. Если бы отъ легенды можно было ожидать хотя нѣкоторой добросовѣстности, она перевела бы средневѣковое выраженіе на современный языкъ, и вмѣсто жидка-ростовщика въ ней фигурировалъ бы еврей-заимодавецъ, но въ такомъ случаѣ она не была бы легендой. Изъ книгъ, написанныхъ въ древнія времена, быть можетъ, не найдется ни одной, въ которой ростовщичество осуждалось бы энергичнѣе, чѣмъ въ Библии, относящейся къ ростовщику съ величайшимъ презрѣніемъ. Если хотите познакомиться съ народомъ, занимавшимся ростовщичествомъ вполнѣ добровольно и безъ всякаго внѣшняго принужденія, взгляните, напримѣръ, на древнихъ римлянъ, прочтите исторію ихъ *foeneratores*, обычныхъ у нихъ краткосрочныхъ ссудъ подъ громадныя проценты, припомните себѣ періодическія возстанія, вызывавшіяся у нихъ нищетою народа, разореннаго въ конецъ ростовщичествомъ патриціевъ. Самъ Катонъ, добродѣтельный Катонъ, такъ безпощадно громившій ростовщичество въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, на самомъ дѣлѣ былъ весьма беззащитнымъ ростовщикомъ, а добродѣтельный Брутъ давалъ деньги въ ростъ по 48 проц.¹ Умѣстно будетъ также ознакомиться съ ростовщичествомъ въ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ и выяснить себѣ, какъ оно практиковалось знаменитыми христіанскими заимодавцами — ломбардами и каорсенами². Можно привести по этому поводу

¹ О разнузданности спекуляціи у римлянъ, о римскихъ маклерахъ, банкирахъ, купцахъ, о жадности римлянъ, объ ихъ страсти къ наживѣ, о биржевыхъ маневрахъ, о разграбленіи провинцій, которое было организовано легальнымъ порядкомъ и практиковалось съ непреклоннымъ жестокосердіемъ — см. Антона Делума „Les Maniegers d'argent à Rome“.

² Въ средніе вѣка флорентійскіе банки были такъ распространены, что ихъ считали незыблемо необходимыми всюду и называли пятимъ элементомъ, см. В. Ромеръ. *Nationalökonomie*, 4-е изд., стр. 278, прим. 8.

довольно интересное мѣсто изъ средневѣковой хронки; гѣто-писецъ, рассказавъ въ стихахъ, какъ въ 1306 г. евреи были изгнаны изъ Франціи Филиппомъ Красивымъ, присовокупляетъ ¹:

Je dis, seingnors, comment qu'il aille,
Que Pénitencia en fut bonne;
Més pire en est mainte personne
Qui devenu est usurier...
Dont toute povre gent se deult (s'afflige),
Car Juifs furent debonères,
Trop plus en faisant telz affères,
Que ne sont ore crestien,
Pleige demandent et lien,
Gages demandent et tant estorchent (extorquent),
Que les gens plument et escorchent.

(Могу сказать, господа, что изъ этого произошло; намѣреніе было хорошее, но тѣмъ хуже оказались многіе люди, сдѣлавшіеся ростовщиками... Весь бѣдный людъ скорбитъ отъ этого, такъ какъ евреи въ такихъ дѣлахъ были добродушнѣе, чѣмъ обыкновенно оказываются христіане. Христіанскіе ростовщики требуютъ отъ своихъ должниковъ массу поручительствъ, обязательствъ и залоговъ и столько выжимаютъ изъ своихъ должниковъ, что ощипываютъ у нихъ всѣ перья и даже сдираютъ кожу).

Это, разумѣется, очень интересно и поучительно. Можно было бы сослаться на множество такихъ документовъ. Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ является «Пляска мертвыхъ» Альбрехта Дюрера, написанная на стѣнахъ базельскаго собора. Въ числѣ изображенныхъ тамъ лицъ, разумѣется, долженъ быть жидъ, но рядомъ съ жидомъ нарисованъ ростовщикъ, не принадлежащій къ еврейской національности ². Въ статьѣ,

¹ „Recueil des historiens de France“, хроника въ стихахъ, приписываемая Жоффруа Паризскому, стихъ 3101 и слѣд. „Давно того времени,—говоритъ Лавока (тамъ же, стр. 97),—было неудержимое стремленіе къ наживѣ, а также къ скражничеству и ростовщичеству“.

² Рѣшительно во всѣхъ изображеніяхъ пляски мертвыхъ встрѣчаются эти два лица. Упомянутое художественное произведеніе относится къ XV вѣку.

по поводу замѣчательнаго сочиненія Янсена о послѣднихъ временахъ среднихъ вѣковъ, г. Бюрдо пишетъ ¹: «Евреи были предметомъ народной ненависти, но ростовщики изъ христіанъ превосходили ихъ алчностью. Богатства, нажитыя нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ, доходили до скандальныхъ размѣровъ. Такъ, Фургеръ изъ Аугсбурга въ 7 лѣтъ увеличилъ свое состояніе на 13.000,000 флоринновъ» ². Этіаннъ Бурбонскій, христіанскій проповѣдникъ, жившій въ тринадцатомъ столѣтіи во Франціи, часто съ негодованіемъ упоминаетъ о ростовщикахъ изъ христіанъ ³. Уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, въ 1146 году, Бернаръ изъ Клерво жалуется на христіанъ foeneratores, бывшихъ, по словамъ его, хуже жидовъ. Не трудно было бы составить какой угодно длинный списокъ ереднавѣковыхъ германскихъ и французскихъ писателей, жаловавшихся на безцеремонное ростовщичество у христіанъ ⁴. Съ 1394 года, когда евреи были изгнаны изъ Франціи, и до самой революціи, евреевъ во Франціи не было нигдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей на окраинахъ, а тѣмъ не менѣе ростовщичество во Франціи процвѣтало въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ нисколько не хуже, чѣмъ въ средніе вѣка. Стоитъ только вспомнить забавную сцену у Мольера въ «Скупомъ»

¹ Revue des deux Mondes, отъ 15-го апрѣля 1888 г., стр. 916, по поводу книги Янсена: „Die allgemeine Zustände des deutschen Volkes beim Ausgang des Mittelalters“.

² Надо принять во вниманіе, что деньги обладали въ то время несравненно большей покупной силой. Состояніе Фургеровъ въ 1544 году опредѣлялось въ 68 милліона флоринновъ и про нихъ рассказывали въ 1575 г., что они могли бы купить на эти деньги кѣлое государство (Ромеръ loc. cit., стр. 78, прим. 12, и стр. 279, прим. 10).

³ Этіаннъ Бурбонскій, „Anecdotes historiques“ (Парижъ, 1877 г.), стр. 274, 334, 361 — 369. См. также „Facéties“ Пожа, гдѣ часто идетъ рѣчь про ростовщиковъ изъ христіанъ и гдѣ рассказывается, между прочимъ, какъ одинъ изъ ростовщиковъ былъ обращенъ евреемъ на путь истинны. Въ Пизано евреи вѣняли по есудамъ 20%, въ то время какъ христіанскіе банки брали по 40% (см. статью Ива въ Revue II, 180, примѣч. 1).

⁴ Гудеманъ въ трехъ томахъ своей „Geschichte des Erziehungswesens“ нтался составить подобный списокъ (см. у него въ оглавленіи слово „Wucher“).

(дѣйствие 2-е, сцена 1-я), гдѣ ростовщикъ, очевидно знавшій свое ремесло, находитъ способъ къ увеличенію и безъ того уже громадной своей наживы, продавая своему клиенту разный хламъ, въ томъ числѣ итальянскую лютню, у которой всѣ или почти всѣ струны цѣлы, и чучело ящерицы въ 3½ фута длины—интересную и забавную вещицу, которую можно подвѣсить у себя въ квартирѣ къ потолку комнаты. Этотъ пріятный путешникъ беретъ по ссудамъ болѣе 56% въ годъ ¹. Въ словарь Ляттре, подъ заголовками: *denier, usure, usurier*, приведены интересные примѣры, заимствованные у французскихъ писателей, между прочимъ, у Буало, г-жи де-Ментенонъ и Лесажа ². Во Франціи имѣлись арендаторы и генеральные откупщики податныхъ сборовъ, пользовавшіеся очень дурною репутациею, хотя никто изъ нихъ не былъ евреемъ. Неоднократно приходилось созывать для суда надъ ними особыя судебныя палаты ³. Тюркаре былъ привлеченъ къ отвѣтственности въ 1703 г. Онъ не принадлежалъ къ еврейской национальности, такъ какъ во Франціи тогда не было евреевъ. Въ наши времена Бельгія, гдѣ почти нѣтъ евреевъ, вынуждена была въ 1857 г. возстановить законы противъ ростовщичества, отмѣненные въ 1849 г. Швеція, гдѣ не найдется и 3,000 евреевъ, вынуждена была издать строгіе законы противъ ростовщиковъ. Въ Испаніи, гдѣ вовсе или почти нѣтъ евреевъ, ростовщичество процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо ⁴. Очевидно, что не одни только евреи занимаются ростовщичествомъ ⁵.

¹ Онъ даетъ въ долгъ 12,000 ливровъ и получаетъ въ концѣ года 18,833 ливра.

² См. также у Дюканжа слово *usurarii*.

³ Такъ, напр., въ 1716 г., причѣмъ въ декретѣ о созваніи судебной палаты говорится объ ужасающихъ лихвонныхъ процентахъ, которые вѣнчали эти откупщики съ плательщиковъ податей. См. Оскаръ де-Валле „*Les Manieures d'argent*“ (Парижъ, 1857, стр. 62).

⁴ См. официальный протоколъ засѣданія австрійскаго рейхстага 7-го февраля 1890 г., стр. 13327.

⁵ Въ послѣднихъ числахъ февраля 1890 года въ парижскихъ газетахъ шла

Позволю себѣ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ, приобретающемъ до известной степени современный интересъ, вслѣдствіе постановки шекспировскаго Шейлока на одномъ изъ парижскихъ театровъ и благодаря статьямъ написаннымъ по этому поводу различными театральными критиками ¹. Я долженъ прежде всего признать, что г. Гарокуръ, авторъ французской драмы, заимствованной изъ Шекспира ², отнесся къ ней какъ къ художественному произведенію съ высокими совнаніемъ миссіи поэта и не гоняясь за низменнымъ усиліемъ въ выраженіи низменныхъ же страстей. Я долженъ также отозваться съ величайшею похвалою объ авторѣ одного изъ фельетоновъ, написанныхъ по поводу этой пьесы ³. Онъ при этомъ снова выказалъ замѣчательную правильность сужденія и тонкое чутье критика, угадавъ безъ предварительнаго историческаго изученія драмы Шекспира, что Шейлокъ англійскаго поэта не слѣдуетъ разсматривать какъ трагическое или хотя бы серьезное драматическое произведеніе; что эта пьеса представляетъ собою нѣчто въ родѣ оперетки, имѣвшей единственною цѣлью позабавить грубую публику простодушныхъ моряковъ, для которой она сперва предназначалась. «Правда, что Шейлокъ злобно поглядываетъ на своего должника, осыпаетъ его самыми бѣшенными угрозами и точитъ при всей публикѣ ножъ, которымъ собирается вырѣзать у него изъ груди кусокъ мяса. Тѣмъ не менѣе, видя на адвокатской трибунѣ безбородое личико прелестной Порціи, никто въ театральной залѣ не

рѣчь о ростовщикѣ, ссудившемъ звуку Виктора Гюго 240,000 франковъ. Изъ этой суммы 80,000 были даны деньгами, 160,000 кирпичами, которыми должникъ разумеется, не воспользовался. Другой законодатель (см. „Temps“ 2-го марта 1890 г.), ссудилъ 80,000 франковъ, заставилъ должника подписать вексель на сумму 418,500 франковъ. Ни одинъ изъ этихъ ростовщиковъ не былъ евреемъ.

¹ Между прочимъ Сарсэ и Жюльенъ Леметромъ въ „Temps“ и „Débats“ отъ 23-го декабря 1889 г.

² Г. Сарсэ.

³ Эдмонъ Гарокуръ, „Shylock, comédie en trois actes et sept tableaux, en vers“ (Парижъ, 1889 г.).

можетъ хотя бы на мгновенье боятся за участь должника. Публика, очарованная этою волшебною сказкой, заранее увѣрена, что негодяй (Шейлокъ), не понимающій, чтобы на свѣтъ могло существовать что нибудь могущественнѣе денегъ, останется съ носомъ... Дѣйствительно, на его большой крючкова-тый носъ сыплются со всѣхъ сторонъ щелчки, и Шейлокъ уходитъ, совсѣмъ пристыженный и сконфуженный. Вслѣдъ ему несутся дружнымъ хоромъ насмѣшки».

Исторія шекспировскаго Шейлока свидѣтельствуетъ объ невнимательной вѣрности этихъ замѣчаній. Здѣсь были уже прочтены превосходный этюдъ объ этой пьесѣ¹. Если, однако, память меня не обманываетъ, то въ этомъ этюдѣ почти не разсматривался вопросъ о происхожденіи Шейлока. Я, вѣроятно, очень удивлю нѣкоторыхъ театральныхъ критиковъ, сообщивъ имъ, что Шекспиръ вовсе не изобрѣталъ исторіи о фунтѣ мяса, который собирался вырѣзать у своего должника злодѣй-заимодавецъ, а заимствовалъ ее изъ сказки, ходившей уже въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ по Европѣ. Самое старинное извѣстное намъ изложеніе этой сказки является у французскаго трубадура Гердера въ половинѣ тринадцатаго столѣтія въ стихотворной поэмѣ, принадлежащей къ роману «Долопатосъ». Затѣмъ слѣдуетъ другой вариантъ той же сказки, упоминаемый въ «Gesta Romanorum», написанномъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и, наконецъ, еще вариантъ, найденный въ англійской рукописи, принадлежащей, повидимому, также къ четырнадцатому столѣтію. Ни въ одномъ изъ этихъ трехъ старинныхъ вариантовъ сказки роль безсердечнаго кредитора не приписывается еврею. Ни въ одномъ изъ нихъ даже и не упоминается объ евреяхъ. Вездѣ говорится только о язычникахъ, принадлежащихъ къ арійской или будто бы арійской расѣ, которую постоянно противопоставляютъ расѣ семитической. Итальянскій писатель Джіованни Фіорентино въ своемъ «Ресогоне», напи-

¹ Публичная лекція г. Гильома Гюю.

санномъ въ 1378 году, первый съчелъ нужнымъ сдѣлать изъ кредитора въ этой сказкѣ еврея. Этотъ вариантъ дошелъ, болѣе или менѣе, непосредственно до Шекспира. Такимъ образомъ выясняется, что упомянутая сказка не представляла собою протеста противъ еврейскаго ростовщичества и если она кого и обвиняетъ, то не евреевъ, а, напротивъ, ихъ обвинителей ¹.

Это еще не все. При изслѣдованіи значенія сказки передъ нами открываются перспективы, далеко уходящія въ глубь исторіи нравственнаго развитія расъ, которыхъ все еще называютъ арійскими, хотя теорія чистокровныхъ арійскихъ расъ, населяющихъ будто бы Европу, теперь уже сильно поколеблена и угрожаетъ окончательно рушиться ². Вопросъ этотъ близко сопрягается съ нашимъ предметомъ. Сказка, которая послѣ различныхъ метаморфозъ породила, наконецъ, шекспировскаго Шейлока, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ юридическихъ сказокъ и непосредственно восходитъ къ римскимъ Двѣнадцати таблицамъ, которыя, какъ извѣстно, представляли собою не еврейскій, а именно римскій законъ. Вы не замедлите убѣдиться, что настоящимъ Шейлокомъ именно и называется этотъ законъ. Въ Двѣнадцати таблицахъ предоставлялось кредиторамъ право вырѣзывать куски мяса изъ живого тѣла несостоятельнаго должника. Право это понималось въ буквальномъ его смыслѣ. Нельзя было даже обойти его при помощи уловки, въ родѣ той, которая спасаетъ должника въ шекспировскомъ Шейлокѣ. Въ законѣ категорически постановлено: «*si plus minusve secuerunt, se fraude esto*» (если

¹ Обо всемъ этомъ см. у Спирока „Die Quellen des Shakespeare“, томъ I (Боннъ, 1872 г.), и у Греца въ его „Monatsschrift“ (1880 г.), стр. 337 и слѣд. О романѣ Долопатосъ см. у Луазелера Делоншана: „Essai sur les fables indiennes“ и у Леру де-Ленси: „Hist. des sept sages de Rome“ (Парижъ, 1838 г.).

² См. у О. Шрадера „Sprachvergleichung und Urgeschichte“ (Лена, 1890 г.), гдѣ приведены серьезныя возраженія, вызываемыя этой теоріей, и сомнѣнія, которыя она вызываетъ у самого автора, продолжающаго, впрочемъ, ея придерживаться.

они вырѣжутъ больше или меньше, то это не будетъ обманомъ). Духъ вышеприведеннаго закона, продержавшагося въ Римѣ чрезвычайно долго, хотя и съ нѣкоторыми смягченіями на практикѣ, проникаетъ все западно-европейское средневѣковое законодательство. Послѣ того не удивительно, если всѣ европейскіе народы относились къ несостоятельнымъ должникамъ съ неслыханною жестокостью. Между относящимися сюда законами различныхъ государствъ замѣчается извѣстное разнообразіе въ подробностяхъ. Съ теченіемъ времени законы смягчаются, оставаясь, однако, варварскими до жестокости. Несостоятельнаго должника обращаютъ въ рабство. Кредиторъ держитъ его въ тюрьмѣ на цѣпи, на хлѣбѣ и водѣ и чуть что не моритъ голодомъ. По мѣрѣ того, какъ общественная нравственность утрачиваетъ свою прежнюю дѣвось, и законъ ограничивается тѣмъ, что воспрещаетъ несостоятельному должнику отлучку изъ опредѣленнаго квартала, или же изгоняетъ его изъ общины и объявляетъ «свободнымъ, какъ птицу», т. е. лишеннымъ покровительства закона, причемъ воспрещается давать этому несчастному убѣжище. Случалось также, что несостоятельнаго должника лишали спокойствія, воспрещая ему жить долѣе мѣсяца въ одномъ и томъ же домѣ. Это напоминало собою кару, наложенную на Каина за убійство Авеля. Когда позднѣе неоплатному должнику предоставлена была возможность разсчитаться съ кредиторомъ предоставленіемъ послѣдному всего своего имущества, это было обставлено возмутительными формальностями, налагавшими на несостоятельнаго должника неизгладимую печать позора. Въ Норвегіи право, предоставленное кредитору римскими, двѣнадцатю таблицами, признавалось во всей строгости, но съ довольно любопытнымъ измѣненіемъ: тамъ установленъ былъ для каждой части тѣла опредѣленный тарифъ и кредиторъ могъ отрѣзать у неаккуратнаго плательщика тѣ члены, которые представляли собою въ общей сложности по означенному тарифу сумму, равную неуплаченному въ срокъ долгу. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда столь воз-

мутительно-жестокіе штрафы не были постановлены закономъ, ихъ вообще разрѣшалось устанавливать по добровольному соглашенію между заимодавцемъ и должникомъ. Въ случаѣ займа, равно какъ и при заключеніи другихъ договоровъ, разрѣшалось обеспечивать выполненіе обязательствъ личной свободой, всѣмъ тѣломъ или какимъ либо изъ его членовъ, какъ, напр., пальцемъ на ногѣ, рукою, глазомъ, головой или, наконецъ, честью и вѣчнымъ блаженствомъ. Извѣстны такіе договоры отъ XIII, XIV и XV столѣтій. Сказка «о фунтѣ мяса» является протестомъ противъ этихъ возмутительныхъ злоупотребленій или даже непосредственно противъ Двѣнадцати таблицъ. Она сложилась въ то время, когда начинали сомнѣваться въ законности такихъ омерзительно-звѣрскихъ неустоекъ. Во всякомъ случаѣ, виновные теперь обнаружены и выяснилось, что еврей тутъ не причемъ ¹.

Позвоительно задать себѣ вопросъ, было-ли, какъ это утверждаютъ ², извѣстно Шекспиру истинное значеніе этой сказки и дѣйствительно-ли его «Венеціанскій купецъ» является гуманнымъ протестомъ противъ варварскаго законодательства и противъ жестокосердія заимодавцевъ? Мы сомнѣваемся въ этомъ. Изъ всего вышешлаго слѣдовало бы, повидимому, заключить, что если бы Шекспиръ отнесся серьезно къ своей темѣ, то роль жестокосердаго заимодавца игралъ бы у него не еврей, а христіанинъ. Появленіе въ этой роли еврея было бы тогда чѣмъ-то въ родѣ искаженія истиннаго смысла пьесы ³. Ка-

¹ Все вышешлаго объ этихъ законахъ и о значеніи относящейся до нихъ сказки заимствовано изъ книги Колера: „Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz“ (Вюрцбургъ, 1884).

² I. Колеръ.

³ Въ сценѣ изъ „Скупого“, на которую мы уже ссылались, должникъ, нещадно обираемый заимодавцемъ, восклицаетъ: „Вотъ такъ жиды!“ Мольеръ высказываетъ себя, однако, при этомъ случаѣ несравненно болѣе философомъ, чѣмъ Шекспиръ. Онъ какъ нельзя лучше знаетъ, что слово „жиды“ употреблено было лишь въ фигуральномъ значеніи и что оно было бы совершенно неумѣстно, если бы его захотѣли понять въ прямомъ смыслѣ. Поэтому онъ присовокупляетъ: „Вотъ такъ арабы!“

кимъ бы образомъ ни отвѣтили на этотъ вопросъ, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ насъ не особенно интересуетъ, надо будетъ признать вполне достовѣрнымъ фактъ, недостаточно обращающій на себя до сихъ поръ вниманіе критиковъ: въ то время, когда Шекспиръ писалъ свою пьесу, въ Англіи вовсе не было евреевъ. Извѣстно, что евреи были изгнаны изъ Англіи въ 1290 году. Имъ было болѣе или менѣе официально дозволено вернуться туда въ 1656 году, а «Венеціанскій купецъ» былъ написанъ въ 1598-мъ году. Я знаю, что утверждаютъ и даже какъ будто не безъ основанія, что во время Шекспира въ Англію пробрались евреи, сумѣвшіе обойти постановленное противъ нихъ запрещеніе¹, но нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ это были крещенные евреи, прибывшіе изъ другихъ странъ, въ особенности изъ Испаніи. Было бы совершенно нелѣпо допустить, что эти немногіе евреи, болѣе или менѣе придерживавшіеся еврейской религіи и болѣе или менѣе вынужденные скрываться, могли при этомъ эксплуатировать всю Англію въ качествѣ безсердечныхъ ростовщиковъ до такой степени, что возбудили противъ себя общественное мнѣніе страны. Столь же невѣроятно, что Шекспиръ открылъ нѣсколькихъ ростовщиковъ-евреевъ въ Лондонѣ и что они согласились дать поэту случай произвести надъ ними достаточное число наблюдений. Такимъ образомъ является неизбѣжная дилемма: или шекспировскій Шейлокъ былъ списанъ не съ натуры, или же натурщикомъ для него служилъ Шекспиру не еврей, а христіанинъ. Наше мнѣніе на этотъ счетъ установилось вполне. Шекспиръ вовсе не зналъ евреевъ, такъ какъ ихъ не было въ Англіи уже болѣе трехъ столѣтій. Его Шейлокъ—жидъ, какимъ изображается еврей у средневѣковыхъ христіанскихъ писателей и какимъ еврей

¹ См. Лн въ „Gentlemen's Magazine“ за февраль 1880, а также „Academy“ отъ 6-го марта 1882, „Times“ отъ 1-го ноября 1883, „Jewish Chronicle“ отъ 5-го декабря 1884, „Révue“, V, 313. См. также у Греца въ „Monatsschrift“ I. c.

является въ народныхъ предразсудкахъ. Онъ принадлежитъ не исторіи, а легендѣ ¹.

IV.

Начиная эту лекцію, я сказалъ, что буду не въ состояніи исчерпать весь предметъ. У меня недостаетъ для этого времени. Я тоже оказываюсь несостоятельнымъ должникомъ, хотя и надѣюсь, что меня изъ-за этого не стануть рѣзать на куски. Въ заключеніе позволю себѣ остановить на минуту ваше вниманіе на басняхъ до того ребяческихъ и смѣшныхъ, что онѣ на первый взглядъ кажутся не имѣющими серьезнаго значенія. На самомъ дѣлѣ, однако, эти басни объясняютъ весьма многое.

Теперь вышло уже изъ моды говорить о «грязномъ, нечистоплотномъ жидѣ» ². Прежде, однако, это говорилось зачастую и мнѣ самому въ дѣтствѣ частенько случалось слышать въ Эльзасѣ такіа заявленія ³. Утверждали, что отъ евреевъ во-

¹ Есть критики, восторгавшіеся изумительной прозорливостью Шекспира, такъ хорошо описавшаго евреевъ, съ которыми ему никогда не случалось встрѣчаться. Такіе отзывы нисколько меня не изумляютъ. Критики эти заимствовали все предетавленіе о еврей изъ одного источника съ Шекспиромъ, а потому и находятъ некспировскаго Шейлоха какъ нельзя болѣе сложнымъ съ ихъ собственными жидомъ.

² Очень можетъ быть, что у римлянъ, проводившихъ свое время въ банѣ и у варякачера, еврей, не обладавшіе столь утонченными привычками и къ тому же въ большинствѣ случаевъ сравнительно очень бѣдные, были нечистоплотными. Надо полагать, что римляне признали бы столь же нечистоплотными и современныхъ цивилизованныхъ европейцевъ. См. у Грета IV, стр. 303, рассказъ про Диоклетіана и еврейскаго патриарха (по всѣмъ вѣроятіямъ—апокрифическій).

³ Юэль доказалъ совершенно неопровержимо, что „*Judaeorum foetentium*“, о которой будто бы говоритъ Маркъ Аврелій (у Аммиана Марцелина XXII, 5), является, быть можетъ, умышленной ошибкой средневѣкового переписчика, написавшаго *foetentium* вмѣсто *petentium* См. Юэль, „*Blicke in die Religionsgeschichte zum Anfange des zweiten christlichen Jahrhunderts*“, т. 2-я, Вреславль, 1838, стр. 131. Замѣчательно, что эта исторія о своеобразномъ еврейскомъ запахѣ которую можно было считать совершенно похороненною, воскресла, правда, въ нѣсколько иной формѣ, на-дняхъ въ засѣданіи прусскаго сейма (см. топографическій отч.: Шудтаасѣданіи 21-го мая 1890).

няетъ, что еврей по виду напоминаетъ собою козла ¹ и что онъ издаетъ козлиный запахъ. Въ христіанскихъ странахъ, гдѣ не было евреевъ, или откуда они давно уже были изгнаны, воображали, что евреи снабжены хвостовымъ придаткомъ или же рогами на лбу ², какъ это утверждается въ изумительной книгѣ «Sentinelle contrales Juifs», которую я въ свое время разбиралъ въ «Révue» ³. Увѣряли также, будто евреи удручены своеобразными скрытыми болѣзнями, по которымъ ихъ можно распознавать ⁴. Пьеръ де-л'Анкръ, о которомъ недавно упоминалось въ «Révue» ⁵, твердо убѣжденъ, что они всѣ поголовно страдаютъ жабой, золотухой, кровотечениями и зловонными болѣзнями, вслѣдствіе чего ходятъ всегда понуривъ голову (также признакъ, по которому ихъ распознавали). Автору «Sentinelle» извѣстно, что между евреями нѣкоторые не въ состояніи плюнуть, у другихъ во время сна ползаютъ по языку черви, у третьихъ имѣются на рукахъ или же на иныхъ частяхъ тѣла кровоточивыя раны. Въ одномъ изъ самыхъ интересныхъ описаній еврея, сдѣланномъ въ Испаніи, вѣроятно, въ XV вѣкѣ, каждый изъ его членовъ сравнивается съ соответствующимъ членомъ Алборанка ⁶, баснословнаго демонскаго животнаго, на которомъ ѣдилъ Магометъ, такой же злой врагъ христіанства, какъ и евреи. Первоначально подобная чепуха естественно возбуждаетъ смѣхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что

¹ Козалъ признается животнымъ въ большей или меньшей степени посвященнымъ дьяволу. См. „Mélusine“ IV, рассказъ 475.

² Рога и хвостъ напоминаютъ черта.

³ Томъ V, стр. 288, и VI, стр. 126.

⁴ Уже въ Александріи антиеврейскіе писатели утверждали или по крайней мѣрѣ намекали на то, что евреи особенно подвержены проказѣ (См. Иосифа „Противъ Апіона“ I, 26, 32, 34; II, 2, а также у Тацита: „Исторія“, V, 8, и у Юстина XXXII, 2), но между этой легендой и придуманною въ средніе вѣка басней о тайныхъ еврейскихъ болѣзняхъ существуетъ значительная разница.

⁵ Статья г. Израеля Леви въ „Révue“ XIX, 235. Книга эта была написана при Людовикѣ XIII и напечатана въ 1622 году. Выдержка о болѣзняхъ евреевъ приведена на стр. 240 „Révue“.

⁶ См. „Révue“ XVIII, стр. 238.

она принадлежитъ къ области легенды, но въ данномъ случаѣ легенда имѣетъ опредѣленный смыслъ, а потому надо стараться себѣ уяснить его.

Я не стану останавливаться на отыскиваніи рационалистическихъ или же историческихъ объясненій вышеупомянутыхъ странныхъ мѣній о евреяхъ. Въ устахъ христіанъ многія изъ этихъ мѣній должны были просто-на-просто означать: «Евреи намъ противны». Изъ всѣхъ видовъ презрѣнія самымъ грубымъ и выразительнымъ является физическое отвращеніе. Не входя во всѣ подробности предмета, попрошу васъ сосредоточить нѣсколько долѣе ваше вниманіе на легендѣ о еврейскихъ ранахъ и тайныхъ болѣзняхъ, заключающей въ себѣ довольно любопытные эпизоды.

Не знаю хорошенько, когда впервые возникла басня о болѣзняхъ, являющихся для евреевъ отличительными признаками. Нѣкоторые слѣды этой басни можно встрѣтить въ Испаніи въ XIV вѣкѣ¹, но въ томъ видѣ, какой она приняла впоследствии, басня эта восходитъ, вѣроятно, не далѣе какъ до семнадцатаго столѣтія. Тогда лишь, повидимому, начали классифицировать и приводить въ систему тайныя болѣзни, будто бы характерныя для евреевъ. Древнѣйшій списокъ этихъ болѣзней составленъ будто бы въ 1634 году². Каждое изъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ надѣлено тамъ своеобразными болѣзнями, характерными для колѣна и передающимися въ этомъ колѣнѣ по наследству въ качествѣ вѣчнаго наказанія свыше за ту особую роль, которую каждое изъ двѣнадцати колѣнъ играло въ крестныхъ страданіяхъ Спасителя. Колѣно Рувима истязало Иисуса Христа, а потому все, до чего дотрагиваются потомки Рувима, увядаетъ въ трехдневный срокъ, посѣянное ими не восходитъ и на ихъ могилахъ трава не растетъ. Колѣно Симеона пригвоздило Спасителя къ Кресту. За это четырежды

¹ Въ рукописномъ сочиненіи Шемъ-Тоба бенъ Исаакъ Шафрутъ (См. „Révue“ XVIII, 219 и слѣд.) говорится, будто евреи подвержены гежорроу.

² См. Шудъ „Jüdische Denkwürdigkeiten“, томъ I, книга VI, глава 20.

въ годъ у потомковъ Симеона являются кровоточивыя раны на ногахъ и рукахъ. Колѣно Леви плевало на Спасителя, и въ наказаніе за это левиты не могутъ теперь отплюнуть далѣе собственной своей бороды (съ этой характерной чертой мы встрѣтимся еще впоследствии). За недостаткомъ времени, пропуская нѣсколько колѣнъ, перехожу къ колѣну Завулона, метавшему жребій объ одеждахъ Иисусовыхъ. Въ наказаніе за это ежегодно, въ страстную пятницу, у потомковъ Завулона появляются во рту кровоточивыя яввы; у потомковъ Дана ежемѣсячно открываются зловонныя раны, которыя ихъ очень беспокоятъ и могутъ быть излечены единственно только смазываніемъ христіанскою кровью; у потомковъ Ассера правая рука короче лѣвой; отъ потомковъ Нафтали воняетъ какъ отъ свиней; у женщинъ колѣна Іосифа по достиженіи ими тридцатитрехлѣтняго возраста каждую ночь во время сна ротъ бываетъ полонъ живыхъ червей; потомки Веніамина утратили возможность смотрѣть вверхъ и вынуждены ходить понуривъ голову.

Эта замѣчательная картина оказывается, къ сожалѣнію, не столько безобидной, сколько смѣшной. Повидимому, евреи стараются запастись христіанскою кровью, именно для того, чтобы лечиться отъ указанныхъ здѣсь болѣзней (что уже и пояснено по отношенію къ колѣну Дана). Доказано, что одна только христіанская кровь въ состояніи исцѣлять характерныя болѣзни евреевъ. Понятно, что для сверхъ-естественныхъ болѣзней необходимы и сверхъ-естественныя лекарства. Такимъ образомъ, болѣзни, ниспосланныя въ наказаніе евреямъ, приобрѣтаютъ уже нѣкоторое практическое значеніе. Ссылаясь на нихъ, представлялось возможнымъ обвинять евреевъ, будто они убиваютъ христіанскихъ дѣтей, чтобы пользоваться ихъ кровью. Впрочемъ, упомянутыя болѣзни служатъ также и для другихъ практическихъ цѣлей, способныхъ, поистинѣ, поразить изумленіемъ даже самихъ евреевъ. Какой нибудь еврей, быть можетъ, не знаетъ въ точности, къ како-

рому изъ двѣнадцати колѣнъ принадлежить, тѣмъ болѣе, что отъ десяти изъ этихъ колѣнъ нѣтъ ни слуху, ни духу, такъ что поговариваютъ даже объ окончательномъ ихъ исчезновеніи съ лица земли. Представьте же себѣ, что есть люди, способные безошибочно различить, на основаніи одного внѣшняго осмотра, къ какому, именно колѣну принадлежить данный еврей. Людямъ этимъ извѣстно, что всѣ двѣнадцать колѣнъ израильтянскихъ существуютъ и по сіе время. Повидимому, каждое изъ этихъ колѣнъ можетъ быть распознано на основаніи своихъ характерныхъ болѣзней. Не угодно-ли, напримѣръ, послушать:

«Несомнѣнно, что еврейскія колѣна сохранили до сихъ поръ почти неприкосновенными прежнія свои отличительныя черты, многія изъ которыхъ упоминаются еще въ Библии. Гамбетта (обращенный въ еврея единственно ради красоты слога), съ характернымъ своимъ горбатымъ носомъ, принадлежить къ колѣну Эфраима, равно какъ и гг. Ф. и П... Что касается до чернаго и волосатаго К...., то онъ несомнѣнно принадлежить къ колѣну Иакова (такого колѣна, на самомъ дѣлѣ нѣтъ въ спискѣ двѣнадцати колѣнъ). Г. А. со своими глазами, исполосованными красными жилками, представляетъ всѣ характерныя черты колѣна Завулона. Л. съ характерною головою хорька прямо ведетъ свой родъ отъ Ассера. Колѣна эти распознаются чутьемъ, дозволяющимъ ихъ угадывать и уяснять существующую между ними связь, но при нынѣшнемъ положеніи этой еще зачаточной науки (неужели науки?) нельзя еще дать на этотъ счетъ никакого положительнаго и точнаго правила».

Кто написалъ такія чудовищныя вещи? Былъ-ли это сумасшедшій въ полномъ смыслѣ слова, или человѣкъ, подверженный только галлюцинаціямъ, или же, наконецъ, просто-напросто мистификаторъ? Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ объ авторѣ книги «La France juive»¹. Можно-ли повѣрить,

¹ Томъ I, стр. 84, 85. Не знаемъ, принадлежить-ли самому автору изобрѣ-

что это было написано серьезно? Не будетъ-ли естественнѣе заключить, что книга, содержащая такія нелѣпости и тысячи имъ подобныхъ, изложенныхъ пресерьезнѣйшимъ тономъ, является на самомъ дѣлѣ колоссальнѣйшею мистификаціей? ¹.

Теперь, когда вы ознакомились съ нелѣпными и коварными баснями о вонючихъ, противныхъ и нечистоплотныхъ жидахъ, которые походятъ наружностью на козловъ, удручены постыдными тайными язвами и другими болѣзнями, не въ состояніи выдѣлять слюну и поднимать голову вверхъ и—что еще серьезнѣе—вынуждены добывать для себя христіанскую кровь; когда вы ознакомились съ легендами о евреяхъ, убивающихъ христіанскихъ дѣтей, прокалывающихъ насквозь гости, отравляющихъ колодцы и т. д., и т. д.,—позвольте мнѣ набросать передъ вами еще одинъ портретъ. Я получилъ его, собравъ съ величайшею точностью воедино отдѣльныя черты, разбросанныя въ обширномъ и замѣчательномъ описаніи, которое было обнародовано г-мъ Тухманномъ въ четвертомъ томѣ журнала «Mélusine» ²:

«У нихъ выдѣляется изъ-подъ мышекъ непріятный запахъ. Бросается въ глаза также ихъ нечистоплотность. Ихъ выдаетъ сильная вонь. Эта нечистоплотность и вонь свидѣлствуютъ о томъ, что душа ихъ загрязнена грѣхами. Дьяволъ, которому они служатъ, не позволяетъ имъ мыться. Вонь происходитъ отъ грязныхъ сношеній ихъ съ дьяволомъ. Они обыкновенно ходятъ понуривъ голову, и не смѣютъ глядѣть человѣку въ

тепѣ этой характеристики еврейскихъ колѣнъ, но только мы не встрѣчали ей нигдѣ болѣе. Собственныя имена, указанныя здѣсь заглавными буквами, приведены въ его книгѣ цѣликомъ.

¹ Съ тѣхъ поръ какъ мы прочли въ другой его книгѣ „La Dernière bataille“ (вышедшей въ мартѣ 1890 года) изумительную главу о свойствахъ руки, гдѣ авторъ распространяется съ такою глубокою вѣрой о хиромантическихъ законахъ, сомнѣнія наши относительно истиннаго характера его сочиненій могутъ, пожалуй, показаться неумѣстными. Это ничто иное какъ бредъ мистика, подверженнаго галлюцинаціямъ.

² Преимущественно въ ст. 342—346, 369—374 и 391—394.

лицо, (вспомните характерныя черты колѣна Веніамина). Выраженіе лица у нихъ коварное. Они недобѣрчивы и въ самой походкѣ у нихъ проявляется что-то таинственное. Ворота у нихъ зачастую козлиная. Въ Россіи у нихъ являются рога у мужского и хвосты у женскаго пола. Они некрасивы, безобразны и худощавы. Волосы у нихъ растрепаны, одѣваются они грязно и неряшливо. У нихъ имѣются болѣзни и тайные знаки на разныхъ частяхъ тѣла: на рукахъ, подъ мышками, во рту, подъ языкомъ (вспомните колѣна Ассера, Завулона, Іосифа), на внутренней сторонѣ губъ, на нѣбѣ, въ ушахъ. Зачастую они лишены способности выдѣлять слюну (колѣно Леви), иные же никогда не ощущаютъ потребности сморкаться. Они заключаютъ договоры съ дьяволомъ, оскверняютъ гостию, покупаютъ дѣтей, чтобы убивать ихъ, думая, что принесеніе въ жертву невинной жизни продлитъ ихъ собственную жизнь. Они пожираютъ другъ друга, какъ людоеды, приносятъ жертвы дьяволамъ и собираются на тайныя сходбища, на которыхъ совершаютъ мерзостныя таинства».

Чей это портретъ, господа? Вы, безъ сомнѣнія, думаете, что это портретъ еврея и, конечно, удивитесь, когда узнаете, что онъ списанъ вовсе не съ еврея. Портретъ этотъ является обликомъ, въ которомъ представляли себѣ, преимущественно въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ и даже до настоящаго времени, извѣстныя категоріи людей, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ, у которыхъ не было съ евреями ничего общаго кромѣ распространявшагося на нихъ всѣхъ огульнаго осужденія. Во первыхъ и прежде всего, портретъ этотъ списанъ съ колдуновъ въ томъ видѣ, въ какомъ они изображаются народнымъ суевѣріемъ всѣхъ европейскихъ націй и въ компиляціяхъ демонографовъ ¹. Это также портретъ всѣхъ племенъ, которыя одинъ французскій писатель назвалъ проклятыми: какусовъ, кретиновъ и т. п. Наконецъ, это изображеніе всѣхъ религіозныхъ

¹ Этюдъ г. Тухманна озаглавленъ: „Les fascinateurs“.

сектъ, провозглашенныхъ церковью еретическими: кайотовъ, марроновъ и всѣхъ вообще еретиковъ. Нѣкоторыя черты приличествуютъ прокаженнымъ и нищимъ, на которыхъ также лежало проклятіе. Впрочемъ, и вольные каменщики (масоны) могутъ узнать себя въ этомъ портретѣ. Сравнительно въ очень близкое къ намъ время, а именно при второй имперіи, въ Перпиньянѣ были убѣждены, что масоны на своихъ сходкахъ приносятъ одного изъ членовъ своего братства въ жертву и затѣмъ сѣдаютъ его трупъ ¹. Между всѣмъ этимъ міромъ колдуновъ, еретиковъ, прокаженныхъ—съ одной стороны, и евреевъ—съ другой стороны, нѣтъ ни малѣйшей разницы. Евреи и колдуны, колдуны и евреи были для толпы совершенно тождественными. Сходство между ними дѣйствительно оказывалось несравненно значительнѣе, чѣмъ вы это себѣ, можете быть, представляете. Евреи несомнѣнно—колдуны и волшебники. Это доказывается многочисленными вѣскими доводами и я, признаться, давно уже подозрѣвалъ это тождество. Я всегда думалъ, что репутація, которою пользовались въ средніе вѣка еврейскіе врачи, отчасти обусловливалась сверхъестественнымъ могуществомъ, которое имъ приписывали ². Людовикъ Святой запретилъ евреямъ заниматься волшебствомъ ³. Въ Толедо было извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда молитвы христіанъ оказывались бессильными противъ засухи, дождь тотчасъ же шель, когда начинали молиться евреи ⁴. Извѣстно было, что у испанскихъ евреевъ передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну «Ключъ Соломоновъ» и другія волшебныя книги ⁵. Если въ Англіи евреямъ не дозволялось присутство-

¹ См. Тухманна 1. с., стр. 370. Рассказывали про тампьеровъ, будто они убивали дѣтей и жарили ихъ. См. у Лавока, стр. 124, а также „Mélusine“ 1. с., ст. 395 и 374, о вольныхъ каменщикахъ.

² См. ст. Кассела „Juden“ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, стр. 66—67.

³ Грець VII, второе изд., стр. 457.

⁴ „Schebet Jehuda“, изд. Винаера, стр. 109 и 122.

⁵ Израэль Левинъ О. П. де-Л'Анаръ 1. с., стр. 244.

вать при коронованіи Ричарда I¹, то это, очевидно, обуславливалось опасеніемъ, чтобы они его не сглазили. Наконецъ, по остроумному толкованію г-на Тухманна², знаменитый 49 канонъ Эльвирскаго собора отъ 1320 года поручаетъ заботиться о томъ, чтобы еврей не могъ благословить урожай на поляхъ, въ виду того, что у евреевъ дурной глазъ, противъ котораго ватѣмъ благословенія христіанскаго священника оказываются безсильными³. У кого, впрочемъ, нѣтъ дурного глаза! Онъ оказывался даже у папъ и, между прочимъ, у Пія IX, и притомъ въ самой высшей степени.

Что же слѣдуетъ заключить изъ всего этого? — То, что портретъ еврея во всѣхъ своихъ чертахъ какъ разъ такъ же вѣренъ, какъ и портретъ колдуна. Оба портрета одинаково фантастичны, какъ одинъ, такъ и другой. Еврей, о которыхъ говорится и противъ которыхъ высказываются всевозможныя обвиненія, — не настоящіе, а фантастическіе, легендарные еврей. Представленіе о нихъ, равно какъ чувства и предразсудки, которые къ нимъ питають, заимствованы не изъ дѣйствительной жизни. Они являются не результатомъ опыта и наблюденія, а плодомъ чистаго вымысла, гдѣ дѣйствительно существующимъ оказывается только чрезмѣрное возбужденіе ума у того, кто все это придумалъ. Каждое отдѣльное лицо и сообщество, отличающіяся отъ массы хотя бы самыми ничтожными особенностями гражданской или религіозной жизни, объявляются подозрительными, предаются на жертву клеветѣ, обидамъ и оскорбленіямъ. Недавно лишь, по поводу представленія «Шейлока», о которомъ я уже упоминалъ, мы видѣли, что блестящій писатель, у котораго, къ сожалѣнію, нервы не всегда бываютъ въ порядкѣ, жаловался на то, что богослужебныя книги евреевъ написаны на еврейскомъ языкѣ, и обвинялъ ихъ въ стремленіи

¹ Тамъ же, стр. 245, примѣчаніе 2-е.

² „Mélusine“ I. c., стр. 372.

³ Агирръ „Collectio consiliorum omnium Hispaniae“, томъ I, стр. 279.

обособляться, вызывающѣмъ у него негодованіе и раздраженіе ¹. Это какъ разъ то самое преступленіе, въ которомъ оказываются виновными колдуны, еретики, гугеноты, протестанты, прокаженные и даже всѣ вообще чужеземцы, повсемѣстно слышущіе въ народѣ болѣе или менѣе опасными существами ². Простонародіе по той же причинѣ относится съ извѣстнымъ недоувѣріемъ даже къ самимъ священникамъ, опасаясь, что они могутъ сглазить ³. Евреи одновременно являются въ большей или меньшей степени еретиками, въ большей или меньшей степени прокаженными; отчасти даже, для простонародія ⁴, какъ будто священниками, во всякомъ случаѣ—настоящими колдунами ⁵ и, въ концѣ концовъ, иностранцами, принадлежащими къ чуждой расѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если на нихъ обрушивается вся совокупность предубѣжденій, существовавшихъ по отношенію къ еретикамъ, прокаженнымъ, священникамъ, колду-

¹ Жюль Леметръ въ упомянутомъ уже фельетонѣ „Journal des Débats“. Г. Леметръ могъ бы безъ особенныхъ хлопотъ достать себѣ въ книжномъ магазинѣ французскій переводъ еврейскихъ молитвенныхъ книгъ. Тревога, которую онѣ ему внушаютъ, быть можетъ, рассветлится, когда онъ узнаетъ, что громадное большинство евреевъ нисколько не лучше его самого понимаетъ означенныя книги на еврейскомъ языкѣ.

² Тухманъ I. с., столбецъ 342-й и слѣд.

³ Тамъ же. Отмѣтимъ еще нѣкоторыя черты сходства между легендами о тамплиерахъ и евреяхъ (по упомянутому уже сочиненію Лавока). Тамплиеры состоятъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ (стр. 238, 323 и 350). Они измѣняютъ христіанамъ и вступаютъ въ союзъ съ сарацинами (стр. 124 и 232). Для нихъ не считается грѣхомъ присвоить себѣ имущество человѣка, не принадлежащаго къ ихъ ордену (стр. 242).

⁴ И даже, пожалуй, для г. Леметра.

⁵ Живые черви во рту у нѣкоторыхъ еврейскихъ колѣнъ принадлежатъ также къ области демонографіи. У колдуновъ и волшебницъ все тѣло кишитъ живыми червями въ то время, когда духъ въ немъ отсутствуетъ (во время сна?). Черви эти посланцы и предтечи гнѣсныхъ духовъ („Oesterreichische Wochenschrift“ 1890 г., стр. 199, въ номерѣ отъ (4-го марта). Въ брошюрѣ, вышедшей въ Парижѣ, кажется, 26-го апрѣля 1890 года, буквально находимъ слѣдующія слова (стр. 6 въ прилѣжаніи): „Эти люди (евреи) потомки колдуновъ и злостныхъ астрологовъ, которыхъ наши доблестные предки такъ вѣстали и столь благоговѣнно вѣшали и жгли“.

намъ и чужеземцамъ. Тутъ не помогутъ никакіе протесты и доказательства. Мы оказываемся здѣсь всецѣло перенесенными въ область легенды, противъ которой факты совершенно бессильны. Не смотря на испытанный патриотизмъ евреевъ, на нихъ все-таки будутъ смотрѣть какъ на расу, не признающую отечества. Не смотря на давность пребыванія евреевъ хотя бы, на примѣръ, во Франціи, предшествовавшую прибытію туда многихъ другихъ элементовъ коренного населенія¹, евреи все-таки будутъ разсматриваться какъ чуждые пришельцы. При всей недостовѣрности теоріи объ арійскихъ расахъ, одни только евреи будутъ признаваться аллофилами. Говорятъ, будто евреи отстраняются отъ большинства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ само большинство отстраняется отъ евреевъ. Подвигаемое чувствомъ почти болѣзненнаго недоуверія, оно отдаляетъ и отталкиваетъ отъ себя евреевъ. Всѣ вообще упорствуютъ смотрѣть на евреевъ какъ на что-то особенное, таинственное. Вслѣдъ затѣмъ воображеніе закусываетъ удила и начинаетъ бѣсноваться въ адской пляскѣ. Всевозможные подозрѣнія, опасенія и ужасы пробуждаются и воплощаются въ образѣ страшныхъ привидѣній. Чѣмъ инымъ можно было бы, на примѣръ, объяснить, что въ странѣ съ тридцати шести миллионнымъ населеніемъ утверждаютъ, будто весь народъ находится подъ властью и въ подчиненіи у евреевъ, все число которыхъ не превышаетъ тамъ 70,000? Если въ книгѣ «La France juive» имѣется что либо дѣйствительно серьезное, то этимъ серьезнымъ элементомъ является въ ней именно этотъ мучительный, неотступный кошмаръ.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ психологическою задачей, на которую слѣдовало бы обратить вниманіе историкамъ и философамъ. Тутъ представляется также и социальная задача, при рѣшеніи которой мы, я увѣренъ, встрѣтимъ содѣйствіе всѣхъ

¹ Какъ, на примѣръ, норманномъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, евреи даже обитали въ Галліи еще до прибытія туда франковъ и бургундовъ.

искреннихъ и честныхъ людей. Исторія преслѣдованій, которымъ подвергались евреи, является стыдомъ для человѣчества и должна была бы побуждать къ скромности тѣхъ, кому приходится говорить о цивилизаціи, прогрессѣ, нравственности и человѣколюбіи. Не только въ средніе вѣка, но и теперь мы повседневно видимъ, какъ возникаетъ по поводу евреевъ самая нелѣпая ложь, какъ высказываются самыя смѣшныя преувеличенія, изобрѣтаются небывалые документы, утверждаются съ неслыханнымъ апломбомъ заявленія, скваченныя прямо съ вѣтра ¹. Легенда слагается у насъ на глазахъ. Мы видимъ, какъ она фабрикуется и какъ она затѣмъ укореняется на почвѣ общественнаго легковѣрія ². Дорога этой легендѣ расчищена средневѣковой христіанскою литературой, религіозною враждой, наслѣдственными и атавистическими предразсудками. Люди, никогда не видавшіе евреевъ въ глаза, которымъ никогда не приходилось страдать отъ евреевъ и которые ровно ничего о

¹ Такъ, совершенно серьезно толковали о сорока четырехъ евреяхъ, состоящихъ префектами во Франціи, о 35,000 иностранцахъ-евреяхъ, принявшихъ французское подданство нарочно для того, чтобы подавать голоса на выборахъ, о 3 милліонахъ франковъ, данныхъ евреями министерству на покрытіе расходовъ по выборамъ, о захватѣ однимъ еврейскимъ банкиромъ почти всей поземельной собственности въ Богеміи, о тайственныхъ замислахъ общества „Alliance israélite“ на поземельную собственность въ Галиціи, о деньгахъ, которыя раздавались пригоршнями, чтобы подкупить судей въ Галиціи во время недавняго процесса переселенческихъ агентовъ. Очевидно также, что и тисса-асларскій процессъ былъ выигранъ лишь благодаря пресловутому еврейскому золоту. Странно только, что противники евреевъ не усматриваютъ, что изъ такихъ заявленій можно было бы заключать о чрезвычайной легкости, съ которою христіане поддаются подкупу. Такого рода заключеніе было бы, однако, весьма унижительно для христіанъ.

² Парижская газета „Autorité“ отъ 26-го октября 1889 года употребила, повидному, единственно только для красоты слога выраженіе: „въ шести префектахъ трое евреевъ“. Отсюда тотчасъ же пошла рѣчь о 44-хъ префектахъ еврейской національности. 35,000 евреевъ, перешедшихъ во французское подданство, изобрѣтены въ „Intransigent“ 15-го октября 1889 года. Газета „Germania“ пустила 7-го іюня 1889 года утку на счетъ поземельной собственности въ Галиціи. Утка о процессѣ въ Галиціи пущена „Новымъ Временемъ“, приблизительно въ декабрь 1889 года. О захватѣ поземельной собственности въ Богеміи см. записки австрійскаго рейхсрата I. с., стр. 18325.

нихъ не знаютъ, тѣмъ не менѣе съ увлеченіемъ присоединяются къ антисемитическому движенію. Горькія жалобы на всемогущество евреевъ приходятъ изъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ и никогда не было евреевъ, гдѣ евреи являются просто-напросто существами мистическими. Меня это нисколько не удивляетъ. Чего собственно хотѣли отъ евреевъ Шекспиръ и публика, слушавшая его пьесу, когда въ то время въ Англіи уже цѣлыхъ три столѣтія не было евреевъ? Чего хотѣлъ отъ евреевъ въ 1620 году Пьеръ де л'Анкрь, когда во Франціи, за нѣкоторыми ничтожными исключеніями, уже цѣлыхъ два вѣка не было евреевъ? Такую слѣпую и совершенно безцѣльную ненависть можно объяснить однимъ только предрасудкомъ¹.

Не знаю, близки-ли времена, когда настанетъ конецъ этимъ гнуснымъ распрямъ; во всякомъ случаѣ, я вѣрю въ будущее. На евреевъ нападаютъ во имя общихъ народныхъ интересовъ², но мнѣ кажется, что близокъ день, когда народъ отвернется, въ большей еще степени, чѣмъ теперь, отъ агитаторовъ, обманывающихъ его и издѣвающихся надъ нимъ. Я убѣжденъ, что человѣчество все болѣе возвращается къ вѣрѣ въ великую, выраженную въ Библии, идею о Божественной справедливости и благодати, стремящейся содѣлать всѣхъ людей счастливыми. Ни одна изъ книгъ, завѣщанныхъ намъ древними временами, не относится съ такою строгостью, какъ Библия, къ эксплоа-

¹ Приведемъ здѣсь нѣсколько добавочныхъ примѣчаній: 1) О Шейлокѣ см. П. Касселя „Aus Literatur und Symbolik“, Лейпцигъ, 1884, стр. 368. 2) О ростовщичествѣ у христіанъ въ средніе вѣка. См. Декреталии, книга V, глава 19. 3) О запахахъ: необходимо обратить вниманіе на слѣдующіе обороты рѣчи: „je ne peux pas le sentir“; „être en odeur de sainteté“; „être en bonne ou en mauvaise odeur“. Въ буллѣ Сикста IV отъ 1-го ноября 1478 г. объ инквизиціи говорится, („Boletin de la Real Academia“, Мадридъ, 1889, стр. 450): „alii in eorum (Judaeorum) perfidia inficiuntur“. Салинскіе и браковскіе священники и монахи надаялись въ 1478 году („Révue, XV, стр. 297 и 300): „...coetum christianum Judaeorum in conversationis pollutum; ...a tam fetido et immundo Judaeorum con sortio“. Эти ивацины метафоры стали подъ конецъ пониматься въ буквальномъ смыслѣ.

² Сходна въ Нальи-на-Сенѣ 19-го января 1890 года.

таторамъ и притѣснителямъ бѣднаго люда. Половина еврейской Библии посвящена тому, чтобы защищать интересы бѣдныхъ и безсильныхъ противъ богатей и сильныхъ.

До тѣхъ поръ, пока въ сердцахъ евреевъ сохранится еще искра библейскаго духа, они будутъ съ тѣми, кто стремится разсвѣять племенную вражду, и противъ тѣхъ, кто ее разжигаетъ. Поступая такимъ образомъ, они пребудутъ вѣрными великому идеалу пророковъ, — идеалу всечеловѣческаго братства. Этотъ идеалъ, повидимому, не нравится нѣкоторымъ болѣе разборчивымъ идеалистамъ. Въ теченіи многихъ вѣковъ онъ считался самымъ возвышеннымъ, о чемъ только могло мечтать человѣчество; теперь же онъ, какъ это доказываютъ намъ довольно нагляднымъ образомъ, вышелъ изъ моды. Подъ вліяніемъ социальныхъ и международныхъ раздоровъ, а въ особенности разгрома Франціи, бывшаго одновременно разгромомъ всѣхъ альтруистическихъ идей въ Европѣ, идеалъ этотъ временно исчезъ. Евреи будутъ, однако, хранить его въ своихъ сердцахъ, такъ какъ убѣждены въ его истинности и знаютъ, что человѣчество къ нему вернется.

Перев. В. Раицевъ.

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНІИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

Эпоха вторая: размноженіе хасидской секты, развѣтвленіе
іерархіи цадииковъ и распространеніе новой хасидской лите-
ратуры (1780—1796).

VI. Начало хасидской литературы ¹.

Пробужденіе послѣ затишья.—Успѣхи хасидизма на югѣ.—Появленіе первой пе-
чатной хасидской книги (1780 г.).—Ея историческое значеніе; ея воинственный
тонъ и нападки на раввинизмъ.—Сожженіе этой книги въ Бродахъ (1781 г.).—
Продолженіе литературно-апостольской дѣятельности Яковъ-Иосифа. — Дальней-
шее развитіе хасидской литературы.—Хасидскія типографіи и печатаніе запре-
щенныхъ мистическихъ книгъ.

Довольно спокойно и не безъ твердости духа выдержали
хасиды первый грозный натискъ непріятеля—раввинскія го-
ненія и отлученія 1772 года. Они не вступали въ бой съ про-
тивниками и даже почти не оборонялись, такъ какъ именно
тамъ, гдѣ нападеніе было наиболѣе сильно (въ Литвѣ и Бѣло-
руссіи), число гонимыхъ сектантовъ было слишкомъ незначи-
тельно для того, чтобъ они могли помѣряться силами съ своими
гонителями; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не покидали своей пози-
ціи, не отступались отъ исповѣдуемаго ими ученія. Хасиды
выказали на этотъ разъ много пассивной энергіи, большую
стойкость и умѣніе терпѣливо пережить бурю, не падая ду-
хомъ. Сознаніе незаслуженнаго мученичества за убѣжденія

¹ См. „Восходъ“ кн. VI.

жило въ глубинѣ ихъ душъ,—то высокое и распалющее духъ сознание, которое даетъ вѣрующему силу всему противустоять и возводитъ самыхъ обыкновенныхъ людей на степень героевъ. Это сознание питало въ нихъ горячую привязанность къ исповѣданію, за которое имъ приходилось страдать; оно поддерживало въ нихъ огонь вѣры и порою нашептывало надежду на лучшее будущее. Послѣ гоненій 1772 г., хасиды, какъ уже сказано въ предыдущей главѣ, во многихъ мѣстахъ притихли, замкнулись въ себя, скрываясь отъ бдительнаго ока раввиновъ; но это содѣйствовало лишь болѣе тѣсному единенію между членами опальной секты. Союзъ ихъ отъ этого только укрѣпился. Раввины приняли временное затишье въ лагерѣ сектантовъ за признакъ своей надъ ними побѣды, но ошиблись въ расчетѣ и вскорѣ убѣдились въ своей ошибкѣ.

Съ юга опять надвигалась гроза. Тамъ, на Украинѣ, среди простоватыхъ жителей Подолии и Волыни, шла глухая, но дѣятельная работа религіозной пропаганды. Хасидизмъ тамъ почти безъ боя покорялъ городъ за городомъ. Не только масса, но и многіе раввины — изъ разряда захудалыхъ талмудистовъ, расположенныхъ къ мистическому и втайнѣ питавшихъ недовольство существующимъ порядкомъ—примыкали къ многочисленной уже тогда сектѣ. Благодаря этому сочувствію раввиновъ, ученіе Вешта вербовало себѣ здѣсь приверженцевъ не единицами, какъ въ талмудической Литвѣ, а сотнями и тысячами. Цѣлыя общины принимали новое ученіе вслѣдъ за своими духовными пастырями, которые въ свою очередь были увлечены общимъ теченіемъ и вдобавокъ пріятною перспективою—играть роль цадиковъ, боготворимыхъ и щедро одаряемыхъ народомъ. То же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, происходило и въ Польшѣ и въ недавно присоединенной къ Австріи—Галиціи. Въ этой послѣдней странѣ особыя обстоятельства, о коихъ будетъ рассказано ниже, сильно затрудняли наступательный ходъ хасидизма, но ни остановить его, ни ослабить его стремительность все-таки не могли. Духовныя чада Бера изъ Межирича послѣ его смерти подѣлили между собою его власть надъ вѣрующими. Широкою волною разлилась іерархія цадиковъ по всему району осѣлости хасидовъ. Ряды сектантовъ все больше

густѣли и все выше и выше поднимался стягъ хасидизма на югъ и на западъ. Сравнительно малочисленная группа хасидовъ сѣверо-западнаго края, затертая среди массы противниковъ, гонимая и опальная, могла съ отрадою взирать издали на этотъ гордо поднятый стягъ, знакъ торжества исповѣдуемаго ею ученія въ другихъ краяхъ, и почерпать въ этомъ зрѣлищѣ утѣшеніе и надежду. Оправившись отъ пораженія, литовскіе хасиды къ концу 1770-хъ годовъ дѣйствительно стали мало-помалу поднимать голову и смѣлѣе исповѣдывать свое ученіе.

Какъ бы въ подтвержденіе факта о неожиданныхъ завоеваніяхъ и торжествѣ хасидизма послѣ постигшихъ его тяжелыхъ испытаній, на сцену выступаетъ новая могучая сила, долженствующая служить интересамъ хасидской секты. Эта сила — *литература*. Въ 1780 г., послѣ тридцатилѣтняго существованія секты, появляется *первая печатная хасидская книга* — знакомое уже намъ произведеніе Бештова апостола, Яковъ-Іосифа Когена.

До этого времени у хасидовъ не было публичной литературы. Существовала и ходила по рукамъ литература рукописная, заключающая въ себѣ, повидимому, изреченія Бешта и списки съ проповѣдей его преемника и сподвижниковъ. Мы видѣли, что при обыскѣ, произведенномъ у виленскихъ хасидовъ мѣстнымъ кагаломъ, найдена была цѣлая масса рукописей, сохранившихъ въ себѣ, какъ гласитъ кагалный протоколъ, «законы сихъ безбожниковъ, отличные отъ законовъ всего Израіля» и «пропитанныхъ ядомъ ереси»¹. Для литовскихъ хасидовъ, удаленныхъ отъ источника живой, устной пропаганды хасидизма и вдобавокъ большихъ книжниковъ, эта рукописная литература замѣняла въ нѣкоторой степени живыхъ учителей и проповѣдниковъ, голосъ которыхъ такимъ путемъ доносился къ нимъ изъ далекой Подолии, Галиціи и Волыни. Но по самому своему характеру такая письменность могла быть рассчитана, конечно, лишь на немногихъ любителей, и то единственно на сектантовъ, желавшихъ подробно знакомиться съ догматами принятаго ими ученія. Для публики же, и особенно для всѣхъ не-

¹ Ср. выше, гл. II и III.

принадлежавши хъ къ сектѣ она была недоступна. И такимъ образомъ въ народѣ, даже въ высшихъ его классахъ, существовали самыя смутныя и сбивчивыя представленія о хасидахъ, объ ихъ догматахъ и о происхожденіи ихъ ученія. Многіе, особенно въ отдаленныхъ отъ Подолии краяхъ, не слышали даже имени Бешта¹; другіе, слышавшіе о немъ, считали его вождемъ тайныхъ саббатіанцевъ, сторонникомъ франкистовъ или членомъ стараго ордена хасидовъ-мессіанистовъ, а инымъ онъ былъ извѣстенъ только какъ знахарь-чудотворецъ. О сектѣ и ея религіозныхъ стремленіяхъ распространялись въ народѣ такіе же нелѣпыя и странныя толки. Все это происходило отъ того, что на первыхъ порахъ хасиды по большей части играли роль тайнаго общества, да еще отъ того, что у нихъ не было публичной, печатной литературы. Но вотъ таинственная завѣса наконецъ спала: тайныя общества были накрыты въ 1772 г., а спустя восемь лѣтъ зародилась у хасидовъ публичная догматическая литература.

Отцомъ этой литературы былъ, какъ мы уже сказали, пре-старѣлый сподвижникъ и апостоль Бешта, Яковъ-Іосифъ Когенъ. Онъ жилъ въ то время въ м. Полонномъ, на Воляни. Слишкомъ тридцать лѣтъ онъ проповѣдывалъ по разнымъ городамъ юга ученіе Израиля изъ Меджибожа, пересыпая свои проповѣди изреченіями, непосредственно слышанными отъ покойнаго учителя и тщательно записанными вѣрными апостолами. Свои собственныя проповѣди Яковъ-Іосифъ также записывалъ, и нѣкоторое время эти проповѣди, повидимому, распространялись въ спискахъ и входили въ составъ вышеупомянутой рукописной литературы. Авторъ имѣлъ, очевидно, намѣреніе напечатать ихъ, но долго не приводилъ своего намѣренія въ исполненіе, изъ опасенія навлечь на себя преслѣдованія. Гоненія, которымъ подвергались хасиды въ 1772 году, вы-

¹ Замѣчательно, что и въ равнинскихъ протоколахъ и циркулярахъ 1772 г., направленныхъ противъ хасидовъ, ни разу не упоминается имя Бешта, какъ руководителя секты. Трудно допустить, чтобы вилевскій кагалъ вовсе не зналъ о Бештѣ, но, повидимому, о немъ знали весьма мало и имѣли смутное понятіе о его дѣятельности. О преемникѣ Бешта, Берѣ изъ Межирича, въ Литвѣ знали гораздо больше, какъ въ своемъ мѣстѣ уже было указано.

вели его изъ нерѣшительности. Эти жестокия гоненія должны были задѣть апостола за живое и пробудить въ немъ старую ненависть къ раввинамъ, отъ которыхъ онъ и лично нѣкогда много терпѣлъ. И вотъ онъ на старости лѣтъ рѣшился вступить въ борьбу за свою оскорбленную святыню, за дѣло, которое онъ считалъ правымъ и спасительнымъ. Гнѣвомъ и ненавистью къ раввинизму приправилъ онъ свои проповѣди, придавъ имъ рѣзкій, воинственный тонъ,—и въ этой рѣзкой формѣ напечаталъ ихъ въ 1780 г. въ специально-хасидской типографіи въ Меджибожѣ, — городѣ, служившемъ колыбелью хасидизма. Книга вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Произведеніе Яковъ-Іосифа», *פר"ו זר"ו ליל"ו*, и безъ цензурнаго разрѣшенія, то-есть безъ обычныхъ раввинскихъ одобреній во главѣ, игравшихъ въ то время роль неизбѣжной духовной цензуры.

Эта книга открыла противникамъ секты глаза на многое, чего они прежде не знали. Читающая публика узнала изъ нея подробности дотогѣ таинственнаго хасидскаго ученія, какъ оно изложено въ подлинныхъ изреченіяхъ Бешта и толкованіяхъ его ближайшихъ учениковъ; узнала кое-что и о загадочной личности самого творца хасидизма, котораго Яковъ-Іосифъ величаетъ непосредственнымъ ученикомъ библейскаго пророка Ахія Силомскаго и вообще выставляетъ человекомъ, имѣвшимъ прямыя сношенія съ высшими мірами¹. Многіе впервые узнали изъ этой книги, что Бештъ былъ не простой ангарь-чудотворецъ, какимъ его выставляла темная легенда, а глубокий религіозный мыслитель, создавшій вѣроученіе, которому можно было отказывать въ правотѣ съ раввинской точки зрѣнія, но въ которомъ нельзя было отрицать ни глубины чувства, ни стройной послѣдовательности и систематичности. Изреченія Бешта, сопровождаемыя объясненіями его апостола, должны были вызывать въ однихъ сочувствіе, а въ другихъ—негодованіе, такъ какъ ученіе хасидизма изложено въ нихъ ясно и опредѣленно, безъ утайки. Но не столько въ этой по-

¹ *פר"ו זר"ו ליל"ו*, стр. 30, 381, 416, гдѣ между прочимъ разсказывается о вознесеніи Бешта на небо, лицезрѣніи имъ архангела Михаила, и тому подобнымъ видѣніямъ.

ложительной, догматической сторонѣ заключается историческое значеніе книги Яковъ-Иосифа, сколько въ отрицательной, обличительной части ея, — въ ея рѣзкихъ нападкахъ на существующій порядокъ, на раввинизмъ и на раввиновъ. Мы уже успѣли ознакомиться въ общихъ чертахъ съ характеромъ этихъ обличеній и можемъ представить себѣ, какой взрывъ негодованія должны были вызвать они въ тѣхъ, противъ которыхъ были направлены ¹. Раввины съ ужасомъ увидѣли, что хасидизмъ, который они недавно такъ сильно преслѣдовали, самъ теперь переходитъ въ наступленіе и атакуетъ лагерь своихъ преслѣдователей. Рѣзкій, гордый тонъ книги долженъ былъ оскорбить ихъ сословное самолюбіе. Раввины въ ней то и дѣло обзываются «бѣсовскимъ орудіемъ», «мудрыми настолько, чтобы вредить», «лжеучителями» и тому подобными ругательными эпитетами. Раввинизмъ, съ его системой книжнаго ученія вмѣсто живой вѣры, осуждается безповоротно. Авторъ прямо заявляетъ, «что не слѣдуетъ предаваться постоянно ученію книжному, но необходимо чаще сходитьса съ людьми, ибо богобоязненность возможна и въ дѣлахъ житейскихъ» ². Въ этихъ словахъ ревнители вѣры усмотрѣли покушеніе на важнѣйшую основу стараго порядка—на талмудизмъ. Безпощадно бичуетъ авторъ пороки современнаго ему духовенства—высокомѣріе ученыхъ, корыстолюбіе и бездушный формализмъ народныхъ пастырей, не желающихъ знать своихъ паствъ и тѣмъ отталкивающихъ массу отъ источника непосредственной вѣры. Этому порочному аристократическому духовенству онъ противопоставитъ свое идеальное демократическое духовенство, въ образѣ цадиковъ, считающихъ первою своею обязанностью идти къ народу и удовлетворять его религіознымъ потребностямъ. Онъ прямо обращается къ массѣ съ призывомъ—ради спасенія души бросить старыхъ своихъ пастырей и «прилѣпиться къ истиннымъ мудрецамъ», именуемымъ «цадиками», являющимися къ народу въ своихъ проповѣдяхъ не съ пустыми учеными словопреніями, а со словомъ вѣры, съ живымъ нравоученіемъ ³.

¹ См. „Возникновеніе цадикства“, гл. IV.

² דב"י דר"י ל"ח"ג, стр. 55.

³ Тамъ же, стр. 149, 153, 240, 385 и passim.

Яковъ-Іосифъ не упускаетъ случая жаловаться на жестокиа гоненія, воздвигнутыя раввинами на хасидовъ, и старается доказать мученичествомъ сектантовъ правоту дѣла, за которое они страдали. Въ этихъ жалобахъ слышатся намъ отголоски раввинскихъ репрессалій и отлученій 1772 года; изъ нихъ мы узнаемъ, какъ болѣзненно отзывались эти преслѣдованія въ душѣ людей, стоявшихъ во главѣ секты. Раввины-лжемудрецы, — жалуется авторъ, — пользуясь своею свѣтскою властью и даже содѣйствіемъ не-еврейской администраціи, составили заговоръ противъ людей, истинно вѣрующихъ. Они всячески преслѣдуютъ благочестивцевъ (хасидовъ), разгоняютъ ихъ молитвенныя собранія, не даютъ имъ отправлять богослуженіе внѣ общихъ синагогъ; глумятся надъ ихъ обрядами, распускаютъ всевозможныя клеветы про святыхъ цадиковъ, и часто, встрѣчая сопротивленіе, изгоняютъ ревностныхъ и стойкихъ въ своей вѣрѣ сектантовъ изъ мѣстъ ихъ жительства ¹. Яковъ-Іосифъ называетъ это тяжелое положеніе хасидовъ «плѣненіемъ служителей истиннаго Бога у многоученыхъ лжепророковъ Ваала», и ядовито прибавляетъ, что это плѣненіе еще болѣе тяжело, чѣмъ всееврейскій «голусъ» (разсѣяніе) между преслѣдующими и ненавидящими насъ иновѣрцами ². До такихъ рѣзкостей никто еще изъ хасидскихъ вождей не договорился — и рѣзкости эти должны были естественно возмутить тѣхъ, по чьему адресу были направлены.

О силѣ возмущенія раввиновъ обличительною книгой Яковъ-Іосифа свидѣтельствуютъ нѣкоторые дошедшіе до насъ отъ того времени документы. Въ одномъ раввинскомъ посланіи отъ 1781 г. говорится по этому поводу слѣдующее: «Слухи о появленіи въ нашемъ краѣ, въ мѣсяцѣ Авѣ 1781 г., книги, написанной раввиномъ города Полоннаго Яковъ-Іосифомъ, повергли душу нашу въ скорбь. Содержаніе этой книги состоитъ изъ нравоученій и толкованій Св. Писанія по ихъ (хасидовъ) методу, изложенныхъ въ формѣ проповѣдей, которыя ихъ учителя произносятъ по субботамъ во время третьей трапезы. Это — совер-

¹ Тамъ же, стр. 175, 199, 265, 272 и др.

² Тамъ же, стр. 349 и passim.

шенно новый методъ, переданный сектантамъ ихъ учителемъ Израилемъ Бештомъ, о коемъ его приверженцы рассказываютъ, что онъ получилъ свою мудрость отъ пророка Ахін Силомскаго. Цѣль автора этой книги состоитъ въ томъ, чтобы соблазнить всѣхъ евреевъ, склонить ихъ къ отступничеству отъ вѣры и упразднить занятіе какъ явную, такъ и тайною мудростью» (т. е. Талмудомъ и Каббалю). Далѣе въ посланіи приводятся изъ книги нѣкоторыя рѣзкіе антираввинскіе отрывки, сопровождаемые выраженіями негодованія ¹. Въ другомъ современномъ документѣ книга апостола хасидизма названа «сосудомъ нечестія, источникомъ мрака, произведеніемъ еретика, разрушающаго законъ Божій, вмѣстилищемъ всевозможныхъ ядовъ, смертоносныхъ для всякаго, кто къ сей книгѣ прикоснется» ².

Чтобы предохранить народъ отъ отравленія этимъ «смертоноснымъ ядомъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить за свое оскорбленное самолюбіе, раввины рѣшили прежде всего подвергнуть дерзкое сочиненіе ауто-да-фе. Это рѣшеніе приведено было въ исполненіе въ галиційской столицѣ — въ Бродяхъ, гдѣ раввинское сословіе пользовалось еще значительною силой. По приказанію мѣстнаго духовнаго суда и кагала, книга Яковъ-Іосифа была сожжена публично на площади, передъ домомъ одного изъ главныхъ вождей галиційскихъ хасидовъ — Михеля изъ Злочова ³. Это было, повидимому, въ 1781 году. Хасидская легенда сохранила трогательный рассказъ объ этомъ грустномъ въ лѣтописяхъ секты событіи. Она повѣствуетъ, что сынъ упомянутаго падика Михеля перенесенъ былъ на небо въ летаргическомъ снѣ (hinher Plet) и былъ тамъ свидѣтелемъ той бури, какую надѣлало въ высшихъ сферахъ нечестивое намѣреніе раввиновъ (легенда говорить только о *намѣреніи* сжечь книгу). Онъ слышалъ горестныя

¹ См. рукопись רמ"ל ע"ז ג'ק"ל , документъ № 25. Книга Яковъ-Іосифа тутъ ошибочно названа ספר אורי נור (вмѣсто מורה נבוכים), но ошибка очевидна. Въ посланіи поставлено на видъ, что книга вышла безъ одобренія духовной цензуры.

² Тамъ же, № 1.

³ См. „Восхваленія Бешта“, 36, с. $\text{וְהָיָה סֵפֶר הַיְסוּדִים}$ Іосифа Перела, предисловіе, прилѣч. 4-е.

вопли своего отца, какимъ-то чудомъ представшаго предъ небеснымъ судомъ и умолявшаго о предотвращеніи бѣды; онъ видѣлъ тамъ и автора несчастной книги, Яковъ-Іосифа, который навзрыдь плакалъ, предвидя истребленіе своего духовнаго дѣтища; онъ узрѣлъ наконецъ и самого великаго Бешта, при вступленіи котораго въ палаты небеснаго суда дрогнули всѣ высшіе міры. Въ моментъ появленія Бешта духовидецъ внезапно очнулся отъ своего летаргическаго сна, или, какъ легенда говоритъ, «отпущенъ былъ домой» и больше ничего не видѣлъ¹. Мы знаемъ однако, что предстательство великихъ мужей хасидскихъ передъ небеснымъ судомъ ни къ чему не повело и не спасло книги отъ руки суда земного.

Такія же ауто-да-фе надъ опальной книгою совершались, повидимому, и въ другихъ мѣстахъ, особенно же въ районѣ, подвѣдомственномъ верховному галиційскому раввинату, резиденція коего находилась въ Вродахъ. На Украинѣ, родинѣ автора и книги, послѣдняя, повидимому, избѣгла такой печальной участи, такъ какъ раввинскій авторитетъ тутъ былъ слишкомъ ничтоженъ, а сила хасидской партіи—слишкомъ велика. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, вѣроятно, и тотъ фактъ, что личность Яковъ-Іосифа осталась неприкосновенною въ борьбѣ, поднятой его книгой, и что апостоль хасидизма лично не сталъ жертвою мести раввиновъ. На Волыни, гдѣ тогда жилъ этотъ престарѣлый сподвижникъ Бешта, онъ видѣлъ за собою великую рать хасидовъ, среди которыхъ онъ могъ чувствовать себя въ безопасности. Вотъ почему преслѣдованія, коимъ подверглось его сочиненіе, не устрашили его, а, напротивъ, поощрили и воспламенили его рвеніе. Они доказали ему, что онъ попалъ въ цѣль, что раввины подняли брошенную имъ перчатку. Онъ поэтому рѣшилъ продолжать свою апостольскую литературную дѣятельность. Его первая книга имѣла огромный количественный успѣхъ, выдержавъ въ теченіе трехъ лѣтъ три изданія². Въ 1781 и 1782 г. Яковъ-Іосифъ выпустилъ въ

¹ Восхваленія, 36, с—d.

² Второе изданіе напечатано было въ Корецѣ въ томъ же 1780 г., когда въ Меджибожѣ появилось первое, а третье изданіе вышло въ 1788 г., также въ Корецѣ. См. Библиограф. лексиконъ Венъ-Якоба, а. v.

свѣтъ двѣ другія свои книги, посвященныя преимущественно догматикѣ хасидизма и также изобильно уснащенныя изреченіями Бешта ¹. Къ одной изъ нихъ было приложено извѣстное намъ пророческое посланіе Бешта въ Палестину, отъ 1747 года, гдѣ основатель хасидизма прямо заявляетъ о своей великой, міровой миссіи и утверждаетъ, что Мессія явится Израилю лишь тогда, когда будутъ усвоены всѣми евреями истины хасидизма ². Эти двѣ книги, однако, много шуму не сдѣлали: послѣ первой, онѣ могли казаться сравнительно умѣренными.

Вообще преслѣдованія, которыми встрѣчено было появленіе первой печатной хасидской книги, не остановили роста хасидской литературы. Послѣдняя продолжала развиваться и распространяться вмѣстѣ съ распространеніемъ самой секты. Такъ въ 1784 г. вышло въ свѣтъ замѣчательное догматическое произведеніе Вера изъ Межирича; въ томъ же году появилась первая часть сборника изреченій Бешта; въ 1788 г. появилась книга Элимелеха Ливенскаго, заключающая въ себѣ полный кодексъ цадикизма; въ 1792 г. опубликовано знаменитое «Завѣщаніе Бешта», а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ произведеній потомковъ и учениковъ Бешта и Вера,—произведеній, могущихъ составить обширную бібліотеку.

Въ нѣкоторыхъ центрахъ хасидской осѣдлости, какъ, напр., въ волынскомъ городкѣ Корецѣ, въ галиційскихъ Жолкѣвѣ и Львовѣ, въ литовскомъ мѣстечкѣ Шкловѣ, возникли особыя типографіи, специально занимавшіяся печатаніемъ такого рода книгъ. Нѣсколько позже, въ 1790-хъ годахъ, въ Славутахъ, на Волыни, устроена была большая центральная типографія для печатанія хасидскихъ книгъ. Славутская типографія существовала очень долго, до закрытія ея правительствомъ въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія, и имѣла свою печальную исторію.

Въ этихъ типографіяхъ, кромѣ произведеній хасидскихъ писателей, печатались въ очень большомъ количествѣ и родствен-

¹ «См. гл. 12 Львовъ, в. а., и гл. 12 Корець, 1782 г. См. Лексиконъ Азулаи, т. II, буква Ц, № 29.

² См. „Возникновеніе хасидизма“, гл. VI („Восходъ“ 1888 г., кн. X, стр. 28—29).

ныя имъ по духу сочиненія выдающихся каббалистовъ и мистиковъ прежняго времени. Особенно ревностно печатались произведенія школы практическихъ каббалистовъ и ея первоучителей—Исаака Лурія и Хаима Виталья. Замѣчательнѣе всего то, что хасидскіе типографы не ограничивались перепечаткою старыхъ книгъ этого рода, но осмѣливались выпускать въ свѣтъ рукописныя мистическія сочиненія древнихъ авторовъ, издавна запрещенныя раввинами къ обнародованію. Извѣстно, что вслѣдствіе саббатіанской ереси, опиравшейся на луріанскую практическую Каббалу, раввины еще въ XVII столѣтіи запретили печатать особенно опасныя писанія Лурія, Виталья и ихъ учениковъ. Вслѣдствіе этого, писанія такого рода обращались въ рукописныхъ копіяхъ и носили общее названіе «Луріанскія Писанія» (לוריאני פסוקים). Въ силу тѣхъ же причинъ не дозволялось печатать и мистическія сочиненія М. Х. Лудцато, заподозрѣннаго въ мессіанскихъ стремленіяхъ и отлученнаго отъ синагоги. Хасидскіе типографы первые рѣшились нарушить эти раввинскія запрещенія и стали печатать опальные рукописи, на которыя давно уже былъ большой спросъ. Такъ, въ 1785 г. въ Корецѣ въ первый разъ напечатанъ былъ главный сводъ практической Каббалы: «Плоды древа жизни», почти двѣсти лѣтъ существовавшій только въ спискахъ; годомъ раньше тамъ же напечатана старинная рукописная книга «Кана», полная мистическихъ бредней и видѣній. Равнымъ образомъ впервые обнародованы въ Корецѣ и Шкловѣ, въ 1785 г., каббалистическія рукописи Лудцато: «Врата мудрости» и «Философъ и каббалистъ». Вообще опальныя мистическія книги въ 1780-хъ годахъ печатались и распространялись въ громадномъ количествѣ. Раввины возмущались и негодовали, обвиняли хасидовъ въ нарушеніи древняго «херема»¹; но ихъ протестъ ни къ чему не повелъ. Книги каббалистическія и хасидскія продолжали издаваться и во множествѣ расходиться въ народѣ.

¹ См. рукопись *Умн су гмт*, № 28: «Они (хасиды) разрѣшили себѣ печатать всѣ книги каббалистовъ, которыя до того были скрыты отъ жорговъ и не публиковались, дабы отъ нихъ не произошло заблужденія, въ родѣ „Древа жизни“, „Кана“ и другихъ“.

Литература, такимъ образомъ, сдѣлалась силою, могущественнымъ орудіемъ, которымъ предводители хасидской секты стали пользоваться какъ для пропаганды своихъ воззрѣній, такъ и для борьбы съ врагами. Съ этою новою силою раввинамъ приходилось считаться.

VII. Второй походъ литовскихъ раввиновъ противъ хасидской секты (1781 г.).

Отголосокъ успѣховъ украинскаго хасидизма въ Литвѣ.—Главарь литовско-бѣлорусскихъ хасидовъ въ десятилѣтіе ватныя (1772 — 1781 г.): Соломонъ Карлинскій, Левъ-Ицхокъ Пинскій, Хайкель Амдурскій и Мендель Витебскій.—Оживленіе въ хасидскихъ кружкахъ.—Новый походъ противъ хасидовъ и сигналъ къ борьбѣ.—Роспускъ о поведеніи литовскихъ сектантовъ.—Объявленіе строгаго *херема* противъ хасидовъ въ Вильнѣ въ юнѣ 1781 г.—Отправка двухъ уполномоченныхъ съ воззваніемъ къ главнымъ окружнымъ раввинамъ Литвы.—Съѣздъ раввиновъ на армаргѣ въ Зельвѣ.—Объявленіе вилненскаго херема на армаргѣ.—Прокламаціи гродненскихъ, пинскихъ, брестскихъ и слудскихъ раввиновъ.—Значеніе зельвскихъ демонстрацій.—Повтореніе *херема* въ Вильнѣ.—Рѣзкій характеръ гоненій на хасидовъ 1781 г.—Дальнѣйшее развитіе хасидизма и культа цади-ковъ.—Три отрасли хасидизма.

Въ такомъ положеніи были дѣла секты въ началѣ 1780-хъ годовъ въ Украинѣ и Польшѣ. Не то происходило въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Здѣсь все еще не могли примириться не только съ торжествомъ антираввинской секты, но даже съ самымъ фактомъ ея существованія. Хасиды здѣсь все еще были въ законѣ, хотя и успѣли уже нѣсколько оправиться отъ пораженія 1772 года. Въ то время какъ на югѣ хасидизмъ, чувствуя за собою силу, переходилъ въ наступленіе, воинствовалъ въ литературѣ, и въ лицѣ своихъ жрецовъ, цади-ковъ, оспаривалъ духовную власть у раввиновъ,—на сѣверѣ все еще деспотически и самодержавно властвовали раввинизмъ, поддерживаемый все-сильнымъ кагаломъ. Немногочисленная группа литовско-бѣлорусскихъ хасидовъ находилась въ тискахъ крѣпкаго кагално-раввинскаго правительства и, чтобъ не очень сильно чувствовать давленіе этихъ тисковъ, должна была поневолѣ какъ можно больше съживаться и сокращаться. Это послужило имъ нѣкоторымъ образомъ во спасеніе. Тщательнымъ маскированіемъ своихъ убѣжденій, наружнымъ смиреніемъ и устраненіемъ всего

рѣзкаго изъ своего культа имъ удалось на время усыпить бдительность своихъ гонителей. Нѣсколько лѣтъ спокойствія ободрили ихъ. Слухи о торжествѣ секты на югѣ и далекомъ западѣ наполняли ихъ сердца радостью и пытали въ нихъ надежду на лучшее будущее. Побитые и поверженные, сѣверные хасиды вновь зашевелились. Ослабленные, разрозненные недавними гоненіями, они стремились объединиться и собирались съ силами для новыхъ подвиговъ.

Больше всего литовско-бѣлорусскіе хасиды нуждались въ сосредоточеніи своихъ силъ вокругъ одного или нѣсколькихъ энергическихъ вождей. Эта централизація силъ была самою трудною частью ихъ задачи. Кромѣ неудобствъ, протекавшихъ изъ необходимости скрываться и дѣйствовать осторожно, подъ носомъ у чуткаго непріятеля, была еще причина, мѣшавшая сосредоточенію и правильной организаціи силъ сѣверныхъ хасидовъ. Она заключалась въ политическомъ разъединеніи двухъ частей сѣвернаго края, изъ которыхъ одна, Бѣлоруссія (губерніи Могилевская и Витебская, тогдашняя «Полоцкая»), отошла въ силу раздѣла Польши 1772 г. къ Россіи, а другая (Литва вмѣстѣ съ Минской губерніей) осталась за Польшей. Это политическое разъединеніе, длившееся слишкомъ 20 лѣтъ, до послѣднихъ раздѣловъ Польши, не могло не отразиться и на судьбѣ сѣверныхъ сектантовъ, ибо препятствовало единенію ихъ между собою, затрудняя взаимныя внѣшнія сношенія между хасидами раздѣленныхъ провинцій.

Не смотря, однако, на всѣ эти препятствія, оживленіе въ лагерѣ хасидовъ продолжалось. Если и не было еще энергическихъ вождей-организаторовъ, то все-таки тамъ и сямъ выступали уже дѣятели, собиравшіе вокругъ себя остатки разбитыхъ хасидскихъ кружковъ и основывавшіе свои небольшіе центры въ различныхъ городахъ. Эти дѣятели являлись на смѣну сошедшимъ со сцены первымъ миссіонерамъ хасидизма на сѣверѣ, въ родѣ Арона Карлинскаго, Израиля Полоцкаго и пострадавшихъ виленскихъ проповѣдниковъ Хаима и Иссара. Наученные горькимъ опытомъ, новые вожди дѣйствовали осторожнѣе своихъ предшественниковъ. Эта осторожность давала имъ возможность дер-

жаться нѣкоторое время, хотя въ концѣ концовъ и она не спасла ихъ отъ преслѣдованій, какъ вскорѣ увидимъ.

Наиболѣе видными дѣятелями, выдвинутыми хасидской партіей въ Литвѣ и Вѣлоруссiи въ промежутокъ времени между 1772 и 1781 годами—въ этотъ короткій періодъ затишья—были: *Соломонъ Карлинскій*, *Леви-Ицхокъ Пинскій* (впослѣдствіи «Бердичевскій»), *Хайкель Амдурскій* и *Мендель Витебскій*. Первый изъ нихъ былъ ученикомъ и сподвижникомъ Арона Карлинскаго и послѣ ранней смерти своего учителя заступилъ его мѣсто. Соломонъ въ юные годы находился также въ кружкѣ «верховнаго главы» Бера, въ Межиричѣ ¹. О его жизни и дѣятельности очень мало извѣстно. Хасидскія преданія возвеличиваютъ Соломона до небесъ, выставляя, по обыкновенію, главнымъ достоинствомъ своего героя пламенную религіозную экзальтацію. Съ этой экзальтаціей связываютъ и его мученическую смерть, послѣдовавшую въ 1812 г., во время нашествія французовъ ². Дѣятельность Соломона въ теченіе столь долгой жизни была, повидимому, только теоретическая: онъ былъ не общественнымъ дѣтелемъ и не вожакомъ партіи, а только учителемъ и главою школы, изъ которой впослѣдствіи вышли прославленные литовскіе цадики ³. Намъ еще придется говорить о роли этого учителя въ дальнѣйшемъ описаніи. Пока для насъ важень фактъ, что уже въ 1770-хъ годахъ въ Карлинѣ, въ старомъ гнѣздѣ литовскаго хасидизма, жилъ чловѣкъ, который продолжалъ миссію первыхъ проповѣдниковъ Бештова ученія и несомнѣнно стоялъ во главѣ приверженцевъ послѣдняго въ городѣ и его округѣ ⁴.

¹ См. *лѣтн гѣ*, стр. 41; Лексиконъ *Вальдена*, в. v.; *Т"лп ח"דו* *Родкинсона*, стр. 21.

² Тамъ же, кромѣ послѣдняго источника.

³ *лѣтн гѣ*, стр. 74—76.

⁴ Что Соломонъ Карлинскій началъ свою карьеру не позже 70-хъ годовъ, видно какъ изъ преданія, считающаго его непосредственнымъ преемникомъ Арона и ученикомъ Бера изъ Межирича, такъ и изъ того, что въ 90-хъ годахъ играли уже значительную роль ученики Соломона, въ родѣ Мордуха Лохвительскаго (см. рукопись *ח"מ עו ח"ד*, № 16). Можно еще сослаться на одобреніе Соломона къ первому изданію книги *זו"ר עו ח"ד*, вышедшему въ 1784 г. Изъ

Гораздо болѣе дѣятельнымъ характеромъ отличался современникъ и товарищъ Соломона, Леви-Ицхокъ, жившій въ описываемое время въ сосѣднемъ съ Карлиномъ Пинскѣ. Леви-Ицхокъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ учениковъ Вера, къ кружку котораго примкнулъ около 1770 года, занимая въ то же время одну изъ раввинскихъ должностей въ Пинскѣ. Разоблаченія 1772 г. отразились и на его судьбѣ. Его начали преслѣдовать и всячески оскорблять. Въ немъ видѣли челоѣка, подлежащаго «херему», провозглашенному въ Вильнѣ надъ всѣми сектантами. Собственная паства возставала противъ него. Привязанный къ нему хасидскій кружокъ былъ малочисленъ, обезсиленъ и раздробленъ тѣми же гоненіями, а потому не могъ оказывать помощь своему вождю. При такомъ положеніи Леви-Ицхокъ не могъ удержаться въ Пинскѣ—и онъ вынужденъ былъ въ концѣ 1770-хъ годовъ переселиться въ глубь Польши, въ м. Желеховъ, гдѣ былъ избранъ раввиномъ. Литовскіе раввины не переставали, однако, видѣть въ немъ опаснаго челоѣка и будущаго вождя секты, и одинъ изъ нихъ, знаменитый брестскій раввинъ Авраамъ Каценеленбогенъ, вызвалъ его на публичный религіозный диспутъ. Диспутъ происходилъ въ Варшавѣ, въ 1780 г.—и, конечно, только усилилъ вражду между противниками. За нимъ послѣдовала рѣзкая письменная полемика, приведшая къ тѣмъ же послѣдствіямъ¹. Опасенія раввиновъ, впрочемъ, сбылись. Спустя нѣсколько лѣтъ, Леви-Ицхокъ переселился окончательно въ Бердичевъ и сталъ во главѣ многочисленныхъ волынскихъ хасидовъ, которыми управлялъ до смерти своей, въ 1809 г. Ниже, во главѣ объ украинскомъ хасидизмѣ, мы подробнѣе расскажемъ біографію этого замѣчательнаго хасидскаго вождя, исторію его мытарствъ, диспута и столкновеній съ раввинами. Для описываемаго же нами теперь момента интересна только первоначальная карьера Леви-Ицхока въ Литвѣ. И здѣсь для насъ имѣетъ значеніе то, что еще до роковаго 1781 г. Леви-Ицхокъ игралъ нѣкоторое время роль главы хасидскаго

этого одобренія видно, что Соломонъ тогда временно проживалъ во Владимірѣ Волынскомъ, гдѣ онъ, можетъ быть, скрывался отъ преслѣдованій послѣ несчастнаго для литовскихъ хасидовъ 1781 года.

¹ См. у Луби, № 19; у Луби 5а и 5б, II, 88; у Луби 77, стр. 35 и сл.

кружка въ Пинскѣ, успѣлъ прослыть опаснымъ «еретикомъ», и надѣлать много шуму своимъ религіознымъ диспутомъ и полемикой съ авторитетнѣйшимъ раввиномъ. Нѣкоторое движеніе, стало быть, происходило въ лагерѣ литовскихъ хасидовъ даже во время десятилѣтняго затишья, послѣдовавшаго за 72-мъ годомъ.

Въ это же десятилѣтіе образовался порядочный хасидскій центръ и въ другой части Литвы—въ Гродненской губерніи. Здѣсь во главѣ значительной группы хасидовъ стоялъ *Хайкель Амдурскій*, прованный по мѣсту своего жительства (м. Амдуръ) *Амдурскимъ*, — личность своеобразная, загадочная и только отчасти освѣщаемая источниками. Хасидское преданіе выставляетъ его непосредственнымъ ученикомъ Вера изъ Межирича, причастнымъ къ миссіонерской дѣятельности извѣстнаго Израиля Полоцкаго, прославляетъ его святую жизнь и увѣряетъ, что проповѣдь его воспламеняла сердца ¹. Антихасидскіе источники, болѣе достовѣрные свидѣтели въ данномъ случаѣ, рисуютъ эту личность въ иномъ свѣтѣ и въ болѣе подробныхъ чертахъ. По ихъ разсказу, Хайкель былъ сначала бѣднымъ меламедомъ, обучавшимъ дѣтей элементарной еврейской грамотѣ. Въ высшихъ талмудическихъ познаніяхъ онъ былъ очень слабъ и потому не могъ добиться порядочнаго положенія въ обществѣ. Угнетаемый бѣдностью и приниженностью, онъ пустился въ Карлинъ, гдѣ вступилъ въ мѣстный хасидскій кружокъ. Тамъ онъ былъ посвященъ въ тайны хасидскаго ученія (не Арономъ-ли Карлинскимъ?), а затѣмъ возвратился на родину и началъ, по выраженію источника, «ловить въ свои сѣти невинныя души, собирать вокругъ себя всякій сбродъ и разсылать искусителей по разнымъ общинамъ» ². Окончательно Хайкель поселился въ Амдурѣ, гдѣ игралъ роль падика въ 1770—80-хъ годахъ. Хасиды къ нему собирались массами со

¹ Лексиконъ *Вальдена*, т. 22. Ср. съ показаніемъ לייחל ורר, стр. 32 и 34. Первый свидѣтельствуетъ, что Хайкель оставилъ послѣ себя много рукописныхъ сочиненій, донынѣ еще не изданныхъ. Въ печатномъ видѣ дошли до насъ отъ Хайкеля лишь нѣсколько отрывковъ, напечатанныхъ въ сборникѣ хасидскихъ изреченій חרל לייחל (Варшава, 1850).

² Рукопись חרל עו לייחל, докум. № 28.

всѣхъ концовъ Литвы, онъ имъ давалъ совѣты, отпускалъ грѣхи и бралъ за это вознагражденіе. Благодаря этому; онъ могъ жить довольно комфортабельно. Окруженный преданными людьми и толпою обожателей, этотъ цадикъ позволялъ себѣ такіе поступки, на какіе едва-ли осмѣлился бы всякій другой представитель хасидской секты въ Литвѣ. Онъ не скрывалъ своей вражды къ раввинизму и рѣзко проповѣдывалъ, какъ противоположность послѣднему, ученіе и даже культъ Вешта. Однажды Хайвель въ кругу приближенныхъ выразился слѣдующимъ образомъ: «только дураки, олухи или безбожники занимаются талмудическими науками и писаніями Луріи. Если у Исаака Луріи дѣйствительно не было другихъ достоинствъ, кромѣ тѣхъ, какія исчислены въ его «Восхваленіяхъ», то навѣрное можно сказать, что нашъ учитель Израиль Бааль-шемъ-товъ превосходитъ его»¹. Раздраженіе противъ раввиновъ, гонителей секты, господствовало и въ кружкѣ амдурскаго цадика. Одинъ изъ «слушителей» Хайкеля хвалился, что «если гдѣ либо встрѣтитъ гаона Илію изъ Вильны, то воткнетъ ножъ въ его чрево»². Весьма возможно, что рѣзкость подобныхъ выраженій значительно преувеличена врагами секты; возможно также, что они высказывались не до, а послѣ преслѣдованій 1781 года; но во всякомъ случаѣ враждебное настроеніе амдурскаго кружка къ раввинамъ, хотъ и сдерживаемое, не могло ускользнуть отъ вниманія духовныхъ властей въ Литвѣ и не могло не ускорить столкновенія.

Если въ личности Хайкеля Амдурскаго мы видимъ нѣкоторыя типическія черты, свойственныя болѣе южнымъ, чѣмъ сѣвернымъ цадикамъ, то въ лицѣ его современника, вождя бѣлорусскихъ хасидовъ *Менделя Витебскаго*, мы уже замѣчаемъ черты иного типа, выработаннаго подъ влияніемъ болѣе очищеннаго хасидизма. Мендель (родомъ изъ м. Городокъ, Витебской губ.) также былъ однимъ изъ ревностныхъ учениковъ Вера и даже имѣлъ честь знать лично самого Вешта. По смерти своего учителя, онъ возвратился на родину и, повидимому,

¹ Тамъ же, съ указаніемъ даты 1781 г. (1786).

² Тамъ же.

сдѣлалъ своей резиденціей г. Витебскъ¹. Здѣсь онъ продолжалъ дѣло, начатое его сподвижникомъ и землякомъ, Израилемъ Полюцкимъ. Онъ проповѣдывалъ хасидское ученіе, размножалъ учениковъ, устраивалъ и поддерживалъ хасидскіе кружки въ различныхъ городахъ своего района. Ученіе его, основанное на теоріяхъ Бешта и Бера, было чуждо крайностей, неумѣренного экстаза и анти-раввинскихъ выходовъ. Самъ Мендель не имѣлъ никакого поползновенія играть роль практическаго падика, чудодѣя или совѣтодателя въ дѣлахъ житейскихъ, а ограничивался только ролью учителя-теоретика и духовнаго пастыря. Недолго, однако, продолжалась его дѣятельность въ Бѣлоруссіи: около 1778 г. онъ уѣхалъ на постоянное жительство въ Палестину, гдѣ пытался устроить особую хасидскую колонію. Авторитетъ его въ Бѣлоруссіи былъ такъ великъ, что и послѣ его отъѣзда очень многіе изъ его паствы обращались къ нему письменно съ разными вопросами и сомнѣніями. На эти обращенія Мендель отвѣчалъ окружными пастырскими посланіями, съ содержаніемъ которыхъ (равно какъ и со всею дѣятельностью его въ Св. Землѣ) мы еще въ своемъ мѣстѣ ознакомимся. Мендель покинулъ родину во-время: вскорѣ послѣ его отъѣзда на хасидовъ воздвигнуты были новыя гоненія, горькія послѣдствія которыхъ пришлось уже испытать преемнику Менделя—великому преобразователю сѣвернаго хасидизма и борцу слѣдующей эпохи, *Залману изъ Лioзна*.

Такимъ образомъ, въ десятилѣтіе 1772—1781 г. мы видимъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей, занимающихся собираніемъ остатковъ разбитыхъ хасидскихъ кружковъ и распространеніемъ осужденной раввинами «ереси». Дѣятельность этихъ «собирателей», при всей ея сравнительной умѣренности, не прошла безслѣдно. Началось новое движеніе въ хасидской средѣ. Возрождались старые хасидскіе кружки, возникали новые. Ободряемые слухами о наступательныхъ подвигахъ хасидизма на югѣ, сѣверные сектанты сдѣлались нѣсколько смѣлѣе, стали мало-по-малу поднимать голову... Но тутъ обрушился на нихъ новый ударъ. С. Дубковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Служба свидѣнія о личности Менделя Витебскаго—въ хасидской *Валдене*, в. в., и въ 1371 'תשנ"א *Родкинсона*, стр. 30—34.

ИСУСЪ НАВИНЪ.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ВИБЛЕЙСКОЙ ЭПОХИ.

Георга Эберса.

ГЛАВА XVI ¹.

Испугавшись собственной слабости, Мириамъ тотчасъ освободилась изъ объятій возлюбленнаго и, полная блаженства и надеждъ на новую милость Господню, стала напряженно слушать краткій разказъ Иисуса обо всемъ, что онъ пережилъ и перечувствовалъ послѣ ея призыва.

Онъ описалъ ей сначала—какой онъ испыталъ душевный разладъ, какъ затѣмъ снова приобрѣлъ полную вѣру, и, повинуясь Богу своего народа и зову отца, отправился во дворецъ, чтобы, пренебрегая угрожавшими ему заточеніемъ или смертной казнью, просить объ освобожденіи его отъ присяги.

Потомъ онъ разказалъ, какъ милостиво встрѣтила его скорбящая царская чета, и какъ онъ взялъ на себя обязанность уговорить вождей народа, чтобы они только на короткое время проводили своихъ соплеменниковъ въ пустыню и затѣмъ отвели ихъ домой, въ Египетъ, гдѣ имъ будетъ предоставлена новая, прекрасная земля къ западу отъ рѣки. Тамъ впредь не будетъ угнетать рабочихъ ни одинъ чуже-

¹ См. «Восходъ», кн. VI.

племенный надсмотрщикъ; всѣми дѣлами евреевъ будутъ руководить старѣйшины изъ евреевъ, и во главѣ ихъ будетъ стоять человекъ, ими же избранный.

Наконецъ Иисусъ прибавилъ, что самъ онъ назначенъ начальствовать надъ вооруженными силами евреевъ и въ качествѣ намѣстника являться, гдѣ это потребуется, примирителемъ и посредникомъ между ними и египтянами.

Въ союзѣ съ нею, онъ, счастливый человекъ, будетъ въ новой странѣ нести заботы о всякомъ, даже ничтожнѣйшемъ изъ его соплеменниковъ. По дорогѣ сюда онъ чувствовалъ себя какъ послѣ кровавой битвы, когда трубные звуки возвѣщаютъ побѣду. Вѣдь онъ имѣетъ право смотрѣть на себя какъ на посла Всевышняго и вѣстника воли Его.

Но тутъ онъ самъ прервалъ свою рѣчь, ибо Мириамъ, которая сначала слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ и сверкающими глазами, стала затѣмъ слѣдить за его словами съ выраженіемъ все болѣе возраставшаго опасенія и тревоги. Но когда онъ заговорилъ о надеждѣ осчастливить народъ въ союзѣ съ нею, она отняла у него свою руку, пугливо посмотрѣла на его мужественное лицо, пылавшее отъ радостнаго возбужденія, и затѣмъ опустила взоры, какъ-бы ища тамъ самообладанія.

Не подозрѣвая того, что происходитъ въ Мириамъ, онъ подошелъ къ ней ближе. Ея молчаніе онъ объяснилъ себѣ стыдливостью дѣвушки послѣ первой ласки, оказанной ею мужчинѣ. Но когда послѣ его словъ о томъ, что видитъ въ себѣ истиннаго посла Божія, она неодобрительно и отрицательно покачала головой, онъ снова вскинулъ и, едва владѣя собою отъ горькаго разочарованія, воскликнулъ:

— Такъ ты думаешь, что Господь, защитивъ меня отъ ярости сильнаго и сподобивъ меня получить для моего народа изъ могущественныхъ рукъ дары, какихъ сильнѣйшій

слабѣйшему никогда добровольно не уступаетъ,—сдѣлалъ все это для того, чтобы сыграть шутку надъ восторженнымъ довѣріемъ чловѣка, котораго Онъ самъ избралъ Себѣ въ слуги?

Глухимъ голосомъ и едва сдерживая слезы прервала его Миріамъ:

— Сильнѣйшій слабѣйшему? Если ты такого мнѣнія, то ты вынуждаешь меня спросить тебя словами твоего отца: кто же сильнѣе—Господь-ли Богъ нашъ или этотъ сидящій на тронѣ слабенькій чловѣкъ, первенецъ котораго, по одному мановенію Всевышняго, завялъ какъ трава? Ахъ, Осія, Осія!

— Иисусъ!—перебилъ онъ ее свирѣпымъ голосомъ.—Или ты не хочешь оставить мнѣ даже имя, которое далъ мнѣ твой Богъ? На Его помощь уповалъ я, когда входилъ во дворецъ могущественнаго фараона. Въ его руководствѣ искалъ я спасенія и блага для народа, и дѣйствительно нашелъ его. А ты, ты...

— Ни твой отецъ, ни Моисей, ни всѣ прочіе вѣрующіе старѣйшины не ожидаютъ для насъ ничего хорошаго изъ рукъ египтянъ, — возразила Миріамъ, тяжело переводя духъ.—На гибель евреямъ послужить все то, что они имъ даютъ; злаки, посѣянные нашими, сохнутъ, какъ только ихъ коснется нога египтянина. А ты, чьей честностью они злоупотребляютъ, ты для нихъ свистокъ, которымъ пользуется птицеловъ, чтобы заманить птицъ въ свои сѣти. Они дали тебѣ въ руки молотъ, чтобы ты еще крѣпче сковалъ цѣпи, которыя мы разорвали съ помощью Божіей. Моими духовными очами я вижу...

— Это ужъ чересчуръ!—перебилъ ее воинъ, скрежеща зубами отъ гнѣва.—Независть помрачаетъ твой ясный умъ. Если бы птицеловъ дѣйствительно — какъ ты сейчасъ сва-

зала — сдѣлалъ меня своимъ свисткомъ, злоупотреблялъ мною и вводилъ меня въ заблужденіе, то научиться этому онъ могъ бы отъ тебя, — да, отъ тебя! Ты же ободрала меня, говоря, чтобы я рассчитывалъ на твою любовь и вѣрность. На твою любовь я и возлагалъ всѣ надежды, — и гдѣ же она? Какъ ты не скупилась на горькія для меня слова, такъ и я, не щадя себя, выскажу тебѣ теперь всю правду. Я пришелъ сюда не потому только, что меня призывалъ Богъ моихъ праотцевъ, но потому, что призывъ Его дошелъ до меня черезъ *тебя* и черезъ моего отца. Вы мечтаете о странѣ далекой, неизвѣстной, обѣщанной вамъ Господомъ, а я открылъ моему народу доступъ въ новое, вѣрное отечество. И не ради народа я это сдѣлалъ — что онъ значилъ для меня раньше? — нѣтъ, я сдѣлалъ это прежде всего для того, чтобы въ этомъ новомъ отечествѣ жить счастливо съ тобою, которую я любилъ, и съ моимъ старикомъ отцомъ. Ты же, чье холодное сердце не знаетъ любви, ты, съ моимъ неостывшимъ еще поцѣлуемъ на устахъ, отвергаешь всѣ мои предложенія изъ ненависти къ рукѣ, которой я этимъ обязанъ. По своимъ стремленіямъ и по образу жизни ты стала совсѣмъ мужчиною. Что для другихъ женщинъ выше всего — то ты отталкиваешь отъ себя ногою.

Тутъ Мириамъ не выдержала. Закрывъ руками охваченное судорогами лицо, она зарыдала.

Между тѣмъ наступилъ разсвѣтъ, и вмѣстѣ съ нимъ началось движеніе въ проснувшемся лагерѣ. Изъ домовъ Аминадава и Нахсона вышла мужская и женская прислуга. Все проснувшееся потянулось въ колодцу и къ водоюю. Но Мириамъ ничего этого не замѣчала.

Какъ радостно зашумѣло и расцвѣло въ ея сердцѣ, когда возлюбленный объявилъ ей, что онъ пришелъ, чтобы

отвести въ страну, обѣтованную Господомъ народу. Она тотчасъ бросилась ему на грудь, чтобы на одинъ короткій мигъ вкусить высшее блаженство. Но какъ скоро восторги смѣнились горькимъ разочарованіемъ! Когда утренній вѣтерокъ шелестилъ листву на верхушкѣ смоковницы и Иисусъ сообщалъ, что фараонъ предоставляетъ народу, ей казалось, что съ вѣтвей вѣкового дерева раздается гнѣвный голосъ Самого Бога и что она снова слышитъ грозную рѣчь престарѣлаго Навина. Какъ громомъ и молніей поразила Урію эта рѣчь, а между тѣмъ отличаются-ли отъ его предложеній требованія Иисуса?

Народъ,—она это слышала даже изъ устъ Моисея,—погибнетъ, если, измѣнивъ своему Богу, прельстится обѣщаніями фараона. Заключить союзъ съ человѣкомъ, который явился, чтобы уничтожить все, для чего жили и къ чему стремились она, ея братья и даже его родной отецъ,—это было бы черною измѣной. А между тѣмъ она любила Иисуса, и какъ охотно она, вмѣсто того, чтобы сурово оттолкнуть его, бросилась бы на его грудь, въ которой билось—она это знала—столь любящее ее сердце.

А листва на верхушкѣ смоковницы не переставала шелестить съ прежнею силой, и чудилось ей, что слышитъ она предостереженіе Аарона, и Мириамъ рѣшилась остаться непоколебимою.

Шумъ, доносившійся свыше, шелъ отъ Бога, избравшаго ее Своею рабой, и когда Иисусъ въ страстномъ возбужденіи признался ей, что на служеніе своему народу направляетъ его прежде всего желаніе обладать ею, что народъ былъ столь же чуждъ ему, сколь дорогъ ей,—то Мириамъ почувствовала, что у ней какъ бы остановилось бѣненіе сердца, и въ смертельномъ испугѣ она разразилась рыданіями.

Но обращая вниманія на Иисуса и на проснувшійся

лагерь, она съ высоко вздѣтыми руками снова бросилась на землю у смоковницы и устремила къ небу свои широко раскрытые, влажные глаза, какъ бы въ ожиданіи новаго откровенія. Утренній вѣтерокъ все продолжалъ шумѣть на верхушкѣ дерева, и вдругъ ей показалось, что воссіялъ яркій свѣтъ, не только въ ея душѣ, но и вокругъ нея, какъ всегда, когда ей, пророчицѣ, являлось видѣніе. Въ этомъ сіяніи она увидѣла образъ, который устрасилъ ее; къ тому же каждая обросшая листьями вѣтвь смоковницы шептала ей имя явившагося ей челоуѣка, и челоуѣкъ тотъ былъ не Иисусъ, а другой, къ которому не стремилось ея сердце. Но онъ сталъ предъ ея духовными очами въ гордомъ величіи, залитый блескомъ, и торжественно возложилъ руку на памятникъ, имъ же воздвигнутый.

Тяжело дыша, взирала Мириамъ на это видѣніе; она охотно лишилась бы зрѣнія и слуха, чтобы не видѣть его и не слышать голоса, исходящаго изъ смоковницы. И вдругъ видѣніе исчезло, замолкли голоса, и въ яркомъ заревѣ ей представился онъ, первый мужчина, которому она дала свои дѣвственныя губы для поцѣлуя; съ поднятымъ мечомъ, во главѣ еврейскихъ пастуховъ, онъ мчался на встрѣчу незримому врагу.

Видѣніе явилось и угасло съ быстротой молніи, но еще до его исчезновенія пророчица уразумѣла, что оно означаетъ.

Мужъ, котораго она назвала Иисусомъ, и который обладаетъ всѣмъ, что необходимо для защитника и вождя своего народа, не долженъ быть отвлекаемъ любовью отъ высокихъ обязанностей, къ которымъ призвалъ его Всевышній. О предложеніяхъ, которыя онъ привезъ, не долженъ узнавать никто изъ народа, дабы не дать себя совратить съ полного опасностей пути, на который уже вступили. Что ей дальше надлежитъ дѣлать, это пророчица видѣла теперь

такъ же ясно и отчетливо, какъ видѣла предъ тѣмъ исчезнувшій образъ. И—какъ будто Всевышній желалъ показать ей, что она вѣрно поняла смыслъ видѣнія,—еще прежде, чѣмъ она поднялась, чтобы причинить возлюбленному новую муку, на которую она обрела его и себя,—возлѣ смоковницы раздался голосъ Хура, приказывавшій стевавщейся съ разныхъ сторонъ толпѣ собираться въ походъ.

Предъ нею открытъ былъ путь, на которомъ она могла спастись отъ себя самой. Между тѣмъ Иисусъ все еще не рѣшался нарушить благоговѣйное настроеніе молящейся.

Ея отказомъ онъ былъ оскорбленъ и возмущенъ до глубины души. Но когда онъ снова взглянулъ на нее и увидѣлъ, какъ вся ея высокая фигура дрожитъ какъ въ ознобѣ, какъ глаза ея и руки, точно заколдованные, устремились къ небу,—онъ почувствовалъ, что въ ея душѣ совершается что-то великое и святое, что было бы преступленіемъ тревожить ее теперь. У него даже возникла неотступная мысль, что дерзновенно стремиться къ женщинѣ, находящейся въ такомъ общеніи съ Господомъ. Правда, было бы великимъ наслажденіемъ обладать такимъ возвышеннымъ существомъ; но тяжело было видѣть, что она своему возлюбленному и супругу предпочитаетъ другого, хоть бы этотъ другой былъ и Самъ Всемогущій.

Люди и стада проходили уже мимо самой смоковницы, и Иисусъ рѣшился наконецъ заговорить съ Миріамъ и указать ей на приближающихся людей. Но Миріамъ еще раньше поднялась и, обратясь къ нему, проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Я говорила съ Господомъ, Иисусъ, и теперь знаю Его волю. Помнишь-ли ты тѣ слова, которыми Богъ призвалъ тебя?

Онъ утвердительно кивнулъ головой, и дѣвушка продолжала:

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ также знать, что Всевышній открылъ твоему отцу, Моисею и мнѣ: Онъ хочетъ вывести насъ прочь изъ страны египетской и вести насъ далеко-далеко, въ страну, гдѣ надъ нами не будетъ начальствовать ни фараонъ, ни его намѣстникъ, и гдѣ Онъ Одинъ будетъ нашимъ Царемъ. Такова Его воля, и если ты желаешь служить Ему, то ты долженъ послѣдовать за нами, и въ случаѣ войны стать во главѣ мужей изъ нашего народа.

Исусъ ударилъ себя въ грудь и воскликнулъ въ сильномъ волненіи:

— Я далъ клятву вернуться въ Танисъ и сообщить фараону, какъ вожди народа отнеслись къ предложеніямъ, съ которыми я посланъ сюда. Хотя бы сердце разорвалось въ куски, клятвопреступникомъ я не могу быть.

— А мое да разорвется прежде, чѣмъ нарушу вѣрность Господу Богу!—произнесла Мириамъ. — Каждый изъ насъ избралъ свое, и да будутъ предъ этимъ камнемъ расторгнуты узы, связывавшія насъ доселѣ.

Видя себя Исусъ бросился къ дѣвушкѣ, чтобы схватить ея руку. Но она отстранила его повелительнымъ движеніемъ, повернулась и пошла на встрѣчу толпѣ, которая съ волами и овцами тѣснилась у колодца.

Старъ и младъ почтительно разступились предъ нею, когда она съ гордою осанкой подошла къ Хуру, отдававшему приказанія пастухамъ. Хуръ пошелъ ей на встрѣчу и, выслушавъ то, что она передала ему тихими словами, положилъ ей руки на голову и произнесъ торжественно:

— Такъ да благословить Господь союзъ нашъ!

Рука объ руку съ посѣдѣлымъ вождемъ, которому она

себя отдала, Мириамъ пошла на встрѣчу Иисусу, и ничто не выдавало ея глубокаго волненія, кромѣ груди ея, которая быстро поднималась и опускалась; щеки ея были блѣдны, но глаза совершенно сухи, и осанка такъ же горда, какъ всегда.

Она предоставила Хуру сообщить о случившемся ея возлюбленному, которому она навсегда отказала. Когда Иисусъ услышалъ эту вѣсть, онъ отшатнулся, какъ еслибъ у ногъ его внезапно открылась пропасть.

Съ поблѣвшими губами смотрѣлъ онъ на неравную чету. На такую неожиданность, казалось ему, можно отвѣтить только язвительнымъ смѣхомъ. Но серьезный видъ дѣвушки помогъ ему подавить въ себѣ этотъ порывъ и прикрыть клокотавшую въ немъ бурю обычными, ничего не значущими словами.

Но онъ чувствовалъ, что ему не удастся надолго сохранить напускное равнодушіе, и потому онъ поспѣшилъ проститься съ Мириамъ, сказавъ, что ему нужно привѣтствовать отца и черезъ него созвать старѣйшинъ.

Но не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ подбѣжали спорившіе пастухи и попросили Хура рѣшить, какое мѣсто подобаешь въ шествіи тому или другому козѣну. Хуръ ушелъ съ пастухами, и дѣвушка, оставшись наединѣ съ Иисусомъ, сказала ему съ мольбой во взорѣ, но очень настойчиво:

— То, что связывало насъ, должно было быть расторгнуто моимъ внезапнымъ поступкомъ. Но насъ соединяло еще одно. Какъ пожертвовала я тѣмъ, что всего дороже моему сердцу, лишь бы сохранить вѣрность моему Богу и народу, такъ и ты принеси въ жертву то, къ чему тебя влечетъ. Повинуйся Всевышнему, нарекшему тебя Иисусомъ. Этотъ часъ превратилъ высшее блаженство въ жестокую муку;

пусть же онъ послужить для блага нашихъ соплеменниковъ. Оставайся сыномъ своего народа, давшаго тебѣ отца и мать. Будь тѣмъ, къ чему тебя призываетъ Господь, будь вождемъ своего народа! Если ты, оставаясь вѣрнымъ клятвѣ, данной тобою фараону, изложишь старѣйшинамъ предложенія, съ которыми ты пришелъ, то ты — я знаю это — найдешь сторонниковъ. Воспротивятся имъ лишь немногіе, за то прежде всѣхъ навѣрное выступитъ твой отецъ. Я слышу его громовый гнѣвный голосъ, поднятый противъ родного, любимаго сына. Но если ты останешься глухъ къ его увѣщаніямъ, то народъ, вмѣсто того, чтобъ повиноваться призыву своего Бога, пойдетъ за тобою, ты станешь могущественнымъ человѣкомъ и будешь властвовать надъ евреями. Но когда наступитъ часъ, въ который египтянинъ раздуетъ по вѣтру всѣ свои обѣщанія и ты увидишь, какъ твоихъ соплеменниковъ еще болѣе угнетаютъ, чѣмъ угнетали прежде, увидишь какъ евреи отпадаютъ отъ Бога своихъ праотцевъ, чтобы поклоняться идоламъ съ звѣринными головами, — тогда падетъ на тебя проклятіе твоего отца, гнѣвъ Всевышняго поразитъ ослабленныхъ, а человѣку, заведшему въ бѣду слабую толпу, въ защитники которой избралъ его Самъ Всевышній, останется въ удѣлъ лишь одно отчаянье. И потому я, слабая женщина, но служительница Всевышняго, и дѣва, которая любила тебя больше жизни, — предостерегаю тебя: берегись проклятія отцовскаго и гнѣва Господня! Берегись совратить народъ!..

Тутъ ее прервала рабыня, которая пришла, чтобъ позвать ее въ домъ Аминадава, и Миріамъ проговорила торопливо и въ полголоса:

— Еще одно слово. Если ты не хочешь быть слабѣе женщины, раздражавшей тебя своими противорѣчіями, то жертвуй собственными желаніями для блага этихъ тысячъ

людей, твоихъ родныхъ по крови. Положи руку на этотъ памятникъ и поклонись мнѣ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ пророчицѣ. Руки ея тщетно задвигались въ разные стороны, ища споры. Она вскрикнула и упала на колѣни у памятника, воздвигнутаго Хуромъ.

Иисусъ поддержалъ ее своими сильными руками, не давъ ей упасть. На его зовъ прибѣжали нѣсколько женщинъ, которыя привели ее въ чувство.

Очнувшись, Мириамъ обинула окружающихъ безпокойнымъ, блуждающимъ взоромъ—и только увидѣвъ озабоченное лицо друга, вспомнила, гдѣ она находится и что съ нею произошло. Она торопливо выпила нѣсколько глотковъ воды, принесенной женой одного изъ пастуховъ, — отерла глаза, залитые слезами, тяжело вздохнула, и съ страдальческою улыбкой прошептала Иисусу:

— Вѣдь я все же не болѣе какъ слабая женщина!..

Потомъ она встала и пошла по направленію въ дому. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она снова повернулась и, подзвавъ воина, сказала ему шепотомъ:

— Ты видишь, всѣ обираются въ путь. Скоро народъ двинется. Остаешься-ли ты при своемъ намѣреніи? Еще есть время созвать старѣйшинъ!..

Иисусъ отрицательно покачалъ головой и, встрѣтивъ благодарный взглядъ ея влажныхъ глазъ, проговорилъ едва слышнымъ голосомъ:

— Этотъ часъ и этотъ камень я буду помнить, жена Хура! Передай мой привѣтъ отцу и скажи ему, что я его люблю. Скажи ему также имя, которое отнынѣ, по повелѣнію Всевышняго, будетъ носить его сынъ, и пусть онъ въ имени, означающемъ помощь Іеговы, обрѣтетъ надежду, когда онъ узнаетъ, куда я иду, чтобы сдержать клятву, которую я далъ.

Онъ кивнулъ дѣвущей головой и направился въ лагерь, гдѣ между тѣмъ напоили и накормили его коня. Но Миріамъ закричала ему вслѣдъ:

— Еще одно послѣднее слово. Моисей оставилъ для тебя посланіе въ дуплѣ этого дерева.

Воинъ подошелъ къ смоковницѣ и прочиталъ назначенное для него посланіе божественнаго человѣка. Оно гласило брату: „Крѣпись и мужайся!“ — Иисусъ поднялъ голову и радостно воскликнулъ:

— Вотъ эти слова мнѣ вполнѣ по душѣ. Если мы видимся здѣсь теперь въ послѣдній разъ, жена Хура, если меня ждетъ смерть, то знай, что я съумѣлъ умереть какъ крѣпкій и мужественный человѣкъ. Ты же успокой моего престарѣлаго отца, какъ умѣешь.

Съ этими словами онъ сѣлъ на коня, и во всю дорогу въ Танисъ, куда онъ мчался вѣрныи своей клятвѣ, душа его не знала страха, хотя онъ хорошо сознавалъ, что мчится на встрѣчу великимъ опасностямъ. Здѣсь разрушены были лучшія его надежды, и, однако, въ душѣ его глубокая скорбь боролась съ радостнымъ подъемомъ духа. Въ немъ пробудилось новое, великое чувство, наполнившее все его существо, и это чувство омрачалось лишь слегка, хотя испытанное имъ огорченіе было такъ сурово, что другому омрачало бы всю жизнь. Онъ обрѣлъ ясную цѣль въ жизни, и притомъ онъ имѣлъ право сказать себѣ, что его нельзя поставить ниже Хура и кого бы то ни было другого. Выше его нѣтъ никого, кромѣ великой четы, которой онъ самъ намѣревался отдать свою кровь и всю жизнь: его Бога и его народа. Съ удивленіемъ ощутилъ онъ въ себѣ это новое чувство, которое въ сердцѣ мужа могло подавить всѣ другія желанія и даже любовь.

Правда, по временамъ онъ печально опускалъ голову,

вспоминая о своемъ старикѣ-отцѣ. Но онъ поступилъ хорошо, подавивъ въ себѣ горячее желаніе еще разъ прижать его къ своей груди. Старикъ едва-ли понялъ бы его побужденія, и для нихъ обоихъ лучше было вовсе не видѣться, чѣмъ разойтись открытыми противниками.

Часто ему казалось, что все пережитое онъ только видѣлъ во снѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ-бы опьяненнымъ тревоженіями послѣднихъ часовъ, и потому его крѣпкое тѣло не испытывало особеннаго утомленія отъ сильныхъ напряженій, которымъ оно подверглось.

На одномъ знакомомъ зайземъ дворѣ по пути, гдѣ онъ засталъ много военного люда, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ хорошо ему извѣстныхъ начальниковъ, онъ наконецъ далъ отдыхъ и себѣ, и коню, и когда, подкрѣпившись, онъ помчался дальше, то дѣйствительная жизнь предъявила на него свои права. До самыхъ воротъ Рамзесова града Таниса онъ ѣхалъ мимо военныхъ отрядовъ и узналъ, что они получили приказъ соединиться тамъ съ тѣми тысячами, которыя онъ самъ привелъ туда изъ Ливіи.

Наконецъ онъ въѣхалъ въ городъ. Проѣзжая мимо храма Амона, онъ услышалъ громкія причитанія, хотя дорогою онъ узналъ, что эпидемія почти совсѣмъ утасла. По нѣкоторымъ признакамъ онъ догадался, а затѣмъ проходившая мимо стража подтвердила его предположеніе: первый прорицатель и верховный жрецъ Амона, престарѣлый Руи, умеръ на девяносто восьмомъ году жизни, и Баи, второй прорицатель, который такъ горячо увѣрялъ Иисуса въ своей дружбѣ и признательности, сдѣлался преемникомъ почившаго — верховнымъ жрецомъ и судьей, хранителемъ печати и главнымъ казначеемъ, словомъ — самымъ могущественнымъ человекомъ въ государствѣ.

ГЛАВА XVII.

„Тотъ, чья помощь Іегова!“—бормоталъ прѣ себя пять дней спустя, съ горькою усмѣшкой, отягченный цѣпями государственный преступникъ, котораго вмѣстѣ съ сорока товарищами по несчастью вели черезъ триумфальныя ворота Таниса по направленію къ востоку.

Пунетомъ, куда направляли этихъ несчастныхъ, были рудники на Синайскомъ полуостровѣ, гдѣ имѣлась надобность въ новыхъ каторжникахъ.

Улыбка каторжника была непродолжительна. Вскорѣ онъ выпрямился во весь свой могучій ростъ, и съ его обросшихъ бороною губъ прозвучали слова:

— Крѣпись и мужайся!

Какъ бы желая передать шагавшему рядомъ съ нимъ юношѣ всю бодрость, которую онъ самъ въ себѣ ощущалъ, онъ шепнулъ ему:

— Крѣпись, Ефраимъ, мужайся! Не надо понурять голову, что бы тамъ ни случилось,—надо ходить съ поднятою головою!

— Въ походѣ не разговаривать!—крикнулъ старшему колоднику одинъ изъ вооруженныхъ ливійскихъ стражниковъ, сопровождавшихъ отрядъ, и многозначительно поднялъ свой бичъ. Тотъ, къ кому относилась эта угроза, былъ Іисусъ, а его товарищъ по несчастью—Ефраимъ, котораго приговорили къ одинаковой съ нимъ участи.

Въ чемъ состояла эта участь, зналъ въ Египтѣ каждый ребенокъ, такъ какъ выраженіе: „пустъ меня сошлютъ въ рудники!“ было въ народѣ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ заклятій, а участь осужденнаго государственнаго преступника была еще вдвое суровѣе, чѣмъ участь всякаго другого ссыльнаго.

Въ рудникахъ ожидалъ ихъ рядъ ужаснѣйшихъ униженій и мученій. Силы здороваго человѣка надламывались тамъ отъ неслыханно-напряженнаго труда, а истощеннаго еще заставляли производить работы, настолько непосильныя, что онъ очень скоро переходилъ въ тотъ вѣчный покой, въ которому давно уже стремилась его измученная душа. Сослать кого нибудь въ рудники было все равно, что приговорить его въ медленной, мучительной смертной казни, и все-таки человѣкъ такъ высоко цѣнитъ свою жизнь, что ссыла его въ каторжную работу въ рудникахъ считалась болѣе милостивымъ наказаніемъ, чѣмъ смерть отъ руки палача.

Ободряющія слова Исуса не произвели на Ефраима особеннаго дѣйствія. Но когда нѣсколько минутъ спустя мимо колодниковъ проѣхала колесница съ навѣсомъ, на которой позади возницы и старухи сидѣла стройная, представительная молодая женщина,—юноша быстрымъ движеніемъ обернулся и съ сверкающими глазами сталъ глядѣть ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ виду въ дорожной пыли.

Молодая женщина была укутана густымъ покрываломъ, но Ефраимъ, какъ ему казалось, узналъ въ ней ту, ради которой онъ пошелъ на гибель и которой онъ, однако, и теперь еще повиновался бы по малѣйшему ея знаку.

И юноша не ошибся. Молодая статная дама, сидѣвшая въ колесницѣ, была Казана, дочь начальника стрѣлковъ Горнехта, а старуха была ея кормилица.

У одного маленькаго храма, возлѣ котораго въ роцѣ изъ нильскихъ акацій находился колодезь для странниковъ, Казана, успѣвшая опередить каторжниковъ на большое разстояніе, приказала старухѣ подождать ее, а сама быстро спрыгнула на дорогу и понуря голову стала ходить взадъ и впередъ подъ тѣнью деревьевъ, пока подымавшаяся пыль не показала ей, что ссыльные приближаются.

Тогда она вынула золотыя кольца, приготовленныя ею для этой цѣли, и пошла на встрѣчу къ главному стражнику, который ѣхалъ на ослѣ впереди печальнаго шествія. Пока она переговаривалась съ нимъ, указывая на Иисуса, стражникъ украдкой взглянулъ на кольца, проскользнувшія въ его руку, и увидя желанный желтый блескъ, вмѣсто серебристаго, на который рассчитывала его скромность, тотчасъ придавъ своему лицу предупредительно-дружелюбное выраженіе.

Разумѣется, требованіе, предъявленное Казаной, опять омрачило его лицо. Но отъ новаго обѣщанія молодой женщины оно вторично просіяло, и тогда онъ живо обернулся къ своимъ подчиненнымъ и крикнулъ имъ:

— Эй, люди! Ступайте къ колодцу съ вашими кротами! Пусть они напьются, чтобъ могли явиться подъ землю свѣжими и здоровыми!

Затѣмъ онъ подѣхалъ къ колодникамъ и крикнулъ Иисусу:

— Ты, положимъ, былъ самъ когда-то начальникомъ многихъ! Но ты и по сейчасъ выглядишь гораздо строптивѣе, чѣмъ слѣдовало бы для твоей и моей выгоды. Эй, стражники, смотрите-ка за прочими! А съ этимъ вотъ мнѣ надо перекинуться словечкомъ съ глазу на глазъ!

При этомъ онъ захопалъ въ ладоши, точно выгонялъ куръ изъ сада, и пока колодники вытягивали ведро и вмѣстѣ со стражниками наслаждались освѣжающимъ питьемъ, онъ отвелъ Иисуса и Ефранима въ сторону отъ дороги. Отдѣлить ихъ другъ отъ друга было невозможно, такъ какъ ихъ скрывала у ступней одна общая цѣпь.

Маленькій храмъ скоро защитилъ ихъ отъ взоровъ остальныхъ слыльныхъ, и главный стражникъ усѣлся въ нѣкоторомъ отдаленіи на ступеньку, предварительно указавъ

обнимъ евреямъ, легко понятнымъ движеніемъ, на тяжелую метательную палку, находившуюся въ его правой рукѣ, и на собакъ-ящерицъ, помѣстившихся у его ногъ.

Притомъ онъ во время разговора, въ который они вступили, смотрѣлъ на нихъ въ оба глаза. Говорить они могутъ что имъ угодно; онъ зналъ свою службу, и хотя за хорошія деньги умѣлъ при прощаніи закрывать одинъ глазокъ, но въ теченіи двадцати лѣтъ, не смотря на попытки къ бѣгству нѣкоторыхъ его кротовъ—какъ онъ любилъ называть будущихъ рудокоповъ—ни одному изъ нихъ не удалось обмануть его бдительности.

Эта красавица, должно быть, возлюбленная того статнаго парня, котораго ему отмѣтили какъ бывшаго военачальника. Но ему приходилось уже называть своими „кротами“ гораздо болѣе знатныхъ людей. И если закутанная барыня пожаловала для того, чтобы всунуть колоднику въ руки шапильникъ или золото, то ему, стражнику, это можетъ доставить только большое удовольствіе. Вѣдь сегодня же вечеромъ у обоихъ будетъ произведенъ самый тщательный обыскъ, будутъ обследованы даже черныя кудри младшаго колодника, которыхъ не остригли потому, что все дѣлалось поспѣшно при нынѣшнемъ отправленіи ссыльныхъ, которое должно было произойти раньше выступленія фараоновыхъ войскъ.

О чемъ разговаривали между собою шопотомъ женщина и бывший военачальникъ, стражнику, конечно, осталось неизвѣстнымъ, но ея покорный видъ и все обращеніе заставляли его думать, что она-то и довела до гибели величественнаго господина. Да, ужъ эти женщины! А младшій-то парень на цѣпи!... Онъ пожираетъ стройную женщину такими жгучими взглядами, точно хочетъ прожечь ими ея покрывало. Но потерпи немного. Великій отецъ Аманъ! Его

котовъ ждетъ такая шеола, гдѣ ихъ уже научать скромности!

Въ это время женщина сбросила съ себя покрывало. Какая красавица-то! Должно быть, не легко расставаться съ такою возлюбленной. А вдобавокъ она даже плачетъ!...

У суроваго стражника сердце разнѣжилось настолько, насколько это было вообще возможно при его должности. Но старшаго колодника онъ при этомъ съ величайшимъ удовольствіемъ угостилъ бы плетью: не стыдно-ли, въ самомъ дѣлѣ, имѣть такую возлюбленную и стоять предъ нею какъ камень. Этотъ жалкій человѣкъ сначала даже руки не протянулъ женщинѣ, которая навѣрное любила его, хотя онъ, стражникъ, охотно посмотрѣлъ бы даже, какъ эта парочка цѣлуется и обнимается.

Или эта красавица, можетъ быть, жена воина, обманувшая его? Но нѣтъ, нѣтъ! Съ какой добротой онъ теперь нагнулся къ ней! Такъ говорить только отецъ со своимъ ребенкомъ; но его кротъ, конечно, слишкомъ молодъ, чтобъ имѣть такую дочь. Загадка! Впрочемъ, стражникъ не отчаивался въ ея рѣшеніи, такъ какъ въ дорогѣ онъ имѣлъ достаточно власти, чтобъ изъ самаго скрытнаго колодника сдѣлать открытую книгу.

Но не только простого стражника ссыльных—даже всякаго другого взяло бы любопытство узнать, что заставило эту красивую знатную женщину на самомъ разсвѣтѣ явиться на большую дорогу къ несчастному, закованному въ цѣпи мужчинѣ.

А Казану могъ побудить къ этой поѣздкѣ только мучительный страхъ, что человѣкъ, котораго она любитъ, станетъ ее презирать и проклинать, какъ низкую предательницу. У него была впереди ужасная участь, и ея живое воображеніе уже рисовало ей Иисуса въ рудникахъ, изможденнымъ, разбитымъ, завядшимъ, умирающимъ съ проклятіемъ ей на устахъ.

Въ тотъ день, когда въ ея домъ принесли Еффраима, терзаемаго жестокою горячкой и полузадохшагося отъ дорожной пыли, отецъ сообщилъ ей вечеромъ, что въ молодомъ еврейѣ они имѣютъ залогъ, который заставитъ Осію вернуться въ Танисъ и подчиниться предложеніямъ прорицателя Баи, съ которыми, какъ она знала, отецъ ея былъ связанъ тайнымъ заговоромъ. Затѣмъ отецъ довѣрилъ ей, что къ египтянамъ и къ тому дѣлу, отъ котораго онъ, Горнехтъ, ждетъ величайшихъ благъ для себя, своего дома и для всей страны, Осію должны приковывать не только выдающіяся отличія и высокія должности, но еще—бравъ его съ нею, Казаной.

Это наполнило ее радостною надеждой на счастье, въ которому она давно стремилась, и возлѣ маленькаго храма на дорогѣ Казана признавалась въ этомъ теперь колоднику, опустивъ голову и обливаясь обильными слезами. Вѣдь теперь онъ для нея потерянъ навсегда. И если онъ не отвѣчаетъ взаимностью на ея любовь, которую она питаетъ въ нему съ самаго дѣтства, то онъ не долженъ ее по крайней мѣрѣ ненавидѣть и осуждать, не выслушавъ ея.

И Иисусъ охотно выслушалъ ее и затѣмъ увѣрилъ ее, что ничто не могло бы принести его сердцу большаго облегченія, какъ если бы она могла очистить себя отъ упрека въ томъ, что она предала его и юношу рядомъ съ нимъ ужасной участи.

Тутъ Казана громко зарыдала и долго не могла совладать съ собою настолько, чтобы съ нѣкоторымъ спокойствіемъ снова перейти къ своему разсказу.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Осіи умеръ верховный жрецъ, и уже въ тотъ самый день второй прорицатель Амона Баи сдѣлался его преемникомъ. Тогда многое сразу измѣнилось. Могущественнѣйшій человѣкъ въ государствѣ внушилъ фараону страшную ненависть къ евреямъ и къ ихъ вождю

Мезу, котораго царь и царица до тѣхъ поръ защищали и котораго они боялись. Баи также убѣдилъ властелина преслѣдовать бѣглецовъ, и тотчасъ приготовлено было войско, чтобы принудить ихъ къ возвращенію. Она сразу стала опасаться, что Осія не рѣшится участвовать въ походѣ противъ его соплеменниковъ; его должно возмутить, что его послали заключить договоры, которые начинаютъ нарушать еще раньше, чѣмъ стало извѣстно, приняты-ли они или нѣтъ.

Когда онъ вернулся, то фараонъ приказалъ слѣдить за нимъ, Осіей—онъ это самъ знаетъ очень хорошо—и не допускать къ царской аудіенціи пока онъ не поклонится, что снова поведетъ свои тысячи въ походъ и останется вѣрнымъ слугою фараона. Но Баи, новый верховный жрецъ, не забылъ, что Осія спасъ ему жизнь, и проявилъ теперь свое къ нему расположеніе и признательность. Она знаетъ также, что Баи надѣялся вовлечь его въ тайное предпріятіе, въ которомъ участвуетъ и ея отецъ. Баи же настоялъ, чтобы фараонъ, въ случаѣ если Осія повторитъ свою присягу, освободилъ его отъ похода противъ его соплеменниковъ, назначилъ его начальникомъ чужеземныхъ наемниковъ и возвелъ въ число друзей царя. Впрочемъ, все это навѣрное ему извѣстно, такъ какъ новый верховный жрецъ самъ вѣдь предлагалъ ему эти соблазнительныя лакомства, которыя онъ отвергъ съ такимъ рѣзкимъ, мужественнымъ негодованіемъ.

Ея отецъ сначала тоже былъ на сторонѣ Осіи и впервые совсѣмъ пересталъ ставить ему въ укоръ его происхожденіе.

Но на третій день по возвращеніи Осіи начальникъ стрѣлковъ отправился къ нему для переговоровъ, и съ той поры все измѣнилось къ худшему. Осія долженъ лучше знать, что побудило того, о которомъ она, какъ дочь, не можетъ

подумать ничего дурного, сдѣлаться изъ друга его смер-
тельными врагомъ.

Тутъ она взглянула на него вопросительно, и онъ не
преминулъ ей отвѣтить: начальникъ стрѣлковъ объявилъ ему,
что Осія былъ бы для него желаннымъ взяткомъ.

— А ты?—спросила Казана и робко посмотрѣла ему
въ лицо.

— Я,—возразилъ Осія,—я вынужденъ былъ отвѣтить,
что ты мнѣ мила и дорога съ дѣтства, но что тѣмъ не
менѣе многое не позволяетъ мнѣ связывать судьбу женщины
съ моей судьбой.

У Казаны сверкнули глаза, и она воскликнула:

— Потому что ты любишь другую, ты любишь женщину
изъ твоего племени, ту самую, которая послала къ тебѣ
Ефрамма!

Колодникъ покачалъ головою и ласково отвѣчалъ:

— Ты ошибаешься, Казана! Та, которую ты имѣешь
въ виду, теперь уже жена другого.

Но— въ такомъ случаѣ,—воскликнула вдова, ожив-
ляемая новою надеждой, и взглянула на него съ нѣжною
мольбой,—почему же ты... О, прости меня... что заста-
вило тебя такъ обидно отказать отцу?

— Я былъ далекъ отъ обиды, дорогое дитя,—отвѣтилъ
онъ, задумавъ о положеніи ея голову.—О тебѣ я гово-
рилъ со всей сердечностью, на какую только я способенъ.
Но если я не могъ исполнить желаніе твоего отца, то это
произошло оттого, что самая суровая необходимость запре-
щаетъ мнѣ помышлять о домашнемъ очагѣ и семейномъ
счастьи, въ которому стремятся другіе. Если бы меня оста-
вили на свободѣ, то жизнь моя была бы рядъ тревогъ
и сраженій.

— Однако,—возразила Казана,—сколько людей ору-

дуютъ мечомъ и щитомъ и все-таки, возвращаясь домой, находятъ отраду въ своихъ женахъ и во всемъ, что родной кровъ доставляетъ пріятнаго.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ онъ задумчиво.—Но у меня совсѣмъ особня обязанности, какихъ египтяне не знаютъ. Я сынъ моего народа!

— И ему ты намѣреваешься служить? — спросила Казана.—О, я тебя вполне понимаю. Но въ такомъ случаѣ... почему же ты пришелъ обратно въ Танисъ? Зачѣмъ ты отдался въ руки фараона?

— Потому что меня связывала священная клятва, бѣдное дитя,—ласково отвѣчалъ онъ.

— Клятва! — воскликнула Казана, — клятва, которая вносить смерть и неволю между тобою и тѣми, которыхъ ты любишь и которымъ ты еще хочешь служить! О, если бы ты никогда не возвращался въ это царство несправедливости, предательства и неблагодарности! Сколькимъ людямъ эта клятва приноситъ несчастье и слезы! Но что вамъ, мужчинамъ, до тѣхъ страданій, которыя вы причиняете другимъ? Мнѣ, несчастной, ты отравилъ всѣ радости жизни, а среди твоихъ соплеменниковъ живеть уважаемый всѣми отецъ, у котораго ты единственный сынъ. Какъ часто я любовалась этимъ милымъ старцемъ, его величавымъ видомъ, его яснымъ взглядомъ, его бѣлоснѣжными кудрями! Такимъ будетъ и Осія, если ему суждена глубокая старость, — говорила я себѣ всякій разъ, когда встрѣчала его на пристани или у входа въ Высокія Врата и видѣла, какъ онъ отдавалъ распоряженія пастухамъ, гнавшимъ быковъ и пушистыхъ овецъ въ дань къ столу сборщика податей. А теперь упрямство сына омрачить дни его старости!

— Теперь у него сынъ,—отвѣчалъ Исусъ, — который идетъ на муки, закованный въ цѣпи, но за то можетъ дер-

жать голову выше, чѣмъ его предатели. У нихъ, и прежде всего у фараона, изгладилось изъ памяти, что онъ проливалъ за нихъ свою кровь на многихъ поляхъ сраженія и при всѣхъ опасностяхъ оставался вѣренъ царю. Менефта, его намѣстникъ и главный судья, которому я спасъ жизнь, и многіе другіе, называвшіе меня прежде своимъ другомъ, покинули и ввергли въ несчастье меня и вмѣстѣ со мною и этого ни въ чемъ неповиннаго мальчика. Но за то тѣ, которые совершили такое нечестивое дѣяніе, тѣ, Казана, да будутъ...

— Не проклинай ихъ!—остановила его Казана съ плающимъ лицомъ.

Но Иисусъ, не внимая ея мольбамъ, воскликнулъ:

— Какой бы я былъ мужчина, если бы забылъ о мести!

Тогда молодая женщина, полная страха, прижалась къ его рукѣ и заговорила съ горячей мольбой:

— Какъ можешь ты простить моему отцу? Но не проклинай его, потому что онъ сдѣлался твоимъ врагомъ изъ любви ко мнѣ. Вѣдь ты знаешь его и его горячую кровь, которая, не смотря на его возрастъ, такъ легко доводитъ его до крайностей. Даже отъ меня онъ скрылъ то, что считаетъ такимъ поворомъ; онъ видѣлъ, какъ многіе искали моей руки, а я для него дороже всего. Скорѣе фараонъ могъ простить бунтовщику, чѣмъ отецъ мой человѣку, который пренебрегъ мною, его сокровищемъ. Онъ вернулся домой, какъ взбѣшенный. Каждое слово изъ его устъ дышало ненавистью. Онъ не могъ усидѣть дома, онъ вышелъ, но все продолжалъ бушевать. Онъ бы наконецъ все-таки далъ себя успокоить, какъ это уже часто съ нимъ случалось. Но при входѣ въ Высокія Ворота онъ встрѣтился съ человѣкомъ, у котораго былъ интересъ подлить масла въ огонь. Я все это знаю отъ жены верховнаго жреца, которой тоже причинило

большое огорченіе все, что они придумали для твоего вреда. Если ея мужъ пустилъ въ дѣло все, чтобы спасти тебя, то и она, которая настойчива какъ мужчина, готова была помочь и отворить тебѣ двери темницы. Вѣдь она не забываетъ, что ты въ Ливіи спасъ ей мужа. Вмѣстѣ съ твоими цѣпями должны были пасть и цѣпи Ефраима. Все было приготовлено, чтобы облегчить вамъ бѣгство.

— Я это знаю,—прервалъ ее Іисусъ мрачно,—и я буду благодарить Бога отцовъ моихъ, если окажутся неправыми тѣ, отъ которыхъ я слышалъ, будто ты, Казана, виновата въ томъ, что насъ еще вѣрнѣе прежняго замкнули въ темницѣ.

Тутъ красивая, испуганная женщина воскликнула съ жаромъ:

— Развѣ я находилась бы здѣсь теперь, еслибъ это было такъ? Конечно, и во мнѣ зашевелилась ненависть, какъ во всякой женщинѣ, отвергаемой своимъ возлюбленнымъ. Но бѣдствіе, которое на тебя обрушилось, очень скоро превратило злобу въ состраданіе и раздуло въ моемъ сердцѣ старое пламя. Блжнусь милостивымъ приговоромъ на судѣ загробномъ, что я невинна, что я не переставала надѣяться на твое освобожденіе. Только вчера вечеромъ, когда уже было слишкомъ поздно, я узнала, что предположенія Баи рухнули. Верховный жрецъ имѣетъ, конечно, большую силу, но онъ не станетъ поперекъ дороги тому, который сдѣлался союзникомъ моего отца.

— Ты разумѣешь принца Сипту, фараонова племянника!—возбужденно воскликнулъ Іисусъ.—Они мнѣ намекали на то, что они задумываютъ ради его. Они меня хотѣли назначить на мѣсто начальника наемныхъ войскъ сирійца Аарсу, если я найду для себя удобнымъ отречься отъ своего народа и предоставить имъ свободу дѣйствій надъ своими соплеменниками. Но я скорѣе подвергнусь двадцати

смертямъ, чѣмъ запятнаю себя такою нѣмъной. Аарсу больше меня годится для ихъ темныхъ замысловъ, хотя въ концѣ концовъ онъ всѣхъ ихъ предастъ. Что касается меня, то принцъ имѣеть основаніе ненавидѣть меня.

Тутъ Казана приложила руку къ губамъ и, озабоченно указавъ на Ефрайма и на стражника, проговорила тихо:

— Пощади отца! А что касается принца и его ненависти къ тебѣ...

— Негодай хочеть и тебя запутать въ свои сѣти, и узнавъ, что ты расположена ко мнѣ...

Казана покраснѣла и, утвердительно кивнувъ головой, прибавила:

— Поэтому-то Аарсу, котораго онъ привлекъ къ своему дѣлу, долженъ былъ держать васъ въ темницѣ такъ строго.

— И сиріецъ дѣйствительно глядѣлъ въ оба, — воскликнулъ Иисусъ. — Но теперь довольно, я вѣрю тебѣ и благодарю тебя искренно за то, что ты послѣдовала за нами, несчастными. Какъ охотно я и прежде въ походахъ вспоминалъ о миломъ ребенкѣ, который разцвѣталъ у меня на глазахъ.

— Ты и впредь будешь вспоминать о немъ безъ злобы и ненависти?

— Конечно, буду вспоминать съ любовью.

Молодая женщина въ страстномъ порывѣ схватила руку колодника, чтобъ поднести ее къ губамъ. Но онъ отвелъ руку, и Казана взглянула на него влажными глазами и проговорила съ горечью:

— Ты отказываешь мнѣ въ милости, въ которой благодетель не отказываетъ даже нищему?

И внезапно выпрямившись во весь ростъ, она закричала такъ громко, что стражникъ вздрогнулъ и сталъ глядѣть на солнце.

— Такъ я тебѣ скажу: придетъ пора, когда ты самъ, какъ милости, будешь просить разрѣшенія благодарно цѣловать вотъ эту руку! Ибо когда придетъ гонецъ, который принесетъ тебѣ и твоему юношѣ свободу, которой вы жаждете, то этой свободой вы будете обязаны Казанѣ.

Прекрасное лицо Казаны ярко пылало отъ охватившей ее жгучей страсти. Иисусъ взялъ ее за правую руку и воскликнулъ:

— О, еслибъ тебѣ удалось исполнить это стремленіе твоего преданнаго сердца. Какъ могу я запретить тебѣ облегченіе страшнаго бѣдствія, обрушившагося на этого юношу въ твоемъ домѣ? Но какъ честный человѣкъ я долженъ связать тебѣ, что никогда никоимъ образомъ не вернусь на египетскую службу. Что бы ни случилось, отнынѣ я тѣломъ и душою буду принадлежать тѣмъ, которыхъ вы преслѣдуете и презираете, и однимъ изъ которыхъ сдѣлало меня рожденіе.

Казана опустила свою прелестную головку, но тотчасъ подняла ее опять и сказала:

— Такого величественнаго и благороднаго человѣка, какъ ты, другого нѣтъ; это я знаю съ дѣтства. И если среди моего народа я не встрѣчу болѣе никого, кого могла бы высоко уважать, то я буду думать о тебѣ, въ которомъ все величественно и правдиво, на которомъ нѣтъ ни одного пятна. Но когда бѣдной Казанѣ удастся освободить тебя, то не презирай ее, если найдешь, что она стала хуже, чѣмъ теперь, ибо какъ бы она ни унизилась, какимъ бы позоромъ ни покрыла себя...

— Что ты задумываешь?—перебилъ ее Осія встревоженно. Но ей не дали отвѣтить ему: стражникъ поднялся и, захопавъ въ ладоши, крикнулъ:

— Впередъ, эй, вроты! Живо въ путь!

Тутъ сердце война было объято наплывомъ горячаго со-

чувствія и въ бурномъ порывѣ онъ сталъ цѣловать несчастную въ лобъ и въ голову и прошепталъ ей:

— Если наше освобожденіе должно быть куплено цѣною твоего униженія, то оставь меня въ моемъ бѣдствіи. Конечно, мы съ тобой никогда болѣе не увидимся. Но что бы ни случилось, жизнь моя отнынѣ будетъ только борьбой и самоотреченіемъ. Все темнѣе и темнѣе станетъ окутывающая насъ мгла; но какъ бы густа ни была эта мгла, одна звѣзда будетъ всегда сіять этому юношѣ и мнѣ: воспоминаніе о тебѣ, преданное, милое дитя!

Онъ указалъ на Ефраима, и юноша вѣ себя прижалъ губы къ рукѣ и плечу громко рыдавшей женщины.

— Впередъ!—крикнулъ стражникъ еще разъ. Ухмыляясь и благодаря щедрую барыню, онъ помогъ ей сѣсть въ колесницу и дивился, видя ея устремленные на колодника влажные глаза, сіявшіе счастіемъ.

Лошади тронули, раздались новые привазы, нѣсколько разъ хлестнула плеть по обнаженнымъ плечамъ, и нѣсколько пронзительныхъ криковъ пронеслось въ утреннемъ воздухѣ; шествіе колодниковъ отправилось дальше на востокъ. Цѣпи, прикрѣпленные къ ногамъ несчастныхъ, поднимали пыль, и эта пыль окутывала весь отрядъ такимъ же мракомъ, какой производили въ душѣ каждаго изъ нихъ горе, ненависть и страхъ.

Перев. С. Дибровскій.

(Продолженіе будетъ).

ПРИЗРАКИ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

I.

Иче Коммисаровъ.

(Посвящается Фанни Александровнѣ Э—нѣ).

Этимъ прозвищемъ его стали величать съ тѣхъ поръ, какъ въ родной городокъ мой, лежавшій на почтовомъ трактѣ между двумя губернскими городами сѣверо-западнаго края, проѣзжавшіе «акцизники»¹ и другая бывалая «интеллигенція» того времени и того богоспасаемаго района завезли слухъ о гнусномъ покушеніи, предотвращенномъ рукою Коммисарова-Костромскаго. Раньше же всѣ его знали подъ именемъ Иче Валь-шемъ², за глаза, конечно, и въ насмѣшку; въ глаза же, если кому либо случалось говорить съ нимъ, что, впрочемъ, могло быть очень рѣдко, такъ какъ онъ ни съ кѣмъ дѣла не имѣлъ, — его звали ребъ Ицхокъ. Нельзя сказать, однако, чтобы въ его чудодѣйство никто не вѣрилъ. Самыми преданными и ярыми его адептами были, какъ у восточнаго пророка, его родственники, люди простые, гордившіеся тѣмъ, что изъ ихъ среды вышло, по ихъ мнѣнію, свѣтило, озарявшее все наше родное болото, — и гордость эта достигла своего кульминаціоннаго пункта въ то время, къ которому

¹ Таковъ былъ въ то время въ Литвѣ эпитетъ всѣхъ тѣхъ, которые носили европейское платье, стригли бороды и пейсы и читали, хотя и съ грѣхомъ полагая по русски, если они даже въ акцизѣ никогда и не служили.

² Чудотворецъ, знахарь.

относится мой рассказъ, когда патриотическій подвигъ ихъ родственника, за который онъ удостоился носить фамилію извѣстнаго въ то время лица, ввудоражилъ весь городъ.

Особенно сильно было обаяніе Баль-шема на дѣтей, моихъ сверстниковъ, на которыхъ онъ, помимо циркулировавшихъ о немъ по городу рассказовъ, наводилъ одною только своею фигурой какой-то благоговѣйный трепетъ. Это былъ длинный, худой старикъ, вѣчно молчаливый, суровый, съ жиденькой сѣдой бородой, окаймлявшей его исхудалое, землянистаго цвѣта лицо, съ маленькими глазками, освѣщавшимися подчасъ какимъ-то особеннымъ огнькомъ, и сильно прихрамывавшій. Происхожденіе этого послѣдняго порока относили въ извѣстномъ кружкѣ къ тому, что это было причинено ему «ими», «недобрыми»¹, когда онъ въ неподходящій для этого часъ хотѣлъ отстоять судьбу своихъ бѣдныхъ единовѣрцевъ—и получилъ сильный ушибъ правой ноги, какъ нѣкогда праотець Яковъ въ борьбѣ съ его небеснымъ противникомъ. Не смотря, однако, на этотъ урокъ, онъ каждую ночь, какъ рассказывали близкія ему лица, совершалъ страшныя заклинанія, произносилъ какія-то непонятныя имена, отъ которыхъ волосъ дыбомъ становился. До нѣтуховъ вознесся онъ съ этими заклинаніями, перемѣнивая ихъ съ молитвами, и уносился въ область невѣдомаго и непонятнаго для всѣхъ окружавшихъ его, которые, кромѣ чудотворной силы, подоврѣвали въ немъ даже тщательно скрываемое имъ знаніе всѣхъ «семидесяти языковъ»². Злые же языки, особенно старики, не долюбивавшіе его за его рефегатство, за отпаденіе его отъ миснагдимъ, къ которымъ принадлежали его родственники, и переходъ къ приверженцамъ любавичскихъ цадиковъ, видѣли въ его хромоу ногѣ простой

¹ „Недобрыя“ (nit gute). называются еврейскіе нечистые, дьяволы, такъ какъ опасно произносить это иначе и называть послѣднихъ ихъ настоящими именами. Многие даже замѣняютъ и это прилагательное мѣстоименіемъ „они“, видя для себя въ этомъ еще большее огражденіе отъ опасности.

² Евреи, черпавшіе свои филологическія познанія въ Талмудъ и его комментаріи, полагаютъ, что на свѣтѣ существуетъ только 70 языковъ.

физическій порокъ. Однако, эти злые языки не могли имѣть вліянія на умы юнаго поколѣнія, въ которому принадлежать тогда и я, и не могли уничтожить того обаянія, которое дѣтскій возрастъ чувствуетъ передъ чудодѣйственнымъ, мнѣнческимъ, сверхъестественнымъ и страшнымъ.

Всякій разъ, когда въ памяти моей воскресаетъ образъ Иче Валь-шема, окруженный ореоломъ таинственнаго и загадочнаго, мнѣ рядомъ съ нимъ вспоминается еще одинъ субъектъ, котораго евреи моего родного города часто сравнивали по силѣ съ Валь-шемомъ и всегда, конечно, не безъ оговорки: «Тысячу тысячъ разъ прости, Господи, за сравненіе!» Но его-то именно даже взрослые люди боялись. Это былъ безносый мельникъ Базиль-Мехашефъ¹, который, какъ и Валь-шемъ, былъ человекъ очень смиренный и никому никакого зла не дѣлалъ и о которомъ все-таки составилъ цѣлый циклъ рассказовъ, одинъ другого страшнѣе, въ которыхъ нѣкоторое мѣсто было отведено его бывшему носу, подвергнутому такой же участи со стороны «нечистыхъ», какъ нога Валь-шема; хотя и въ данномъ случаѣ находились скептики, утверждавшіе, что носъ мельника покинулъ свой постъ на испытаніе лицѣ своего бывшего владѣльца вслѣдствіе совершенно естественныхъ причинъ, — но можно-ли было вѣрить этимъ злымъ языкамъ, когда одинъ изъ моихъ мемамедовъ, человекъ бывалый, вернувшійся изъ «мерхакимъ»² и слывшій человекомъ развитымъ и «валь-м'дакдекомъ»³, самъ подтверждалъ всѣ рассказы какъ о Валь-шемѣ, такъ и о Мехашефѣ, и когда, бывало, подымется буря, онъ ужъ, помнится, неизрѣнно скажетъ: «должно быть, Базиль is a Карге gewogen»⁴... и несколько

¹ Болдунъ.

² „Далекия страны“. Такъ называли въ то время въ Ливнѣ Бессарабію и Новороссійскій край, куда многіе стремились для колонизаціи и заработка.

³ „Валь-м'дакдекъ“ — знатокъ древне-еврейской грамматики. Этимъ часто опредѣлялась степень вольнодумства даннаго лица и его критическія отношенія къ рассказамъ и суевѣрію толпы.

⁴ Скопчался. Буря знаменовала въ этомъ случаѣ, что прислуживавшія колдуну при его жизни вѣдами относить его послѣ смерти съ помпой въ адъ и производить бурю.

не смущается, когда на слѣдующій день расскажешь ему, что Базиль во время бури сидѣлъ преспокойно въ кабинетѣ и не знаетъ о рѣшеніи своей горькой участи. «Не сегодня, такъ завтра,—бывало, скажетъ намъ всевѣдущій меламедъ въ свое оправданіе,—а въ день, когда мельница останется безъ мельника, быть бурѣ непременно».

Вообще этотъ меламедъ мой, какъ устный хранитель нѣкоторыхъ разсказовъ и преданій о Баль-шемѣ, достояніе того, чтобы посвятить ему нѣсколько строкъ.

Въ нашемъ добрѣйшемъ меламедѣ ребъ Мотѣ сходились всѣ крайности: набожный до фанатизма, онъ почему-то не долюбивалъ Талмуда, и крайне неохотно преподавалъ его дѣтямъ. «Съ разводомъ, менструаціей и анатоміей животныхъ¹ вы познакомитесь въ свое время,—говаривалъ онъ:—это не для вашего возраста»; вѣрующій, искренно вѣрующій въ Бога, онъ придавалъ значеніе всякой бабьей сказкѣ, всякой чертовщинѣ; въ разсказахъ раби-баръ-баръ-Хоны² онъ находилъ больше прелесть, чѣмъ во всемъ Талмудѣ, и своеобразно толковалъ ихъ; онъ съ одинаковымъ увлеченіемъ читалъ «Alioth Elijohu» и «Schwochei Bal-Schem-tow»³, Эли Мизрахи, хасидскій «Танъ» и тщательно скрываемый отъ насъ «Berith Chado-scho»⁴. «Надо все знать, чтобы не оставаться въ долгу передъ энциклопедистами»,—такъ думалъ нашъ ребе.

По его разсказу, уснащенному разными доказательствами, Ице Баль-шемъ обязанъ былъ своимъ всевѣдѣніемъ необыкновенному случаю. Нантіе снизошло на него въ полночную пору въ мрачныхъ стѣнахъ старинной р—ской синагоги...

Едва-ли какія либо знаменитыя развалины и другіе па-

¹ Гитинъ, Нидо, Хулинъ—трактаты Талмуда.

² Отецъ талмудической миеологии или, вѣрнѣе, талмудическій Одиссей, оставившій много легендъ о своихъ путешествіяхъ.

³ Въ первомъ сочиненіи разсказывается о величій виленьскаго знаменитаго гаона, заклятаго врага хасидовъ, и легенды о его кончинѣ, а къ кругомъ—о Израилѣ Чудотворцѣ (Бештѣ), одномъ изъ основателей хасидства.

⁴ Евангеліе на древне-еврейскомъ языкѣ.

материки прошлаго величія производить такое удручающее впечатлѣніе на зрителя, какъ эта синагога. Высокая въ 6 этажей, ветхая какъ всякая деревянная постройка, пережившая много событій и поколѣній, стоитъ она, какъ призракъ, посреди классическаго школьнаго двора, окруженная своими пра-правнуками—бѣть-гамидрашемъ и другими моельными и демиками, лежащими у ея ногъ. Постройка этой синагоги, составляющей гордость обывателей г. Р..., теряется во мракѣ прошлаго столѣтія; годъ же окончательной ея отдѣлки снаружи и внутри ясно обозначенъ посреди множества всякаго рода фигуръ и пейзажей на верхнемъ куполѣ ея, куда ведетъ узкая головоломная галлерей,—«5564» (1804 г.). До этого же года она цѣлые десятки лѣтъ стояла безъ отдѣлки и освященія въ виду различныхъ неблагопріятно слагавшихся обстоятельствъ. Стиль этой постройки—необыкновенный: нѣтъ въ ней ничего строго-мавританскаго, нѣтъ и византійскаго, нѣтъ, строго говоря, *одной* стили, за то въ ней смѣсь *всякаго* стили понемногу. Впрочемъ, вопросъ о стилѣ этой синагоги составлялъ долгое время предметъ горячаго спора между двумя соседними городами, нашимъ Р... и Долгиновымъ. Жители послѣдняго настойчиво утверждали, что р-ская синагога построена въ стилѣ — въ какомъ вы думаете? — въ *долгиновскомъ*. По ихъ увѣреніямъ, долгиновскій мастеръ выстроилъ сперва синагогу въ своемъ родномъ городѣ, а потомъ точную копию съ нея выстроилъ въ Р... Противники же указывали на слѣды топора, вонзившагося въ верхнюю часть галлерей долгиновской синагоги, въ подтвержденіе печальной исторіи великаго строителя обѣихъ синагогъ,—исторіи, по которой онъ, выстроивъ сперва синагогу въ Р... и доведши ужъ до конца постройку ея копию въ Долгиновѣ, упалъ съ самаго верхняго купола съ топоромъ въ рукѣ, который онъ вонзилъ на лету въ стѣну, желая спастись. Онъ погибъ въ возведенномъ имъ зданіи, окончательная отдѣлка котораго довершена была ужъ послѣ него. Вѣковой споръ этотъ былъ все-таки впоследствии ула-

женъ тѣмъ, что рѣшеніемъ общей археологической комисіи изъ представителей этихъ двухъ городовъ выяснено и занесено въ «пниксъ» ¹, дабы прекратить навсегда бесполезныя споры и пререканія, что обѣ святыни строились *одновременно*.

Передъ входомъ въ синагогу, въ переднемъ ея порталѣ, стояла единственная въ городѣ «мита» ², покрытая чернымъ сукномъ; на косякахъ дверей не было никакихъ «мезузесъ» ³, для того, чтобы умершіе прихожане могли безпрепятственно проникать въ синагогу ночью. «Шамесь» ⁴ же, передъ открытіемъ дверей синагоги, каждое утро трижды постукивалъ— и этимъ оновѣщалъ ночныхъ посѣтителей, чтобы они отправлялись во-своихъ, уступая свое мѣсто живымъ.

Насколько глубоко было убѣжденіе и вѣра многихъ въ ночныя посѣщенія синагоги, можно судить по тому, что нѣкоторые видѣли даже ночью свѣтъ въ синагогѣ, слышали чтеніе Торы и знали основательно маршрутъ покойниковъ. Оставляя свои тѣсныя могилы и сбрасывая съ своихъ глазныхъ впадинъ черепки и «палестинскій песокъ» ⁵, эти послѣдніе предварительно совершаютъ омовеніе въ протекающей возлѣ кладбища рѣчкѣ, именуемой въ еврейскихъ разводныхъ актахъ ⁶ г. Р.. Вязышкой, и всей толпой отправляются въ синагогу, гдѣ они распрямляются по хозяйски: молятся, вынимаютъ свитки Ев. Писанія, угощаются «алиосами» ⁷ и повторяютъ все то, что происходитъ въ стѣнахъ этой старинной синагоги днемъ...

Когда Иче Валь-шемъ началъ углубляться въ бездны Каб-

¹ Синагогальная архивная книга.

² Носилка для покойниковъ.

³ Талисманы на дверяхъ для охраненія отъ нечистыхъ.

⁴ Служка синагоги.

⁵ „Erez-Israel-Erd“ — желтый, привозимый изъ Палестины песокъ кладется покойникамъ на глаза, такъ какъ, по повѣрью, палестинская земля охраняетъ тѣла отъ гниенія.

⁶ Въ еврейскихъ разводныхъ актахъ городъ не определяется губерніей или уѣдомъ, въ которомъ онъ находится, а рѣкою, на которой построенъ, а поэтому въ городѣ, гдѣ вѣтъ ни одной рѣки, ни озера, разводъ не можетъ быть совершенъ.

⁷ Алиось—приглашеніе къ Торѣ.

балы, онъ однажды поздно ночью возвращался въ миквы домой. Подойдя къ синагогѣ, онъ явно слышалъ надъ собою голосъ, по которому онъ узналъ голосъ сладковучнаго кантора ребъ Йоселе-Хазень, умершаго десять лѣтъ тому назадъ. Бѣднаго каббалиста призывали къ Торѣ не въ урочный часъ, потому что въ занятіяхъ отвлеченнымъ онъ забылъ, что въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ не призывался даже въ праздникъ Симхасъ-Тора, когда кризываются и дѣти цѣлыми толпами. Онъ слышалъ: «Намодъ ребъ Ицхокъ б'ребъ Довидъ Галени!»¹. Онъ зналъ, что послушаться нельзя, но нельзя также пойти безъ талеса². Онъ постучался къ жившему возлѣ синагоги раввину, который далъ ему талесъ и нужныя наставленія, и, накрывъ голову талесомъ и закрывъ глаза, онъ смѣло вошелъ въ синагогу... Что тамъ было съ нимъ—неизвѣстно было никому, кромѣ раввина. Знали только, что каббалистъ лежалъ потомъ нѣсколько времени въ бреду и по выздоровленіи онъ началъ прятаться отъ людей и все больше уходилъ въ себя. Утверждали даже, что въ ту знаменательную ночь открыли много тайнъ и даже самый «кець»³.

Понятно послѣ этого, какой страхъ мы ощущали при встрѣчѣ съ Балъ-шемомъ и съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ мы подходили каждое утро къ синагогѣ, въ которой нѣсколько часовъ раньше молились наши предки и гдѣ намъ еще, быть можетъ, придется помолиться послѣ смерти...

* *
*

Иче Балъ-шемъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ не только посторонніе, но и близкіе люди не понимаютъ; это—загадочная личность, типъ, котораго въ нашъ практическій вѣкъ, измѣнившій окончательно общественный строй и фізіономію даже бѣдныхъ еврейскихъ городковъ въ Литвѣ, днемъ съ ог-

¹ „Да предстанетъ предъ Торою такой-то“.

² Покрывало, употребляемое евреями во время молитвъ, кромѣ вечерней.

³ Кець—„конецъ“; этимъ обозначается день искупленія или день Страшнаго суда.

несть не сыщешь. Книжникъ-аскетъ и далекій отъ всего мірскаго, онъ все-таки не засиживался долго на одномъ мѣстѣ и не зарылся окончательно въ свои книги и Каббалу, какъ многіе другіе ни къ чему негодные книжники, обитатели богоспасаемой черты, которыхъ жены, въ ожиданіи благъ *будущей*, содержать и кормятъ въ *этой* жизни, въ этой юдоли плача и скорби... Онъ цѣлые годы пропадалъ, опять являлся, словно для отдыха, въ родномъ своемъ городкѣ и опять надолго исчезалъ. Имѣлъ-ли онъ когда либо семью, что гнало его то сюда, то туда и чѣмъ онъ жилъ на чужбинѣ, — неизвѣстно было никому. За то жизнь его въ нашемъ городкѣ, благодаря услужливости нѣкоторыхъ домочадцевъ его брата, у котораго онъ жилъ, была у всѣхъ на виду.

День его начинался съ пяти часовъ утра, лѣтомъ и зимою, когда для набожныхъ евреевъ наступаетъ время ранней заутрени (восикинъ). Тогда онъ уходилъ въ хасидскую моельню или, какъ ее называли, Liebowitscher Stübél. Тамъ онъ въ перемену съ Зогаромъ ¹, который читалъ то на распѣвъ, то таинственнымъ шопотомъ, молился, стуча кулаками объ стѣну и вскрикивая часто: «Oi, Tate, Voter!» ² и бѣгалъ самъ не свой по моельнѣ; но въ бесѣды прихожанъ о политикѣ и о злобахъ дня никогда не вмѣшивался; казалось, его ничто никогда не интересовало. Такъ онъ проводилъ въ моельнѣ въ полномъ облаченіи все утро до двухъ часовъ пополудни и за одно совершала уже предвечернюю молитву (Mincho). Затѣмъ онъ что нибудь поѣсть въ отведенной ему братомъ комнатѣ—одинъ. За общій столъ онъ никогда не садился, такъ какъ въ употребленіи пищи онъ былъ настоящій вегетаріанецъ. Конечно, о существованіи такой секты не специально-еврейской никто въ нашемъ захолустьѣ и не подозрѣвалъ. Знали только, что Иче Валь-шемъ одинъ изъ тѣхъ архи-набожныхъ, которые не употреб-

¹ „Сіаніе“—извѣстное каббалитическое сочиненіе, приписываемое танавту раба Симонъ-бенъ-Иохан.

² „О, отецъ!“

люють «Eiwer min ha'chai» ¹. Послѣ «обѣда» онъ, бывало, уйдетъ: лѣтомъ въ лѣсъ или въ поле собирать травы или Богъ знаетъ зачѣмъ, пока настанетъ часъ вечерней молитвы (Maagiv), а зимою до вечера посидитъ у себя въ комнаткѣ, имѣвшей видъ какой-то келии отшельника, въ которой реальнаго, земнаго были только его праздничная штраймеле ², висѣвшая на стѣнѣ выпѣтшая шуба, носившая во времена своей туманной юности имя «шопень-футерь», и другія принадлежности незатѣдливаго туалета. Все же остальное говорило о томъ, что обитатель этой комнатки занятъ дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ жизненною сутолокою и съ интересами другихъ сыновъ нашей грѣшной земли... Тутъ были и сушенныя травы, и разведенная въ разбитыхъ стаканахъ жидкость, кусочки пергамента, испещренные какими-то клювами, кругами, угольниками, непонятными комбинаціями буквъ и сочетаніями словъ и именъ; тутъ между прочими каббалистическими книгами была и книга, которую «тайный совѣтникъ» Йеговы, Ра-зіель, написалъ и вручилъ Адаму въ раю, рѣдкіе камушки, зубы, камни и старый шоферъ ³, вообще — такой товаръ, цѣнность котораго не въ состояніи опредѣлить ни одна биржа въ мірѣ...

Онъ, какъ и пища, не отвлекали его отъ занятій: въ 12 часовъ ночи онъ вставалъ и, прочитавъ предварительно, сидя на полу, «Chzoss» ⁴, до утра ведетъ дипломатическіе переговоры съ кѣмъ слѣдуетъ объ улучшеніи положенія своихъ единоверцевъ во всѣхъ углахъ земнаго шара.

Такъ одинъ день его жизни въ родномъ городѣ представлялъ точнѣйшую копію съ предшествовавшаго дня; только съ наступленіемъ субботы въ образѣ жизни его происходила рѣзкая перемѣна. Въ пятницу вечеромъ онъ просиживалъ въ «миевѣ» позже всѣхъ и позже всѣхъ встрѣчалъ «матрону Святого

¹ „Членъ отъ животной твари“. Подъ этимъ подразумѣвался вегетаріанизмъ.

² Мѣховая шапка.

³ Рогъ, употребляемый въ синагогахъ въ извѣстномъ праздники.

⁴ Полуночныя воспоминанія о Іерусалимѣ.

Старца»¹. Изъ оконъ ярко освѣщеннаго бетъ-гамидраша, стоявшаго на горѣ, отдѣлявшей баню, гдѣ находилась «миква», отъ той мѣстности, гдѣ жилъ Балъ-шемъ, можно было видѣть по пятницамъ во время вечерней молитвы, когда канторъ выводилъ уже послѣдніе выкрутасы въ пѣснѣ L'cho doidi², какъ медленно, въ большой задумчивости, ковылялъ ребъ Ицхокъ домой и со спокойствіемъ, подобающимъ наступающей субботѣ, дню «покоя и радости», гладилъ свои пейсы, съ которыхъ капала священная миквенная вода... Субботняя ночь была у него единственная ночь отдыха. Въ эту ночь онъ оставлялъ въ покоѣ іерусалимскія развалины и бѣдныхъ обитателей неба и преисподней, которымъ онъ въ будни порядкомъ надоѣдалъ...

Мирно текла его жизнь въ родномъ городѣ день за днемъ, недѣля за недѣлей и, казалось, онъ уже намѣренъ былъ дожить въ Р... свои послѣдніе годы, прекратить свое скитаніе и найти послѣдній отдыхъ на возвышающейся надъ городомъ горѣ, съ которой глядитъ внизъ, какъ страшное шепелью шогі, старинное кладбище, основанное во времена чуть-ли не Гедимина; казалось, онъ никуда не хотѣлъ уѣхать, чтобы остаться на этомъ родномъ кладбищѣ, купаться послѣ смерти не въ «миквѣ», а въ рѣчкѣ Вязынкѣ, и молиться не въ хасидской молеельнѣ, а въ старинной синагогѣ, вмѣстѣ съ тѣми, которые его наградили даромъ всевѣдѣнія въ памятную для него ночь...

Но одно важное событіе, о которомъ заговорила вся Европа и которое, съ перваго взгляда, не могло имѣть ничего общаго ни съ Балъ-шемомъ и его намѣреніями, ни съ р—скими евреями вообще,—измѣнило окончательно образъ жизни и планы ребъ-Ицхока. Это была вѣсть о покушеніи на драгоценную жизнь любимаго покойнаго Монарха, занесенная сперва проѣзжими, а потомъ подтвержденная официально.

* * *

¹ „Matronissa d'Sowa kadischa“—такъ кабалисты называютъ субботу.

² „Выйди, мой милый“—пѣснь о встрѣчѣ субботы.

Синагога въ маленькихъ городахъ черты осѣдлости составляетъ центръ общественной, политической и религіозной жизни еврея; это—фокусъ, въ которомъ концентрируются всѣ функціи и жизненные отправленія каждаго еврея отъ колыбели до могилы. Ни у одного народа храмъ не играетъ такой обширной роли, какъ синагога у еврея, особенно если она еще къ тому старинная, права которой освящены цѣлыми рядами лѣтъ и событій. Такова и р—ская синагога. Въ ней происходитъ первый послѣ рожденія каждаго р—скаго гражданина обрядъ, которымъ онъ формально получаетъ имя еврея. Здѣсь находится единственный въ городѣ вѣнчальный балдахинъ, подъ сѣнью котораго на синагогальномъ дворѣ, вѣнчаются всѣ безъ исключенія женихи и невѣсты города Р... Тутъ стоитъ и «мита»; здѣсь молятся, производятся выборы и происходятъ застѣданія; здѣсь провѣзжій «мейхеръ сфоримъ»¹ раскладываетъ свою лавочку; здѣсь происходятъ всѣ шалости молодого поколѣнія и здѣсь театръ ихъ военныхъ дѣйствій, наступательныхъ и оборонительныхъ... Синагога, словомъ—все... Для нашего Вагль-шема она также была—все: тутъ онъ приобрѣлъ свое всевѣднѣе; тутъ онъ впервые рѣшился, какъ увидитъ читатель, дѣйствовать энергичнѣе для достиженія своей цѣли; тутъ происходилъ надъ нимъ судъ и тутъ онъ получилъ свое имя послѣ рожденія и знаменитое прозвище много лѣтъ спустя...

* *
*

Въ то время, къ которому относится рассказъ, синагога была моложе на 25 лѣтъ, что въ ея возрастѣ не особенно замѣтно. Какъ тогда, такъ и теперь ея галереи и стѣны испещрены разными надписями, левіаеанами², львами и другими замысловатыми украшеніями; высокій, въ 5 этажей, рѣзной кіотъ съ сюжетами изъ зоологіи и ботаники, имѣющими, конечно, съ еврействомъ очень мало общаго, былъ изъ стариннаго рѣд-

¹ Книгопродавецъ.

² Многоческая рыба, которая, держа хвостъ во рту, образуетъ кольцо, окружающее весь міръ.

каго дерева. По разсказамъ нашего меламеда, это дерево—настоящее «Riprasen-Holz», изъ котораго Ной соорудилъ ковчегъ. Женскія отхѣленія посѣщались не такъ часто тѣми, для которыхъ они были предназначены, такъ что тамъ часто происходили общественныя собранія и тамъ же находилъ убѣжище отъ преслѣдованія шулуновъ «городской ковелъ»¹.

* * *

Синагога была на этотъ разъ убрана по праздничному. Къ концу утренней молитвы ожидали почетныхъ гостей къ совершенію торжественнаго богослуженія по поводу избавленія Царя отъ опасности. Въ назначенный часъ явился предводитель дворянства въ сопровожденіи другихъ чиновъ; явился также и протоіерей, за нимъ католическій ксендзъ, такъ что къ концу молитвы синагога была биткомъ набита массой лицъ различныхъ сословій, религій и состояній.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ и особенно въ тѣ блаженныя времена не существовало той розни національной и исповѣдной, которая раздѣляетъ теперь сыновъ одного и того же отечества. Но говоря уже о гражданскихъ чинахъ съ аристократомъ-предводителемъ во главѣ, даже православный протоіерей и католическій патеръ считали своимъ долгомъ дружески раскланиваться, въ качествѣ гостей синагоги, съ бѣднымъ раввиномъ, который, кромѣ еврейскаго алейхемъ-шоломъ, не зналъ, какъ отвѣчать на привѣтствіе на какомъ нибудь иномъ языкѣ; онъ даже, какъ увѣрили, не зналъ «цурасъ матбейе»—изображенія монеты, которыхъ онъ никогда не имѣлъ и не интересовался ими: несчастное жалованье и псакъ-гельдъ, уплату за рѣшеніе духовныхъ и тяжёбныхъ дѣлъ—принимала раввинша, женщина очень практичная и знающая, однимъ словомъ—раввинъ въ юбкѣ.

¹ „Kohelscher Bock“—за каждаго первенца у евреевъ дается выкупъ (Pidjon ha-ben) козляту (потому Аарона) въ ознаменованіе событія избиенія египетскихъ первенцовъ; но за первенца козла не стоитъ дать какого либо выкупа—и онъ дѣлается „гес nullius“, ничьимъ. Онъ дѣлаетъ пакости, преслѣдуется, не имѣетъ приставища и ищется тѣмъ, что найдеть или стащить. Это, однимъ словомъ, самое злобное созданіе и самый безправный обвинитель чертн осѣдлаго.

Не только духовный, но и «казенный» раввинъ, зромѣ под-писи на русскомъ языкѣ, которую онъ съ грѣхомъ пополамъ выводилъ на бумагахъ, не говорилъ и не понималъ по русски; соответствовавшую какому либо торжественному случаю рѣчь произносили одинъ изъ бѣдствовавшихъ въ городкѣ учителей. На этотъ разъ учитель, въ рукахъ у котораго отъ непри-вычки дрожала тетрадка, началъ стихомъ изъ Исаи: «Всякое орудіе, созданное противъ Тебя, будетъ не годно», что вызвало особое одобреніе почетныхъ гостей. Канторъ пропѣлъ сперва по еврейски молитву о Царствующемъ Домѣ, а затѣмъ народ-ный гимнъ, который былъ у него написанъ печатными еврей-скими буквами на русскомъ языкѣ. При крикахъ «ура», вы-пито было приготовленное въ синагогѣ для гостей шампанское, и разошлись по домамъ.

Давно все кончилось — и синагога опустѣла. Только у края амвона, прислонившись къ одному изъ мощныхъ стол-бовъ синагоги, стоялъ блѣдный, исхудалый старикъ; свѣтъ, падавшій на него съ оконъ, находящихся подъ высокимъ ку-поломъ, придавалъ ему видъ призрака; глаза его лихорадочно блестяли, губы шевелились... Онъ повторялъ нѣсколько разъ вслухъ: «кажется, такъ я слышалъ? Коммисаровъ. Такъ, ка-жется?» — и, сорвавшись сразу съ мѣста, пошелъ домой своей обыкновенною походкой...

Это былъ знакомый намъ Иче Валь-шемъ.

* * *

Хотя кагалъ уже давно былъ упраздненъ, но названіе за мѣстомъ общественныхъ собраній, особенно въ этой синагогѣ, основанной еще задолго до учрежденія самаго кагала, осталось прежнее, старинное — «кагальная изба» (Kohel-Stübel).

Сюда собирались теперь всѣ горожане; мрачная синагога придавала имъ видъ инквизиторовъ: такъ сосредоточены и сѣрвезны были ихъ лица. Никто изъ собравшихся не острить, ни рассказывалъ обычныхъ, не относящихся къ дѣлу анекдотовъ,

въ которыхъ постоянно проходятъ все время засѣданій. Раввинъ, въ качествѣ предсѣдателя, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой онъ началъ развивать различными ссылками на древнюю исторію евреевъ и на Талмудъ слова рабби Іоханана: «блаженъ человекъ, который вѣчно опасается»; цитаты, которыми онъ уснащалъ свою рѣчь, отвлекли его отъ цѣли засѣданія и привели къ тому, что ораторъ, по выраженію цитируемаго имъ же Талмуда, «погрузился въ море (науки) и вытащилъ оттуда черепокъ» — онъ спутался и долженъ былъ предложить общественному ходатаю, виновнику засѣданія, объяснить — въ чемъ дѣло. Сообщение послѣдняго состояло въ томъ, что Иче Баль-шемъ, котораго всѣ считали человекомъ не отъ міра сего, какъ дознано, переѣхавъ свой образъ жизни, сократилъ даже время молитвы, пока не исчезъ таинственно изъ города. Теперь онъ вернулся. Конечно, въ этомъ ничего еще нѣтъ особеннаго и никто объ этомъ не подумалъ бы говорить. Но случилось извѣстіе изъ «уѣзда», что этотъ самый Баль-шемъ подалъ тамъ на почту письмо въ Петербургъ. — И знаете на чье имя? — продолжалъ онъ въ сильномъ волненіи, — имя, — и тутъ таинственнымъ шопотомъ передалъ сосѣдямъ — къ кому было адресовано письмо, а сосѣди такимъ же шопотомъ передали это дальше. — Я хотѣлъ предложить полиціи разузнать содержаніе письма, но потомъ раздумалъ и передалъ объ этомъ почтенному раввину.

Всѣ загадѣли; пошли различные толки и догадки. Каждый опасался чего-то. Только одинъ раввинъ, не чувствовалъ за собою никакого грѣха, кромѣ того, что не могъ кончить свою напыщенную и велеученую рѣчь, былъ вполне спокоенъ и первый вызвался послать шамеса за обвиняемымъ; пусть онъ передъ лицомъ общества дастъ отвѣтъ, какими это письмами онъ беспокоитъ великихъ міра сего и хочетъ навлечь бѣду на бѣдный городъ, который этому полоумному ничего не дѣлаетъ злого, хотя и ничего, кромѣ паспорта, не даетъ.

Шамесъ впопыхахъ побѣжалъ за р. Ицхокомъ; но каково

было его изумленіе, когда онъ услышалъ, что обвиняемый не желаетъ идти въ собраніе, въ которое онъ никогда не пошелъ бы, если бы тамъ ждалъ его даже цѣлый мѣсяцъ—десятокъ раввиновъ; но чтобы успокоить согорожанъ, онъ вручалъ шамесу письмо, которое было имъ раньше написано, для врученія раввину. Письмо было слезею треугольникомъ; на немъ, вмѣсто печати, были слова, которые для набожныхъ евреевъ сильнѣе всякой печати,—слова, составленныя изъ инициаловъ словъ: «Херемомъ раби Гершона (не открывать чужихъ писемъ) и разрушающаго преграду укусить змѣя». Письмо это, имѣющее нѣкотораго рода историческое значеніе и составляющее исповѣдь и сгедо страдальца за идею, приведено мною въ переводѣ цѣликомъ, со всеми старинными оборотами, какъ оно хранится въ книжкѣ р-ской большой синагоги.

«Съ помощью Божьего, сегодня — день четвертый отдѣла Войхи, года «Воже, силою твоею да возрадуется Царь!»¹, здѣсь, святое общество града Р..., да воссоздастся святой градъ Вожій.

«Милости главъ р-скаго общества, богачей и знаменитыхъ, понятливыхъ и мудрыхъ, вѣнцовъ и украшеній Израиля и пр.; да сіяетъ ихъ свѣтъ вовѣки.

«Миръ вамъ!

«Отвѣчаю пославшимъ за мною слово. Я зналъ и видѣлъ сквозь освѣщающую призму (моего ума) (Asraklaria ha-meiga), что языки, говорящіе гладко, ищущіе почестей въ позорѣ другого, захотятъ возвести на меня какое нибудь недѣльное обвиненіе, ссылаясь на мое внезапное отсутствіе изъ города и на мое письмо, которое я писалъ на Имя Государя нашего Царя— да возвысится Его слава!—и хотя въ дѣла городскія и вообще въ дѣла людей никогда не входилъ, все-таки я понимаю, что

¹ Еврейскіе ритори употребляли вмѣсто года стихъ изъ Св. Писанія, соответствующій случаю и буквы котораго, хотя съ нѣкоторыми натяжками и сокращеніями, содержатъ число, которымъ обозначается годъ.

такъ должно было быть, потому что, по выраженію мудреца¹, которому я не достоинъ завязать шнурки его обуви, «мнѣ знакомы стези небесныя, какъ стези Негардейскія». И вотъ я приготовилъ вамъ заранѣе настоящее письмо, чтобы не заставить васъ ждать меня въ вашемъ «засѣданіи земномъ, яко засѣданіи вышнемъ», какъ сказали наши мудрецы, да будетъ блаженна ихъ память!

«Еще въ прошломъ году мнѣ привидѣлся ночью одинъ стихъ нашей священной Торы, изъ котораго я путемъ ъотриконъ (инициалы отдѣльныхъ словъ) уврѣлъ въ этомъ стихѣ указаніе свыше, что Государю нашему и Отцу—да возвысится Его слава!—грозить опасность отъ злоумышленниковъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ злой воли, объятые нечистой «клипой». Я нашелъ также, съ помощію Божіею и его святыхъ ангеловъ, и день, и часъ, когда задумывается злое противъ помазанника Божія. Я дерзнулъ написать объ этомъ въ столичный городъ, гдѣ находится резиденція Государа нашего. Я не хотѣлъ чести для себя. Я просилъ только милости нашего Верховнаго Судьи и Его власть имущихъ помощниковъ на нашъ бѣдный городъ. Мнѣ же самому ничего не надо. Я, какъ сказалъ Іовъ, «нагъ пришелъ и нагъ уйду», а вѣдь «слуга вашъ старъ». Но, по моему скудному и бѣдному пониманію, письмо не попало въ руки нашего Монарха... Случилось то, что было предсказано; но «саръ шелъ Іовонъ» (предстатель (на небесахъ) иновѣрныхъ) сильнѣе насъ. Наши сердца радуются спасенію Царя нашего—да возвысится Его слава!—но о предсказаніи никто и не узналъ. И да поминается добромъ имя спасителя Царя, Коммисарова, какъ записано въ мегилъ (хартію) имя Харвейны, спасаго жизнь когда-то тоже сильнаго царя Персіи и Мидіи...

«Нынѣ же, уврѣвъ опять въ видѣніи изъ словъ пророка Данила новое указаніе на грядущую опасность, я опоясалъ свои чресла и написалъ письмо на Имя нашего Государа, ко-

¹ P. Самуэль: „Nehirin li schwill d'rekia k'schwillet d'Nehordai“.

торый пойметъ мои чистыя намѣренія, выраженные хотя бы на языкѣ нашихъ предковъ, блаженные памяти. Помощью различныхъ способовъ узнаванія, которыми меня, младшаго изъ тысячъ іудеевъ, наградила Господь, я указалъ и время, и другія нужныя данныя,—и до тѣхъ поръ, пока не услышу, что обращено вниманіе на мое посланіе и что я услышанъ нашимъ великимъ Государемъ (мелехъ б'кипа), я не буду дремать и почивать и не успокоюсь, а буду писать, пока не услышать меня.

«Вотъ почему, рабойсай, не желая безпокоить васъ, я пошелъ въ уѣздный городъ и оттуда отправилъ письмо. Но вы узнали—и вотъ вамъ вся правда.

«Пусть Господь будетъ нашимъ защитникомъ передъ Его помазанникомъ и пусть Онъ смилуется надъ нами и надъ всѣмъ Израилемъ. Миръ дальнимъ и близкимъ—и да близится наше искупленіе. Аминь.

«Писавшій и подписывавшійся—я—рабъ рабовъ Божіихъ. «Ицхокъ сынъ раби Давида га-Лави, память праведнаго да будетъ блаженна».

Раввинъ кончилъ чтеніе этого документа и обвелъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ. Отъ сердца всѣхъ отлегло. Отъ письма вѣяло чѣмъ-то наивнымъ, даже по понятіямъ обывателей г. Р.... того времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ какигъ-то воодушевленнымъ, непосредственнымъ чувствомъ. Когда умы успокоились, пошли различные толки, прибаутки и остроты. Одинъ изъ присутствовавшихъ, человекъ по тому времени начитанный, сказалъ, что «Баль-шему не дають спать лавры Коммисарова». — У насъ будетъ свой *Иче-Коммисаровъ*, — подхватилъ городской ходатай. Съ тѣхъ поръ Иче Баль-шемъ переименованъ въ *Иче-Коммисарова*...

* * *

Нашъ бѣдный Коммисаровъ сдержалъ свое слово: онъ не дремалъ, а бомбардировалъ письмами, и все заказными и на ев-

рейскомъ языкѣ. Чѣмъ больше приближалось время, которое онъ предопредѣлил своими комбинаціями буквъ и нотариконами, тѣмъ становился онъ нервнѣе и раздражительнѣе, что отзывалось и на его письмахъ.

Что было бы дальше—неизвѣстно, если бы его въ одно прекрасное утро не потребовали въ полицію. Онъ думалъ, что его навѣрное посадятъ на убраннаго коня и повезутъ его какъ Мордухая, и хотя онъ смерть какъ боялся коня и почестей, къ которымъ онъ не привыкъ, но старое сердце въ немъ сильно забилось. «Наконецъ-то, —думалось ему,—я услышанъ»...

Но онъ, бѣдный, жестоко ошибся. По предписанію изъ уѣзда, его надо было немедленно представить для освидѣтельствующаго его умственныхъ способностей... И старика отправили на этапной подводѣ въ тотъ самый уѣздный городъ, съ почтовой станціи котораго началась его слава, занесенная на страницы пинкеса запятнаго города Р....

* * *

Черезъ годъ послѣ этого я былъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ сѣверо-западнаго края. Проходя по одной изъ узкихъ еврейскихъ улицъ, я увидѣлъ Иче Баль-шема. Ему стыдно было показаться въ родномъ городѣ послѣ того, какъ онъ семь мѣсяцевъ находился на испытаніи въ больницѣ — и онъ пошелъ... по міру. Онъ сидѣлъ у дверей молельни, кого-то, видимо, ожидая. Взглядъ его потухъ; сгорбленный, опираясь на свой костыль, онъ не переставалъ шевелить губами и говорить самъ съ собою...

Юл. Эльтерманъ.

ЕВРЕЙСКІЙ ЕЗОПЪ¹.

הסודי הזה במשכיות כסף דבר דבר על אמניו
(משלו ב"ח י"א)

I.

Приступая къ характеристикѣ жизни и дѣятельности извѣстнаго народнаго проповѣдника—дубенскаго магида Якова Кранца, жившаго въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій и стяжавшаго себѣ неувядаемую славу своимъ пронизательнымъ умомъ, житейскою мудростью и глубокимъ пониманіемъ жизни, считаю нужнымъ оговориться и объяснить цѣль настоящаго моего очерка. Подъ эпитетомъ «магидъ» мы обыкновенно привыкли понимать извѣстнаго класса людей, не успѣвшихъ пристроиться къ какой либо практической дѣятельности и укрѣпиться на твердыхъ и невыблемыхъ устояхъ, которые давали бы имъ возможность существовать безбѣдно, снискивая свое пропитаніе честнымъ и производительнымъ трудомъ. Потерпѣвъ крушеніе на бушующемъ морѣ жизни и желая пристать къ какому либо берегу,—этой категоріи люди нерѣдко хватаются за соломенку и стремятся извлекать выгоды изъ всего, что попадаетъ имъ подъ руки, хотя бы въ ущербъ строгимъ правиламъ нравственности. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что имъ приходится утилизировать свои крошечныя и безсвязныя талмудическія знанія, не заключающія въ себѣ ничего существеннаго, строго послѣдовательнаго и системати-

¹ При составленіи настоящей статьи мы, помимо оригинальныхъ сочиненій дубенскаго магида и другихъ источниковъ, пользовались отчасти статьей развина И. Гольдшмидта въ Вильбургѣ, напечатанной въ майской книжкѣ журнала „Auf der Höhe“ за 1884 г.

зированной. За магидство, какъ и за меламедское ремесло, часто берутся люди невѣжественные, не имѣющіе никакой научной подготовки, не обладающіе болѣе или менѣе солидными знаніями въ древне-еврейской литературѣ, которою всегда можно пользоваться съ удобствомъ при разработкѣ какой либо темы для проповѣди, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у лучшихъ еврейскихъ духовныхъ ораторовъ на западѣ Европы, не говоря уже о какомъ либо краснорѣчїи и умѣньи приравниваться къ злобѣ дня и текущимъ вопросамъ жизни. Имѣя всегда въ запасѣ нѣсколько анекдотовъ, скроенныхъ по извѣстному шаблону и не заключающихъ въ себѣ ничего пикантнаго и характернаго,—эти заурядные балагуры отличаются только тѣмъ, что умѣютъ запугивать сѣрую массу страшилищами ада и кары небесной, ожидающей каждаго изъ насъ въ будущемъ загробномъ мірѣ за грѣхи тяжкіе и всякое нарушеніе закона. Оставаясь глухими ко всѣмъ напрашивающимся на обсужденіе жизненнымъ вопросамъ еврейства, не сообщая своимъ слушателямъ никакихъ полезныхъ свѣдѣній, ограничиваясь бичеваніемъ какихъ-то мнимыхъ пороковъ, отъ котораго нельзя ожидать никакой практической пользы,—этого типа магиды, которыми и нынѣ переполнена вся сѣверо-западная полоса нашей черты осѣдлости, менѣе всего заслуживаютъ вниманія, какъ отдѣльный предметъ изученія; ихъ жизнь и дѣятельность не настолько любопытны, чтобы всякій интересующійся изученіемъ быта евреевъ въ Россіи могъ узнать изъ этого что либо новое и ему дотогѣ не извѣстное. Мы заговорили вскользь о магидахъ вообще, желая провести параллель между этими недоумками и представителемъ стараго магидства, какимъ въ свое время былъ незабвенный въ памяти народа дубенскій магидъ Яковъ Кранцъ, любимецъ виленскаго гаона р. Ильи Вильнера и великаго философа Мендельсона, которымъ онъ весьма удачно былъ названъ еврейскимъ Езопомъ. Дубенскій магидъ Яковъ Кранцъ,— авторъ капитальнаго труда «Ohel Jacob» (Домъ Якова) и другихъ гомилетическихъ сочиненій, изданныхъ его сыномъ послѣ его смерти и возобновленныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ученикомъ послѣдняго Б. Фламомъ и минскимъ литераторомъ-книгопродавцемъ г. Масклей-

сономъ,—считается отцомъ еврейскаго духовнаго краснорѣчія въ Россіи, въ томъ обыденномъ смыслѣ, какъ это понимается евреями стараго закала. По своему остроумію и мѣткому при- мѣненію обыденныхъ фактовъ, вятыхъ изъ жизни и разукра- шенныхъ поволокой его собственной фантазіи, къ врачеванію нравственныхъ недуговъ и искорененію зла, — онъ не имѣетъ себѣ подобнаго даже между бывшими знаменитыми магидами, стоявшими неизмѣримо выше его по талмудической эрудиціи и знаніямъ вообще. А такихъ магидовъ, которые и нынѣ могли бы поспорить съ любымъ изъ еврейскихъ ученыхъ, у насъ было немало. Истинное благочестіе, искреннее убѣжденіе въ правотѣ своихъ взглядовъ—вотъ тѣ мотивы, которыми всегда руководствовались эти истые раторборцы, стремившіеся къ обла- гораживанію нравовъ своихъ слушателей и внушенію имъ пра- вильныхъ взглядовъ на жизнь, насколько это, конечно, гар- монизировало съ ихъ міровоззрѣніемъ. Такимъ корифеемъ, на- приимѣръ, былъ слонимскій магидъ Іегуда Эдель, авторъ сочиненія *ג'ת ח'ם* (Морскіе Острова), отличавшійся чрезвычайно трезвымъ умомъ и умѣвпій весьма удачно объяснять трудныя и запу- танныя талмудическія легенды. Еще больше вниманія заслу- живааетъ бывшій виленскій магидъ р. Іезекиль Файвель изъ Дрогичина, родившійся въ 1755 году и путешествовавшій въ молодости очень долго по Германіи, гдѣ онъ имѣлъ случай за- вязать знакомства съ тогдашними представителями еврейской науки, отъ которыхъ онъ многому научился и съ большимъ успѣхомъ пересаживалъ прибрѣтенныя имъ знанія на родную почву. Изданное имъ въ 1821 году сочиненіе «Toldoth Agam», заключающее въ себѣ біографію извѣстнаго талмудическаго феномена—раби Зелмеле, о колоссальной памяти котораго раз- сказываютъ факты, выходящіе изъ ряда обыкновеннаго, представляетъ собой извѣстный научный интересъ. Въ осо- бенности любопытны и занимательны тѣ главы, въ кото- рыхъ онъ говоритъ о необходимости и полезности изученія древне-еврейскаго языка и о воззрѣніяхъ Маймонида и другихъ средневѣковыхъ еврейскихъ философовъ на Аггаду¹. Въ нашей

¹ См. Safa, Leneemanim. Монографія С. І. Фива, стр. 588. Вильна, 1879 г.

памяти глубоко вѣзались прекрасныя по содержанію и образцовыя въ ораторскомъ отношеніи проповѣди случкаго магида Гирша Дайнова, объѣзжавшаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ весь югъ Россіи и умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ былъ проповѣдникомъ у тамошней многочисленной русско-еврейской колоніи. Нисколько не грѣша противъ истины, можно сказать, что, обладай большинство нашихъ такъ называемыхъ общественныхъ раввиновъ хотя бы малой дозой его знаній и ораторскаго таланта, они навѣрное не стали бы угощать насъ своими бессодержательными и приторно-пошлыми казенными рѣчами, отъ которыхъ вѣетъ замогильнымъ холодомъ и леденящимъ индифферентизмомъ къ внутреннимъ вопросамъ еврейства и общественнымъ язвамъ, требующимъ радикальнаго леченія...

Въ чемъ, однако, заключаются главные и отличительныя черты, кладущія извѣстный отпечатокъ на дубенскаго магида и рѣзко выдѣляющія его изъ цѣлой фаланги ему подобныхъ народныхъ проповѣдниковъ? Въ отвѣтъ на это мы можемъ сказать только то, что дубенскій магидъ представляетъ собой рѣдкій умъ, не затуманенный мистическими бреднями и отличавшійся яснымъ пониманіемъ жизни и всего окружающаго. Это была свѣтлая голова, неутомимая въ нахожденіи наглядныхъ примѣровъ, аллегорій и притчей для объясненія трудныхъ и отвлеченныхъ идей. Всѣ эти аллегоріи и притчи его всегда игривы, мастерски отдѣланы и цѣликомъ выхвачены изъ жизни, такъ что иногда теряешься и не знаешь, чему прежде всего слѣдуетъ удивляться въ этомъ оригинальномъ мыслителѣ! И если остроуміе представляетъ собой рѣдкую способность распознавать отличительныя черты кажущихся на видъ сходственныхъ между собой предметовъ, а глубокомысленными мы привыкли считать тѣхъ, которые умѣютъ найти общность между двумя противоположными понятіями,—то мы въ правѣ считать дубенскаго магида однимъ изъ рѣдчайшихъ и умѣйшихъ людей, которыхъ мы въ состояніи себѣ представить. Методъ построенія имъ проповѣдей не отличается во многомъ отъ такого же метода у средневѣковыхъ еврейскихъ мыслителей: обыкновенно берется какое нибудь трудное мѣсто изъ Священнаго

Писанія или позднѣйшей еврейской письменности, которое комментируется соответствующими разъясненіями; но разъясненія эти налагаются у него не въ сухой и абстрактной формѣ, а всегда сопровождаются въ высшей степени интересными аллегоріями и примѣрами, какъ мы уже сказали—взятыми изъ жизни. Однимъ словомъ, въ лицѣ дубенскаго магида мы видимъ не только странствующаго народнаго проповѣдника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и художника-аллегориста, и именно такимъ мы желаемъ его изобразить въ слѣдующихъ главахъ, строго придерживаясь его метода разсказа.

II.

«Какую цѣль представляетъ собой то,—задаетъ вопросъ этотъ своеобразный еврейскій мыслитель,—что люди такъ любопытно заглядываютъ въ даль, желая приподнять завѣсу будущаго? Такъ какъ стремленіе человѣка обнять безконечное никогда не можетъ быть достигнуто, то почему это стремленіе такъ глубоко засѣло въ его сердцѣ и неразлучно находится съ нимъ?»

Благосклонный читатель согласится со мной, что философскій вопросъ этотъ на устахъ польскаго магида очень оригиналенъ и заключаетъ въ себѣ много любопытнаго; но отвѣтъ, который онъ даетъ на заданный имъ вопросъ, во многомъ отличается отъ того, что намъ приходится читать по этому поводу. «Нѣкогда жилъ,—разсказываетъ дубенскій магидъ въ pendant къ этому вопросу,—очень богатый и скупой господинъ. Само собой понятно, что Крезъ этотъ больше всего думалъ и заботился о томъ, чтобы богатство его не возбуждало зависти и жадности у другихъ и зарылъ свои сокровища въ потаенномъ мѣстѣ, глубоко подъ досчатымъ поломъ своего собственнаго дома. Все это онъ хранилъ въ глубокой тайнѣ и тщательно скрывалъ даже отъ своего единственнаго сына. Къ несчастью, однако, богатъ этотъ умеръ внезапно отъ паралича, не успѣвъ сдѣлать завѣщанія и позаботиться о живыхъ. Ему наследовалъ единственный сынъ, который, къ великому своему ужасу, при открытіи кассовыхъ сундуковъ нашелъ одни

пустыя пространства, не заключающія въ себѣ ничего привлекательнаго. По истеченіи извѣстнаго времени, несчастный наследникъ уронилъ серебряный талеръ, который закатился куда-то далеко и послѣ тщательныхъ розысковъ не былъ найденъ. Осталась только одна надежда на то, чтобы вскрыть половую доску, куда монета могла случайно попасть. Но какъ велико было удивленіе обиженнаго сына, когда онъ вмѣсто искомаго талера нашелъ горшокъ полный червонцами. Онъ продолжалъ искать дальше, а талера все нѣтъ, да нѣтъ; но за то на каждомъ шагу находилъ новыя сокровища, которыя, какъ мы знаемъ, отецъ его зарылъ подъ поломъ. Монета была затеряна. Но пропали-ли даромъ тѣ труды, которыя онъ употреблялъ на отысканіе ея, такъ какъ онъ нашелъ цѣлый кладъ и несмѣтное богатство? Мораль этой басни слѣдующая:

Безконечныя и неудовлетворенныя стремленія человѣка къ объятію безконечнаго — это искомая монета. Если попытки наши къ разрѣшенію вѣчной загадки жизни оказываются тщетными, то все-таки нельзя отрицать, что по пути къ достиженію нашей завѣтной цѣли мы наталкиваемся на неизмѣримыя богатства, скрывающіяся въ лоѣ природы и того духа живого, который нами руководитъ во всѣхъ нашихъ экскурсіяхъ въ области мысли.

А вотъ еще примѣръ его философскаго міровоззрѣнія. Пророкъ Малахія говоритъ во имя Бога: «Отъ восхода до заката солнца имя Мое прославляется между язычниками и во всѣхъ мѣстахъ приносятся жертвы въ честь Мою» (Мал. I, II). Дубенскій магидъ утверждаетъ, что факты доказываютъ противное, такъ какъ язычники воснѣютъ въ невѣжество и поклоняются идоламъ только потому, что до сихъ поръ не познали истиннаго Бога. Но это кажущееся противорѣчіе онъ разъясняетъ слѣдующимъ прекраснымъ анекдотомъ. Нѣкогда жилъ извѣстный проповѣдникъ, котораго звали дубенскимъ магидомъ. Магидъ этотъ былъ очень любимъ и уважаемъ всѣми. Слава о немъ прогремѣла далеко, такъ что многія общины спорили между собой, желая раньше залучить его къ себѣ въ качествѣ гостя. Онъ охотно исполнялъ желанія представителей общинъ, такъ какъ исполненіе это, помимо

почестей и пожинанія лавровъ, суило ему извѣстныя матеріальныя выгоды и было прибыльно для кармана. Постепенно распространившаяся о немъ слава сдѣлала его извѣстнымъ и вѣдъ предѣловъ его отечества: о немъ узнали въ Германіи и Франціи, его приглашали въ Вѣну, Берлинъ и Парижъ, ему гарантировали путевыя издержки и солидное вознагражденіе за трудъ; но онъ долженъ былъ отклонять всѣ эти приглашенія, потому что и на родной сторонѣ не хватало времени для удовлетворенія всѣхъ просьбъ. Пользуясь громкою славой почтеннаго оратора, нашелся ловкій и находчивый человѣкъ, который сумѣлъ привлечь изъ этого немалую для себя выгоду. Субъектъ этотъ, внимательно прислушиваясь къ прекраснымъ проповѣдямъ дубенскаго магида, обратилъ вниманіе на его дикцію и ту манеру, какъ онъ ихъ произноситъ, усвоилъ себѣ нѣсколько изъ его своеобразныхъ особенностей и оборотовъ рѣчи и, вооружившись этими доспѣхами, пустился въ путь-дорогу, въ тѣ мѣста, гдѣ дубенскаго магида никогда не видѣли въ лицо, но гдѣ такъ страстно и жадно желали его слушать. Можно себѣ представить безграничную радость общинъ, когда ихъ легѣмое годами желаніе исполнилось наконецъ, при видѣ любимца изъ Польши! Мнимый дубенскій магидъ исполнялъ свою роль блистательно, очаровывалъ всѣхъ и каждого и собралъ солидный кушъ, не возбуждая ни въ комъ сомнѣнія относительно своего alter ego. Молва о мнимомъ дубенскомъ магидѣ дошла до ушей настоящаго оратора и всѣхъ его окружающихъ. Какъ велико, однако, было удивленіе всѣхъ его окружающихъ, друзей и знакомыхъ, при видѣ спокойствія духа, которое обожаемый ими человѣкъ сохранилъ при этомъ! Выразивъ свое удивленіе по этому поводу, они всѣ наставляли на томъ, чтобъ онъ сорвалъ маску съ наглаго обманщика и принялъ мѣры къ строгому его наказанію. Мудрый учитель, впрочемъ, при этомъ только улыбнулся и, не долго думая, сказалъ: «Въ дѣяніяхъ моего подражателя я не вижу для себя никакого матеріальнаго ущерба. Приобрѣтенныя имъ слава и почести, равно какъ и суммы, выпавшія на его долю, вѣроятно, не достались бы мнѣ, такъ какъ я не могу ѣхать въ такую даль».

— Но вѣдъ онъ проповѣдывалъ отъ своего имени, — возрази-

ли ему его дубья, — прибѣгая къ обману и злоупотребляя твоимъ именемъ! Развѣ ты должашь и можешь равнодушно смотрѣть, когда чужой присвоиваетъ себѣ твое имя?

— Отчего же нѣтъ? — отвѣтилъ имъ учитель. — Вмѣсто того, чтобы печалиться и безпокоиться объ этомъ, я ему искренно благодаренъ.

— Благодаренъ? Да вѣдь это выходитъ нѣсколько странно!

— Ну, да, совершенно такъ. Вѣдь всѣ почести и благодарности, въ сущности, достались не ему, а только мнѣ. Толпа слушателей воображала, что видитъ предъ собой настоящаго дубенскаго мага; она удивлялась только ему одному, и чѣмъ даровитѣе онъ исполнялъ свою фальшивую роль, чѣмъ меньше было сомнѣнiя въ точности оригинала, тѣмъ болѣе я обязанъ быть благодарнымъ своему мнимому я. Подъ своимъ именемъ онъ былъ бы только моимъ соперникомъ, а такъ его считаютъ моимъ замѣстителемъ, точно комми-вожера — представителя собственника какой нибудь торговой фирмы.

Смыслъ анекдота самъ собой вытекаетъ изъ всего сказаннаго. Языческіе боги находятся въ такомъ же отношенiи къ единому Творцу небесному, какъ мнимые дубенскіе маги къ ихъ прототипу. Они созданы изъ камня и дерева, золота и серебра; но вѣдь и ихъ считаютъ богами, и предъ ними преклоняются, какъ предъ тѣмъ великимъ и вѣчнымъ Существомъ, отъ котораго зависитъ все наше бытiе, предъ которымъ мы всѣ благоговѣемъ и со страхомъ падаемъ ницъ. Всѣми жертвами, которыя приносятся на алтаряхъ языческихъ боговъ, фактически выражается благодарность не идолу и кумиру, а абсолютной идеѣ единаго божества.

Дубенскій магидъ, однако, разъ въ жизни посетилъ Германию. Онъ проповѣдывалъ тамъ въ главныхъ еврейскихъ общинахъ и, между прочимъ, въ Берлинѣ, гдѣ еврейское населенiе тогда уже отличалось своимъ свободомыслиемъ и меньшей чопорностью въ соблюденiи обрядовой стороны религiи. Желая задѣть за живое своихъ слушателей, онъ началъ первую свою проповѣдь слѣдующимъ образомъ: «Господа! Я имѣю тяжбу съ Господомъ Богомъ, которую предлагаю вамъ для окончательнаго рѣшенiя. И если вы спросите, почему именно я

избралъ мѣстомъ судилища Берлинъ, а не какой либо другой городъ, то на это могу вамъ дать удовлетворительный отвѣтъ.

«Я уже во многихъ мѣстахъ пытался предъявлять свои требованія въ вѣчному Воздателю міра; но вездѣ меня запугивали и странцали тѣмъ, что Господь Богъ очень важное и знатное лицо, котораго всѣ боятся и не рѣшаются открыто выступать; но за то многіе совѣтовали мнѣ отправиться въ Берлинъ. Тамъ, — сказали они, — ты навѣрное достигнешь цѣли своей, потому что въ Берлинѣ меньше всего думаютъ о Богѣ»...

III.

Довольствуясь малымъ, дубенскій магидъ не придавалъ значенія земнымъ благамъ и суетамъ мірскимъ. Онъ сильно порицалъ тѣхъ, которые, живя въ холѣ и довольствѣ, привыкли зазнаваться и забывать о существованіи другихъ. Взглядъ его въ этомъ отношеніи выражается въ слѣдующихъ разсказахъ:

Двое русскихъ купцовъ отправились на ярмарку въ Лейпцигъ. Купцы эти имѣли кредитъ въ Лейпцигѣ, которымъ каждый изъ нихъ пользовался соразмѣрно съ своими потребностями — одинъ въ большемъ, а другой въ меньшемъ размѣрѣ. На обратномъ пути въ Россію они опять сѣхались вмѣстѣ; одинъ изъ нихъ имѣлъ грузно навьюченные подводы, а другой довольствовался своими маленькими товарными уздами. Мирно шли они рядомъ. Обладатель большого товарнаго груза не гордился предъ своимъ маленькимъ товарищемъ, такъ какъ товары ими обоими взяты были въ кредитъ, и въ то время, когда одинъ изъ нихъ имѣлъ большее количество товара, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ больше долженъ, и наоборотъ. По дорогѣ ихъ попуталъ злой духъ и добрымъ ихъ намѣреніямъ насталъ конецъ; они порѣшили не платить больше долговъ и такимъ образомъ избавиться навсегда отъ своихъ кредиторовъ. Но вмѣстѣ съ этимъ преступнымъ намѣреніемъ наступилъ конецъ и ихъ согласію и мирному житію. Обладатель большого количества товара возгордился предъ своимъ менѣе зажиточнымъ товарищемъ, и такъ какъ они оба считали себя собственниками

товара, то стала замѣтна и разница въ ихъ имущественномъ положеніи. Изъ этого вытекаетъ слѣдующая сентенція:

Доколѣ мы смотримъ на всѣ земныя блага какъ на извѣстный заемъ, подлежащій возврату и возлагающій на насъ извѣстныя обязанности,—нѣтъ мѣста разницѣ въ имущественномъ положеніи и не можетъ быть и рѣчи о слѣси и личной гордости; но стоитъ только примѣшаться чувству гордости, тогда прощай навсегда равенство отношеній между людьми и легко можно забыть «о платежѣ долговъ»!

Библейскій стихъ: «Творца же родителя ужъ ты не припомнилъ; Создателя Бога забыть ты въ конце!» (Второз. 32, 19) онъ объясняетъ слѣдующимъ остроумнымъ рассказомъ:

Рувимъ былъ долженъ Симону извѣстную сумму денегъ. Угнетенный наставаніями своего кредитора, котораго ему не въ терпежъ стали, онъ отправился за совѣтомъ къ товарищу, Леви. Леви посоветовалъ ему—когда Симонъ снова явится къ нему за требованіемъ долга, прикинуться съумасшедшимъ. Рувимъ послушался совѣта своего друга, и когда Симонъ пришелъ за требованіемъ долга, онъ притворился умалишеннымъ, мычалъ и кувыркался, и такимъ образомъ избавился отъ него. По истеченіи извѣстнаго времени, Рувимъ занялъ деньги у Леви, который наставлялъ его раньше. Наступилъ срокъ платежа Леви, и когда послѣдній требовалъ свой долгъ, Рувимъ, по привычному, издавалъ дикіе звуки и изобразилъ изъ себя умалишеннаго. Тогда Леви возопилъ и, пылая гнѣвомъ, справедливо укорялъ своего товарища:

— Развѣ не я,—сказалъ онъ,—тотъ, который въ бѣдѣ помогъ тебѣ совѣтомъ, а ты употребляешь его во зло, какъ орудіе противъ меня.

Способность все забыть—это то благодѣяніе, которое чело-вѣкъ получилъ въ даръ изъ рукъ Провидѣнія; но чело-вѣкъ это же благодѣяніе употребляетъ во зло противъ своего благодѣтеля, забывая о существованіи Провидѣнія.—Но не только философскія темы и высокія матеріи давали возможность дубенскому магиду обнаружить свой обширный ораторскій талантъ. Онъ умѣлъ откапывать перлы поэзіи и неиссякаемый источникъ «духа живого» и тамъ, гдѣ уакіе буквы и фило-

логи ломаютъ себѣ голову надъ разъясненіемъ какого нибудь текста, имѣющаго двойкій смыслъ; посредствомъ аллегоріи ему всегда удавалось примирять спорація стороны относительно истиннаго значенія даннаго текста, извлекая изъ этого известную пользу и для житейской практики и добродѣтельнаго житія. Такъ, напримѣръ, известно, что комментаторы расходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно значенія словъ *מֵזֶה מָזוּ* въ пасхальной Аггадѣ, читаемой евреями, при исполненіи известныхъ обрядовъ, въ первый и второй вечеръ праздника Пасхи. Одни говорятъ, что смыслъ этихъ словъ: *«Вотъ тотъ хлѣбъ нищеты, который предки наши ѣли въ Египтѣ»*, а по другому объясненію выходитъ, что значеніе этихъ словъ: *«таковъ былъ хлѣбъ, который»* и т. д. Дубенскій магидъ находитъ, что оба объясненія одинаково вѣрны, но ихъ слѣдуетъ понимать разное, примѣняясь къ разнымъ эпохамъ въ жизни человѣка, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующей аллегоріи.

Вѣдному коробейнику разъ въ жизни улыбнулась фортуна: онъ нашелъ большой кладъ, который съ давнихъ временъ былъ зарытъ въ землѣ. Дорогой ношей обрадовавшійся бѣднякъ отправился домой и вахилъ на славу новою жизнью. Онъ купилъ прекрасный домъ, обзавелся дорогой каретой, нанялъ воспитателя для своихъ дѣтей и т. д. Не смотря на свое счастье, нахлынувшее къ нему такъ внезапно, онъ не возгордился въ своемъ величіи. Напротивъ, тотъ самый ветхій и запатанный кафтанъ, который онъ надѣвалъ до находки клада, онъ тщательно спряталъ въ нарочно заказанномъ для этого шкафѣ и ежегодно, въ тотъ самый день, когда неожиданно для него настала перемѣна въ его положеніи и образѣ жизни, онъ вынималъ этотъ кафтанъ изъ потаеннаго мѣста, облачался въ него, собиралъ вокругъ себя дѣтей своихъ и всѣхъ своихъ домашнихъ и, устроивъ прекрасный обѣдъ, на которомъ раздавалъ подарки бѣднякамъ, толпившимся у его дверей, помимо щедрыхъ наградъ своимъ собственнымъ дѣтямъ, прибавлялъ при этомъ: *«Этотъ самый ветхій кафтанъ я, бывало, носилъ и въ былое время, много гдѣ тому назадъ»*. Можно себѣ представить радость дѣтей, когда отецъ ихъ направлялся къ шкафу, гдѣ заветный кафтанъ цѣлый годъ лежалъ подъ замкомъ! Они заранѣе

ликовали, въ надеждѣ получить щедрые подарки. Но судьба измѣнчива! Она опять обернулась спиной и измѣнила своему протеже. Его состояніе постепеменно начало уменьшаться, такъ что онъ вынужденъ былъ продать все свое добро. Остался только одинъ кафтанъ, который онъ свободно могъ носить, какъ въ бывшее время. Дѣти его, при видѣ отца, направившаго свои шаги къ шкафу, въ которомъ хранился любимый ими кафтанъ, стали прыгать отъ радости, рассчитывая опять на щедрые подарки. Отецъ, однако, при этомъ горько улыбнулся и, обливаясь слезами, сказалъ: О, любезныя дѣти мои, въ настоящую минуту вы совершенно напрасно радуетесь! Въ зенитѣ моего счастья я надѣвалъ кафтанъ для того, чтобы вспомнить о своемъ прошломъ горѣ; въ настоящее время я его надѣваю для того, чтобы воочию убѣдиться въ своемъ горѣ. Прежде я говорилъ: *таково* то рубище, которое я надѣвалъ въ извѣстные рабочіе часы; въ данное время я говорю о *настоящемъ* моемъ рабочемъ халатѣ. Это же обстоятельство можетъ быть примѣнимо къ объясненію упомянутаго мѣста въ пасхальной Аггадѣ. Для счастливой эпохи жизни слѣдуетъ читать: *«таковъ* хлѣбъ нищеты, который предки наши ѣли въ Египтѣ; въ настоящую же тяжелую годину, когда мы живемъ подъ игомъ гнета и фанатизма, истинный смыслъ будетъ: *вотъ* хлѣбъ нищеты и т. д.

IV.

Дубенскій магидъ, не смотря на безгранично питаемую къ нему любовь и уваженіе, по примѣру всѣхъ великихъ людей, имѣлъ очень много враговъ, и преимущественно среди размножившихся тогда хасидовъ, къ которымъ онъ, какъ ярый приверженецъ виленскаго гаона, питалъ сильную неприязнь. Въ одной изъ польскихъ еврейскихъ общинъ, — въ Радомѣ, Маковѣ или иномъ какомъ нибудь захолустьѣ, — гдѣ дубенскій магидъ оставался очень долго и пожиналъ лавры своими прекрасными проповѣдями, онъ вооружилъ противъ себя мѣстныхъ хасидовъ, не усмотрѣвшихъ въ немъ достаточно уваженія къ ихъ дѣяніямъ и образу мыслей и задавшихъ цѣлью отомстить ему за его вольнодумство, выразавшееся въ недостаточномъ уваженіи

къ ихъ кумирамъ и божкамъ. Въ бетъ-гамидрашѣ, куда собралась толпа народа, среди волнующихся хасидовъ замѣтно сильное оживленіе. Кружокъ болѣе смѣлыхъ протестантовъ неистово шумитъ и бредитъ мщеніемъ великому и непокорному магиду, находившемуся тогда въ отсутствіи. Они единогласно порѣшили, чтобы разъ навсегда забрать его въ свои руки. Задумывая что-то неладное, нѣкоторые изъ нихъ разбрелись въ разные стороны и шпионичали по разнымъ темнымъ закоулкамъ. Тамъ, — рѣшили они, — имъ удастся навѣрное поймать его въ свою западню! И дѣйствительно, не чуя зла, не предвидя злого умысла и задуманнаго противъ него гнуснаго плана, праведный мужъ, по одной изъ боковыхъ улицъ, направился въ домъ Божій. Шпионы его обступили и чрезъ нѣсколько минутъ онъ очутился среди разъяренныхъ и вбѣсившихся хасидовъ. Желая выместить на немъ свою злобу, они рѣшили подвергнуть его наказанію, которое должно было выразиться въ нанесеніи извѣстнаго количества поворныхъ ударовъ. Несчастный магидъ догадался объ ихъ зломъ умыслѣ и задуманномъ планѣ. Дрожа отъ досады и волненія, онъ уже готовъ былъ подчиниться и смотрѣлъ на себя, какъ на жертву ихъ бѣшеннаго гнѣва. Но смѣлость и рѣшимость не оставили дубенскаго магида и въ эту роковую для него минуту. Онъ собрался съ духомъ, для того, чтобы выйти побѣдителемъ изъ грозившей ему бѣды, и произнесъ нѣсколько словъ съ такимъ чувствомъ и выразительностью, что невольно заставилъ угомониться всю расходившуюся хасидскую ораву.

«Господа, — сказалъ онъ, — желаете-ли вы считать себя евреями? И если — да, то неправда-ли, что прежде всего вы должны меня выслушать? Если бы вы меня выслушали и я на самомъ дѣлѣ оказался бы неправымъ въ вашихъ глазахъ, то что выиграете отъ того, что вы слабому и хилому еврею, какъ я, нанесете жестокіе, а, можетъ быть, и смертельные удары? Еще разъ говорю вамъ, господа, я нахожусь въ вашихъ рукахъ, предаюсь вашей волѣ и не стану защищаться, потому что нахожусь въ рукахъ всемогущаго Бога. Поступите со мной какъ вамъ угодно, но прежде всего подумайте объ этомъ хорошо». По произнесеніи имъ этихъ словъ воцарилась глубокая тишина

среди бушевавшихъ фанатиковъ-хасидовъ. Одинъ изъ нихъ, какъ бы озаренный новою мыслью, сталъ во главѣ и сказалъ: «Любезный магидъ, мы дали вамъ возможность высказаться, а теперь настала ваша очередь. Мы рѣшили разъ навсегда—наказать васъ достойнымъ образомъ; но отъ васъ вполне зависитъ, чтобы приговоръ этотъ былъ отмѣненъ. Весь мiръ рассказываетъ чудеса о вашихъ проповѣдяхъ и, какъ говорятъ, вы очень находчивы въ сочиненіи разныхъ мещолимъ (притчей). Ну-съ, если вамъ дается извѣстный посекъ (библейскій текстъ), то вы легко сочиняете подходящий къ нему мошэль; но въ этомъ, смѣю думать, нѣтъ ничего труднаго, и каждый изъ насъ могъ бы подражать вамъ съ успѣхомъ. Если же вы намъ скажете мошэль, не имѣя въ запасѣ никакого текста, то я головой ручаюсь вамъ за вашу свободу и неприкосновенность вашей чести». Рѣчь ребъ Шмельке (таково было имя хасидскаго оратора) встрѣчена была громомъ рукоплесканій и всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули: Такъ рѣшено и не можетъ быть иначе!

Бѣдному магиду дано было всего нѣсколько минутъ на размышленіе. Заручившись честнымъ словомъ, онъ приступилъ къ изложенію своего импровизованнаго мошела, и послѣ троекратнаго «ша» въ душномъ молитвенномъ домѣ воцарилась тишина.

«Нѣкогда я знавалъ,—началъ свою притчу дубенскій магидъ,—одного бѣднаго бохера (юношу), посвятившаго себя изученію Торы. Имѣя всего восемнадцать лѣтъ отъ роду, онъ соединился узами Гименея, получивъ въ придачу къ женѣ четыреста золотыхъ. На этотъ капиталъ онъ долженъ былъ обзавестись хозяйствомъ и стать на твердую ногу, какъ истый семьянинъ. Полученная имъ сумма въ его глазахъ казалась очень великой и вполне достаточной для того, чтобы весь свой вѣкъ прожить безбѣдно. По старой привычкѣ, онъ засѣлъ надъ толстыми фолиантами Талмуда, проѣдая все готовое. Готовый запасъ его, однако, началъ истощаться, золотые постепенно улетучивались изъ тощаго кармана, такъ что современемъ образовалась изрядная брешь. Добрая жена, мучившаяся въ началѣ безопасностью мужа, не желая отрывать его отъ любимыхъ занятій, не вытерпѣла наконецъ. «Любезный муженекъ,—сказала она съ до-

садой, — съ капиталомъ нашимъ не совсѣмъ ладно, а потому пора уже тебѣ подумать объ этомъ болѣе серьезно. Трехъ есть золотыхъ у насъ уже нѣтъ, а на четвертую сотню ты долженъ найти подходящее дѣло, дабы мы не умерли съ голода». Мужъ убѣдился въ правотѣ своей жены и сейчасъ приступилъ къ дѣлу. По примѣру многихъ своихъ собратьевъ, живущихъ изо дня въ день, онъ, вооружившись толстою палкой, съ котомкой на плечахъ отправился для покупки кожи, щетины, старой мѣди и разнаго рода мелкаго товара, который онъ могъ бы перепродать болѣе крупнымъ торговцамъ. Нашъ новоиспеченный торгашъ, который не былъ посвященъ въ тайны торговли, вслѣдствіе вкрайней своей неумѣлости и непривычности къ коммерческимъ комбинаціямъ, ходилъ изъ одного села въ другое, не успѣвая ни въ чемъ. Разъ какъ-то, выходя на большую дорогу и находясь въ полнѣйшемъ отчаяніи, онъ издали замѣтилъ знакомаго корабейника изъ роднаго города. Обмѣнявшись привѣтомъ и обычными взаимными вопросами о своемъ житьѣ-бытьѣ, одинъ изъ нихъ жаловался на то, что деньги имѣеть и купить ничего не можетъ, а другой утверждалъ противное. Скоро они порѣшили составить компанію на слѣдующихъ началахъ: нашъ знакомый купецъ-самоучка даетъ деньги, а незнакомецъ предлагаетъ свой умъ, ловкость и опытность въ дѣлахъ, какъ это бываетъ и въ настоящее время.

— «Тамъ недалеко, въ панскомъ дворѣ, — сказала безденежный Лейба, — можно очень выгодно купить кожи, а потому отправимся туда. — Когда они приблизились къ панскому двору, послышался лай злыхъ собакъ. Гумпель (такъ звали нашего капиталиста) застрялъ на мѣстѣ и, дрожа отъ страха, не двигается дальше. Лейба, однако, успокаиваетъ его и говоритъ, что имѣеть въ запасѣ извѣстный посекъ (стихъ), при произнесеніи котораго собаки притихаютъ и прячутся въ своихъ конурахъ. — Что же остается дѣлать? — спрашиваетъ Гумпель.

— «Ты будешь держаться кончика полы моего кафтана и тогда тебѣ нечего бояться. — Онъ слушается его совѣта и слѣдуетъ за нимъ. Какъ только они вошли въ ворота, цѣлая свора собакъ напала на нихъ и вцѣпилась въ ихъ платья. Среди

суматохи и неистоваго дая, Гумпель твердитъ Лейбъ, чтобъ онъ произнесъ извѣстный ему посевъ.

— «Собаки не даютъ мнѣ сказать его, — сказалъ ему Лейба въ отвѣтъ». — Этимъ дубенскій магидъ закончилъ свою притчу. Хасиды удивленными глазами посмотрѣли другъ на друга; но они сдержали слово и отпустили на свободу великаго оратора, чему онъ, конечно, безгранично былъ радъ ¹.

V.

Мы ограничились этими немногими примѣрами, почерпнутыми изъ неисчерпаемаго источника житейской мудрости дубенскаго магида; но и эти примѣры кажутся намъ вполне достаточными для того, чтобы читатели могли составить себѣ понятіе о его нравственномъ обликѣ, какъ проповѣдника личной морали и добродѣтельнаго житія. Остается только сожалѣть, что въ настоящее тяжелое время, когда русское еврейство больше всего нуждается въ радикальномъ леченіи своихъ внутреннихъ и общественныхъ язвъ, такихъ народныхъ проповѣдниковъ у насъ нѣтъ. Даже въ такихъ густо-населенныхъ еврейскихъ центрахъ, какъ Вильна, Минскъ, Гродно и т. п., нѣтъ даровитыхъ ораторовъ, которые, какъ въ былое время, были бы достойны носить званіе «городскихъ магидовъ», между тѣмъ никто не станетъ отрицать, что при отсутствіи правильно-организованныхъ еврейскихъ семинарій, откуда, по примѣру западной Европы, могли бы выходить духовные ораторы, но только съ большимъ запасомъ специально-еврейскихъ знаній, намъ слѣдовало бы позаботиться о пополненіи этого пробѣла болѣе легкимъ способомъ. Для этой цѣли представителямъ высшихъ талмудическихъ школъ-ешивотовъ въ Воложинѣ и другихъ городахъ западнаго края, гдѣ подобнаго рода школы существуютъ съ разрѣшенія правительства, не мѣшало бы позаботиться о выработкѣ извѣстнаго типа проповѣдниковъ изъ тѣхъ юношей, которые готовятся въ духовные раввины. Это легко было бы достижимо, если бы помимо преподаванія главныхъ предметовъ, обнимаю-

¹ См. „Jüdisches Volksblatt“ v. Dr. L. Philippson, 1863, стр. 140.

щихъ Талмудъ со всѣми его комментаторами, обращено было должное вниманіе и на толковое изученіе Аггады, Мидраша и средневѣковыхъ еврейскихъ философовъ. Понятно, что—въ связи съ всеобщей исторіей,—и исторія еврейскаго народа должна быть изучаема по обширной программѣ, согласно указаніямъ науки. Пора, наконецъ, подумать и о томъ, чтобы и Талмудъ, составляющій альфу и омегу всего нашего духовнаго еврейства, былъ изучаемъ нѣсколько систематичнѣе, при болѣе трезвомъ и критическомъ освѣщеніи трактуемыхъ въ немъ предметовъ. Стоитъ только указать на капитальные труды З. Франкля, С. Л. Рапапорта, Н. Крохмала, И. Г. Вейса и многихъ другихъ, чтобы вполне убѣдиться въ томъ, что новая еврейская литература изобилуетъ сочиненіями, могущими быть ариадновой нитью среди того умственного лабиринта, который представляетъ собой Талмудъ, какъ историческій памятникъ, надъ созиданіемъ котораго работали тысячи умовъ. Затѣмъ, нѣкоторые изъ выдающихся по способностямъ учениковъ, по усмотрѣнію главы талмудической школы, должны поочередно приступать къ произнесенію пробныхъ рѣчей, въ присутствіи всѣхъ учителей и учениковъ, что, конечно, дастъ имъ возможность приобрести необходимый навыкъ. Такимъ образомъ, полагать надо, въ теченіе сравнительно короткаго времени могъ бы выработаться типъ духовныхъ раввиновъ, которые, помимо исполненія религіозныхъ требъ и разрѣшенія вопросовъ домашняго обихода, вмѣстѣ съ тѣмъ были бы и проповѣдниками. Эти раввины-проповѣдники, имѣя болѣе твердую почву подъ собой, пользуясь расположеніемъ массы, всегда поддающейся благотворному вліянію живой рѣчи, навѣрное стояли бы на-стражѣ общественныхъ интересовъ, не давая возможности разнымъ воротиламъ и мнимымъ благодѣтелямъ эксплуатировать довѣріе общества и извлекать личныя выгоды изъ тѣхъ учреждений, завѣдываніе которыми имъ удастся захватить въ свои руки. Примѣняясь къ мѣстнымъ потребностямъ и злобѣ дня, они своимъ назидательнымъ словомъ много бы содѣйствовали искорененію зла и улучшенію нравовъ, уничтожая въ зародышѣ тѣ милыя дразги, которыя дѣлаютъ евреевъ посмѣшищемъ среди окружающей ихъ не-еврейской среды и даютъ поводъ недоброжелателямъ ихъ подтруни-

вать надъ ними въ печати. Что же касается еврейскаго юношества, обучающагося въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаваніе еврейскихъ предметовъ совсѣмъ отсутствуетъ, а иногда преподается микроскопическими дозами какимъ нибудь заштатнымъ учителемъ бывшихъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, пресмыкающимся предъ начальствомъ и менѣе всего заботящимся о принесеніи какой либо пользы ученикамъ, — то оно навѣрное сказало бы искреннее спасибо тѣмъ раввинамъ-проповѣдникамъ, которые давали бы имъ возможность составить себѣ понятіе объ ихъ національности и историческомъ прошломъ, хотя бы посредствомъ частой синагогальной проповѣди, дѣйствующей на подъемъ національнаго духа. Не желая выйти изъ узкой рамки настоящей статьи, въ заключеніе можемъ сказать только то, что хотя «еврейскіе Езопы», какимъ былъ дубенскій магидъ, представляютъ собой очень рѣдкое явленіе и рождаются, можетъ быть, разъ въ столѣтіе, но для выработки типа полезныхъ и въ высшей степени необходимыхъ духовныхъ ораторовъ русское еврейство представляетъ собой очень плодородную почву.

С. Станиславскій.

ИЗЪ „ЕВРЕЙСКИХЪ МЕЛОДИЙ“.

Не трогай дерзкою рукою
Преданій сердцу дорогихъ!
Не говори, что скрыто въ нихъ
Стремленье къ пошлому застою!
Не говори, что вѣчный стонъ
Моей тоски, моей печали
О радостяхъ былыхъ временъ,
Что безвозвратно миновали, —
Безсиленъ, жалокъ и смѣшонъ!
О, еслибъ зналъ ты, какъ свѣтло
Горятъ старинныя преданья
И какъ блѣднѣютъ всѣ страданья
Предъ тѣмъ, что время унесло!..
Мечтой мы видимъ свѣтлый югъ...
Подъ тѣнью пальмъ Іорданъ синѣетъ,
Въ поляхъ тяжелый колосъ зрѣетъ,
Отраднѣйшій миръ царитъ вокругъ, —
И подъ туманомъ голубинымъ
Вдали бѣлѣютъ башни, стѣны...
То—городъ сердцу незабвенный,
То—нашъ святой Іерусалимъ!..

Какъ солнце въ немъ сіяеть храмъ,
Иеговѣ тамъ идетъ служенье...
Левитовъ радостное пѣнье
Несется къ синимъ небесамъ...

.

Забуть привитый страхъ раба,
Забуты муки вѣковыя
И все, что въ годы роковыя
Дала намъ мачиха-судьба.
Въ груди усталой и больной
Зарницей вспыхиваютъ снова
Осколки счастья былого,
Бруньки радости былой.
И если душно намъ, темно
Пока подъ сумракомъ гнетущимъ, —
За то прошедшее съ градующимъ
Для насъ сливается въ одно.

С. Гриблатъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ЦАРЬ САУЛЬ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	3
II. БИОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. Раби Іегуда, Патріархъ. М. Г. Моргулиса	7
III. ЕВРЕИ ВЪ ИСТОРИИ И ВЪ ЛЕГЕНДЪ. Публичная лекція И. Лѣба. Перев. В. Л. Ранцева	28
IV. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ. (Продолженіе). С. М. Дубнова.	67
V. ІИСУСЪ НАВИНЪ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Дитъпровскаго.	85
VI. ПРИЗРАКИ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. I. Иче Коммисаровъ. Ю. А. Эльтермана	112
VII. ЕВРЕЙСКІЙ ЕЗОПЪ. С. М. Станиславскаго	130
VIII. ИЗЪ «ЕВРЕЙСКИХЪ МЕЛОДІЙ». Стихотвореніе. С. Гринблата.	148
IX. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. НАУЧНЫЙ АНАЛИЗЪ АНТИСЕМИТИЗМА. З.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ И ІУДЕИ (<i>Gli Ebrei sotto la Dominazione Romana. Vol. II, per P. Manfrini. Roma, 1890</i>). (Окончаніе). Л. Рускина.	17

ХІ. БІБЛІОГРАФІЯ:

- 1) תרשיב רב: *Біографическій словарь всѣхъ лицъ, упоми-
наемыхъ въ Св. Писаніи. Составилъ І. О. Мандель-
штамъ. Варшава, 1889 (420 стр. in 8°).* 32
 - 2) תנן רב: *Комментарій къ книгѣ Іова, составленный рабби
Самуиломъ Маснотомъ, жившимъ въ Алеппо въ XII
вѣкѣ. Изданъ впервые съ древняго манускрипта, съ при-
мѣчаніями и введеніемъ Соломона Бубера. Берлинъ,
1889 (XV+185 стр. gr. 8°). С. М.* 34
-

НАУЧНЫЙ АНАЛИЗЪ АНТИСЕМИТИЗМА.

Въ извѣстномъ, издающемся въ Штутгартѣ, нѣмецкомъ журналѣ «Neue Zeit», посвященномъ научнымъ вопросамъ политической экономіи и исторіи, появилась недавно статья одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала, довольно подробно разбирающая антисемитизмъ съ научной точки зрѣнія. Статья эта озаглавлена «Das Judenthum» и мы считаемъ нелишнимъ познакомиться съ нею нашихъ читателей.

Намъ, кажется, нечего разъяснять мыслящему читателю, что антисемитическое движеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно господствуетъ въ восточной половинѣ Европы, а особенно въ Австріи, гдѣ его развитію помогли исключительно благоприятныя обстоятельства, представляетъ собой попытку къ реакціи противъ новѣйшей формы производства, — попытку грубую со стороны нѣсколькихъ заинтересованныхъ классовъ уничтожить вредъ этой послѣдней, не устранивъ при этомъ условій, производящихъ его, — такъ начинается авторъ свою статью. Современный антисемитизмъ, — говоритъ онъ далѣе, — является какъ мѣстно, такъ и временно, равнымъ образомъ ограниченнымъ, эфемернымъ и вреднымъ движеніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ охотно выдаетъ свое короткое существованіе въ какой нибудь десяткахъ съ тѣмъ-то лѣтъ за нѣчто глубоко коренящееся въ вѣчныхъ законахъ природы, за естественно-необходимое слѣдствіе глубокой пропасти, лежащей между расовыми свойствами «арійцевъ» и «семитовъ».

Наши антисемиты вѣдь люди просвѣщенные, они не хо-

тять разнудать религиозныя страсти; наоборотъ, они гордятся своимъ «идеализмомъ»: бездушный и «фривольный» матеріализмъ евреевъ именно и вселяетъ въ нихъ жгучую ненависть. Какъ же имъ поэтому согласиться, что вся борьба противъ «семитовъ» вызвана конкуренціей евреевъ во всѣхъ почти областяхъ производства и торговли, равно какъ наукъ и искусствъ, — конкуренціей, будь мимоходомъ сказано, вредное дѣйствіе коей для нѣкоторыхъ классовъ является лишь слѣдствіемъ чрезмѣрнаго экономическаго производства. Послѣднее же прекратится не съ устраненіемъ нѣсколькихъ конкурентовъ, а единственно съ перемѣной въ настоящей формѣ экономическаго производства, — истина, ясная на Западѣ для мало-мальски мыслящаго рабочаго, не предполагающая все-таки побольше толковаго изученія и напряженія мысли, чѣмъ мы того въ правѣ требовать отъ способностей антисемита-философа. Но въ качествѣ «идеалиста» нельзя же выступать противъ евреевъ на томъ лишь основаніи, что они своей конкуренціей подрываютъ христіанскую прибыль, а въ качествѣ просвѣщеннаго человѣка стыдно скрыться при этомъ подъ защитой едина спасающей церкви, — поэтому остается только построить мистическій, самой природой данный и ни въ какомъ дальнѣйшемъ разъясненіи не нуждающійся «расовый контрастъ», который и заставляетъ антисемитизмъ являться естественною необходимостью и клеймить каждого «иудея—раба арійскаго» именемъ противоестественнаго чудища, чего-то въ родѣ сына, поднимающаго руку противъ собственной матери.

Особенною оригинальностью способъ этотъ не отличается. Когда въ 30 и 40-хъ годахъ ирландцы тысячами оставляли свою родину и устремлялись въ Англію, гдѣ они конкуренціей до того понизили заработную плату, что серьезно можно было опасаться за положеніе англійскихъ рабочихъ, тамъ поднялось отчаянное гоненіе на грязныхъ и оборванныхъ пришлецовъ съ той стороны канала св. Георгія; немедленно появились ученые съ хитроумными доказательствами, что эта вражда по-

контрастъ на «расовомъ контрастѣ» кельтовъ и англо-саксовъ и что нивость ирландскаго характера—столько же свойство кельтской національности, сколько нравственная доблесть англичанъ—черта чисто англо-саксонская, и пропасть между ними, слѣдовательно, необходима. Но вскорѣ главною цѣлью ирландской эмиграціи явилась уже Америка. Опасность со стороны ирландской конкуренціи прекратилась. Въ Америкѣ же ирландцы получили полный просторъ къ развитію своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, они сдѣлались въ политическомъ, какъ и экономическомъ отношеніи силой, съ которой волей-неволей приходилось считаться, и обратное дѣйствіе ея дало себя также чувствовать въ усиленіи ирландскаго движенія на родинѣ. Національная партія въ Ирландіи получила такимъ образомъ возможность къ продолжительной борьбѣ, и всѣ попытки къ подавленію ея остались бесполезны. Обѣ англійскія партіи, либералы и консерваторы, вынуждены были заискивать въ ея союзничествѣ, и дѣло кончилось тѣмъ, что ирландцы соединились съ англійской демократіей. Съ той поры почти вдругъ изглаженъ былъ «глубокій расовый контрастъ» между «кельтами» и «англо-саксами». Не понадобилось даже и двухъ лѣтъ, чтобы исчезъ всякій слѣдъ той «исконной» національной вражды, производившей когда-то самый ожесточенный и дикій фанатизмъ. Нынѣ продолжаетъ еще эту ненависть больше всего какая нибудь кучка заклятыхъ партизановъ. Если консерваторы все еще отрицательно относятся къ ирландцамъ, то это происходитъ не изъ національной вражды, а изъ основаній ихъ партіозной политики. Еще никогда, можетъ быть, во всемірной исторіи не были такъ быстро и основательно преодолены «наслѣдственная вражда», «расовый контрастъ» и, какими бы именами ученые ни называли такого рода «контрасты»,—какъ это случилось въ Великобританіи со времени обращенія Гладстона къ home-rule'у.

На такомъ же «естественномъ» и «вѣчномъ» фундаментѣ покоются и всѣ прочіе «расовые контрасты». Было бы, однако,

слишкомъ опрометчиво съ нашей стороны заключить, что всякая такого рода вражда привита и внесена въ народныя массы чисто-искусственнымъ путемъ. Меньше всего въ правѣ мы это утверждать о враждѣ «арійцевъ» съ «сеμίтами». Если антисемиты дѣйствительно убѣждены, что травля евреевъ представляетъ собой средство для лѣченія экономическихъ явъ современнаго общества, то они не только жестоко, но и непростительно-глупо ошибаются. Но одинъ тотъ фактъ, что поднятый ими крикъ противъ евреевъ нашель откликъ въ самыхъ разнообразныхъ группахъ общества и сплотилъ въ одну партію многочисленныхъ послѣдователей, уже доказываетъ, что «глубоко коренящійся контрастъ» дѣйствительно имѣеть мѣсто въ широкой народной массѣ и долженъ былъ пустить уже ростки предъ появленіемъ самаго антисемитизма. Борьба «арійцевъ» съ евреями—явленіе историческое; указанія на нее мы находимъ уже въ эпоху римскаго императорства¹; новымъ является исключительно возведеніе этой борьбы въ принципъ политической партіи. Антипатія къ евреямъ не только явленіе древнее, но и всеобщее: она имѣеть по временамъ мѣсто во всѣхъ странахъ Европы и даже на Востокѣ. По своей универсальности она—одиноко-стоящій фактъ въ исторіи: нѣтъ другого народа, который бы такъ всѣми былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ какъ еврей.

Но развѣ дѣйствительно виноваты въ этомъ ихъ расовыя особенности?

Что ставить главнымъ образомъ евреямъ въ упрекъ? Выработанный промышленный духъ, тѣсную солидарность, отчужденность отъ народностей, среди которыхъ имъ приходится жить и по отношенію къ которымъ они не признають никакихъ обязанностей, наконецъ, то обстоятельство, что они крѣпко держатся нравовъ, обычаевъ своего племени и вѣры своихъ отцовъ.

¹ См. объ этомъ ниже, въ «Литературной Лѣтописи».

Всѣ эти особенности мы встрѣчаемъ уже у евреевъ въ древности; но онѣ не исключительно свойственны евреямъ, а являются характеристическими чертами народа плодovitаго, населяющаго бѣдную, гористую мѣстность, слишкомъ тѣсную для того, чтобъ пропитать всѣхъ своихъ жителей и потому принужденную каждый годъ высылать избытокъ населенія на чужбину; оставляя родину, жители такой страны никогда не теряютъ кровныхъ связей съ нею и при первомъ случаѣ готовы снова возвратиться туда. Мы находимъ эти особенности, прозванныя «чисто-еврейскими», и у жителей Оверни, у швейцарцевъ и шотландцевъ, въ арийскомъ происхожденіи которыхъ никто не сомнѣвается. Онѣ не расовыя особенности, а особенности жителей опредѣленныхъ мѣстностей, при опредѣленныхъ условіяхъ экономическаго производства.

Евреи въ началѣ были здоровымъ горнымъ народомъ, который ужъ никакъ не избѣгалъ физическаго труда. Въ сторонѣ отъ тогдашней мировой коммерціи они дольше своихъ сосѣдей сохранили тѣ качества, которыя свойственны известной эпохѣ въ исторіи каждаго народа — тѣсную связь между единоплеменниками и недовѣрчивое отношеніе къ чужимъ.

Замкнутость способствовала развитію въ нихъ привязанности къ родинѣ. Прежній кочевой народъ сдѣлался народомъ земледѣльческимъ, который крѣпко держится своей почвы, на чужбинѣ не въ состояніи забыть свое отечество и готовъ геройски защищать ее противъ вторженія сосѣдей. Еврейская раса — плодovitа; евреи размножались, и отечество не могло ихъ больше всѣхъ пропитать. Избытокъ долженъ былъ эмигрировать на чужбину; но эмигранты прибывали туда не съ тѣмъ, чтобы основать самостоятельныя общины внѣ родины, какъ это дѣлали финикіяне и греки. Подобно шотландцу и швейцарцу или также китайцу, еврей уходилъ на чужбину единственно съ тою цѣлью, чтобы, заработавши столько, сколько ему ^{нужно} было для жизни на родинѣ, снова возвратиться домой. ^{тѣмъ}, гдѣ онъ поселялся, онъ оставался чужестран-

цемъ, его заработокъ не приносилъ, такимъ образомъ, прямой пользы національному богатству страны, въ которой онъ жилъ лишь временно, и поэтому еврей не былъ охотно принимаемъ чужими народами. Чѣмъ отчужденнѣе онъ оставался внѣ родины, тѣмъ тѣснѣе онъ долженъ былъ на чужбинѣ примыкать къ своимъ одноплеменникамъ, съ которыми ему приходилось тамъ встрѣчаться, тѣмъ тѣснѣе онъ долженъ былъ привязаться ко всѣмъ правамъ и обычаямъ, отличавшимъ евреевъ отъ людей другого племени.

Не будучи колонистами или основателями новыхъ городовъ, евреи не прѣзжали на чужбину въ качествѣ земледѣльцевъ или ремесленниковъ. Извѣстно, что земледѣліемъ и ремеслами, какъ въ древнее время, такъ и въ средніе вѣка, занимались исключительно тѣсно-сшоченныя общины, куда чужестранцы нелегко находили доступъ. Еврей не хотѣлъ себя стѣснить внѣ своего отечества; онъ, такимъ образомъ, прѣзжалъ лишь какъ купецъ. Не смотря на то, что въ Палестинѣ евреи были народомъ земледѣльческимъ, они внѣ родины выступали только въ городахъ и то въ качествѣ негодіантовъ.

Но на извѣстной степени культуры переходъ отъ земледѣлія къ торговлѣ не труденъ. Какъ высоко развитъ духъ наживы—эта якобы специфически-еврейская черта—въ нашихъ мужикахъ, можно видѣть на любой ярмаркѣ. Нужно быть дѣйствительно евреемъ, чтобы при торговой сдѣлкѣ мужикъ васъ не заткнулъ за поясъ.

Когда страна сдѣлалась слишкомъ тѣсна, чтобы сдѣлать возможнымъ возвращеніе всѣхъ выходцевъ, и въ большихъ городахъ древняго міра образовались многочисленныя и постоянныя еврейскія колоніи, послѣднія все еще носили характеръ исключительно-временный. «Обѣтованная земля» оставалась ихъ священною землей, ихъ отечествомъ, по которымъ евреи постоянно тосковали и никогда не утрачивали кровной связи съ ними. До сихъ поръ развитіе евреевъ представ-

яко еще ничего необыкновеннаго. Роль, какую евреи играли тогда въ своей родинѣ, въ другое время играли также и многіе другіе народы, какъ, напр., шотландцы въ XVII и XVIII вв. въ Англіи.

Но съ теченіемъ времени еврейство заняло совсѣмъ своеобразное положеніе, сначала въ области эллинизма, того круга государствъ, который поднялся на развалинахъ всемірной монархіи Александра Великаго, а позже въ странахъ римской имперіи. Евреи принадлежали, отчасти вслѣдствіе своей замкнутости, къ народамъ, которые, среди всеобщаго разложенія древняго общества, крѣпче всего держались своихъ первобытныхъ общественныхъ формъ и возрѣній, чище другихъ удержали традиціи первобытной общественности. То же случилось и съ другими племенами, входившими въ составъ греческаго и римскаго государствъ и которыя вслѣдствіе географическаго положенія или иныхъ условій оставались вдали отъ тогдашней цивилизаціи. Свообразнымъ, однако, положеніе евреевъ становится главнымъ образомъ отъ того обстоятельства, что они при всей своей привязанности въ старому,—какъ это и подобаетъ земледѣльческому и особенно горному народу,—быстро, съ легкостью, свойственною горожанамъ, усвоили содержаніе эллиско-римской культуры и, благодаря тѣсной связи между земледѣліемъ на родинѣ и торговлей за предѣлами ея, удержали при этомъ самобытныя черты своей народности. — Здоровое первобытное племя земледѣльцевъ въ Палестинѣ, подвижной торговый народъ въ Александріи, Вавилоніи и другихъ центрахъ всемірной торговли—еврейская нація, не смотря на всю свою малочисленность, доншла до того, что достигла въ экономическомъ и духовномъ отношеніи степеней культуры другихъ цивилизованныхъ народовъ древности, не переставая во многомъ отличаться отъ нихъ. Среди всеобщей эллинизации и потомъ романизации евреи были единственнымъ племенемъ, принимавшимъ участіе въ этомъ процессѣ и не утратившимъ все-таки своего національнаго характера. Среди всеоб-

щаго разложенія, испорченности нравовъ и глубокаго паденія, евреи были единственные не-варвары, сохранившіе упорный духъ независимости и явившіеся сильнымъ препятствіемъ для деспотизма римскихъ цезарей. Ничего удивительнаго, что еврейство, въ умственномъ отношеніи достигши степени, на которой стоялъ эллинизмъ, а нравственно его превзошедши, сдѣлалось вскорѣ исходною точкою оппозиціи противъ тогдашняго общественаго строя.

Однако, перерожденію древняго міра не суждено было выйти изъ нѣдръ еврейства; оно предоставлено было болѣе сильному и вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе дикому народу — германцамъ. Еврейство было слишкомъ слабо, чтобы одинокимъ отстоять свое существованіе противъ цѣлаго античнаго общества, — еврейская оппозиція была сломана. Христіанство хоть и пережило паденіе древняго міра, но вскорѣ потеряло свой оппозиціонный характеръ и сдѣлалось византійскою государственною религіею.

Противъ сирійскихъ королей евреямъ еще удалось сохранить свою самостоятельность и свободу. Болѣе страшнымъ врагомъ явились римскіе легіоны. Но поработченіе евреевъ и имъ не обошлось такъ легко. Это маленькое племя постоянно поднималось противъ господъ тогдашняго міра и отстаивало свою независимость до послѣдней капли крови. Говорять, будто трусость — черта расоваго характера евреевъ, а все же тѣ, кто защищали Иерусалимъ противъ солдатъ Веспасіана и Тита, стоять въ исторіи наравнѣ съ самыми геройскими борцами и опаснѣйшими бойцами, съ гуситами Жижки и побѣдителями при Симпахѣ. Даже убійство и плѣненіе сотней тысячъ евреевъ въ 70 году нашей эры не сумѣли сломать окончательно въ еврейскомъ племени упорный духъ свободы. Еврейская оппозиція прекратилась лишь вмѣстѣ съ еврейскимъ народомъ, послѣ опустошенія Иудеи въ 135 г. при Адрианѣ. Евреи, какъ народъ земледѣльческій, именно тогда и перестали существовать.

Положеніе еврейскихъ колоній въ городахъ стало теперь совсѣмъ своеобразнымъ. Городское населеніе каждой націи из-

давня набиралось изъ сельскаго населенія и болыней частью находилось подъ его вліяніемъ. Одни евреи образуютъ, начиная со II вѣка послѣ Р. Х., *чисто-городское населеніе*; даже тогда, когда еврей прибрѣталъ земельную собственность въ деревнѣ, онъ никогда не дѣлался мужикомъ, а всегда лишь земледѣльцемъ изъ города.

Мы не думаемъ, чтобъ когда нибудь другой народъ пришелъ въ такое положеніе. *Во всякомъ случаѣ евреи — единственная нація, удержавшаяся столько времени въ этихъ условіяхъ.* Городская жизнь такъ вредно вліяетъ на здоровье, что городъ безъ постоянного дополненія изъ сельскаго населенія вымиралъ бы: онъ постоянно нуждается въ освѣженіи своей крови сельскими элементами. Этотъ законъ имѣетъ силу не только для болынихъ городовъ нашего времени, но и для городовъ въ средніе вѣка. Такъ, напр., изъ списка населенія Франкфурта за 1387 г. оказывается, что изъ 2,861 лица, населявшаго его, почти 1,000, т. е. болыше *трети*, сами сознавали свое чуждое происхожденіе. Конечно, область, изъ которой города въ средніе вѣка набирали своихъ жителей, была тѣснѣе, чѣмъ теперь. Главнѣйшій контингентъ для городского населенія доставляли тогда села изъ окрестностей ¹. Одни только евреи не нуждались въ такомъ освѣженіи. Исключенные изъ такъ называемаго *Markgenossenschaft*, безъ возможности и также безъ желанія стать земледѣльцами, они почти исключительно жили въ городахъ и только иногда, и то въ ближайшихъ къ городамъ, селлахъ ². Евреи къ тому имѣли тѣмъ бо-

¹ Dr Karl Bücher, Die Bevölkerung von Frankfurt-am-Main in 14 und 18 Jahrhundert (Tübingen, 1886), p. 162 sq.

² Согласно приведенному сочиненію Вихера, во Франкфуртѣ происходили

	евреевъ:	христіанъ:
изъ городовъ	90 ² / ₁₀₀	83,2 ⁰ / ₁₀₀
„ уѣздовъ (Flecken)	4,5 ⁰ / ₁₀₀	8,3
„ селъ	5,5 ⁰ / ₁₀₀	55,5

Большинство новоселенцевъ-христіанъ происходило, такимъ образомъ, изъ селъ; евреевъ о уда прибывала ничтожная дробь (Bücher l. c., p. 600).

лге основанія, что только города, въ которыхъ они образовывали собственныя общины, обѣщали имъ по крайней мѣрѣ какую нибудь защиту, а въ ней они, какъ извѣстно, особенно во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сильно нуждались.

Вопреки своей жизни въ городахъ, евреи, однако, не вырождались, а, напротивъ, еще размножались—доказательство невѣроятной жизнѣнности; эта послѣдняя во всякомъ случаѣ и есть какъ будто расовый признакъ еврейскаго племени.

Но если евреи и сумѣли предохранить себя отъ неблагоприятныхъ условій городской жизни, то тѣ не остались все-таки безъ вліянія на нихъ. Еврей сдѣлался горожаниномъ *comme il faut*, въ немъ въ одно собраны и до крайности развиты всѣ хорошія и дурныя черты, отличающія городского жителя; въ сравненіи съ евреемъ христіанинъ, даже горожанинъ изъ христіанъ—необтесанный мужикъ: недаромъ же послѣдній, какъ мы видѣли, происходитъ прямо или косвенно отъ поселанъ. То, что намъ кажется глубокимъ расовымъ контрастомъ между «арійцемъ» и «семитомъ», въ дѣйствительности представляетъ только контрастъ, доведенный обстоятельствами до крайности, между деревенскимъ и городскимъ жителемъ. Характерныя особенности «арійца» и «семита» происходятъ далеко болѣе отъ различія ихъ въ образѣ жизни, какъ онъ сложился столѣтіями, чѣмъ отъ определенныхъ расовыхъ чертъ.

Деревенскій житель съ недовѣрчивостью и презрѣніемъ смотритъ на горожанина. Онъ его превосходитъ и силою, и выносливостью. Ихъ удовольствія различны. Городекой житель не умѣетъ ни ѣсть, ни пить, ни драться какъ мужикъ. Изъ тѣхъ же причинъ истекаетъ отношеніе антисемита къ еврею, «расовыя особенности» котораго мѣшаютъ послѣднему пить больше одной кружки пива.

Есть такія области, гдѣ для деревенскаго жителя «горожанинъ» и «еврей»—понятія равнозначущія, гдѣ противъ го-

горожанина пускаются въ ходъ всѣ аргументы, какіе антисемиты выводятъ противъ евреев.

Одною изъ характернѣйшихъ особенностей, развиваемыхъ городскою жизнью, является нервозность, а она главнымъ образомъ свойственна евреямъ. Сравните послѣднюю и лихорадочную походку горожанина съ мѣрною поступью деревенскаго жителя—вотъ и равница между «арійцами» и евреями. «Аріецъ» любитъ спокойствіе, онъ хочетъ, чтобъ «*seine Ruh*», какъ выражается нѣмецкій бюргеръ, никѣмъ не было нарушено; еврей—натура безпокойная, духъ предпріятія гонитъ его изъ одного города въ другой, онъ всѣмъ интересуется и всюду лѣзетъ. Простая масса «арійцевъ»—люди средніе, къ которымъ относимся равнодушно; еврейская масса состоитъ изъ крайнихъ натуръ, къ которымъ нейтральное отношеніе—невозможно: ихъ можно или любить или ненавидѣть. Въ евреяхъ доведены до крайнихъ размѣровъ, какъ хорошіе, такъ и дурные результаты нашего культурнаго развитія. Между евреями можно найти самыя достойныя и самыя отталкивающія характеры, величайшій героизмъ и жалкую трусость, самоотверженный альтруизмъ и гадкій эгоизмъ, самый смѣлый и острый умъ, какъ и тупую ограниченность. Какъ часть народонаселенія больше другихъ свыкшаяся съ городскою жизнью, еврей со времени эмансипаціи играютъ главнѣйшую роль не только въ торговлѣ, но и въ индустріи, въ наукахъ и ихъ практическомъ примѣненіи и во многихъ искусствахъ. Въ городахъ они все болѣе выступаютъ на первый планъ, а такъ какъ города нынѣ задаютъ тонъ на все государство, то вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ ихъ вліяніе и на все общество. Все это неоспоримо, и нечему удивляться, что земледѣльческому классу и мѣщанству возрастаніе «могущества» евреевъ вселяетъ невольный страхъ, ибо они не видятъ въ себѣ способности къ конкуренціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ разстаться съ обществомъ, основаннымъ на свободной конкуренціи.

Но по мѣрѣ того, какъ евреи все болѣе овладѣваютъ областями торговли, промышленности и искусствъ, еврейство все болѣе исчезаетъ, еврейскій характеръ перестаетъ быть характеромъ евреевъ. Еврейство, какъ продуктъ особенныхъ историческихъ условій, выстунившихъ въ эпоху римскихъ императоровъ и развившихся и окрѣпшихъ подъ напоромъ феодальнаго строя среднихъ вѣковъ, перестаетъ существовать вмѣстѣ съ уничтоженіемъ условій, родившихъ его. При цеховомъ устройствѣ среднихъ вѣковъ еврейство еще могло держаться, какъ особенная, въ правовомъ отношеніи строго отъ другихъ отдѣленная община. Новѣйшая форма экономическаго производства разлагаетъ ее, какъ и всѣ прочіе унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ институты. Быть евреемъ — значило въ средніе вѣка быть не только членомъ опредѣленной *націи*, но и опредѣленнаго *званія и занятія*. Быть евреемъ — значило быть ростовщикомъ и наоборотъ.

Новѣйшая форма производства разложила общины, унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ, и разбила оковы окаменѣлаго цеховаго и гильдейскаго устройства. Но приписать ей вслѣдствіе этого «нивелирующія» тенденціи все-таки вполне несправедливо, если подъ этимъ понимать, что она уравниваетъ особенности въ занятіяхъ людей и убиваетъ всякую корпоративную жизнь. Напротивъ. Дробленіе труда, спеціализація и стѣсненіе областей производства еще никогда не росли какъ въ настоящее время. Рабочій въ средніе вѣка былъ еще дѣльнымъ рабочимъ, производившимъ нѣчто цѣльное. Нашъ рабочій — не только въ индустріи, но и въ наукѣ и искусствѣ — становится все болѣе частичнымъ рабочимъ, производящимъ однѣ части, не понимая отношеній ихъ къ цѣлому. Дробленіе труда идетъ у насъ такъ далеко, что каждое занятіе развиваетъ даже свой особенный видъ болѣзней.

Общинная жизнь, однако, еще никакъ не убита, если и уничтожены древнія общины. Борьба классовъ приняла теперь

такіе размѣры, въ ней выступаютъ такія массы, что еще никогда организація общинъ не была полезнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Въ средневѣковомъ городѣ каждое ремесло ограничено было небольшою улицей, ничего не было проще, какъ взаимное общеніе, ремесленники нуждались далеко меньше въ организаціи, чѣмъ рабочіе современной крупной индустріи, которые въ большихъ городахъ работаютъ сотнями тысячъ вмѣстѣ и сходятся изъ отдаленнѣйшихъ частей государства.

Такъ же какъ съ рабочими въ области индустріи, дѣло обстоитъ и съ остальными областями производства. О нивелировкѣ не можетъ при этомъ быть и рѣчи; напротивъ, въ современномъ обществѣ все болѣе растетъ связь между людьми одного званія и увеличивается односторонность спеціальнаго труда.

По мѣрѣ того, какъ евреи ворвались въ мощный потокъ современной торговли и промышленности, духъ и средневѣковая корпорація еврейства теряли все болѣе изъ своего значенія, еврейская замкнутость замѣнялась все болѣе замкнутостью спеціальнаго призванія, ростовщичество перестало быть спеціальнымъ занятіемъ евреевъ.

Начинается новая діаспора, новое разсѣяніе евреевъ, — разсѣяніе ихъ на различные классы. И эта діаспора болѣе опасна для еврейства, чѣмъ діаспора вслѣдъ за разрушеніемъ Іерусалима: тогда евреи были разсѣяны, но связь общихъ интересовъ осталась; они тогда образовали въ экономическомъ отношеніи большую торговую и денежную общину. Можетъ быть даже, что паденіе отечества еврейской національности усилило еще національную солидарность евреевъ, ибо это паденіе означало вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе *классовыхъ контрастовъ* внутри самого еврейства. Евреи въ періодъ своей діаспоры представляли, съ одной стороны, единственную исключительно городскую націю, но съ другой стороны — они были также единственною націей, не знавшею никакой классовой борьбы.

Все это теперь мало-по-малу прекращается и даже самое сильное проявленіе классовой борьбы, — борьбы капиталистовъ и пролетаріевъ, — получаетъ все большіе мѣста въ еврействѣ. Какъ между «арійцами», такъ и среди евреевъ, если и не въ равной мѣрѣ, выступаютъ все болѣе пролетаризирующія свойства новѣйшей формы производства. Число еврейскихъ пролетаріевъ растетъ съ каждымъ днемъ, если они и наполняютъ собой ряды такъ называемыхъ «образованныхъ» пролетаріевъ, юристовъ безъ занятій, медиковъ безъ практики, философовъ безъ хлѣба и особенно прикащиковъ. У послѣднихъ есть уже зародыши своего классоваго сознанія, способные къ быстрому развитію. На академическій пролетаріатъ можно, напротивъ, смотрѣть какъ на деклассированныхъ буржуа. Но и между пролетаріями *comme il faut*, *индустриальными пролетаріями*, число евреевъ увеличивается съ невыразимою быстротой. Ускореніе этого процесса — единственный практический результатъ, достигаемый антисемитизмомъ. Послѣдній прогоняетъ еврейскихъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ изъ восточной Европы въ Англию и Америку, гдѣ они, лишеныя всякихъ средствъ къ существованію, не зная языка и условій труда, поставлены въ отчаянное положеніе и отданы на произволъ христіанскихъ и еврейскихъ эксплуататоровъ, съ радостью поджидающихъ свою жертву. Нельзя себѣ представить ничего болѣе печальнаго, чѣмъ положеніе этихъ занятыхъ болѣею частью домашнею индустріей рабочихъ. Какъ во всѣхъ областяхъ новѣйшей жизни, такъ и въ области эксплуатаціи, евреевъ можно найти на двухъ противоположныхъ крайностяхъ: величайшій и неумолимѣйшій эксплуататоръ — еврей; но изъ рядовъ евреевъ набирается и самая большая часть эксплуатируемыхъ и безпомощныхъ пролетаріевъ.

Внутри индустриальнаго пролетаріата разница между евреями и не-евреями теряетъ всякое значеніе. Въ высшихъ классахъ на еврея все еще смотрятъ какъ на пришлеца: при-

надлежать къ привилегированному классу—своего рода капиталъ, дѣлу котораго не охотно уменьшаютъ дѣленіемъ съ другими. Пролетарію же нечего охранять привилегіи, онъ одинаково хорошо относится къ приверженцу различныхъ партій, если только послѣдняя не является прямымъ врагомъ его собственнаго класса.

Внутри пролетаріата сглажена всякая разница между различно-язычными и даже различно-цвѣтными элементами; какое же значеніе можетъ имѣть для пролетарія «контрастъ» между евреями и не-евреями, если еще предположить, что они всё говорятъ одинаковымъ языкомъ, — «контрастъ», который во многихъ отношеніяхъ покоится только на традиціи, а не на дѣйствительной противоположности интересовъ! «Наслѣдственный», «неизгладимый» расовой «контрастъ» между аріицами и семитами исчезаетъ у насъ теперь уже для самаго многочисленнаго народнаго класса, какъ исчезъ онъ въ Англии между кельтами и англо-саксами. «Расовая ненависть» господствуетъ еще только въ кругахъ мѣщанскаго филистерства и феодальнаго юнкерства, т. е. въ средневѣковыхъ развалинахъ.

Таково содержаніе статьи журнала «Neue Zeit» о настоящемъ положеніи вопроса. Но авторъ, который, очевидно, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду интересы своей партіи, своей особенной экономической теоріи, не ограничивается одной обрисовкой даннаго положенія, а стремится сдѣлать изъ нея тѣ выводы, которые могли бы служить цѣлямъ представляемой имъ извѣстной экономической теоріи. Мы считаемъ излишнимъ послѣдовать за нимъ на этомъ пути, такъ какъ насъ собственно занимаютъ въ данную минуту не интересы этой партіи и осуществленіе ея экономической теоріи, а главнымъ образомъ то, — какъ она, эта партія, какъ представители этой экономической теоріи смотрятъ на еврейство и антисемитизмъ. Отчасти взгляды этотъ уже изложены были на этихъ страницахъ въ письмѣ изъ Парижа, помѣщенномъ

въ «Восходѣ» за апрѣль—май нынѣшняго года. Но тамъ рѣчь шла только о французскихъ представителяхъ этой партіи. Мы поэтому считали нелишнимъ познакомить читателей со взглядомъ объ еврействѣ и антисемитизмѣ, господствующимъ въ германскихъ сферахъ того же направленія.

Z.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ И ІУДЕИ.

(Окончаніе).

VI ¹.

Въ значительной степени поддержкѣ іудеевъ былъ обязанъ Цезарь своимъ избраніемъ въ званіе римскаго первосвященника, т. е. выполненіемъ одного изъ существеннѣйшихъ пунктовъ своей политической программы. Едва-ли бы ему удалось быть впоследствии провозглашеннымъ *Imperator*'омъ, если бы онъ заблаговременно не достигъ власти первосвященника. Это званіе являлось въ его искусныхъ рукахъ могущественнѣйшимъ средствомъ для закрѣпленія своей популярности среди не только массы римскаго простонародья, но и среди населенія провинцій. Римскій первосвященникъ не былъ главой только официальной олимпійско-капитолійской религіи: онъ главенствовалъ въ сферахъ всѣхъ религіи, воспринятыхъ Римомъ отъ побѣжденных имъ народовъ, хотя не возведенныхъ на высоту капитолійскаго холма, угнѣчаннаго храмомъ Юпитера, однако, проникавшихъ въ глубь народныхъ вѣрованій и во всякомъ случаѣ терпимыхъ и признаваемыхъ государствомъ. Олигархія сначала презирала эти религіи, потому начала относиться къ нимъ съ опасеніемъ, видя въ нихъ зародыши революціоннаго движенія, направленнаго противу преобладанія аристократіи, противу изнуряющей народъ тираниіи многихъ. Въ послѣдователяхъ этихъ религіи обозначалось стремленіе къ политической власти одного лица, какъ бы долженствующаго осуществить на землѣ принципъ единобожія, лежащій въ основѣ почти всѣхъ новыхъ пришедшихъ съ востока въ Римъ религіи. Сенатъ напрасно то боролся съ ними ограничительными декретами,

¹ См. «Восходъ», кн. 6.

Восходъ, кн. 7.

то уступками искалъ примиренія съ послѣдователями этихъ религій. Эти ученія распространялись неустанно. Народъ постепенно охладѣвалъ къ старымъ вѣрованіямъ, къ сложнымъ обрядамъ изысканнаго идолопоклонства; храмы официальныхъ боговъ пустѣли. Новыя вѣрованія начинали просачиваться даже въ сенью самихъ олигарховъ. Существуетъ преданіе, что Сципіонъ Африканскій въ годъ избранія въ эдилы принялъ «іудейство». По всей вѣроятности, онъ обратился къ одной изъ новыхъ восточныхъ религій, отвергавшихъ идоловъ, къ одной изъ религій родственныхъ, какъ доказываютъ Манфрини, іудейской. Сестра Сципіона, знаменитая Корнелія, мать Гракховъ, исповѣдывала тоже новую религію, Клавдія также, сестра Катона также. Марій находился несомнѣнно въ сношеніяхъ со сторонниками новой религій; его, такъ сказать, религіозное сближеніе съ іудейкой Мартой представляетъ весьма характерный историческій фактъ. Катилину же безъ основанія обвиняли въ извѣнчѣ древнихъ боговъ, и Цезарь съ юности былъ членомъ религіозныхъ корпорацій, по малой мѣрѣ равнодушныхъ къ Олимпу. Сенатъ не ошибался, полагая, что эти корпораціи были опасны отжившей своей вѣсью республиканско-аристократической тираніи и враждебны ея языческимъ символамъ. Масса престонородія отпала отъ старыхъ боговъ, ибо они оказывались бессильными прекратить почти непрерывныя бѣдствія, слѣдовавшія одно за другимъ: голодь, войны, тяжелые налоги, кровопролитныя распри въ самомъ Римѣ. Олигархи то той, то другой партіи вылавливали рыбу въ этой мутной водѣ, а престонородье только заллебывалось ею. Измученное, оно прокляло мраморныхъ и бронзовыхъ боговъ, у которыхъ напрасно вымаливало благъ земныхъ, и стало искать для себя новыхъ бессмертныхъ покровителей. Массы рабовъ-иноземцевъ, загнанныхъ въ Римъ съ востока, занесли въ престонородье упованіе на свои божества. Восточныхъ религій, отличавшихся между собою вѣдшими отправлениями культа, было очень много. Всѣ онѣ, даже немногія, допускавшія въ свои храмы статуи—не какъ боговъ самихъ по себѣ, а только какъ матеріальное, завѣдомо бездушное олицетвореніе божества, какъ наименованіе о немъ, сводились къ одному основному началу, къ корню, изъ котораго выросли и развились—къ монотеизму общегуманитарному. Божество было идеей, къ которой молитвенно могъ обращаться всякій, не прибѣгая къ посредству очень дорогихъ и сложныхъ церемоній олимпійскаго культа. Богъ былъ не осязаемъ, не видимъ, но доступъ къ нему былъ открытъ всякому. Идея божества заключала въ себѣ идею уравненія всѣхъ людей, идею любви къ людямъ безъ различія ихъ положенія, надежду на лучшее существованіе за

гробовъ; даже (по іудейскому толкованію) истерзанное бѣдствіемъ чело-
вѣчество могло надѣяться, что рано или поздно явится Мессія, который все
для нихъ измѣнитъ къ лучшему; это послѣднее обстоятельство особенно было
важно въ глазахъ народа, и представлялось выгоднымъ для Цезаря.

Новыя вѣрованія были обязаны своею популярностію и быстрымъ рас-
пространеніемъ въ простонародѣ отчасти и тому, что ихъ, какъ мы замѣтили,
занесли въ Римъ рабы, плѣнники, вообще люди зависимые и подначаль-
ные, которые, одваго, съ теченіемъ времени (если не всё, то многіе, осо-
бенно евреи, а въ подобныхъ случаяхъ успѣхъ одного занѣчается болѣе,
тѣмъ неудачи десятковъ) добивались значительнаго улучшенія своего, какъ
матеріальнаго, такъ и общественнаго положенія. Невѣжественною массою
римской черни это приписывалось могуществу ихъ боговъ, или, вѣрнѣе,
ихъ бога, умованія и вѣра въ котораго римскаго простонародья отъ этого
возростала. Кромѣ того восточныя религіи расширяли общественныя и семей-
ныя права женщины и тѣмъ привлекали къ себѣ римскихъ женщинъ
даже высшихъ классовъ,—женщинъ, тяготѣвшихъ путями, налагаемыми на
нихъ олимпійзмомъ. Женщины въ свою очередь способствовали обращенію
къ новымъ вѣрованіямъ мужчинъ высшихъ классовъ, которые иногда ста-
новились поборниками новыхъ религій, уже не по суевѣрію, какъ масса
народа, а по сознательному отношенію къ божественной идее и къ идеа-
ламъ, несравненно болѣе возвышеннымъ, тѣмъ идеаламъ капитолийскихъ жре-
цовъ. Цезарь былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ—сначала сторонниковъ, по-
томъ поборниковъ восточныхъ религій. Вѣровалъ онъ или нѣтъ—для на-
шего вопроса безразлично. Важно то, что онъ съ ранней юности оставался
ихъ вѣренъ и былъ убѣжденъ въ приѣмности ихъ основныхъ идеаловъ
(въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранившихся въ іудействѣ) къ задуманной
имъ обновительной и объединительной космополитической программѣ. Онъ
оставался всю жизнь вѣренъ основнымъ принципамъ новыхъ вѣроученій
уже и потому, что ихъ нигдѣ можно было извлечь несравненно болѣе
практической пользы для личнаго возвышенія, тѣмъ изъ старыхъ. За ста-
рыя стояла вредоносная ему аристократія, численное меньшинство; новыя же
исповѣдывались массою римскаго простонародья и столь вліятельнымъ въ
массѣ инородческимъ, по преимуществу еврейскимъ, населеніемъ. Еврейское
вѣроученіе Цезарь ставилъ выше всѣхъ остальныхъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности остановиться на крайне ин-
тересныхъ, весьма подробныхъ изслѣдованіяхъ Манфрини о сродствѣ вос-
точныхъ вѣрованій между собой, и въ особенности съ основными вѣрова-

нїи іудеевъ. Исслѣдованіе это, начатое въ I-мъ томѣ сочиненія Gli Ebrei sotto la Dominazione Romana, значительно развитое и неполное во II-мъ, имѣетъ цѣлью доказать, что Цезарь, ставшій на сторону іудейскихъ вѣроученій, являлся въ началѣ покровителемъ не одной еврейской религіи, но и всѣмъ восточнымъ, что значительно упрочивало его положеніе, какъ первосвященника, въ лицѣ римской многочисленной и провинціальной массы, и что остальныя восточныя религіи онъ, такъ сказать, терпѣлъ въ силу практической необходимости, терпѣлъ до времени, и только на еврейскую опирался прочно до послѣдняго дня своей жизни.

Съ философскими принципами еврейскихъ вѣрованій онъ познакомился еще ребенкомъ. Его учителя были греки. А греки, какъ было упомянуто нами въ первой статьѣ о сочиненіи Манфрина, восприняли въ значительной степени въ свою философію римскаго періода основныя принципы іудейства. Съ юности принадлежа къ народной политической партіи, Цезарь состоялъ членомъ различныхъ корпорацій и ассоціацій съ сильнымъ религиознымъ отбѣнкомъ. Манфрини предполагаютъ, что изъ чисто-религиозныхъ ассоціацій Цезарь еще въ молодости формально принадлежалъ только къ *единственной—къ еврейской*. Его раннія путешествія по Малой Азій, посѣщеніе еврейскихъ колоній—значительно уяснили ему смыслъ іудаизма. Онъ сознавалъ, что понятіе о божествѣ и основы этики еврейство сохранило въ большей послѣдовательности и чистотѣ, чѣмъ какаѣ либо изъ восточныхъ религій, хотя іудаизмъ, въ сравненіи съ другими вѣроученіями, былъ какъ-бы отверженною религіей. Евреи, правда, не занимались прозелитизмомъ, но за то, разсеяясь повсемѣстно, какъ-бы рассаживали повсюду свою вѣру, и сами оставались въ ней постоянно тверды, не смотря ни на политическіе перевороты, ни на религиозныя идеалы тѣхъ народностей, среди которыхъ они разсеялись. Они вѣровали въ единого Бога и ихъ пророки предвозвѣстили Мессію. И то и другое было выгодно для плановъ Цезаря, стремившагося къ единовластію и желавшаго явить въ своемъ лицѣ благодѣтеля міра.

Истомленный же тираническимъ республиканизмомъ римскій народъ, подавленный государственною неправоюравностью подвластныхъ Риму расъ—были болѣе или менѣе подготовлены къ воспріятію единой, все уравнивающей политической власти. Цезарь не объявилъ себя, правда, Мессіей, но онъ торжественно вывелъ свою родословную отъ Венеры...

Здѣсь мы опять опускаемъ теологическія исслѣдованія и сближенія

Манфрини, который нутить весьма элементаръ, нѣстами нѣсколько рискованнымъ, но совершенно добросовѣстнымъ и вѣдѣмъ съ тѣмъ остроумнымъ изслѣдованіемъ и сопоставленіемъ (въ особенности въ области женственнаго монотеизма) старается доказать, что, объявляя себя сыномъ Венеры, Цезарь приписывалъ себѣ божественное происхожденіе въ самомъ чистомъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова, ибо подъ Венерой, прародительницей Цезаря, вовсе не разумѣлась олимпійская Венера, богиня любви, а *единственное божественное, омолодотворящее вселенную начало*, признаваемое съ глубочайшей древности всѣми восточными, въ томъ числѣ и іудейскою религіей¹.

VII.

Всѣ сгруппированные нами выше факты — содѣйствіе, оказанное Цезарю римскими евреями на выборахъ, широкій кредитъ, открытый ему колоніями, поддержка его во время египетской экспедиціи, нѣвшей столь рѣшительное значеніе въ судьбѣ диктатора (безъ союза съ іудейскимъ элементомъ онъ едва-ли могъ бы проникнуть въ Египетъ), покровительство Цезаря евреямъ вообще и ихъ религиознымъ вѣрованіямъ въ особенности — все это не оставляетъ никакого сомнѣнія въ существованіи тѣсной политической связи между Цезаремъ и іудействомъ. Съ увѣренностью можно сказать, что Цезарь былъ обязанъ въ значительной степени, если не главнымъ образомъ, евреямъ какъ своимъ личнымъ возвышеніемъ, такъ и успѣхомъ своей политики. Достоверность фактовъ, сгруппированныхъ нами, доказывается историческими изслѣдованіями. Но Манфрини утверждаетъ, и не безъ основанія, что если бы даже въ историческихъ лѣтописяхъ и документахъ не сохранилось никакихъ указаній на непосредственныя дружественныя сношенія Цезаря съ еврействомъ, то и тогда, безпристрастно вникая въ смыслъ знаменательныхъ дѣяній великаго диктатора и въ общій характеръ его политики, нельзя было бы не придти къ твердому убѣжденію въ существованіи этихъ отношеній.

Большинство историческихъ изслѣдователей нашего времени, расходящихся во взглядахъ на нѣкоторыя стороны цезарскаго періода, признають, однако, что онъ стремился къ уменьшенію политическихъ и общественныхъ

¹ См. томъ I *Gli Ebrei sotto la Dominazione Romana*, стр. 170—200, а также нашу статью, „Восходъ“, май—іюнь 1888 г., стр. 189: „Первоначальный монотеизмъ былъ всегда монотеизмъ женственный“.

неравноправностей между метрополіей и провинціями. Государственная предприимчивость и омытъ внушали ему эти стремленія. Провинція роптала; омытъ и престоноародѣ несли все бремя поддержанія государства. Тѣ, которые пользовались благами и почестями и извлекали выгоды изъ такого государственнаго устройства, не были обременены ничѣмъ. Такой ненормальный порядокъ вещей грозилъ республикѣ насильственнымъ переворотомъ. Если бы Цезарь не совершилъ революціи сверху, она разразилась бы снизу, въ формахъ несравненно болѣе жестокихъ и вредныхъ для цивилизаціи; Цезарь это понималъ, и понималъ, что лично омытъ никогда не могъ бы подняться до высоты безграничной власти, если бы не явился представителемъ тѣхъ, кто не пользовался благами государственнаго устройства, защитникомъ и дисциплинирующимъ вождемъ тѣхъ, кто былъ подавленъ игомъ римской олигархіи. Принявъ же на себя это представительство, омытъ не могъ не остановить своего вниманія на іудеяхъ, рѣзко выдѣлявшихся среди подвластныхъ Риму народностей.

Неоднократно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій сряду, подпадали они подъ власть чужеземцевъ, никогда не утрачивая, однако, своей нравственной самостоятельности. Они умѣли среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ съ выгодой для своей народности пользоваться вліяніемъ на своихъ поработителей. Съ другой стороны, ассирияне, персы, и въ особенности греки содѣйствовали развитію въ нихъ свойствъ, прижбіеніе которыхъ къ обновленію обветшавшихъ формъ римской республики во времена Цезаря представлялось особенно полезнымъ. Нѣкоторые историки утверждаютъ, что іудеи сблизились съ Цезаремъ главнымъ образомъ потому, что ненавидѣли Помпея. Мы уже видѣли выше, что Манфрини объясняютъ предварительными политическими соображеніями и соглашениями переходъ, напр., Антипатра на сторону Цезаря послѣ Фарсала. Авторъ вообще отрицаетъ такое дешовое объясненіе—какъ только ненависть къ Помпею. Если евреи и ненавидѣли Помпея, то главнымъ образомъ потому, что омытъ былъ римлянинъ—могущественный представитель олигархической партіи, а римлянъ, какъ своихъ поработителей, какъ прежде ассириянъ или персовъ, естественно они не любили и, пожалуй, ненавидѣли. Съ Цезаремъ же, хотя и римляниномъ, но явнымъ врагомъ ненавистной и еврейскъ олигархіи, они сблизились несравненно ранѣе паденія Помпея, ранѣе, чѣмъ первый всталъ въ открыто-враждебныя отношенія къ послѣднему. Манфрини даже не видятъ существенныхъ политическихъ основаній для особой ненависти дальновидныхъ евреевъ къ Помпею. «Не столько лично Помпей, сколько вліятельные вожди

римской олигархіи были виной бѣдствій, обрушившихся на іудеевъ, — говоритъ онъ. — Еще ранѣ Помпея южная Сирія, Іудея — были раздроблены на множество мелкихъ княжествъ, пользовавшихся каждое нѣкоторою автономіей, но совершенно другъ отъ друга оторванныхъ; единство страны было радикально уничтожено. Плоды побѣдъ послѣднихъ Маккавеевъ были Іудеей утрачены; она была отрѣзана отъ моря, непосредственную связь съ которымъ такъ высоко цѣнили іерусалимскіе правители всѣхъ временъ». У первосвященника Гиркана, правда, никто не могъ оспаривать главенства, благодаря присутствію въ Римѣ Аристовула; но власть, предоставленная ему Помпеемъ, въ сущности — орудіемъ олигарховъ, была почти номинальная. Естественно, что евреи питали враждебныя чувства къ олигархамъ и что значительная ихъ часть стала на сторону Цезаря, какъ только опредѣлилась его политическая объединительно-уравнительная программа. Естественно, что когда, послѣ пораженія Помпея, Цезарю оставалось только, такъ сказать, протянуть руку, чтобы захватить верховную власть и подавить аристократію, евреи явились ему на помощь въ Египтѣ. Естественно, что евреи поддерживали его, когда онъ достигъ власти. И естественно также, что Цезарь широко пользовался ихъ поддержкой и въ свою очередь являлся опорой ихъ политическихъ стремленій. Связь между евреями и Цезаремъ была основана на искреннѣйшемъ признаніи обѣими сторонами взаимной полезности, и слѣдовательно — весьма прочна. Эта связь носила религіозно-политическій характеръ. Цезарь, какъ мы знаемъ, въ силу своихъ политическихъ соображеній покровительствовалъ восточнымъ религіямъ, но въ особенности и до самаго конца своей жизни — придавалъ главнѣйшее значеніе іудейскому вѣроученію. Практическое политическое превосходство его заключалось уже въ томъ, что оно, будучи разсѣяно по всему извѣстному тогда міру, связывалось, однако, воедино тяготѣніемъ къ Іерусалиму, въ храмъ котораго регулярно стекались обильныя подати со всѣхъ концовъ свѣта. Не смотря на твердость этого религіознаго единства, евреи являлись элементомъ весьма удобнымъ для осуществленія уравнительно-космополитической системы Цезаря. Во время своего пребыванія въ различныхъ мѣстностяхъ Азіи, онъ всюду встрѣчалъ евреевъ и нигдѣ случая ознакомиться съ ихъ матеріальнымъ и нравственнымъ превосходствомъ. Ихъ колоніи были многочисленны, богаты; они умѣли сближаться съ мѣстнымъ населеніемъ, воспринимали мѣстный языкъ, до нѣкоторой степени — обычаи, но никогда не утрачивали нравственной, расовой связи съ Іерусалимомъ и постоянно поддерживали эту связь.

Эти колоніи относились, однако, почти равнодушно къ борьбѣ мѣстныхъ политическихъ партій въ ихъ далекомъ отечествѣ. Этому обстоятельству Цезарь придавалъ большую важность. Моисеявъ говоритъ, что исторія Іудеи не есть исторія евреевъ; первая относится ко второй, какъ, напримѣръ, исторія испанскихъ владѣній къ исторіи христіанства. Уже во времена римской республики связь между еврейскими колоніями и Іудеей носила исключительно расовый характеръ, болѣе политическій, чѣмъ религіозный. Каждая колонія, община—прежде всего ревниво отстаивала свои мѣстные интересы, свою автономію. Но за то всё онѣ вѣдѣтъ были воодушевлены тенденціей къ объединительному космополитизму, т. е. къ тому же, къ чему стремились Цезарь. Относительно же Іудеи и въ особенности относительно Іерусалима, политическія вождѣнія колоній выражались главнымъ образомъ заботами о томъ, чтобы Іерусалимъ постоянно оставался въ рукахъ евреевъ. А кто были евреи, правившіе Іерусалимомъ, садукееи или фарисеи, первосвященникъ Гирканъ или первосвященникъ Аристовулъ, царь Иродъ или Антигонъ, для колонистовъ было безразлично, вообще говоря, лишь бы то были евреи. Этимиъ объясняется, почему еврейскія колоніи постоянно, не смотря на многочисленныя переибы господствующихъ въ Іерусалимѣ партій, продолжали неуклонно-правильно высылать подать на храмъ, но за то возставали повсюду, какъ одинъ человекъ, возмущались и боролись съ чужеземною властью, какъ только обнаруживалось, что Іерусалиму грозить опасность быть вырваннымъ изъ іудейскихъ рукъ. Это явленіе можно прослѣдить при Неронѣ, Веспасіанѣ, Титѣ, Траянѣ, Адрианѣ. Съ другой стороны, іудейскія общины, разсыянныя внѣ Іудеи, не смотря на свою образцовую организацію и на свои большія богатства, все-таки относительно мѣстнаго населенія представляли каждая численное меньшинство. Онѣ не могли рассчитывать политически-административно подчинить себѣ народы, среди которыхъ поселились, но онѣ съ необычайнымъ искусствомъ умѣли располагать къ себѣ правителей этихъ народовъ и направлять дѣянія этихъ правителей въ пользу колоній, а въ случаѣ надобности—къ выгодамъ іудейства въ общемъ смыслѣ этого слова. Этимиъ умѣньемъ въ значительной степени объясняется то вліятельное, можно сказать, могущественное положеніе, которое всюду, гдѣ были ихъ колоніи, удавалось занимать евреямъ,—положеніе, на которое съ такими недружелюбными краснорѣчивъ указываетъ Светоній. Всѣхъ этихъ особенностей, конечно, не могъ не подѣлывать гениальный Цезарь.

Для главы государства (или для лица, стремившагося быть главою во-

сударства), въ составъ котораго входятъ народы, рѣзко отличающіеся между собою языкомъ, нравами, вѣрованіями, — многочисленное племя, разселившееся повсюду, съумѣвшее приспособиться въ самыя разнообразныя политическія условія, къ нравамъ, нарѣчіямъ, но остававшееся всё-таки неуклонно вѣрнымъ объединяющей племя связи религіозной и этнической, — племя, умѣвшее не только не погибнуть, но процвѣтать при обстоятельствахъ, новидному, крайне неблагоприятныхъ, безъ родины, упречиваться вездѣ какъ дома, — такое племя должно было представляться элементомъ болѣе чѣмъ полезнымъ, прочнымъ и надежнымъ цементомъ. Особенное значеніе должно было имѣть въ глазахъ Цезаря, державшагося объединительно-уравнительныхъ космополитическихъ принциповъ и понимавшаго не только въ качествѣ политическаго дѣятеля, но и въ качествѣ первосвященника, объединяющее и уравнивающее значеніе монотеистической этики. Въ особенности, когда ихъ вѣроученіе и культы, выросшіе изъ одного съ этикой вѣроученіемъ корня, пользовались широкою популярностью среди римскихъ народовъ массъ, которыхъ Цезарь являлся защитникомъ и вождемъ.

Словомъ, Цезарь при содѣйствіи іудаизма и евреевъ достигъ личной неограниченной власти и внесъ въ систему организациі созданной имъ имперіи многообъясняющія объединительныя начала. Со дней Цезаря началась новая благоприятная для евреевъ и Іудеевъ эра. Но съ другой стороны, по мнѣнію Манфрини, съ того же самаго времени, и именно *вслѣдствіе близости къ нимъ Цезаря, зародилась въ Римѣ, а потомъ распространилась по всей Европѣ почти стихійная ненависть къ евреямъ, — дожившей до нашихъ дней антисемитизмъ.*

VIII.

Манфрини замѣчаетъ, что при поверхностномъ взглядѣ на историческія событія временъ Цезаря и его непосредственныхъ преемниковъ — такое предположеніе кажется почти негнѣимымъ. Однако, внимательное расслѣдованіе этихъ событій, въ связи съ нравственно-философскими и политически-религіозными теченіями, господствовавшими въ императорскомъ Римѣ, не оставляетъ, по мнѣнію автора, никакого сомнѣнія въ безынѣчности его мнѣнія.

Политически-религіозная связь Цезаря съ евреями, его имъ практическое благоволеніе, его вѣрованіе въ благотѣльность для народовъ, населяющихъ страны, подвластныя Риму, пригнѣнія основныя философскія принциповъ и колониатарскія пріемовъ древняго еврейства — положили,

по мнѣнію Манфрини, начало враждебному отношенію европейцевъ къ іудеямъ. Повидимому, и при преемникахъ Цезаря права Іудей и еврейства продолжаютъ расширяться. Послѣдующія мировыя событія подливали въ обилии новаго масла въ огонь; но огонь затеплился во дни Цезаря. Обстоятельства, долженствовавшія, повидимому, обезпечить за евреями блестящую роль на аренѣ цивилизаціи, послужили къ гибели ихъ самостоятельности и влияния. Вмѣстѣ съ Цезаремъ пала гениально задуманная имъ система обновленія одряхлѣвшаго въ политическомъ и религіозномъ отношеніи міра. Его преемники не могли понять глубокаго смысла его предначертаній и, не осмѣливаясь сразу явиться врагами системы, создавшей империализмъ, искали путей для уклоненія отъ нея, и всё неблагопріятныя для нихъ стороны политической системы Цезаря приписывали іудейскому влиянію. И постепенно они достигли чуть-ли не полнаго истребленія евреевъ... «Напрасно, однако,—говоритъ Манфрини,—императоры пытались усилить власть Рима, разрушая то, что было основано Цезаремъ. Они добились жестокаго уничтоженія іудейскаго царства, безжалостнаго истребленія евреевъ,—но Рима этихъ все-таки не спасли».

Непосредственные преемники Цезаря, утраченные его трагическою кончиною, не рѣшались враждовать, подобно Цезарю, съ аристократическою партіей; но, съ другой стороны, они продолжали заискивать расположеніе простонародья. Они ишли осторожность удерживать за собою званіе первосвященника, но пользовались имъ не въ томъ широкомъ, прозорливомъ и вмѣстѣ практическомъ духѣ, въ какомъ пользовался самъ великій основатель имперіи. Августъ, можетъ статься, пуще Тиберія боявшійся кончить какъ Цезарь, старался возратить себѣ дружбу старыхъ олигархическихъ партій и съ этою цѣлью пытался вдохнуть жизнь въ разлагавшійся трупъ олимпійско-капитолійскаго идолопоклонства. Онъ не могъ навязать эту мертвенную религію всѣмъ подвластнымъ ему вародностямъ, но онъ употреблялъ всё усилія для возвеличенія ея въ главнѣйшихъ центрахъ, въ значительнѣйшихъ городахъ обширной имперіи своей. Августъ, въ качествѣ римскаго первосвященника, былъ главнѣйшимъ виновникомъ того, что развитіе религіознаго монотеистическаго объединенія, начало которому положилъ-было Цезарь, прекратилось, что секты новыхъ пришлыхъ въ Римъ религій стали вновь поднимать голову и, какъ было до Цезаря, стали выростать въ опасную для спокойствія имперіи, для прочности государственной власти оппозицію, не имѣющую ни систематической программы, ни порядка, ни объединяющей философской идеи, словомъ—ничего того, чѣмъ выдѣлялся іудизмъ. Государственно-

объединительное положеніе, приданное Цезаремъ іудейству, исчезло; при Августѣ іудейство отчуждилось въ оппозиціи и по самому своему существу и положенію представляло первое время могущественнѣйшій ея элементъ. Цезарь этия элементомъ пользовался, его же преемникамъ пришлось съ ними бороться. Борьба была не легкая и началась не сразу. Съ іудействомъ до поры, до времени надо было считаться. Колониальное значеніе евреевъ было вѣско въ провинціяхъ; въ Римѣ ихъ религіозныя ассоціаціи, оставаясь единственными (ибо Цезарь, уничтоживъ всѣ остальные, оставилъ только іудейскія), усилились за послѣднее время вслѣдствіе воспринятія элементовъ ассоціацій распущенныхъ. Кромѣ того за іудеями еще оставался престижъ государственнаго значенія временъ Цезаря, и наконецъ, ихъ вожди, не взирая на борьбу партій въ Іерусалимѣ, съ замѣчательною дипломатическою ловкостью умѣли поддерживать въ императорахъ сознаніе, что еврействомъ пренебрегать опасно. Еврейскіе дипломаты, если можно такъ выразиться, даже при Августѣ сумѣли извлечь выгоды для Палестины, обратившейся какъ-бы въ центръ разраставшагоса царства іудейскаго. Манфрини, въ заключеніи II-го тома своего труда, выражаетъ предположеніе, что будь дальнѣйшіе преемники Антипатра и Ирода людьми столь же какъ и они способными пользоваться обстоятельствами, то іудеизмъ могъ бы еще удержаться на высотѣ, которую готовилъ для него Цезарь, и впоследствии играть болѣе видную роль въ исторіи цивилизаціи.

Въ самой этой политической умѣлости и вліятельности евреевъ первые императоры, бывшіея олигарховъ, закореѣннѣйшіе враговъ еврейства, отступившіе отъ чувства робости отъ системы Цезаря, не могли, однако, не усматривать опасности для себя. Но у нихъ не хватало рѣшимости встать открыто во враждебныя къ іудейству отношенія. Большинство еврейскихъ вождей при преемникѣ Цезаря даже получило разныя льготы и привилегіи, хотя ихъ политическое объединеніе, ихъ связь съ Палестиной—были вродѣ всего ненавистны римскимъ властителямъ. Неронъ, черезъ посредство Веспасіана, началъ войну съ іудеями не столько для того, чтобы стереть ихъ съ лица земли, сколько для того, чтобы уничтожить Іерусалимъ—опорную точку, центръ ихъ религіозно-политическаго единства. И покуда существовала эта опорная точка—римское правительство чувствовало себя вынужденнымъ, ради собственнаго спокойствія и безопасности со стороны римской аристократіи, дѣлать еврейскимъ колоніямъ постоянныя уступки. Императоры же, царствовавшіе послѣ разрушенія Іерусалима, были уже свободны отъ сознанія такой необходимости и мало-по-малу царями

къ явному гоненію на евреевъ, къ стремленію истребить ихъ, если возможно. Дальнѣйшіе преемники Цезаря, однимъ словомъ, восприняли чувства, воодушевлявшія враговъ основателя имперіи,—чувства олигарховъ. Олигархи и императоры сошлись въ ненависти къ евреямъ, пытались парализовать ихъ вліяніе на массы въ Римѣ, употребляли всё усилія для возбужденія противу нихъ простонародья, интересы котораго при Цезарѣ и чрезъ посредство Цезаря нѣли въ еврейскомъ элементѣ одну изъ своихъ существеннѣйшихъ опоръ.

Въ томъ, что зародышъ антисемитизма сталъ разрастаться въ Европѣ со времени Цезаря и вслѣдствіе сближенія Цезаря съ еврействомъ, Манфрини отказывается даже сомнѣваться.

«Каждый внимательный историческій изслѣдователь,—говоритъ авторъ,—читая лѣтописи греческія и римскія, невольно бываетъ пораженъ непримиримо-враждебнымъ чувствомъ къ евреямъ самихъ лѣтописцевъ, жившихъ послѣ Цезаря. Въ чемъ заключается причина этого озлобленія? Можемъ объяснить это явленіе взаимною антипатіей, существовавшей между восточными и западными расами. Но, при всемъ уваженіи къ знаменитому историку нашихъ дней, мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Расовая антипатія должна бы была имѣть характеръ общій, мировой, такъ сказать. Между тѣмъ этого не видно. Ни къ эллинизированнымъ азіатскимъ народностямъ, ни даже къ народностямъ чисто-азіатскаго происхожденія, никакой общей расовой антипатіи со стороны Запада не замѣчается». Антипатія сосредоточивается исключительно на евреяхъ, и сосредоточивается такъ интенсивно, что ни вѣка, ни крупныя историческія перевороты не могли ее и доселѣ уничтожить. Кромѣ того Западъ свои религиозныя вѣрованія воспринималъ отъ восточныхъ расъ; это было бы невозможно и неизлечимо при существованіи прирожденной взаимной антипатіи между Востокомъ и Западомъ. Есть историки, утверждающіе, что ненависть къ еврейству заводилась вслѣдствіе религиозныхъ причинъ. Но эти писатели, по мнѣнію Манфрини, очевидно впадаютъ въ анахронизмъ. «Подобное мнѣніе могло бы быть, пожалуй, пригодно къ концу византійскаго періода, къ срединѣ вѣка; но вѣдь греческія и римскія лѣтописцы, злобный антисемитизмъ которыхъ насъ такъ поражаетъ, писали тогда, когда религиозныя формы христіанства были еще вовсе неизвѣстны¹, а слѣдовательно, непріязненныя

¹ Мы замѣтимъ, что они писали и тогда, когда въ Европѣ христіанство считалось съ иудействомъ.

чувства историков не могли быть вскоринены чувствами религиозными. Цицеронъ, Плутархъ, Светоній, Ювеналъ, Тацитъ, Марціалъ и многіе другіе несомнѣнно руководились возбужденіями иного рода».

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что до первыхъ усобицъ Цезаря Римъ не зналъ ненависти къ евреямъ, Манфрини, между прочимъ, сравниваетъ отношенія римскаго общества и римскихъ политическихъ дѣятелей къ евреямъ и иудейству до появленія Цезаря—съ отношеніемъ, обнаружившимся послѣ первыхъ шаговъ его на политическомъ поприщѣ. Историческіе документы перваго времени не являютъ никакого общественнаго ослобленія. Всплываетъ оно вслѣдъ за обнаруженіемъ Цезаремъ своихъ властолюбивыхъ стремленій и своего опаснаго для олигархіи генія. Особенно яркимъ прикрѣпомъ служить отношеніе къ евреямъ Цицерона. Мы выше подробно говорили о дѣлѣ еврея Негри, о конфискаціи Флаккомъ еврейскаго золота въ Малой Азіи и о рѣчах Цицерона по тому и другому поводу. Здѣсь напомнимъ только, что, касаясь по поводу дѣла Негри вопроса о евреяхъ, Цицеронъ говоритъ о нихъ не только безъ всякой злобы, но даже съ уваженіемъ. Въ своихъ же рѣчах *Pro Flacco* знаменитый ораторъ классической древности уже съ пѣной у рта осипаетъ евреевъ ядовитыми стрѣлами своего краснорѣчія, усматриваетъ въ нихъ опаснѣйшихъ враговъ государства, а въ ихъ вѣроученіяхъ—силу, раслѣзвающую общественныя нравы. Эта перецѣна во взглядѣ или, вѣрнѣе, въ отношеніяхъ Цицерона, одного изъ видныхъ представителей олигархіи, къ евреямъ объясняется, по мнѣнію Манфрини, тѣмъ, что когда Цицеронъ произносилъ свою рѣчь противу Негри (въ 686 г. осн. Рима) Цезарь былъ почти невѣстенъ. Рѣчь же *Pro Flacco* была написана въ 695 г., когда Цезарь уже выступилъ на борьбу съ олигархами, когда его сближеніе съ евреями и ихъ содѣйствіе осуществленію его программы уже стали отчетливо обозначаться.

Въ доказательство того, что до Цезаря въ Римѣ не относились враждебно къ евреямъ даже нравящіе олигархи, Манфрини приводитъ извлеченіе изъ книги Маккавеевъ, трактующее о союзѣ, заключенномъ между иудеями и римлянами. «Хорошо извѣстно, — говоритъ авторъ, ссылаясь, между прочимъ, на Монтескье, — что римляне жаловали, такъ сказать, наименованіе своихъ союзниковъ всѣмъ народамъ и племенамъ, желающимъ освободиться отъ посторонней, тяготѣвшей на нихъ власти. Діонисій Галикарнасскій свидѣтельствуетъ, что римляне никогда не отказывали въ союзничествѣ обращающимся къ нимъ при такихъ обстоятельствахъ народностямъ, но за то

впослѣдствіи пользовались содѣйствіемъ этихъ союзниковъ для распростра-
ненія своего собственнаго владычества на сосѣднія союзническія страны.
Поэтому весьма возможно, что Иуда Маккавей обращался къ римлянамъ
съ подобною просьбой, и весьма вѣроятно, что они исполнили ее. Это во-
все не было бы какою либо особою милостью. Флавій ничего не упоми-
няетъ объ этомъ обстоятельстве; однако, молчаніе Ливонска въ этомъ
случаѣ не колеблетъ вѣроятности факта. Можно даже съ увѣренностью
сказать, что господству во времена Маккавеевъ въ Римѣ то, ослоблен-
ное отношеніе къ евреямъ, которое обнаруживаетъ Цицеронъ въ своихъ
рѣчахъ *Pro Flacco* и особенно какое мы видимъ въ по-цезарьскій періодъ,
то даже въ книгѣ Маккавеевъ не упоминалось бы о римскомъ союзѣ.
Самыя похвалы римлянамъ, которыя мы встрѣчаемъ въ книгѣ Маккавеевъ,
если и не служатъ бесспорнымъ доказательствомъ заключенія союза, до-
статочно, однако, подтверждаютъ истинѣ объ отсутствіи въ то время ва-
жливой ненависти, озлобленія и даже антагонизма». «Словомъ,—заключаетъ
авторъ,—все доказываетъ, что враждебныя чувства римлянъ къ евреямъ
стали развиваться съ того момента, когда Цезарь, поддерживаемый ими,
вступилъ въ борьбу съ республикой».

Къ этимъ доводамъ Манфрини мы считаемъ излишнимъ добавить, что
истинѣ нѣкоторыхъ писателей о томъ, будто бы одна изъ причинъ зарож-
денія въ древнемъ мірѣ ненависти къ евреямъ заключалась въ завѣдыва-
ніи послѣдними сборами податей—совершенно ошибочно.

Здѣсь мы не станемъ вдаваться въ подробный разборъ этого вопроса,
ибо онъ былъ рассмотрѣн нами въ нашей первой статьѣ, къ которой мы
и обращаемъ читателей ¹.

Кстати замѣтить, что триумфальная арка Тита, высшаяся донинѣ
въ Римѣ, была воздвигнута какъ разъ противу роскошнаго дворца рим-
скаго первосвященника (слѣды котораго ястреви). Преемники Цезаря,
враги иудейства, желали этихъ какъ бы увѣковѣчить монументально па-
мять еврейскаго униженія въ той самой мѣстности, въ виду того самаго
зданія, въ которомъ закрѣпился столь ненавистный олигархамъ союзъ,—
зданія, въ которомъ Цезарь чествовалъ евреевъ, гдѣ они, совмѣстно съ
египтянами, въ качествѣ почетной стражи, охраняли будущаго основателя
имперіи отъ возней аристократіи распатанной республики.

Истинѣ Манфрини о томъ, что зародышъ антисемитизма кроется въ

¹ „Восходъ“ 1888 г., май—июнь, стр. 184 и далѣе.

союзъ Цезаря съ іудействомъ, основано на такихъ вѣсныхъ данныхъ, что на него слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе тѣхъ, кто интересуется разъясненіемъ современныхъ отношеній европейцевъ къ евреямъ.

Причины, дѣйствовавшія въ періодъ весьма отдаленный по времени, нельзя признать атрофированными въ наше время. Эти причины представляютъ, конечно, только одну изъ многихъ корней рокового зла, но, разыскивая средства для излеченія болѣзни, должно дорожить раскрытіемъ хотя бы одной изъ причинъ недуга. Найти одно изъ неизвѣстныхъ въ системѣ уравненій со многими неизвѣстными — есть уже шагъ впередъ на пути къ разрѣшенію вопроса. Трудъ Манфрини значительно облегчаетъ этотъ шагъ, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается существеннѣйшее достоинство рассмотрѣннаго нами сочиненія — его современно-практическая цѣнность, которой, однако, по вѣдому, не замѣчаютъ самъ авторъ, объективно, беспристрастно преданный изслѣдованію смысла событій только древнѣйшій время.

Л. Рускинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ГЛУШП ТВО: *Біографическій словарь всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ Св. Писаніи. Составилъ Г. О. Манделштамъ. Варшава, 1889 (420 стр. in 8°).*

«Словарь» г. Манделштама могъ бы быть названъ *біографическимъ указателемъ* въ Библии, такъ какъ фактический его матеріалъ всецѣло, безъ всякихъ измѣненій, взятъ изъ библейскихъ историческихъ книгъ. Авторъ при составленіи книги поставилъ себѣ за правило: держаться исключительно библейскаго текста и сообщать о жизни лицъ, упоминаемыхъ въ священныя книгахъ, лишь то, что сами эти книги о нихъ сообщаютъ, только въ болѣе сжатой формѣ и въ алфавитномъ порядкѣ именъ. Съ одной стороны, онъ отбрасываетъ, какъ праздныя выдумки, всѣ тѣ легенды, которыми талмудическая Аггада изукрашила жизнь главныхъ героевъ древнѣйшей еврейской исторіи и которыя часто противорѣчатъ не только здравому смыслу, но и самымъ даннымъ Библии (предисловіе, стр. 3—5); а съ другой—авторъ не становится также на точку зрѣнія научно-исторической критики, которая на основаніи позднѣйшихъ ориентологическихъ изысканій произвела существенныя измѣненія какъ въ характеристикѣ лицъ, такъ и въ порядкѣ расположенія событій библейской исторіи. Г. Манделштамъ, такимъ образомъ, занимаетъ «золотую середину» между суевѣріемъ и безвѣріемъ, и строго держится Моисеева завіта: «Не прибавляй и не убавляй» (Второзак. IV, 2).

Въ такихъ скромныхъ предѣлахъ автору, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда, не должно было стоить большихъ трудовъ составить свой «Біографическій Словарь»; но стоить вчитаться въ этотъ трудъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Г. Манделштамъ собралъ воедино, сконбинировалъ и расположилъ въ нѣкоторомъ (хоть и не точно-хронологическомъ) порядкѣ всѣ разрозненныя біографическія черты, касающіяся того или дру-

того выдающагося библейскаго лица. Разбросанныя въ массѣ поэтическия рассказы, занимающихъ цѣлый рядъ главъ, расположенныя какъ попало, безъ послѣдовательности, фактическія данныя о жизни, положимъ, Самуила, Давида или Іезекии какъ-то блѣднѣютъ и теряются; но собранныя вмѣстѣ и сжато, послѣдовательно изложенныя, они даютъ уже реальный, а не поэтическій только портретъ, такъ что, приступая потомъ къ чтенію тѣхъ же чудесныхъ библейскихъ рассказовъ, ищешь уже передъ собою ясные образы и глубже вникаешь въ характеръ лицъ и значеніе событій. Если же мы вспомнимъ, что составитель даетъ біографическіе очерки не только выдающихся библейскихъ героевъ, но и краткія указанія *естяхъ* вообще лицъ, какъ еврейскаго, такъ и чужеземнаго происхожденія, имена коихъ упомянуты въ Библии,—то значеніе его труда для насъ еще больше выяснится.

При изложеніи событій изъ жизни того или другаго лица авторъ старается держаться не чисто-фактической почвѣ и по возможности избѣгаетъ включенія въ составъ событій «чудесъ» или, если это невозможно, излагаетъ послѣднія какъ результаты естественныхъ условій. Таковы, наирѣдѣ, объясненія принесенія въ жертву Исаака и египетскихъ казней (стр. 17, 258). Въ первомъ случаѣ авторъ возвышается даже до философской критики и, наперекоръ ортодоксамъ, рѣшительно заявляетъ, что *заслуга Авраама состояла не въ томъ, что онъ, по старой идолопоклоннической привычкѣ, рѣшилъ принести Исаака въ жертву, а въ томъ, что онъ, подъ вліяніемъ пробудившагося вдругъ болѣе свѣтлаго сознанія, отмѣнилъ это жестокое рѣшеніе...* Весьма часто, говоря о крупнѣйшихъ лицахъ древне-еврейской исторіи, авторъ не ограничивается простыми фактическими данными объ ихъ жизни, но дѣлаетъ сверхъ того, на основаніи этихъ данныхъ, краткія общія *характеристики* тѣхъ лицъ. Таковы характеристики Іакова, Моисея, Давида и пр. Въ характеристикѣ Давида авторъ, нисколько не щадя распространенныхъ и освященныхъ временемъ преданій, перечисляетъ вмѣстѣ съ большими достоинствами и крупныя недостатки этого царя, весьма симпатичнаго какъ частный человекъ, но не привлекательнаго какъ политикъ и властитель (стр. 110—111). За то въ личности Моисея авторъ допускаетъ слишкомъ большую дозу идеализаціи и является какъ бы апологетомъ всѣхъ безъ исключенія дѣяствій этого бесспорно величайшаго изъ мужей древности, не свободнаго, однако, отъ нѣкоторыхъ ошибокъ. Между прочимъ, при оцѣнѣ дѣятельности Моисея, авторъ го-

ворить, что Моисеево ученіе имѣло только двѣ главныя основы: 1) вѣра въ единого Бога и 2) любовь ко всему человѣчеству, и далѣе настаиваетъ на стремленіи безсмертнаго законодателя просвѣтить вѣрою *все* народы (стр. 270). При всемъ нашемъ благоговѣйномъ уваженіи къ вѣчнымъ принципамъ мозаизма вообще, мы, однако, не можемъ согласиться съ этими имѣніемъ въ частности. *Универсализмъ* былъ менѣе всего свойственъ религиозно - государственной системѣ Моисея, характеристическою чертой которой, напротивъ, является практической *націонализмъ*, какъ давно уже справедливо замѣтили Ренанъ, Кюненъ и другіе мыслители. Стремленіе къ универсализму начинается лишь позже, со времени пророковъ, и выражается съ наибольшою силой въ идеальной проповѣди Исаія. Кстати, пророковъ почему-то г. Мандельштамъ не жалуется и посвящаетъ даже самымъ крупнымъ изъ нихъ ужъ черезчуръ коротенькія замѣтки. Правда, *жизнь* большей части пророковъ вообще очень бѣдна фактами, но вѣдь за то книги пророковъ даютъ прекрасный матеріалъ для *духовныхъ характеристикъ*, которыя именно въ этихъ статьяхъ почти совершенно отсутствуютъ (см., напр., стр. 192, 211—212 и 217 в. vv., Иезекииль, Иеремія, Исаія).

Послѣднія замѣчанія не могутъ, однако, измѣнить наше общее имѣніе о книгѣ г. Мандельштана, которая *въ цѣломъ* является трудомъ немаловажнымъ, какъ полезное пособіе при изученіи Библии и какъ хорошая справочная книга. Для извѣстнаго же класса еврейскихъ читателей «Словарь» можетъ быть не только простымъ пособіемъ, но даже поучительнымъ руководствомъ въ дѣлѣ *пониманія* библейской исторіи, которую г. Мандельштамъ тщательно очистилъ отъ массы затемнявшихъ ее предразсудковъ и превратныхъ толкованій. Кстати замѣтить, что г. I. O. Мандельштамъ давно уже пользуется извѣстностью глубокаго знатока Библии, какъ авторъ рациональныхъ комментаріевъ къ библейскимъ книгамъ и нѣкоторыхъ библейско-экзегетическихъ изслѣдованій.

ענין קודם: *Комментарій къ книгѣ Иова, составленный рабби Самуиломъ Маснутомъ, жившимъ въ Аленно въ XII вѣкѣ. Изданъ впервые съ древняго манускрипта, съ примѣчаніями и введеніемъ Соломона Бубера. Берлинъ, 1889 (XV+135 стр. gr. 8°).*

Своимъ появленіемъ эта книга обязана стараніямъ представителей извѣстнаго союза «*Пробудителей усопшихъ*» (M'kize Nirdamim), из-

давня существующаго и задававшегося цѣлью издавать въ свѣтъ произведенія старинной еврейской письменности, но бывшія еще въ печати¹. Немало уже драгоценныхъ рукописей удалось обнаружить по инициативѣ этого союза. По большей части издаются нѣ рукописи, относящіяся къ періоду, предшествовавшему изобрѣтенію книгопечатанія, причѣмъ преимущественно печатаются неизвѣстныя или малозвѣстныя произведенія испанско-еврейскіи письменности среднихъ вѣковъ, въ родѣ вышедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ стихотвореній Ибнъ-Эзры, грамматическихъ руководствъ Ибнъ-Ганаха и пр. На этотъ разъ ученые руководители союза обнаружили древній комментарий къ книгѣ Іова, принадлежащій перу сирійскаго раввина XII вѣка и найденный въ рукописной копіи въ библиотекѣ при Оксфордскомъ университетѣ.

Самуилъ Маснутъ, авторъ названнаго комментарія, — личность почти неизвѣстная въ исторіи еврейской литературы. До сихъ поръ о немъ знали только по нѣсколькимъ строкамъ, сохранившимся въ сборникѣ «Макабъ Тахкemonи» испанско-еврейскаго поэта Алхаризи. Изъ этихъ строкъ явствовало, что Самуилъ Маснутъ жилъ въ эпоху Алхаризи, т. е. въ XII вѣкѣ, въ городѣ Алеппо, въ Сиріи, и занималъ тамъ высокое общественное положеніе среди евреевъ, такъ что именовался даже почетнымъ титуломъ *חזן* (вельможа); извѣстно было также, что Маснутъ отличался большою талмудическою ученостью и написалъ нѣсколько комментариевъ къ различнымъ книгамъ Св. Писанія. Нѣкоторые изъ этихъ комментариевъ хранятся въ рукописяхъ въ библиотекѣ Ватикана, въ Римѣ, комментарий же къ Іову, найденный въ Оксфордѣ и нынѣ изданный, не заключаетъ въ себѣ никакихъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ. Изъ подписи на манускриптѣ мы узнаемъ только, что книга Самуила Маснута переписана въ послѣдній разъ въ 1483 г. Г. Вуберъ, предпославшій къ разсматриваемой книгѣ обстоятельное введеніе, старается доказать тождество личности автора манускрипта съ тѣмъ Самуиломъ, о коемъ говорилъ Алхаризи, и доказательства эти, при нѣющихъ пока крайне скудныхъ свѣдѣніяхъ о предметѣ, не лишены убѣдительности.

Книга Маснута имѣетъ только значеніе *древности*, но сама по себѣ,

¹ Въ настоящее время во главѣ союза, центръ котораго, повидимому, находится въ Берлинѣ, стоятъ слѣдующія лица: А. Берлинеръ въ Берлинѣ, баронъ Д. Г. Гинцбургъ и др. А. Я. Гаркави — въ Петербургѣ, І. Деренбургъ въ Парижѣ, С. Х. Гальберштамъ въ Вѣннѣ, М. Ястровъ въ Филадельфіи, М. Эренрейхъ въ Римѣ и Д. Касперъ въ Будапештѣ.

по внутреннему своему содержанию, едва-ли заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это—простой грамматическій, агадическій и правоучительный комментарий къ «Іову», какихъ тысячи въ средневѣковой еврейской литературѣ. Оригинальнаго, исторически-характернаго въ немъ ничего нѣтъ. Нѣкоторое историко-библиографическое значеніе могутъ имѣть только многія приводимыя въ книгѣ цитаты изъ Талмуда и Мидраша, такъ какъ по своей формѣ эти цитаты нрѣдко отличны отъ существующихъ нынѣ соответствующихъ текстовъ, что объясняется значительными измѣненіями, произведенными въ талмудическія текстахъ съ XII вѣка до настоящаго времени (надо вспомнить, что Маснугъ могъ пользоваться только *рукописными* экземплярами Талмуда). Г. Буберъ тщательно отиѣтилъ всѣ подобныя особенности въ цитатахъ и вообще снабдилъ книгу учеными примѣчаніями, библиографическими указаніями, исправилъ ошибки въ текстѣ и даже надѣлилъ его знаками прерыванія, коихъ не было въ рукописи. «Примѣчанія» свидѣтельствуютъ о поразительной еврейской эрудиціи г. Бубера, знающаго наперечетъ чуть-ли не всѣ слова и буквы, всѣ мельчайшія видовызмѣненія текстовъ нашей безбрежной письменности. Но надобно сказать, что большая часть этихъ примѣчаній, кромѣ такого свидѣтельства, ровно ничего въ себѣ не заключаетъ...

Въ заключеніе, не можемъ не высказать сожалѣнія по поводу того, что ученые представители союза «Пробудителей усоншихъ» какъ бы умышленно пренебрегаютъ изданіемъ рѣдкихъ *историческихъ* рукописей, несомнѣнно lyingщихся въ разныхъ книгохранилищахъ, и предпочитаютъ издавать сочиненія *догматическія*, сами по себѣ лишеныя значенія. Въѣдъ одна страница чисто-историческаго содержанія неизмѣримо важнѣе сотенъ страницъ разныхъ богословскихъ толкованій, грамматическихъ разсужденій и тому подобныхъ безразличныхъ вещей. Служило же парижское «Общество для содѣйствія еврейской наукѣ» (Société des études juives) въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ обогатить исторію евреевъ въ западной Европѣ огромнымъ количествомъ архивныхъ матеріаловъ; почему жъ бы не идти по его слѣдамъ и почтенному союзу «Пробудителей»?..

С. М.

Въ книжномъ складѣ при типографіи А. Е. Ландау

(С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская бібліотека. Историко-Литературный сборникъ, Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.

Повѣсти и рассказы. К. Э. Францоza. Цѣна 1 р. 50 к.

Мельпомена. Трагическая исторія К. Э. Францоza. Пер. Петра Вейнберга. Ц. 60 к
Яновъ Тирадо. Историческій романъ Л. Флишпсона. Перев. Петра Вейнберга. Цѣна 1 р. 50 к.

Талмудъ. Соч. бібліотекаря британскаго музея Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.
О книгѣ нагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Ц. 50 к.

Евреи и ихъ ученіе объ инотѣрцахъ. Д. И. Флишфедера. Цѣна 1 р. 50 к.

Мендель Гибборъ. Фейгеле Магидъ. Повѣсти А. Бернштейна. Цѣна 1 р.

Черни прошлаго. Л. О. Леванды. Цѣна 1 р.

Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Записки еврея. Г. И. Богрова на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ V. Цѣна 2 р. 50 коп.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ X. Цѣна 2 р. 50 к.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Д. И. Флишфедера. Ц. 1 р. 25 к.

Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.

Tragikomisches aus dem Leben. H. Schapir. Ц. 75 к.

Сочиненіе О. А. Рабиновича. Т. I, II и III. Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р.

РИЛЬ. Г. В. Гражданское общество. Ц. 2 р.

Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пингуса. Ц. 40 к.

Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Совѣтъ матерямъ. Съ нѣмецкаго перевелъ и дополнилъ зубной врачъ А. Казарновскій. Съ 27-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна 50 к., съ пересылкою 60 к.

Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьей и біографіею. Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.

Выпускъ I. Гете. Ифгенія въ Тавридѣ.

” II. Шекспиръ. Коріолянъ.

” III. Мольеръ. Скупой.

” IV. Данте. Адъ.

” V. Шиллеръ. Пѣснь о колоколѣ. Баллады. Лагеръ Валленштейна.

” VI. Шреданъ. Школа злословія.

” VII. Софокль. Эдипъ-Царь.

” VIII. Байронъ. Мазепа. Шильонскій узникъ и др.

Цѣна каждому выпуску 50 к.

Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платятъ

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за ГРАНИЦЕЮ.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца.	3 ” — ”	4 ” — ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльные Мѣ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., въ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналъ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—10 коп. за строчку петита, въ $\frac{1}{2}$ столбца или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшія въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За переѣзду адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ГОДЪ

1890

Х.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

VIII

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1890.

Digitized by Google

Книга 8-я.—АВГУСТЪ, 1890 г.

I. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ (Продолженіе). С. М. Дубнова.	3
II. ИЗЪ ДНЕВНИКА. Стихотвореніе С. Г. Фруга.	21
III. О ЧЕРТѢ ОСЪДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка (Продолженіе). Русскаго.	54
III. О ЧЕРТѢ ОСЪДЛОСТИ. Гоманъ (продолженіе). В. Ротманна.	24
IV. О ЧЕРТѢ ОСЪДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка (Продолженіе). Русскаго.	54
V. ИЗЪ БЫЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ (Отрывокъ). Стихотвореніе В. Жуковскаго.	79
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Никитина.	93
VII. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Днѣпровскаго.	112
VIII. НА ЗАПАДѢ. Лондонскія силуэты. П. Я. Левенсона.	142
IX. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ. Veritas.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: НАШИ СТАРЫЯ РАНЫ.— כל כתבי ל. א. ג. Полное собраніе сочиненій Л. О. Гордона. Томъ I. Разказы. Изданіе Равницкаго и Горнштейна. Одесса, 1889 г. Критикуса.	14
XII. БИБЛОГРАФІЯ:	
1) תורה: Еврейская нравственно-поучительная и историческая хрестоматія, въ трехъ частяхъ, съ приложеніемъ словаря къ 1-й части. Составилъ Л. Р. Клячко. Варшава, 1890 г. (75+167+48 стр. in 12°).	32
2) תמונות וצללים: Картинки и силуэты изъ жизни евреевъ въ Мазепевкѣ. Сочиненіе Шаломъ-Алехема. Три выпуска. С.-Петербургъ, 1889—90 г. (37+31+22 стр. in 32°).	34

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Августъ.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольшого Театра, 2.

1880.

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНІИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

VII. Второй походъ литовскихъ раввиновъ противъ хасидской секты (1781 г.)¹.

Огласонокъ успѣховъ украинскаго хасидизма въ Литвѣ.—Главарі литовско-бѣлорусскихъ хасидовъ въ десятилѣтіе затишья (1772—1781 г.): Соломонъ Карлинскій, Левъ-Ицхокъ Пинскій, Хайкель Андурскій и Мендель Витебскій.—Оживленіе въ хасидскихъ кружкахъ.—Новый походъ противъ хасидовъ и сигналъ къ борьбѣ.—Роспускъ о поведеніи литовскихъ сектантовъ.—Объявленіе строгаго *херема* противъ хасидовъ въ Вильнѣ въ іюль 1781 г.—Отправка двухъ уполномоченныхъ съ воззваніемъ къ главнымъ окружнымъ раввинамъ Литвы.—Съѣздъ раввиновъ на ярмаркѣ въ Зельвѣ.—Объявленіе вилнскаго херема на ярмаркѣ.—Прокламаціи гродненскихъ, пинскихъ, брестскихъ и слудскихъ раввиновъ.—Значеніе зельвскихъ демонстрацій.—Повтореніе *херема* въ Вильнѣ.—Рѣзкій характеръ гоненій на хасидовъ 1781 г.—Дальнѣйшее развитіе хасидизма и культа цадиковъ.—Три отрасли хасидизма.

Причиной новаго похода противъ хасидовъ было, конечно, самое это оживленіе въ нихъ средѣ, возникшее послѣ продолжительнаго затишья и замѣченное наконецъ раввинами. Ближайшимъ же *поводомъ*, сигналомъ къ выступленію въ походъ, была упомянутая обличительная книга Яковъ-Іосифа. Мы видѣли, какое негодованіе вызвала эта книга въ раввинахъ галиційскихъ, а потому съумѣемъ себѣ представить, какъ сильно должна была она возмутить литовскихъ раввиновъ, эту лейбъ-гвардію талмудическаго іудейства. Въ Вильнѣ, главной квартирѣ этого побѣдоноснаго воинства и резиденціи его верховнаго

¹ См. „Восходъ“, кн. VII.

вождя и кумира—Илии Гаона, рѣзкія нападки книги должны были показаться чѣмъ-то въ родѣ оскорбленія величества. И дѣйствительно, гнѣву и раздраженію литовскихъ ревнителей не было предѣловъ. Къ раздраженію присоединялся невольный страхъ передъ великими завоеваніями хасидизма на югъ и смѣлымъ, вызывающимъ тономъ его представителей. Эти чувства выразились въ одномъ изъ посланій виленскаго раввина къ раввинамъ прочихъ главныхъ общинъ Литвы: «Гласъ книги услышали мы,—говорится между прочимъ въ этомъ посланіи,—и душа наша почувала трубный звукъ войны. Грядетъ и разрастается великая ересь. Жертвы ея не возвратятся назадъ и для раненыхъ ею нѣтъ цѣлительнаго бальзама. Еще мгновение—и разрушены будутъ шатры закона устнаго (Талмуда) и въ хранилѣ закона писаннаго (Св. Писанія), упаси Богъ, померкнетъ свѣтъ»¹.

Въ такихъ выраженіяхъ виленскіе раввины объясняютъ и поводъ, и главный побудительный мотивъ, заставившіе ихъ вновь ополчиться на хасидовъ въ 1781 г. Исторію этого-то новаго, *второго* счетомъ, похода противъ хасидовъ намъ теперь придется разсказать².

¹ Отрывокъ изъ посланія 1781 г., копія съ котораго находится въ рукахъ С. I. Фина въ Вильнѣ. См. примѣч. (Исторія виленской еврейской общины), изд. 1860, стр. 139, примѣчаніе. Кстати замѣтимъ, что почтенный авторъ этой книги дважды повторяетъ одну и ту же ошибку, будто первая гоненія на хасидовъ въ Вильнѣ имѣли мѣсто въ 1778 г. (стр. 138—139). Изъ предидущаго изложенія намъ известно, что начало гоненій относится къ болѣе раннему времени, а именно къ 1772 году, о чемъ свидѣлствуютъ документы въ манускриптѣ *ספר הזוהר* *על* *החידושים*.

² Главнымъ фактическимъ матеріаломъ для исторіи гоненій 1781 г., равно какъ вообще для исторіи борьбы хасидовъ и раввинистами въ описываемый нами періодъ (1780—1798), служатъ неоднократно уже цитированный нами манускрипты *על* *החידושים*. Это—оборникъ подлинныхъ документовъ и актовъ, никогда не напечатанный и имѣющійся лишь въ парѣ рукописныхъ копій. Мы пользовались копіей съ него, находящейся въ замѣчательной еврейской библиотекѣ Д. П. Фридлянда, въ Петербургѣ, и любезно предоставленной въ наше распоряженіе (за что и приносимъ г. Фридлянду, а также заведывающему его библиотекой, оштрафованному библиографу г. С. Винеру, нашу искреннюю благодарность). Эта рукопись, состоящая изъ 40 четвертушекъ обыкновенной печати бумаги (не считая заглавнаго листа и предисловія), содержитъ въ себѣ до трид-

Виленскіе ревизителі начали съ того, что произвели въ подвѣдомственномъ имъ районѣ новый розыскъ о поведеніи сектантовъ. Намъ неизвѣстны подробности этого розыска, а извѣстенъ лишь общій его результатъ. Изъ разспросовъ и свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что хасиды не только унорствуютъ въ

пяти документовъ, относящихся къ исторіи хасидизма въ періодъ 1780—1798 гг. Такимъ образомъ, она является какъ-бы полнымъ продолженіемъ знакомаго уже намъ сборника документовъ отъ 1772 года. И дѣйствительно, на заглавномъ листѣ рукописи значится: „Сія книга есть вторая часть книги *ספר המצות* *ספר מצוות* напечатанной въ 1772 г. по распоряженію всѣхъ раввиновъ Литвы, Руси, Жмуди и Польши“. Авторомъ или, точнѣе, составителемъ книги названъ тутъ же „*Раби Давидъ, проповѣдникъ изъ Макова*“. Это авторство наведо насъ на одно интересное библиографическое открытіе. Дѣло вотъ въ чемъ:

Въ знаменитой Бодлеянѣ (университетской библіотекѣ въ Оксфордѣ) имѣется большой манускриптъ по исторіи хасидизма, подъ заглавіемъ *מזמרת לרבי לוי* принадлежащій перу того же Давида изъ Макова. Библіотекаръ Водделли, А. Нейбауеръ, прислалъ много выдержекъ изъ этого манускрипта извѣстному историку Грецу, который помѣстилъ ихъ, въ качествѣ рѣшевъ justificatives, въ прикѣчаніяхъ къ послѣднему тому своей „Исторіи евреевъ“. И вотъ, внимательно слѣднувъ эти выдержки съ имѣющимися въ нашихъ рукахъ документами, мы убѣдились, что всѣ онѣ безъ исключенія совершенно тождественны съ соответственными мѣстами въ рукописи *רמב"ם ספר מצוות*, которой мы пользовались. Послѣ тщательныхъ сравненій и роисковъ, мы пришли къ заключенію, что означенная двѣ рукописи представляютъ собою одно и то же сочиненіе, только подъ двумя разными заглавіями. Весьма возможно, однако, что бодлеянскій экземпляръ полнѣе нашего, такъ какъ въ концѣ послѣдняго имѣется помѣтка переносчика, что *конецъ рукописи утерянъ*. Къ счастью, имѣется необходимое къ этому манускрипту дополненіе въ нѣсколькихъ важныхъ документахъ, случайно попавшихъ въ *Апологию Цвайфеля* *ביתר* *ביתר* (т. 2-я, стр. 87—82) и взятыхъ, повидному, изъ вѣдомой части сборника.

Сборникъ документовъ Давида изъ Макова составленъ, повидному, въ 1798 или 1799 г. О бодлеянскомъ его двойникѣ извѣстно, что онъ написанъ р. Давидомъ въ годъ его смерти, въ 1792 г., а затѣмъ скопированъ (и, очевидно, значительно дополненъ новыми документами, вплоть до 1798 г.) его внукомъ Саббатаемъ изъ Макова (см. *Graetz*, XI, *Notes*, 594). Ср. также показаніе о *מ"ו מצוות* въ Библиографическомъ Лексиконѣ Бенякова, стр. 161; у Бенякова въ рукахъ была, повидному, экземпляръ сборника менѣе полный, чѣмъ нашъ. Ср. *מ"ו מצוות* *С. I. Фина*, стр. 139, прим. На списокъ, конемъ мы пользовались, значится: *Межиричъ*. Въ этой резиденціи стараго хасидизма означенная копія, повидному, была сдѣлана. Для удобства справокъ мы раздѣляли весь сборникъ документовъ, по содержанію, на тридцать номеровъ, и будемъ цитировать по этому номерному порядку.

прежней своей ереси, но что они къ ней прибавили еще новую—вѣру въ цадиковъ, какъ въ людей, близкихъ къ Богу и способныхъ творить чудеса. «Они (хасиды) вѣрують, — говорится въ одномъ раввинскомъ посланіи, — что ихъ учителя знаютъ всѣ ихъ замыслы и даже приравнивають своихъ праведниковъ въ этомъ отношеніи къ Богу. А вѣдь это (понятіе о богочеловѣкѣ) напоминаетъ мнѣнія древнихъ еретиковъ и Ейшу Ганопри»¹...

Усмотрѣвъ, такимъ образомъ, въ культѣ цадиковъ чуть-ли не прямое посягательство на первоначальный отличительный догматъ іудаизма, раввины-ревнители, въ силу пословицы «у страха глаза велики», сдѣлали изъ мухи слона и навязали скромнымъ представителямъ литовскихъ хасидовъ такія разрушительныя намѣренія, какихъ даже ихъ болѣе смѣлые коллеги, украинскіе цадикъ, не имѣли. Мы уже видѣли, что литовскіе и бѣлорусскіе главари хасидовъ отличались вообще (за исключеніемъ, можетъ быть, лишь Хайкеля Амдурскаго) умѣренностью и сдержанностью, не приманивали толпу чудодѣйственными фокусами, не стремились, подобно польско-украинскимъ цадикамъ, къ матеріальному господству надъ массою, а имѣли въ виду лишь распространеніе «спасительныхъ» истинъ хасидскихъ и духовное руководство своими послѣдователями; но они были солидарны съ сектантами-южанамъ въ общемъ исповѣданіи хасидскихъ догматовъ—и этого было достаточно для подозрительныхъ виленскихъ ревнителей. Напуганное грозными успѣхами хасидизма въ другихъ краяхъ, его рѣзкою антиталмудическою проповѣдью и дерзкими претензіями цадиковъ, противопоставившихъ себя раввинскому сословію, литовское духовенство естественно могло опасаться такихъ же роковыхъ послѣдствій и у себя дома. Сверхъ того, виленскіе раввины были раздражены тѣмъ, что всѣ отлученія надъ сектантами, объявленныя ими съ такимъ трескомъ въ 1772 г., пропали даромъ и не пріостановили «еретической» пропаганды въ Литвѣ. Это уже было явное «сопротивленіе властямъ», прямое нарушеніе тогда еще общепризнанной святости «херема». Вотъ почему виленское духовен-

¹ Уилъ ду Густ, докум. подъ № 26.

ство и кагалъ, съ одобренія Илии Гаона, рѣшили прибѣгнуть на сей разъ къ мѣрамъ болѣе крутымъ, чѣмъ въ 1772 г.

Въ субботній день, 20-го Ава (въ июль) 1781 г., въ большой виленской синагогѣ, въ присутствіи главнаго раввина, гаона и всего духовенства, а также во всѣхъ прочихъ синагогахъ и молельняхъ города, объявленъ былъ слѣдующій «актъ отлученія»¹.

«Внемли, все священное собраніе! Правители, сановники и именитые люди нашей общины вкупѣ съ верховнымъ раввиномъ, благочестивымъ гаономъ и учителями закона симъ объявляютъ:

«Всѣмъ извѣстенъ великій *херемъ*, съ большою торжественностью провозглашенный въ синагогахъ нашего города въ 1772 г. надъ извѣстными людьми, именующими себя *хасидами*, дерзнувшими измѣнить порядокъ молитвъ и устроить себѣ особыя собранія. Означеннымъ явтомъ воспрещено было имѣть съ ними какія бы то ни было сношенія. Этотъ актъ отлученія распространенъ былъ почти во всей Польшѣ, Руси, Литвѣ и Жмуди. Нынѣ же, въ наказаніе за великіе грѣхи наши, опять поднялась и распространилась та же зараза (т. е. хасидская ересь) во всѣхъ мѣстахъ разсѣянія Ивранія, какъ въ нашихъ краяхъ, такъ и въ большей еще степени въ землѣ украинской, гдѣ находятся многіе десятки тысячъ скверныхъ людей (хасидовъ)². Такимъ образомъ они (хасиды) не только нарушили святость *херема*, но еще стали пуще совращать въ свое лжеученіе чистыя души, прельщать людей и увлекать ихъ къ отступничеству до того, что многіе покинули своихъ женъ, дѣтей и имущество и пошли за этими совратителями...

«Поэтому возстали правители города сего вмѣстѣ съ названными духовными сановниками и вступились на войну за поддержаніе нашей святой Торы и ради искорененія плевалъ изъ

¹ Тамъ же, докум. № 27. Дата тутъ показана синагогальная (מ'ררל ארז 'ב ר"ח), но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что это было 20-го Ава. Ср. Лексиконъ Бенжамина, стр. 161, № 226.

² Эти подчеркнутыя слова, недостающія въ нашей рукописи, мы дополнили по выдержкѣ изъ Водзванскаго сваска, вводимыя у Graetz'a, XI, Netan, 606.

вертограда Израилева. Они теперь возобновляютъ вышеупомянутый актъ отлученія и вновь даютъ ему силу повсюду, гдѣ только существуютъ сборища этихъ людей (сектантовъ) и другихъ, подражающихъ ихъ обрядамъ. Настоящее отлученіе распространяется и на книжныхъ людей («софримъ»), и вообще на всѣхъ тѣхъ, которые поддерживаютъ сектантовъ, даютъ имъ совѣты и укрываютъ ихъ дѣянія; подавно же—на тѣхъ, которые вѣруютъ въ ихъ ученіе. Сверхъ того представители кагала и духовенства, во избѣжаніе нарушенія херема, постановили слѣдующее: чтобы всякій отталкивалъ отъ себя сектантовъ обѣими руками, какъ людей отлученныхъ, отверженныхъ и оторванныхъ отъ всего общества израильскаго, и чтобы съ ними никто отнюдь не сообщался и не говорилъ. Тѣ же изъ нашей общины, которые принадлежатъ къ названной сектѣ, обязаны, подъ угрозою великаго отлученія, выселиться изъ нашего города вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. И никто не въ правѣ отдавать имъ въ наемъ квартиры, какъ въ нашемъ городѣ, такъ и въ мѣстностяхъ намъ подвѣдомственныхъ. Того, кто нарушитъ сіе, постигнетъ наше отлученіе со всѣми проклятіями, съ нимъ связанными; послушнымъ же будетъ благо вѣвѣи».

Эта короткая, но энергическая прокламація виленскихъ раввиновъ и кагальниковъ показываетъ, что хасидамъ рѣшено было объявить войну не на животь, а на смерть. Къ сектантамъ рѣшили примѣнить высшую мѣру наказанія, какая только была во власти кагально-духовной администраціи—изгнаніе изъ города. Можно себѣ представить, какимъ великимъ несчастіемъ это было для хасидовъ! Послѣдствія приведеннаго акта должны были быть ужасны. Но виленская администрація не ограничилась этимъ актомъ: релігіозное рвеніе побудило ее заботиться о томъ, чтобы распространить дѣйствіе своихъ репрессалій на всю Литву. Для этой цѣли она отрядила двухъ уполномоченныхъ раввиновъ, Давида и Иосуа-Зелига, съ порученіемъ явиться къ представителямъ прочихъ главныхъ общинъ Литвы и побудить ихъ соединиться, устроить общее совѣщаніе и дружно ополчиться противъ хасидовъ, по примѣру виленской общины. Уполномоченнымъ вручено было широкообъщательное посланіе, въ которомъ между прочимъ указано было на вредоносную книгу

Яковъ-Иосифа, какъ на признакъ великой опасности, грозящей Талмуду и чуть-ли не всей вѣрѣ израильской отъ завоеваній хасидима¹. Подъ посланіемъ подписались виленскій главный раввинъ Самуилъ, Илія Гаонъ и прочіе раввины и представители кагала. Посламъ дано было полномочіе дѣйствовать отъ имени виленскаго раввина такъ на общихъ совѣщаніяхъ, такъ и въ случаѣ принятія раввинскимъ соборомъ какихъ либо рѣшеній.

Дѣло это было въ началѣ августа 1781 г. Моментъ былъ весьма удобный для цѣлей виленскихъ ревнителей вѣры. Ежегодно въ августѣ происходила большая ярмарка въ м. Зельвѣ, Гродненской губерніи. На эту ярмарку, привлекавшую множество народу изъ разныхъ концовъ Литвы, съѣзжались нерѣдко также раввины главныхъ общинъ литовскихъ. Когда-то, во время существованія официальныхъ раввинскихъ съѣздовъ (до 1764 г.), тутъ рѣшались важнѣйшія тяжбы между евреями, производилась раскладка налоговъ на весь округъ и вообще дѣлались распоряженія по части общественнаго самоуправленія². По упраздненіи же означенныхъ съѣздовъ, раввины собирались здѣсь во время ярмарки преимущественно для дѣлъ духовныхъ, для рѣшенія важнѣйшихъ религіозныхъ споровъ. Виленскимъ уполномоченнымъ это было какъ разъ на руку, ибо они могли застать въ Зельвѣ уже готовый съѣздъ, который оставалось только склонить къ общему совѣщанію по дѣлу о хасидской пронагандѣ. Съ этимъ намѣреніемъ послы и отправились въ Зельву. Здѣсь они дѣйствительно нашли раввиновъ главнѣйшихъ литовскихъ общинъ—Гродно, Бреста, Пинска и Слуцка, въ полномъ составѣ. Они показали имъ виленскую прокламацію и свои письменныя полномочія. Раввины тотчасъ откликнулись на призывъ виленскихъ властей и въ особенности великаго, всѣми боготворимаго гаона; они изъявили готовность послѣдовать примѣру виленской общины и предать хасидовъ отлученію; но рѣшеніе это было принято не всеми раввинами со-

¹ См. פתח חיים, стр. 139. Огрывокъ касательно книги приведенъ уже выше. Ср. также ליקוט עץ חיים, ч. II, стр. 41, въ текстѣ херека г. Пинска.

² См. פתח חיים (Исторія брестской евр. общины), стр. 114, и вышѣ, гл. I.

обща, а каждою раввинскою коллегіей и для каждого округа въ отдѣльности. Общій соборъ или совѣщаніе о мѣрахъ искорененія хасидской секты почему-то не удалось устроить. Случае раввины въ своей прокламаціи объясняютъ это тѣмъ, что вслѣдствіе «ярмарочныхъ заботъ, отвлекающихъ каждого къ личнымъ интересамъ», невозможно устроить общія совѣщанія, какъ то было бы желательнo ¹; но, вѣроятно, были и болѣе серьезныя къ тому препятствія. Какъ бы то ни было, однако, агитація уполномоченныхъ все-таки не пропала даромъ. Они воодушевили раввиновъ четырехъ большихъ окружныхъ общинъ и побудили ихъ дѣйствовать противъ хасидовъ, если не отъ имени общаго собора, то отъ имени каждого окружнаго раввина въ отдѣльности. Большинство этихъ раввиновъ, впрочемъ, и не нуждалось въ подстрекательствѣ ивнѣ. Они сами давно уже были озлоблены противъ сектантовъ, которые и въ ихъ округахъ множились, распространяли свое ученіе и смущали ихъ паству. Теперь же, въ виду возвыщенной делегатами великой опасности, грозившей еврейству отъ дальнѣйшихъ успѣховъ секты, они воспылали священнымъ рвеніемъ и рѣшились присоединиться къ виленскимъ ревнителямъ въ общей борьбѣ за вѣру.

Прежде всего окружные раввины, по настоянію виленскихъ делегатовъ, распорядились обнародовать вышеприведенный текстъ виленскаго херема предъ многотысячнымъ ярмарочнымъ людомъ, собравшимся въ Зельвѣ. Въ первый день Элула (середина августа, приблизительно) 1781 г., на ярмарочной площади въ Зельвѣ, передъ лавками, въ присутствіи раввиновъ и громадной толпы народа, прочтенъ былъ актъ отлученія, объявленный въ Вильнѣ, и подтверждено было строго, чтобы никто не имѣлъ никакихъ сношеній съ сектантами, не давалъ имъ жилища и даже ночлега, не рождался съ ними и вообще чтобы ихъ считали какъ бы иноверцами ².

Въ тотъ же день, *средискиій* окружной раввинатъ, находившійся въ полемѣ составѣ въ Зельвѣ, обнародовалъ и разо-
слалъ ко всѣмъ подвѣдомственнымъ ему еврейскимъ общинамъ

¹ וְאֵלֶּיךָ לְעוֹלָם, II, стр. 40.

² וְלֹא־תִשְׁכַּח בְּבָרְכִים וְנִזְרִים, док. № 27, въ концѣ: וְלֹא־תִשְׁכַּח בְּבָרְכִים וְנִזְרִים.

слѣдующую прокламацію, публичавшую, что дѣйствіе виленскихъ постановленій противъ сектантовъ распространяется и на весь гродненскій округъ. Вотъ текстъ прокламаціи:

«Своими очами видѣли мы превосходное посланіе отъ правителей, вельможъ и славныхъ мужей города Вильны, во главѣ коихъ стоятъ ихъ старшій раввинъ и знаменитый благочестивый гаонъ Илія. Посланіе это говоритъ о сектѣ хасидовъ, да сотрется имя ея, объ этой поворной сектѣ, члены которой недавно вновь воссоединились, стали устраивать союзы и собранія, именуютъ себя благочестивцами, ставятъ ни во что людей именитыхъ и возбуждаютъ противъ себя дѣяніями своими всѣхъ мудрецовъ и ученыхъ. Они осмѣливаются измѣнить принятый у насъ порядокъ молитвъ ашкеназійскаго толка, вводя вмѣсто него толкъ сефардійскій; вербуютъ себѣ людей, далекихъ отъ любви къ Богу и отъ богобоязненности, бездѣльниковъ, поступающихъ какъ грѣшники и, не смотря на это, мнящихъ себя праведниками. Земля дрожитъ отъ криковъ ихъ (во время молитвы). Это—красивые сосуды, наполненные золою, ибо содержимое ихъ вовсе не похоже на ихъ вѣшность. Въ означенномъ городѣ (въ Вильнѣ) издавна находится горькій и ядовитый корень сей секты, которая со дня на день все увеличивается, между тѣмъ какъ святое ученіе и законы вѣры все болѣе въ забвеніе приходятъ. Въ виду этого, тамъ препоясались на борьбу, дабы защитить разрушаемую твердыню, устранить камень преткновенія и пріостановить распространеніе заразы, губельной для всего Израиля. Всѣ свѣтила нашего общества рѣшили прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и извергнуть изъ еврейства названную секту, и потому постановили,—подъ угрозой великаго отлученія Іисуса Навина, отлученія, изложеннаго въ требникѣ Колбо, и всѣхъ отлученій, изверженій и проклятій, приводимыхъ въ Св. Писаніи, которыя да падутъ на главу ихъ (сектантовъ) и тѣхъ, кто нашимъ приказаніямъ не будетъ послушенъ,—слѣдующее: что *строю запрещается всякому имѣть общеніе съ хасидами, поддерживать ихъ, пѣдить изъ нашихъ мѣстъ въ мѣста ихъ осплосты, съ цѣлью пристать къ нимъ; воспрещается стоять съ хасидами рядомъ на разстояніи ближе четырехъ локтей, а подавно не дозволяется лизезрѣть*

мечетница первосвященника изъ сообщества, который служитъ не Богу, а золотому идолу, къ которому взываетъ, говоря: «вотъ Богъ твой, Израиль!»

«Несомнѣнно хорошо сдѣлали духовныя власти наши, каждый шагъ, конхъ сообразуется съ справедливыми велѣніями нашего священнаго закона... что подвергли проклятію и отверженію всякаго, кто будетъ отступать отъ принятаго порядка молитвъ, или будетъ служить Богу по манерѣ сектантовъ, съ возбужденіемъ плоти и рукоплесканіями, подобно служителямъ Ваала и идолопоклонникамъ. Черезъ праведныхъ Богъ совершилъ свой справедливый судъ, ибо праведны они (раввины-судьи) и правдивы ихъ свидѣтельства, изложенныя въ воззваніи, трубнымъ гласомъ призывающаго и горестно вопіющаго: «Увы! Что учинилось въ вѣкъ нашъ! Смотри, Израиль, что происходитъ въ средѣ твоей!»

«Подражая примѣру сихъ мудрецовъ (виленскихъ), мы нижеподписавшіеся рѣшили постановить то же самое и относительно нашего округа и его мѣстъ, близкихъ и далекихъ. Мы утверждаемъ и объявляемъ для всѣхъ жителей нашихъ мѣстъ обязательнымъ дѣйствіе акта, громогласно возвѣщеннаго здѣсь (въ Зельвѣ) въ присутствіи всего священнаго собранія и именитыхъ людей, предводимыхъ своимъ царемъ—окружнымъ раввиномъ, властвующимъ надо всѣми городами израильскими¹. Этотъ предводитель нашъ повелѣлъ вострубить въ великую трубу и предать всеобщей гласности о силѣ своего постановленія, которая распространяется на всѣ еврейскія селенія его округа и ему подвѣдомственныя, а именно: что *никому изъ нашей общины не дозволяется жать въ мѣста, гдѣ находится секта проклятыхъ и презрѣнныхъ хасидовъ, да сотретъ имя ихъ, съ цѣлью пристать къ нечистымъ; особливо же воспрещается отступить отъ сею въ городъ Амдуръ², о чемъ мы уже сдѣлали распоряженіе. Въ текстѣ молитвъ запрещает-*

¹ Этотъ громкій титулъ приданъ здѣсь гродненскому окружаюму раввину, въ вѣдомствѣ коего находилась и Зельва, откуда послана прокламація.

² Въ Амдурѣ, какъ упомянуто выше, жилъ въ то время извѣстный падикъ *Хайкель*, особенно ненавидимый раввинами, и существовалъ центральный хасидскій дружокъ.

ся что либо измѣнять противъ толка нашихъ предковъ ашкеназовъ. Нарушитель же сего постановленія подвергается, сверхъ пены, которыя мы можемъ на него наложить, всѣмъ проклятіямъ и отлученіямъ, опредѣленнымъ въ херемѣ; онъ извергается изъ общества, изъ обоихъ міровъ, земного и небеснаго, и да не будетъ ему имени и остатка среди общества Божьяго.

«Полная копія съ сего постановленія и всѣ прочія подробности его записаны и точно засвидѣтельствованы въ памятной книгѣ, что въ большомъ Пинковѣ» (города Гродно?). Далѣе слѣдуютъ подписи главнаго раввина гродненскаго округа, Элизера и двѣнадцати другихъ раввиновъ того же округа, находившихся на зельвской ярмаркѣ ¹.

Примѣру гродненскихъ раввиновъ послѣдовалъ, спустя два дня, и *пникскій* раввинатъ. 3-го Элула, семь раввиновъ пинскаго округа, находившихся тогда въ Зельвѣ, подписали циркулярное письмо, въ которомъ, извѣщая о полученномъ ими изъ Вильны, черезъ уполномоченныхъ, воззваніи, объявляютъ, что и они съ своей стороны вполнѣ присоединяются къ дѣйствіямъ «ревнителѣ имени Божія» и готовы въ своемъ округѣ преслѣдовать всякаго, кто нарушитъ обнародованный въ Вильнѣ и торжественно повторенный на ярмаркѣ въ Зельвѣ актъ отлученія противъ хасидовъ ².

Изъ *брестскихъ* раввиновъ на зельвской ярмаркѣ былъ на лицо главный окружной раввинъ Брестъ-Литовска, извѣстный *Абраамъ Каценеленбогенъ*, испытанный ревнитель противъ хасидовъ, участвовавшій еще въ первомъ противъ нихъ походѣ 1772 г. ³. Его циркулярное посланіе изъ Зельвы, отъ 20-го Элула, написано въ энергическихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ; въ немъ сказывается тревога истаго раввина-охранителя, потомка славныхъ и ученыхъ предковъ ⁴, обреченнаго на старости лѣтъ быть свидѣтелемъ опаснаго, какъ тогда казалось, посяга-

¹ Приведено изъ рукописей въ книгѣ *למח' ב' ע' ע"ב*, ч. II, стр. 88. Число годъ документомъ точно обозначено: *ה'תקפ"ג*.

² Тамъ же, стр. 41—42.

³ См. выше, гл. III.

⁴ *Абраамъ Каценеленбогенъ* былъ потомокъ польскаго „царя на часъ“ *Саула* Вала, потомство котораго наследственно равниствовало въ Брестѣ.

тельства на тысячелѣтнюю твердыню талмудизма... Посланіе начинается слѣдующими патетическими словами:

«Внемлите вы, горы (т. е. высшіе мужи еврейства), суду Господню, и вы, первозданныя основы земли, возвратите и ивумитесь! Есть-ли горе, равное горю сего времени, причиненному темными и безчестными людьми изъ секты хасидовъ, да сотрется имя ихъ! Желаящій измѣнить—измѣняетъ, желаящій разорить—разоряетъ, и чѣмъ больше кто разрушаетъ твердыню вѣры, тѣмъ больше его превозносятъ. Увы, скверное время настало, время бурное, время великаго волненія и великаго пожара! Въ домѣ Израилевомъ видимъ мы безобразіе — и никто не принимаетъ этого къ сердцу! Заразительная проказа охватила жилища Израилевы. Ибо возсталъ многочисленная шайка людей злыхъ и грѣшныхъ, измѣнила Богу и Его святому ученію. Это разношерстное скопище, именуемое сектою хасидовъ — да сотрется имя ихъ и да погибнетъ ихъ душа вмѣстѣ съ тѣломъ!— выдѣлилось ко злу изъ всего народа и склонилось къ ереси проклятаго Саббатая Цevi и прочему эпикурейству. Люди эти упрадали слово закона Божія и омрачили блескъ мудрости. А между тѣмъ никто не замѣчаетъ, что они злое умышляютъ. Отъ этого должно содрогнуться сердце всякаго человѣка и весь народъ нашъ долженъ оплакивать такое богохульство и поруганіе»...

Взгльдъ за тѣмъ авторъ посланія дѣлаетъ нѣкоторое отступленіе и рассказываетъ, какъ онъ въ Варшавѣ имѣлъ религіозный диспутъ съ однимъ изъ главныхъ вождей хасидской секты, обличилъ его и публично осрамилъ¹. Далѣе, брестскій раввинъ выражаетъ свое одобреніе поступкамъ виленскихъ и гродненскихъ своихъ коллегъ, выступившихъ со строгими мѣрами противъ безчинствъ секты; но при этомъ укоризненно указываетъ на то, что въ прокламаціяхъ этихъ ревнителей вовсе нѣтъ запрещенія хасидамъ рѣзать скотъ по новому способу (отточенными ножами), противному всѣмъ традиціямъ талмудическимъ и равносильному употребленію въ пищу падали, т. е. одному

¹ Имя представителя хасидовъ не названо, но тутъ очевидно идетъ рѣчь объ упомянутомъ нами выше диспутѣ съ Леви-Ицхокомъ Пивенскімъ.

изъ величайшихъ преступленій по раввинскимъ понятіямъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ слѣдующемъ херемѣ исправить это упущеніе.

«Съ своей же стороны, — продолжаетъ брестскій раввинъ, — я съ величайшей охотою и съ большимъ еще рвеніемъ присоединяюсь къ заявленіямъ означенныхъ (виленскихъ и гродненскихъ) раввиновъ и подтверждаю всё отлученія, отверженія и проклятія, направленные ими противъ губительной секты и противъ лицъ, которыя преступаютъ законы и велѣнія, заѣщанные намъ мудрецами-талмудистами, какъ и сказано въ упомянутомъ посланіи. Я даже дѣлаю больше чѣмъ тамъ написано, и предаю отлученію всякаго, кто будетъ употреблять мясо скота, рѣзаннаго по ихъ (хасидовъ) способу, или будетъ пользоваться сосудами, каменными, деревянными или глиняными, и прочею утварью сихъ грѣшныхъ душою людей, особенно же того, кто будетъ рѣзать скоть ихъ ножами.

«Пусть же всякій, имѣющій страхъ Божій въ сердцѣ, препоишетъ какъ герой чреда свои, пусть вооружится всевозможными орудіями брани и острыми стрѣлами, отравленными ядомъ херема, и пусть нанадеетъ на сихъ нечестивцевъ и *преслѣдуетъ ихъ доколь рука еврейская достигнетъ*. Херемомъ Іисуса Навина обяываемъ каждую общину, каждую мѣстность, куда только доходить слово Царя міра и закона Его, и гдѣ скопились тѣ *безчестные и дурные люди, — ученики Бешта, губителя Израиля, да соотрется имя его,* — и составили злодѣйскій союзъ съ цѣлью молиться въ особыхъ собраніяхъ по своему дурному обряду, — обяываемъ такія общины и даемъ имъ право отъ лица всѣхъ насъ, вождей стада Божія, *соединиться и ополчиться на нихъ (сѣктантовъ), отлучить ихъ и губить, истребить корень ихъ, ильснить ихъ лично и имуществомъ, презирать и шуматъ на ихъ, какъ нечестныхъ теарей*. Давно заповѣдалъ намъ Моисей, рабъ Божій, искоренять идоловъ, сожигать ихъ и разсѣять ихъ пепелъ по вѣтру. Будемте же усердствовать за Бога и его святое ученіе, дабы они (хасиды) не портили больше и не губили въ народѣ Божіемъ. А за это мы удостоимся вскорѣ узрѣть гордость и красу нашу — Мессію праведнаго. Нечестивая власть исчезнетъ съ лица земли, не будетъ и остатка отъ сихъ злодѣевъ, дѣтей

мерзости, терній колючихъ, и весь міръ утвердится въ царствѣ Бога нашего»¹.

Послѣднимъ выступилъ въ походъ раввинатъ пятой крупной общины Литвы—*Слуцка*, семеро представителей котораго находились во время ярмарки въ Зельвѣ. Въ своемъ широковѣщательномъ окружномъ посланіи слуцкіе раввины повторяютъ многое изъ того, что сказано было въ воззваніяхъ ихъ предшественниковъ; но и въ этомъ посланіи встрѣчаются нѣкоторыя особенности, интересныя въ историческомъ отношеніи. Слуцкіе раввины начинаютъ съ жалобъ на небывалый разладъ въ еврействѣ, вызванный появленіемъ хасидской секты: «Цвѣтущимъ виноградникомъ было еврейство до появленія ихъ (хасидовъ), а послѣ нихъ только полынь горькая въ немъ произрастаетъ». Прощѣтывшая талмудическая наука, имѣвшая столько преданныхъ сыновей, нынѣ осиротѣла и облекается въ рубище, и оплакиваетъ свои потери. Въмѣсто прежнихъ ученыхъ руководителей, хасиды признаютъ надъ собою власть людей темныхъ, ограниченныхъ, «колдующихъ и чудодѣйствующихъ». Къ своимъ падишамъ они путешествуютъ въ далекіе края, ихъ почитаютъ и щедро одаряютъ, покидая истинныхъ наставниковъ, имѣющихся у нихъ подъ бокомъ.

Въ виду великой опасности, грозящей еврейству отъ этихъ новшествъ, слѣдовало бы, по мнѣнію слуцкихъ раввиновъ, созвать большой соборъ и обсудить на немъ вопросъ о способахъ окончательнаго искорененія вредной ереси, именуемой хасидизмомъ. Къ приверженцамъ этого ученія слѣдовало бы примѣнить во всей строгости библейскій законъ о прокаженныхъ—т. е. изгнать ихъ изъ стана израильскаго. Но въ виду «заботъ времени» и безпокойной ярмарочной жизни, гдѣ люди поглощены своими личными интересами, теперь неудобно организовать полный соборъ. Къ счастью, начало борьбѣ противъ сектантовъ уже положено виленскими раввинами, къ коимъ присоединились и раввины гродненскаго округа, и на ярмаркѣ уже торжественно провозглашенъ былъ херемъ противъ хасидовъ, а потому остается пока только присоединиться къ этимъ благимъ начинаніямъ.

¹ Тамъ же, стр. 38—39.

Служкие равнины съ своей стороны выражаютъ готовность содѣйствовать преслѣдованію хасидовъ и въ своемъ округѣ всевозможными способами. Они также возбраняютъ всякому обывателю, признающему ихъ духовную власть, имѣть сношенія съ хасидами, вступать съ ними въ родство, ѣсть ихъ пищу, въ особенности же мясо ихъ убой, и, наконецъ, посѣщать мѣота, гдѣ находятся центры секты и ея жезучители. Ослушникамъ равнины грозятъ карою великаго отлученія отъ израильскаго общества¹.

Зельскія демонстраціи должны были имѣть немалое вліяніе на судьбу хасидовъ. Съ одной стороны, громогласно объявленный на ярмарочной площади херемъ возвѣщалъ народу, собравшемуся на торжище со всѣхъ концовъ страны, о мѣрахъ преслѣдованія хасидовъ и усердно распространялся этимъ народомъ, по развѣздѣ съ ярмарки, по всѣмъ городамъ и весямъ Литвы и сопредѣльныхъ съ нею областей. Съ другой же стороны—энергическія прокламаціи и посланія окружныхъ раввиновъ призывали народъ на брань противъ еретической секты, вмѣняли всѣмъ обывателямъ въ строгую обязанность, нарушеніе коей наказуемо проклятіемъ, всячески гнать и преслѣдовать хасидовъ, угнетать ихъ «лично и имуществомъ», травить и обижать «доколѣ рука еврейская достигаетъ» и т. д. Вся страна, такимъ образомъ, всѣ общества, гдѣ существовала и имѣла силу раввинская власть, поставлены были на военную ногу; всѣ включены были въ великую рать ревнителей за вѣру. Для пушлага эффекта, верховные равнины распорядились, чтобы іюльскій херемъ (20-го Ава) былъ повторенъ въ Вильнѣ, при болѣе торжественной обстановкѣ, «при трубныхъ звукахъ и гашеніи свѣчъ». Это произошло также въ августѣ 1781 г., во время зельскихъ демонстрацій. Въ новый актъ отлученія включены были всѣ дополнителныя мѣры строгости, ре-

¹ Тамъ же, стр. 39—41. Дати подъ посланіемъ нѣтъ, но сказано: „во время большой ярмарки въ Зельѣ“. Очевидно, оно было написано въ томъ же Элулѣ, послѣ прокламаціи брестскаго раввина (судя по тому, что въ немъ говорится о запрещеніи хасидскаго способа убой скота, впервые рекомендованномъ брестскимъ раввиномъ).

комендованныя раввинами, бывшими въ Зельвѣ¹. Раввинизмъ выступилъ во всеоружіи и, кажется, вѣрилъ въ побѣду.

Вдумываясь въ характеръ новыхъ гоненій, водвигнутыхъ въ Литвѣ на хасидовъ въ 1781 г., мы находимъ, что они значительно отличаются отъ первыхъ гоненій—1772 года, и что различіе это тѣсно связано съ успѣхами хасидизма за промежутокъ времени между названными двумя сроками. Мы видимъ, что преслѣдованія 1781 г. гораздо рѣзче и рѣшительнѣе, чѣмъ преслѣдованія 1772 г. Когда впервые накрыли тайный хасидскій кружокъ въ Вильнѣ и такіе же кружки въ другихъ городахъ Литвы, раввины еще не знали достаточно стремленій новой секты, лишь смутно догадывались о нихъ и во всякомъ случаѣ считали новыя мистическія общества чѣмъ-то временнымъ, капризомъ эпохи или отрыжкой стараго саббатіанства. Въ виду этого они ограничились наказаніемъ коноводовъ тайнаго общества и запрещеніями устраивать особыя молельни, молиться по новому толку и измѣнять обряды. Они преслѣдовали главнымъ образомъ *хасидизмъ*; самихъ же *хасидовъ* считали лишь заблудшими овцами и думали своими строгостями вернуть ихъ къ стаду израильскому. Положеніе вещей перемѣнилось спустя десять лѣтъ. Хасиды въ южныхъ и западныхъ областяхъ, подъ предводительствомъ многочисленныхъ вождей своихъ — цадиковъ, забирали верхъ надъ противниками и во многихъ мѣстахъ торжествовали; хасидская литература приняла рѣвкій обличительный тонъ; въ Литвѣ и Бѣлоруссіи хасиды были смиреннѣе, но все-таки упорствовали въ своей ереси и не переставали размножаться. Надежда на возвращеніе заблудшихъ овецъ пропала. Самому раввинизму грозила опасность отъ наступательнаго хода хасидизма, вожди котораго громко оспаривали у раввиновъ власть надъ массою. Нужно было подумать не столько о спасеніи душъ, уже безвозвратно погибшихъ для правовѣрія, сколько о собственной защитѣ. Оскорбленное самолюбіе призывало къ мести; страхъ и опасенія

¹ "пу глос", док. № 27, въ концѣ. Второй виленскій херемъ объявленъ былъ въ Вильнѣ въ понедѣльникъ, 13-го Элула, т. е. въ то время, какъ раввины еще засѣдали въ Зельвѣ, послѣ прокламацій гродненскаго и пинскаго раввиновъ. На этотъ второй херемъ, повидимому, намекаетъ упомянутая случкая прокламація въ указ. мѣстѣ, стр. 40.

за будущее заставляли, ради самообороны, прибѣгать къ жестокимъ, драконовскимъ мѣрамъ преслѣдованія, какія только были во власти кагаловъ. Всѣ средства хороши, лишь бы избавиться отъ врага книжнаго «ученія» и противника раввинскаго авторитета, на этомъ ученіи основаннаго. И вотъ раввины снова нападаютъ на хасидовъ, нападаютъ ожесточенно, какъ на враговъ. Они уже не пытаются возвращать сектантовъ «на путь истины»: напротивъ, они дѣлаютъ съ своей стороны все, чтобы *оттолкнуть ихъ отъ общества*. Они насильственно отрываютъ ихъ отъ прежней среды и изгоняютъ изъ стана израильскаго, какъ библейскихъ прокаженныхъ. Преслѣдованія противъ хасидовъ отличаются характеромъ мести и ожесточенности. Хасидовъ приравниваютъ къ «совершеннымъ иновѣрцамъ»; съ ними не ѣдятъ, не роднятся, ихъ покойниковъ не хоронятъ, съ ними поступаютъ даже хуже, чѣмъ съ иновѣрцами: имъ и семействамъ ихъ не отдаютъ жилищъ въ наемъ, не даютъ даже ночлега; съ ними вовсе не имѣютъ никакихъ сношеній. Что же еще нужно было, чтобы сдѣлать людямъ жизнь невыносимою?..

А между тѣмъ, восторжествовалъ-ли раввинизмъ, благодаря своимъ мѣрамъ жестокости противъ сектантовъ, удалось-ли ему приостановить ростъ секты? Дальнѣйшая исторія хасидизма отвѣтитъ: *нѣтъ*. Конечно, опасенія раввиновъ оказались преувеличенными: устой талмудизма не были окончательно распатаны новымъ ученіемъ, и раввинской наукѣ придется еще долго послѣ того благоденствовать, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, пока она не встрѣтится съ врагомъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ мистическій хасидизмъ—съ новымъ проsvѣщеніемъ, которое современемъ объявитъ войну обоимъ противникамъ—и раввинизму, и хасидизму. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ великой раввинской державы все-таки оторвана была обширная территорія, оторвана блестящими завоеваніями хасидской секты, и территорія эта все увеличивалась, все расширялась новыми завоеваніями, вплоть до новѣйшаго времени. Иные люди, иные нравы и вѣрованія водворились на этой территоріи; иное духовенство господствовало тамъ—могущественное духовенство цадиковъ, всецѣло овладѣвшее низшими слоями народа. Раввины не даромъ опасались могущества этого новаго духо-

венства, оспаривавшаго у нихъ вліяніе на народъ; не даромъ въ прокламаціяхъ 1781 года напирается главнымъ образомъ на вредность культа падиговъ и принимаются мѣры для его разрушенія. Падикизмъ съ 1780-хъ годовъ дѣйствительно является самымъ крѣпкимъ устоемъ хасидской секты; онъ организуетъ, связываетъ и сплачиваетъ приверженцевъ секты подъ властью дѣдой арміи олигарховъ, изъ которыхъ каждый держитъ свою паству, свой приходъ, въ строгомъ повиновеніи и самъ становится предметомъ обожанія для своихъ прихожанъ.

Отъ великаго ствола первоначальнаго падикизма—отъ проповѣдника изъ Межирича—развѣтвилась огромная іерархія падиговъ, распространившаяся по всему району осѣдлости хасидовъ. Представители этой іерархіи давали, каждый по своимъ наклонностямъ, свой тонъ и свою окраску вѣроученію, котораго они являлись жрецами и которое по своей мистической ширине не могло уложиться въ одну формальную систему. Вслѣдствіе этого и самъ хасидизмъ распался на множество толковъ и направленій. Въ этомъ возникающемъ разнообразіи направленій можно, однако, прослѣдить три главныхъ течения, *три главныя отрасли хасидизма*, различающіяся какъ по своему внутреннему характеру, такъ и по внѣшнимъ своимъ судьбамъ, ибо каждая отрасль обнимаетъ опредѣленную этническую группу и опредѣленный районъ. Вотъ ихъ наименованія:

- 1) Хасидизмъ *польско-галиційскій (западный)*.
- 2) > *украинскій (волыно-подольскій; южный)*.
- 3) > *литовско-бѣлорусскій (сѣверный)*.

Дѣленіе это имѣетъ, какъ увидимъ ниже, очень важное историческое значеніе, ибо чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается различіе между названными отраслями хасидизма, тѣмъ больше расходятся онѣ въ разныя стороны. Вотъ почему мы отнынѣ будемъ излагать исторію хасидизма по порядку этихъ трехъ его отраслей, изъ коихъ каждая будетъ имѣть въ каждую изъ послѣдующихъ эпохъ свою особую главу въ нашемъ изложеніи.

С. Дублевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Тѣни ложатся надъ скошенной нивой,
Тѣни плывутъ надъ уснувшей рѣкой...
Блѣдныя тѣни толпой молчаливой
Всюду, о, братъ мой, идутъ за тобой:
Смутныя тѣни безъ чувства, безъ воли,
Но и безъ образовъ, но и безъ словъ
Разумъ и сердце намъ давать до боли...
Черныя тѣни минувшихъ вѣковъ,—
Горечь обидъ вѣковыхъ, не отищенныхъ,
Ядъ клеветы вѣковой...
Только въ лицу-ли намъ, братъ дорогой,
Горечь рыданій, безсилемъ рожденныхъ,
Смутная дрема въ тоскѣ роковой?
Затѣмъ-ли столько, съ тьмою спора,
Мы испытали муку и горя,
Затѣмъ-ли прожиты вѣка,
Чтобъ овладѣли нынѣ нами
Безсиле съ рабскими слезами
И безответная тоска?!..

О чемъ же скорбишь ты, мой братъ малодушный,
 О чемъ ты рыдаешь, больное дитя?
 Горька наша доля—темницею душею
 Насъ ночь обступила, враждою бездушной
 Терзая намъ разумъ и сердце гнетя...
 Но—видишь-ли?.. Слышишь-ли?.. Старое горе,
 Годами тонувшее въ сумрачномъ снѣ,
 Какъ въ долгомъ безвѣтріи мертвое море,
 Безмолвно, недвижно въ глухой тишинѣ,—
 Оно просыпается... Образъ приѣмлетъ...
 Огонь зажигаетъ дрожащей рукой
 И будить уснувшихъ, и стонеть, и внемлетъ—
 На зовъ не услышать-ли отелкиъ живой?..
 Не спрашивай, братъ мой: „Гдѣ дѣло живое?
 Гдѣ сѣмени добраго жатва, плоды?
 И пылъ нашъ—увы!—не броженъ-ль пустое?
 Не тщетны-ли жертвы, порывы, труды?“...
 Кто скажетъ градущему: сбрось покрывало!
 Судьбѣ повелить-ли: откройся, судьба!—
 Назрѣла-ли сила, и время-ль настало,
 И дастъ-ли побѣду борьба?—
 Не спрашивай, братъ! Но съ горячей хвалою
 Пади предъ лицомъ безответныхъ небесъ
 За то, что, объаты столѣтнею тьмою,
 Подъ новой невзгодой, подъ новой грозой
 Въ насъ чувства проснулись и разумъ воскресъ,
 За тѣ испытанія, муки, печали,
 За горечь обиды, за иглы вѣнца,

Что нашему духу уснуть не давали
И болью будили и гнѣвомъ питали
Заглохшія въ долгой дремотѣ сердца.
Что снѣно намъ было въ житейской пустынь,
Рождало въ насъ силы средь бѣдъ и тревогъ?
Не нашимъ-ли горемъ мы живы донынѣ?
Не въ немъ-ли грядущаго счастья залогъ?..

С. Фругъ.

ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

РОМАНЪ.

—
XI¹.

Хотя поле сраженія и осталось пока за новымъ директоромъ госпиталя, однако, въ главной квартирѣ непріятельскаго лагеря еще не помышляли класть оружіе. Главная же квартира враговъ его находилась въ самомъ ландграфскомъ дворцѣ. Душою военныхъ операцій былъ не ландграфъ, котораго легко было удовлетворить просто матеріальными уступками, а его жалкая карлица-супруга. Эта маленькая и очень ограниченная дама, считавшая себя, впрочемъ, выдающимся умомъ, имѣя мало радостей въ жизни, избрала госпиталь своимъ конькомъ, а у предшественника Геннегауера, стараго, покладистаго человѣка, не хватало мужества отклонять ея вмѣшательство въ дѣла заведенія, хотя оно вовсе не зависѣло отъ двора. Принцесса ухватилась за больничную реформу съ увлеченіемъ бездѣтной, скучающей женщины. И какъ все шло хорошо, пока не пріѣхалъ въ Румпгенгеймъ этотъ гадкій жидъ! Сколько блаженныхъ часовъ провела она съ двумя милыми Мауершнекъ въ примѣриваньи чепцовъ, пелеринъ и передниковъ новаго образца для діакониссъ! „Какъ вамъ нравится?“ — спрашивала она, надѣвъ на себя чепецъ новаго фасона. — Восхитительно! точно монашенка! — со смѣхомъ хвалила фрейлейнъ Ванда.

¹ См. „Восходъ“, кн. VI.

— Только католическая, ваша свѣтлость, — предостерегала старшая сестра. — Не годится раздражать нашихъ бюргеровъ. Вѣдь они претендуютъ на исключительное право распорядиться въ госпиталѣ, а они очень враждебны католицизму.

Старая дѣвица уже въ ту пору старалась не давать повода къ придиркамъ, чтобы не лишиться своей выгодной синюхи.

— Можно сдѣлать эту обшивку поуже въ видѣ уступки доктору Лютеру, не терпѣвшему монахинь, — предложила Ванда.

— Смѣшной онъ былъ, право! — заключила ландграфиня.

— Я ввела бы, ради экономіи, коричневые миткалевые платья вмѣсто черныхъ шерстяныхъ, — предложила расчетливая начальница больницы.

По рассмотрѣніи костюма, переходили къ повязкамъ и бандажамъ, въ наложеніи которыхъ ландграфиня считала себя авторитетомъ. Испытывали вальки и подушки новѣйшей системы, и веселая Ванда кокетливо клала на нихъ свои свѣжія щеки, или углублялась пышнымъ тѣломъ въ мягкое больничное кресло, терпѣливо позволяя ландграфинѣ накладывать повязку на ее мило-сломанную ногу. Не одно утро провели три дамы въ этихъ пріятныхъ зачаткахъ. Каждый день въ птичьей головѣ ландграфиня весничали новое „проектъ реформъ“, словно весь госпиталь былъ на ее исключительномъ иждивеніи. Но именно въ этомъ отношеніи кипучая дѣятельность ея и встрѣчала непреодолимую узду. Получая на булавки отъ запутаннаго въ долгахъ супруга очень ограниченную сумму, ландграфиня принуждена была довольствоваться тѣмъ, что дарила иногда черезъ пастора Грауса выздоравливающимъ молитвенникъ, въ который собственноручно вписывала свое имя, или чайную чашку съ какими нибудь благочестивымъ девизомъ. Но тѣмъ обширнѣе были планы, осуществленіе которыхъ она возлагала на собственные средства госпиталя. Мечтой ея было превратить городскую больницу въ евангелической монастырь; съ этою цѣлью она и нарядила сдѣлокъ въ однообразныя темныя платья и ярлычье чепцы. По

ей итѣию, слѣдовало построить на средства больницы высокую готическую канеллу. Ландграфинѣ уже слышались въ воображеніи мягкіе звуки органа, которые огласятъ все зданіе госпиталя и принесутъ утѣшеніе больнымъ; на крыльяхъ этихъ божественныхъ звуковъ вознесутся къ небесамъ души умершихъ. Прежній директоръ большею частью покораился ея планамъ, зная ея непосѣдливую и нервную натуру, или по крайней мѣрѣ ловко избѣгалъ столкновеній съ нею.

Въ административномъ же совѣтѣ больницы планы эти встрѣчали равнорѣчивую поддержку со стороны книгопродавца Шлейхмайера. Такимъ образомъ, изъ мнимыхъ излишковъ дохода начали уже образовывать строительный фондъ для осуществленія влюбленной мечты ландграфини. Изъ угожденія ей экономничали на всенѣ: больные получали водянистый бульонъ, бѣлье ухудшилось, дорогія укрѣпляющія средства рѣдко давались, и все это для того, чтобы строительный фондъ росъ быстрѣе. Помѣщенъ же онъ былъ въ непрочныя, но приносящія высокій процентъ государственныя бумаги. Геннегауеръ, вступивъ въ управленіе госпиталемъ, положилъ конецъ всѣмъ этимъ порядкамъ. Онъ коротко и рѣшительно объявилъ, что больница не дастъ никакихъ излишковъ дохода, что средства ея предназначены на содержаніе больныхъ, а не на постройку церкви, и что дѣлающіе изъ нихъ ненадлежащее употребленіе лично обязаны возмѣстить ихъ. Угроза произвела чудеса. Члены административнаго совѣта, позволявшіе бывшему директору распоряжаться больничными деньгами какъ онъ хотѣлъ, потому что это были общественныя, а не ихъ собственныя деньги, услышавъ, что въ концѣ концовъ имъ же придется отвѣчать за растрату, поспѣшно отrekliсь отъ широкихъ плановъ ландграфини и позорно оставили ее на мели. Тогда Геннегауеръ предложилъ употребить собранный уже капиталъ на пристройку помѣщенія для заразныхъ больныхъ, чтобы можно было отдѣлять ихъ отъ остальныхъ. Въ доказательство настоятельной необходимости такой мѣры онъ сослался на больничныя вѣдомости, показывавшія, что больные, пришедшіе

въ больницу съ вывихнутою ногою или съ флюсомъ, заражались въ ней тифомъ или осной. Доводы его были такъ неопровержимы, что совѣтъ почти единогласно одобрилъ его мнѣніе и предоставилъ въ его распоряженіе не только экономическія суммы, но и часть основнаго больничнаго капитала. Одинъ только Шлейхмайеръ подалъ противный голосъ, ссылаясь на обѣщаніе, данное ландграфинѣ, и на то, что экономическимъ суммамъ уже дано назначеніе. Когда же, не смотря на то, мнѣніе Геннегауера прошло, книгепродавецъ, къ общему изумленію, сложилъ съ себя званіе члена и удалился изъ совѣта. Никто не могъ объяснить себѣ рѣзкой выходки этого человѣка, котораго привыкли видѣть такимъ тихоней. Вскорѣ, однако, въ „Государственномъ Указателѣ“ появился рескриптъ о пожалованіи Шлейхмайеру ландграфскаго ордена и тогда всѣ успокоились, объяснивъ себѣ его выходъ изъ совѣта спекуляціей на милости ландграфини, хотя нѣкоторые утверждали, что главной причиной демонстраціи были личные его счеты съ Геннегауеромъ. Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій демонстрація эта не имѣла, кромѣ развѣ того, что въ еженедѣльной газетѣ „Сіонъ“ появилась передовая статья пастора Грауса, выражавшая въ громкихъ фразахъ свое сожалѣніе о выходѣ изъ совѣта такого благочестиваго дѣятеля и предсказывавшая, что съ отрицаніемъ крылатыхъ чепцовъ діакониссъ въ госпиталѣ слѣдуетъ ожидать неминуемаго упадка благочестія и нравственности. Между тѣмъ къ проектируемой постройкѣ было немедленно приступлено и передъ окнами директора рабочіе копали и выносили землю для кладки фундамента, дѣлая это, по своему обыкновенію, лѣниво и вяло.

Но и на этомъ столкновеніи Геннегауера съ дворомъ еще не кончились. Ландграфъ обратилъ отеческій взглядъ на больничный садъ, который очень приглянулся ему; но Геннегауеръ круто отклонилъ его предложеніе арендовать этотъ садъ. При этомъ случаѣ директору пришлось поближе ознакомиться съ договорами между госпиталемъ и дворомъ, что, при царствовавшемъ до тѣхъ поръ

безпорядкѣ въ веденіи дѣлъ и при порядкѣ умышленномъ затѣннѣніи ихъ прежнимъ бухгалтеромъ, было задачей скучной и утомительной. Кончивъ, Геннегауеръ злобно бросилъ связку на столъ. „Всѣ эти договоры нужно отиѣзнить, — сказалъ онъ себѣ. — Ландграфъ не можетъ требовать, чтобы сынъ Авраама давалъ ему деньги за подобныя проценты“. Въ ближайшемъ же засѣданіи административнаго совѣта онъ провалялъ предложеніе, чтобы при каждомъ новомъ срѣзѣ отдававшая въ аренду больничныя земли снова поступала на конкурсъ. Пасторъ Граусъ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ, на другой же день тайно донесъ ландграфу о такой беззащитчивой резолюціи, причѣмъ не поспешилъ на обвиненія революціоннаго образа дѣйствій еврея-директора. Ландграфъ взбѣсился, но понялъ, что онъ въ этомъ случаѣ безсиленъ.

— Это все по твоей милости! — накинулся онъ на свою испуганную супругу. — Если бы ты не привязывалась къ нему съ твоими визитами, глупостями, слетнями...

Но боже всѣхъ пострадала отъ новаго директора сама ландграфиня, которую онъ безъ церемоніи вытѣснилъ изъ госпитала. Любимая игрушка, наполнявшая ея праздные дни, была отнята у нея и она тщетно ломала свою маленькую головку, придумывая къ чему бы ей примѣнить свою жажду дѣятельности. Она напала на мысль заняться чтеніемъ политико-экономическихъ сочиненій и вскорѣ въ планы ея вошло разрѣшеніе социальнаго вопроса. Въмѣсто веселаго примѣриванья чепцовъ и бандажей, обѣ ея придворныя дамы должны были читать ей теперь сухіе и скучныя политико-экономическія трактаты, что старшая изъ нихъ дѣлала съ подавленными вздохами, а младшая — съ худо-скрываеваемой зѣвотой. По мнѣнію маленькой принцессы, рѣшеніе социальной задачи состояло въ постройкѣ въ городѣ Румпенгеймѣ большого дома, въ которомъ всѣ бѣдняки находили бы себѣ пропитаніе до тѣхъ поръ, пока не пристраивались бы къ хорошему мѣсту, или не получали бы наслѣдства отъ какого нибудь американскаго дядюшки. Она уже высмо-

трѣла мѣсто для этого дома и составила себѣ планъ расположенія его и всѣхъ порядковъ въ немъ, который она, въ бессонныя ночи, пополняла все новыми и новыми параграфами. Ландграфу тоже стало невтерпѣжъ, что супруга его каждое утро просыпается съ новымъ проектомъ расточенія ихъ частнаго имуществва, и онъ объявилъ ей наконецъ, что бы она не ломала напрасно голову, такъ какъ всѣ частныя доходы ихъ секвестрированы кредиторами, и единственныиъ источникомъ средствъ остается для нихъ ихъ очень ограниченныиъ гражданскій листъ. Если и послѣ того она обращалась къ мужу съ какииъ нибудь новымъ планомъ преобразованія шира, который слѣдовало пустить въ ходъ, то высочайшій супругъ только угрюмо ворчалъ:

— Съ деньгами все можно; но у насъ ихъ нѣтъ, а потому оставь меня въ покоѣ.

Съ тѣхъ поръ неутомимая принцесса затаила свои проекты въ душѣ и всѣ ея мысли направились на пріобрѣтеніе презрѣннаго металла, который одинъ могъ дать возможность осуществить желаемыя ею или уже позабытыя проекты. Она придумывала базары, любительскіе концерты, добровольныя подписки, благотворительныя балы, пока неутомимая Ванда Мауершнекъ не доказывала ей математически, какъ мало все это можетъ дать.

— Ахъ! ужъ вы, съ вашей практичностью!—говорила ей на это укоризненнымъ тономъ ландграфиня.

— Бѣдной дѣвушкѣ нельзя не быть практичною,—смирно возражала фрейлина, а про-себя прибавляла: „Вѣдь я не пользуюсь привилегіей быть гусыней“.

— Такъ посоветуйте же что нибудь, если вы такъ практичны,— съ раздраженіемъ приставала ландграфиня.

— Я могу только посоветовать вашей свѣтлости воспользоваться больничнымъ капиталомъ,—смѣясь сказала Ванда.—На что лучшее могутъ быть употреблены эти милліоны, какъ не на разрѣшеніе социальнаго вопроса?

Такъ казалось и самой ландграфинѣ, и мысли ея постоянно бродили около этого таинственнаго вѣзда, который воображеніе рисовало ей въ видѣ груды золотыхъ монетъ, стерегомыхъ Альберихомъ-Геннегауеромъ.

Между тѣмъ, ненавидный директоръ имѣлъ и съ своей стороны немало непріятностей съ предпринятыми реформами, навязавъ себѣ на шею начатую постройкой цѣлую обузу хлопотъ.

Въ то время какъ Браунъ преспокойно наслаждался жизнью на директорской виллѣ, покуривая сигары въ тѣнистомъ саду, еврей сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ какъ на горячихъ угольяхъ, смечасно вида собственными глазами, какъ медленно подвигается постройка у лѣнливыхъ рабочихъ; заставить же ихъ работать усерднѣе не было никакихъ средствъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность онъ поручилъ придворному архитектору, руководившему до тѣхъ поръ постройками въ госпиталѣ, отдѣлить стѣною флигель оспенныхъ больныхъ отъ главнаго корпуса, чтобы прервать всякое сообщеніе. Послѣ неоднократныхъ напоминаній, что пора приступить къ работѣ, важный архитекторъ прислалъ ему наконецъ большой раскрашенный планъ садовой стѣны, съ аккуратнымъ измѣреніемъ длины, ширины и вышины, съ масштабомъ и боковыми профилями, а также и съ приложеніемъ длинной сметы расходовъ на сооруженіе стѣны изъ песчаника или изъ кирпича. Тогда новый директоръ понялъ въ чемъ дѣло, и, уволивъ архитектора, позвалъ простаго каменщика, который, безъ всякихъ раскрашенныхъ плановъ, на слѣдующій же день началъ класть стѣну. Въ то же время Геннегауеръ составилъ планъ и новой пристройкѣ къ госпиталю, рѣшась лично руководить работами. Онъ не предвидѣлъ тогда, какою обузо навязывается на себя.

Рабочіе приходили поздно, работали мѣшкотно и наровили уйти пораньше. Въ девять часовъ они уже отдыхали, въ одиннадцать обѣдали, въ три полдничали, а въ шесть ихъ уже ничѣмъ нельзя было удержать. Еще стоялъ бѣдный день, когда они

пожидали работу. Но хотя бы по крайней мѣрѣ въ эти восемь рабочихъ часовъ они работали по настоящему, а то время проходило въ куреньи, въ болтовнѣ и смѣхѣ. Глядя на нихъ, Геннегауеръ терялъ всякое хладнокровіе. Они орали подъ его окнами зашумленные пѣсни, громко передавали другъ другу грязные анекдоты, хвастались пьянствомъ, которому предавались наканунѣ или собирались предаться вечеромъ. При этомъ цѣлый день имъ нужно было чѣмъ нибудь подерѣживаться. Послѣ завтрака зануривалась трубка, которая выпускалась изъ рта только при новомъ обращеніи къ флагѣ съ пивомъ, къ хлѣбу и смру. Затѣмъ жевался табакъ, что продолжалось до одиннадцати часовъ, когда рабочіе обѣдали и отдыхали, послѣ чего послѣдовательно повторялся тотъ же самый процессъ.

Посмотрѣвъ на все это нѣсколько дней, Геннегауеръ не выдержалъ и отправился отыскивать каменьщика и плотника, съ которыми онъ рядился. Ни того, ни другого не оказалось на постройкѣ. Почтенные мастера сидѣли въ „Красной Башнѣ“ за жаренымъ фазаномъ и за бутылкой „шато“, какъ они величали стоявшую передъ ними бутылку хорошаго краснаго вина, и совѣщались, какъ бы имъ половчѣе надуть одного изъ своихъ кліентовъ. Предлагалась то та, то другая мѣра, причемъ, для взаимнаго поощренія, припоминалось—сколько они урвали при другомъ подобномъ случаѣ. При появленіи Геннегауера, который сталъ рѣзко выговаривать имъ за медленность работъ, сытые подрядчики пожали плечами.

— Что прикажете дѣлать?—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, продолжая спокойно дождать фазана. — Скажите рабочимъ слово, такъ они сейчасъ же разбѣгутся и найдутъ работу въ сосѣднемъ городѣ.

Геннегауеръ попытался лично усовѣщевать рабочихъ, но они только смѣялись ему въ глаза.

— Мы въ своемъ правѣ,—говорили они.—Богатымъ людямъ,

конечно, было бы пріятнѣе, если бы они могли выжимать изъ насъ всё соки, но мы знаемъ теперь, какъ отъ этого уберечься.

Еврей понялъ, что разговоры ни къ чему не приведутъ. Однажды онъ увидѣлъ, какъ рабочіе, вкативъ на лѣса бочку съ пивомъ, прохладжались вокругъ нея въ рабочіе часы, и какъ они растворяли цементъ въ корнѣ на лѣсахъ, чтобы не давать себѣ труда спускаться къ творилу. Тогда, потерявъ терпѣніе, онъ телеграфировалъ въ ближайшій южно-германскій городъ, гдѣ только что кончились большія строительныя работы, и поручилъ избрать для него людей изъ освободившихся итальянскихъ рабочихъ. Извѣщенный о днѣ прибытія ихъ, онъ тотчасъ прекратилъ работы и распустилъ румпенгеймскихъ рабочихъ. Тѣ разошлись съ ругательствами, насмѣшками и проклятіями, загадивъ предварительно больничныи дворъ и напугавъ больныхъ шумомъ и киданіемъ въ окна камнями.

Спустя нѣсколько дней, козачъ привезъ въ Румпенгеймъ партію стройныхъ молодцовъ, съ смуглыми, загорѣлыми лицами, черными бородами и огненными глазами. Когда они вошли со станціи въ городъ, румпенгеймскіе граждане, глядя на нихъ, съ безпокойствомъ говорили:

— Настоящіе бандиты. Вотъ и этой сволочью мы обязаны провлятому еврею. Онъ намъ весь городъ перевернетъ вверхъ дномъ.

Итальянцы, весело болтая, разошлись по квартирамъ и, къ удовольствію директора, постройка пошла правильно и безъ особеннаго шума или тревоги. По вечерамъ, когда партіи румпенгеймскихъ рабочихъ шумно проходили по городу, итальянцы мирно сидѣли около своей поленты и весело рассказывали другъ другу анекдоты. По воскресеньямъ они не напивались, а играли въ „морру“ или бросали „бочцію“, и ложились спать рано, чтобы на зарѣ приняться за работу.

— Порадуйтесь за меня, — сказалъ вечеромъ Геннегауеръ Ан-

жалкиѣ,—я избавился наконецъ отъ честныхъ, добродушныхъ нѣмецевъ и имѣю теперь дѣло съ завѣдомыми гнѣтцами—итальянцами. Работы такъ быстро подвигаются впередъ, что я самъ дивлюсь.

Вмѣсто отвѣта, Анжелика достала изъ своей рабочей корзинки номеръ газеты „Другъ Народа“, которую мужъ ея продолжалъ получать, и съ озабоченнымъ видомъ указала еврею на передовую статью. Темой этого номера было: „Защита національнаго труда“.—„Оправдился, значить, герръ Шмидтъ отъ своего страха“,—подумалъ Геннегауеръ и прочелъ статью отъ начала до конца. Вся она была направлена къ тому, чтобы натравить нѣмецкихъ рабочихъ на итальянцевъ и на новаго директора госпиталя, и заключалась совѣтомъ снова изгнать евреевъ изъ мирнаго города Румпенгейма, въ которомъ они свели себѣ гнѣздо, какъ отвратительные черви въ сочномъ яблокѣ.

— Что же тутъ подѣлаешь, если прокурорскій надзоръ тернитъ подобныя подстрекательства?—спокойно замѣтилъ Геннегауеръ.—Всего интереснѣе то, что, повидимому, и пасторъ Граусъ, и Шлейхмайеръ имѣютъ руку въ этомъ дѣлѣ.

Анжелика вопросительно поглядѣла на него.

— Да вы послушайте это богословское заключеніе,—продолжалъ онъ.—„Неправедно отнимать хлѣбъ у дѣтей дома и бросать его чужеземцамъ“.

— Ты слишкомъ легко относишься къ этой коалиціи интересовъ, которую ты вызвалъ противъ себя,—замѣтилъ Браугъ.—Я извѣдалъ собственнымъ горькимъ опытомъ, что можетъ сдѣлать здѣшняя печать.

Геннегауеръ гордо вскинулъ голову.

— Собаки лаятъ, а караванъ идетъ мимо,—сказалъ онъ.

— Только какъ бы собаки не испугали твоихъ верблюдовъ. Вѣдь ты знаешь, что въ этой пустынѣ у насъ вся надежда на нихъ,—шутилъ Сигмундъ.

— Не беспокойся, — возразилъ Геннегауеръ. — Что же собственно могутъ сдѣлать собаки? Только лаять, то-есть, ругаться.

— Это онѣ уже и фенеръ дѣлаютъ, — сказалъ Олгундъ не безъ нѣкотораго злорадства.

— Ну, и пускай! Рунпенгеймцы меня освищутъ, а я уйду въ свою комнату и похлопаю себѣ. А если они имѣтъ ужъ черезчуръ насолятъ, то у меня въ бюро лежитъ нѣкій талисманъ, которыми я могу заставить молчать самыхъ злыхъ изъ собакъ. Вѣдь и этотъ брехунъ подождетъ хвостъ, какъ только увидитъ, что я направляюсь къ моему бюро, — и Геннегауеръ, къ великой потѣхѣ своихъ друзей, рассказалъ имъ, какъ попался Шнидтъ въ разставленную сѣть и какъ онъ держитъ его съ тѣхъ поръ въ уздѣ, показывая кончикъ шпата, когда тотъ начинаетъ шквостить.

Послѣ такихъ разговоровъ, докторъ возвращался домой и не могъ нарадоваться, видя какъ успѣшно подвигается постройка съ тѣхъ поръ, какъ на лѣсахъ стоятъ итальянскіе рабочіе.

Правда, послѣ заката солнца, когда итальянцы расходились по своимъ квартирамъ, сцена перемѣнялась. Возвращавшіеся изъ предмѣстій или расходившіеся по окрестнымъ деревнямъ нѣмецкіе рабочіе рѣдко проходили мимо театра своей прежней дѣятельности — или, вѣрнѣе, бездѣлничанья — безъ браннаго слова. Иногда ночью въ пустынной улицѣ раздавался злобѣщій крикъ „Исаакъ!“ (имя Геннегауера), заставлявшій Анжелику съ испугомъ вскакивать съ постели. Случалось по ночамъ, что въ окно кабинета Геннегауера ударялъ камень въ то время, когда тотъ засиживался за книгами, или придумывалъ усовершенствованную повязку для новоприбывшаго больного, или дожидался кризиса у когонибудь изъ лихорадочныхъ больныхъ. Когда друзья совѣтовали ему обратиться къ полицейскому надзору противъ подобныхъ безобразій, онъ только пожималъ плечами.

— Хуже будетъ, — говорилъ онъ. — Да вѣдь мы, евреи, вѣками приучены къ подобнымъ любезностямъ. Чѣмъ я лучше моихъ пред-

ковъ и что значать эти выходы передъ кровавыми криками крестоносцевъ, или передъ ласкъ волкодавовъ, которыхъ спускали на евреевъ?

Такое положеніе дѣлъ было всего болѣе на руку Баскенеру. „Двое дерутся—третій радуется“, говорить поговорка; третьимъ былъ въ настоящемъ случаѣ новоиспеченный врачъ-практикантъ. Столкновеніе Геннегауера съ дворомъ и потеря имъ практики вслѣдствіе этого столкновенія сослужили очень хорошую службу новому аскулану, уже съ самаго начала сумѣвшему приобрести себѣ много приверженцевъ среди низшаго бюргерства. Семьи смотрѣли на него не только какъ на врача, но и какъ на друга дома, способнаго подать добрый совѣтъ во всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Онъ зналъ Румпенгеймъ, какъ знаетъ хозяина свою кладовую, и если не приносилъ пользы своими лекарствами, то приносилъ ее своими совѣтами по хозяйственной части.

— Вы должны купить сегодня сельдей для вашего мужа,—говорилъ онъ хозяйкѣ.—Въ лавкѣ Мюллера чудесныя сельди. Только что привезены.

— Купите для вашей лампы новую горѣлку у Шмидта. У васъ пойдетъ въ половину меньше керосина,—совѣтовалъ онъ шведѣ.

Отъ хитрыхъ калмыцкихъ глазъ его ничто не ускользало, поэтому онъ былъ самымъ подходящимъ врачомъ для мнительныхъ больныхъ, а такихъ обыкновенно бываетъ половина. Прежде чѣмъ дать свое мнѣніе о состояніи больного, онъ имѣлъ обыкновеніе справляться со всѣми предметами въ его комнатѣ, съ посудой, графинами, остатками пищи. Иной пациентъ, жаловавшійся на отсутствіе аппетита, удивляется, отчего докторъ, вмѣсто того, чтобы внимательно слушать его, пристально всматривается въ лежащій передъ нимъ каравай хлѣба, или заглядываетъ въ кофейникъ. А докторъ просто желалъ узнать, много-ли осталось кофе послѣ потерявшаго аппетитъ больного. Иной, жаловавшійся на нервные головныя боли, приходилъ въ смущеніе, видя, что док-

торъ воззрѣлся на бутылку съ виномъ и освѣдомляется, много-ли сто было въ ней наканунѣ вечеромъ. Точно также и въ домѣ пролетарія странный докторъ не столько обращалъ вниманія на стоны рабочаго или на жалобы его жены, сколько на пятна на половницахъ и на горшки на очагѣ, словно они могли вѣрнѣе сказать ему причину болѣзни, нежели люди. Была у него еще и другая хорошая черта: отъ рецептовъ и лекарствъ онъ не ждалъ большой пользы.

— Перебѣните комнату, — говорилъ онъ рабочему, страдавшему грудною болѣзью. — На той сторонѣ дома у васъ солнце будетъ въ комнатахъ двумя часами долѣе.

— Кушайте побольше мяса; это лучше, чѣмъ тратить деньги на аптеку, — совѣтовалъ онъ блѣдному учителю.

— Какія тамъ назв! — ворчалъ онъ директору Зауерамиферу. — Просто носите сапоги на двойной подошвѣ, тогда не будете простужаться, да и ростомъ будете выше казаться, а это важно, чтобы imponировать въ классѣ вашимъ шлопалямъ; тогда и неприятностей будетъ у васъ меньше.

Но извѣстность составилъ себѣ Баскецерь изцѣленіемъ жены директора банка. Эту даму, страдавшую одышкой, видѣли половину дня въ словомъ лѣсточкѣ позади ея сада, гдѣ на высокой или для нея была устроена нѣкотораго рода каеэдра, въ которой она сидѣла, какъ ворона въ гнѣздѣ. Это воздушное помѣщеніе было устроено по совѣту добраго доктора Баскецера для того, чтобы г-жа директорша могла цѣлый день вдыхать въ себя запахъ хвои, и никто не былъ такъ доволенъ этимъ распоряженіемъ, какъ ея супругъ, котораго оно избавляло отъ капризовъ жены, пока та, какъ маслина Юсана, теряла свой жиръ, лазая по деревьямъ. Нужно было видѣть ея консультаціи съ добродушнымъ маленькимъ докторомъ, который стоялъ внизу подъ деревомъ, слушая свою пациентку, кричавшую ему съ высоты, — въ какихъ страданіяхъ она провела послѣднюю ночь. Послѣ консультаціи,

докторъ откланивался съ милой улыбкой, нагибая себя подъ носъ:

„Я, докторъ Эбесеръ,
Лечу на свой манеръ“.

Другой случай, способствовавшій его извѣстности, произоишелъ съ женою мыловара Браута, у которой были перерзѣлы незамужнія дочери, что, какъ извѣстно, сильно влѣяетъ на характеръ матерей. „Образованная“ мыловарша не разъ говорила, что если „изъ того-то ничего не вышло“, то виною въ этомъ ея необразованный супругъ. Васкецеръ лечилъ его отъ подагры. Однажды жена конфиденціально обратилась къ доктору, прося удержать въ такой-то день ея мужа въ постели, такъ какъ въ этотъ день къ нимъ долженъ прійхать горрь ассесоръ, ивѣющій виды на Мальхенъ. Если же выйдется безтактный и неотосанный мужъ ея, никогда не бывавшій въ „обществѣ“, то опять все дѣло будетъ испорчено.

- Въ которомъ часу прійдетъ женихъ?—спросилъ Васкецеръ.
- Въ одиннадцать утра.
- Знаете объ этомъ вашъ мужъ?
- Сохрани Богъ!
- Хорошо, я пропишу ему на это время ванну.

Докторъ Васкецеръ явился въ назначенный день и часъ. Увидавъ въ кухнѣ чапъ съ растопленнымъ саломъ, какое всегда имѣется у мыловаровъ, онъ посоветовалъ своему пациенту опустить больныя ноги въ теплое сало и держать ихъ тамъ полчаса, не шевелясь. Черезъ полчаса сало такъ отвердѣло, что мыловаръ сидѣлъ какъ прикованный, проклиная и ругаясь, но не будучи въ состояніи высвободиться; жена же его прислала сказать, что не можетъ прійти къ нему на помощь, потому что у нея гости. Всвободившись изъ чапа съ помощью своихъ прикащиковъ, онъ еще долго провозился съ очисткой и обмывкой своего тѣла. Когда все это было кончено и мыловаръ, въ наилучшемъ расположеніи

духа отъ выдержаннаго леченія, вопелъ въ гостиную, то уже нашелъ тамъ помянутую счастливую чету. Мыловарша влялась потому, что Мальхенъ ея обязана своимъ счастьемъ доктору Васкецеру.

Однако, онъ утѣлъ быть и грубнѣе, если ему слишкомъ доучали и дурно платили. Одна крайне интеллигентная дама остановила его однажды на улицѣ, когда онъ куда-то спѣшилъ, и сказала:

— Ахъ, докторъ, мое дитя чихаетъ не переставая.

— Скажите ему: „Будь здоровъ!“—серьезно отвѣтилъ Васкецеръ и прошелъ мимо.

Чуждачества новаго доктора заставляли говорить о немъ весь городъ и чѣмъ ниже падали акціи гордаго директора госпитала, тѣмъ выше поднимались онѣ у его популярнаго ассистента.

Когда коллеги въ госпиталѣ шутили надъ его чудесными испѣленіями, очень похожими на шарлатанство, то Васкецеръ глупокомысленно морщилъ лобъ и отвѣчалъ:

— Врачъ долженъ быть прежде всего психологомъ. Каждому паціенту нужно то, что отвѣчаетъ его характеру. Нельзя же всѣхъ стричь подъ одну гребенку. Что для одного—сова, то для другого—соловей; въ чемъ одинъ видитъ, при лунномъ свѣтѣ, носовой платокъ, то другому кажется духомъ его покойной бабушки. Вотъ на этихъ-то душевныхъ предрасположеніяхъ я и строю свой діагнозъ. Тутъ ревенешь не можешь. Первое дѣло—психика.

Такія неоспоримыя истины, конечно, признавались всѣмъ Рунпегеймомъ, и чѣмъ болѣе смѣха вызывалъ Васкецеръ своими выходками, тѣмъ шире становилась его практика. Это навело его на мысль порвать свои отношенія къ Геннегауеру, такъ какъ частная практика стала для него выгоднѣе мѣста въ госпиталѣ. Но вышло такъ, что директоръ самъ предупредилъ его и безъ церемоніи указалъ на дверь.

XII.

Однажды утромъ, когда Васкецеръ рапортовалъ директору о состояніи своихъ больныхъ, послѣдній, выслушавъ докладъ, удержалъ на минуту ассистента.

— Вы можете подать мнѣ совѣтъ, коллега, — сказалъ ъврей. — Вѣдь вы лучше знакомы со здѣшними дѣлами, чѣмъ я. Сегодня утромъ ко мнѣ явился гофмаршалъ Шранцъ и объявилъ мнѣ съ загадочной улыбкой, которую онъ усвоилъ себѣ съ нѣкоторыхъ поръ, чтобы я явился въ одиннадцать часовъ къ ландграфу. На мой вопросъ — боленъ-ли его свѣтлость, этотъ глупецъ отвѣтилъ все съ той же улыбкой, что меня приглашаютъ, насколько ему извѣстно, для одной изъ придворныхъ дамъ. Больше я ничего не могъ изъ него вытянуть. Что сей сонъ означаетъ?

Лицо Васкецера скорчившись въ циничную гримасу и толстая губы, казалось, готовы были что-то сказать; но онъ удержался и сухо отвѣтилъ:

— Право, не могу вамъ служить въ этомъ случаѣ, г. директоръ.

Геннегауеръ пристально поглядѣлъ на него и не удерживалъ болѣе, когда тотъ повернулся, чтобы уйти. „Не хочешь сказать, такъ и не нужно, — съ досадою подумалъ онъ. — Посмотримъ, что еще нужно отъ меня его свѣтлости“, — и онъ отправился въ замокъ, любопытствуя узнать, зачѣмъ его зовутъ.

Ландграфскій дворецъ находился на противоположномъ концѣ города отъ госпиталя и стоялъ среди выхоленаго сада, изъ котораго открывался видъ на Тюрингенскій лѣсъ. Пока ландграфъ бесѣдовалъ вполголоса въ аудіенцъ-залѣ съ директоромъ госпиталя, въ смежной комнатѣ, у большого зеркала окна, сидѣли ландграфиня и ея фрейлина Ванда Мауершнекъ.

„Господи, что за скука!“ — вздыхая, думала Ванда, которой ландграфиня неумоимо читала вслухъ своимъ крикливымъ голо-

сомъ книгу о социальномъ вопросѣ. У бѣдной фрейлины были теперь заботы поближе нуждъ рабочихъ классовъ. Она знала, что въ сосѣдней комнатѣ рѣшается ея судьба и силилась уловить хотя одно слово изъ происходившаго тамъ разговора, но ландграфиня трещала неумолкаемо. „Ну, теперь она вся ушла въ социаль-демократію. Этого еще не доставало!“—думала фрейлина. Отъ времени до времени до нея долетали громкіе, негодующіе звуки голоса Геннегауера, но затѣмъ опять въ ухахъ трещали: „жилища для рабочихъ, пріюты для нуждающихся, страхование отъ несчастныхъ случаевъ, кассы для больныхъ, школы для бѣдныхъ, женскій трудъ, рабочія колоніи, допущеніе дѣвушекъ къ ночтовой службѣ“, и т. д. Глаза фрейлины бродили по наступескимъ сценамъ, украшавшимъ стѣны маленькой комнаты въ стилѣ рококо, и то и дѣло останавливались на раззолоченной двери, за которой рѣшалась ея участь. Ландграфъ, противъ своего обыкновенія, говорилъ очень тихо, отчего еще рѣзче выдавались громкія ноты, вырывавшіяся у Геннегауера, видимо чѣмъ-то раздраженнаго. Наконецъ, кончивъ совѣщаніе, оба приблизились къ двери. Но докторъ не сейчасъ вошелъ; взявшись за ручку двери, онъ пріостановился и слышно было, какъ онъ сказалъ:

— Я могу только повторить, что госпиталь предназначенъ не для укрывательства подобныхъ дѣлъ.

— Ну, какъ знаете,—грубо возразилъ ландграфъ.—Обойдусь и безъ васъ. Только берегитесь! Вы у меня къ черту пойдете, если станете болтать.

— Вашей свѣтлости должно быть извѣстно, что тайна, доверенная врачу, такъ же священна для него, какъ для пастора тайна, доверенная на исповѣди.

Онъ поклонился и вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла ландграфиня. Онъ очевидно намѣревался только поклониться дамамъ и пройти мимо, но маленькая принцесса отложила книгу и, противъ

своего обмороженія, обратилась къ вошедшему милостивымъ тономъ:

— И я также хотѣла просить васъ прийти къ намъ, г. тайный совѣтникъ, — сказала она. — Прошу садиться.

Докторъ, котораго ждали больные, поверился судьбѣ и сѣлъ.

— Я занимаюсь въ послѣднее время исключительно социальнымъ вопросомъ, — начала ея свѣтлость, не губамъ которой бродила самодовольная улыбка.

„Спаси Господи!“ — съ ужасомъ подумалъ Геннегауеръ.

— Меня очень интересуетъ знать ваше мнѣніе на этотъ счетъ, — продолжала ланграфиня.

— На счетъ чего, ваша свѣтлость? — сухо спросилъ Геннегауеръ.

Ланграфиня покрасѣла.

— Я, кажется, неясно выразилась, — сказала она.

Длинная, тонкая шея ея вытянулась изъ узкихъ плечъ, глаза бѣгали по стѣнѣ словно лица чего-то, и все ея маленькое, тщедушное тѣло конвульсивно изгибалось въ усилии выразить то, чего она сама ясно не понимала.

— На счетъ народныхъ бѣдствій, — пролепетала она наконецъ. — Мнѣ хотѣлось бы знать... Какъ вы думаете, чѣмъ можно помочь бѣдныхъ?

— Бѣдные бываютъ разные, — холодно отвѣтилъ еврей. — Бѣдными называютъ, во первыхъ, такихъ людей, которые находятъ болѣе пріятнымъ для себя христарачивать, чѣмъ работать. Для этихъ нужно завести рабочіе дома, гдѣ бы ихъ принуждали работать. Бѣдными называютъ и такихъ, которые и рады бы работать, да не находятъ работы. Такіе должны высылаться. Другой помощи не можетъ быть. Всѣ проекты усилить источники производства въ нашей маленькой, горной и мало-плодородной странѣ до той мѣры, которая отвѣчала бы простоту плодovitаго нѣмецкаго населенія, суть не болѣе, какъ мечты, не выдерживающія

испытанія. Государство не можетъ быть работодателямъ свинье своего спроса, и не можетъ также удерживать въ странѣ избытокъ населенія благотворительными пособиями. Это значило бы организовать зло вмѣсто того, чтобы искоренять его. Третій классъ бѣдныхъ, не очень многочисленный, состоитъ изъ такихъ людей, которые не могутъ работать, или по крайней мѣрѣ не могутъ настолько, чтобы прокормиться съ семьей. Этимъ должны помогать ихъ общины. Не одинъ изъ тѣхъ, кто въ чужомъ городѣ не стыдится существовать благотворительностью, на родинѣ, на глазахъ у близкихъ, снова сдѣлается способнымъ къ работѣ, или же родные и земляки найдутъ для него работу по силамъ. Нужно только вернуться къ старому правилу, по которому обязанность поддерживать немощныхъ падаетъ сначала на семью, а затѣмъ на общину, — и мы увидимъ, какъ быстро начнетъ таять число неспособныхъ къ труду и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаться и число бѣдныхъ.

— Ахъ, вѣдь и въ деревнѣ люди безъ стыда, — возразила принцесса наставительнымъ тономъ. — Если бы вы видѣли эту безнравственность, какъ я видѣла ее! Въ первые годы по пріѣздѣ въ Румпентейшъ я часто объѣзжала окрестныя деревни, старалась поднять нравственный уровень населенія. Помните, Ванда, — прибавила она съ самодовольной улыбкой, — какъ мы не могли войти въ одинъ домъ, въ Лорѣ, потому что утиная лужа доходила до самой двери? И какой чадъ стоялъ тамъ въ комнатѣ!

— Какъ не помнить, ваша свѣтлость? — отвѣтила фрейлина и потомъ прибавила саркастическимъ тономъ: — ваша милость изволили тогда на свой счетъ поставить трубу въ эту избу и подарили ему прекрасную плиту для порога. Но на слѣдующій годъ, опять пріѣхавъ къ тому же крестьянину, мы увидѣли, что лужа у дома стала еще грубже и дымъ въ комнатѣ по прежнему выѣдаетъ глаза. На вопросъ, куда дѣвался камень и отчего такъ дымитъ труба, хозяинъ отвѣтилъ: „Труба не дымила, но въ нее

уходило все тепло, постону ны взяли, да и заслонили ее плитой, и теперь опять стало хорошо“.

Докторъ засмѣлся.

— Что прикажете дѣлать съ такимъ туннымъ народомъ?— со вздохомъ сказала принцесса.

— Поощрять выселенію,—отвѣтилъ Геннегауеръ. — Другого средства я не знаю, ваша свѣтлость, и не совѣтую вѣрить тѣмъ людямъ, которые утверждаютъ, что національнаго богатства хватитъ на всѣхъ, какъ бы ни былъ великъ ежегодный приростъ населенія.

— Но бѣдность... недовольство...—лепетала ландграфиня.

— Бѣдность еще не настолько велика, ваша свѣтлость, чтобы заставить людей усердно трудиться,—возразилъ еврей положительнымъ тономъ.— Вотъ примѣръ: я вынужденъ былъ привать итальянскихъ рабочихъ для возводной пристройки къ госпиталю, потому что у здѣшнихъ дѣло совсѣмъ не подвигалось впередъ. Теперь работа пошла исправно, потому что у итальянцевъ не стоитъ постоянно бутылка пива на дѣсахъ, и ротъ не набивается ежеминутно сыромъ или табакомъ. Если бы рабочіе поменьше пили и не предоставляли своимъ женамъ и дѣтямъ промышлять себѣ пропитаніе—чѣмъ знаютъ, то имъ жилось бы поспокойнѣе даже иныхъ работодателей, которые часто путаются въ невылазныхъ затрудненіяхъ.

— Но сельское населеніе наше такое трудолюбивое и воздержное,—скромно вставила Ванда. Геннегауеръ метнулъ въ нее пронизательнымъ взглядомъ, заставившимъ ее въ смущеніи потупить глаза.

— И сельское населеніе теперь не таково, какимъ оно прежде было,—возразилъ онъ.—Нынче словно злой духъ вселился въ народъ. „Всѣхъ ужьренности нѣтъ удовольствія“, говорили наши отцы, но теперь это правило всѣми позабыто. Каждый тянется выше. Поденщикъ тянется на свою погибель въ хозяева, ското-

водъ въ коннозаводчики, мелкій земледѣлецъ въ крупныя аренда-торы. Дѣвушки изъ служанокъ бѣгутъ на фабрики, гдѣ имъ вольготнѣе, но гдѣ онѣ развращаются. Отъ такой разнузданности, отъ такой жадной погони за наслажденіями не спасутъ народъ никакіе законы, а можетъ спасти только религія, но такая религія, которая главнымъ образомъ имѣла бы въ виду нравственность.

— Я основательно изучила этотъ вопросъ, — сказала ландграфиня, устремивъ въ потолокъ свои бездѣйственные, косые глаза, — и пришла къ убѣжденію, что необходимо поощрять кустарную промышленность, чтобы привязывать людей къ своей семьѣ, понимаете?

— Кустарную промышленность! — презрительно вскричалъ еврей. — Это тоже одно изъ тѣхъ магическихъ словъ, на которыя ловятся вѣрующіе, но не знакомые съ дѣломъ близко. Торговцы рекомендуютъ кустарную промышленность, потому что весь рискъ ея падаетъ на производителя. Не распроданный товаръ остается у него на рукахъ, машины его бездѣйствуютъ въ случаѣ кризиса и дѣлаются ни на что негодными въ случаѣ изобрѣтенія новаго способа того же производства. А прибыль и въ этомъ случаѣ течетъ въ карманъ скупщика, которому кустарь продаетъ свои кружева, часы, игрушки и другія издѣлія за какую бы то ни было цѣну, лишь бы товаръ не залеживался у него.

— Такъ и въ этомъ случаѣ на помощь должно придти государство, — упорно замѣтила принцесса. — Вѣдь помогала же людямъ церковь въ тѣ времена, когда главною задачею ея признавалась благотворительность.

— Это пасторская мудрость, проповѣдуемая вотъ этой книжечкой, — со смѣхомъ сказала Геннегауеръ, щелкнувъ пальцемъ въ книжку, которую читала передъ тѣмъ принцесса. — Что касается до меня, то я считаю несомнѣннымъ, что средневѣковая католическая церковь усилила зло, съ которымъ она вступила въ борьбу. Избави

насъ Богъ отъ такихъ дарноѣдовъ, какими кишѣли въ прежнія времена монастыри!

Ландграфиню передернуло отъ этихъ словъ—еврей непочтительно коснулся ея кумира. Она поняла, что отъ этого холоднаго чловѣка, не уважающаго даже ея святиню, нечего ждать помощи. Не пожертвуетъ онъ ни одного гроша изъ больничнаго фонда на ея широкіе планы.

— Значить, вы не помогаете бѣднымъ?—разсѣянно спросила она.

Геннегауеръ бросилъ на нее раздраженный, почти презрительный взглядъ.

— Извините, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ съ холодной усмѣшкой,—я лечу бѣдныхъ, когда они болѣютъ.

— Я говорю не о больныхъ, а о рабочихъ,—надменно возразила принцесса.

— Я могу объяснить вашей свѣтлости; что я дѣлаю для рабочихъ,—рѣзко сказалъ Геннегауеръ.—Я занимаю моими изданіями три типографіи. Изъ году въ годъ чловѣкъ двѣнадцать рабочихъ набираютъ и печатаютъ мою газету и мои книги. Изъ году въ годъ чловѣкъ пятьдесятъ богатыхъ прѣзжихъ пациентовъ проживаютъ здѣсь, пользуясь у меня, и даютъ заработокъ слугамъ и промышленникамъ. Наконецъ, работы по возведенію пристроекъ къ нашему госпиталю дали бы и непосредственно хлѣбъ здѣшнимъ рабочимъ, если бы они пожелали работать.

Принцесса разсѣянно слушала, глядя въ окно, и потомъ спросила:

— А прямой поддержки социальному предпріятію вы не согласились бы оказать изъ вашихъ фондовъ?

— Не согласился бы,—сухо отвѣтилъ Геннегауеръ.

Принцесса встала и холодно прибавила, чтобы прекратить бесполезный разговоръ:

— Ландграфъ жаждетъ, чтобы вы дали консультацію моему подругѣ.

Ванда поблѣднѣла. Докторъ обратилъ на нее свои серьезные, арабскіе глаза. Она была не въ силахъ выдержать этого грустнаго, участливаго взгляда. Но докторъ спокойно отвѣтилъ:

— Фрейлейнъ Мауершнекъ хорошо извѣстно, чѣмъ она больна и что ей слѣдуетъ дѣлать. Природа жестоко наказываетъ того, кто идетъ противъ ея законовъ. Честь имѣю кланяться.

— Неслыханно!—внѣ себя вскричала ландграфиня прежде даже, чѣмъ за докторомъ притворилась дверь.—Что за бессердечіе у этого еврея! Ни слова сочувствія къ моему благотворительной дѣятельности! Какая разница съ пасторомъ Граусомъ!

— Ушелъ?—спросилъ ландграфъ, пріотворивъ дверь. Его безпокоила эта бесѣда доктора съ его женой, и онъ все время подслушивалъ у двери. Войдя въ комнату, онъ обмѣнялся съ Вандой значительнымъ взглядомъ.

— Да, слава Богу!—отвѣтила ему жена, дрожа отъ негодованія.—Желала бы я, чтобы ты слышалъ, какинъ тономъ онъ разговаривалъ со мною.

— Мнѣ самому надоѣлъ этотъ безстыжій еврей,—сказалъ ландграфъ.—Мы пригласимъ новаго врача, который публиковался недавно, что онъ занимается практикой въ Румпенгеймѣ. Это повредитъ практикѣ Геннегауера и сдѣлаетъ его податливѣе. Въ случаѣ серьезной болѣзни, за нимъ опять можно будетъ послать.

Такимъ образомъ, на слѣдующій день, къ немалому изумленію Васкецера, къ нему явился слуга въ придворной ливреѣ и объявилъ, что его просятъ немедленно пожаловать ко двору.

Ландграфиня со своею фрейлиной и въ этотъ день также сидѣли въ будуарѣ роково, изъ котораго всего лучше можно было слышать, что говорится въ смежной аудіенцъ-залѣ. Обѣ онѣ по очереди читали Гете и если не обѣ, то принцесса, по крайней мѣрѣ, находилась въ настроеніи просвѣщенныхъ женщ

вато Тассо. Обѣ, какъ двѣ Элеоноры, съ улыбкой поглядѣли на забавную фигуру новаго доктора, когда онъ расшаркивался передъ ними. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, послѣ разговора съ ландграфомъ, — тѣсный галстухъ душилъ его, уши казались краснѣе и толще, чѣмъ когда бы то ни было. Ландграфиня сжалась надъ его зажимательствомъ и заговорила съ нимъ ободряющимъ тономъ, а фрейлейнъ Ванда придвинула для него стулъ, на кончикѣ котораго онъ неуклюже присѣлъ.

— Вы занимались прежде журналистикою? — милостиво начала маленькая принцесса. — Вы бросили это занятіе?

Бывшій народный трибунъ вдохнулъ свободнѣе: вопросъ этотъ поставилъ его на свойственную ему почву.

— Здѣшняя пресса не заслуживаетъ ничего; кромѣ презрѣнія, — съ достоинствомъ отвѣтилъ онъ. — Ни одинъ человекъ съ душой и совѣстью не выдержитъ долго этого ада.

Радостная искорка въ глазахъ ландграфини показала бывшему другу народа, что онъ попалъ въ настоящій тонъ.

— О, какъ вы правы! — со вздохомъ проговорила принцесса. — Когда я гляжу вотъ въ это окно на улицу и вижу, какъ разносятъ газетчики по домамъ газеты, то мнѣ всегда приходитъ въ голову вопросъ: „Что они вносятъ тутъ изъ дома въ домъ, изъ семьи въ семью? Ядъ! ядъ! ядъ!“ Я сжимаю кулаки и злюсь, что я слишкомъ слаба, чтобы искоренить эту заразу. Ну вотъ вы — врачъ: не знаете ли какого нибудь средства противъ нея?

— Вашей свѣтлости извѣстно, какое средство рекомендовалъ князь Бисмаркъ, — отвѣтилъ докторъ съ простодушной улыбкой.

Ландграфиня отрицательно качнула головой; имя Бисмарка было ей несимпатично.

— Этотъ великій знатокъ людей, — продолжалъ Васнеперъ, — сказавъ, что онъ предоставилъ бы печати полную свободу съ тѣмъ только, чтобы каждый репортеръ выставлялъ надъ своей статьей

собственную фотографію. Никакія письма не могли бы быть вредными, если бы публика видѣла фзіономію автора.

Дамы засмѣялись.

— Что за носы получились бы тогда!— хихикала фрейлейнъ Ванда.— Надѣсь, что законъ вашъ предписывалъ бы снимать фотографію въ профиль.

— Да, пестрое было бы это общество, сударыня,— продолжалъ Баскеперъ, довольный, что заслужилъ одобреніе.— Фзіономіи были бы вообще моложе, чѣмъ ваша свѣтлость, можетъ быть, предполагаете. Въ нашей журналистикѣ подвизается немало гимназистовъ старшихъ классовъ, а также даровитыхъ еврейскихъ дѣвѣтъ; но немало и пожилыхъ студентовъ, отставныхъ гофратовъ и провалившихся кандидатовъ.

На этомъ словѣ Баскеперъ поперхнулся отъ мелькнувшаго въ умѣ его непріятнаго воспоминанія. Дамы покатывались со смѣху.

— Я думаю, что молодые люди стали бы писать очень мило и любезно, если бы передъ статьей стояла ихъ драгоценная фзіономія,— шутила Ванда.

— По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не нашли бы себѣ подругу жизни съ хорошимъ прилагательнымъ. Статьи писались бы съ біеніемъ юваго сердца и читались бы съ румянцемъ на дѣвственныхъ щечкахъ. Журналисты перестали бы тогда придерживаться правила: я хвалю тебя, ты хвалишь меня, мы хвалимъ васъ. Юные карьеристы перестали бы воскурять оміамъ своимъ начальникамъ, или, наоборотъ, клеветать на нихъ; провалившіеся конкурренты не искали бы своимъ счастливымъ соперникамъ поносительными статьями въ „Народномъ Вѣстникѣ“; искатели министерскихъ портфелей въ палатѣ не громили бы въ благородномъ негодованіи министра, на постъ котораго они мѣтять, такъ какъ по фзіономіи каждаго сейчасъ всемъ становилось бы ясно, что собственно ему нужно и какія поповновенія скрываются подъ патетическими фразами.

— Ахъ!—вздохнула принцесса,—какая плодотворная политическая идея! Подъ сиреной оболочкой въ васъ таится великій государственный мужъ, г-нъ Вассенеръ.

Польщенный врачъ поклонился.

— Но какъ вы полагаете, возможно-ли осуществить эту великую мысль?—спросила принцесса.

— Отчего же нѣтъ, ваша свѣтлость? Нынѣ всякая фотографія воспроизводится циннеографіей. Отчего же бы не потребовать отъ каждаго репортера, чтобы онъ заказывалъ такую пластинку, которая и печаталась бы вмѣстѣ съ его статьямя?

— Но развѣ они не могли бы подставлять другія лица?—запѣтила Ванда.

— Вы имѣете въ виду, милостивая государыня, настоящее положеніе дѣлъ, когда подпись репортера дѣйствительно служитъ только маской для него. Мюллеръ подписывается буквой Ш..., Шульце—несовдониномъ „М-ръ“. Но вѣдь не всякая фizioномія и подойдетъ къ статьѣ; къ тому же и ссудить свое лицо не всякій рѣшится. Или свое, пожалуй, иной и продастъ, но фотографію для неизвѣстной цѣли—вѣдь это то же, что продать свою тѣнь, какъ Петръ Шлемиль. Вѣдь за такой подлогъ законъ долженъ еще строже наказывать, чѣмъ за поддѣлку фабричнаго клейма. Если бы только его свѣтлость рѣшился дополнить такой статьёй законъ о печати... Я убѣжденъ, что подобная идея была бы лйдомъ Колумба. Пруссія навѣрное послѣдовала бы примѣру Рунингенейма, еслибы это только имѣло здѣсь успѣшный результатъ.

— Я поговорю съ ландграфомъ,—многосзначительно сказала принцесса.—Дай Богъ, чтобы эта оригинальная игра помогла противъ духа нашего ужаснаго времени.

— Да, ваша свѣтлость, мы живемъ въ серьезное время. Я вижу, что ваши милости изволили читать „Побочное дитя“ Гете.

Ванда вскинула. Ястребиные глаза Вассенера все еще сохранили всю свою остроту, какъ тогда, когда онъ спивенвалъ на экзаменѣ

работы Геннегауера, и онъ такимъ образомъ тотчасъ узналъ мѣсто, на которомъ остановились дамы. Случайно онъ зналъ это мѣсто наизусть, такъ какъ часто употреблялъ эти строки въ видѣ иронической цитаты въ бытность свою редакторомъ радикальной газеты. Но онъ теперь сдержанно сказалъ:

— Какъ точно примѣняются и къ нашему времени великія слова поэта:

„O, diese Zeit hat fürchterliche Zeichen!
Das Niedre schwillt, das Hohe senkt sich wieder,
Als könnte jeder nur am Platz des andern
Befriedigung verworner Wünsche finden,
Nur dann sich glücklich fühlen, wenn nichts mehr
Zu unterscheiden wäre“...

(О, страшныя знаменія времени; низшіе всплываютъ наверхъ, высшіе опускаются внизъ, словно каждый можетъ найти удовлетвореніе своихъ смутныхъ желаній лишь занявъ мѣсто другого, только тогда почувствовать себя счастливымъ, когда все смѣшивается безразлично...).

Тронутая ландграфиня чуть не рыдала. Она схватила руку благороднаго друга народа и вскричала:

— Вы должны сдѣлаться ближайшимъ совѣтникомъ моего мужа.

Утеревъ слезы, стоявшія у нея въ глазахъ, она прибавила болѣе спокойнымъ тономъ.

— Не могу выразить вамъ, какъ пріятна мнѣ серьезность, съ которою вы говорите объ этихъ вещахъ. Вчера мы видѣли здѣсь нѣчто совсемъ противоположное, что глубоко огорчило меня. Дѣло въ томъ, что у меня недостаетъ денегъ для рѣшенія социальнаго вопроса, поэтому я обратилась къ доктору Геннегауеру. Я полагала, что въ подобныхъ дѣлахъ еврей всегда можетъ помочь, но онъ неступилъ въ этомъ случаѣ вѣрнее непримично. Я не могу болѣе принимать его. Не знаете-ли вы какихъ нибудь источниковъ, которые можно было бы обратиться на эту цѣль—

какихъ нибудь экономій, или излишковъ, или какъ это называется?

Васкецеръ глубокомысленно поднялъ брови, словно собираясь поставить важный діагнозъ, и потомъ сказалъ, понизивъ голосъ:

— Можно бы увеличить налогъ на газеты; это имѣло бы и ту хорошую сторону, что публика стала бы побольше читать книги. Можно бы также обложить налогомъ холостяковъ и фортепиано. Пожалуй, можно бы также прекратить выдачу жалованья высшимъ официальнымъ лицамъ и вмѣсто того предоставить, какъ въ прежнія времена, каждому изъ совѣтниковъ ландграфа по богатому еврею, съ правомъ донуть его и выжимать. Я подумаю объ этомъ хорошенько.

— Пожалуйста, подумайте, — просила ландграфиня. — Я надѣюсь, что мы будемъ часто видѣть васъ здѣсь, — заключила она, отпуская доктора съ самой благосклонной улыбкой.

Васкецеръ удалился съ глубокими поклонами, бросивъ въ дверяхъ лукавый взглядъ на красивую фрейлину.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ежедневнымъ гостемъ въ замкѣ, и расположеніе къ нему двора не замедлило отозваться на его практикѣ. Такъ какъ самъ ландграфъ ввѣрилъ свое здоровье заботамъ доктора Васкецера, то, разумѣется, и весь дворъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать то же самое. Черезъ нѣсколько недѣль г-нъ Васкецеръ былъ уже лейбъ-медикомъ, вслѣдствіе чего мѣстный университетъ возвалъ его *honoris causa* на степень доктора медицины. Одинъ только Геннегауеръ видимо не одобрялъ быстрой карьеры своего ассистента. Съ тѣхъ поръ, какъ тотъ сдѣлался лейбъ-медикомъ, директоръ госпиталя ни разу не говорилъ съ нимъ дружески, и однажды формально пригласилъ его придти къ нему въ кабинетъ.

— Коллега, — началъ директоръ, когда тотъ сѣлъ, — я, конечно, не имѣю нагбренія вмешиваться въ ваши частныя дѣла,

но ваша практика при дворѣ для меня слишкомъ непонятна, чтобы я могъ продолжать работать вмѣстѣ съ вами въ госпиталѣ. Я ожидалъ, что вы сами наконецъ откажетесь отъ нея, но такъ какъ вы не считаете это нужнымъ, то я прошу васъ оставить госпиталь. Такъ какъ вы уже завели себѣ въ городѣ практику, то и поселитесь тамъ, и постарайтесь только, чтобы мнѣ не пришлось упрекать себя въ томъ, что я помогъ вамъ сдѣлаться врачомъ.

Эти слова были такъ неожиданны для Баскепера, что онъ измѣнился въ лицѣ. Короткіе волосы его ошетились и толстыя уши налились кровью.

— Въ чемъ же вы меня собственно упрекаете?—спросилъ онъ.

— Я свободенъ въ выборѣ моихъ ассистентовъ,—сухо сказалъ Геннегауеръ, — а человекъ, пользующійся довѣріемъ нашего ландграфа, не можетъ быть въ то же время и моимъ довѣреннымъ лицомъ.

Съ этими словами онъ всталъ. Баскеперъ видимо находился въ затрудненіи и почесывалъ за ухомъ.

— Мнѣ самому эта исторія неприятна, — сказалъ онъ, — но, какъ добрый малый, я не могъ оставить этихъ трехъ человекъ въ затрудненіи. Развѣ поддержаніе супружескаго согласія — не доброе дѣло?

Геннегауеръ холодно пожалъ плечами.

— Повторяю, что я не намеренъ вмѣшиваться въ ваши дѣла.

— Ну, такъ все же, надѣюсь, мы разстанемся мирно, — добродушно сказалъ Баскеперъ.

— Мирно, но разстанемся, — отвѣтилъ Геннегауеръ нѣсколько мягче и, поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

— Хорошо, — проворчалъ Баскеперъ, — смотри же, къ чему приведетъ тебя твое высокоуміе. Однако, не лучше-ли было бы

сказать ему, что именно я имѣю въ виду, чтобы онъ не воображалъ Богъ знаетъ чего. Неприятно вѣдь расставаться съ нимъ такимъ образомъ!

Онъ подождалъ минуту—не вернется-ли Геннегауеръ, но, не дождавшись, съ досадою пожалъ плечами и ушелъ.

Б. Ротманъ,

(Продолженіе будетъ).

О ЧЕРТВЪ ОСВѢДЛОСТИ¹.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Намъ предстоитъ теперь рассмотретьъ поголовныя изгнанія евреевъ изъ Россіи при императрицахъ Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ и доказать, что это—явленіе, объясняющееся тогдашнимъ уклоненіемъ отъ обычной русско-національной политики относительно иновѣрцевъ вообще.

Изъ предшествовавшихъ нашихъ очерковъ усматривается съ достаточною, кажется, ясностью настоящій характеръ нашихъ религіозно-политическихъ отношеній къ евреямъ и иновѣрнымъ людямъ вообще въ удѣльно-вѣчевомъ и московскомъ періодѣ.

Мы видѣли, что подъ благотворнымъ вліяніемъ православія издревле установлена была у насъ обычаемъ весьма сдержанная по отношенію къ нимъ политика, въ которой лежала главнымъ образомъ мысль *объ оборонѣ и защитѣ господствующей церкви* отъ соблазновъ и совращеній со стороны появлявшихся извнѣ или проживавшихъ постоянно на Руси иновѣрцевъ.

Держась строго усвоенныхъ началъ, политика эта и въ царскомъ періодѣ не выходила изъ своего обычнаго круга дѣйствія, ограничиваясь воспрещеніемъ иновѣрцамъ, подъ страхомъ наказаній и казней, всего того, что по тогдашнимъ понятіямъ могло препятствовать успѣхамъ распространенія и укрѣпленія въ русскомъ народѣ истиннъ православной вѣры или служить для него соблазномъ.

Иновѣрцы собственно за исповѣданіе прирожденной имъ вѣры

¹ См. „Восходъ“ 1890 г., кн. IV—V.

не преслѣдовались. Ни цѣрковь, ни государи наши не пылали къ нимъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, тѣмъ религиознымъ фанатизмомъ, который въ Византіи и на Западѣ дышалъ къ нимъ ненавистью, уничтожавшею въ сердцахъ людей всякое человѣческое чувство. Извѣстно, сколько такимъ фанатизмомъ было причинено тамъ бѣдъ, особенно съ учрежденіемъ ниневизціонныхъ трибуналовъ и ордена іезуитовъ, извращавшихъ понятія о христіанскомъ благочестіи и не гнушавшихся никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей.

Благодаря вышесказанной политикѣ, совершенно иное направленіе, въ то же самое время, господствовало у насъ.

Нельзя сказать, чтобы и наши святители и отцы цѣркви, какъ равно и государи, были совершенно чужды стремленіямъ къ прозелитству. По присущей христіанству идеѣ о всемірной его миссіи, не могла, конечно, съ его возникновеніемъ не проявиться и въ нихъ та же склонность. Но въ нихъ не гасла при этомъ любовь къ людямъ, не исчезало чувство человѣчности. Вслѣдствіе этого и образъ ихъ дѣйствія въ дѣлѣ прозелитства былъ совершенно иной.

Въ подвижническихъ своихъ трудахъ по насажденію истинъ православной вѣры наши русскіе главнѣйшіе духовные ея ревнители волюгѣ сознавали, что единственное средство къ разсвѣтлю религиозныхъ заблужденій и приобрѣтенію прозелитовъ не убѣжденію совѣсти—это дѣятельное, терпѣливое и усердное назиданіе въ вѣрѣ и обличеніе несогласныхъ съ нею вѣрующій, но отнюдь не насиліе и безчеловѣчное обращеніе съ заблудшими. Мы видѣли, какъ жаждалъ св. Феодосій Печерскій обращенія на путь истинны евреевъ, проживавшихъ въ Кіевѣ; но онъ не ожесточалъ, однако, противъ нихъ ни народа, ни князей. Онъ не внушалъ имъ, въ норывахъ своей ревности, никакихъ безчеловѣчій къ людямъ іудейскаго закона. Примеру преп. Феодосія слѣдовали и другіе наши святители, особенно великорусскіе, въ царскомъ періодѣ; христіанское благочестіе они видѣли не въ безчеловѣчныхъ поступкахъ надъ каждымъ, кто не соглашался присоединяться къ православію, а въ подвигахъ личнаго труда надъ невѣрующими, съ цѣлью поддѣйствовать на совѣсть силою убѣжденія. Въ этихъ христіанскихъ попеченіяхъ о душеспасеніи иновѣрцевъ

отцы и святители нашей православной церкви были расположены скорѣе въ удержаніи ихъ въ странѣ, чѣмъ къ ихъ изгнанію изъ нея, такъ какъ эти дѣятели не переставали питать надежду, что заблудшіе въ лжеученіяхъ рано или поздно, при дѣйствіи благодати Божіей и ихъ подвижническаго труда, обратятся къ свѣту истины. Таково было направленіе истинно-православныхъ пастырей нашихъ, таково оно и теперь.

Въ томъ же самомъ духѣ и направленіи дѣйствовали и православные наши князья и цари. По имѣющимъ историческимъ даннымъ, нельзя отвергать, что, будучи такими же ревнителями православія, какъ и святители церкви, они, подобно имъ, питали въ душѣ христіанское расположеніе пріобрѣтать презвитовъ среди иновѣрцевъ, какъ въ христіанъ, такъ и не-христіанъ, изъ видовъ ихъ душеспасенія. Но величайшая ихъ политическая мудрость въ этомъ дѣлѣ заключалась въ томъ, что, питая въ себѣ сказанное чувство, они въ то же время, по примѣру нервѣнскихъ отцовъ церкви, всегда различали бытовныя отношенія къ иновѣрцамъ отъ чисто-духовныхъ къ догматамъ ихъ исповѣданія и, пользуясь своею независимостью въ политической и гражданской сферѣ, всегда умѣряли эту ревность, какъ въ себѣ, такъ и въ тѣхъ пастыряхъ, которые были склонны къ фанатизму, не слѣдуя ихъ внушеніямъ и возбужденіямъ. Мы видѣли, напримѣръ, что на царя Алексѣя Михайловича не могли подѣйствовать ни доктринальное ученіе Юрія Бржжанича о «гостогометствѣ», ни схоластико-фанатическое сочиненіе «Мессія Правдивый» нашего южно-русскаго монаха Талатовскаго, написанное съ цѣлью возбужденія этого царя именно противъ евреевъ.

Вслѣдствіе усвоенныхъ такимъ образомъ издревле держателями русскаго народа взглядовъ, изъ образъ дѣйствія въ религиозныхъ дѣлахъ, въ противоположность византійскому и западному, отличался несравненно большею челоуѣчностью и сдержанностью. Ни въ историческихъ, ни въ законодательныхъ нашихъ памятникахъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы имъ издавались когда либо постановленія и законы, въ силу которыхъ исповѣданіе иновѣрными людьми прирожденной имъ религіи вѣнчалось бы имъ въ вину и возводилось на степень государственнаго преступленія, заслуживающаго казни или изгнанія изъ страны. Нѣтъ поэтому и слѣдовъ,

чтобы на Русь, при князьяхъ и царяхъ, право пребыванія въ странѣ обуславливалось для евреевъ или другихъ какихъ либо инозѣрцамъ принятіемъ крещенія и переходомъ въ православіе. Такого рода насиліемъ Русь была совершенно чужда. Если лѣтописи наши повѣствуютъ о жестокости, съ какою Іоаннъ Грозный поступилъ въ Полоцкѣ, при его вѣдѣніи, съ бернардинцами и евреями, повелѣвъ однихъ перерѣзать, а другихъ, при ихъ отказѣ отъ крещенія, топить въ Двинѣ, — то этотъ исключительный случай, объясняющійся, какъ нами сказано выше, единственно личнымъ жестокимъ характеромъ Грознаго, никакъ не можетъ быть принимаемъ за несомнѣнный признакъ, что такой образъ дѣйствія былъ въ общаѣ всѣхъ вообще нашихъ князей и государей удѣльно-кѣвчоваго и царскаго періода. Предполагать это или давать поводъ къ такому предположенію, — какъ это дѣлають, къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ русскихъ историковъ и писателей, по неприязни къ евреямъ, — недостойно истинно-русскаго православнаго человѣка. Князья и цари наши, напротивъ, въ людяхъ чужеземныхъ религій, заѣхавшихъ въ русскую страну или обитавшихъ въ ней, не относились раздражительно по поводу собственно ихъ вѣры, не показывали собою признаковъ благодушія къ нимъ и человѣчнаго съ ними обращенія. Приращенная вѣра царскою властью не ставилась никому въ упоръ, ни евреямъ, ни другимъ инозѣрцамъ. Въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ свидѣтельства о томъ; чтобы въ удѣльно-кѣвчовомъ или московскомъ періодѣ предписывалось евреямъ носить на одеждѣ особые знаки или чтобы надъ ними допускались обрядовыя глумленія, какия вводились обычаемъ и законами въ римско-католическихъ странахъ съ цѣлью нанесенія ли какъ іудейскаго закона публичнаго оскорбленія и возбужденія противъ нихъ народа. Въ видахъ необязанія этого, у насъ не допускались даже и открытыя съ ними богословскія диспуты передъ народными собраніями, съ насильственнымъ ихъ приводомъ туда, для принятія ими какъ бы участія въ этихъ диспутахъ, но въ сущности — для все-народнаго ихъ осмѣянія и вселенія въ народѣ презрѣнія къ человѣческой ихъ личности. Подобныя мѣры не были и не могли быть въ духѣ истиннаго православія, относившагося серьезно и глубже къ своимъ христіанскимъ обязанностямъ и заботамъ о душеспасеніи. Достиженіе этой христіанской цѣли силою убѣжденія призна-

балось и нашими государями самимъ вѣрнымъ и надежнымъ соборомъ. Поэтому, обличенія нечѣрія и отклоненія отъ него дозволялись ими по огнюненію къ людямъ нососемикъ вѣръ ладъ путемъ поученій и проповѣдей или посредствомъ келейныхъ иишмонныхъ трудовъ, издававшихся потому въ свѣтъ. Правда, что изъ реллигiозной равности въ распространенію православія истарин доуицень былъ у насъ обичай привлекать къ нему и поощрительными мѣрами, чрезъ предоставленіе принимавшимъ крещеніе иновѣрцамъ разнаго рода льготъ, облегчій и материальныхъ выгодъ. Но мѣры эти, не составляя въ сущности насилія совѣсти, такъ какъ отъ доброй воли каждаго иновѣрца продолжалъ зависть его переходъ въ православіе съ цѣлю воспользоваться сказанными поощреніями, оправдывались въ то время и крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ духовно-реллигiознаго развитія нашего духовенства. За исключеніемъ немногихъ высшихъ іерарховъ, хранившихъ чистоту православія и наставлявшихъ въ немъ ближайшую къ себѣ паству, въ томъ числѣ царей и московскихъ бояръ, все низшее духовенство находилось тогда въ крайнемъ еще нечѣжествѣ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что нашъ святитель Дмитрій Ростовскій повѣствуетъ, что, объѣзжая свою епархію въ царствованіе уже Петра I, онъ встрѣчалъ священниковъ, которые не знали даже общаго порядка библейской исторіи, думали, наприимѣръ, что пророкъ Ілія жилъ послѣ Иисуса Христа, что онъ умертвилъ жрецовъ Ваала тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ апостолъ Петръ отсѣкъ прежде уже Маллу, и т. п. ¹. Присоединеніе, поэтому, къ духовнымъ мѣрамъ прозелитизма сказанной свѣтской, заключающейся въ поощреніи путемъ царскихъ щедротъ, вызывалось потребностью времени и во всякомъ случаѣ служить живымъ доказательствомъ, *со стороны*, что православные государи наши въ своихъ стремленіяхъ къ прозелитизму были несравненно разборчивѣе относительно средствъ, тѣмъ прочіе христіанскіе властители, и *со стороны*, что стремясь къ умноженію православной паствы прозелитами изъ числа проживавшихъ на Руси иновѣрцевъ, не прибѣгая ни

¹ Пр. Знаменскій. Руководство къ Русской Церковной Исторіи. Изд. 5, 1888 г., стр. 295.

къ какому насильственному для этого мѣрѣнъ и съ нѣкоторыми даже матеріальными для государства потерями, государи тѣ должны были имѣть, какъ и святители церкви, склонность скорѣе къ удержанію такихъ людей въ русской странѣ, чѣмъ къ ихъ удаленію изъ нея. На господство въ нашихъ царяхъ имѣло такого благодушнаго направленія къ иновѣрцамъ, христіанамъ и нехристіанамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, и сѣтовали упомянутые выше современные царю Алексѣю Михайловичу церковники Юрій Крыжаничъ и южно-русскій монахъ Галатовскій, съ римско-латинской точки зрѣнія которымъ царямъ нашимъ надлежало бы не столько нещись о крещеніи людей въ православную вѣру, сколько принимать энергическія мѣры къ ихъ вытѣсненію изъ страны.

Этого рода упрёки и укоры нашихъ духовныхъ сколастиковъ XVII вѣка, взросшихъ и воспитавшихся подъ началами римско-католическими и униатскими, служатъ весьма осознательнымъ подтвержденіемъ, что направленіе нашей древней православной Руси было совершенно противоположно этимъ началамъ и что, пока оно господствовало въ ней, религіозныя гоненія, со всѣми ужасами, какими они сопровождались на Западѣ, не могли получить развитія и даже имѣть мѣсто въ русской странѣ по отношенію и къ евреямъ. И дѣйствительно, ни лѣтописи наши, ни другіе историческіе источники не содержатъ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы въ православной Руси, до умноженія въ ней при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ числа евреевъ и послѣ того, возбуждались на нихъ подобныя гоненія и чтобы у насъ существовалъ въ тѣ времена обычай поголовныхъ изгнаній изъ страны собственно за *отру* или *расевое происхождение* какихъ бы то ни было иновѣрцевъ. Между тѣмъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы о такихъ круцихъ фактахъ, какъ религіозныя и притомъ поголовныя, въ силу законовъ или царскихъ повелѣній, изгнанія изъ страны болѣе или менѣе значительнаго числа людей иновѣрныхъ исповѣданій, съ цѣлью безусловнаго очищенія отъ нихъ русской земли и въ смыслѣ мѣры, направленной къ закрытію имъ доступа въ нея, могло не быть никакихъ слѣдовъ, ни въ историческихъ, ни въ законодательныхъ нашихъ памятникахъ, особенно во времена, непосредственно предшествовавшія царствованію Петра I. О та-

кого рода нагнавіахъ имѣть указаній и въ объемистомъ сочиненіи князя Н. Голицына, перерисованаго, судя по обильнымъ его цитатамъ, всѣ государственныя и правительственныя архивы съ спеціальною цѣлью доставленія современному законодательству назидательныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ жизни нашей древней православной Руси. Указаніе имѣть и другіи писателями на договоры наши съ Польшею, заключенныя въ 1678 и 1687 годахъ, при Феодорѣ Алексѣевичѣ и Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ,—договоры, которыми для польскихъ евреевъ была закрыта для торговли Москва, а для русскихъ евреевъ Краковъ, Варшава и Вильна,—не имѣетъ въ этомъ отношеніи, какъ нами уже объяснено, никакого рѣшительно значенія, какъ потому, что мѣра эта не составляетъ вовсе поголовнаго изгнанія изъ Россіи тѣхъ евреевъ, которые въ ней обитали и недопущеніе которыхъ въ Краковъ, Варшаву и Вильну русскимъ правительствомъ было принято тогда на свою обязанность, такъ и потому, что въ основаніи такой мѣры съ русской стороны лежалъ не столько религіозный, сколько чисто-политическій мотивъ, вынуждавшій заключавшихъ сказанные договоры русскихъ бояръ выговорить для Россіи тѣ же права и выгоды, каковыя домогалась Польша.

Можно смѣло сказать, что, за исключеніемъ приверженцевъ внутренняго раскола или такъ называемыхъ «отщепенцевъ», съ которыми, какъ съ внутренними врагами церкви, были у насъ иные счеты, никакія иновѣрцы, не исключая евреевъ, не подвергались у насъ религіознымъ гоненіямъ и не ощущали на себѣ тяжелаго ихъ гнета ни въ удѣльно-вѣчевомъ, ни въ московскомъ періодѣ. Установленіе такихъ гоненій не было и не могло быть въ духѣ русскихъ правовъ, обычаевъ и православныхъ взглядовъ, каковыя держались святители церкви и наши государи. Если въ эпоху господства у насъ политики международнаго отчужденія, изъ видовъ обереженія чистоты православія, и позволялись строгія воспрещенія некрещенымъ имѣть домашнія общенія съ крещеными и держать ихъ въ своихъ домахъ и дворахъ по найму и вѣрностямъ, то въ этомъ никакъ нельзя видѣть религіознаго гоненія собственно противъ евреевъ. Мѣры эти, сами по себѣ, не составляли въ то же время воспрещенія права пребыванія въ странѣ, не скорѣе указываютъ на существованіе такого права. Къ тому же онѣ не

касались исключительно однихъ евреевъ, но всѣхъ вообще некрещенныхъ иновѣрцевъ, подъ понятіе которыхъ въ московскомъ періодѣ, кромѣ евреевъ, магометанъ и язычниковъ, стали подводиться и нѣкоторые христіане, судя по вышедшему въ то время обычаю требовать отъ нихъ, при изъявленіи ими желанія въ переходу въ православіе, вторичнаго крещенія,—обычаю, отмѣненному въ 1718 году, при Петрѣ I, разрѣшеніемъ лютеранамъ и протестантамъ присоединяться къ православію чрезъ одно только миропомазаніе (Руков. къ Русск. Церк. Истор. Знаменскаго, стр. 190). Равнымъ образомъ, нельзя присвоивать значеніе направленнаго противъ евреевъ религіознаго гоненія установленію за соvrращеніе и обрѣзаніе сравнительно болѣе тяжелой казни, чѣмъ за соvrращеніе въ христіанство иновѣрныхъ исповѣданій, такъ какъ казнь та опять-таки не касалась исключительно однихъ евреевъ, но составляла мѣру, кою воспрещалось бы имъ и другимъ иновѣрцамъ, державшимся обряда обрѣзанія, право пріѣзда въ русскую страну и жительства въ ней, и вытекала единственно изъ того, что соблазнъ и соvrращеніе изъ православія въ религію, не признающую божественность Христа, признавались прежде, признаются и теперь—грѣхомъ и преступленіемъ противъ церкви и государства сравнительно болѣе тяжкимъ, чѣмъ соблазнъ и соvrращеніе въ иновѣрное христіанство.

Но если ни историческіе, ни законодательные наши памятники не содержатъ слѣдовъ, чтобы въ древней Руси евреи и другіе иновѣрцы, не принадлежавшіе къ числу отпадшихъ отъ православія людей, когда либо подвергались религіознымъ гоненіямъ съ головными ихъ изгнаніями изъ страны, то тѣмъ менѣе можно допустить мысль, чтобы такіа гоненія могли возникнуть при Петрѣ Великомъ, какъ вообще, такъ и по отклоненію къ евреямъ.

Нѣкоторые дѣйствія и мѣры этого царя очевидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ расположеніе слѣдовать началамъ древней политики обереженія господствующей церкви и быть столь же строгимъ защитникомъ и хранителемъ ея догматовъ и блюстителемъ правовѣрія, какъ и всѣ прежніе русскіе князья и государи. Это буквально выражено имъ въ законѣ¹ и подтверждается соотвѣтствующимъ этому образомъ его дѣйствій.

¹ 25-го января 1721 г. (П. С. З., № 3718).

Сохранивъ въ силѣ всю строгость Уложенія царя Алексѣя Михайловича и другихъ царевыхъ повелѣній относительно огражденія церкви отъ случаевъ совращенія и соблазновъ, Петръ не отжѣвиль, по отношенію къ некрещенымъ иноувѣрцамъ, ни казни сожженія огнемъ безъ всякаго милосердія за совращеніе и обрѣзаніе, ни постановленій, воспрещавшихъ имъ домашнія общенія съ православными и держаніе ихъ въ услуженіи, по найму и крѣпостямъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, для приведенія въ дѣйствіе этихъ религіозно-гражданскихъ постановленій, повелѣлъ, какъ мы видѣли выше, изъять принудительнымъ образомъ русскихъ православныхъ людей изъ домовъ и дворовъ некрещеныхъ иноувѣрцевъ, а Петромъ въ 1713 и 1715 годахъ было повелѣно, съ той же цѣлью, отписывать у некрещеныхъ помѣщиковъ крещеныхъ людей. Именнымъ же указомъ 8-го февраля 1716 г., объявленнымъ сенату, было имъ повелѣно строго наблюдать, чтобы каждый православный, подъ опасеніемъ царскаго гнѣва и денежнаго взыскапія, въ точности соблюдался христіанскій долгъ по исповѣди и причастію. Довзательствомъ, какъ онъ самъ чтилъ обязанности по исполненію правилъ православія, можетъ служить, между прочимъ, то обстоятельство, что не имѣя возможности, при разнообразныхъ своихъ трудахъ и путешествіяхъ въ иностранныя земли, строго соблюдать посты, онъ рѣшился, однако, отступить отъ этого древняго правила христіанскаго благочестія не иначе, какъ по предварительномъ испрошеніи на то разрѣшенія константинопольскаго патріарха. Петръ не терпѣлъ даже въ своихъ подданныхъ легкаго образа мыслей относительно всего предписываемаго православною церковью. Почтеннымъ законоучителемъ нашего времени пр. Знаменскимъ, въ его Руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи, приводится случай, что однажды Петръ подвергнулъ историка Татищева, за вольнодумство по поводу преданій церкви, наказанію своею знаменитою дубинкой, приговаривая: «Не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго общественному благоустройству; не затѣвь я тебя внушилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви».

При такихъ строгихъ отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ по оборонѣ и защитѣ господствующей церкви и храненію правовѣрія, трудно предположить, чтобы фактъ умноженія въ составѣ

русскаго народонаселенія евреевъ со времени царя Алексѣя Михайловича и нахожденія болѣе или менѣе значительнаго ихъ числа не только въ южно-русскихъ, но и велико-русскихъ городахъ и селеніяхъ,—могъ ускользнуть изъ вида этого царя. При своихъ частыхъ разъѣздахъ по Россіи, онъ, по всей вѣроятности, имѣлъ неоднократные случаи встрѣчать и видѣть ихъ. Поэтому, еслибъ Петръ признавалъ евреевъ общественнымъ зломъ и причину появленія ихъ въ предѣлахъ русской земли приписывалъ одному благодунію прежнихъ царей и неблажкамъ, противнымъ моральнымъ правиламъ православія и русскаго государственнаго строя, то едва-ли мыслимо, чтобъ этотъ столь твердый въ своей волѣ и столь могущественный государь, какимъ былъ Великій Преобразователь, въ теченіе продолжительнаго своего царствованія, не принялъ никакихъ мѣръ къ очищенію русской территоріи отъ разсѣяннаго по Россіи, но еще незначительнаго въ то время числа людей еврейскаго происхожденія и еврейской вѣры, путемъ ихъ поголовнаго изгнанія изъ страны. Польша въ то время была уже настолькоъ слаба, что выслала туда всѣхъ евреевъ, даже не изъ числа польско-литовскихъ выходцевъ, не встрѣтила бы, конечно, со стороны этого сосѣдняго королевства никакихъ возраженій. Между тѣмъ, ни исторія, ни обильное архивнымъ матеріаломъ сочиненіе вв. Голицына не указываютъ, однако, ни одного факта, который давалъ бы поводъ къ предположенію, чтобы въ Петрѣ возникала даже когда либо мысль объ осуществленіи подобной мѣры. Напротивъ, всѣ данныя даютъ полнѣйшее основаніе къ увѣренности, что такая мысль въ Петрѣ и не могла возникнуть.

Занятый своими реформами, необходимо требовавшими не отчужденія, а сближенія съ чужеземными странами и народностями, Великій Преобразователь былъ вынужденъ въ большинствѣ еще уступкамъ въ пользу релігіозной терпимости и свободѣ вѣроисповѣданій. Это было, конечно, нѣкоторымъ отступленіемъ отъ началъ нашей древне-національной политики, но не состояло въ противорѣчій съ духомъ истиннаго православія, какъ его разумѣли первые отцы и святители нашей церкви. Имъ всегда сознавалось, что отправление богомоленія по обрядамъ своей вѣры составляетъ насущную потребность и для каждаго иновѣрца. Съ ихъ точки зрѣнія только

идоли и капища язычниковъ могли подлежать потребенію. Если въ древней Руси существовалъ обычай не допускать нестрожку храмовъ и молитвенныхъ домовъ такимъ даже иновѣрцамъ, которые почитали единого Бога и были даже христианами, то онъ объясняется только слабою еще степенью развитія въ народѣ православія, т. е. обстоятельствомъ временности, переходящима, и не могъ быть осуществимъ, когда русскою страной не ощущалась еще настоятельная потребность въ сближеніи съ иноземными странами. Ребость къ допущенію въ страну наплыва чужеземцевъ иновѣрныхъ исповѣданій, съ правомъ свободнаго отправленія обрядовъ своей вѣры и постройкою для себя храмовъ и молитвенныхъ домовъ, могла существовать и въ святителяхъ церкви временъ Петра, но не могла существовать въ немъ самомъ, какъ политическомъ дѣятелѣ, которому ближе были вѣдѣны нужды и потребности государства. Допущеніе или недопущеніе для иновѣрцевъ права открытаго отправленія въ русской странѣ обрядовъ своей вѣры не касалось догматической области православія, внѣ которой, по признанію самой помѣстной нашей церкви, съ первыхъ же временъ ея возникновенія, государство, въ лицѣ нашихъ князей и царей, могло пользоваться полною самостоятельностью. Поэтому, хотя изъ вышеказанной робости нѣкоторые изъ нашихъ святителей и обращались къ Петру съ совѣтами и внушеніями относительно соблюденія надлежащей осторожности къ чужеземцамъ иновѣрныхъ исповѣданій, какъ, напримѣръ, св. Митрофаній Воронежскій, который въ своей духовной завѣщаль даже ему не означать ни слишкомъ большой благосклонности (Знаменскій, стр. 260), но никто изъ этихъ святителей не дѣлалъ, однако, сказанныхъ внушеній царю въ томъ смыслѣ, что допущеніемъ иноземныхъ людей въ страну и расширеніемъ ихъ религіозныхъ нравъ дѣлались царскою властью отступленія отъ догматовъ вѣры и коренныхъ началъ правовѣрія. Это явно доказываетъ, что соблюдавшаяся прежнею оберегательною политикою чрезмѣрная осторожность въ сношеніяхъ съ иновѣрцами имѣла свое основаніе лишь въ условіяхъ времени, съ минованіемъ которыхъ характеръ политики могъ быть измѣненъ по волѣ и усмотрѣнію державныхъ властителей русской земли, не вызывая никакого упрека со стороны церкви въ нарушеніи коренныхъ началъ православія.

Поэтому Петръ, въ сознаниі своей независимости въ этомъ отношеніи и подчиняясь потребностямъ своего времени, сталъ склоненъ къ признанію за иновѣрцами полнѣйшей свободы совѣсти, подъ условіемъ непосагательства съ ихъ стороны на совѣсть его православныхъ подданныхъ. Это видно изъ его указа 1702 года, въ коемъ сказано: «Совѣсти человѣческой приневоливать мнѣ не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей». Согласно этому, имъ же было повелѣно отправлявшемуся на сибирскую епархію епископу Филофею Лещинскому крестить тамъ инородцевъ только волею, не прибѣгая даже къ поощреніямъ чрезъ обѣщаніе различныхъ льготъ и выгодъ. Впрочемъ, эту мѣру, какъ не содержащую насилія, Петръ не признавалъ вполне безполезною. Вслѣдствіе этого въ 1720 году, по его же повелѣнію, окрестившимся инородцамъ стали вновь давать льготу отъ податей и свободу отъ рекрутской повинности. При всемъ томъ, Петръ всегда оставался вѣренъ своему взгляду, что въ дѣлѣ религіи сила убѣжденія есть надежнѣйшее средство, и потому стоялъ твердо на началѣ религіозной терпимости и даже полнѣйшей свободѣ совѣсти. По отношенію къ раскольникамъ, какъ людямъ, отпавшимъ отъ православія, Петръ, какъ извѣстно, былъ строгъ. Онъ обложилъ ихъ двойною податью и питалъ къ нимъ нерасположеніе, преимущественно потому, что видѣлъ въ нихъ противоборниковъ своимъ нововведеніямъ. Но и тутъ онъ былъ склоненъ не касаться свободы ихъ совѣсти и не преслѣдовать ихъ собственно за ихъ вѣрованія. Услышавъ однажды, что купцы изъ раскольниковъ вообще люди коропшіе, онъ сказалъ: «Если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ» (Знаменскій, стр. 290).

Изъ этого видно, что въ дѣлѣ религіи Петръ отнюдь не руководствовался своими симпатіями и антипатіями къ тѣмъ или другимъ иновѣрцамъ. Историки наши, какъ мы видѣли, охотно повѣствуютъ объ его антипатіи къ евреямъ, основываясь исключительно на разсказахъ анекдотическаго характера и не подтверждая ихъ справедливости никакими соотвѣтственными тому чувству

мѣрами. Между тѣмъ, фактъ его антипатіи къ католицизму имѣетъ за собою несравненно болѣе осязательныхъ доказательствъ. Двукратное изгнаніе изъ Россіи, въ 1689 и 1719 годахъ, іезуитовъ и созданное Петромъ вакхическаго свойства увеселительное собраніе подъ названіемъ всепустѣйшаго и всепьянѣйшаго собора, съ царь-папою и кардиналами во главѣ, имѣннаго видимую цѣль публичнаго осмѣянія католицизма, служатъ, кажется, достаточными признаками личнаго къ нему нерасположенія царя. Не взирая, однако, на это, имъ же впервые разрѣшено католикамъ публично отправленіе въ Россіи ихъ богослуженія, чрезъ дозволеніе устройства въ Нѣмецкой слободѣ костела. Поэтому, если и не предполагать даже въ Петрѣ особой антипатіи къ евреямъ, а, напротивъ, допустить мысль, что онъ имѣлъ бы въ комунибудь изъ нихъ слабость, такую, напримѣръ, какую приписываетъ кн. Голицынъ столь строгому и суровому въ дѣлахъ вѣры царю, какъ Алексѣй Михайловичъ, къ придворному его лекарю изъ сыновъ Израиля, то и въ такомъ случаѣ едва-ли можно сомнѣваться, чтобы Петръ поколебался бы изгнать изъ Россіи проживавшихъ въ ней евреевъ, съ закрытіемъ для нихъ доступа въ страну, коль скоро такая мѣра оправдывалась бы въ его сознаніи насущными интересами церкви и государства. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ въ сочиненіи кн. Голицына и почерпнутыхъ имъ въ архивахъ синода и сената подробныхъ свѣдѣній объ играющемъ весьма важную роль въ событіяхъ, касающихся сказанныхъ евреевъ, уголовномъ дѣлѣ по обвиненіямъ одного изъ нихъ, нѣкоего Борука-Лейбова, въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ—видно, что и въ подобныхъ случаяхъ не рождалась въ умѣ Петра мысль объ установленіи огульныхъ преслѣдованій противъ лицъ іудейскаго закона, подъ предлогомъ, что всѣ они вообще по своимъ вѣрованіямъ враги Христовы и христіанъ, что всѣ они способны на одни только злодѣянія, и, какъ таковыя, не могутъ будто по преданіямъ церкви и русской старины быть терпимы въ православной странѣ, но должны подлежать поголовному изъ нея изгнанію. Подобная мысль могла рождаться лишь въ умахъ коварныхъ или суевѣрныхъ и слабыхъ, но отнюдь не въ такомъ, какъ Петра.

Разсмотримъ для выясненія этого нѣсколько ближе обстоятельства, касающіяся обвиненій Борука-Лейбы, какъ проливающія

вѣстѣ съ тѣмъ довольно яркій свѣтъ на образъ дѣйствія относительно евреевъ Петра и послѣдующихъ трехъ императрицъ: Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны.

Жившій при Петрѣ и казненный при Аннѣ Иоанновнѣ еврей Борухъ-Лейба, какъ это видно, между прочимъ, изъ помѣщенного въ Полномъ Собраніи Законовъ сенатскаго доклада, съ резолюціей на немъ императрицы Анны Иоанновны, обвинялся собою по двумъ дѣламъ, которыя были даны отдѣльный одинъ отъ другого ходъ.

Первое изъ нихъ возникло въ ноябрѣ 1722 года, а слѣдовательно, еще при Петрѣ Великомъ, болѣе чѣмъ за два года до его кончины, восплѣдовавшей 28 января 1725 года. Царь скончался далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ—ему не было 53 лѣтъ—отъ каменной болѣзни, которая, какъ извѣстно, при недостаткѣ хирургическихъ способовъ и некуснаго хирурга, можетъ причинять скоротечную смерть, но не ослабляетъ умственныхъ и физическихъ силъ, большею частью, до самаго конца. Петръ слегъ въ постель лишь 19 января 1725 г., т. е. только за девять дней до своей кончины; до того же, —говоритъ Костомаровъ, —«онъ неуспшно занимался своими обычными разнообразными дѣлами, переходя отъ усиленныхъ работъ къ обычнымъ своимъ забавамъ». 7 мая 1724 года совершена имъ коронація Екатерины I, а послѣ того въ томъ же году, съ Петромъ произошелъ случай, который свидѣтельствуетъ какъ о присутствіи въ великой душѣ монарха чувства человечности въ каждому, кто только въ глазахъ его не былъ лицомъ преступнымъ, такъ и о совершенной бодрости его въ физическомъ отношеніи за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Отправившись морскимъ путемъ въ Рогервикъ, гдѣ онъ положилъ основаніе длинному молу съ батареей, Петръ, близъ Лахты, замѣтивъ судно, свѣвшее на мель, бросился по поясъ въ воду, чтобы спасти его и находившихся на немъ людей, жертвуя, такимъ образомъ, изъ сказаннаго чувства, своимъ здоровьемъ и даже жизнью. такъ какъ это именно и послужило къ ускоренію развитія недуга, которымъ онъ страдалъ и который былъ причиною его смерти. Изъ этого можно заключить, что за два года до этого происшествія, а именно въ 1722 году, когда возникло дѣло объ упомянутомъ Борухѣ-Лейбовѣ, Петръ обладалъ въ дол-

ной мѣрѣ своими необычайными силами и столь же необычайными энергіей и стойкостью въ дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ.

Дѣло это, возбужденное въ св. синодѣ по жалобѣ смоленскихъ мѣщанъ Герасима Шили и Семена Паскина, не могло отнестись къ ряду обыкновенныхъ, такъ какъ жалоба тѣхъ мѣщанъ, какъ говоритъ самъ кн. Голицинъ, была необычайная. Въ ней объяснялось, что со времени присоединенія княженія Смоленскаго къ Россіи¹ благочестивая вѣра утверждена была въ Смоленскѣ и во всемъ Смоленскомъ княжествѣ, а «жидовская поганая вѣра искоренена была безъ остатку», и что благочестіе было безъ помѣшательства «разныхъ вѣръ» многіе годы. Но бывшій вице-губернаторъ смоленскій, кн. Василій Гагаринъ, допустилъ жидовъ, пришедшихъ изъ-за литовскаго рубежа, въ кабацкіе и таможенные откупа и во всякіе торги, въ той Смоленской провинціи. Жиды эти, размножившись въ Смоленской губерніи, «старозаконіемъ своимъ» чинять въ простомъ народѣ «смуты и прельщенія», выхваляя свою вѣру и порицая «благочестивую», а также «привращая» въ жидовство, не принимая въ субботу денегъ за свой промыселъ и ничего не работая, и въ наши воскресенья, и Господскіе, и Богородничные праздники, работая и заставляя работать и православныхъ, и тѣмъ отвращая ихъ отъ церкви Божіей; продавая «нечистыя кушанья, оскверненныя мышами и не освященныя молитвою» и, слѣдовательно, оскверняющія уста простого народа. Мало того, одинъ изъ жидовъ, откупщикъ Борухъ-Лейбовъ (Бороухъ-Лейбовъ), ругался нашей христіанской вѣрѣ, построилъ въ дворцовомъ селѣ Зибровичахъ жидовскую «школу» (синагогу, — объясняетъ отъ себя кн. Голицинъ), близъ церкви Николая Чудотворца, въ которой «басурманскую свою вѣру отираляетъ», и когда священникъ того села, Авраамъ, наставлялъ правовѣрныхъ христіанъ на истинный путь къ правовѣрью, всякіе ему, жиду, «въ строеніи школы противности въ басурманской ихъ вѣрѣ уворизны чинилъ», то жидъ Бороухъ за оное помянутаго священника «билъ смертно и голову испроло-

¹ Мы прописываемъ эту жалобу такъ, какъ она изложена въ сочиненіи кн. Голицина, который, какъ онъ заявляетъ, просматривалъ въ архивѣ св. синода подлинное объ этомъ случаѣ производство.

милъ и, оковавъ, держалъ въ желѣзахъ», и потомъ освободилъ; и «отъ того жидова мученія священникъ одержимъ былъ болѣзною, и не освободясь отъ нея умеръ».

Изъ содержанія жалобы видно, что это былъ доносъ или извѣтъ, направленный къ обвиненію не только одного Бороха-Лейбова, но и всѣхъ вообще проживающихъ въ Россіи евреевъ, какъ равно и мѣстныхъ властей въ допущеніи ихъ къ жительству и размноженію въ ней, а бывшаго въ Смоленской губерніи вице-губернаторомъ кн. Гагарина—въ поблажкахъ къ нимъ и противозаконномъ допущеніи ихъ тамъ къ кабацкимъ и таможеннымъ откупамъ и во всякаго рода торгамъ и промысламъ. Побудительнымъ поводомъ къ такому доносу для сдѣлавшихъ его мѣщанъ Шилы и Паскина могло послужить чувство затаенной злобы противъ евреевъ за торговую и промышленную съ ихъ стороны конкуренцію, а еще болѣе противъ Бороха-Лейбова за оказывавшееся ему довѣріе не только мѣстными властями, но, какъ видно изъ приведенныхъ кн. Голицынымъ данныхъ, и высшими властями въ самомъ Петербургѣ, такъ какъ названный еврей имѣлъ дѣловыя отношенія съ рекетмейстерской канцеляріей, что было подтверждено и тогдашнимъ генераль-рекетмейстеромъ Воейковымъ. Намъ уже извѣстно, что въ Россіи, до и послѣ изданія Уложенія 1649 года, не существовало собственно закона, воспрещавшаго евреямъ право пребыванія въ русской странѣ, съ отправленіемъ въ ней торговли и промысловъ, исключая евреевъ польско-литовскихъ, изъ которыхъ купцамъ на основаніи договоровъ съ Польшею 1678 и 1686 гг. былъ воспрещенъ пріѣздъ только въ Москву. Но договоры не суть внутренніе законы и легко быть можетъ, что тѣ, о которыхъ сказано, съ единодержавіемъ Петра утратили тогда уже и свою силу, такъ какъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы они были возобновляемы лично государемъ, или чтобы воспрещеніе, касавшееся Москвы, было распространено Петромъ и на вновь основанную имъ столицу—Петербургъ. Формальное заявленіе генераль-рекетмейстеромъ Воейковымъ св. синоду, что еврей Борохъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ его канцеляріи, и уваженіе, сдѣланное синодомъ къ просьбѣ Воейкова объ отдачѣ этого еврея на поруки, вмѣсто личнаго его задержанія и препровожденія въ Смоленскъ къ слѣдствію подъ конвоемъ, даютъ право предпола-

гать, что собственно въ допущеніи прїѣзда и пребыванія Бороха во вновь основанную столицу; для занятій по дѣламъ, ни Воейковъ, ни самъ синодъ не видѣли ничего законопротивнаго. Что касается пребыванія евреевъ въ Смоленской провинціи, то намъ равнымъ образомъ извѣстно уже, что царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ было разрѣшено евреямъ, находившимся въ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ нихъ оставаться по своему желанію и не выѣзжать даже оттуда обратно въ Польшу безъ царскаго соизволенія, и что, независимо отъ этого, евреи свободно могли прїѣзжать туда изъ Литвы и Польши, такъ какъ уомянутыми выше договорами воспрещенъ былъ прїѣздъ польско-литовскимъ купцамъ изъ евреевъ только въ царствующій градъ Москву, какъ русскимъ евреямъ изъ купцовъ былъ воспрещенъ прїѣздъ въ Краковъ, Варшаву и Вильну. Но такое воспрещеніе, какъ мы сейчасъ сказали, могло утратить свою силу съ того времени, когда Петръ сдѣлался единодержавнымъ царемъ.

Поэтому, въ этой части доносъ мѣщанъ Шили и Паскина заключалъ въ себѣ одну лишь ябеду на власти, которая, какъ и вся жалоба, не могла, конечно, принадлежать изъ собственному перу, которое тогдашніе мѣщане, по ихъ общей безграмотности, и держать не умѣли, но была, по всей вѣроятности, сочинена однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ сутягъ и доносчиковъ, которыми, по крайнему неустройству судебной части, изобиловала тогда Россія и въ искорененію которыхъ Петръ, какъ извѣстно, принималъ столь энергическія мѣры. Еслибъ въ допущеніи евреевъ къ проживательству въ Россіи и занятію въ ней торгами и промыслами, въ томъ числѣ и откупамъ, скрывалось злоупотребленіе, съ нарушеніемъ тогдашнихъ строгихъ по части обороны и защиты господствующей церкви законовъ, то при Петрѣ, судя по изъясненію выше характеру его политическихъ взглядовъ и образа дѣйствія въ подобныхъ случаяхъ, расправа съ виновными властями, какъ равно и съ евреями, проживавшими въ Россіи, была бы коротка. Кн. Гагаринъ и прочія власти, а также члены камеръ-коллегии и генераль-реветмейстеръ Воейковъ, были бы подвергнуты суду и наказанію, а незаконно-проживавшіе въ Россіи евреи—немедленно изгнаны изъ нея. Между тѣмъ, изъ приводимыхъ кн. Голлицынымъ, съ непріязненною цѣлью противъ евреевъ, самихъ

подробныхъ объ этомъ дѣлѣ свѣдѣній, тщательно собранныхъ имъ въ государственныхъ и правительственныхъ архивахъ, въ томъ числѣ сенатскомъ и синодскомъ, не видно, однако, чтобы воспослѣдовало что либо подобное. Синодъ, собственно по причинамъ, которыя будутъ объяснены нами ниже, отнесся съ особою строгостью къ дѣлу, касавшемуся евреевъ, распорядился о немедленной словѣ устроенной въ селѣ Звѣровичахъ евреемъ Ворохомъ и его единовѣрцами школы и сожженіи «безъ остатку» всѣхъ обрѣтавшихся въ ней «прелестнаго ихъ ученія книгъ и прочаго», обратился въ сенатъ съ требованіемъ о разсмотрѣніи дѣйствій князя Гагарина, а слѣдовательно, и прочихъ властей по допущенію евреевъ къ торгамъ и откупамъ и проживательству въ Россіи, а также о распоряженіи сенатомъ «дабы всѣ тѣ жида отъ принадлежащихъ въ Россіи торговъ и откуповъ и отъ сообщенія съ православными весьма были отлучены и никогда бы въ тѣхъ странахъ, гдѣ православныхъ жительство имѣется, никакого имъ пристанища и жительства не было», предписалъ указомъ камеръ-коллегии кабацкіе и прочіе сборы отъ евреевъ отнять и передать «благочестивымъ жителямъ» и поручилъ смоленскому архіерею Филофею «разыскать со всякимъ прилежаніемъ и истинно, въ какой возможно скорости, какіе сверхъ означенныхъ въ доношеніи (доносѣ мѣщанъ Шилы и Паскина) противныя благочестію отъ оныхъ жидовъ пакости происходили».

О первомъ требованіи синода — словѣ въ с. Звѣровичахъ еврейской школы и сожженіи въ ней книгъ и всего обрѣтающагося — было сообщено архіерею Филофею промеморіею смоленской губернской канцеляріи. Хотя въ то время свобода иновѣрныхъ иновѣданій не была уже стѣсняема Петромъ въ той мѣрѣ, какъ это было до него, но онъ самъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи съ нѣкоторою осторожностью, разрѣшивъ открытое богослуженіе, съ постройкою церквей, только католикамъ, лютеранамъ и протестантамъ, и то въ опредѣленныхъ для того мѣстахъ. Изъ сего слѣдуетъ заключать, что въ отношеніи другихъ христіанъ, а тѣмъ болѣе не-христіанъ, дѣйствовалъ тогда еще прежній обычный порядокъ, въ силу котораго они не могли пользоваться такою же преимуществомъ. Поэтому смоленская губернская канцелярія, получивъ отъ Филофея вышесказанную промеморію, не

могла поступить иначе, какъ распорядиться о немедленномъ приведеніи въ исполненіе указанныхъ синодомъ, въ отношеніи еврейской школы, мѣръ, какъ вполне соответствовавшихъ господствовавшему порядку. Въ с. Зѣбровичи былъ командированъ вслѣдствіе этого капралъ Степанъ Кочкинъ, который въ точности и выполнилъ возложенное на него порученіе—разорилъ до тла ту школу и сжегъ все найденное въ ней, въ томъ числѣ и книги. Совсѣмъ иное произошло относительно другихъ требованій синода. Самъ кн. Голицынъ объясняетъ, что въ данномъ случаѣ синодъ, изъ ревности въ уничтоженію въ религиозной сферѣ народа вліянія еврейства, вмѣшался въ дѣла внутренняго управленія, въ дѣла хозяйственныя и финансовыя гражданскаго вѣдомства. И дѣйствительно, онъ требовалъ отъ сената, кромѣ разсмотрѣнія дѣйствій кн. Гагарина и другихъ властей по допущенію евреевъ въ Смоленскую губернію и по отдачѣ имъ на откупъ таможенныхъ и питейныхъ сборовъ, какъ дѣйствій, являвшихся во взглядахъ синода незаконными,—еще и распоряженій объ отрѣшеніи въ порядкѣ управленія, или, по нынѣшней терминологіи—въ порядкѣ административномъ, отъ сказанныхъ откуповъ проживавшихъ въ Смоленской губерніи евреевъ, а также о высылкѣ ихъ изъ нея, въ то время, когда о нихъ существовалъ одинъ только оговоръ, справедливость котораго ничѣмъ еще не подтверждалась. Мало того, отъ сената требовалось тогда же синодомъ распоряженіе о высылкѣ не только сказанныхъ евреевъ, но и всѣхъ вообще ихъ единовѣрцевъ изъ Россіи, чѣмъ прямо подана мысль о поголовномъ ихъ изгнаніи изъ нея. Одновременно съ этимъ синодъ предписалъ собственною властью камеръ-коллегии указомъ о немедленномъ отобраніи отъ евреевъ вышеупомянутыхъ откуповъ и передать ихъ исключительно людямъ православнаго исповѣданія. Всѣ эти синодскія требованія и мѣры были, въ сущности, незаконными. Намъ уже извѣстно, что въ Россіи до Петра и при немъ не существовало закона, безусловно воспрещавшаго евреямъ пребываніе въ русской странѣ и предписывавшаго властямъ ихъ изгонять изъ нея, не допуская къ занятіямъ торгами и промыслами. Поэтому сенатъ не считалъ нужнымъ выполнить требованіе синода о разсмотрѣніи въ настоящемъ случаѣ дѣйствій кн. Гагарина и другихъ властей, какъ дѣйствій въ чемъ либо незакон-

нихъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, даже въ просматрѣнныхъ кн. Голицынымъ архивныхъ дѣлахъ, чтобы кто либо изъ властей, въ томъ числѣ и кн. Гагаринъ, были привлечены къ отвѣтственности по сказанному дѣлу или предаки по немъ суду и слѣдствію. Равнымъ образомъ, сенатомъ въ порядкѣ управленія не было выполнено синодское требованіе ни объ отобраніи откуповъ отъ еврея Бороха-Лейбы и другихъ его единовѣрцевъ въ Смоленской губерніи, ни о высылкѣ изъ Россіи, какъ ихъ, такъ и всѣхъ вообще людей іудейскаго закона, за немѣннимъ, какъ слѣдуетъ полагать, достаточныхъ законныхъ въ тому основаній. Еслибъ сенатъ признавалъ возможность опереться на какое либо изъ нихъ, то, по всей вѣроятности, онъ не поколебался бы въ принятіи сказанныхъ мѣръ, судя по его собственному настроенію и образу дѣйствія относительно-евреевъ. Одна камеръ-коллегія не осмѣлилась ослушаться синодскаго указа и тотчасъ по его полученіи сдѣлала съ своей стороны распоряженіе объ устраненіи евреевъ отъ таможенныхъ и питейныхъ откуповъ и о передачѣ ихъ православнымъ. Но по всему видно, что распоряженіе это было только на бумагѣ, такъ какъ Борохъ-Лейбовъ продолжалъ послѣ того содержаться въ Смоленской губерніи тѣ откупа, съ товарищами изъ своихъ единовѣрцевъ, въ продолженіе всего царствованія Петра и даже два года спустя послѣ его смерти, въ царствованіе Екатерины I. Кн. Голицынъ объясняетъ это сильною протекціей, какою Борохъ имѣлъ или могъ имѣть въ тогдашнихъ властяхъ. Но такое объясненіе основано на одномъ лишь предположеніи, не подтверждающемся никакими положительными данными и дающимъ только весьма невѣрное историческое понятіе, что будто при Петрѣ власти могли дѣлать что имъ угодно. На самомъ же дѣлѣ вѣрнѣе и справедливѣе предполагать, что Борохъ имѣлъ возможность добиться своихъ правъ, какъ по условіямъ, въ какія было поставлено возбужденное о немъ синодомъ дѣло, такъ и по существовавшему въ тогдашней правительственной сферѣ порядку вещей, ограждавшему личность даже еврея отъ произвола и самоуправства властей.

Не взирая на важность, какая синодомъ была придана извѣстимъ смоленскихъ мѣщанъ Шныи и Паскина, основаннымъ въ сущности, какъ это видно изъ приведенной выше жалобѣ ихъ,

богѣ на распространенныхъ въ то время предрасудкахъ и предубужденіяхъ противъ евреевъ и суевѣрныхъ ихъ обвиненіяхъ, чѣмъ на дѣйствительныхъ фактахъ, еврей Борохъ при Петрѣ и послѣ него не былъ отосланъ въ гражданскому суду и хотя возбужденное о немъ по сказаннымъ извѣтамъ дѣло и было передано въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, но уже въ царствованіе Анны Іоанновны, при которой Борохъ, въ 1738 году, т. е. чрезъ 16 лѣтъ со времени возникновенія этого дѣла, былъ казненъ по совершенно другому дѣлу, а именно по совокупному обвиненію его съ флота капитанъ-лейтенантомъ Возницкимъ за его совращеніе и обрѣзаніе—дѣлу не менѣе сомнительному и темному. Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра первое изъ этихъ дѣлъ находилось все время въ рукахъ духовнаго вѣдомства и, какъ видно изъ архивныхъ свѣдѣній, показывалось за синодомъ нерѣшеннымъ еще въ 1738 году, т. е. спустя 12 лѣтъ по его началѣ, когда уже царствовала Анна Іоанновна. Медленность эта, при всемъ стремленіи синода къ принятію относительно евреевъ предначертанныхъ имъ мѣръ, сама собою свидѣтельствуешь, что обнаруживаемые духовнымъ слѣдствіемъ факты не говорили въ пользу справедливости обвиненій, какія возводились на Бороха по вышеупомянутымъ извѣтамъ. Смоленскимъ архіереемъ Филофеемъ производство слѣдствія было поручено отъ своего дома соборному священнику Никитѣ Васильеву и діакону Григорію Никифорову, которому почему-то было присвоено небывалое въ православной Руси названіе «инквизитора». Это одно уже указываетъ на вліяніе въ то время у насъ возрѣвшаго римско-латинскаго духа, особенно въ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши и находившихся продолжительное время подъ польско-католическимъ владычествомъ. При этомъ, какъ мы уже нигдѣ случаи сказать, господствовала тогда повсемѣстно среди нашего бѣлаго духовенства крайняя неразвитость. Нужно полагать, что священникъ Васильевъ и прикомандированный къ нему діаконъ-инквизиторъ Никифоровъ не составляли въ этомъ отношеніи исключенія, такъ какъ въ произведенное ими въ 1723 году, т. е. еще при Петрѣ, слѣдственное дознаніе были включены обвиненія самаго суевѣрнаго свойства, подобныя тѣмъ, какія содержались и въ жалобѣ доносчиковъ Шилы и Паскина. Такъ, на примѣръ, на основаніи показаній

мѣстныхъ крестьянъ, старость, поновъ и мѣщанъ, а также фискаля, по всей вѣроятности—того же инвизитора Никифорова, давшаго направленіе этимъ показаніямъ, дознаніемъ выдавался за достовѣрный фактъ, что Ворохъ-Лейба и его жена мучили служившую у нихъ крестьянскую дѣвку съ цѣлью изавеченія изъ нея руды (женскихъ кровей),—обвиненіе, въ которомъ, какъ справедливо замѣчаетъ этотъ разъ самъ ян. Голицынъ, были слышны какъ бы извѣстные мотивы обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови, зашедшія, вѣроятно, изъ сосѣдней Польши; что они же, Ворохъ съ женою, продавали будто православному народу мертвечину или мясо издохшихъ коровъ,—обвиненіе столь же суевѣрное и въ среднія времена въ католическомъ мірѣ, какъ извѣстно, весьма распространенное, которое въ данномъ случаѣ могло служить какъ нельзя лучше видамъ конкурентовъ Вороха по мясной торговлѣ, къ числу которыхъ могли принадлежать и вышеупомянутые мѣщане, учинившіе на него извѣтъ, и т. п. Такии образомъ, приправленное ложью и клеветою слѣдственное производство духовныхъ лицъ отъ архіерейскаго дома Филофея, который самъ былъ родомъ грекъ, не могло, конечно, вселять и въ синодѣ полной въ себѣ довѣрчивости и дать ему рѣшимость доложить Петру, который, какъ извѣстно, былъ врагомъ суевѣрій, ябедъ, ложныхъ доносовъ и сутяжничества. Этимъ именно и можно объяснять необычайную и въ то время медленность по дѣлу, которымъ былъ существенно затронутъ религіозный вопросъ о евреяхъ и которое, повидимому, вслѣдствіе обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ довольно тяжкихъ гражданскихъ преступленіяхъ, должно было принять болѣе быстрое теченіе. Лучшимъ же доказательствомъ, что не только поголовное изгнаніе евреевъ изъ Россіи, но и такая мѣра, какъ лишеніе безъ суда нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изъ нихъ личностей права занятій торговлей и промыслами и ихъ высылка изъ страны, въ древней православной Руси и при Петрѣ еще въ обычаѣ у насъ отнюдь не была и могла въ то время осуществляться не иначе, какъ на основаніи именныхъ указовъ царской власти, можетъ служить то, что въ данномъ случаѣ такіе указы, согласно съ изъясненными настояніями синода, въ дѣйствительности и восполнѣдовали, но только не при Петрѣ, а послѣ него, въ царствованіе уже Екатерины I, когда царская

власть сдѣлалась болѣе слонною слѣдовать этого рода внушеніямъ. Такихъ указовъ появилось два: однимъ, состоявшимся 14 марта 1727 г., было текстуально повелѣно слѣдующее: «но Сенатскому доношенію, въ Смоленскомъ уѣздѣ въ Дворцовомъ с. Звѣровичахъ, съ присутствующими къ нему отданные на откупъ таможенныя и кабацкія сборы жидамъ Борху и Лейбову¹ съ товарищи, по прежнему указу Генваря 1725 года, отъ нихъ отрубить, и учина съ ними жидами по контрактамъ въ томъ расчетъ, выслать ихъ изъ Россіи за рубежъ немедленно, а тѣ сборы отдать на откупъ другимъ, кромѣ жидовъ»; другимъ же, состоявшимся вслѣдъ за первымъ, а именно 20 апрѣля 1727 года,—слѣдующее: «Жидовъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украинѣ и въ другихъ Россійскихъ городахъ, тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно и впредь ихъ ни подъ какими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ накрѣпо; а при отпускѣ ихъ смотрѣть накрѣпо жъ, чтобы они изъ Россіи за рубежъ червонныхъ золотыхъ и никакихъ Россійскихъ серебряныхъ монетъ и ефимковъ отнюдь не вывели; а буде у нихъ червонныя и ефимки или какая Россійская монета явится и за оныя дать имъ мѣдными деньгами». Такимъ образомъ, оба эти указа соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ синода, которыя были выражены имъ въ его постановленіи, состоявшемся еще при Петрѣ, въ 1722 году, по извѣстамъ на еврея въ с. Звѣровичахъ Бороха-Лейбы смоленскихъ мѣщанъ Шили и Паскина, и при дарѣ удовлетворенія не получили. Хотя въ первомъ изъ приведенныхъ указовъ дѣлается ссылка на петровский какъ будто указъ 26 января 1725 года, но такого указа въ подлинникѣ не имѣется и онъ не розысканъ въ архивахъ даже вн. Голлицынымъ. Поэтому есть полнѣйшее основаніе къ сомнѣнію, чтобы таковой указъ въ дѣйствительности и существовалъ и что Петръ могъ лично его подписать за два дня до своей смерти, такъ какъ, по имѣющимся и приведеннымъ

¹ Евреи Борхъ и Лейбовъ, по всей вѣроятности, составили одну и ту же личность и показаны въ указѣ отдѣльно по какой либо ошибкѣ, такъ какъ первый изъ нихъ именовался Борохъ Лейбовъ и, какъ это видно изъ состоявшагося въ 1738 г. при Антѣ Ивановичѣ указа о его казни, былъ именно тотъ, о которомъ было возбуждено дѣло по доносу смоленскихъ мѣщанъ Шили и Паскина.

выше историческимъ свидѣніемъ о болѣзни и кончинѣ государя, известно, что онъ слегъ въ постель 19 числа и государственнымъ дѣлами болѣе не занимался. Но если и предположить, что указъ тотъ былъ и что въ немъ была выражена личная воля Петра, то во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія приписывать его же волѣ второго изъ упомянутыхъ выше указовъ, могъ повелѣвалась поголовная высылка евреевъ изъ Россіи, такъ какъ въ немъ нѣтъ уже смысловъ и указаній на какіе либо петровскіе указы и распоряженія. Указъ 26 января 1725 года, мнимый или дѣйствительный, по смыслу указа Екатерины 14 марта 1727 года, могъ содержать верховное распоряженіе только по предмету отобранія отъ Бороха-Лейбова, съ товарищами, откуповъ и высылкѣ ихъ за рубежъ, т. е. въ Польшу. Но нужно полагать, что повелѣніе это во всякомъ случаѣ осталось безъ исполненія, такъ какъ для этой же самой мѣрн черезъ два года потребовался вторично особый именной указъ. Это даетъ право еще болѣе сомнѣваться, чтобы указъ 26 января исходилъ отъ Петра и чтобы этому акту можно было съ полною достовѣрностью присвоивать названіе петровскаго. Вѣрнѣе и справедливѣе назвать его меньшиковскимъ, такъ какъ известно, что съ того дня, какъ Петръ на смертномъ уже одрѣ выпустилъ изъ рукъ бразды правленія, сталъ орудовать главнымъ образомъ Меньшиковъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ и соображеній самъ собою вытекаетъ тотъ выводъ, что Петръ, дѣйствуя въ дѣлахъ религіи въ духѣ истиннаго православія и обычаевъ, усвоенныхъ издревле нашими православными государями, былъ, какъ и они, въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія совершенно чуждъ безусловной нетерпимости къ чужеземцамъ различныхъ расъ и вѣръ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, а слѣдовательно, не былъ и не могъ быть гонителемъ этихъ послѣднихъ ни изъ-за ихъ расы, ни изъ-за ихъ вѣры. Измѣнивъ существенно характеръ прежней древне-національной политики нашей тѣмъ, что ввелъ въ нее принципъ международнаго сближенія русской страны съ иноземными, и положивъ начало къ упроченію въ политической сферѣ религіозной терпимости положительнымъ выраженіемъ ея принциповъ въ самомъ законѣ, Великій Преобразователь не могъ имѣть въ своихъ видахъ и предначертаніяхъ установленіе религіозныхъ

гоненій противъ евреевъ, какъ и противъ всѣхъ вообще иновѣрцевъ, въ видѣ ихъ поголовныхъ изгнаній изъ страны. Мысль о такихъ изгнаніяхъ была отвергнута имъ и въ то время, когда она была ему подана учрежденнымъ имъ синодомъ и когда этотъ послѣдній настаивалъ на ней по поводу возникшаго о еврей Борохъ-Лейбовѣ слѣдственнаго дѣла на основаніи сдѣланныхъ на него извѣтовъ. Петръ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, остался вѣренъ своимъ политическимъ взглядамъ и воззрѣніямъ до послѣднихъ минутъ своей жизни.

Русскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ БЫЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Отрывокъ).

Ночь. Родриго одинъ, улюбленный въ чтеніе Библии.

Родриго (*читаетъ*).

„Проснись, проснись, встань, дщерь Іерусалима,
Ты, выпившая чашу гнѣва Бога
Изъ руки Его“...

Да будетъ это имя
Изъ устъ въ уста съ хвалою переходить.
Какъ много мысли, красоты и силы,
Какъ много вѣры!.. Только не для тѣхъ,
Боторые изъ трусости склонились
Предъ алтаремъ имъ чуждымъ...

(*Читаетъ*).

„Кто же

Имѣетъ состраданіе къ тебѣ?
Во время гибели и жгучаго несчастья,
Во время голода кого Я могъ послать
Тебѣ на утѣшеніе?“

Боже правый!

Великъ мой грѣхъ передъ лицомъ Твоимъ.
Но нѣтъ, не рабскимъ страхомъ трепетала

Моя душа, когда я безвозвратно
 Переступилъ порогъ чужого храма
 И предъ чужимъ склонился алтаремъ.
 Я зналъ, что шель на вѣчное терзанье,
 На муки совѣсти, и только дочь одна
 Меня могла толкнуть на это дѣло.
 Какъ я любилъ ее! Вѣдь мой покой
 И счастье она въ себѣ носила.
 Ей стоило задуматься, чтобъ я
 Угрюмишь сталъ, какъ туча грозовая,—
 И улыбнуться, чтобъ въ моей душѣ
 Лгущее солнце возсіяло.
 Пышнѣй испанскихъ розъ она была,
 Нѣжнѣ ландыша на почвѣ Палестины...
 Ужели этотъ слабый лепестокъ
 Переносилъ бы лютя гоненья
 И не увялъ бы на моихъ рукахъ,
 Какъ отъ морозовъ сѣвера?.. Не снесъ бы
 Я этого... Не снесъ бы, и рѣшилъ
 Стать лучше собственнымъ своимъ же палачомъ,
 Чѣмъ палачомъ дитяти. Мало вѣрилъ
 Въ Тебя я, Господи; иначе зналъ бы я,
 Что и на сѣверѣ, подъ завыванье вьюгъ,
 Среди снѣговъ, и горы, и долины
 Своимъ пушистымъ саваномъ укрывшихъ,
 Ты могъ бы возмелѣять эту розу
 Всеоживляющимъ дыханіемъ Своимъ,
 Какъ потушить Ты могъ ея румянецъ

Подъ голубиимъ испанскимъ небосклономъ.
 И Ты ея свѣтильникъ погасилъ,
 И на моихъ рукахъ она завяла
 Безъ жалобы на грѣшнаго отца,
 Безъ слезъ... Она погасла, какъ лампада
 Надъ Библией, какъ звѣздочка вдали...
 Зачѣмъ мечтать о томъ, что невозможно?
 Вернуть ее? Гдѣ искорку найти,
 Чтобъ вновь зажечь свѣтильникъ этотъ ясный...
 Нѣтъ! Правъ Твой судъ, о, Господи! Ты даль—
 Ты принялъ... Прочь, о, малодушный ропотъ!
 Прими ее, Господь, какъ искупленье
 Моей измѣны; вмѣстѣ съ ней ушли
 Повой и цѣль моей тяжелой жизни.
 Ужель еще не могъ я искупить
 Моихъ грѣховъ? Такъ чѣмъ же, чѣмъ же, Боже!
 Я не хочу предстать передъ Тобой,
 Передъ Твое всевидящее Око,
 Какъ жалкій самому себѣ, какъ грѣхъ,
 Какъ укоризна дочери любимой...

(Стучатся въ дверь).

Кто можетъ въ этотъ ноедній часъ придти?
 Не вы-ль, ревнивыи райскаго блаженства,
 Обрызганные кровью жертвъ своихъ,
 Сыны святого Доминика?.. Боже!
 Дай искупленіе.. Иду, иду!..

(Отпираетъ дверь. Входитъ монахъ инквизиціи).

Восходъ.

Монахъ.

Мой сынъ, я прихожу тебя провѣдать,
Какъ твой наставникъ.

Родриго.

Отдохни, мой гость!

По древнему обычаю, люблю я
Гостепріимство.

(Садятся за другимъ столомъ).

Монахъ.

Да, мой сынъ, люби!

Намъ это чувство вѣра предписала.
Но почему, Родриго, пересталъ
Ты посѣщать святую нашу церковь?..
Давно уже... давно...

Родриго.

Я боленъ былъ.

Монахъ.

А, боленъ?.. Чѣмъ же ты страдалъ, Родриго?
Хоть это мнѣ почти что безразлично,
Затѣмъ, что какъ болѣзни, такъ и смерть
Меня не могутъ трогать,—по привычкѣ:
Ахъ, я ихъ часто вижу на востражъ,
Но...

Родриго.

Что же—но?

Монахъ.

Законъ: „Любите ближнихъ

И даже вашихъ недруговъ“ велить
Спросить, какой болѣзней ты страдаешь,
Хотя въ отвѣтъ твой вѣрю напередъ!
Но если въ нашу церковь ты не ходишь
Изъ-за болѣзни, такъ скажи, мой сынъ,
Чѣмъ занимаешься ты дома?

Родриго.

Утѣшеньемъ

Себя въ моемъ ужасномъ положеньи.

Монахъ.

Приятно слышать отъ тебя, мой сынъ,
Слова такія... Вѣри! Больше вѣри,
И будешь ты въ раю, мой добрый сынъ,
Въ блаженномъ соннѣ праведныхъ и крѣпкихъ
Горячей вѣрой... Но, чтобъ утѣшаться,
Должна быть скорбь...

Родриго.

Ты правъ.

Монахъ.

Такъ въ чемъ она?

Иль вѣра слабая тебя, мой сынъ, тревожить,
Или дѣла твои не хороши?
Конечно, знать желалъ бы я о первомъ,

Гдѣ я могу помочь тебѣ, мой сынъ.
 Но раньше, чѣмъ выслушивать признанье,
 Я разьясню, Родриго, гдѣ тоска
 Первоисточникъ, гдѣ ея начало.
 Причина: въ искушеніи... Теперь
 Рождается вопросъ: но гдѣ начало
 Последняго? Въ деньгахъ, мой сынъ, въ деньгахъ.

Родриго.

Ты думаешь?

Монахъ.

Я знаю это, сынъ мой,
 И скоро ты, Родриго, самъ поймешь
 И убѣдишься такъ же, какъ другіе,
 Что золото есть дьявольскій червякъ,
 Которымъ онъ на удочку насъ ловить.

Родриго (*задумчиво*).

Да... это такъ...

Монахъ.

Пріятно мнѣ, мой сынъ,
 Выслушивать отвѣты, отъ которыхъ
 Святою вѣрой вѣсть... Ну, теперь,
 Когда со мной ты согласишься, сынъ мой,
 Что же думаешь... или что намѣренъ ты
 Съ богатствами своими, о которыхъ
 Не я одинъ—всѣ знаютъ, совершить?
 Будь откровеннымъ, не стѣсняйся, сынъ мой.

Тѣмъ, что къ тебѣ не разъ я приходилъ
За золотищемъ... Но мнѣ Господь свидѣтель,
Что не себѣ я бралъ его тогда,
Еще при жизни дочери твоей.

Родриго (*задумчиво*).

Не знаю...

Но... думаю, что... бѣднѣмъ все раздаю,
Чтобъ нищимъ стать, просящимъ подаю.
О, можетъ быть, тогда мнѣ Богъ простить
Мой страшный грѣхъ, весь ужасъ преступленья.

Монахъ.

Не хорошо отвѣтилъ ты, мой сынъ.
Разсыпавъ золото для нищихъ, для убогихъ,
Ты много душъ направилъ ко грѣху
И много ихъ погубилъ... Боже! Боже!..
Какъ безразсудны люди иногда!
Когда бъ не я теперь съ моею бесѣдой,
Ты могъ бы грѣхъ ужаснѣй совершить —
Другихъ на скользкій путь грѣха толкать.

Родриго (*тихо*).

О, хитрый, подлый, низкій лицемеръ!

Монахъ.

Нѣтъ, сынъ мой, такъ богатства не бросаю.

Родриго.

А что же дѣлать? Въ море кинуть, что-ль?

Восхвѣдъ.

Монахъ.

Мой добрый сынъ, въ стремленьи къ очищенью
Ты даже свой разумокъ потерялъ!
Какое рѣдкое, отрадное явленье...
Исусъ, Марія!.. Бѣдному монаху
Тебя обнять хотѣлось бы, рыдая.

Родриго.

Такъ рѣшено: я все отдаю волнамъ.

Монахъ.

О, дай тебя обнять, мой сынъ.

(Обнимаетъ Родриго).

Но все же

Такъ не должно съ богатствомъ поступать.
Не лучше-ль будетъ, если ты... ну... какъ бы
Тебѣ точнѣй все это разъяснить?..

Родриго.

Не лучше-ль будетъ вамъ отдать?..

Монахъ.

Ахъ! что ты?

Вотъ, что искушенье велико,
Что я не устою... Хотя, конечно,
Не мало золота нибѣль я на рукахъ
И все-таки остался непреклоннымъ...
Не удивляйся!.. Пристальнѣй взгляни:
Я развѣ не богатъ, когда нибѣдъ

Свой скромный хлѣбъ, свой мирный уголокъ
 И утѣшеніе въ молитвахъ... Да, Родриго,
 Меня трудяе златомъ подкупить,
 Чѣмъ нашу смерть смягчить кельбой о жизни...
 Нѣтъ... Разсудивъ, мой сынъ, могу сказать,
 Что это искушеніе мнѣ не страшно...

Родриго.

Рѣши жь... Что дѣлать съ золотомъ монкъ?

Монахъ.

Сравнивъ, какая польза будетъ волнамъ
 Отъ слитковъ золота, и что за польза намъ,
 Я полагаю, что твои богатства
 Мнѣ поручить бы слѣдовало...

Родриго.

Нѣтъ!

Я раньше зналъ, что вы къ тому стремитесь
 Лукавыми путями... Нѣтъ, монахъ!
 Все нищимъ, беззащитнымъ я разсыплю,
 Съ которыми вы наглы потому,
 Что нѣтъ у нихъ богатства для защиты,
 А потому и смѣлости... Мой Богъ,
 Указывай дорогу мнѣ, чтобъ могъ я
 Хоть одному изъ всѣхъ Твоихъ твореній
 Дать помощь... Но не вамъ ужъ, лицемѣрамъ,
 Богатства получить мон... Нѣтъ! Нѣтъ!...

Монахъ (остаетъ, съ лицомъ, искривленнымъ злобой).

Оъ какниъ, мой сынъ, глубокниъ наслажденнонъ
 Сожну въ кноцахъ я пальчки твои...
 Такъ ты не дашь? Премилое рѣшенно,
 Но я тебя попробую снягчить...

Родриго.

Напрасный трудъ, монахъ доминиканскій,
 Напрасный трудъ...

Монахъ.

Я думаю, что вѣтъ!

Ты, вѣрно, позабылъ, мой сынъ, о силѣ,
 О нашей инквизиціи... Вонъ тамъ
 Я замѣчаю книгу, надъ которой
 Сидѣлъ ты, безсомнѣнно, до меня.
 Тѣ письма дадутъ теперь мнѣ право
 На многое, что страшно... Есть, мой сынъ,
 Брючки у насъ, которые такъ чудно
 Вонзаются подъ пятое ребро.
 Потомъ тебя,—представъ,—приподнимають;
 Подкладываютъ легкій отонекъ,
 Чтобъ тѣлу вѣжному не очень было сыро
 И холодно... Есть щипчики у насъ,
 Которые легко и безподобно
 Срываютъ ногти... Да, мой милый сынъ!
 Есть также ножички прамые и кривые,

Зубчатые, съ крючками на концѣ,
 Чтобъ изъ спины вырѣзывать полосы;
 Есть стулья съ отпленіемъ, кровати,
 Подвалы безъ просвѣта, тилый снѣгъ.
 Есть сапоги удобные, большіе,
 Въ которые вливается свинець,
 Чтобъ на ногѣ, мой добрый снѣгъ...

Родриго.

Мерзавецъ!

Монахъ.

Чтобъ на ногѣ, я говорю, не очень
 Болтались... Есть иголки, Родриго,
 Которыми прокалываютъ глаза,
 Такіе свѣтлые, какъ у тебя, мой снѣгъ...

Родриго.

О, подлый песь! Бжидный кровопійца!
 Прочь изъ моей обители, презрѣнный,
 Иль раздавлю тебя я, какъ змѣю!
 Чѣмъ лучше скорпіона ты, монахъ?
 Какъ паразиты, впившись въ наше тѣло...

Монахъ.

Постой, мой снѣгъ! Мы раньше говорили
 О зодотѣ... Къ чему же этотъ крикъ?
 Пять слитковъ дай, и я, мой снѣгъ любезный,
 Внигъ стану нѣмъ, и слѣпъ, и глухъ!

Восходъ.

Родриго.

Нѣтъ словъ въ отвѣтъ... Гадливостью невольной,
Глубокомъ омерзѣніемъ къ тебѣ
Исполненъ я... Сдавить, чтобъ ты задохся?
Нѣтъ! Не хочу испачкаться тобой...
И ты, и ты сманилъ меня... Позоръ!
Бичуй, больнѣй бичуй меня, мой Боже,
Коль эта гадина могла меня склонить
На ложный путь!

Монахъ.

Зачѣмъ, мой сынъ, Родриго...

Родриго.

Какой я сынъ? Отецъ мой былъ Израиль,
А не такая гадина, какъ ты...
Я не Родриго,—прежній я Исаія,
Ввѣряющійся Небу и Судьбѣ,
А не такимъ преступникамъ-монахамъ!

Монахъ.

Ты дашь пять слитковъ?

Родриго.

Подлый лицемеръ!

Прочь изъ моей обители, презрѣнный!
Здѣсь Библія священная лежитъ
Не для того, чтобъ мерзкою заразой
Ты осквернялъ ее... Прочь, гадина, скорѣй,

Я просвѣтѣлъ и можашь ты осадѣнуть.

Прочь!

Монахъ.

Такъ не дашь?

Редриго (*выталкивая его*).

Прочь!

Монахъ (*за дверью*).

Скоро я вернусь.

Редриго (*одинъ*).

Легко вдругъ стало на сердцѣ, какъ будто
 Я возродился тѣломъ и душой...
 Смерть... Я боюсь-ли смерти? Что мнѣ въ жизни?
 Тѣ звеня, что мой духъ скрѣпляли съ тѣломъ,
 Давно уже проржавѣли... Кругомъ
 Такая глушь... Какъ будто на обломѣхъ
 Спасаясь, я безъ цѣли, безъ пути
 Плыву надъ грозной бездной океана:
 Вокругъ все волны, волны безъ конца...
 Ни одного вѣтрила не замѣтно,
 Ни одного не видно острова...
 Я одинокъ... Отверженный родными
 И проклятый отхлынувшей толпой,
 Я много потерялъ, не получая
 Себѣ другого счастья взамѣтъ...
 Зачѣмъ мнѣ жить? Покрыть я сѣдиномъ,

Какъ свѣгомъ навѣтявъ надгробный...
Какъ воинъ раненый, товарищемъ забытый,
Кричу, зову, и эхо вторить мнѣ,
Мои же вопли вновь мнѣ возвращая...
Лишь ты одно, наследіе отцовъ,
Дашь мнѣ утѣшеніе и надежду,
О, Библия, лобзаю я тебя,
Какъ вѣрный рабъ цѣлуетъ господина,
Склоненный ницъ во прахъ передъ нимъ.

(Стучатся).

Такъ скоро... Кто?

Голось за дверью.

Святая инквизиція!...

В. Жуковскій.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ¹.

Повѣренные еврейскаго общества г. Видзѣ, Ковенской губерніи, просили объ отводѣ имъ подъ хлѣбопашество окрестныя городскія казенныя земли. Генералъ-губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ поддерживали ихъ ходатайство. Участки для поселенія евреевъ отводились только въ такихъ облюбованныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ, за надѣленіемъ крестьянъ угодьями въ нормальной пропорціи и за удовлетвореніемъ прочихъ мѣстныхъ потребностей, — оставалась свободная земля, а по имѣнію Видзо-Альбрехтовскому, за недостаточеніемъ люстраціи, нельзя было судить, была-ли свободная земля. Министерствомъ государственныхъ имуществъ и предписано палатѣ: ходатайство евреевъ имѣть въ виду при производствѣ люстраціи означенному имѣнію, съ тѣмъ, что если окажется возможность, то назначить на ихъ поселеніе особые участки, которые внести въ росписаніе 1849 года. Палата представила описаніе и планы участкамъ, предназначеннымъ подъ водвореніе евреевъ въ имѣніи Видзо-Альбрехтовскомъ и фольваркѣ Можейшикахъ Ушпольскаго имѣнія, присовокупивъ при этомъ, что для поселенія на земляхъ этихъ имѣній, на 19 участкахъ, въ виду палаты были уже еврейскія семейства. Вслѣдъ затѣмъ поселившіеся въ фольваркѣ Можейшикахъ 5 хозяевъ казенныхъ крестьянъ отъ имени всего Ушпольскаго общества просили объ отѣмѣ посе-

¹ См. „Расходъ“, кн. VI.

ленія въ означенномъ фольваркѣ евреевъ, подѣ предложомъ, что крестьяне Ушполь сами нуждались въ землѣ, но ходатайство это не было уважено. Хотя подѣ водвореніе евреевъ и назначены были участки въ имѣніи Видво-Альбрехтовскомъ, но поселять ихъ тамъ въ 3-хъ верстахъ отъ торговаго города Видзѣ палатѣ казалось неудобнымъ, ибо евреи отвлекались бы не только отъ земледѣлія, но и давали бы приютъ единовѣрцамъ, не принадлежавшимъ къ сословію земледѣльцевъ». За надѣломъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земель, съ оставленіемъ запасныхъ участковъ на случай перевода хозяевъ въ высшій разрядъ, предназначенные подѣ поселеніе евреевъ въ имѣніи Видво-Альбрехтовскомъ и Ушполь участки—предполагались къ отводу изъ бывшихъ фольварочныхъ земель, состоявшихъ въ разрядѣ вакантныхъ; о поселеніи 10 еврейскихъ семействъ въ Укольскѣ распоряженіе было сдѣлано еще въ 1848 г., и хотя проживавшіе тамъ крестьяне не допускали евреевъ, но палата ваставила ихъ подчиниться ея приказанію.

Въ Ковенской губерніи назначено было подѣ поселеніе евреевъ въ 1847 году, въ имѣніяхъ: Брацлавскомъ—22, Дубиновѣ—18 и Ельнѣ—10, итого 50 участковъ; въ 1848 году при имѣніяхъ: Друйскѣ—16, Курклецѣ—6, Нечумы—5 и Большки—9, итого—36 участковъ.

Второй департаментъ, съ одной стороны, находилъ желательнымъ способствовать похвальному желанію евреевъ заниматься хлѣбопашествомъ, но съ другой—поселеніе ихъ близъ самаго гор. Видзѣ считалъ несоответственнымъ цѣли—поселять ихъ близъ самыхъ городовъ, въ которыхъ они по ревизіи записаны и въ которыхъ занимались промыслами, а потому, съ утверженія Киселева, отказалъ евреямъ г. Видзѣ въ отводѣ имъ подѣ поселеніе земель изъ имѣнія Видво-Альбрехтовскаго, а рѣшилъ предоставить тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаю бы—участки въ д. Можейкишкахъ, но не иначе, какъ по окончательномъ водвореніи евреевъ, проживавшихъ временно въ дер. Укольскѣ, и притомъ изъ земель собственно вакантныхъ, а не запасныхъ, предназначенныхъ для крестьянъ.

Вслѣдствіе требованія Киселевымъ свидѣній о свободныхъ земляхъ, оставшихся отъ поселенія евреевъ въ 1850 г., для

назначенія ихъ евреямъ въ 1851 г., начальники губерній отозвались: *Кіевской*, — что при всей его заботливости къ устраненію препятствій, останавливавшихъ поселеніе евреевъ въ казенныхъ имѣніяхъ, — онъ встрѣчалъ къ тому затрудненія со стороны самихъ евреевъ, не располагавшихъ охотою и усердіемъ къ земледѣльческому занятію, а ходатайствовали о переселеніи единственно для избѣжанія рекрутской повинности и для пріобрѣтенія дарованныхъ земледѣльцамъ правъ; при всемъ томъ заселено ими 43 участка; *Виленской*, — что принялъ рѣшительныя мѣры къ заселенію евреями всѣхъ назначенныхъ для нихъ участковъ; *Волынской* и *Витебской*, — что объявили евреямъ о количествѣ назначенныхъ для нихъ земель, и всѣ тѣ семейства, на перечисленіе которыхъ препятствія не оказалось — поселены въ казенныхъ селеніяхъ; *Гродненской*, — что предписалъ градскимъ и земскимъ полиціямъ выслать назначенныхъ къ поселенію евреевъ къ окружнымъ начальникамъ и донести, кто изъ нихъ принялъ земли и кто отказался.

Со своей стороны палаты государственныхъ имуществъ сообщили министерству: *подольская*, — что кромѣ опредѣленныхъ подъ водвореніе евреевъ 873 участковъ, изъ коихъ 720 не были заселены, — нельзя было назначать участковъ, по неизмѣннѣю вакантныхъ земель; *гродненская*, — что по вѣдомству ея оставалось еще 205 не заселенныхъ участковъ, на которыхъ впредь до востребованія трудно было завести правильныя хозяйства и которые съ большими затрудненіями отдавались въ оброчное содержаніе; *витебская*, — что въ ея вѣдѣніи было свободныхъ 38 участковъ, на которыхъ никто не желалъ поселиться; земель же вообще недоставало для надѣла крестьянъ и на другія надобности; *могилевская*, — что изъ назначенныхъ ею 160 участковъ заселено только 90, а прочіе оставались вакантными, хотя во многихъ казенныхъ имѣніяхъ и были запасные участки, предназначенные подъ водвореніе разнаго званія вольныхъ людей, но крестьяне, постоянно улучшая свой бытъ, — охотно брали участки на оброкъ; *минская*, — что назначила для поселенія евреевъ на 1851 г. 13 участковъ въ имѣніи Богримовичи, не взирая на то, что изъ отведенныхъ прежде участковъ — 79 оставались вакантными; *волинская*, — что составленіе расписанія

свободныхъ участковъ на 1851 г. подъ поселеніе евреевъ поручено окружнымъ начальникамъ, которые собирали нужныя свѣдѣнія; изъ назначенныхъ же по росписаніямъ прежнихъ гѣтъ 329 участковъ заселены были окончательно лишь 11; *киевская*,— что изъ предназначенныхъ по прежнимъ росписаніямъ подъ поселеніе евреевъ участковъ было вакантныхъ 110; тѣмъ не менѣе она назначила еще на 1851 г. въ обществахъ: Фастовскомъ 18 и Венриковскомъ 30, включавшихъ въ себѣ 768 десятинъ; *вилненская*,— что предположила отвести, на 1851 г., подъ поселеніе евреевъ запасныхъ земель въ имѣніяхъ: Свираны—9; Нацумы—5, Круки—8, Затѣсье—2, Турія—6, Сѣвнящизны—6, Рудники—3, Войнягчивѣ—5 и Окальникахъ $62\frac{1}{2}$, всего $106\frac{1}{2}$.

Приведенными свѣдѣніями департаментъ оправдывался отъ упрековъ, сдѣланныхъ ему Киселевымъ за медленное составленіе инструкціи для надзора за евреями-земледѣльцами и нормальныхъ инвентарей хозяйственнымъ принадлежностямъ, а о свободныхъ земляхъ подъ водвореніе евреевъ выяснилъ, что было отведено 2,843 участка, но изъ нихъ заселено было по 1850 г.—546, а въ 1850 г.—398, всего 944 участка, остальные же 1,899 участковъ считались вакантными, потому что никто ихъ не просилъ для поселенія. Имѣя затѣмъ въ виду, что а) изъ назначенныхъ, до 1851 г., по росписаніямъ участковъ заселена была евреями едва $\frac{1}{3}$ часть; б) эти обыватели, по объясненію нѣкоторыхъ начальниковъ губерній, чуждаясь земледѣльческихъ занятій,—поселялись въ казенныхъ имѣніяхъ неохотно, и в) между ними на предназначенныхъ на поселенія земляхъ нельзя было учредить никакого хозяйства, ибо на краткій срокъ никто ихъ не бралъ въ содержаніе,—департаментъ, для огражденія казны отъ убытковъ въ доходахъ, признавалъ полезнымъ приостановить назначеніе новыхъ участковъ до того времени, пока евреи не будутъ водворены, предписаннымъ въ законѣ порядкомъ, по крайней мѣрѣ въ $\frac{2}{3}$ отведенныхъ уже участковъ, а затѣмъ отводъ участковъ дѣлать лишь въ губерніяхъ, гдѣ это окажется необходимымъ и общіе вакантныхъ земель представить къ тому, при люстраціи, возможность.

Въ силу приведенныхъ департаментомъ соображеній, Кисе-

дѣль предписать, циркулярно, палатамъ государственныхъ имуществъ западныхъ губерній назначеніе новыхъ участковъ подъ поселеніе евреевъ *приостановить* до тѣхъ поръ, пока будутъ водворены по крайней мѣрѣ въ $\frac{2}{3}$ отведенныхъ уже участковъ, послѣ чего дѣлать отводъ ихъ лишь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ окажется необходимымъ, о чемъ обязывалъ палаты доносить ежегодно министерству, съ присовокупленіемъ свѣдѣній—сколько въ какихъ мѣстахъ поселено евреевъ и сколько останется свободныхъ участковъ (2 августа 1851 г.).

Гродненская палата возбудила вопросъ о томъ, не слѣдовало ли установить, чтобы евреи, поселенные на казенныхъ земляхъ и оставлявшіе хлѣбонашество прежде 25 лѣтъ, кромѣ возврата казнѣ другихъ сдѣланныхъ имъ пособій,—уплачивали и положенный инвентаремъ за земли доходъ сполна, безъ всякой льготы за все то время, съ котораго участки были имъ отведены въ пользованіе?

Всѣ льготы, въ томъ числѣ и уступка оброка за земли, имѣли цѣлью упроченіе земледѣльской евреевъ осѣдлости, которая преждевременнымъ оставленіемъ ими этого занятія нарушалась, а правительство лишалось дохода, который бы могло извлекать отъ участковъ посредствомъ отдачи ихъ въ арендное содержаніе. На этомъ основаніи Киселевъ, согласно съ заключеніемъ совѣта министерства, полагалъ: обязать евреевъ, ранѣе 25 лѣтъ выходявшихъ изъ земледѣльцевъ,—внести и все количество оброка, причитавшагося за нихъ по инвентарю со времени поселенія ихъ до выбытія отсюда.

Комитетъ объ устройствѣ евреевъ нашелъ, что хотя подъ именемъ взноса *подати* разумѣлись *все платежи, подушные и оброчные или поземельные*, но по западнымъ губерніямъ встрѣтилось недоразумѣніе, которое необходимо было пояснить, что постановленіе закона распространялось въ равной степени и на *поземельную подать*, которая въ западныхъ губерніяхъ замѣняла оброчную,—поэтому комитетъ, соглашаясь съ заключеніемъ министра государственныхъ имуществъ, какъ основаннымъ на точномъ разумѣ закона,—полагалъ предоставить ему сдѣлать требуемое разрѣшеніе циркулярными предписаніями

палатамъ государственныхъ имуществъ. Журналъ комитета былъ Высочайше утвержденъ 14 июня 1851 г.¹

Высочайше утвержденными 23 ноября 1851 г. временными правилами о раздѣленіи евреевъ на разряды, земледѣльцы причислялись ко 2-му разряду, причемъ дѣйствительное ихъ занятіе обуславливалось хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и вообще сельскою промышленностью на земляхъ собственныхъ, казенныхъ или владѣльческихъ, если воздѣлываемая или употребляемая подъ скотоводство земля, пчельникъ или иное заведеніе стоило не менѣе 80 р.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Стремясь создать изъ евреевъ настоящихъ земледѣльцевъ и получая смутныя и разнорѣчивыя донесенія о томъ, прививается-ли эта идея къ практикѣ,—министръ Киселевъ рѣшился дознаться истины чрезъ своего личнаго секретаря г. Иславина. Съ этою цѣлью онъ, въ предписаніи Иславину, объяснилъ, что въ числѣ мѣръ, предложенныхъ къ устройству евреевъ, заключалось «привлеченіе ихъ къ земледѣлію и поселенію на земляхъ казенныхъ, владѣльческихъ и собственныхъ»; что съ 1844 г. по 1847 г. включительно просили объ отводѣ земель болѣе 14,000 семействъ, тогда какъ назначеніе евреевъ къ поселенію оставалось безъ успѣха, да и не убѣждало его, чтобы и тѣ, которые уже поселены,—прочто занимались сельскимъ хозяйствомъ, а потому признавъ необходимымъ произвести осмотръ этихъ поселеній въ западныхъ губерніяхъ. Поручивъ г. Иславину обозрѣть состояніе евреевъ-земледѣльцевъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ западныхъ губерній, Киселевъ предписалъ ему донести: 1) устроили-ли евреи на полученныхъ ими казенныхъ земляхъ необходимыя помѣщенія; имѣли-ли хозяйственное обзаведеніе и скотъ; въ какой степени занимались земледѣліемъ и существовать-ли за ними надлежащій надзоръ; 2) не требовалось-ли, для достиженія цѣли правительства—

¹ По документамъ, отъ 19 мая 1850 г.; 31 января, 16 и 26 марта, 14 июня и 2 августа 1851 г.

занятія сихъ людей хлѣбопашествомъ,—какихъ либо мѣръ, и въ чемъ онѣ должны были состоять; 3) если еврей-земледѣльцы, или значительная ихъ часть земледѣліемъ не занимались, то привести въ извѣстность: ихъ количество, причины ихъ уклоненія, какое дѣлали они употребленіе изъ земли, и была-ли возможность обратить ихъ къ хлѣбопашеству, а также какія слѣдовало принять мѣры къ отклоненію сего на будущее время; 4) по какимъ причинамъ евреи, въ столь большомъ количествѣ желавшіе поселиться на казенныхъ земляхъ,—перестали просить о поселеніи; наконецъ 5) привести въ извѣстность: какъ было велико состояніе наличной суммы, отдѣленной по каждой губерніи на поселеніе евреевъ изъ коробочнаго сбора.

Кромѣ того Киселевъ «конфиденціальнымъ» предписаніемъ объяснилъ Иславину, что для еврейскаго комитета, по ходу его дѣлъ, «нужны свѣдѣнія о послѣдствіяхъ мѣръ, приемлемыхъ по предположеніямъ его къ устройству евреевъ», а потому, снабдивъ его запискою, содержавшею въ себѣ различныя распоряженія о евреяхъ, предложилъ Иславину при предстоявшихъ ему развѣздахъ кстаті освѣдомиться, «безъ оласки и безъ всякихъ оффиціальныхъ сношеній»,—въ акой мѣрѣ предположенія еврейскаго комитета исполнялись, имѣли-ли они успѣхъ и вели-ли къ цѣли *слиянія евреевъ съ общимъ населеніемъ* и обращенія ихъ къ полезному труду, а также не должно-ли было усилить исполненіе, или не нужно-ли было принять другія какія либо мѣры, которыя содѣйствовали бы достиженію видовъ правительства» (25 мая 1851 г.).

Записка заключала въ себѣ «главныя основанія, которыя еврейскій комитетъ, съ Высочайшаго утвержденія, предложилъ себѣ для устройства евреевъ», и состояла въ слѣдующемъ. 1) «Дѣйствовать на нравственное образованіе новаго поколѣнія евреевъ—учрежденіемъ еврейскихъ училищъ въ духѣ, противномъ талмудическому ученію, и на сляніе ихъ чрезъ то съ общимъ населеніемъ, потому 2) уничтожить кагалы и подчинить евреевъ общему управленію; 3) запретить употребленіе особой еврейской одежды; 4) открыть евреямъ способы занятія земледѣліемъ; 5) привести въ порядокъ коробочные сборы съ евреевъ и отдѣлить потребныя суммы на содержаніе училищъ, равви-

новъ и на переселеніе ихъ на казенныя земли, и 6) раздѣливъ евреевъ, по свойству ихъ занятій, на полевныхъ и на не имѣвшихъ постояннаго производительнаго *труда*,—подвергнуть послѣднихъ разнымъ ограниченіямъ, въ томъ числѣ рекрутскому набору втрое болѣе, противъ обыкновеннаго, приписывая ихъ, по увольненіи отъ службы, къ ремесленному цеху или въ состояніе земледѣльцевъ и такимъ образомъ, уменьшая классъ людей безполезныхъ, обращать ихъ постепенно къ дѣятельности».

Отправившись въ путь, Иславинъ чрезъ полтора мѣсяца (13 іюля 1851) прислалъ изъ Ковно Киселеву письмо, рельефно характеризовавшее все дѣло, почему мы и приведемъ его почти цѣликомъ. Онъ напомнилъ Киселеву, что «между прочими наставленіями, словеснымъ приказаніемъ обратить вниманіе на качество земли, отводимой для евреевъ»,—онъ какъ бы предусматривалъ, что «часть неуспѣха поселенія евреевъ происходила отъ худого свойства участковъ, имъ предназначаемыхъ». «Не могу,—излагалъ Иславинъ,—вывести еще общаго по этому предмету заключенія, потому что едва приступилъ къ осмотру четвертой губерніи, но уже приведенъ къ убѣжденію, что, не говоря о другихъ причинахъ неуспѣшнаго хода поселеній,—главнѣйшія изъ нихъ заключались: съ *равнодушіемъ и недоустріемъ*, съ которыми смотрѣло на дѣло устройства евреевъ *губернское начальство*, отъ перваго до послѣдняго чиновника; въ *надлишней и медленной перепискѣ*; въ *корысти* присутственныхъ мѣстъ и лицъ, особенно низшихъ слоевъ управленія, и наконецъ въ предназначеніи самыхъ *неудобныхъ* участковъ евреямъ,—людямъ, которые отъ иглы или долота должны были приняться за соху и которые, пройдя *сквозь строй* присутственныхъ мѣстъ и значительно поистощившіе средствами, — обяывались, послѣ 4—5-ти-лѣтнихъ ожиданій, селиться съ 50-ти рублевымъ пособіемъ отъ казны, а иногда и безъ этого, на землѣ, которая и при самомъ усиленномъ трудѣ и капиталѣ—едва могла вознаграждать издержки даже хорошему ховяину, а не еврею, не привыкшему обращаться съ землею. Отъ этого и произошло то, что почти всѣ, которые поселились,—жаловались на *худое свойство зрунта*; одни—совсѣмъ покинули земледѣліе; другіе—отказывались отъ указанныхъ имъ участковъ, а вообще это

породило *недоуверіе* и *болѣзнь* въ еврейскомъ населеніи. Но узнавъ о прибытіи въ западный край вице-директора второго департамента Грешищева для провѣрки дѣйствій люстраціи, онъ, Иславинъ, «счелъ своевременнымъ просить Киселева приказать Грешищеву обратить вниманіе и на земли, назначенныя для евреевъ, съ тѣмъ, чтобы сообразилъ о возможности замѣны этихъ участковъ другими, болѣе удобными, преимущественно тѣми, которыхъ евреи домогались» и о которыхъ онъ, Иславинъ, отчасти «поставилъ уже палаты въ извѣстность, или о прирѣзкѣ имъ изъ запасныхъ земель угодьевъ, особенно сѣнокосовъ, въ которыхъ нуждались почти всѣ еврей-поселенцы».

Вообще г. Иславинъ желалъ, чтобы Киселевъ «приказалъ смотрѣть на это дѣло иначе, чѣмъ на него смотрѣли управляющіе и люстраторы», которые «въ свое оправданіе говорили: во 1-хъ, что цѣль люстраціи—устроить крестьянъ и оставить запасные участки для будущихъ ихъ нуждъ, а излишнюю землю—отдать евреямъ», тогда какъ онъ «смѣлъ думать», что Киселеву «не менѣе пріятно было бы видѣть евреевъ такъ же устроенными, какъ и крестьянъ»; во 2-хъ, что люстрація, «при назначеніи земель для крестьянъ,—не имѣла еще въ виду поселенія евреевъ», но ему, Иславину, казалось, что «это была неосновательная отговорка, ибо положеніе о поселеніи евреевъ состоялось еще въ 1844 году,—когда люстрація только что приходила въ дѣйствіе»; въ 3-хъ, что «участки, назначенные для евреевъ, совсѣмъ не такъ дурны, въ доказательство чего приводили, что они принадлежали къ фольваркамъ, приносившимъ хорошій доходъ администраторамъ и казнѣ. Они, точно, могли приносить доходъ въ то время, когда фольваркъ составлялъ полное хозяйство, съ значительнымъ количествомъ удобной земли, сѣнокосами, пастбищами и прочими угодьями, но не тогда, когда крестьянамъ прирѣзали лучшія земли и сѣнокосы или оставили ихъ въ запасъ, а «бѣднымъ евреямъ отдавали *песчаные* и *болотистые* участки и только на планахъ и въ вѣдомостяхъ показывали ихъ удобными», или отмѣчали, что, по причинѣ посредственнаго грунта, отрѣзана на каждый еврейскій дворъ двойная пропорція земли, «что тѣмъ хуже, ибо еврейю съ малымъ количествомъ скота, котораго, по недостатку

луговъ,— и прокормить ему было нечѣмъ, и съ незначительнымъ капиталцемъ, еще труднѣе было управиться на двойномъ участкѣ песчаной земли, чѣмъ на одинаковомъ. Но это было бы ничего, если бы во всемъ точно дѣйствовали по справедливости и убѣжденію, что надо устроить: сперва—крестьянъ, а потомъ уже—другихъ; однако, носились слухи, что это дѣлалось совсѣмъ иначе: люстраторы и землемѣры думали болѣе о томъ, какъ бы себя устроить и просто торговали землею». Это онъ «неоднократно слышалъ и въ Виленской губерніи, гдѣ для евреевъ отведены самыя худшія земли, не смотря на то, что губернский люстраторъ *Эйнаровичъ*, который, впрочемъ, недавно въ должности, и слылъ хорошимъ человекомъ, и въ Ковенской губерніи, гдѣ самъ управляющій подтвердилъ то же самое и привелъ даже въ доказательство, что назначено слѣдствіе надъ повѣрочнымъ землемѣромъ, который при нарѣзкѣ земли взялъ 176 руб. съ крестьянъ, но имѣлъ неосторожность не исполнить обѣщаннаго». «Непріятно обвинять человека, когда не имѣешь ясныхъ доказательствъ для его улики,—продолжалъ Иславинъ,—но когда многіе повторяютъ одно и то же, то невозможно же, наконецъ, и не повѣрить тому, что говорятъ: безъ всякаго съ его, Иславина, стороны спроса, евреи *Виленской губерніи* въ равное время и въ разныхъ поселеніяхъ жаловались ему на дѣлопроизводителя хозяйственнаго отдѣленія виленской палаты—*Тарновскаго*, который, не взирая на безкорыстіе и хорошія правила управляющаго и совѣтниковъ *Тилля* и *Доверда*,—*«ничего безъ денегъ для евреевъ не дѣлалъ»*, а «когда имъ уже нечѣмъ было его дарить, то онъ притѣснялъ ихъ, или находилъ предлогъ замедлить дѣлопроизводство. Во всякомъ случаѣ полезно бы было собственно еврейское дѣло поручить завѣдыванію болѣе благонадежнаго чиновника, и за дѣйствіями *Тарновскаго* приказывать имѣть бдительное наблюденіе».

Далѣе, Иславинъ писалъ, что если ему, Киселеву, угодно будетъ, чтобы «евреи надѣлены были лучшею землею и сѣноко-сами», то это казалось ему, г. Иславину, необходимымъ сдѣлать по возможности еще лѣтомъ 1851 г., ибо «съ наступленіемъ осени предвидѣлъ всѣ бѣдствія на этотъ несчастный народъ: многимъ нечѣмъ будетъ кормить скотину, по недостатку корма,

они ее продадутъ, у многихъ на худой почвѣ хлѣбъ худо родится и они распродаютъ свои орудія, вещи и тѣ, которые кое-какъ проживутъ еще зиму въ избенкахъ, оставшихся послѣ прежнихъ выселенцевъ,—къ веснѣ будутъ совершенными нищими». Онъ не говорилъ о всѣхъ поселенцахъ (были довольно хорошо устроенные); но о многихъ *виленскихъ* и даже нѣкоторыхъ *ковенскихъ* (гдѣ уже гораздо болѣе видно было дѣятельности въ управленіи)—это говорилъ онъ рѣшительно и былъ увѣренъ, что если бы самъ Киселевъ «видѣлъ, какъ старики—отцы и дѣды семейства душъ въ 25, со слезами на глазахъ описывали жалкое свое положеніе, то онъ, конечно, не отказалъ бы въ ихъ ходатайствѣ; одни не получили лѣса и не строились; другимъ дали по 100 корней изъ казенныхъ дачъ, а тѣмъ, которые вноловину уже построились или имѣли порядочные дома, но еще не по плану и безъ хозяйственныхъ строеній, нужно было по 50 корней, и 2) нуждавшимся необходимо было оказать ссуду хлѣбомъ на обрѣженіе озимыхъ полей». Испрашивалъ онъ имъ помощь не въ видѣ общей мѣры для будущихъ поселенцевъ, а какъ «пособіе для многихъ изъ теперешнихъ, которые дѣйствительно въ томъ нуждались». «Вы, ваше сіятельство, представить себѣ не можете,—заключилъ Иславинъ письмо,—какъ бы они всѣ ожили и съ какимъ бы рвеніемъ и благодарностью снова принялись за свое хозяйство въ томъ упованіи, что не совсѣмъ и не всѣми еще покинуты! Удивленіе ихъ и благодарность я вижу на каждомъ шагѣ и желаю только изъявить вашему сіятельству живѣйшую признательность за то, что вамъ угодно было избрать меня для столь благородной цѣли; надѣюсь, мои старанія и труды оправдаютъ высокое ваше довѣріе».

Помимо этого письма Киселеву, Иславинъ рапортовалъ витебскому, смоленскому и моголевскому генераль-губернатору, что «евреи, поселенные въ Ковельскомъ округѣ Витебской губерніи, болѣе года переселились и устроились въ землѣдліи, но не исключены изъ невельскихъ мѣщанъ: съ нихъ требовали рекрутъ, податей и недоимокъ». Писалъ онъ также палатамъ: виленской,—что у евреевъ «недостатокъ въ сѣнокосѣ и худая земля»; ковенской—о недостаткѣ земли, отведенной евреямъ; о

томъ, что у нихъ мало выгона и дѣса, а общества притѣсняли ихъ; волынской—о недостаткѣ у евреевъ пастбищныхъ мѣстъ, объ избавленіи ихъ отъ притѣсненія арендатора коробочнаго сбора и о неправильномъ вниманіи съ нихъ подводъ, когда освобождены отъ этой повинности; а подольской,—что усадьбы евреевъ расположены неудобно.

Исполнивъ порученіе, г. Иславинъ представилъ Киселеву официальный отчетъ, къ которому и перейдемъ ¹.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

По отчету, численныя показанія о населеніяхъ представляли вотъ какія данныя:

Название губерній.	По свидѣніямъ губернскихъ правленій.						
	Въ 1847 г. въ мѣ мѣ. восторства государ. имущ. расолоно губернатор. прошеи евреевъ о поселеніи.	Поступило прошеи на ина право губернаторовъ о поселеніи	Поселеніи о поселеніи въ преемствѣ губернскихъ правленій	Отказано въ поселеніи о поселеніи въ преемствѣ губернскихъ правленій	Желали въ поселеніи въ преемствѣ губернскихъ правленій	Соборнаго, въ 1851 г., свидѣніи о поселеніи въ преемствѣ губернскихъ правленій	Разрѣшено было поселеніи въ преемствѣ губернскихъ правленій
	Семействъ.						
Витебская	122	16	847	604	41	9	103
Виленская	2920	390	3076	—	2879	98 ³	99
Ковенская	149	106	105	5	47	53	2
Гродненск.	80	176	223 ³	—	—	247	2
Могилевск.	194	347	459	169	21	162 ⁴	107
			696 с.	622 сем.			
Минская.	43	344	и	и	—	74 ⁵	865 д.
			156 д.	156 душъ.			
Кіевская.	106	317	390	23	23	190	154
Волынская	157	287	427	111	—	153	163
Подольск.	108	13	върны	къ свидѣніи не доставлено		544	21
Всего	3880	1996	6233 с. и 156 д.	1534 сем. и 156 душ.	3011	1530 ⁶	651 сем. въ 4771 д. м. пол.

¹ По документамъ отъ 13, 23 и 25 мая, 5 и 18 іюня, 6 и 13 іюля и 1851 г. и 11 сентября 1852 г.

² Дѣйствительно принято было палатой государственныхъ имуществъ только 79 семействъ. ³ Желали еще 214 семействъ. ⁴ Дѣйствительно принято только 104 семейства. ⁵ Дѣйствительно поселено только 126 семействъ. ⁶ Дѣйствительно поселено только 1,424 семейства.

Названіе губерній.	По свидѣніямъ палаты государственныхъ имуществъ.				
	Одѣлано было воле посланцы еврейскъ палаты, губернской казем. участковъ.	Занято было евреями участковъ земли.	Осталось свободныхъ участковъ земли.	Устроено было поселеній на казенныхъ земляхъ.	Въ устроенныхъ поселкахъ дѣйствительно промышляло семействъ.
Витебская	50	9	41	2	9
Вилненская	236 ^{1/2}	79	157 ^{1/2}	7	79
Ковенская	76	53	23	7	53
Гродненская	407	247 ^{1/2}	159 ^{1/2}	17	247
Могилевская	160	104	56	15	104
Минская	198	72	126	8	72
Кіевская	380	190	190	11	190
Волынская	474	126	348	6	126
Подольская	873	544	329	6	544
Всего	2854 ^{1/2}	1424 ^{1/2}	1430 ¹	79	1424 с. въ 8544 д. м. н.

Такимъ образомъ, изъ 3,880 прошеній, посланныхъ къ начальникамъ губерній изъ министерства государственныхъ имуществъ по изданіи, въ 1847 г., дополнительныхъ о поселеніяхъ правилъ, и 1,996 прошеній, поступившихъ до второй половины 1851 г. къ самимъ начальникамъ губерній о поселеніи 6,233 сем. и 156 душъ² въ предѣлахъ западныхъ губерній, выпущено на поселеніе въ западныхъ же губерніяхъ на казенныя земли только 1,530 семействъ, а на собственныя и владѣльческія 651 семейство и 865 душъ. Слѣдовательно, изъ просившихся въ земледѣльцы разрѣшено было въ западныхъ губерніяхъ: на казенныя, собственныя и владѣльческія земли изъ 3 : 1; а всѣ остальные или получили отказъ, или сами отказались, или же о нихъ собирались еще свидѣнія. Пропорція и являлась слѣдующая: число просившихся къ числу получившихъ отказъ или

¹ Большая часть этихъ участковъ находилась въ оброчномъ содержаніи до востребованія; а нѣкоторые, вслѣдствіе худой почвы, пустовали.

² Число евреевъ показано не по семействамъ, а по душамъ, потому что таковы были свидѣнія минской палаты.

отказавшихся относилось въ западныхъ губерніяхъ какъ 6,233 сем. и 156 душъ или (считая по 6 душъ на 1 сем.) 6,259 : 1,560 сем., т. е. какъ 4 : 1. Эти семейства были потеряны для переселенія; тѣ же, которыя могли еще быть поселены, т. е. о которыхъ еще собирались свѣдѣнія, относились въ западныхъ губерніяхъ какъ 6,259 сем. къ 3,011, или какъ 2 : 1.

Неудовлетворительный этотъ выводъ губернское начальство западныхъ губерній приписывало несоблюденію евреями въ прошеніяхъ условій, изложенныхъ въ дополнительныхъ правилахъ 1847 г., а именно: семейства не состояли изъ 3-хъ рабочихъ, или 6-ти ревизскихъ душъ; не было объяснено о составѣ семействъ (не представлено имъ списковъ) и собственными-ли средствами желали переселиться или на счетъ казны; нѣкоторыя семейства, просившія отъ казны пособія, не имѣли достаточныхъ средствъ для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ; во многихъ семействахъ со времени подачи ими прошеній послѣдовали измѣненія; многія просили объ отводѣ имъ такихъ участковъ, которые не вошли въ росписанія, или о поселеніи на земляхъ, уже занятыхъ евреями, или же объ отдачѣ имъ казенной земли на оброчномъ положеніи; въ 1850 г. приостановлено было назначеніе на поселеніе по случаю обнаруженія манифеста о 9-й народной переписи; многіе, подавъ прошенія, сами отказались потомъ отъ поселенія, или по перечисленіи уже въ земледѣльцы — возвратились въ первобытное состояніе. Нѣкоторымъ еврейскимъ семействамъ, желавшимъ поселиться на владѣльческихъ земляхъ, отказано было потому, что не представили условій, заключенныхъ съ помѣщиками, наконецъ по Волынской губерніи отказано было потому, что просились въ эту губернію изъ другихъ западныхъ губерній¹.

Приведенные отзывы губернскаго начальства были, по мнѣнію Иславина, справедливы только въ нѣкоторой степени; ибо многія просьбы, препровожденные къ начальникамъ губерній послѣ 1847 г., поданы были раньше 1847 г. и въ нихъ, понятно, не были соблюдены правила 1847 г., а просители руководство-

¹ Пунктомъ 6-мъ дополнительныхъ правилъ переходить изъ одной западной губерніи въ другую, напротивъ, дозволялось.

важнѣе положеніемъ 1844 г., въ которомъ на каждое семейство опредѣлено по 175 руб. въ пособіе на переселеніе и первоначальное обзаведеніе; просились на поселеніе и такія семейства, которыя значительно разнились отъ положенія 1847 г.; затѣмъ, «желаніе еврейскаго населенія избѣгнуть рекрутства, воспользоваться льготами и страхъ подпасть подъ обнародованныя мѣры ограниченій при разборѣ евреевъ на состоянія» — были причиною спѣшной подачи просьбъ и отступленія просителями отъ предписанныхъ условій, а губернское начальство, отказывая имъ въ разрѣшеніи поселенія, — дѣйствовало законно и справедливо. Но то же губернское начальство упрекалось г. Иславинымъ въ «медленности разбора просьбъ и излишней перепискѣ, въ недобросовѣстности распоряженій» и т. п. при назначеніи на поселеніе тѣхъ семействъ, которыя, при подачѣ прошеній, — соблюли всѣ законныя формы и имѣли полное право на удовлетвореніе ихъ просьбъ.

Вотъ въ какомъ порядкѣ разрѣшались, по словамъ г. Иславина, просьбы евреевъ о ихъ поселеніи. Еврейское семейство, если не составляло полныхъ 3-хъ рабочихъ или 6-ти ревизскихъ душъ, — приписывало къ себѣ одинокого и подавало прошеніе, которое въ губернскомъ правленіи лежало безъ всякаго движенія мѣсяцами и даже годами; потомъ приложенный при прошеніи посемейный списокъ правленіе препровождало для вѣрки въ мѣстную думу или ратушу. Дума требовала отъ сборщиковъ податей свѣдѣній: дѣйствительно-ли семейство записано по ревизіи и подѣ какимъ №; безъ раздробленія-ли желало оно переселиться; кто родился послѣ ревизіи; сколько каждому было лѣтъ, сколько на семействѣ числилось податныхъ недомоковъ¹; имѣло-ли оно необходимыя средства къ первоначальному обзаведенію хозяйствомъ; могло-ли свободно со стороны общества перейти въ земледѣльческое состояніе. Дума медлила отвѣтомъ *иногда по два и по три*, какъ г. Иславинъ лично замѣтилъ, напр., въ Виленской губерніи, по поселенію евреевъ въ имѣніяхъ: Сморгонѣ, Турей и Олькеникахъ, и какъ въ томъ удостовѣрился и

¹ Этого свѣдѣнія не слѣдовало бы требовать, такъ какъ по положенію всѣ недомоки съ переселенцевъ слагались.

по другимъ губерніямъ. Въ этомъ поддерживало думу еврейское общество, посредствомъ своего гласнаго и секретаря думы, всегда имѣвшихъ вліяніе на общественныя дѣла. Еврейское общество смотрѣло на всякаго переселенца непріязненно, потому что если переходило состоятельное семейство, то общество лишалось исправнаго плательщика податей; если же бѣдное и многочисленное, то лишалось рекрута, котораго богатые всегда умѣли поставить вмѣсто своего семейства. Поэтому общества (т. е. богатые) употребляли всѣ способы для удержанія единоверцевъ отъ поселенія, и даже *подкупали* начальство. Между тѣмъ глава еврейскаго семейства, все еще преслѣдуя цѣль переселенія, лично повторялъ въ присутственныхъ мѣстахъ ходатайство объ ускореніи разрѣшенія. Губернское правленіе, вслѣдствіе такого ходатайства, нѣсколько разъ подтверждало думѣ о доставленіи затребованныхъ свѣдѣній съ *первою отходящею почтою*, или непременно чрезъ 2 недѣли, *подъ опасеніемъ взысканія по законамъ*, или даже посылало нарочнаго на счетъ членовъ думы, но дума отвѣчала, что не получала свѣдѣній отъ сборщиковъ податей и что дала имъ по этому случаю строжайшее предписаніе. Наконецъ, чрезъ 2—3 года повѣренные списки представлялись правленію и оно разрѣшало поселеніе. Между тѣмъ еврейское семейство, подавшее 4—5 лѣтъ тому назадъ прошеніе, въ ожиданіи скорого удовлетворенія, — тогда же продало свой домъ и имущество, признанное мѣстнымъ начальствомъ достаточнымъ для первоначальнаго обзаведенія въ земледѣльческомъ быту и устремилось такъ, чтобы немедленно перейти на поселеніе, но нераспорядительность начальства заставляла его или скитаться для заработковъ, или же растрачивать вырученныя продажею имущества деньги на прежнемъ мѣстѣ жительства, гдѣ еврей покинулъ уже свое ремесло, лишился всякаго кредита, подвергся гоненію и притѣсненіямъ со стороны общественниковъ и съ самыми скудными средствами — семейство это являлось, наконецъ, на назначенный ему участокъ казенной земли, гдѣ его ожидала также не всегда утѣшительная доля...

Еврей, переходившіе на хлѣбопашцы (не по охотѣ къ земледѣлію, а отъ страха поднасть въ разрядъ бесполезныхъ или отъ желанія воспользоваться льготами, и въ ожиданіи разрѣшенія

истощившіе денежныя свои средства — старались селиться на земляхъ, приближенныхъ къ прежнимъ мѣстамъ ихъ жительства, дабы не совсѣмъ удалиться отъ родныхъ и знакомыхъ и не лишиться тѣхъ промысловъ въ городахъ и мѣстечкахъ, которые и прежде доставляли имъ средства къ существованію и должны были служить поддержкою для устройства въ новомъ быту. Этому удобства не находили они въ отведенныхъ казенныхъ участкахъ и потому всего болѣе и охотнѣе селились на послѣднихъ евреи изъ ближнихъ мѣстечекъ, тогда какъ эти же самые евреи готовы были отказаться отъ поселенія на свободной, но болѣе отдаленной отъ нихъ казенной землѣ».

Не менѣе уважительною, если не главною причиною отказа евреевъ занять казенные участки г. Иславинъ считалъ *«худое свойство некоторыхъ земель и въ особенности повсемѣстный недостатокъ прирѣзаннаго къ нимъ сѣнокоса»*. Это въ особенности замѣтилъ онъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской и Кіевской, гдѣ отведены были «песчаные и неудобные участки, а на недостатокъ сѣнокосовъ жаловались почти вездѣ, тогда какъ сѣнокосы, при тощей почвѣ земли въ западныхъ губерніяхъ, составляли главную основу выгоднаго сельскаго хозяйства». По этой причинѣ евреи «держали мало скота, въ иныхъ поселеніяхъ навозъ покупали изъ ближнихъ мѣстечекъ и городовъ, а отъ недостатка корма, при обыкновенномъ еще небрежномъ обращеніи евреевъ со скотиною, — происходили частыя падежи».

Невыгодное назначеніе для евреевъ земель и сѣнокосовъ г. Иславинъ относилъ «къ винѣ палаты и люстраторовъ, которые, распредѣляя земли, — старались отдавать евреямъ тѣ, которые остались послѣ надѣла крестьянамъ, подъ фермы, въ запасъ и на разныя другія надобности, не желая слѣдовать намѣренію правительства — устроить евреевъ въ земледѣльчскомъ быту и смотря на нихъ, какъ *«на народъ отверженный, несомнѣнный когда либо съ пользою заняться хлопкопашествомъ»*. Въ особенности люстраторы въ этомъ дѣлѣ не всегда дѣйствовали добросовѣстно; напр., Виленской губерніи, въ имѣніи Турин, по ходатайству сосѣднихъ крестьянъ, люстраторъ отдалъ имъ послѣднимъ сѣнокосы, назначенные для 8-ми еврейскихъ семействъ,

а въ имѣніи Радунъ совершенно произвольно раздѣлилъ землю между евреями и крестьянами, отчего возникли «жалобы и замедлилось поселеніе». Поэтому еврей-поселенцы вездѣ обращались къ нему, г. Иславину, съ просьбами о «добавленіи имъ *стенокосовъ* въ иныхъ мѣстахъ, хотя бы за исчисленный оброкъ изъ запасныхъ участковъ». Въ другихъ поселеніяхъ были «участки слишкомъ малы, а усадьбы *тѣсны*»; въ особенности при соображеніи въ какой мѣрѣ современемъ размножатся еврейскія семейства, на 25 лѣтъ освобожденныя отъ рекрутства». Кромѣ дурного качества и недостатка земель, г. Иславинъ не могъ не винить земледѣровъ палатъ, изъ коихъ медлили: одни—отводомъ участковъ на каждый дворъ, другіе—и до ревизіи его, г. Иславина, ихъ еще не указали, какъ это замѣтилъ г. Иславинъ въ губерніяхъ: Виленской—въ поселеніи Декшицѣ; Гродненской—въ поселеніи Синайскомъ, Могилевской—въ имѣніи Городецкомъ и Подольской—въ слободѣ Гелбиновой.

Огороды и поля въ еврейскихъ поселеніяхъ, по отчету г. Иславина, «рѣдко гдѣ не были обработаны, но не вездѣ ихъ воздѣлывали сами поселенцы». Дѣлалось это потому, что въ иныхъ поселеніяхъ—у самихъ «поселенцевъ не было достаточнаго количества рабочаго скота и орудій; въ другихъ—многіе члены семействъ еще не явились изъ прежнихъ мѣстъ или разбрелись по заработкамъ и изъ вырученныхъ денегъ платили наемнымъ крестьянамъ; въ третьихъ, переходя къ сохѣ прямо отъ иглы или долота,—не умѣли обходиться съ земледѣльческими орудіями и не имѣли еще нужной въ хозяйствѣ снаровки». Но «многіе изъ тѣхъ поселенцевъ, которые прежде нанимали крестьянъ для обработки своихъ участковъ,—сами научились приѣмамъ и землю воздѣлывали безъ посторонней помощи». Г. Иславинъ держался мнѣнія, что когда въ этомъ дѣлѣ водворится болѣе порядка, еврей—«будутъ поступать на поселеніе съ достаточными средствами; не будутъ расходиться по заработкамъ; будетъ болѣе надзора и старанія о нихъ со стороны мѣстнаго начальства; прежніе поселенцы привыкнуть къ земледѣлію, да и новымъ поселенцамъ будетъ менѣе нужды и охоты платить наемщикамъ по 2 влотыхъ въ сутки или предоставлять имъ за труды *тре-*

тѣи снопы со всего урожая, какъ это дѣлалось во многихъ мѣстахъ».

Правильное занятіе земледѣліемъ, по словамъ г. Иславина, «замедлялось частою передачею участковъ однимъ семействомъ въ пользу другого: поселившіеся ради избѣжанія только при-близившагося рекрутскаго набора, по пробытіи 2-хъ—3-хъ лѣтъ на назначенномъ участкѣ, перепродавали право свое другимъ, постороннимъ лицамъ, а сами возвращались въ первобытное состояніе, или одинокій еврей, поссорившись съ семействомъ, къ которому былъ приписанъ,—разсчитывался съ нимъ и покидалъ земледѣліе, лишивъ семейство нужнаго работника».

В. Никитинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСУСЪ НАВИНЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БИБЛЕЙСКОЙ ЭПОХИ.

Георга Эберса.

ГЛАВА XVIII ¹.

Въ разстояніи добраго часа пути отъ маленькаго храма, у котораго отдыхали колодники, дорога раздѣлялась на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна направлялась къ югу, въ Сукотъ и къ западному заливу Чермнаго моря, а другая шла въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ укрѣпленія перешейка—къ области рудниковъ.

Недолго спустя послѣ ухода ссыльныхъ, изъ Рамзесова града выступило и войско, собранное для преслѣдованія евреевъ, а такъ какъ колодники довольно долго отдыхали у колодца, то войска почти догнали ихъ. Ссыльные прошли еще небольшое пространство, какъ уже промчались нѣкоторые гонцы, чтобы очистить дорогу для приближающихся отрядовъ. Они приказали ссыльнымъ отойти въ сторону и приостановить свое шествіе, пока не проѣдетъ мимо легкой обозъ съ фараоновскими палатками и припасами, грохотъ котораго уже слышался ясно.

Проводники ссыльныхъ были очень рады этой задержкѣ;

¹ См. „Восходъ“, кн. VII.

они никуда не торопились; день былъ жаркій и если придутъ на свое мѣсто позднѣе, то вѣдь виновато въ томъ войско.

Иисусу эта неожиданность тоже была пріятна, такъ какъ его юный товарищъ по цѣпи какъ безумный устремлялъ взоръ въ пространство и на вопросы дяди или вовсе не отвѣчалъ, или давалъ такіе безсмысленные отвѣты, что тотъ сталъ сильно тревожиться. Иисусъ хорошо зналъ, что изъ присужденныхъ въ наказаніямъ многіе впадаютъ въ безуміе или тяжкое уныніе. Но вотъ мимо ихъ должна пройти часть войска, и то, что здѣсь можно будетъ увидѣть, представляло для юноши кѣчто новое и обѣщало положить конецъ его мрачной сосредоточенности.

Въ сторонѣ отъ дороги находился песчаный холмъ, поросшій кустами тамариска; въ нему-то главный стражникъ и повелъ свой отрядъ ссыльныхъ. Онъ былъ суровъ, но не жестокъ, и разрѣшилъ своимъ «кротамъ» расположиться на пескѣ, ибо прохождение войскъ грозило затянуться на довольно долгое время.

Какъ только ссыльные расположились, послышался грохотъ колесъ, ржанье ретивыхъ коней, громко отдаваемые приказы и по временамъ также неприятный крикъ ословъ.

Уже когда показались первые возы, Ефраимъ спросилъ, не приближается-ли фараонъ. Иисусъ съ улыбкой разъяснилъ ему, что когда царь сопровождаетъ войска въ походъ, то прежде всего, вслѣдъ за передовой охраной, ѣдетъ обозъ съ матеріалами и припасами, такъ какъ фараонъ и его сановники любятъ находить готовые палатки и накрытые столы когда оканчивается дневной переходъ и войны со своими вождями предаются ночному отдыху.

Еще Иисусъ не успѣлъ кончить своихъ словъ, какъ показалось множество пустыхъ возовъ и ненавьюченныхъ ословъ.

На нихъ должны были нагрузить подати хлѣбомъ и мукою, убойнымъ скотомъ и птицею, виномъ и цивомъ, которыя взиались съ каждаго селенія, лежащаго по пути фараона, и уже наванунѣ были отданы приемщикамъ.

Вслѣдъ затѣмъ показался отрядъ воиновъ на колесницахъ. По парѣ лошадей было впряжено въ небольшія, двухколесныя, обитыя бронзою колесницы, и на каждой стоялъ воинъ и возница. Къ передней части колесницы были прирѣплены большіе кочаны, а воины опирались—это на копыя, это на врѣпкій лукъ. Рубахи, покрытыя мѣдными чешуями, или стеганная панцирная одежда съ пестро расшитымъ плащомъ защищали колесничныхъ воиновъ отъ металлическихъ снарядовъ непріятеля. Медленной рысью прошелъ этотъ отрядъ, который Исусъ назвалъ авангардомъ, а за нимъ слѣдовало множество возовъ и колесницъ, запряженныхъ лошадьми, мулами или волами, а также цѣлыя стада грузно навьюченныхъ ословъ.

Затѣмъ дядя указалъ племяннику на длинные шести, столбы и тяжелые свертки драгоценныхъ тканей, предназначенныхъ для постройки царскихъ палатокъ и нагруженныхъ на множествѣ вьючныхъ животныхъ. Далѣе шли ослы и возы съ кухонной утварью и походной вузницей. Между этими возами ѣхали верхомъ на ослахъ, управляемыхъ расторопными погонщиками, врачи, хранители одежды, составители мазей, повара, приготовители вѣнцовъ, смотрители и рабы, которые всѣ состояли при лагерѣ фараона. Только что выступивъ въ походъ, они были еще свѣжи и расположены къ шуткамъ, а это изъ нихъ замѣчалъ колодниковъ, отпускалъ имъ ѣдкія насмѣшки въ египетскомъ вкусѣ, что иные старались, однако, вознаградить милостивей. Другіе, державшіе себя скромно, также посылали колодникамъ черезъ погонщиковъ нѣсколько плодовъ или небольшое подаваніе,

ибо всякій, находящійся сегодня на свободѣ, могъ завтра послѣдовать за этими несчастными. Старшій стражникъ этому не препятствовалъ, а когда проходившій мимо рабъ, котораго Иисусъ продалъ за безчестье, назвалъ имя Осія и указалъ на него съ отвратительными ужимками, то добросердечный при всей своей суровости стражникъ далъ оскорбленному глотокъ вина изъ своей собственной походной фляжки.

Ефраимъ, отправившійся изъ Сукота въ Танисъ только съ малой въ рукѣ и маленькимъ узелкомъ съ хлѣбомъ, сушеной бараниной, рѣдкою и финиками, высказалъ удивленіе при видѣ такого безчисленнаго множества людей и вещей, потребовавшихся для удобства одного человѣка. Онъ снова впалъ въ прежнюю задумчивость, пока дядя не расшевелилъ его новыми объясненіями.

Какъ только прошелъ обозъ, старшій стражникъ хотѣлъ призвать колодниковъ двинуться въ дальнѣйшій путь, но «очистители пути», шедшіе впереди стрѣлковъ, показавшихся теперь, запретили ему это, такъ какъ не подобаетъ преступникамъ смѣшиваться съ воинами. Поэтому колодники остались на своемъ холмѣ и продолжали смотрѣть на двигавшееся шествіе.

За стрѣлками изъ лука слѣдовали тяжелооруженные, державшіе столь большіе щиты изъ бычачьей кожи, что даже самыхъ рослыхъ воиновъ они закрывали отъ пятокъ до середины груди. Осія объяснилъ юношѣ, что эти щиты разставляютъ на ночь одинъ возлѣ другого вокругъ царскаго лагеря, который ими окружается какъ заборомъ. Кромѣ этого оборонительнаго орудія, у cadaго тяжелооруженнаго имѣлось еще копье, короткій кинжалообразный мечъ или боевой серпъ, а когда за баталіонами этого рода оружія показался отрядъ пращниковъ, то Ефраимъ впервые заговорилъ самъ. Онъ началъ увѣрять, что тѣ пращи, которые

его учили дѣлать пастухи, гораздо лучше, чѣмъ пращи этихъ воиновъ. Поощряемый дядею, онъ началъ говорить съ такимъ оживленіемъ, что расколовшіеся вблизи колодники тоже стали прислушиваться къ его разсказу о томъ, какъ ему удавалось камнемъ изъ пращи убивать не только шакаловъ, волковъ и пантеръ, но даже коршуновъ. Среди разсказа онъ спрашивалъ дядю о значеніи знаменъ и о названіи отдѣльныхъ отрядовъ.

Многіе баталіоны прошли уже мимо ихъ, какъ показался новый отрядъ воиновъ на колесницахъ, и старшій стражникъ крикнулъ колодникамъ:

— Добрый богъ! Властелинъ обоихъ міровъ! Да живеть онъ, благоденствуетъ и здравствуетъ!

При этомъ онъ опустился на колѣни какъ бы на молитву. Ссылные растянулись во весь ростъ, чтобы цѣловать землю, и приготовились по первому требованію стражника во-время крикнуть:

— Живи, благоденствуй, здравствуй!

Но имъ пришлось долго ждать прибытія ожидаемаго, ибо когда проѣхали воины на колесницахъ, то появились отрядъ тѣлохранителей, чужеплеменные наемники, съ своеобразными украшеніями на шлемахъ и большими мечами. За ними показались многочисленныя изображенія боговъ, а потомъ большая толпа жрецовъ и письмоводовъ. За ними шли опять тѣлохранители, и затѣмъ только показался фараонъ со своими приближенными. Впередѣ ихъ ѣхалъ верховный жрецъ Баи на золоченой боевой колесницѣ, которую везли прекрасные гнѣдые жеребцы. Онъ, уже прежде водившій войска въ походъ, взялъ на себя предводительство въ этомъ начатомъ по волѣ боговъ преслѣдованіи, и хотя оставался въ жрецескомъ облаченіи, но имѣлъ также шлемъ и боевой топоръ военачальника. Наконецъ, вслѣдъ за колесницей

Былъ, появился самъ фараонъ, но онъ ѣхалъ не на боевой колесницѣ, какъ его воинственныя предки. Онъ предпочелъ, чтобы его несли на тронѣ. Великолѣпный балдахинъ закрывалъ его сверху, а прикрѣпленные къ длиннымъ шестамъ большія, густыя, круглыя опахала изъ страусовыхъ перьевъ, несомыя слугами, защищали его съ боковъ отъ солнечнаго зноя.

Когда Менеета оставилъ за собою городъ и Побѣдныя Врата, и прекратились восторженные влики толпы, не давшіе ему уснуть,—онъ задремалъ, и тѣмныя опахала закрыли бы его лицъ отъ взоровъ колодниковъ, если бы громкіе крики послѣднихъ не заставили фараона проснуться и повернуть голову въ ихъ сторону. Но милостивое движеніе его правой руки показывало, что онъ принялъ колодниковъ за другихъ, и еще прежде чѣмъ затила влики несчастныхъ, фараонъ снова сомкнулъ глаза.

Молчаливая сосредоточенность Ефрайма смѣнилась теперь живѣйшимъ вниманіемъ, и когда провезли пустую золотую боевую колесницу царя, предъ которой рѣзвились великолѣпнѣйшіе кони, какихъ онъ никогда не видалъ, юноша сталъ громко выражать свое удивленіе.

И эти благородныя животныя, надъ умными головами которыхъ развѣвались густыя пучки перьевъ и богатая сбруя которыхъ блистала золотомъ и драгоценными камнями, представляли дѣйствительно восхитительное зрѣлище. Большіе золотые, обложенные изумрудами колчаны по бокамъ колесницы были наполнены стрѣлами.

Немощный человекъ, слабой руцѣ котораго было ввѣрено управленіе великимъ народомъ, нѣженка, котораго пугало всякое напряженіе, приобрѣталъ снова способность къ усиліямъ, какъ только отиравался на охоту. А на предстоящій походъ онъ смотрѣлъ какъ на большую травлю

движхъ звѣрей. Ему казалось царской забавой пускать стрѣлы, вмѣсто дичи, въ людей, которыхъ онъ еще незадолго предъ тѣмъ боялся, и поэтому онъ согласился на требованіе верховнаго жреца и принялъ участіе въ походѣ. Походъ этотъ предпринимался по повелѣнію великаго бога Амена, и потому Менеетъ едва-ли приходилось бояться страшнаго могущества Мезу. Онъ надѣялся, захвативъ Моисея, отомститъ ему за то, что онъ заставилъ его, царя, и супругу его такъ трепетать и пролить столько слезъ.

Иисусъ рассказывалъ юношѣ, изъ какаго финикійскаго города вывезены золотыя колесницы, какъ вдругъ Ефранимъ врѣпко схватилъ его за локоть и воскликнулъ:

— Она, она! Смотри туда! Это она!

Юноша покраснѣлъ до самыхъ ушей. И онъ не ошибся. Въ той же самой колесницѣ, въ которой она предъ тѣмъ прѣвзжала въ колодникамъ, ѣхала теперь прекрасная Казана, въ числѣ придворныхъ фараона. Кромѣ нея было еще много женщинъ, принимавшихъ участіе въ походѣ, который начальникъ пѣшаго войска, старый храбрый рубака временъ великаго Рамзеса, назвалъ „увеселительной поѣздой“.

Въ походахъ черезъ пустыню и глубже въ Сирію, Ливію и Эѳіюпію властелина обыкновенно сопровождала только избранная часть наложницъ, въ завѣщанныхъ со всѣхъ сторонъ колесницахъ, охраняемыхъ египтянами. Но на этотъ разъ царица осталась дома, а жена верховнаго жреца Бан, присоединившись къ войскамъ, подала примѣръ другимъ знатымъ женщинамъ; и конечно, многіе соблазнились возможностью испытать волненія похода, не подвергаясь опасности.

Не болѣе какъ за часъ предъ тѣмъ Казана изумила свою старшую подругу своимъ появленіемъ, такъ какъ еще наканунѣ молодую вдову никакъ не могли убѣдить, чтобъ

она послѣдовала за войсками. Точно модъ казимъ-то наитіемъ, она, не спросясь отца, не запасшись необходимыми для пути вещами, пристала къ выступившимъ войскамъ. Можно было подумать, что для нея вдругъ сдѣялся притягательной силой человекъ, котораго она до тѣхъ поръ избѣгала, не смотря на то, что это былъ никто иной, какъ племянникъ царя Сипта.

Когда она проѣзжала мимо володниковъ, принцъ стоялъ на колесницѣ возлѣ прекрасной молодой женщины, на мѣстѣ ея кормилицы, и шутиво объяснялъ ей значеніе цвѣтовъ въ поднесенномъ ей букетѣ. Казана утверждала, что букетъ нѣкимъ образомъ не могъ быть предназначенъ для нея, такъ какъ за часъ съ четвертью предъ тѣмъ она еще не думала вовсе отправляться за войскомъ, а Сипта увѣрялъ, что гаторы еще при восходѣ солнца открыли ему, какое счастье его ожидаетъ, и выборъ каждаго цвѣтка подтверждалъ его слова.

Ихъ окружили нѣсколько молодыхъ придворныхъ, шедшихъ впереди своихъ колесницъ, и вмѣшались въ ихъ веселую болтовню, къ которой присоединилась также бойкая жена верховнаго жреца, которая сошла съ своей огромной дорожной колесницы и велѣла нести себя на носилкахъ.

Отъ Иисуса ничто изъ всего этого не ускользнуло, и когда онъ увидѣлъ, какъ весело и игриво Казана ударила своимъ опахаломъ по руцѣ принца, о которомъ незадолго предъ тѣмъ вспоминала съ отвращеніемъ, чело его омрачилось, и онъ задалъ себѣ вопросъ, не сыграла-ли молодая женщина злую шутку съ нимъ, несчастнымъ.

Но тутъ надсмотрщикъ отряда володниковъ замѣтилъ на вскакахъ Сипты вьющійся локонъ, изобличавшій въ немъ принца царской семьи, и воскликнулъ: „Благоденствуй! Благоденствуй!“ Эти восклицанія, которымъ стали вторить

прочіе стражники отряда, обратили на себя вниманіе Базаны и ея спутниковъ, которые взглянули на тамарисковнй кустъ, откуда слышались голоса. Тутъ Іисусъ замѣтилъ, какъ молодая женщина смутилась и быстрымъ движеніемъ руки указала на слыльныхъ. Она, вѣроятно, что-то приказала Спитѣ, потому что принцъ сначала съ неудовольствіемъ пожалъ плечами, потомъ, послѣ довольно долгаго полу-шутливаго, полу-дѣловаго объясненія, сосвочилъ съ колесницы, и наконецъ сдѣлалъ знакъ надсмотрщику.

— Видѣли-ли эти люди,—крикнулъ онъ ему съ дороги такъ громко, что Базана должна была его услышать,—видѣли-ли они ликъ добраго бога, властелина обоихъ міровъ?

Такъ какъ надсмотрщикъ отвѣчалъ нерѣшительно, то принцъ продолжалъ высовомѣрно:

— Все равно! Они во всякомъ случаѣ лицезрѣли меня и прекраснѣйшую изъ женщинъ, и они поэтому въ правѣ рассчитывать на милость. Ты знаешь—кто я! Снять цѣмъ съ колодниковъ.

Затѣмъ онъ знакомъ подозвалъ надсмотрщика и сказалъ ему тихо:

— Но за то ты теперь гляди въ оба. Вотъ этого, что возлѣ куста, бывшаго военачальника Осію, я не люблю. По возвращеніи домой, ты предстань предо мною и доложи мнѣ объ этомъ человѣкѣ. Чѣмъ безмолвнѣе онъ станетъ, тѣмъ глубже я запущу руку въ мой кошелекъ. Понялъ?

Надсмотрщикъ поклонился и подумалъ:

— Слѣдить за нимъ, мой принцъ, я, вонечно, буду, но я послѣжу также за тѣмъ, чтобы у меня никто не посягнулъ на жизнь моихъ кротовъ. Чѣмъ эти вельможи высокопоставленнѣе, тѣмъ кровожаднѣе и диковиннѣе ихъ желанія! Сколько ихъ уже приходило ко мнѣ съ подобными предложеніями! Этотъ вотъ освобождаетъ бѣдныхъ слыльныхъ отъ

вожныхъ вандаловъ, а мнѣ онъ хотѣтъ отягчить душу безсовѣстнымъ убійствомъ. На сей разъ Оипта ошибся въ расчетъ. Эй, Петеръ, дай сюда жѣшювъ съ инструментами и снимемъ съ кротовъ цѣпи!..

Пока на песчаномъ холмѣ, у дороги, визжали пилы, колодникамъ освобождали ступни отъ цѣпей и, ради безопасности, каждому отдѣльно связывали руки, — фараоновскіе военные отряды успѣли пройти мимо.

Казана приказала принцу Сиптѣ снять желѣзныя цѣпи съ несчастныхъ, вдушихъ на страданія, и при этомъ открыто созналась, что для нея невыносимо видѣть въ такомъ жестокомъ униженіи полководца, который такъ часто бывалъ гостемъ въ ея домѣ. Жена верховнаго жреца присоединилась къ желанію вдовы, и принцъ долженъ былъ уступить.

Иисусъ зналъ, кому онъ и Ефрамъ обязаны этой милостью—и его радовало это сознаніе.

Ему теперь стало легче ходить, но тѣмъ тяжелѣе ложилась на его душу тревожная забота.

Съ такимъ войскомъ, какое теперь предъ нимъ прошло, онъ легко могъ бы уничтожить до послѣдняго человѣка всѣхъ бѣльшихъ силы, чѣмъ ополченіе его единоплеменниковъ. Его народъ, въ томъ числѣ отецъ его и Мириамъ, которой, хотя она и огорчила его, онъ все же былъ признателенъ за указаніе пути, который онъ еще въ заточеніи призналъ единственно-вѣрнымъ,—всѣ они, на его взглядъ, были обречены кровавой гибели. Какъ ни могущественъ Господь, величіе Котораго пророчица превозносила такъ восторженно и на Котораго онъ самъ научился взирать съ благочестивымъ восторгомъ, но надъ напоромъ такого войска неопытныя и плохо вооруженныя ватаги пастуховъ должны были навѣрное безнадежно погибнуть. Эта увѣренность, которая съ прохожденіемъ

каждаго новаго отряда усиливалась все болѣе и болѣе, глубоко терзала его душу. Никогда онъ раньше не испытывалъ такой жгучей душевной боли и эта боль еще рѣзче обострилась при видѣ хорошо ему знакомыхъ тысячныхъ отрядовъ, еще недавно состоявшихъ подъ его начальствомъ и шествовавшихъ теперь подъ предводительствомъ другого, и направлявшихся къ тому же истребить его единокровныхъ. Все это было мучительно, да тутъ еще снова стало внушать опасеніе состояніе Ефраима, который, со времени появления Казани и ея заступничества за него и его товарищей по несчастью, вторично замолеъ и злобѣщимъ, дикимъ взоромъ глядѣлъ на удалявшееся войско или въ пустое пространство.

Когда юношу освободили отъ оковъ, Иисусъ спросилъ его, не танеть-ли его къ своимъ, чтобъ помочь имъ въ оборонѣ отъ такихъ могучихъ военныхъ силъ. На это Ефраимъ отвѣтилъ только:

— Въ виду такихъ войскъ имъ остается лишь сдаться. И чего намъ недоставало до исхода? Ты былъ такой же еврей какъ они, а между тѣмъ сталъ у египтянъ вліятельнымъ полководцемъ, нова не пошелъ на призывъ Мирамъ. Я бы на твоёмъ мѣстѣ поступилъ иначе.

— А какъ бы ты поступилъ? — спросилъ Иисусъ сурово.

— Какъ?—повторилъ юноша, и въ немъ воспылалъ весь огонь его молодой души. — Какъ? Я бы остался только тамъ, гдѣ существуетъ честь, слава и все, что прекрасно. Ты бы могъ сдѣлаться величайшимъ среди великихъ, счастливѣйшимъ среди счастливыхъ; а въ этомъ самъ убѣдился. Но ты, ты распустилъ иначе.

— Потому что этого требовалъ долгъ, — возразилъ Иисусъ строго,—потому что впредь я хочу служить только тому народу, среди котораго я родился.

— Народу?— презрительно переспросилъ юноша.— Я знаю этотъ народъ, и ты тоже столкнулся съ нимъ въ Сукотѣ. Бѣдняки эти—погибшій, жалкій людъ, который гнетъ спину подъ палкой, а завиточные ставятъ выше всего свои стада; тѣ же, которые считаются вождями колѣнъ, постоянно ведутъ между собою ссоры. Ничто пріятнее глазу и сердцу никому изъ нихъ незнакомо. Меня считаютъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и, однако, я съ ужасомъ вспоминаю о доставшемся мнѣ по наслѣдству отцовскомъ домѣ, хотя онъ одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ. Кто видѣлъ лучшее, тому ничто подобное кажется мелочью.

При этихъ словахъ у Иисуса напряглись жилы на лбу, и въ гнѣвныхъ выраженіяхъ началъ онъ упрекать юношу за то, что тотъ отвергаетъ свое родное и какъ изгнанный отрывается отъ своего народа.

Такъ какъ Иисусъ сталъ говорить все громче и громче, то надсмотрщикъ приказалъ ему молчать, и приказаніе это, повидному, пришлось своему правному юношѣ по душѣ. На дальнѣйшемъ пути, когда дядя укоризненно заглядывалъ ему въ лицо или спрашивалъ его, обдумалъ-ли онъ его слова, Ефраимъ съ неудовольствіемъ отворачивался и упорно молчалъ до тѣхъ поръ, пока на небѣ показалась первая звѣзда и волюнтеры остановились для ночлега подъ открытымъ небомъ и стали раздѣлять скудную арестантскую пищу.

Тогда Иисусъ руками вырылъ для себя въ нескѣ длинную яму для ночевки, и заботливо и искусно помогъ юношѣ сдѣлать то же самое.

Ефраимъ молча принималъ услуги дяди. Но когда они улеглись рядомъ и Иисусъ заговорилъ о Богѣ своего народа, на помощь Котораго они должны уповать, чтобы въ рудникахъ не впасть въ отчаяніе,—юноша прервалъ его и произнесъ тихо, но со злобной рѣшительностью:

— Живымъ они меня въ свои рудники не приведутъ! Лучше умереть въ бѣгахъ, чѣмъ сгнить въ такихъ мукахъ.

Исусъ шопотомъ сталъ его предостерегать и слова напоминалъ о его обязанностяхъ по отношенію къ его народу. Но юноша просилъ оставить его въ покоѣ; однако, немного спустя онъ токнулъ дядю и спросилъ его тихо:

— Что они тамъ затѣваютъ съ принцемъ Олптой?

— Я не знаю, но навѣрнее—ничего хорошаго.

— А гдѣ сиріецъ Арсу, начальствующій надъ азиатскими войсками,—твой врагъ, стерегущій насъ съ такимъ усердіемъ? Я не видалъ его среди другихъ вонновъ.

— Онъ остался въ Танисѣ со своими отрядами.

— Охранять дворецъ?

— Да, именно для этого.

— Значитъ, у него много войска, и фараонъ довѣряетъ ему?

— Довѣряетъ вполне, хотя врядъ-ли сиріецъ этого заслуживаетъ.

— Онъ—сиріецъ, значитъ—онъ нашъ по крови.

— По крайней мѣрѣ, что касается наружности его и рѣчи, то онъ ближе къ намъ, чѣмъ къ египтянамъ.

— Я бы принялъ его за одного изъ нашихъ. Однако, онъ одинъ изъ первыхъ начальниковъ въ войскахъ, каковымъ и ты былъ прежде.

— Есть еще немало сирійцевъ и ливійцевъ, начальствующихъ надъ значительными отрядами. А глашатай Бенъ-Мацана, одинъ изъ важнѣйшихъ царедворцевъ, — египтяне называютъ его Рамзесомъ въ святилицѣ Ра,—сынъ еврея.

— И Бенъ-Мацану и другихъ не преслѣдуютъ за ихъ происхожденіе?

— Несправедливо было бы сказать, что ихъ преслѣдуютъ. Но къ чему ты задаешь такіе вопросы?

— Мнѣ не спится.

— И потому тебѣ приходятъ въ голову такія мысли? Нѣтъ, у тебя навѣрное есть какая нибудь опредѣленная цѣль, и если это такъ, то мнѣ будетъ очень больно. Ты желалъ бы поступить на службу фараона?

Нѣкоторое время оба молчали. Затѣмъ Ефраимъ снова заговорилъ, и хотя онъ обращался къ Иисусу, но рѣчь его звучала такъ, какъ будто онъ говорилъ самъ съ собою.

— Они уничтожатъ нашихъ, а кто останется живъ, того ждетъ рабство и позоръ. Мой домъ теперь уже обреченъ на разрушеніе, изъ моихъ великолѣпныхъ стадъ не уцѣлѣетъ ни одной головы, а унаслѣдованное мною золото и серебро, котораго, говорятъ, много, египтяне увезутъ съ собою. Оно находится на сохраненіи у твоего отца и скоро попадетъ въ руки египтянъ въ качествѣ добычи. Неужели же я, очутившись на свободѣ, долженъ вернуться къ нашимъ, дѣлать кирпичи, гнуть спину и отдавать себя для побоевъ и жестокаго обращенія?

Иисусъ съ жаромъ прошепталъ ему:

— Ты долженъ молить Бога отцовъ своихъ, чтобы онъ защитилъ и охранилъ Свой народъ. Но если Всевышній судилъ нашему племени гибель, тогда будь мужемъ и научись всѣми силами своей молодой души ненавидѣть тѣхъ, которые растоптали твоихъ единоплеменниковъ; тогда бѣги къ сирійцамъ и предоставь имъ свою сильную молодую руку и откажись отъ отдыха и покоя до той поры, пока ты не отомстишь пролившимъ кровь твоего народа и тебя самого безъ вины заковавшимъ въ кандалы!

Снова водворилось молчаніе на нѣкоторое время. Съ лежа Ефраима доносились лишь глухіе, тихіе стоны, выр-

вашиеса изъ его сдавленной груди. Наконецъ Иисусъ услышалъ обращенныя къ нему тихія слова:

— На ногахъ у насъ уже нѣтъ кандаловъ. Какже я могу ненавидѣть ту, которая освободила насъ отъ нихъ?

— Бъ Каватъ сохрани признательность, — прошепталъ дядя въ отвѣтъ, — во ея соплеменниковъ ты долженъ ненавидѣть.

Иисусъ услышалъ, что юноша заматался въ своей несчастной постели, тяжело дыша и вздыхая.

Прошла уже полночь. Мѣсяцъ высоко стоялъ на небѣ. Иисусъ, не смыкавшій глазъ, безпрестанно прислушивался къ движеніямъ своего племянника, но тотъ молчалъ, хотя ему тоже не спалось. Съ его ложа слышался какой-то шумъ, что-то въ родѣ скрежета зубовъ. Не забрались-ли мыши въ эту пустынную мѣстность, покрытую желтой сухой травой или солончаками и пустырями, не грызутъ-ли онъ тутъ черствый хлѣбъ осмыльно-ваторжныхъ?

Такой скрежетъ и скрипъ способны потревожить сонъ даже тогда, когда человѣку сильно хочется спать. Иисусъ же хотѣлъ бодрствовать. Онъ желалъ продолжать разговоръ, чтобъ открыть глаза ослѣпленному. Но племянникъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Наконецъ Иисусу удалось прикоснуться рукою до плеча юноши. Онъ, однако, тотчасъ отодвинулся назадъ, такъ какъ при свѣтѣ луны увидѣлъ, что Ефраимъ поднимаетъ руку, тогда какъ обѣ руки его были на ночь связаны вмѣстѣ еще крѣпче, чѣмъ днемъ.

Иисусъ понялъ, что поражающій его шумъ производилъ юноша, острыми зубами перегрызавшій веревки. Онъ тотчасъ приподнялся и взглянулъ сначала на небо, а затѣмъ вокругъ себя.

Затаивъ дыханіе, слѣдилъ онъ за движеніями мальчика; сердце забилось у него тревожно. Ефраимъ задумалъ бѣгъ.

ство, и первый шагъ къ спасенію уже сдѣлать удачно. Даѣ Богъ, чтобы и дальше все шло счастливо! Но онъ боялся, что бѣглець выберетъ невѣрный путь. Этотъ юноша—единственный сынъ его любимой покойной сестры, круглый сирота, никогда не знавшій тѣхъ совѣтовъ и указаній, которые можетъ дать только мать и которые строптивый дѣтскій умъ принимаетъ только отъ матери. Чужія руки подвязывали это молодое деревцо къ опорѣмъ, и если оно выросло прямо, то материнская любовь еще болѣе обогатила бы его заботливыми и отборными прививками. Мальчикъ выросъ среди чужихъ, не у родительскаго очага который одинъ только и можетъ быть дѣйствительно роднымъ для юношества. Удивительно-ли, что онъ чувствуетъ себя отчужденнымъ отъ своихъ?

Подъ вліаніемъ такихъ размышленій, Иисусъ почувствовалъ глубокую жалость къ мальчику и въ то же время сознавалъ за собою нѣкоторую виновность предъ нимъ.

— Вѣдь Ефрамъ подвергся постигнутому его тяжкому бѣдствію ради него, Иисуса, пустившись въ путь, чтобы передать ему посланіе. Какъ ни велико было желаніе еще разъ предостеречь юношу отъ измѣны и нарушенія долга, Иисусъ все-таки не сталъ дѣлать этого теперь, боясь повредить его замыслу. Каждый звукъ могъ возбудить вниманіе стражниковъ. Онъ сталъ слѣдить за приготовленіями къ побѣгу съ такимъ теплымъ участіемъ, какъ еслибы Ефрамъ началъ ихъ по его приказанію.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы повторить свои безплодныя предостереженія, дядя сталъ вмѣсто племянника осматривать окрестность, хорошо зная по опыту, что благіе совѣты чаще оставляются безъ вниманія, чѣмъ принимаются для руководства, и что только собственный жизненный опытъ является неотразимымъ наставникомъ.

Всверѣ привычный глазъ полководца нашелъ дорогу, по которой Ефраимъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, могъ бы уйти отъ преслѣдованія.

Онъ тихонько обратился къ мальчику, но тотъ прошепталъ дядѣ:

— Я тебѣ развяжу веревки; ты только протяни мнѣ руки. Мои уже развязаны!

Встревоженное лицо Исуса просіяло.

Этотъ своевольный юноша все-таки славный малый; онъ подвергаетъ риску свой замыселъ изъ желанія спасти того, кто, освободившись, грозилъ загородить ему дорогу, по которой онъ, въ своемъ юношескомъ ослѣпленіи, надѣялся прійти въ своему счастью.

ГЛАВА XIX.

Осмотрѣвшись внимательно кругомъ, Исусъ увидѣлъ, что хотя небо еще свѣтло, но если продержится сѣверный вѣтеръ, оно должно скоро покрыться тучею, поднимающеюся съ моря.

Воздухъ становился удушливымъ. Стражники не спали и поочередно смѣняли другъ друга. Обмануть ихъ бдительность было трудно. Но рядомъ съ ложемъ Ефраима, которое дядя для большаго удобства устроилъ на покатомъ склонѣ холма, проходило узкое ущелье, направлявшееся къ долинѣ. При лунномъ свѣтѣ ярко сверкали обнаженные стѣны ущелья, состоявшія изъ бѣлаго гипса и блестящихъ слоевъ слюды. Если бы ловкому юношѣ удалось незамѣтно пробраться въ ущелье и по немъ сползти далѣе къ солончаковому болоту, окруженному высокимъ хвощемъ и дикимъ кустарникомъ,—то предпріятіе, особенно при появленіи тучъ, могло бы удалиться вполне.

Правда къ такому убѣжденію, Иисусъ началъ такъ же хладнокровно, какъ если бы рѣчь шла о выборѣ дороги для одного изъ нѣкогда ему подвластныхъ военныхъ отрядовъ,—обсуждать, могъ-ли бы онъ, въ случаѣ если ему будутъ развязаны руки, послѣдовать за Ефраммомъ, не подвергая послѣдняго опасности. Онъ долженъ былъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, на вершинѣ холма, сидѣлъ или прохаживался стражникъ, который при свѣтѣ луны могъ бы очень легко замѣтить усилія юноши развязать Иисусу крѣпкіе узлы веревовъ. Къ тому же туча уже близко подходила къ лунѣ и могла закрыть ее прежде чѣмъ юноша кончитъ работу. Значитъ, Ефраммъ могъ изъ-за него подвергнуться опасности и упустить единственный счастливый мигъ, удобный для побѣга. Не возмутительнѣйшее-ли преступленіе—ради шаткихъ расчетовъ на собственное спасеніе, закрывать путь къ свободѣ тому, чьимъ онъ былъ естественнымъ защитникомъ? Поэтому Иисусъ шепнулъ Ефрамму:

— Я не могу бѣжать съ тобою. Ты же спустишься по ущелью направо къ сожончаку. Я буду слѣдить за стражниками. Какъ только туча надвинется на мѣсяцъ и я кашляну, ты сейчасъ же бѣги. Въ случаѣ удачи, спиши къ нашему народу. Кланяйся моему престарѣлому отцу, увѣрь его въ моей любви и преданности. Скажи ему, куда меня ведутъ. Слушайся, что посоветуютъ онъ и Миріамъ; ихъ совѣты—лучшіе. Вотъ туча заволакиваетъ луну. Ни слова больше!

Ефраммъ, однако, еще разъ сталъ требовать, чтобы дядя далъ ему свои руки для снятія веревовъ. Но Иисусъ приказалъ ему замолчать. Луна стала скрываться подъ тучею. Въ это время стражникъ, ходившій взадъ и впередъ у ихъ изголовья, сталъ разговаривать съ товарищемъ, пришедшимъ

къ нему на смѣну. Иисусъ кашлянулъ, и напряженно; пританувъ дыханіе, сталъ прислушиваться къ тому, что происходитъ въ ущельи.

Онъ замѣтилъ легкій шорохъ, и огонь, разведенный стражниками на вершинѣ холма для защиты отъ дневныхъ звѣрей, освѣтилъ ему ложе Ефранима, которое было пусто.

Онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ: мальчишъ, безъ сомнѣнія, находился уже въ ущельи. Но какъ Иисусъ ни напрягалъ слухъ, чтобъ уловить шумъ отъ шаговъ бѣглеца, онъ не слышалъ ничего, кромѣ шаговъ и разговора стражниковъ. Да и изъ разговора-то онъ воспринималъ—не смыслъ, а лишь звуки голоса, такъ какъ вниманіе его было поглощено бѣгствомъ юноши. Какъ проворно и осторожно, должно быть, передвигался ловкій юноша! Но онъ навѣрное находился еще въ ущельѣ, между тѣмъ мѣсяцъ, повидимому, побѣдоносно боролся съ тучею; его серебристый кругъ разсѣлалъ скрывающую его отъ человѣческихъ взоровъ тяжелую, темную завѣсу, и лунный свѣтъ отражался въ неподвижномъ болотѣ тонкой, блестящей колонной. Этотъ свѣтъ позволялъ Иисусу обогрѣвать все находящееся внизу; но онъ не могъ тамъ замѣтить ничего похожего на человѣческую фигуру.

Не натенулся-ли бѣглецъ въ ущельѣ на какое нибудь препятствіе? Не задержали-ли его тамъ груды камней или темная пропасть? Можетъ быть,—и при этой мысли Иисусъ почувствовалъ замираніе сердца,—можетъ быть, мальчишъ, ища ощупью, въ потьмахъ упалъ въ пропасть...

Какъ жадно онъ уловилъ бы теперь малѣйшій шорохъ со стороны ущелья! Эта тишина казалась ему злобницею. Но вотъ, — о, лучше бы тишина вовсе не нарушалась! — вотъ среди ночной тишины изъ ущелья раздался грохотъ свергающихся скалъ и шумъ обваливающейся земли. Мѣ-

сидя выглянулъ изъ-за облачной завѣсы, и Иисусъ разцѣдѣлъ внизу у болота живое существо, похожее скорѣе на зѣбра, чѣмъ на человека, такъ какъ оно полагло на четверенкахъ. Вдругъ вода въ болотѣ заколыхалась: живое существо внизу прыгнуло въ болото. Мѣсяць снова заволокло тучею; все вокругъ погрузилось во мракъ.

Вздохнувъ свободно, Иисусъ рѣшилъ, что видѣлъ онъ Ефраима и что бѣглець, — что бы тамъ дальше ни случилось, — на много ушелъ впередъ.

Но стража не дремала и не далась больше въ обманъ. Чтобъ отвлечь ихъ вниманіе, Иисусъ громко крикнулъ: „Шакаль!“ Однако, раздался пронзительный свистъ, который поднялъ на ноги всѣхъ спящихъ стражниковъ. Велѣдъ за тѣмъ надсмотрщикъ съ горячей лучиной въ рукѣ очутился возлѣ Иисуса и тревожно поднесъ свое свѣтило къ его лицу. Убѣдившись, что полководецъ предъ нимъ, онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ. Не напрасно же онъ связалъ его двойными веревками; за этого именно ссыльнаго, въ случаѣ бѣгства, ему дома пришлось бы поплатиться особенно чувствительно.

Пока надсмотрщикъ провѣрялъ состояніе веревокъ на рукахъ Иисуса, свѣтъ факела упалъ на опустѣвшее ложе Ефраима. Тамъ, какъ бы въ насмѣшку, валялись куски перегрызанныхъ веревокъ. Надсмотрщикъ поднялъ ихъ, швырнулъ въ ноги Иисусу, снова далъ пронзительный свистокъ и крикнулъ:

— Убѣжалъ! еврей! кудравый парень!

Не обращая больше никакого вниманія на Иисуса, онъ тутъ же приступилъ къ преслѣдованію бѣглеца. Хрипа отъ злости, онъ отдавалъ приказъ за приказомъ, и каждое слово было ясно и немедленно приводилось въ исполненіе.

Одни изъ стражниковъ начали собирать вмѣстѣ всѣхъ арестантовъ, пересчитывая ихъ и связывая веревками по-

парно. Надсмотрщикъ съ другими стражниками и съ собаками-ищейками стали отыскивать слѣдъ бѣглеца.

Исусъ видѣлъ, какъ ушли животныя, и, обнюхавъ искусаиныя веревки Ефраима и его ложе, сейчасъ же бросился въ ущелье. Съ трудомъ переводя дыханіе, видѣлъ онъ потомъ, какъ, пробѣгавъ довольно долго въ ущельѣ, собаки, крия новомъ появленіи мѣсяца изъ-за облаковъ, высочили изъ ущелья и бросились по направленію къ болоту. Онъ призналъ счастливою мысль Ефраима не обходить болота по землѣ, а перейти его вбродъ; на берегу болота собаки потеряли слѣдъ. Нѣсколько минутъ онѣ, усердно обнюхивая землю и слѣды шаговъ Ефраима, бѣгали взадъ и впередъ по берегу. Наконецъ онѣ нанали на вѣрный слѣдъ; раздался ихъ радостный, громкій лай. Но плѣнный полководецъ уже не опасался очень дурныхъ послѣдствій. Ефраимъ успѣлъ уже опередить погону на большое разстояніе. Тѣмъ не менѣе у него сильно билось сердце, и время тянулось для него очень медленно, пока не вернулся надсмотрщикъ, измученный и раздосадованный неудачными поисками.

Довольно старый надсмотрщикъ, конечно, никогда не могъ бы настичь быстроногого юноши; но въ погону были посланы еще два младшихъ, очень прворныхъ стражника. Начальникъ самъ сообщилъ объ этомъ со злою усмѣшкой.

Добродушный надсмотрщикъ точно нереродился. Случившееся представлялось ему нестерпимымъ позоромъ, даже несчастьемъ.

Арестантъ, пытавшійся обмануть стражу восклицаніемъ о шакалѣ, былъ навѣрное соучастникомъ въ устройствѣ побѣга. Прица Сипту, виѣшавшагося въ его дѣла, надсмотрщикъ тоже проклиналъ громко. Отнынѣ онъ никогда болѣе не позволитъ ничего подобнаго. Теперь онъ всему отряду дастъ почувствовать всѣ неприяности, которыя ему

причинило бѣгство Ефракма. Онъ приказалъ снова завоевать сѣмьлнхъ въ кандалы. Бывшаго военачальника сковали въ парѣ съ однимъ кашляющимъ старикомъ. Колодниковъ выстроили въ рядъ и продержали на ногахъ предъ костромъ до самой зари.

Иисусъ, въ которому новыи товарищъ по кандаламъ обращался съ вопросами, не давалъ никакихъ отвѣтовъ. Съ тревогой въ сердцѣ ждалъ онъ возвращенія остальныхъ преслѣдователей. Онъ обратился съ молитвой къ Господу, и Ему, который обѣщалъ ему Свою помощь, онъ отдавалъ судьбу свою и убѣжающаго юности. Но молитву его грубо прерывала надсмотрщица, вымещавшій на немъ свою злобу.

Мужъ, нѣкогда начальствовавшій надъ тысячами, молча переносилъ все и заставлялъ себя равнодушно принимать ругань, какъ неотразимую несправдливость, въ родѣ града или дождя. Ему даже стоило немало усилій скрыть свое радостное возбужденіе, когда послѣ восхода солнца вернулись молодые стражники, посланные въ погоню; они явились растерзанные и запыхавшіеся, притащивъ съ собою только одну собаку съ раздробленнымъ черепомъ.

Надсмотрщицу ничего больше не оставалось, какъ заявить о случившемся въ ближайшемъ укрѣпленіи Этомской вѣдственной линіи, которую (сильные и безъ того должны были пересѣчь. Туда теперь и были направлены сѣмьлнхъ.

Послѣ бѣгства Ефракма стражникомъ обуялъ духъ жестокости. Наканунѣ начальникъ отряда разбивалъ несчастныхъ ддя на торения, съ дѣмоторными удобствами; сегодня же онъ принуждалъ ихъ къ крайней поспѣшности. Къ тому же въ воздухъ стояла думота и павящее самце боролось съ свинцовыми тучами, грозно недвижимо висѣвшими съ сѣвера.

Привычное къ всеросможнымъ напряженіямъ, мощное тѣло Иисуса легко выносило тягости этого шествія. Но его

товарищъ по кандаламъ, посѣдившій въ писанинѣ папирусовъ, часто падалъ въ изнеможеніи и наконецъ совсѣмъ свалился.

Надсмотрщикъ вынужденъ былъ посадить несчастнаго на осла и сковать Иисуса въ парѣ съ другимъ сомыльнигъ: Это былъ братъ перваго колодника, старика, сильный и крѣпкій египтянинъ, бывшій смотрителемъ царскихъ конюшенъ и попавшій въ рудники по несчастной случайности, за кровное родство съ однимъ государственнымъ преступникомъ.

Съ этимъ здоровымъ товарищемъ было легче идти; Иисусъ съ участіемъ выслушивалъ его рассказы. Египтянинъ повѣрялъ ему свои страданія, рассказывалъ, какъ тяжело ему было оставить жену и дѣтей въ горѣ и нуждѣ. Два сына умерли у него отъ мора, и ему, къ великому его огорченію, не дали даже позаботиться объ ихъ похоронахъ, такъ что его любимцы не найдутъ вѣчнаго успокоенія въ царствѣ мертвыхъ.

На второмъ привалѣ огорченный отецъ сталъ еще откровеннѣе. Всю его душу наполнила жажда мести. Онъ предполагалъ, что такое же чувство долженъ питать и Иисусъ, важный, благородный видъ котораго обличалъ человека, впаваго въ бѣду изъ высокаго общественнаго положенія. У бывшаго смотрителя конюшенъ была свояченица въ числѣ царскихъ наложницъ. Отъ нея и ея сестры, своей жены, онъ узналъ, что въ „домѣ затворницъ“ замышляется заговоръ противъ фараона. Онъ будто бы зналъ даже, кого именно женщины предполагаютъ выставить вмѣсто Менесеты.

Когда же Иисусъ взглянулъ на него вопросительно и недовѣрливо, египтянинъ сказалъ ему шопотомъ:

— Во главѣ заговора стоятъ Сита, племянникъ фараона, и его висячая родительница. Когда я получу сво-

боду, я и о тебѣ позабочусь. Моя свояченица меня не забудеть!

Затѣмъ онъ пожелалъ узнать, за что его собеседникъ отправленъ въ рудники, и Иисусъ сказавъ ему прямо—кто онъ. Египтянинъ вышелъ изъ себя, узнавъ, что онъ скованъ съ евреями; онъ сталъ рвать цѣпи и проклинать свою судьбу. Его гнѣвъ, однако, скоро стихъ въ виду поразительнаго самообладанія, съ какимъ еврей переносилъ самыя суровыя лишенія. Иисусу было очень пріятно, что его товарищъ по кандаламъ сталъ рѣже обращаться въ нему со своими жалобами и расхиросами.

Теперь онъ цѣлые часы шагалъ впередъ совершенно спокойно. Онъ могъ предаться своимъ мыслямъ, привести въ порядокъ всѣ новыя глубокія впечатлѣнія, овладѣвшія его душою въ послѣдніе дни, и уяснить себѣ свое новое ужасное положеніе.

Это спокойное размышленіе и углубленіе въ самого себя подѣйствовало на него благотворно. Въ слѣдующую ночь онъ сналъ крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, на небѣ еще сверкали угасающія звѣзды, и ему вспомнилась смоковница въ Сукотѣ и то богатое событіями утро, когда отказавшаяся отъ него возлюбленная обратила его къ Богу и къ родному народу. Надъ нимъ разстлался свѣтлый небесный сводъ, и близость Воевнишняго чувствовалась имъ такъ ясно, какъ некогда прежде. Иисусъ утѣшалъ въ Его безпредѣльное могущество, и въ немъ впервые зародилась надежда, что Всемогущій, сотворившій небо и землю, можетъ найти средства и пути для спасенія избраннаго Имъ народа отъ десятидневнаго египетскаго войска.

Иисусъ горяче молилъ Господа, чтобы Онъ прескоро отравившую десницу Свою надъ безпомощными толиками, не

торыя, повинувъсь Его повелѣнiю, бросили свои жилища и съ такою вѣрою направились въ невѣдомую даль. Онъ молился также о своемъ сѣдовласомъ отцѣ, котораго самъ онъ не въ состоянiи защищать. Молитва переполнила его душу миромъ и спокойствiемъ.

Приказы стражниковъ, лягъ кандаловъ, видъ несчастныхъ товарищей, все, что окружало его—должно было напомнить ему объ участи ему предстоявшей. Его ожидала жизнь въ тѣсномъ, душномъ подземельѣ, гдѣ человекъ чахнетъ отъ неосуществимаго страстнаго желанiя увидѣть солнечный лучъ или подышать живительнымъ вольнымъ воздухомъ; въ тяжелыхъ кандалахъ, терзаемый побоями и бранью, томимый голодомъ и жаждою, въ убѣвающимъ духъ и тѣло однообразн, въ изнурительной каторжной работѣ, предстояло ему проводить дни и ночи до сѣдыхъ волосъ, и не смотря на это, онъ ни на минуту не терялъ вѣры и надежды что страшная участь не постигнетъ его, что случится что нибудь неожиданное, и онъ будетъ спасенъ.

Когда на разсвѣтѣ отрядъ колодниковъ отправился дальше на востокъ, Иисусъ самъ называлъ свои сильныя надежды, глупостями. Тѣмъ не менѣе онъ старался сохранить ихъ, и это ему удалось.

Дорога шла черезъ пустыню. Черезъ нѣсколько часовъ быстрой ходьбы они достигли перваго укрѣпленiя, которое называлось „крѣпостью Сета“. Въ прозрачномъ воздухѣ пустыни крѣпость была видна уже давно и казалась лежащей на разстоянiи выстрѣла.

На голой каменисто-песчаной почвѣ, гдѣ не было ни одной пальмы, ни одного кустика, виснлась эта крѣпость съ ея частокорнами, валомъ, отвѣсными стѣнами, валами и широкой, плоской крышею, на которой суетились вооруженные воины. Сюда давно было знато Питоа, что

стрелы намѣрены пробиться черезъ рядъ крѣпостей на переднюю, и приближающийся отрядъ колодниковъ первоначально былъ принятъ за передовую толпу переселенцевъ.

Съ вершинъ крѣпкихъ выступовъ, которые въ видѣ вышекъ выдавались со всѣхъ сторонъ отвѣсныхъ стѣнъ и башенъ, во время сраженія, представляли неприятелю представлять свои осадныя лѣстницы, воины выглядывали изъ-за зубцовъ, рассматривая приближающихся колодниковъ. На этотъ разъ стрѣлы вложивъ свои стрѣлы обратно въ кочанлы; съ башни успѣлъ замѣтить, какъ не великъ приближающийся отрядъ, а затѣмъ посланецъ передалъ начальнику крѣпости предписаніе управляющаго оружейнымъ дворомъ, разрѣшающее колодникамъ свободный проходъ.

Колодникамъ открыли ворота, и надсмотрщикъ позволилъ имъ расположиться на раскаленныхъ камняхъ, которыми былъ устланъ весь дворъ. Отсюда ни одинъ смѣлый не могъ бы убѣжать, если бы даже всѣ стражники разошлись. Черезъ заборъ было очень трудно перелѣзть, а съ крѣпостной крѣпости или черезъ зубцы, возвышавшіяся на стѣнѣ въ видѣ вѣнчика, легко было сразить бѣглеца дальнѣйшими метательными снарядами.

Отъ бывшаго военачальника не ускользнуло, что здѣсь все было приготовлено въ отраженію неприятеля, совсѣмъ какъ во время войны. Всѣ воины были на своихъ мѣстахъ, у башни мѣднаго щита на башнѣ стояли стражники съ тяжелыми палицами въ рукахъ, чтобы ударить въ щитъ при первомъ появленіи омидаемаго неприятеля. Вдругъ, на волею произшествіи, доступномъ глазу, не было ни дерева, ни кирпича, и удары по мѣдной доскѣ доносились до ближайшаго укрѣпленія Атмоской дѣли, предупреждая отъ нападенія или призывая на помощь.

Служба въ этой острѣвной отъ міра пустинѣ на счи-

такая навазаніемъ, но она была несчастіемъ, и начальники войска старались не держать подолгу одни и тѣ же отряды.

Въ прежнія времена Иисусъ начальствовалъ надъ одной изъ египетскихъ крѣпостей, на крайнемъ югѣ, которая называлась Мигдоломъ юга; каждое укрѣпленіе этой линіи называлось мигдоломъ, что на языкѣ семитовъ означаетъ крѣпостную башню.

Здѣсь все еще ожидали удалившихся евреевъ. Чтобы Моисей повелъ свой народъ обратно въ Египетъ, объ этомъ нечего было и думать. Онъ, слѣдовательно, или оставался въ Сукотѣ или же отправился дальше на югъ. Но на югѣ находились горькія озера и Черное море; какъ же могли бы толпы евреевъ перебраться черезъ эти глубокия воды?

Сердце тревожно забилося у Иисуса, когда онъ сообразилъ эти обстоятельства. Всѣ его опасенія должны были осуществиться въ очень скоромъ времени. Онъ слышалъ, какъ начальники крѣпости сообщили надсмотрщику надъ колодниками, что евреи за нѣсколько дней предъ тѣмъ близко-приблизились къ линіи укрѣпленій, но затѣмъ, не приступая къ осадѣ, двинулись на югъ. Должно полагать, что они съ тѣхъ поръ бродятъ въ пустынѣ между Пятомомъ и Чернымъ моремъ. Обо всемъ этомъ тотчасъ сообщено было въ Таинъ; но фараонъ долженъ былъ отложить выступленіе войска до истеченія семидневной скорби по умершемъ наследникѣ престола. Это могло послужить на пользу выходцамъ. Но теперь онъ черезъ голуба получилъ письмо съ извѣстіемъ, что ослѣпленные обгледы расположились лагеремъ у Пи-Галирота, недалеко отъ Чернаго моря. Такимъ образомъ египетскому войску не составитъ труда загнать ихъ въ воду, какъ стадо овецъ, ибо въ другомъ направленіи имъ некуда и идти.

Надсмотрщикъ съ удовольствіемъ слушалъ это сообще-

ше. Затѣмъ онъ что-то шепнулъ начальнику крѣпости и указалъ пальцемъ на Иисуса, который еще раньше узналъ въ начальникѣ одного изъ своихъ бывшихъ боевыхъ товарищей, командовавшаго сотнею въ его тысячѣ и обязаннаго ему разными благодѣянiями. Теперь Иисусъ въ своемъ несчастномъ положенiи не желалъ напоминать о себѣ своему прежнему подчиненному и должнику. Но начальникъ крѣпости, взглянувъ на Иисуса, покраснѣлъ и пожалъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ выразить свое соболѣзнованiе къ его несчастiю и въ то же время свое безсилiе сдѣлать для него что нибудь. И онъ сказалъ надсмотрщику такъ громко, что Иисусъ могъ его слышать:

— Законъ воспрещаетъ разговаривать съ государственными преступниками, но этого человѣка я зналъ въ лучшiе дни. Я пришлою тебѣ вина, а ты, прошу тебя, раздѣли его съ нимъ.

Подойдя съ начальникомъ крѣпости къ воротамъ, надсмотрщикъ замѣтилъ ему, что Иисусъ меньше чѣмъ другiе, болѣе слабые колодники, заслуживаетъ такого снисхожденiя, такъ какъ онъ помогъ бѣгству еврея, о которомъ онъ говорилъ. Въ отвѣтъ на это начальникъ крѣпости провелъ рукою по волосамъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ-было чѣмъ нибудь услужить ему, хотя онъ остался мнѣ въ долгу. Но если такъ, то можно обойтись и безъ вина. Вы и безъ того отдыхаете уже довольно долго!

Надсмотрщикъ неохотно приказалъ колодникамъ собраться въ путь и погналъ свой несчастный отрядъ дальше, въ пустыню, по направленiю къ рудникамъ.

На этотъ разъ Иисусъ шелъ, понуря голову. Его всего болѣе огорчала несчастная судьба, заставляющая его оставаться вдаль отъ своего народа и отъ отца въ эту рѣшительную минуту, когда они съ такою страшною для себя опас-

ностью считались въ пустынь. Подъ его руководствомъ они, быть можетъ, все-таки нашли бы себѣ выходъ! Онъ въ отчаянной злобѣ сжималъ кулаки при сознаниі, что онъ закованъ въ цѣпи и что вандалы не даютъ ему осуществить необрутаемыхъ имъ полевныхъ для его народа плановъ. Но все-таки онъ не падалъ духомъ. Каждый разъ, когда онъ говорилъ себѣ, что его народъ погибъ и что онъ будетъ уничтоженъ въ неравной борьбѣ,—въ ухахъ его раздавалось его новое, самимъ Богомъ ему данное имя, и въ душѣ его ярился пламенемъ вспыхивающа ненависть и прераніе ко всему египетскому,—пламя, въ которое прибавлялась личная искра послѣ недостойнаго поступка крѣпостнаго начальника. Все его существо было возмущено до крайности. Надсмотрщикъ, замѣтивъ его пылающія щеки и злобный блескъ его глазъ, подумалъ, что этотъ силачъ заболѣлъ лихорадкой, жертвою которой пало уже много колодниковъ во время перехода.

Когда несчастный оградъ, при наступленіи сумерекъ, остановился на ночлегъ въ пустынь, въ душѣ Моуса бушевала страшная буря; его возбужденіе усиливалось всѣмъ, что вокругъ него происходило. Съ сѣвера, съ моря, снова надвигались грозныя тучи. Грозы еще не было, но на землю хлынули бѣшенныя потоки дождя; многіе норы вътра съ ревомъ и свистомъ неслись и трухлялись, поднимая громадные клубы раскаленной пыли надъ годовыми колодниками.

Толстые слои песка служили несчастнымъ постелями, но все это обратилось въ ирудн и озера. Страшныя свисты колодниковъ по рукамъ и по жогамъ, а сами, промокшіе и продрогшіе, держали въ рукахъ концы веревекъ. Ночь была черна какъ уголь на заливомъ дождемъ вострѣ,

и въ случаѣ побѣга никто не могъ бы въ такую темень гнаться за бѣглецомъ.

Впрочемъ, Иисусъ и не помышлялъ о тайномъ побѣгѣ. Въ то время, какъ египтяне, при паденіи изъ тучъ ослѣпительныхъ огненныхъ молній и грохотѣ грома, представлявшася имъ страшнымъ голосомъ Сета, трепетали и взвизгивали, онъ чувствовалъ близость разгнѣваннаго Бога, и раздѣлялъ Его гнѣвъ и ненависть. Онъ чувствовалъ себя свидѣтелемъ всеокрушающей силы Его, и гордо поднималась его грудь при сознаніи, что онъ призванъ нести мечъ Могуществѣннѣйшаго изъ могущественныхъ.

Перев. С. Дѣвировскій.

(Продолженіе будетъ).

НА ЗАПАДЪ.

ЛОНДОНСКІЕ СИЛУЭТЫ ¹.

I.

Безмѣрно-тоскливое чувство, всегда овладѣвающее туристомъ при отъѣздѣ изъ Парижа, находитъ свое полнѣйшее оправданіе, когда приходится мѣнять веселую страну никогда не унывающихъ галловъ на такъ называемый «туманный Альбіонъ». Всего нѣсколько часовъ ѣзды отдѣляетъ Парижъ отъ Лондона, но сколько новыхъ впечатлѣній приходится испытать, сколько мрачныхъ опасеній, основательныхъ тревогъ и нешуточныхъ безпокойствъ выпадаетъ на долю путника въ теченіи этихъ 8—9 часовъ, точно онъ отправляется, подъ конвоемъ, въ мѣсто, назначенное для ссылки. Быстрое переселеніе изъ современной земли Ханаанской въ землю Халдейскую производитъ на самаго хладнокровнаго человѣка ошеломляющее впечатлѣніе. Благодаря наличности цѣлага ряда поразительныхъ неожиданностей, въ изобиліи уготованныхъ на сравнительно небольшомъ разстояніи, отдѣляющемъ два сосѣднихъ государства, нервы туриста развинчиваются до невѣроятной степени, какъ будто ему предстоитъ суровая, непосильная эпитимія, съ которою онъ врядъ-ли справится. Онъ придетъ въ себя и успокоится только тогда, когда нѣсколько освоится съ одуряющимъ шумомъ этого закопѣлаго царства фабрикъ, этого чудовищнаго всемірнаго рынка, именуемаго Лондономъ, который совмѣщаетъ въ своихъ стѣнахъ невозможную смѣсь са-

¹ См. „Восходъ“ кн. VI.

мысль разительныхъ крайностей людского общества. Тутъ—вольность и порабощеніе, доблесть и пороки, богатство и нищета, знаніе и чисто-животная одичалость, идеальный государственный строй и невѣроятныя преступленія, совершаемыя подъ сѣнью устарѣлыхъ законовъ, охраняемыхъ образцовыми органами суда и администраціи.

Страна, подарившая человечеству такихъ мировыхъ свѣтилъ, какъ Шекспиръ и Дарвинъ, слишкомъ резко отличается отъ всего европейскаго континента, слишкомъ оригинальна и самобытна, чтобы о ней можно было составить себѣ правильное понятіе по однѣмъ книгамъ, не посѣтивши, не изучивши ее на мѣстѣ, со всѣми многообразными явленіями ея оригинально-сложившейся общественной и государственной жизни. Нивелирующее, все обезличивающее вліяніе современной культуры оказалось бессильнымъ, чтобы наложить свое мертвящее тавро на упрямыхъ островитянъ, не желающихъ равняться съ характеристическими особенностями своего быта,—особенностями, унаслѣдованными отъ предковъ, которые сумѣли отстоять свою самобытность, благодаря островному положенію страны, отдаленной морями отъ своихъ сосѣдей. Во всемъ, что касается религіи, частной и общественной жизни, государственнаго устройства, въ безграничной свободѣ слова, въ литературѣ и законодательствѣ—лежитъ особый отпечатокъ, свидѣтельствующій, что энергическіе потомки англо-саксовъ, удивляющіе міръ своимъ господствомъ на моряхъ и захватами во всѣхъ частяхъ свѣта, захотѣли устроиться у себя дома по своему, какъ имъ желательно, а не такъ, какъ принято въ другихъ странахъ. Рыцарскія стремленія, недавно обуревавшія французовъ,—проливать свою кровь за освобожденіе порабощенныхъ народовъ, пропагандировать, съ оружіемъ въ рукахъ, просвѣтительныя идеи за моремъ, недоступны расчетливому, не увлекающемуся, хотя и свободолюбивому бритту, который только спитъ и видитъ, какъ бы комфортабельнѣе устроить свой очагъ, свой «home». За предѣлами своего «home» ему горя мало, хоть трава не расти. Только у такого народа-эгоиста могла выработаться поговорка: *My home, my cattle*¹, и для

¹ Мой домъ—мой замокъ.

неприкосновенности этого «home», куда, поговоришь, можно проникнуть дождь и вѣтеръ, но не королевскій чиновникъ; онъ готовъ всё въ пожаривать.

Вотъ почему изученіе Англій, не легендарной мегги England, а современной родины Бинсонфильда и Гладстона, представляетъ необыкновенный интересъ для каждаго мыслящаго человека. Желаніе провѣрить на мѣстѣ основательность выводовъ, почерпнутыхъ изъ книгъ или личныхъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ наблюденій надъ полчищами англійскихъ путешественниковъ, въ любое время наволняющихъ всевозможныя столицы и курорты континента, представляется вполне разумнымъ и естественнымъ. Ходячія мнѣнія о чудачествахъ и комическихъ сторонахъ этихъ людей такъ мало соответствуютъ реальной правдѣ, что ими могутъ пренебрегаться лишь любители дешевыхъ остроумствъ и фельетоннаго мировоззрѣнія, привыкшіе рубить съ плеча; судить по единичнымъ экземплярамъ о цѣломъ народѣ «торгашей» и «спортсменовъ» — по мнѣнію однихъ, боксеровъ и жуировъ — по мнѣнію другихъ, противныхъ людей вообще — по мнѣнію третьихъ. Если заграничныя путешествія вообще полезны, то посѣщеніе Англій представляется сугубо полезнымъ и поучительнымъ. Ни къ кому нельзя такъ прибѣгнуть слова Гете:

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen,

какъ именно къ землякамъ Шекспира, который могъ родиться только въ такой странѣ. Кто имѣлъ возможность изучить семейный бытъ и общественное устройство этихъ «торгашей», такъ мастерски устранивающихся свой «home», тотъ врядъ-ли согласится съ безотраднымъ мнѣніемъ, высказаннымъ объ Англій и ея народѣ полвѣка назадъ Генрихомъ Гейне. Знаменитый поэтъ не скрываетъ, что ему просто дѣлается жутко при одной мысли о томъ, что Шекспиръ все-таки — англичанинъ, что онъ принадлежитъ къ этому «противнѣйшему народу, которой Богъ создалъ въ минуту гнѣва». «Океанъ, — говоритъ онъ дальше, — давно поглотилъ бы эту страну, если бы не боялся испортить себѣ желудокъ... Этотъ народъ —

какое-то сѣрое, вѣяющее чудовище, дышащее лишь азотомъ и смертельной скукой, въ концѣ концовъ навѣрное повѣситя на колоссальнѣйшемъ морскомъ канатѣ. И въ такой-то странѣ, — негодуешь поэтъ, — посреди подобнаго народа, въ апрѣлѣ 1664 года уарѣлъ свѣтъ Уильямъ Шекспиръ!»¹

Если подобныя мнѣнія были въ ходу полвѣка назадъ у великихъ поэтовъ, то, по правдѣ сказать, въ настоящее время обыкновенные смертные, посѣщающіе эту «противнѣйшую страну», выносятъ діаметрально противоположныя впечатлѣнія. Какъ бы ни былъ предубѣжденъ современный туристъ противъ «коварнаго Альбіона», но если онъ добросовѣстно повнакомится со странкою, безъ увеличительнаго стекла политическаго антагонизма, а взглянетъ на Англію непредусѣжденными глазами, возьметъ ее такой, какова она на самомъ дѣлѣ, свободно, самостоятельно и, главное, правдиво, не скованный по рукамъ и ногамъ путами узкой тенденціозности и готовыхъ предвзятыхъ теорій, — то въ результатъ получится мнѣніе, можетъ быть, крайне невыгодное для континента, но, во всякомъ случаѣ, очень лестное для страны вѣчнаго тумана и неизбежнаго сплина. Правдивый наблюдатель долженъ, въ концѣ концовъ, жалеть, чтобы народныя доблести, процвѣтающія на непривѣтливомъ островѣ, привились и къ другимъ людямъ, живущимъ при лучшихъ питаніи и меньшей тратѣ мускуловъ для неустаннаго труда, безъ котораго немислимо представленіе объ Альбіонѣ. Въ ряду разнородныхъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ знакомства съ Англіей, чувство глубокаго уваженія къ ея народному гению, къ ея учрежденіямъ, къ владычеству законности, къ развитому въ народной массѣ правосознанію—это чувство занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

II.

Первые признаки грядущихъ удовольствій сказываются на парижскомъ вокзалѣ Сѣверной дороги за четверть часа до от-

¹ См. Heinrich Heine's sämtliche Werke, 4 Band, «Shakspeare's Mädchen und Frauen»,

Восходъ, кн. 8.

хода лондонскаго поѣзда. Публика совсѣмъ иная: лица, костюмы, манеры—сразу обличаютъ, что попалъ въ чисто-британскую среду, чопорную и непривѣтливую, откуда несетъ нестерпимымъ холодомъ, точно отъ замороженной живности. Часъ навадь я завтракалъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ итальянскаго бульвара, въ Café Cardinal, въ самомъ водоворотѣ клокочущей уличной жизни, а теперь чувствую себя точно въ обществѣ глухонѣмыхъ или, вѣрнѣе, у постели трудно-больного, гдѣ всѣ ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ шопотомъ или совсѣмъ молчать. Сытыя, самодовольныя фигуры чисто-выбритыхъ, откормленныхъ сквайровъ съ фельдфебельскими бакенбардами, въ лѣтнихъ клѣтчатыхъ костюмахъ; широкоплечія, съ сильно развитыми бюстами барыни, рыжеволосыя зубастыя барышни, безвкусно одѣтыя, въ короткихъ платьяхъ и огромныхъ ботинкахъ, съ неизбѣжнымъ Вэдекеромъ подъ мышками, обремененныя саками, подушками и несессерами, беззвучно шмыгали мимо, изрѣдка промывавъ сквозь зубы «Oh, yes!» Весь этотъ людъ, спѣшившій заблаговременно заpastись хорошими мѣстами въ вагонѣ, производилъ на меня такое удручающее впечатлѣнiе, что я просто не зналъ, куда дѣться отъ пожиравшей меня тоски. Вотъ хорошо было бы,—думалось мнѣ,—если бы удалось ѣхать одному! Для приведенiя этой благой мысли въ исполненiе, я сталъ въ родѣ часового, ограждающаго входъ въ купе, говоря всѣмъ, что тамъ все полно.

— Full?—отрывисто спрашиваетъ пассажиръ на ходу, косясь на купе.

— Full,—лгаль я беззапѣтливо, не моргнувъ глазомъ.

Уловка удалась, но не надолго. Предполагая, что всѣ успѣли уже устроиться, я на минутку оставилъ свой сторожевой постъ, чтобы купить газеты въ ближайшемъ кіоскѣ. Когда я вернулся, то съ ужасомъ замѣтилъ, что въ мое минутное отсутствіе купе наполнилось нежеланными пассажирами. Дѣлать было нечего, надо было покориться обстоятельствамъ, считая это вполне заслуженнымъ возмездіемъ за недостойное прибѣжище къ дипломатическимъ уловкамъ, мало чѣмъ отличающимся отъ вульгарной лжи...

Глубокое молчаніе царило у насъ. Вагонъ былъ похожъ на

читальню—всѣ наличные Джонъ Булли повытаскали изъ своихъ бездонныхъ дорожныхъ бауловъ разныя книги, брошюры, газеты и двуличная публика мигомъ погрузилась въ то глубоко-сосредоточенное состояніе, изъ котораго могутъ вывести развѣ пушечныя выстрѣлы. Повѣдъ тронулся, но никто изъ этихъ неподвижныхъ людей не поднялъ даже головы, чтобы бросить прощальный взглядъ на оставляемый нами дивный городъ. Уткнувшись въ свои книги и необъятные листы «Times», «Daily News» и другихъ газетъ, — безъ которыхъ я не могу себѣ представить истаго британца, который всегда и вездѣ читаетъ свою любимую газету, на ходу, на улицѣ, въ театрѣ, въ судѣ, въ парламентѣ; только въ храмѣ онъ измѣняетъ этому обычаю, потому что тамъ онъ читаетъ Библию,—они ушли въ свой міръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на все, что происходило вокругъ нихъ. Подражать моимъ вагоннымъ сосѣдямъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ я не былъ въ состояніи. Не долго думая, я приналь къ окну и жаднымъ взоромъ впился въ живописную панораму окрестностей постепенно исчезающаго города, съ которымъ я разставался не безъ щемящей душевной боли. Потянулись пригородныя деревни, поля, издали показались лѣса, фабрики—декорація быстро мѣнялась, наблюдательный постъ потерялъ всякую прелесть. Пробовалъ читать купленные въ вокзалѣ газеты—типографскій шрифтъ бѣгаетъ передъ глазами, мысли летаютъ гдѣ-то далеко, политическія извѣстія, мѣстная хроника, сплетни, скандалы, уголовщина мелькаютъ, не задѣвая вниманія. Я бросилъ газеты и принялся разсматривать свою публику.

Противъ меня сидѣла дама довольно помятая, въ букляхъ, съ кислосладкимъ выраженіемъ бѣлесоваатаго, веснучататаго лица, и прилежно читала Ведекера. Рядомъ со мною помѣстился юноша, который поразилъ меня своей красотой. Стройный какъ тополь, съ густой каштановой шевелюрой, ниспадавшей прядями на прекрасный, точно изъ мрамора выточенный лобъ, голубоглазый съ открытымъ, сильно загорѣвшимъ лицомъ и бѣлыми зубами, атлетически сложенный,—онъ мнѣ показался идеаломъ юношеской красоты, мужественной, необыкновенно располагающей. Признаться, я просто залюбовался этимъ продуктомъ

англійскаго воспитанія, такъ мало похожимъ на своихъ континентальныхъ сверстниковъ, въ большинствѣ случаевъ преждевременно поблекшихъ, малокровныхъ, исхудалыхъ. Долго не могъ я оторвать глазъ отъ этого красавца, обложеннаго разноцвѣтными брошюрами, сосредоточенно читавшаго книгу, видимому сильно его заинтересовавшую. Нѣтъ, — рѣшилъ я ментально, — будь, что будетъ, но я непременно познакомлюсь съ этимъ молодымъ человѣкомъ, хотя знаю, что преступаю одну изъ самыхъ строгихъ заповѣдей чопорнаго англійскаго житейскаго этикета. Сказано—сдѣлано.

— Можно васъ попросить дать мнѣ какую нибудь книгу для прочтенія?—обратился я къ нему, нарушивъ всеобщее молчаніе.

Еслибъ въ эту минуту бомба упала въ наше купе, она бы навѣрное не произвела бѣльшей сенсаціи, чѣмъ моя скромная просьба, не громко произнесенная. Всѣ встрепенулись, подняли головы, съ недоумѣніемъ оглядывая—кто этотъ дерзновенный, который, среди бѣлаго дня, въ обществѣ respectableныхъ сэровъ и лэди, рѣшился заговорить съ совершенно незнакомымъ ему джентльменомъ! Юноша взглянулъ на меня своими добрыми глазами, быстро поднялся, снялъ съ верхней полки свой сакъ, откуда досталъ изящно переплетенную книгу, которую немедленно мнѣ вручилъ. Это былъ послѣдній томъ новаго изданія стихотвореній Теннисона. Со вздохомъ стала я перелистывать творенія маститаго поэта, не обращая вниманія на неулегшееся еще волненіе, вызванное моимъ обращеніемъ къ сосѣду, но, къ своему крайнему прискорбію, долго не могъ воспользоваться его любезностью.

Этотъ томъ заключалъ въ себѣ сплошное переложеніе псалмовъ Давидовыхъ!... У меня еще въ ухахъ раздавался уличный гамъ грѣховнаго Парижа, я былъ полонъ воспоминаніями объ этомъ соблазнительномъ Вавилонѣ, куда никто не прѣзжаетъ спасаться, читать Псалтырь, и потому не чувствовалъ себя въ состояніи самоуглубиться, чтобы уразумѣть и проникнуться красотами дивной лиры Давида и Асафа. Въ другое время, при иной обстановкѣ, я бы съ наслажденіемъ принялся за это вполне душеспасительное чтеніе, но въ данную ми-

нута я положительне не былъ въ силахъ отдаться этому чтенію съ тѣмъ рвеніемъ, съ какимъ бы отнеслся къ этому дѣлу послѣдователи англиканскаго вѣроученія или питомцы воложинской бурсы. Не будучи ни тѣмъ, ни другимъ, я, къ стыду своему, долженъ былъ прибѣгнуть къ стратегикѣ, достойной всяческаго порицанія—началь перелистывать книгу, показывая видъ, что ее читаю. Такъ продолжалось съ четверть часа; наконецъ, чувствую, что глаза слипаются, что эдакъ я, пожалуй, вадремну и книга вывалится изъ рукъ. Чтобы спасти себя отъ этого неминуемаго позора, я съ благодарностью возвратилъ ее хозяину, захотѣвшему узнать мое мнѣніе о твореніи Теннисона. У насъ такимъ образомъ завязался разговоръ, чему я былъ душевно радъ, хотя, какъ я замѣтилъ, это произвело нѣкоторый соблазнъ въ публикѣ. Начались взаимные распросы о цѣли поѣздки, обмѣнъ парижскихъ впечатлѣній. Мой сосѣдъ такъ сильно загорѣлъ въ Италиі и Швейцаріи, гдѣ онъ карабкался на Альпы, затѣмъ посѣтилъ Германію, отдохнулъ нѣсколько въ Парижѣ, а теперь ѣдетъ въ свое помѣстье, находящееся въ Шотландіи, готовится къ политической дѣятельности, надѣется быть выбраннымъ въ парламентъ — конечная цѣль честолюбія каждаго порядочнаго англичанина. Путешествовалъ, какъ и большинство его соотечественниковъ, не имѣя понятія ни объ одномъ иностранномъ языкѣ; онъ даже затруднялся выговорить названіе парижскаго отеля, гдѣ онъ жилъ. На выраженное мною удивленіе, какъ это можно изъѣздить полъ-Европы, не зная другого языка, кромѣ своего родного, тогда какъ нашъ братъ, знающій нѣсколько языковъ, чувствуетъ себя, тѣмъ не менѣе, не въ своей тарелкѣ, я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Къ чему мнѣ знать иностранные языки? Всѣ гарсоны въ отеляхъ говорятъ по англійски.

Вотъ вамъ чисто-британская логика. Нѣтъ, воля ваша, а я предпочитаю нашу систему, избавляющую туриста отъ кабалы у разныхъ гарсоновъ, гидовъ, чичероне и тому подобной алчной братіи.

Дошла очередь и до меня рассказать о своихъ путевыхъ походахъ. Посильно удовлетворивъ понятное любопытство

моего красавца-собесѣдника, я его все-таки порядкомъ помучилъ, когда онъ заинтересовался узнать о моемъ происхожденіи.

— Угадайте!—говорилъ я ему постоянно.

Бѣдный юноша-богатырь сталъ перебирать всевозможныя страны и народности въ Европѣ и обѣихъ частяхъ Америки. Отвѣты все получались отрицательныя.

— Да кто жъ вы, наконецъ, и откуда?—возопилъ онъ, совершенно сбитый съ толку моими отвѣтами.

— I am a Jew of Russia¹,—произнесъ я громко, на весь вагонъ.

Не безъ умысла отчеканилъ я громко этотъ отвѣтъ. Мнѣ хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на вагонныхъ сосѣдей-англичанъ заявленіе о моей принадлежности къ опальному въ Россіи племени, которое только лѣнивый не оскорбляетъ и послѣдній оселеъ не лягаетъ копытомъ... Увижу-ли быстрою переиъну въ обращеніи милѣйшаго шотландца-атлета, барскую брезгливость подъ личиной холодно-вѣжливаго тона, ледяного, высокопарнаго, желаніе прекратить разговоръ, чтобы углубиться въ чтеніе газетъ, или найдутъ другія рѣчи, неискреннія, лживыя, чтобы только замаять неожиданный инцидентъ, который могъ поселить какой-то malaise въ средѣ остальной публики, заинтересовавшейся нашимъ разговоромъ, сначала шокировавшимъ щепетильныхъ сквайровъ. Повѣрить-ли читатель, что всѣ мои предположенія оказались построенными на пескѣ... Дѣйствительно, публика, вообще, и мой собесѣдникъ, въ частности, моментально измѣнили свои отношенія ко мнѣ, только не такъ, какъ я предполагалъ. Съ зарумянившимся лицомъ и заискрившимися глазами юноша вскочилъ и, вручая мнѣ книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ, сказалъ.

— Вотъ какъ! Душевно радъ. Позвольте вамъ приподнести книгу, написанную вашими земляками... (written by your countrymen...):

На меня буквально напала стороць... Книга, написанная моими земляками!... Что это такое? Не насмѣшка-ли это со стороны милаго шотландца-богатыря? Сколько мнѣ помнится,

¹ Я—еврей изъ Россіи.

мои ближайшіе земляки, обыватели моего родного города, занимаются чѣмъ угодно, только не литературой. Между нами будь сказано, они, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, даже съ грамотой-то не въ ладахъ, и вдругъ—писать книги!... Нѣтъ, я не допускаю этой невозможной мысли, я протестую противъ подобной небылицы, взведенной на моихъ земляковъ, невинныхъ въ подобнаго рода прегрѣшеніяхъ. И передъ моимъ умственнымъ взоромъ быстро промелькнулъ длинный рядъ негодующихъ образовъ моихъ достопочтенныхъ «court-guemen», давно усоншихъ и донинѣ адравствующихъ, которые какъ бы въ одинъ годось вошіали:

— Нѣтъ, мы не сочинители... Мы — простые, заурядные обыватели, питающіеся разными промыслами, въ томъ числѣ коробочнымъ сборомъ, раскладкой податей, квартирной повинностью, выборной агитаціей и т. д.

Они предстали передо мною, какъ живые, эти мирные, хотя далеко не безобидные общественные дѣятели. Вотъ хоть бы, напримѣръ, такіа цѣльныя натуры, какъ: Берлъ Кокъ, Мейеръ Крэнкъ, Гершонъ Варгиляць, Велвлъ Звудула, Куна Талинь, Иосъ Книшъ, Бейнишъ Фляскадрига, Шабса Каць, Липа Варьятъ, Мотя Вареникъ, Авріэль Шмата, Пинкасъ Шикеръ, Ныся Пыникъ, Мойше Йодъ, Нута Катаринчикъ... Скажите, на милость: статочное-ли дѣло, чтобы эти господа когда либо занимались литературой!

Недоумѣвающимъ взоромъ продолжалъ я глядѣть на протянутую книгу, совершенно сбитый съ толку напоминачіемъ о моихъ «court-guemen», рѣшительно не понимая, о чемъ рѣчь идетъ. Замѣтивъ мою полную растерянность, молодой британецъ раскрылъ книгу и указалъ то мѣсто, которое онъ читалъ... При взглядѣ на указанное мѣсто, у меня отлегло отъ сердца — я ожилъ. Это была Библія, а указанное мѣсто—10-я глава пророчества Исаи, начинающаяся словами: „Горе тѣмъ, которые постановляютъ несправедливые законы и пишутъ жестокіе приговоры“...

— Знакомая книга?—спросилъ юноша улыбаясь.

— Еще бы! Исаія — мой любимый пророкъ, я его всегда читаю съ наслажденіемъ.

— Только одного Исаію?

— Нѣтъ, читаю всѣхъ. Но Исаію? читаю съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ и нагорную проповѣдь.

— Значить, вы признаете обоихъ?

— Вы сами сказали, что они мои земляки. А такихъ земляковъ нельзя не любить, ими можно только гордиться, что я и дѣлаю.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Остальная публика, дотогѣ хранившая упорное молчаніе, отложила свои книги и журналы въ сторону, приняла дѣятельное участіе въ нашемъ собесѣдованіи, затронувшемъ чувствительную струну англичанъ, какъ я впоследствии убѣдился, нигдѣ и никогда не расстающихся съ Библией. Я не могъ удержаться, чтобы не выразить своего удивленія при видѣ молодого туриста, такъ сосредоточенно углубившагося въ чтеніе вѣчной книги, тогда какъ молодежь на континентѣ обыкновенно ничего не читаетъ въ дорогѣ, а если читаетъ, то развѣ скабрезные романы, скандальную хронику или сборники гривуазныхъ пѣсней съ подходящими картинками. Мнѣ отвѣчали, что не то еще увижу въ Англии, гдѣ Библия составляетъ незыблемый фундаментъ домашняго и общественнаго воспитанія, что это настольная книга каменьщика и члена парламента, профессора университета и пожарнаго солдата, принцессы и бѣлошвейки. Въ одномъ обществѣ, — рассказывалъ пассажиръ, — гдѣ было много иностранцевъ, зашелъ однажды споръ о причинахъ всемірнаго значенія англичанъ, ихъ постоянно расширяющихся захватовъ и завоеваній. Одинъ изъ спорящихъ объяснилъ причину постоянно возрастающаго могущества британскаго льва подкупомъ, другой — оружіемъ, третій — искусной дипломатіей, четвертый — преемственной настойчивостью ея государственныхъ людей. Нѣтъ, господа, — вмѣшался въ споръ англійскій пасторъ, — вы всѣ ошибаетесь. Причина нашихъ успѣховъ совсѣмъ иная. Мы, да и вообще англо-саксонская раса, завоевали вселенную не золотомъ, не огнемъ и мечомъ, а вотъ этой книгой, — воскликнулъ онъ, указавъ на Библию. Въ такомъ духѣ продолжалась бесѣда, казавшаяся невыслышимой четверть часа назадъ. Новый человекъ съ трудомъ бы повѣрилъ, что это общество, такъ дружно бесѣдующее, успѣвшее уже перепознакомиться

между собою, недавно чуть не враждебно относилось другъ къ другу, старалось держать себя подальше. Особенно пріятное впечатлѣніе произвела на меня одна американская чета, оставившая во мнѣ доднесь самое отрадное воспоминаніе. Это былъ мистеръ Вименъ (Veman), архитекторъ изъ Чикаго, и его жена, которые впослѣдствіи со мною возились въ Лондонѣ какъ съ роднымъ. Никогда не забуду этихъ добрыхъ людей, принявшихъ такое теплое участіе въ незнакомомъ путникѣ, брошенномъ судьбой въ чуждую среду оригинальныхъ островитянъ, далеко не отличающихся излишнею экспансивностью въ отношеніи къ иностранцамъ. Казалось, что задушевное настроеніе соединяетъ тѣснѣе эту группу случайно встрѣтившихся людей, не только во время пребыванія на французской территоріи, но и на пароходѣ, затѣмъ въ англійскомъ вагонѣ по дорогѣ въ Лондонъ и, пожалуй, въ самой столицѣ.

Всѣ эти предположенія, казавшіяся мнѣ вполне естественными и неизбежными, рушились самымъ неожиданнымъ образомъ въ Амьенѣ. Многіе изъ нашего вагона отправились въ буфетъ подкрѣпить свои силы и застались кое-чѣмъ для предстоящаго переѣзда черезъ не всегда спокойный Ламаншъ. Вернувшись въ купе, мы нашли двухъ разбитныхъ французско-коммисіонеровъ, которые, не стѣсняясь, бранили англичанъ и нѣмцевъ. Особенно доставалось британскому элементу, заповившему, по ихъ мнѣнію, всѣ отели, вагоны и пароходы на континентѣ, такъ что отъ этихъ *marchands de coton* нигдѣ нѣтъ спасенія. Прежняя общая бесѣда мигомъ прекратилась, благодаря этимъ развязаннымъ *commis voyageurs*, отправлявшимся въ Булонь съ образчиками разныхъ шелковыхъ товаровъ. Въ теченіи всего времени переѣзда до Булони вагонъ оглашался смѣхомъ и прибаутками этихъ неунывающихъ коммисіонеровъ, ухитрившихся одновременно «рассказывать пресмѣшныя анекдоты», пѣсни пѣть, и уморительнѣйшимъ образомъ передразнивать любимыхъ англичанъ и ненавистныхъ имъ нѣмцевъ, причемъ передавались невѣроятные эпизоды изъ эпохи франко-прусской войны, когда чуть не добрая половина страны стонала подъ невыносимымъ игомъ неукротимыхъ побѣдителей. По временамъ, когда передразниванія англичанъ достигали колоссальныхъ раз-

мѣровъ, мнѣ все казалось, что послѣдніе не выдержать, заступятся за честь своихъ родичей и дѣло дойдетъ до свалки. Простое не вѣрилось, чтобы незнаніе языка, на которомъ ихъ третируютъ такъ жестоко, что называется—разносили въ пухъ и прахъ, было такое абсолютное, чисто-легендарное. Но британцы и ухомъ не вели, точно окаменѣлые сидѣли они, вперивъ взоры въ свои книги и журналы. Когда, наконецъ, болтливые коммисіонеры оставили насъ въ Булони, одинъ изъ моихъ сосѣдей обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Какіе это веселые джентльмены, не правда-ли?

— Да, дѣйствительно, веселые,—смущенно отвѣтилъ я потупившись.

III.

Скоро мы прибыли въ Калэ и пересѣли на англійскій пароходъ. Пока крѣпкіе, привезистые матросы возились съ багажомъ, я съ замираніемъ сердца сталъ готовиться къ воспріятію новыхъ неизвѣданныхъ впечатлѣній морской поѣдки. Погода была пасмурная, крайне непривѣтливая, накрапывалъ дождь, вѣтеръ крѣпчалъ, туманъ застилалъ послѣдній городъ континента, который мы собирались оставить. Сильно тревожило меня опасеніе морской болѣзни. Правда, случалось переѣзжать по Ладожскому каналу въ бурное время, поздней осенью, и слава Богу, ничего, эта проклятая болѣзнь меня щадила, въ то время когда кругомъ все валялось, какъ сны... Но Ладожское озеро и Ламаншъ — двѣ вещи разныя, тѣмъ болѣе, что матросы многозначительно покачивали головами, когда ихъ разспрашивали, благополучно-ли пройдетъ рейсъ? Наконецъ, всѣ приготовительныя работы были окончены, раздался послѣдній пронзительный свистокъ, пароходъ дрогнулъ, загремѣли цѣпи, загѣнилась вода, каскадами надавшая у колесъ, и мы вышли изъ рейда. Берегъ Франціи исчезъ въ туманной дали. Мы были en plein mer...

Человѣкъ съ самыми крѣпкими нервами чувствуетъ себя нехорошо, не по себѣ, въ первую четверть часа по выходѣ въ море, особенно когда оно далеко не спокойное, какъ было въ данномъ случаѣ. Закрадывающееся сомнѣніе въ невыносливости своего организма, въ силѣ своей выдержки, видъ этихъ суетя-

щихся матросовъ и юнгъ, носящихся по всѣмъ направленіямъ съ разной посудой, для подачи необходимой помощи заблѣвающимъ женщинамъ, видъ этихъ блѣдныхъ, безъ кровинки въ лицѣ дамъ и дѣвицъ, распростертыхъ на диванахъ, кушеткахъ и раздвижныхъ креслахъ, неувѣренная походка привыкшихъ къ морскимъ поѣздкамъ, закаленныхъ джентльменовъ—производятъ въ высшей степени удручающее впечатлѣніе. Нѣтъ, это не боязнъ крушенія парохода или вообще морской катастрофы, а опасеніе свалиться какъ всѣ стонущія безкровныя жертвы морской качки. По совѣту моихъ знакомыхъ американцевъ, я устался въ парходную машину, разглядывая удивительное устройство всѣхъ этихъ зубчатыхъ колесъ, рычаговъ и шестеренъ, рассчитывая не безъ основанія, что начавшееся неизбежное головокруженіе скоро пройдетъ. Только что устроился на своемъ обсервационномъ посту, ко мнѣ стремительно подбѣжалъ юнга съ тазами и предложеніемъ своихъ услугъ въ случаѣ наступленія болѣзни. Выведенный изъ себя этимъ непрошеннымъ напоминаніемъ о послѣдствіяхъ морской качки, я обдалъ осторопѣвшаго юнгу такимъ отборнымъ винегретомъ самыхъ выразительныхъ эпитетовъ изъ богатаго русскаго ругательнаго лексикона, что я даже удивился, откуда у меня взялось такое знаніе площадныхъ комплиментовъ. Юнга сначала смутился, затѣмъ оплатилъ мнѣ тою же монетою, только по-англійски. Хотя мы другъ друга не понимали, но по тону обмѣненныхъ рѣчей легко было догадаться, что эта запальчивая *sausage* имѣла мало общаго съ пріветственными рѣчами, за которыми обыкновенно слѣдуетъ благодарственное рукопожатіе, а скорѣе напоминаетъ предлюдію къ неизбежному англійскому «боксу» или русскому «мордобою». И безъ того моркотно на душѣ, а тутъ еще этотъ молодчикъ назойливо дѣветъ со своими услугами. Прошло съ четверть часа мучительнаго состоянія, и я съ радостью убѣдился, что я застрахованъ отъ морской болѣзни, что меня можно смѣло причислить къ сонму тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые уцѣлѣли въ этомъ невольномъ паденіи и крѣпко держались на поверхности этого изъ стороны въ сторону качающагося парохода, шибко подбрасываемаго волнами разбушевавшагося моря.

Пріятное сознаніе выдержаннаго искуса въ связи съ невозмож-

ностью читать во время качки, заставило меня обратить вниманіе на интересную публику. Всѣ эти островитяне были народъ кражевой, коренастый, сытый, крупный, хотя и неуклюжій, по пословицѣ «не ладно скроенъ, да крѣпко спитъ». Плечистые, грузные, упитанные сквайры съ лоснящимися, тщательно выбритыми щеками и подбородками, недоступные влиянію стихій, часто навѣдывавшіеся въ буфетъ, имѣли разительное сходство съ извѣстными типами, выведенными Диккенсомъ и его послѣдователями. Эти любители и знатоки чревоугодничества, испытанные боксеры и фехтовальщики, представляли такой рѣзкій контрастъ съ иноземными, континентальными пассажирами—и худощавыми французами, юркими итальянцами, и самодовольными нѣмцами—какъ будто они родились въ другой части свѣта, имѣющей мало точекъ соприкосновенія съ европейскимъ материкомъ. Умѣлость и хладнокровіе, свойственные вообще сѣвернымъ расамъ, сказывались весьма рельефно въ служебномъ персоналѣ парохода, въ этихъ типическихъ матросахъ, которые исполняли свои далеко не легкія обязанности безъ суеты и ругани, а какъ настоящіе артисты хорошо организованнаго оркестра, гдѣ каждый до тонкости знаетъ свою партію, дружно содѣйствуютъ общему ансамблю, не спуская глазъ со взмаховъ дирижерской палочки. Особенно хорошъ былъ одинъ старый матросъ, съ которымъ я не замедлялъ вступить въ бесѣду. Это былъ какой-то четыре угольный обрубокъ, найденный на морѣ Джонъ Буллъ. Покрытая густой, сильно посѣдѣвшей щетиной, огромная голова была воткнута въ пространныя плечи; шея, кажется, отсутствовала. Изъ-подъ густо нависшихъ бровей глядѣли лукавые глаза, придавая особое выраженіе бронзовому, добродушному лицу, обрамленному бородкой à l'américaine. Несоразмѣрно развитые кулаки съ безобразными пальцами, лишенными ногтей, внушали достоудожный респектъ къ физической мощи этого «просвѣщеннаго мореплавателя», по выраженію Расплюева. Такъ и казалось, что отъ нѣскольکو усиленнаго прикосновенія этихъ кулаковъ къ вискамъ своего ближняго—того и гляди—духъ вонъ. Отъ предложенной папироски нашъ мореплаватель на-отрѣвъ отказался, даже будто обидѣлся, что серьезному человѣку предлагаютъ такую дѣтскую забаву, но данную взаимнѣ забраккованной папироски толстѣйшую сигару, отъ дыма которой

мухи дошли, онъ благосклонно принять, предварительно положи въ ротъ, основательно обмуслить и затѣмъ положить на дно своей круглой шапочки безъ козырька, между сукномъ и сильно-намавленной подкладкой. Бесѣда болѣе поучительная, не лишенная юмора; объясненія пароходныхъ терминовъ толковое, ед *connaissance de cause*. Онъ очень интересовался Петербургомъ, особенно Кронштадтомъ, любопытствовалъ знать, какъ называется по-русски sailor¹, пьютъ ли the russian sailors и какъ пьютъ, хорошо, основательно, какъ слѣдуетъ истымъ морякамъ? Онъ широко улыбнулся, когда узналъ, что его русскіе сотоварищи по профессіи не составляютъ исключенія изъ общаго правила...

— Да, да, это очень хорошо. T'is very well. Не пьющій морякъ, это все равно, что солдатъ безъ подруги, что охотникъ безъ ружья, это ужъ не настоящій воинъ, а, съ позволенія сказать, баба,—произнесъ онъ въ видѣ сентенціи.

Долго бесѣдовать съ этимъ заматерѣлымъ любителемъ спиртныхъ напитковъ не пришлось, потому что число больныхъ все увеличивалось, не смотря на частое посѣщеніе буфета. Жалко было смотрѣть на этотъ импровизированный лазаретъ, на посинѣлыхъ, блѣдныхъ пассажировъ, лежавшихъ какъ пласты. Наконецъ больные стали приходить въ себя, качка улеглась, даже огромная ньюфаундендская собака, привязанная сердобольнымъ хозяиномъ къ лѣсенкѣ и все время оглашавшая воздухъ раздражающимъ лаемъ, успокоилась. Плѣненію нашему предстоялъ близкій конецъ, виднѣлся уже берегъ.

Въ туманной дали стало выдѣляться что-то сѣрое, мрачное, неопредѣленныхъ очертаній. Одинъ изъ пассажировъ такъ почувствовался при этомъ видѣ, что вдругъ началъ декламировать прощальную пѣсню Маріи Стюартъ, обращенную къ покинутой Франціи. Очертаніе принимаетъ все болѣе опредѣленные, рѣзкія формы; вмѣсто прежней блѣсоватой массы холмовъ виднѣются ужъ корабли, пристань, береговья постройки. Вотъ уже Дувръ. На пароходѣ засуетились. Посуда, оказавшаяся теперь ненужною, убирается до... слѣдующаго рейса. Кутерьма порядочная, потому что, кромѣ сбора пожитковъ, предстоитъ еще

¹ Sailor—матросъ.

таможенный осмотръ, который производился только такъ, для проформы. Благодаря моимъ благодѣтельнымъ американцамъ, взявшимъ меня подъ свою особенную опеку, я благополучно пробрался на лондонскій поѣздъ. Не будь этихъ милыхъ американцевъ, я бы навѣрное растерялъ свой багажъ, потому что ориентироваться въ этой невообразимой суетѣ въ Дуврѣ, особенно на лондонскомъ вокзалѣ, составляетъ для иностранца-новичка подвигъ немаловажный.

Поѣздъ помчался съ неимоверной быстротой, насъ просто перебрасывало справа налево, духъ захватывало отъ этой непривычной стремительной ѣзды. Тревожная мысль о неминуемости катастрофы не выходила изъ головы; такъ и думалось, что если не утонулъ на морѣ, то непременно окончу жизнь при предстоящемъ сходѣ съ рельсовъ, задыхаясь подъ обломками расщепленныхъ вагоновъ или изжарившись въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лопнувшимъ локомотивомъ. Но это только такъ казалось на первыхъ порахъ, съ непривычки, потому что англичане слишкомъ дорожатъ временемъ, чтобы тащиться, какъ это практикуется у насъ, смѣшанными поѣздами, немногими опережающими чумаковъ, обыкновенно подбадривающихъ своихъ круторогихъ воловъ восклицаніемъ: «цобъ-цобѣ!»

Чѣмъ дальше отъ Дувра и ближе къ Лондону, тѣмъ мѣстность становится живописнѣе. Первое, что поражаетъ въ Англии, это — основательность. Все, что ни попадаетъ на глаза: люди, животныя, храмы, частныя постройки, общественныя сооруженія, экипажи, — все это прочно, массивно, основательно, можно сказать, монументально. Джонъ Вуль не гонится за эффектной наружностью, его не прельщаетъ внѣшняя красота, онъ добивается только одного — прочности, комфорта. Эта національная черта красною нитью проходитъ по всей исторіи страны, характеризуя ея монументальныя учрежденія, ея великолѣпную литературу, всемірную торговлю и промышленность, ея внѣшнюю политику и внутреннее управленіе. Хотя по временамъ попадаютъ типы, напоминающіе своею внѣшностью гоголевскаго Собакавича, надъ формированіемъ котораго, по словамъ бессмертнаго писателя, природа мало пострадалась, — но нельзя не удивляться крѣпости этой замѣчательно

здоровой расы, мощной и долговѣчной. Все это народъ мускулистый, бѣлозубый, краснощекій, обладающій внушительными кулаками, которые сдѣлали бы честь патентованному боксеру, съ ногами, какъ у истаго скорохода. Женщины и дѣти не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила, большинство умѣетъ ѣздить верхомъ, знаетъ толкъ въ боксѣ, «lawn-tennis» и всяческихъ гимнастическихъ упражненіяхъ. Не рѣдкость встрѣтить въ Гайдъ-Паркѣ убѣленнаго сѣдинами дѣдушку, скачущаго верхомъ рядомъ со своей 18-лѣтней бѣлокурой красавицей-внучкой. Накрахмаленный старецъ, непременно въ цилиндрѣ, держится на лошади такъ же прямо, точно аршинъ проглотить, какъ удалой вахмистръ любого кавалерійскаго полка, парадирующій передъ начальствомъ въ торжественный моментъ церемоніальнаго марша. Благодаря любви къ физическимъ упражненіямъ, въ Англіи рѣдко можно встрѣтить пузатенькихъ карапузиковъ, задыхающихся подъ тяжестью своей непомерно-развитой плоти, или же дряхлыхъ старцевъ, еле передвигающихъ ноги отъ рановременнаго истощенія силъ. Большею частью попадаются субъекты, созданные по образу и по подобию Чичикова: «не то, чтобы очень толсты, и не то, чтобы очень тонокъ», а такъ, въ настоящую пропорцію, какъ и подобаетъ быть каждому respectable джентльмену¹.

Тщетно ожидаетъ путникъ особыхъ впечатлѣній по мѣрѣ приближенія къ гигантской столицѣ, считающей въ своихъ нѣдрахъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, населеніе чуть-ли не въ 6 милліоновъ жителей. Какое будетъ въѣздъ, эффектный или ординарный, — тервается бывалый челоуѣкъ, видавшій виды. Какое же его разочарованіе, когда собственно въѣзда и не пола-

¹ До какой степени англичане увлекаются любовью къ богатырямъ кулачныхъ поединковъ, можно судить по слѣдующему образку. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ необычайно пышныхъ похоронъ въ Лондонѣ. За гробомъ шествовала 30-тысячная толпа народа. Я былъ увѣренъ, что хоронятъ если не премьера, то одну изъ выдающихся національных знаменитостей. Оказалось, что эти похороны народныя чествованія достались въ удѣлъ первому боксеру страны, Ричардсону. Хвалебными некрологами была полна вся печать, безъ различія партій, съ особеннымъ удовольствіемъ перечислявшая подвиги народнаго любимаго, сокрушаемаго, въ теченіи своей жизни, несчетное число реберъ, челоуѣка и зубовъ у своихъ ближнихъ.

гается, потому что вся дорога, ведущая изъ Дувра въ Лондонъ, составляетъ не пустыню, тамъ и сямъ испещренную оазисами въ видѣ деревушекъ или желѣзнодорожныхъ станцій, а сплошную населенную мѣстность. Поля или луга, отдѣляющія одну деревню отъ другой, такъ незначительны, что, кажется, ѣдешь по непрерывнымъ улицамъ большого города. Все время ѣхали вилами; изъ оконъ бѣшено мчавшагося поѣзда виднѣлись кирпичныя постройки готической архитектуры, съ красными, полагать надо, черепичными крышами. И вдругъ, что за оказія: дымовыя трубы стали мелькать передъ глазами.

— Что это такое?

— Это Лондонъ.

— Ну, а трубы?

— Это мы ѣдемъ по надземной дорогѣ. Въ Лондонѣ, изволите видѣть, есть три системы передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ: подземная, обыкновенная и надземная, т. е. двигающаяся въ уровень съ крышами, какъ, напримѣръ, нашъ поѣздъ.

Опять замелькали дымовыя трубы, остроконечныя крыши, вотъ красныя трубы, изъ каждой торчатъ какія-то воронки, крыши, трубы, трубы, крыши, церковныя кресты, мосты, проѣзжаешь по какимъ-то траншеямъ, которыя оказываются очень оживленными улицами, съ копошащимися въ глубинѣ, въ низу, людьми, точно муравейникъ. Два раза проѣхались по Темзѣ, вотъ соборъ св. Павла, вотъ парламентъ, а вотъ и Charing-Cross. Стопъ! Приѣхали... Черезъ нѣсколько минутъ мы поднялись, по подъемной машинѣ, должно быть въ 5 или 6 этажъ, — не помню хорошенько—огромной гостиницы Черинъ-Кроссъ, находящейся въ нѣдрахъ вокзала того же имени. Первое, что я увидѣлъ при входѣ въ свой номеръ, была книга, лежавшая на кругломъ столѣ посреди комнаты. Я полюбопытствовалъ узнать, что за чтеніе предстоитъ мнѣ на сонъ грядущій. Это была — Библія.

Тутъ-то я воочию убѣдился, что нахожусь въ средѣ народа, который слыветъ у своихъ сосѣдей и недруговъ народомъ лавочниковъ и ханжей, фарисеевъ и мытарей, потому что чтеніе этой книги составляетъ для нихъ насущную потребность, безъ которой они обойтись не могутъ.

П. Левенсонъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

II¹.

Наконецъ и надъ Вѣной разразилось. Теорія перешла въ прискорбную практику; туманное привидѣніе, — таковымъ по крайней мѣрѣ считали его до тѣхъ поръ, — внезапно предстало на улицахъ столицы въ образѣ осязаемаго чудовища. Антисемитизмъ, проявившійся въ Австріи пока только теоретически, вдругъ выступилъ изъ своихъ границъ. Громко раздается по городу грозная команда: «на жидовъ!» Тысячи хищническихъ рукъ замахнулись, — и вотъ пошла работа кулаками, бьютъ направо, бьютъ налево, срываютъ замки, топчутъ и сокрушаютъ все, что ни попадется на пути. Доброе, молъ, дѣло, — такъ проповѣдуютъ антисемиты, — проливать еврейскую кровь и грабить жидовское имущество. Вотъ она, сущность того, что благочестивые вожди юдофобовъ кощунственно именуютъ практическимъ христіанствомъ.

Такимъ-то образомъ и вѣнское правительство очутилось лицомъ къ лицу съ суровой карой за свое попустительство, за то преступное равнодушіе, съ которымъ представители его праздно присутствовали на публичныхъ собраніяхъ, гдѣ произносились зажигательныя рѣчи противъ евреевъ. Нужно было, чтобы теорія превратилась въ дѣло, доктрины — въ кулаки, слова — въ камни, въ дребезги разбивавшіе стекла въ еврейскихъ домахъ, — вотъ когда только правительство сообразило наконецъ, что колесо, разъ приведенное въ движеніе, ужъ не такъ-то легко остановить, что покушенія анархіи направлены не противъ однихъ евреевъ, — они наравятъ стать общепасными; разъ штурмъ начался, поздно предписывать ему направление. Лозунгъ: «борьба съ евреями!» неминуемо превратится завтра въ возгласы: «борьба съ капиталомъ! борьба съ

¹ См. Восходъ, кн. VI.

Восходъ, кн. 8.

собственностью! борьба со всѣми существующими!» Разъ кровавая бестія «Страсть» разъярена—напрасны будутъ всѣ заклинанія...

Правительство, сложа руки, со стороны наблюдавшее до тѣхъ поръ за сумасброднымъ поведеніемъ антисемитовъ, взялось наконецъ за умъ, прониклось сознаниемъ угрожающей опасности и готово противопоставить злу всю энергію власти. Нѣтъ худа безъ добра. И возмутительный вѣнскій погромъ, значить, имѣлъ въ нѣкоторомъ смыслѣ свою хорошую сторону. Онъ далъ право государству взмундштучить господъ подстрекателей. Отнынѣ не будетъ болѣе терпимо, чтобы открыто приповѣдывались грабежъ и разбой противъ значительнаго контингента австрійскихъ подданныхъ. Власть сама противостанетъ антисемитизму во всеоружіи неумолимой строгости.

Можно въ вѣнскихъ беспорядкахъ усмотрѣть, если хотите, и еще одну хорошую сторону. Есть въ средѣ нашихъ единовѣрцевъ немало такихъ, которые доселѣ играли въ прятки со своей религіей, выходили изъ себя, чтобы какъ нибудь вытравить послѣдніе слѣды своего происхожденія, увѣритъ весь свѣтъ, что они-то давнымъ-давно съ нами прочими ничего общаго не имѣютъ. Вотъ эти-то отщепенцы снова слились теперь со своими братьями по вѣрѣ въ одномъ отчаянномъ крикѣ боли и страданія, снова примкнули къ родному стаду и тѣсно жмутся къ нему, подобно ягнтямъ, почувавшимъ близость волковъ.

Невольно приходитъ на умъ старая исторія съ отрицательнымъ философомъ. Нѣкій отрицательный философъ,—я разумѣю адепта ученія о живости и обманчивости всего сущаго,—встрѣтился, рассказываютъ, однажды съ пріятелемъ на улицѣ.

— Какъ наше самочувствіе, другъ любезный?

— Самочувствіе?—недоумѣваетъ философъ,—развѣ ты не знаешь, что я, ты, вообще всякое бытіе—только призрочно и живо?

— Но, ради Бога!—протестуетъ тотъ,—вѣдь вотъ же я вижу тебя моими собственными глазами...

— Глазами!?—ухмыляется отрицатель, —но вѣдь и они тоже обманъ.

— Вотъ я осезаю тебя руками,—кричитъ его собесѣдникъ, начиная раздражаться и крѣпко ухвативъ его за руку.

— Руками! Одна видимость, не болѣе,—гласитъ стереотипный отвѣтъ философа.

Тутъ пріятелю нашего мудреца пришла въ голову блестящая идея преподать ему ученіе о бытіи нагляднымъ эмпирическимъ приѣмомъ, и, не долго думая, размахнулся онъ пошире и закатилъ своему другу такую звонкую затрепину, что тотъ не только вполне ясно услышалъ ее, но и весьма болѣзненно воспріялъ, и, повѣрите-ли, практическій способъ этотъ не остался безъ послѣдствій.

— Какъ?—отскочилъ философъ въ испугъ, — ты бьешь меня?

— Одна видимость, не болѣе,—усмѣхнулся на этотъ разъ другой.

Но теперь съ «видимостями» было покончено, ибо философъ не могъ не чувствовать жгучей боли на щекѣ, и достигъ такимъ манеромъ убѣжденія, что хорошая, звонкая и вѣская пощечина—и не иллюзія и не имитация, и что кто оную получилъ, тотъ—оставаясь послѣдовательнымъ,—не существовать никомъ образомъ не можетъ.

У насъ въ Львовѣ тоже не ощущается недостатка въ герояхъ отрицанія и никогда еще они не проявили себя такъ явственно, какъ при послѣднихъ выборахъ въ равнины. Наша молодежь въ своемъ ассимиляціонномъ бѣшенствѣ доводитъ дѣло до самаго крайняго самоуничиженія. Въ унисонъ заводятъ наши недоросли ассимиляціи ярый крикъ: «по польски! Новый равнинъ да будетъ чистокровнымъ полякомъ! Да чувствуетъ онъ—по польски, да думаетъ—по польски, да изъясняется—по польски!»... Ни однимъ словечкомъ ни разу еще не обмолвились они о томъ, что еврейскому равнину приличествуетъ хоть крошечку чувствовать себя евреемъ и мыслить по еврейски. Ибо,—какъ выше сказано,—развѣ мы—существуемъ? Вѣдь мы только «видимость» одна, не болѣе. Проповѣдникъ намъ нуженъ не для себя, а для «Gazety Narodowe», для «Przegląd'a» и для другихъ жиждѣдскихъ газетъ. А тѣ и впрямь усвоили себѣ привычку смотрѣть на выборы равнина, какъ на свое личное дѣло. Онѣ, эти газеты, не остаются при однихъ совѣтахъ только; нѣтъ, какъ можно,—онѣ ставятъ приговоры, окончателно бракують того кандидата—и оказываютъ предпочтеніе вотъ этому. Представители нашей еврейской общины, которымъ про forma все же принад-

лежить рѣшающій голосъ въ этомъ дѣлѣ, не болѣе какъ эхо антисемитскихъ органовъ печати, и обязаны только приводить въ исполненіе ихъ категорическіе приказы. Вотъ, напр., кандидатъ; онъ пришелся по вкусу всей общинѣ, онъ чловѣкъ дѣльнаго образа мысли и осмысленнаго дѣла; — намъ все же не подобаетъ остановить свой выборъ на немъ: «Gazeta Narodowa» да и «Przegladъ», изволите видѣть, высказались противъ него. Трижды горе тому, кто осмѣлится возмутиться противъ этого приговора и громко высказать, что «Przegladъ» для насъ вовсе не учитель въ подобныхъ вещахъ, что равнинъ намъ нуженъ для себя, а не для поляковъ вовсе. Такого рода легкомысленное заявленіе несомнѣнно тотчасъ же будетъ сообщено польскимъ журналамъ и куда убѣжить влосчастный бунтовщикъ отъ лица синклита польской печати, который не преминетъ заклеить его обвиненіемъ въ измѣнѣ «ойчизнѣ»?

А чтобы вы могли судить о томъ, какъ воспринимаютъ идею ассимиляціи наши сограждане-христіане, — вотъ вамъ весьма яркая, хотя еще болѣе грустная иллюстрація изъ протоколовъ недавняго учительскаго сѣзда въ Краковѣ. Постоянный комитетъ этого сѣзда, принявъ во вниманіе, что свыше шестой части всѣхъ учащихся въ Галиціи — дѣти евреевъ и что между тѣмъ объ ихъ религіозномъ воспитаніи не прилагается почти никакихъ заботъ, нашель умѣстнымъ внести въ собраніе сѣзда слѣдующее предложеніе:

1) въ каждомъ среднеучебномъ заведеніи, какъ только въ немъ окажется опредѣленное число учениковъ-евреевъ, вводится преподаваніе еврейскаго закона Божія;

2) преподаватель долженъ законъ Божій для евреевъ на томъ языкѣ, на которомъ вообще ведется преподаваніе въ каждой школѣ;

3) обученіе закону Божію поставить подъ непосредственное наблюденіе училищной дирекціи.

Кромѣ того, комитетъ предлагалъ сѣзду войти съ ходатайствомъ къ вышему учебному началству о томъ, чтобы выработанный былъ примѣрный учебный планъ преподаванія еврейскаго вѣрученія и чтобы законоучителямъ-евреямъ было присвоено соотвѣтственное положеніе въ составѣ училищнаго персонала.

Предложеніе это, исполнѣ отвѣчающее столь живо ощущаемой насущной потребности еврейской школьной молодежи, вы-

звало, однако, на съѣздѣ весьма бурные и страстные дебаты. Галиційскіе учителя, призванные не только обучать, но и воспитывать нашихъ дѣтей, единогласно отвергли проектъ своего комитета, руководясь единственно соображеніемъ, что такимъ образомъ за евреями-де и ихъ религіей признаны будутъ права, ставящія ихъ на одинъ уровеньъ съ христіанами. Отецъ Ленкевичъ воспользовался даже этою оказіей, чтобы дать волю своей затаенной ненависти къ евреямъ. «Намѣреніе уравнять преподавателей вѣрученій христіанскаго и еврейскаго, — сказалъ онъ, — такого рода предположеніе, которое нельзя иначе и назвать какъ глубоко возмутительнымъ. Какъ вы хотите, чтобы послѣ этого дѣти наши не усумнились въ томъ, что наша вѣра настоящая и единственно истинная! — Не было-ли бы великимъ соблазномъ для нихъ видѣть, что католическая религія не пользуется въ государствѣ никакими преимуществами предъ іудейскою, что учителя совершенно одинаково трактуются начальствомъ и что между ними существуетъ полное равенство? И въ этическомъ отношеніи такое положеніе дѣлъ не могло бы не оказать гибельнаго вліянія на дѣтей, такъ какъ само собою имъ навязывалось бы заключеніе, что, имѣя одну математику, одну только филологію, мы рядомъ съ этимъ имѣемъ нѣсколько религій. Нѣтъ, дѣтямъ нашимъ надлежитъ постоянно имѣть предъ глазами, что католичество — единая истинная и правая вѣра, а іудейская никоимъ образомъ не можетъ быть государствомъ признаваема, а развѣ только терпима. Законоучитель-христіанинъ отнюдь не долженъ числиться въ одной категоріи съ законоучителемъ-евреемъ. Что евреи то и дѣло навязываются намъ со своими ассимиляціонными идеями — дѣлаетъ ихъ только еще болѣе отвратительными для насъ. Мы далеко предпочитаемъ ортодоксальныхъ евреевъ — героямъ сліянія, ибо тѣ по крайней мѣрѣ остаются подальше отъ нашего гѣла».

Все это только частіца рѣчи, превосходшей по отравѣ юдофобской начинки все, что доселѣ кѣмъ либо высказывалось во всеуслышаніе. Благочестивый наторъ говорилъ, однако, какъ оказалось, вполне въ духѣ большинства; общее собраніе учительскаго съѣзда выразило ему одобреніе и приняло его мотивировку; даже краковскій профессоръ д-ръ Людвигъ Смока, пользующійся извѣстностью какъ либераль, не колебался присоединиться къ выводамъ почтеннаго натора.

Не разъ приходится слышать, что въ рейхсратѣ поляки выступаютъ апостолами терпимости и либерализма. И не удивительно. Стоитъ вспомнить только, что еще конституція отъ 3-го мая 1793 г. провозгласила основнымъ принципомъ полную равноправность всѣхъ гражданъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Нынѣ выѣзжаютъ на красивыхъ фразѣхъ и забористыхъ словечкахъ, но рѣдко словамъ соотвѣтствуютъ поступки, — за исключеніемъ, правда, того случая, когда вопросъ идетъ о преслѣдованіи евреевъ. Къ прискорбію нашему, мы вынуждены были научиться молча принимать разныя выходы нетерпимости и проявленія ядовитаго презрѣнія. Для насъ, напр., давно уже не новость, что чиновниковъ-евреевъ, — за которыми и враги не могутъ не признать способностей и преданности дѣлу, — послѣ многихъ лѣтъ службы намѣренно обходятъ при всякомъ случаѣ, выдвигая за ихъ счетъ съ поразительною торопливостью болѣе молодыхъ и менѣе способныхъ изъ христіанъ. Не ново для насъ и то, что высшая краевая власть, объявляя, положимъ, конкурсъ на какую нибудь должность, позволяетъ себѣ, въ явное нарушеніе конституціи, требовать отъ соискателей-евреевъ предьявленія свидѣтельства о крещеніи. Чего болѣе? — простой окружный начальникъ въ Жолковѣ, и тому подай такое свидѣтельство каждый еврей-кандидатъ... въ дорожные мастера и сторожа. Да, мы давно освоились уже съ подобными вещами и не забудемъ, что между красивыми рѣчами въ рейхсратѣ и добрыми дѣлами въ краѣ лежитъ необозримая пропасть.

Но чтобы и положительная наука пустилась въ агитацию противъ евреевъ, это, — какъ хотите, — безспорно самонавѣишее открытіе. Оригинальное изобрѣтеніе это, на которое стоитъ ваять привилегію, сдѣлано недавно господиномъ Я. Яновскимъ въ его трактатѣ о ботаникѣ, только что вышедшемъ изъ печати. На 156 стр. своего труда авторъ коснулся, между прочимъ, червей-кровососовъ и вдругъ напасть на гениальную идею провести параллель между ними и — евреями. «Какъ и въ прочіихъ отношеніяхъ, — читаемъ мы, — черви эти и по наружности смакиваютъ на тѣхъ бородастыхъ людей-червей, одѣтыхъ тоже всѣ въ черныя длинные балахоны, которые изъ-за того же алканія крови залегли въ засады по банкамъ и биржамъ и высматриваютъ себѣ жертвы изъ числа нуждаю-

щихся въ дѣньгахъ подъ движимое и недвижимое имущество. Бѣдныя жертвы и не подозрѣваютъ, что изъ нихъ высасываются послѣдніе жизненные соки... Что наиболѣе удивительно, это—инстинктъ, руководящій этимъ классомъ людей,—инстинктъ, далеко оставляющій за собою нюхъ прочихъ червей человѣчества. Не упускайте только изъ виду, что вылунившійся червь-кровососъ вынужденъ искать жертвы между существами, дотогѣ ему совершенно незнакомыми; двуногому же собрату его ужъ съ самаго дѣтства преподано его ремесло и онъ наследуетъ богатую опытность своихъ родителей».

Такъ пишутъ, извольте видѣть, въ наше время трактаты по ботаникѣ. Оригинально!

Но всё эти господа и имъ подобные могутъ себѣ сколько душѣ угодно обдавать насъ помоями,—не остудить имъ нашихъ горячихъ головъ, нашу доблестную молодежь, высоко несущую знамя ассимиляціи à tout pris и яро проповѣдующую полное раствореніе еврейской религіи, убѣжденій, намѣреній, упованій—въ единомъ полонизмѣ.

Съ шумомъ и трескомъ, на всѣхъ парахъ летящая колонизація представляется намъ особенно трагикомичной именно теперь, по поводу идущихъ у насъ экзаменовъ новымъ законоучителямъ. Дѣло въ томъ, что, согласно новѣйшимъ распоряженіямъ начальства, въ тѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, гдѣ найдется узаконенное число учениковъ-евреевъ, введено будетъ и преподаваніе для нихъ закона вѣры. Вотъ и стоитъ посмотрѣть, какъ живо и бойко пекутъ этотъ сортъ учителей въ залахъ мѣстной общины. Читатъ и понимать языкъ Св. Писанія, быть знакомымъ съ основами религіи—этого отъ кандидатовъ не требуется. И впрямь, на кой прахъ имъ подобныя вещи? Главное—владѣть-ли кандидатъ польскою рѣчью; что же касается еврейскаго языка и закона Божія—пустяки: два часа какихъ нибудь и будетъ готовъ по своему предмету! Десять заповѣдей, перечень еврейскихъ праздниковъ—вотъ все, что съ законоучителя спрашивается. Удивительно-ли послѣ сказаннаго, что по первому же влику залы мѣстной общины переполнились цѣлыми рядами голодныхъ, импровизированныхъ сонскателей? Да, главное въ глазахъ господъ экзаменаторовъ—чтобы учитель вѣры іудейской владѣлъ польскимъ языкомъ, чтобы «Przeглядъ» и «Gazeta Narodowa» были улагодворены,

а еврейская исторія, литература, мораль, — стоитъ-ли заботиться о такихъ предметахъ роскоши?

Рядомъ съ своеобразною фабрикаціей учителей, немало хлопотъ причинили общинѣ и засѣданія предварительной комисіи во учрежденіяхъ барона Гирша, — дѣло, за которое въ послѣднее время принялись у насъ съ особенной пылкостью. Изумительно, просто, съ какою ревностью власти наши, то и дѣло тормозившія доселѣ развитіе этой идеи, всецѣло заняты нынче ея скорѣйшимъ осуществленіемъ. Тому, конечно, имѣются свои основанія. Сильно не нравилось раньше, что даръ барона предназначается для однихъ евреевъ Галиціи, — это натолкнуло на соображеніе, что, пожалуй, для евреевъ станетъ легко принаровиться съ малолѣтства къ разнымъ производствомъ и ремесламъ въ такой степени, что конкуренція съ ними для христіанъ станетъ дѣломъ не особенно легкимъ. Вотъ почему именно правительство и заняло спервоначала отрицательное положеніе въ вопросѣ о гиршевскихъ учрежденіяхъ. Надѣялись, что щедрый жертвователь, наткнувшись на помѣхи, поспѣшитъ измѣнить планъ и посвятить свой даръ на общекраевые интересы, а тамъ уже будетъ дѣломъ администраціи, — которая, разумѣется, составитъ изъ однихъ мѣстныхъ дѣятелей, — распорядиться такимъ образомъ, чтобы евреямъ-то собственно перепали развѣ какія нибудь крохи, львиная же доля достанется христіанскому населенію. Вѣдь удавалось же ранѣе, при распредѣленіи разныхъ жертвованій барона, — взять, напр., его пожертвованія въ пользу разныхъ погорѣльцевъ, — устранивать дѣла такъ, что евреи оставались ни причемъ; — почему же, спрашивается, не ввести такого же порядка въ распредѣленіи новаго двѣнадцатимилліоннаго дара того же лица? Все, какъ видите, было вполне резонно и гладко обставлено; одна бѣда: расчетъ добрыхъ людей былъ сдѣланъ безъ ховяина. Баронъ Гиршъ на сей разъ не проявилъ ни малѣйшей склонности пуститься въ догтія разсужденія и съ пресерьезной миной сталъ показывать видъ, что намѣревается взять свой даръ нока обратно, а ужъ тамъ посмотритъ, какими иными путями добиться намѣченной цѣли. Но совершенно выпустить изъ рукъ такой жирный кусокъ наши господа не отважились, а потому разрѣшили себѣ стать поговорчивѣе и даже учредили предварительную комисію для того, чтобы какъ нибудь да удержать богатое жертвованіе въ Галиціи; пусть-моль только денежки останутся

дома, а тамъ уже видно будетъ, какъ имъ распорядиться по удобнѣе. Тѣ члены еврейской общины, которыхъ нашъ ганд-маршалъ привлекъ въ составъ упомянутой комисіи въ качествѣ совѣтчиковъ, отнюдь не принадлежатъ, однакъ, къ числу людей съ испытаннымъ характеромъ и несомнѣнными заслугами. Это большею частью молодые люди изъ категоріи польскихъ патриотовъ. Справедливо полагали, что они-то предначертаніямъ прочихъ членовъ комисіи не стануть перечить изъ-за того одного уже, что какъ же имъ упустить такой благодарный случай пегольнуть своимъ польскимъ образомъ мыслей? А помимо того, при завѣдываніи столь жирною суммой—какъ не перепасть нѣсколькимъ золотымъ крупинкамъ и на долю самихъ господъ распорядителей? Все было, значить, обставлено какъ слѣдуетъ; вотъ развѣ только въ первую декларацію, которую уже выработала комисіа, допущены были два-три такихъ выраженія, которыя черезчуръ явно обнаруживаютъ сокровенныя мысли авторовъ; такъ, напр., тамъ сказано, между прочимъ: *учрежденіе должно состоять въ вѣдѣніи исключительно мѣстныхъ властей*.

Какъ бы то ни было, а съ почтенными членами комисіи въ концѣ концовъ все же приключилось нѣчто подобное тому, что рассказывается о крестьянкѣ, несшей на головѣ кувшинъ молока на продажу. Пока она походя дѣлала равныя соблазнительныя комбинаціи съ ожидаемымъ барышомъ, кувшинъ-то и соскользнулъ, благодаря ея задумчивости, съ головы и разбился. Въ то время какъ наша комисіа изащрялась въ составленіи самыхъ смѣлыхъ плановъ, вдругъ пронесся слухъ, что баронъ Гиршъ уже освободилъ ее отъ дальнѣйшихъ заботъ и передалъ предначначенный для Галиціи капиталъ въ руки вѣиской «Allianz», отъ которой идетъ гораздо болѣе цѣлесообразнаго завѣдыванія дѣлами, чѣмъ отъ самихъ галичанъ,—хотя деньги такъ и остались за галиційскими евреями, разумеется. Пусть кто хочетъ представить себѣ—съ какими чувствами принято было членами комисіи это извѣстіе, сразу приведшее къ нулю всѣ ихъ хитроумныя затѣи. Какъ мнѣ теперь доподлинно стало извѣстно изъ хорошихъ источниковъ, секретарь Allianz д-ръ Фридендеръ уже и объѣзжаетъ въ настоящее время Галицію, и, говорятъ, намѣчено уже въ принципѣ устроить ремесленныя училища въ Коломеѣ и Дорогобужѣ, а въ Львовѣ основать раввинскую семинарію и, конечно, не по рецепту нашихъ старыхъ поклонниковъ Ягеллоновъ.

Изъ числа основанныхъ трудами Alliance конфессиональныхъ школъ, о которыхъ я говорю въ предыдущемъ письмѣ, особаго упоминанія заслуживаетъ школа въ Коломеѣ, оказавшая наиболѣе плодотворной и полезной для еврейскаго общества. Это учебное заведеніе цвѣтетъ и преуспѣваетъ, существенно содѣйствуя сглаживанію пресловутой коломейской угловатости и одичалости нашихъ единовѣрцевъ. Много дѣтей, которыя безъ того погибли бы въ нищетѣ и невѣжествѣ, спасены школой для лучшаго, надѣмся, будущаго. Число учениковъ и записывающихся въ ожиданіи вакансіи растетъ со дня на день и притомъ въ такой прогрессіи, что сравнительно давно уже пришлось прибѣгнуть къ открытію параллельныхъ классовъ. Рядомъ съ училищемъ завелось здѣсь и регулярное, прилично обставленное богослуженіе. Одинъ изъ преподавателей самъ функционируетъ въ качествѣ кантора, а одинъ изъ учениковъ сумѣлъ составить препорядочный хоръ. Для Коломенъ такія вещи неслыханный прогрессъ, которому тѣмъ болѣе приходится удивляться, что городъ этотъ съ давнихъ поръ славится родоначальнымъ, такъ сказать, болотомъ фанатизма. Раввинъ коломейскій Гилель Лешъ числится въ рядахъ виднѣйшихъ золотовъ новаго времени. Онъ громоздитъ анаемы на анаемы противъ всѣхъ сочувствующихъ школѣ Alliance. Но, признавать надо, завѣдывающіе этой школой д-ръ Мильгроуъ и Соломонъ Самуали — люди вовсе не трусливаго десятка и храбро идутъ на встрѣчу всѣмъ его проклятіямъ, не уступая поля брани и не мѣшая р. Гилелю разжигать противъ нихъ ненависть сколько ему заблагоразсудится; они всему противопоставляютъ свое непоколебимое убѣжденіе, что рано или поздно, но доброе дѣло должно взять верхъ въ этой неравной борьбѣ. И вѣдливо, и теперь уже за этими храбрецами нельзя не признавать заслуги открытія новой эры въ Коломеѣ, этой рендессіи мракобсія. Коломейскій великій инквизиторъ не перестаетъ, понятно, воздвигать на нихъ цѣлыя полчища хаевдовъ, но и училище имѣетъ много, чертатуръ много приверженцевъ, и благодарность населенія къ начальникамъ школы слишкомъ велика для того, чтобы преслѣдованія раввина могли оказывать замѣтное вліяніе на положеніе дѣлъ. Уже не разъ Alliance имѣла случай въ годичныхъ отчетахъ публично выразить признательность двумъ своимъ коломейскимъ сотрудни-

камъ, служившимъ возжечь и поддерживать огонь просвѣщенія въ этой области невѣжественной тьмы.

Раввинская семинарія была бы для Галиціи благословеніемъ Божиимъ. Она способствовала бы доврѣванію многихъ талантовъ, пропадающихъ нынѣ во мракѣ. Въ сущности, грѣхъ было бы утверждать, что наша молодежь совершенно далека отъ всякихъ порывовъ къ лучшему и неспособна выставить ни одного дарованія. Напротивъ того, въ средѣ галиційскаго молодого поколѣнія несомнѣнно сказывается стремленіе къ идеаламъ, но за недостаткомъ заведенія, которое направляло бы конишество на надлежащій путь, — идеалы здѣсь выливаются въ уродливыя, а подчасъ и смѣшныя утонія. Вотъ, существуетъ у насъ, напр., кружокъ молодыхъ людей, взаимно вмѣнившихъ себѣ въ обязанность объясняться другъ съ другомъ не иначе, какъ по древне-еврейски. Тутъ, — какъ угодно, — сказалось несомнѣнное исканіе чего-то высшаго; но то, до чего додумались, — что это, какъ не голая схема безъ плоти, безъ крови, неспособная двинуть кого либо по пути дальнѣйшаго духовнаго и матеріальнаго развитія? Тоже, вотъ, немало молодыхъ людей пробуютъ свои силы на поприщѣ сочинительства, — на древне-еврейскомъ языкѣ, конечно, — но произведенія этихъ юношей не могутъ не убѣдить съ перваго же взгляда, что мысль и образы ихъ еще очень-очень зелены и что нѣтъ за ними того необходимаго ухода, который гарантировалъ бы ихъ развитіе въ спѣлыя плоды. Есть здѣсь, напр., нѣкто С. Ландау, еще совсемъ молодой человекъ, выпустившій въ свѣтъ нѣсколько драмъ. Талантъ въ этихъ драмахъ сквозитъ несомнѣнный, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ глаза бросается и рѣдкое невѣжество и отсутствіе всякаго пониманія драматической фактуры. Его персонажи, можно сказать, — безпомяты, безжизненные маріонетки на веревочкахъ, діалоги раздуты до смѣшного, а дѣйствіе — одинъ произволъ. Нѣтъ спора, что юноша этотъ могъ бы дать современнѣе и что нибудь почище, — сказывается видъ въ немъ порывъ къ творчеству и идеальнымъ образамъ, — но онъ предоставляетъ всецѣлѣ самому себѣ. Рѣшительно несогласно съ истиною весьма распространенное мнѣніе; будто всякое дарованіе обладаетъ непременно и должною силой побороть всякія колебанія и заблужденія и выбиваться само собою на прямой путь; неизвѣрно и то, что будто бы во вѣ извѣстныя намъ таланты сами устранили всякія препятствія со своей

дороги и съ увѣренностью подвигались по направленію къ намѣченной цѣли. Дѣло въ томъ, что мы дѣйствительно видимъ только эти таланты, а не тѣ тысячи, которыя погибли до времени изъ-за недостатка въ уходѣ и помощи. Вспоминается невольно тотъ торговецъ серебрянными вещами, который имѣлъ обыкновеніе увѣрять своихъ покупателей, что выгравированные нмы на его табакеркахъ, какъ только опустишь табакерку въ карманъ, сейчасъ и загъзаютъ въ нарисованныя тамъ конуры; какъ вынешь табакерку, — собака опять выгъвала. Ступай, провѣряй, кто можетъ!

Немало появляется у насъ и еврейскихъ романовъ, но какая это первобытная стряпня! Написалъ недавно нѣкій Зильбербушъ пространный рассказъ изъ быта румынскихъ евреевъ. Языкомъ, правда, авторъ владѣетъ вполне свободно, но что это за романъ? — Ни жизни, ни вдохновенія! Полное отсутствіе всякаго содержанія и психологическаго анализа. Вообще говоря, за послѣднее время вышедшія въ свѣтъ сочиненія беллетристическаго содержанія, — за немногими лишь исключеніями, — всѣ весьма ничтожной и сомнительной доброты. Недостаетъ древне-еврейской литературы здоровой и честной критики. Будь у насъ нѣчто подобное, — не отважились бы наши недозрѣлые юноши заваливать книжный рынокъ своей макулатурой. Какъ языкъ, — древне-еврейская рѣчь поразительно распространена теперь въ Галиціи; но со стороны художественности и содержательности замѣтемъ значительный шагъ назадъ въ этой области.

На польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напротивъ того, появилось за послѣднее время не одно произведеніе, которое, по всей справедливости, можно причислить къ лучшимъ литературнымъ работамъ нашей эпохи. Таковы, напр., нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вышедшій въ свѣтъ опытъ д-ра Манзеля «Das exacte Judenthum». Я буду еще имѣть случай вернуться къ этому сочиненію почтеннаго автора, недаромъ считающагося одною изъ наиболѣе свѣдѣлыхъ и способныхъ головъ города Львова. Что бы ни вышло изъ-подъ его пера, — отличается восхитительною ясностью и замечательно своеобразною оригинальностью самостоятельнаго мышленія. Въ качествѣ представителя общины, д-ръ Манзей особенно много содѣйствовалъ развитію общинновѣдѣнія. Это тотъ самый д-ръ Манзей, изъ-подъ пера коего появился основной статутъ галиційскихъ общинъ, принятый къ руководству

во всемъ краѣ. Ужь нѣсколько мѣсяцевъ какъ въ одной газетѣ печатается и другая работа того же автора, — это обстоятельное изслѣдованіе жаргона, обнаружившее въ д-рѣ Манзей немало филологической и этимологической эрудиціи.

Есть у насъ и еврейскій театръ съ операми, драмами и комедіями. Театръ несомнѣнно многимъ могъ бы способствовать нравственному перевоспитанію массы, если бы только актеры сами нѣсколько правильнѣе взглянули на свою задачу и вмѣсто того, чтобы спускаться до уровня черни, пытались бы лучше возвысить народъ до пониманія изящнаго и развивали бы въ немъ вкусъ къ эстетическому наслажденію.

Какъ видите, въ Галиціи нашей повсюду что-то копошится и ищетъ выхода къ свѣту; недостаетъ лишь руководящей силы, а таковою могло бы явиться только еврейское высшее учебное заведеніе.

Veritas.

Львовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ СТАРЫЯ РАНЫ.

ה'תרמ"ט ל' אב תל: Полное собраніе сочиненій Л. О. Гордона.
Томъ I. Разсказы. Изданіе Рабновича и Гурмитейна. Одесса,
1889 г.

Съ именемъ Л. О. Гордона въ нашей литературѣ неразрывно связанъ эпитетъ *поэтъ*. Слава г. Гордона основана почти всецѣло на его стихотворныхъ произведеніяхъ, съ которыми онъ, въ достопамятную эпоху нашего обновленія, впервые выступилъ на литературное поприще. Въ качествѣ же прозаика-беллетриста онъ гораздо менѣе популяренъ. Известно, что нашъ почтвенный поэтъ писалъ немало и въ прозѣ. Такого рода писанія на различныя темы не разъ помѣщались имъ въ періодическихкихъ изданіяхъ подъ различными псевдонимами, и когда-то, принимая близкое участіе въ одной еврейской газетѣ, онъ не брезгалъ даже и фельетономъ. Но подъ своимъ именемъ онъ обнародовалъ лишь очень немногое изъ написаннаго имъ въ прозѣ. Въ 1871—72 г. появились въ свѣтъ его первые юмористическіе разсказы подъ общимъ заглавіемъ «Свѣтъ, каковъ онъ есть» (אור כחול); но наша тогда еще незрѣлая критика, не знавшая середины между неумѣреннымъ восхваленіемъ во вкусъ старомодныхъ «эложей» и безшабашною руганью во вкусъ тогдашней отрицательной русской критики, не одѣлила ихъ по достоинству—и они проскользнули какъ-то незамѣтно, ничего не прибавивъ къ литературной репутаціи ихъ автора. Послѣ того г. Гордонъ болѣе не выступалъ публично въ качествѣ прозаическаго разсказчика и вернулся къ временно покинутой имъ музѣ, которая въ это именно время внушила поэту многія изъ наилучшихъ его твореній—его прекрасныя «Современныя эпопеи». Въ 1881 г. въ Петербургѣ, на юбилейномъ празднествѣ, чествовались заслуги Гордона-*поэта*, а спустя три года вышло въ свѣтъ

полное собраніе однихъ только стихотвореній его сочиненій, о которыхъ мы въ свое время бесѣдовали съ нашими читателями¹. Только недавно предпринято было въ Одессѣ новое «полное собраніе» сочиненій г. Гордона, въ которое войдутъ прежде всего прозаическія произведенія автора, какъ напечатанныя, такъ и не бывшія еще въ печати. Выведеній пока первый томъ новаго изданія заключаетъ въ себѣ одиннадцать небольшихъ рассказовъ изъ еврейской жизни. Большая ихъ часть написана уже давно, но не является въ свѣтъ въ первый разъ.

Читая эти новые рассказы и приводя ихъ въ связь съ прежними однородными сочиненіями автора, въ свое время столь мало оцѣненными, мы приходимъ къ убѣжденію, что беллетристическая дѣятельность г. Гордона въ гораздо большей степени достойна вниманія, чѣмъ это обыкновенно предполагалось. Мы даже оспариваемся заявить, что въ нашей, крайне бѣдной талантами беллетристичѣ подобныя рассказы въ нравѣ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Конечно, мы вовсе не думаемъ равнять Гордона-рассказчика съ Гордономъ-поэтомъ: послѣдній несомнѣнно многими выше и значительнѣе перваго; но вѣдь несправедливо также, чтобы крупныя достоинства писателя въ одной отрасли его дѣятельности совершенно заслонили собою его неважныя сами по себѣ, хотя и сравнительно меньшія заслуги въ другой отрасли. А что рассказы г. Гордона имѣютъ многія положительныя достоинства—это для насъ вѣтъ сомнѣнія, хотя мы вовсе не закрываемъ глаза и на ихъ недостатки.

Недостатки эти, собственно говоря, чисто-формальныя, условныя, и скорѣе могутъ быть названы *своеобразными отступленіями* отъ общепринятыхъ беллетристическихъ правилъ и приемовъ. Они происходятъ единственно изъ того, что авторъ не беллетристъ по профессіи и въ своей прозѣ является не столько повѣствователемъ, сколько поэтомъ и публицистомъ. Автору недостаетъ объективности, непушной въ чистой поэзіи, но необходимой до известной степени въ художественно-реальномъ воспроизведеніи дѣйствительности. Въ его рассказахъ нѣтъ широты замысла, нѣтъ описаній внѣшнихъ подробностей и искусной ихъ группировки; объективный истинскій анализъ въ нихъ весьма рѣдокъ и, напротивъ, слишкомъ часты невозможныя отступленія, въ видѣ непосредственныхъ разсужденій рассказчика по поводу описываемыхъ лицъ и событій. Недостаточность замысла или «выдумки» (а можетъ быть, и предвзятое нерасположеніе къ нимъ) заставляетъ

¹ Литер. Летопись польской книжки „Восхода“ 1884 г.

автора большею частью придерживаться формы «былей», а иногда и просто изображать лично ему известные случаи, характерные въ бытовомъ отношеніи. Тамъ же, гдѣ ему приходится дополнять свои личные наблюденія и воспоминанія романтическими вымыслами, онъ, какъ увидимъ ниже, не всегда соблюдаетъ художественную игру и вводитъ въ естественный ходъ событій элементъ случайности,—что составляетъ уже другую крайность, противоположную вышеупомянутой склонности къ былевой формѣ, но вытекающую изъ того же источника—изъ пренебреженія къ общепринятымъ обычаямъ беллетристическаго творчества.

Должны-ли, однако, такіа вѣщія, условныя неправомерности обуславливать собою оцѣнку самой сути рассказовъ г. Гордона,—оцѣнку того, что есть въ нихъ самобытнаго, вдохновеннаго, непосредственно дѣйствующаго на душу читателя, помимо всякихъ условныхъ прелюцій и обычаевъ? Не думаютъ. Формальная, чисто-художественная критика составляетъ только второстепенный элементъ въ дѣлѣ оцѣнки произведеній, изображающихъ бытъ, нравы и своеобразную духовную жизнь, интересныя сами по себѣ, поучительныя уже по одному только своему фактическому содержанию. Цѣнить такого рода произведеніе только на основаніи правилъ формальной критики—это то же, что опредѣлять душевный складъ и сложную внутреннюю жизнь развитаго человѣка по наблюденіямъ чертъ его лица, его манеръ, обращенія, способа выраженія или особенностей костюма. Душа даннаго произведенія, его внутренній смыслъ, конечно, неизгладимо важнѣе, чѣмъ вѣщій его обликъ. Если ны въ какомъ либо рассказѣ находимъ «душу живую», вѣрную идею, вытекающую изъ правдиваго по существу описанія; если картина, нарисованная авторомъ, даетъ пищу не только нашему воображенію, но и уму и чувству, уясняетъ смыслъ явленій, даетъ намъ обобщеніе, заставляетъ думать и волноваться,—то можемъ смѣло сказать, что авторъ такого произведенія наилучшимъ образомъ выполнилъ существенную часть своей задачи, хотя бы даже онъ и позволилъ себѣ нѣкоторыя нарушенія общепринятыхъ вѣщныхъ условій. Когда же, въ заглавіи подобныхъ формальныхъ нарушеній, авторъ облачаетъ свое повѣствованіе въ особенную оригинальную форму, болѣе идущую къ содержанию описываемаго, и преподноситъ намъ содержимое въ томъ своеобразномъ сосудѣ, въ какомъ оно обыкновенно встрѣчается въ дѣйствительности,—тогда и «нарушенія» не должны ставиться ему въ счетъ, ибо они съ избыткомъ вознаграждаются оригинальностью изложенія, которая во многихъ случаяхъ даже обязываетъ отступать отъ узаконенныхъ правилъ

и признать. А именно такая-то оригинальная особенность въ значительной степени присуща рассказамъ г. Гордона.

Своеобразие формъ рассматриваемыхъ рассказовъ вполне гармонируетъ съ ихъ содержаниемъ. Вспомните, что въ нихъ описывается еврейская жизнь, и преимущественно—духовная ея сторона, *на языке древне-еврейскомъ*, служащемъ также органомъ духовной жизни еврейства. Г. Гордонъ—глубокий знатокъ духа этого языка, который у него усовершенствованъ до виртуозности. Оставляя съѣсь библейскаго и талмудическаго діалектовъ, языкъ автора наиболее приспособленъ къ выраженію тѣхъ именно бытовыхъ и религиозныхъ чертъ, которыя хотѣлось изобразить автору. Сама эта виртуозность языка, гибкость, съ которою онъ, будучи языкомъ «мертвымъ», приближается къ выраженію различныхъ тонкихъ оттѣнковъ жизненныхъ явленій,—это одно доставляетъ наслажденіе читателямъ, любящимъ древне-еврейскую рѣчь. Въ тѣсной связи съ этимъ оригинальнымъ качествомъ находится и *тонъ* рассказовъ, который можно назвать *юмористическимъ*, но не въ обыкновенномъ общемъ смыслѣ послѣдняго термина, а опять-таки въ специально-еврейскомъ народномъ смыслѣ. Авторъ обладаетъ неистощимымъ запасомъ своеобразнаго еврейскаго остроумія, или, точнѣе—острословія, того еврейскаго *esprit*, который въ своей сферѣ всемогущъ и часто въ двухъ-трехъ словахъ опредѣляетъ сущность извѣстныхъ явленій точнѣе и ярче, чѣмъ могли бы то сдѣлать правильныя «серьезныя» описанія. Въ переводѣ на русскій языкъ подобныя выраженія теряютъ очень многое, иногда почти все,—и мы поэтому должны отказаться отъ удовольствія привести нѣкоторые характерные приѣзры авторскаго изложенія. Но, конечно, еще важнѣе, чѣмъ оригинальная наружность рассказовъ г. Гордона,—самое ихъ содержаніе, ихъ суть, преобладающій въ нихъ духъ. Эта суть можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: *бытовая правда, почти всегда одухотворенная глубокою и символическою идеей.*

Разбирая (ровно шесть лѣтъ тому назадъ) поэтическія произведенія г. Гордона, въ особенности его историческія и современныя эпопеи, мы выяснили, въ чемъ состоитъ идейная и безспорно самая главная сторона этихъ произведеній. Мы видѣли, что все лучшее въ поэзій г. Гордона проникнуто одной великой, многообъемлющей идеей—идеей *внутренняго трагизма* еврейской жизни. Нашъ поэтъ весьма рѣдко сѣтуетъ на внѣшній гнетъ, преслѣдованія и ограниченія, конкъ многострадальный еврейскій народъ до сихъ поръ еще не перестаетъ быть жертвою; онъ

больше всего скорбитъ о внутреннемъ народномъ горѣ, о печальныхъ явленіяхъ нашей религиозной и вообще духовной жизни, составляющихъ несчастное наслѣдіе среднихъ вѣдовъ, о глубокомъ паденіи еврейскаго духа, о трагической борьбѣ стараго и новаго поколѣній въ русскомъ еврействѣ. Поэмы въ родѣ «Садекія въ темницѣ», «Изъ-за одной іоты», «Два Іосифъ-бенъ-Симона» особенно сильно выражаютъ эту искреннюю скорбь поэта и его завѣтные стремленія. Какъ одинъ изъ лучшихъ людей 60-хъ годовъ, поэтъ весь пропитанъ духомъ той незабвенной просвѣтительной эпохи, когда мы, «самими собой и жизнью *святое недовольство* сохранив», всею душой стремились къ самоулучшенію, къ искорененію своихъ недостатковъ, къ освѣженію нашей духовной атмосферы. Вотъ эти-то святые стремленія, нынѣ поруганныя и забытыя, лежація въ основѣ поэзіи г. Гордона, составляютъ отличительную черту и его прозаическихъ рассказовъ, ихъ существенное идейное содержаніе. Его проза является родною сестрой его поэзіи. Рѣзкая противоположность въ духовномъ складѣ стараго и новаго поколѣній, трагическое положеніе средняго между ними переходнаго поколѣнія, обличеніе внутреннихъ неурядицъ еврейской жизни — вотъ главныя темы этихъ рассказовъ. Авторъ затрогиваетъ въ нихъ наши *старыя раны*, тѣ глубокія внутреннія раны, о которыхъ давно уже забыли наши духовные врачи, такъ какъ въ послѣдніе годы онѣ не видны изъ-за сплошной *наружной* язвы, покрывающей тѣло современнаго русскаго еврейства... Рассказы г. Гордона, какъ уже сказано, написаны большей частью въ 70-хъ годахъ; но выпуская ихъ нынѣ въ свѣтъ, авторъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не отрекся, какъ то сдѣлали многіе, отъ лучшихъ преданій нашей просвѣтительной эпохи и остался вѣренъ себѣ; а на это въ наше мрачное время — время полнѣйшаго шатанія мысли — нужно немало мужества и душевной стойкости...

Главное мѣсто въ книгѣ г. Гордона занимаетъ группа рассказовъ, изображающихъ типы и (по большей части) силуэты *старою поколѣнія*; въ нихъ описывается еврейскій патриархальный бытъ, донынѣ еще сохранившійся почти во всей своей чистотѣ въ городкахъ и мѣстечкахъ «черты осѣдлости». Однимъ изъ наиболее удачныхъ въ этой группѣ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, признать коротенькій эскизъ подъ заглавіемъ «*Телячья нога: рассказъ очевидца*». Въ немъ въ живой юмористической формѣ повѣствуется о томъ, какую бѣду нѣкогда надѣлала въ мѣстечкѣ *Дрибинокъ* простая телячья ножка. Дѣло было вотъ какъ. Известно, что ископи въ благочестивыхъ еврейскихъ семействахъ, при утренней субботней

трапезѣ, употребляется въ пищу особеннаго рода студень, приготовленный изъ коровьихъ или телячьихъ ногъ, приправленныхъ лукомъ, чеснокомъ, перцемъ и прочими любимыми снадобьями старой еврейской кухни. По присущей евреямъ приверженности къ древнимъ обычаямъ и отклоненію ихъ во всемъ копировать другъ друга, это невинное субботнее блюдо приобрѣло даже нѣкоторое религиозное значеніе и, вдобавокъ, въ маленькихъ ивстечкахъ стало служить мѣриломъ благосостоянія того или другаго семейства, такъ что, напримѣръ — вовсе не покушающій ножекъ къ субботѣ считается въ общественномъ мнѣніи обывателей бѣднякомъ, покупающій одну ножку слышитъ чловѣкомъ средняго достатка, покупающій двѣ или три — богатомъ и т. д. Для порядочнаго же семейства не имѣть за субботний столъ традиціоннаго студня — истинное несчастье и позоръ. Случилось однажды, что жена содержателя коробки въ Дрибншохѣ, ожидая къ себѣ въ субботу важныхъ гостей, закупила въ пятницу всѣ оставшіяся у мясника телячьи ножки, причемъ присвоила себѣ насильно и ту отборную пару ножекъ, которую мясникъ приготовилъ для семьи ивстнаго духовнаго раввина. Эту тяжкую обиду никакъ не могла перенести почтенная раввинша, останшаяся въ первый разъ въ жизни «безъ ногъ» къ священной трапезѣ. Въ своей ярости противъ коробко-содержателя и мясника она рѣшилась на крайнюю мѣру: коли ей, раввиншѣ, не достались телячьи ноги, такъ пусть же никому не достанутся. И вотъ она стала всѣми способами бомбардировать своего мужа, требуя отъ него немедленно объявить «трефными» (запрещенными къ употребленію) всѣ телячьи ножки, купленные въ ту роковую пятницу въ городѣ. Раввинъ сначала оторопѣлъ, затрудняясь найти законный поводъ къ такой рѣзкой мѣрѣ; но когда неугомонная раввинша ударилась въ слезы, унала въ обморокъ и объявила, что умереть, если ея желаніе не будетъ исполнено — онъ долженъ былъ уступить. «Много слезъ, — говоритъ авторъ, — видѣлъ раввинъ въ своей жизни и ни разу не былъ тронутъ и смущенъ. Онъ видитъ изъ года въ годъ слезы несчастныхъ, которымъ запрещаютъ продавать мясо убиваемаго ими скота изъ-за «соринки на спинномъ хребтѣ»; которыхъ лишаетъ кушанья и посуды въ Пасху изъ опасенія, не попали ли туда зерно квасного; которымъ возбраняетъ употреблять всѣ мясныя блюда, случайно «оскверненные» каплею молока. Онъ хорошо помнитъ еще слезы той бѣдной женщины, которой разводный листъ онъ объявилъ недѣйствительнымъ за то, что въ немъ было написано имя *Гериз* вмѣсто *Гириз*, и такимъ образомъ заставилъ ее коротать всю жизнь одинокою

идею. Онъ помнитъ еще отчаяніе бѣднаго виноторговца, котораго заставилъ вылить на землю пять бочекъ вина за то, что онъ, будучи «квасниши», хранился у хозяина въ дни Пасхи. Онъ помнитъ еще горе юноши, котораго съ позоромъ прогналъ изъ своей «иешивы» за то, что бѣднягу наврыли съ книгою «Віура» (Мендельсоновскаго толкованія на Библию) въ рукахъ... Но то все были чужія слезы: онъ протекли мимо, не оставивъ на себѣ слѣда въ душѣ раввина. Теперь же передъ нимъ проливалась слезы его благовѣрная супруга, участница его долга, которая—онъ это хорошо зналъ—будетъ уже плакать денно и нощно, будетъ отравлять его жизнь, пока не достигнетъ своего желанія. Какъ же онъ тутъ могъ устоять?... (стр. 71). И раввинъ дѣйствительно не устоялъ. На слѣдующее утро, передъ самымъ обѣдомъ, въ синагогѣ объявленъ былъ раввинскій приказъ—отнюдь не употреблять въ пищу во всемъ городкѣ студней, приготовленныхъ изъ купленныхъ навазунѣ ножекъ, такъ какъ послѣднія признаны трэфими. Въ тотъ же день раввинъ въ публичной проповѣди объяснялъ своей паствѣ «мотивы» своего запрещенія, основывая ихъ на крючкотворныхъ доводахъ, искусно подобранныхъ и выставлявшихъ мѣропріятіе раввина великимъ актомъ спасенія душъ. Въ силу этого акта не только забракованы были всѣ студни въ городѣ и разбиты всѣ сосуды, въ конхѣ они варились, но и сверхъ того поставлено было: запретить прежнимъ мясникамъ отправленіе ихъ ремесла и запечатать ихъ лавки, наказать главнаго мясника 39-ю ударами «налкотъ», установить по сему случаю всеобщій постъ въ теченіе одного дня, выжечь и вычистить всѣ печи, въ конхѣ варились трэфныя блюда, и, наконецъ, воспретить вовсе впредь употребленіе субботнихъ студней въ Дрибшокеѣ. Эти экстренныя мѣры повели къ еще болѣе роковымъ послѣдствіямъ. Въ городкѣ возникли раздоры партій, стоявшихъ за и противъ раввина, опальные мясники бунтовали, коробко-содержатель обанкрутился, пошли доносы по начальству, приведшіе къ упраздненію статей общиннаго дохода, такъ что упразднены были и учрежденія, содержавшіяся на счетъ такихъ общинныхъ доходовъ, словомъ—городокъ пришелъ въ упадокъ и совсѣмъ захудалъ. А виновницей всего этого переворота была истительная и честолюбивая раввинша или, точнѣе—телячья нога, отнятая у нея честолюбіемъ другой жевщины...

Авторъ называетъ свой рассказъ *быльёю*, но эта быль въ высшей степени типична. Знакомые съ еврейскою захолустною жизнью могутъ привести въ подтвержденіе десятки и сотни прихѣровъ того, какъ изъ-за сущихъ пустяковъ—въ родѣ «вопросовъ» о раввинѣ, канторѣ или рѣзникѣ—

возникают въ еврейскихъ общинахъ ожесточенные раздоры партій, приводящіе часто къ нештучнымъ уже послѣдствіямъ. Такихъ случаевъ полны хроника многихъ богоспасенныхъ городковъ «черты» и корреспонденціи специально-еврейскихъ газетъ прошлаго и даже настоящаго времени. Кромя этой бытовой, правоописательной правды, есть еще въ рассказѣ важная идейная сторона, наміченная вскользь въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Образъ раввина, возмущающаго своимъ безграничнымъ религіознымъ авторитетомъ для того, чтобы въ угоду капризамъ жены причинить прямой вредъ интересамъ своей наставы; духовный отецъ, прибивающій ко всевозможнымъ случаямъ жизни всю строгость безчисленныхъ, отжившихъ «законовъ»; прибивающій къ нимъ не только тогда, когда онъ считаетъ это своею религіозною обязанностью, но и тогда, когда это ему просто нужно или выгодно,—развѣ такая картина не поучительна, не наводитъ на серьезные и скорбныя размышленія? И не является-ли этотъ раввинъ типическимъ представителемъ большинства нашего духовенства? Не воплощаетъ-ли онъ въ себѣ, наконецъ, самую идею выродившагося раввинизма?... Пусть свѣдущій читатель подумаетъ и судитъ!

Въ рассматриваемой книгѣ есть еще одинъ рассказъ, написанный на ту же тему объ общинныхъ и синагогальныхъ порядкахъ въ заолустномъ еврейскомъ городкѣ, не онъ и по обработкѣ, и по идейному содержанию значительно уступаетъ выше разобранному рассказу. «*Изъ-за перчатокъ*» — таково его заглавіе. Фабуну его можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Въ одномъ городкѣ умеръ старый канторъ, и община долго волновалась вопросомъ о приглашеніи замѣстителя покойному. Послѣ долгихъ поисковъ, нашлся наконецъ новый канторъ, который своимъ сладкогласнымъ богослуженіемъ очаровалъ обывателей городка. Но едва только общество заключило съ нимъ условіе, какъ вдругъ грянула бѣда: нѣкоторые ревнители вѣры довели до свѣдѣнія духовныхъ властей, что жена новаго служителя алтаря носить постоянно на рукахъ перчатки и не снимаетъ ихъ даже во время молитвы въ синагогѣ. За этотъ проступокъ кантора удалили отъ должности и выпроводили изъ города. Нашлись, однако, протестанты, которые возмущались этою крутою вѣрой и требовали возвращенія изгнанника. Отсюда пошли въ общинѣ ужасныя распри, имѣвшія тѣ же печальныя послѣдствія, какія имѣла описанная въ предыдущемъ рассказѣ борьба изъ-за «талъчей ноги». Скучность содержанія въ рассказѣ «*Изъ-за перчатокъ*» выкупается нѣкоторыми живыми описаніями синагогальныхъ обычаевъ и въ особенности одной прекрасной страницей, гдѣ очень вѣрно изображено об-

цественно-моральное значеніе синагоги для еврея въ теченіе всей его жизни (стр. 186—189).

Къ той же коллекціи типовъ изъ патриархальной среды относятся герои еще трехъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Гордона въ разныя мѣста, но составляющихъ вѣстѣ съ двумя прежде разобранными рассказами какъ бы особую группу. Весьма типична эта *«Ривля, продащица масла»* (рассказъ 7-й)—старомодная набожная еврейка, которая послѣ смерти своего мужа-талмудиста вся отдалась дѣланію благотворительности и, не имѣя собственныхъ средствъ, занималась собираніемъ по городу подаяній для бѣдныхъ семействъ, голодающихъ ешиботниковъ, на приданое бѣднымъ вѣвѣстакъ, на леченіе безпріютныхъ больныхъ и т. п. Вѣстѣ съ этими высокими чувствами состраданія и истинной любви къ ближнему уживалась въ душѣ Ривли и перядочная доля суевѣрія, котораго она наконецъ сдѣлалась жертвой. Во дворѣ дема, гдѣ она жила, находились три запертыхъ погреба, о коихъ шла худая молва, будто тамъ живутъ нечистые духи. Однажды Ривля, будучи по какому-то поводу въ сильномъ нервномъ возбужденіи, услышала голосъ, исходившій какъ бы изъ этихъ зачатыхъ погребовъ и требовавшій у нея разгнѣ крупной монеты на медочъ (Ривля занималась и мѣвьяльными дѣломъ). Въ этомъ голосѣ набожной женщиныъ почувался голосъ покойнаго мужа, а въ его требованіи—пріемыя явиться «на тотъ свѣтъ». И вотъ, сдѣлавъ всё нужныя распоряженія, Ривля на другой день тихо скончалась. Авторъ отчасти даетъ ключъ къ разгадкѣ этого сложнаго психическаго явленія; но мы полагаемъ, что идея рассказа понятна и безъ особенныхъ объясненій.

Въ pendant къ типу Ривли можно отнѣсти типъ другой самостоятельной еврейской женщины—*Цины*, по прозвищу «Тавдетница» (торговка старыми платьемъ). Эта ветошница является единственнымъ характернымъ лицомъ въ крошечномъ рассказѣ *«Мелехъ Тинешъ»* (имя героя и вѣстѣ съ тѣмъ непереводимый каламбуръ), ибо главный герой послѣдняго, *Мейлехъ*, есть нѣчто совершенно безжизненное и выдуманъ авторомъ лишь для каламбура. Личность этой «бой-бабы», бывшей за четыремя мужемъ (изъ коихъ одинъ былъ хасидъ, другой—талмудистъ, третій—«образованный», а четвертый—просто плутъ) и въ концѣ концовъ похоронившей ихъ всѣхъ, описана авторомъ черезчуръ бѣгло, но не лишена характерности. При болѣе обстоятельной обработкѣ этотъ интересный портретъ могъ бы много выиграть; теперь же онъ остается лишь блѣднымъ негативомъ.

Довольно обширный рассказ «*На семь парасъ*» («Кефирать гадерекъ») рисуетъ нравы бывшей кавказской среды — тѣхъ классическихъ «баллаговъ», которые никогда составляли, да и нынѣ (тамъ, гдѣ ить еще не вытѣснили желѣзныя дороги) отчасти составляютъ особый мирокъ съ рѣзкими отличительными чертами. Вопреки своему обыкновенію, авторъ здѣсь очень словоохотливъ рассказываетъ о всѣхъ характерныхъ подробностяхъ жизни этого міра — и рассказываетъ живо, увлекательно, мастеровски. Это — едва ли не единственный изъ всѣхъ рассказовъ г. Гордона, написанный въ совершенно объективной формѣ, какъ бы въ угоду условіямъ формальной критики, обыкновенно игнорируемой авторомъ.

Отъ рассказовъ, изображающихъ бытъ и нравы стараго поколѣнія, перейдемъ ко второй группѣ рассказовъ, въ которыхъ рисуются различные типы *переходнаго и новаго поколѣній*, ить борьба за существованіе и разными страданіями и грустными явленіями, вызванными умственнымъ движеніемъ послѣдняго полулѣтца. Таковъ, наприимѣръ, рассказъ, помѣщенный на первомъ мѣстѣ въ книгѣ и озаглавленный: «*Изсохшія кости, рассказъ бывшаго нотаріуса*». Главными лицами его являются два бывшихъ кантониста: *Ешировъ* и *Кацановъ*, изъ коихъ первый рассказываетъ автору свою грустную исторію. Взять онъ былъ въ кантонисты въ то крестовнаиное время, одиннадцати лѣтъ отъ роду, по милости своего родственника, богатаго кагальнаго воротила, сдавшаго его въ солдаты за собственного сына. Товарищъ его, Кацановъ, также былъ жертвою кагальнаго деспотизма: его сдали въ кантонисты за то, что онъ въ дѣтствѣ обнаруживалъ наклонность къ воззѣн, считавшейся тогда ересью. Оба товарища опречены были насильно въ Казани и затѣмъ потеряли другъ друга изъ виду. Ешировъ выслужился, сдѣлалъ карьеру и, вышедши въ отставку, сталъ богатымъ помѣщикомъ Тамбовской губерніи. Тогда вспомнилъ онъ про бѣдную родину, оставленную имъ еще ребенкомъ въ одномъ изъ мѣстечекъ «черты», — и вотъ онъ нарочно ѣдетъ на родину, чтобы свидѣться съ тѣми, отъ которыхъ насильственно и *масседа* былъ оторванъ, и помочь имъ устроиться матеріально. Въ родномъ городкѣ Ешировъ находитъ старуху-сестру и ея дочь, молодую дѣвушку, которыхъ онъ старается обезпечить. Тутъ же, совершенно случайно, встрѣчается онъ и съ бывшимъ товарищемъ по страданіямъ — Кацановымъ. Послѣдній, въ противоположность Еширову, карьеры не сдѣлалъ, скитался бобылемъ, кормясь учительствомъ, и вдобавокъ отпалъ отъ православія, за что былъ судимъ и терпѣлъ разные тяжелыя пытарства. Далѣе оказывается, что

Кацановъ и сестра Еширова взаимно любятъ другъ друга и что только бѣдность нѣшала имъ досадѣ вступить въ бракъ. Щедрый Ешировъ, разувѣется, съ радостью обезпечиваетъ ихъ постоянною доходною статью и затѣмъ, какъ добрый геній, исчезаетъ. Остается въ кругу родныхъ онъ не могъ, ибо онъ—«иссохшая кость», отрѣзанный отъ еврейства леметь, принадлежавшій уже къ другой средѣ... Обиліе «случайныхъ встрѣчъ» портитъ нѣсколько впечатлѣніе, производимое рассказомъ; но существенная его часть тѣмъ не менѣе очень интересна и поучительна.

Отрѣзаннымъ ломтемъ (или «иссохшею костью», по выраженію автора) могла бы быть названа и героиня трогательнаго рассказа—были «*Жалость матери*», хотя она и взята изъ совершенно другой, высшей сферы. Уроженка свободной Франціи, она отказалась—не отъ своей вѣры, а только отъ связи съ своею націей, ради любви къ блестящему офицеру-итальянцу, Лофредо, за котораго она вышла замужъ. Снусти нѣсколько лѣтъ послѣ брака, Лофредо, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ причинъ, вынужденъ былъ поступить въ чинъ генерала на русскую военную службу и жилъ въ Петербургѣ съ женою и съ тещею, которыя, вслѣдствіе условій высшаго петербургскаго свѣта, вынужденны были тщательно скрывать свое происхожденіе. Мать героини вскорѣ умерла. Не желая «скомпрометровать» дочь и зятя, она позволила передъ смертью похоронить себя на христіанскомъ кладбищѣ, но поручила дочери потихоньку заказать въ синагогѣ заупокойную молитву (*кадиша*) по умершей Терезѣ, дочери Самуила (имя покойной). Героиня съ трудомъ разыскала нужнаго человѣка и исполнила порученіе. Въ рассказѣ есть еще одинъ интересный эпизодъ, котораго не касаемся. По всему видно, что исторія, рассказанная здѣсь г. Гордономъ, дѣйствительно—была, такъ какъ личность самого автора, какъ бывшаго секретаря петербургской еврейской общины, играетъ въ ней нѣкоторую роль (къ нему обратилась со своимъ порученіемъ героиня) и даже указавъ годъ событія (1878). Но это обстоятельство нисколько не лишаетъ рассказа его *общаго* значенія, а, напротивъ, придаетъ ему еще особенную прелесть. Въ немъ скрыта глубокая идея, которая, при сопоставленіи съ идеей предыдущаго рассказа, наводитъ на много думъ объ удивительныхъ, полныхъ трагизма судьбахъ нашихъ «отрѣзанныхъ ломтей»... Простой еврей-кантонистъ и затерявшаяся въ высшемъ христіанскомъ обществѣ интеллигентная французская еврейка—какіе противоположные полюсы, не правда-ли? И однако жъ, между этими далекими другъ отъ друга явленіями есть нѣчто общее. Въ нихъ обонхъ кроется, въ разной степенн, частица исконаго

еврейскаго мученичества. Кантонистъ Качановъ, насильно окрещенный, возмущается слыша много лѣтъ въ своей вѣрѣ и терпѣть за это гоненія; а дѣй еврейки, мать и дочь въ приведенномъ разсказѣ, попасть въ высшее русское общество, терпѣть постоянныя душевныя муки, вынужденныя скрывать свое происхожденіе изъ опасенія погубить этимъ свое положеніе въ свѣтѣ и будущность своихъ дѣтей. И тѣмъ не менѣе «искра еврейская» живетъ въ ихъ душѣ и выражается въ предсмертномъ порученіи самоотверженной старухи и въ хлестать ея дочери на счетъ «кадиша». Какъ много исторической правды въ этой параллели, какъ много въ ней и глубоко-грустнаго и вѣдѣтѣ съ тѣмъ утѣшительнаго, отраднаго!..

Здѣсь мы провели параллель между двумя кругами явленій, съ перваго взгляда ничего общаго между собою не имѣющими; но перѣдко и самъ авторъ даетъ параллели, взятая прямо изъ знаковой намъ сферы жизни, и даетъ ихъ не какъ выводы изъ своего разсказа, а включаетъ ихъ въ самое его содержаніе. Таковы, наприѣръ, разсказы: «*Безъ насилія!*» и «*Верхъ и низъ*» (разсказы 2-й и 11-й). Первый изъ нихъ, названный еще «*разсказомъ божьима педагога*» и написанный въ 1873 году, представляетъ собою простое сопоставленіе двухъ житейскихъ явленій, которыя авторъ, очевидно, непосредственно наблюдалъ. Къ автору («бывшему педагогу» въ тельшевскомъ еврейскомъ училищѣ) является однажды странный юноша, который безъ дальнихъ околичностей заявляетъ, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ еврейскій Мессія, призванный освободить Израиль и примирить его враждующія партіи—«вѣрующіихъ» съ «пресвѣщенными» и т. д. Этотъ юноша оказался сыномъ содержателя водочнаго завода въ окрестностяхъ г. Тельши, и дошелъ онъ до своего печальнаго состоянія слѣдующимъ образомъ. Родители, замѣтивъ въ немъ недюжинныя способности, въ раннихъ лѣтъ предназначили его быть непремѣнно ученымъ раввиномъ. Они ванинали сыну самыхъ лучшихъ наставленій, поручали ему кормить его до отвала Талмудомъ и во что бы то ни стало изготовить изъ него великаго богослова. Шестнадцать лѣтъ, когда юноша былъ уже весь начлененъ талмудическою мудростью, отецъ, по совѣту одного раввина, взялъ своего благословеннаго сына изъ школы и водвернулъ у себя на хуторѣ. Здѣсь юношу посадили въ особую комнату, которую наполнили всевозможными талмудическими и раввинскими книгами, и предоставили ему заниматься самостоятельно; устроенъ былъ крѣпкій надзоръ за тѣмъ, чтобы къ будущему раввину не допускался никто изъ проѣзжихъ, дабы не вѣшать его важнымъ занятіямъ. Такъ-то юноша просидѣлъ и штудировалъ нѣсколько лѣтъ; умъ

работалъ усленно и, не довольствуясь предоставленною ему сухой нищей, обратился къ Каббалѣ, къ мистицизму. Абсолютное уединеніе и постоянныя размышленія довели юношу до экзальтаци и, наконецъ, до упокоительнаго, выражающагося въ *idée fixe*, будто онъ — Мессія. Съ этой идеей онъ и явился къ известному раввину и къ автору — и, конечно, тотчасъ прослылъ сънаследствникъ. Спусти два года бѣдный мессія умеръ въ желтомъ дождѣ.

Параллельно съ этимъ фактомъ авторъ рассказываетъ о другомъ фактѣ, поразительно сходномъ съ предыдущимъ, хотя и взятомъ изъ противоположнаго слоя общества. Сергій Ивановичъ Гобаль, смансцированный еврей, служившій въ приспомятомъ винномъ откупѣ (первой инстанціи русско-еврейскаго «просвѣщенія»), заданъ цѣлью непремѣнно «сдѣлать» изъ своего сына Павла — челоѣвка съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, дабы явить міру доказательство собственнаго своего просвѣщенія. Для сей цѣли заботливый отецъ отдалъ синишку на восьмой годъ въ гимназію, нанялъ ему репетиторовъ, заставлялъ зубрить какъ можно больше гимназической мудрости и вообще держалъ мальчика въ строжайшей дисциплинѣ. На первыхъ перахъ дѣло шло довольно успѣшно: мальчикъ переходилъ изъ класса въ классъ и тѣмъ превсполялъ сердце родителя гордостью и надеждою; но перейдя въ старшіе классы, Павелъ свихнулся: въ немъ стали замѣчаться расбѣянность, лѣнь и какое-то умышленное отупѣніе. Онъ сталъ плохо учиться и засиживаться въ каждомъ классѣ по два года и больше. Вѣсть съ тѣмъ въ немъ обнаружилась нравственные пороки, губившіе и его тѣло, и душу. Разочарованный Сергій Ивановичъ за это возненавидѣлъ своего сына отъ всей души: сталъ его бить, обращался съ нимъ жестоко и грозилъ отдать его въ солдаты, если онъ не омонится. Но отъ этого жестокаго обращенія Павелъ еще больше одичалъ и разъ даже поймалъ былъ въ воровствѣ. Тогда суровый отецъ исполнилъ свою угрозу и самъ отдалъ сына въ солдаты.

Авторъ самъ поясняетъ смыслъ сдѣланнаго имъ сопоставленія (стр. 41), хотя собственно этотъ смыслъ для всѣхъ ясенъ. Оба юноши, и талмудистъ-маніакъ, и гимназистъ Павелъ, пали жертвами самодурства своихъ родителей. Содержатель водочнаго завода, богобоязненный, истый еврей, леглялъ въ своей душѣ идеалъ имѣть сына-раввина, богословскую знаменитость — и ради достиженія этого предвзятаго идеала мучилъ и коверкалъ бѣднаго мальчика, пока не сдѣлалъ изъ него маніака; а служитель въ винномъ откупѣ, стгоряя жаждою «просвѣщенія», насильственно толкалъ сына въ уни-

верситетъ—и довелъ его наконецъ до идіотства и безнравственности. Въ обоихъ случаяхъ *иселіе* привело къ роковымъ послѣдствіямъ. Насиліе такого рода, къ несчастію, является чѣртой свойственною евреямъ. Мыслями по природѣ, по всему тысячелѣтнему складу своего воспитанія, мы изъ всѣхъ силъ стараемся передать и нашимъ дѣтямъ собственную наследственную наклонность къ усиленной мозговой работѣ, во всезнанію, забывая, что развитіе такой наклонности есть оружіе обоюдоострое... Такъ-то наши «отцы» стремились *одѣлать* изъ всѣхъ насъ поголовно «великихъ раввиновъ»; такъ-то и мы стремимся *одѣлать* изъ нашихъ дѣтей великихъ медиковъ, юристовъ и т. в. А такіа стремленія безспорно ведутъ не только къ физическому, но также къ умственному вырожденію.

Вотъ еще одна параллель между представителями стараго и новаго поколѣній. Бѣдный *машидъ* (проповѣдникъ) въ синагогѣ одного изъ захолустныхъ городковъ *Ицхокъ изъ Траскуна* (въ рассказѣ «Веріхъ и низъ») и докторъ медицины *Морицъ Фейльхенталь* были некогда очень близкими другъ къ другу лицами. Ицхокъ былъ когда-то меламедомъ въ своемъ родномъ Траскунѣ, а Морицъ, тогда еще Мендель, былъ въ юности его «помощникомъ» (*бегельферъ*). «Несчастный» случай разлучилъ ихъ: у Менделя въ сундукѣ нашла нѣсколько нѣмецкихъ книгъ—и за этотъ проступокъ Ицхокъ угодилъ своего помощника здоровеной ошлеухой и протналъ изъ ходера. «Совращенный» Мендель удалился въ чужіе края и съ большимъ еще равніемъ отдался изученію «нѣмецкихъ книжекъ». Эти книжки проложили ему наконецъ путь въ университетъ, который онъ кончилъ съ званіемъ лекаря. Въ то время какъ бывшій «бегельферъ» шелъ все въ гору, его старый учитель Ицхокъ опускался все ниже и ниже: онъ потерялъ «меламедство», сталъ «магидомъ» въ какомъ-то мѣстечкѣ и подъ старость такъ обдѣлалъ и опустился, что долженъ былъ жить въ какой-то ветхой, полуразрушенной синагогѣ и питаться рѣдкими припоминаніями сердобольныхъ прихожанъ. Однажды лежалъ Ицхокъ въ грязномъ углу синагоги, опасно больной, въ горячкѣ, и въ такомъ-то положеніи встрѣтился онъ случайно, послѣ многихъ лѣтъ, съ своимъ бывшимъ помощникомъ, превратившимся уже изъ Менделя въ доктора Морица Фейльхенталя. Послѣдній очутился въ томъ самомъ городкѣ, гдѣ доживалъ свои дни несчастный проповѣдникъ. Фейльхенталь занималъ тамъ мѣсто врача и жилъ очень комфортабельно. Подобно большинству своихъ коллегъ, онъ заботился не объ «облегченіи страданій страдающаго человѣчества», а только о своемъ докторскомъ гонорарѣ, и усердно ко-

цель деньги. Бѣдняковъ онъ не любилъ и нѣбгалъ лечить ихъ. Къ своимъ единовѣрцамъ относился съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, и вообще жилъ безчувственнымъ эгоистомъ и сибаритомъ. И вотъ однажды его пригласили къ больному старику-вроповѣднику, лежавшему при смерти въ синагогѣ. Докторъ, заручившись напередъ гонораромъ, пошелъ, не зная, чего ему придется встрѣтить въ лицѣ больного. Насталъ драматическій моментъ: докторъ и пациентъ узнали другъ друга... Эта потрясающая встрѣча произвела рѣзкій переворотъ въ душѣ Фейльхонталя: онъ вдругъ прозрѣлъ; онъ все понялъ и все простилъ... Старый простосердечный Мендель превозмогъ въ немъ черствого, высокоцѣннаго Морца. По смерти своего учителя докторъ произнесъ на его могилѣ «кадишь» — и съ тѣхъ поръ сталъ онъ совершенно иначе относиться къ своимъ несчастнымъ единовѣрцамъ и къ страждущимъ вообще. «Онъ пришелъ исцѣлится — и самъ исцѣлился»... Пояснять смыслъ разсказа, кажется, излишне. Въ немъ есть много напоминающаго предестные разсказы К. Э. Францева, какъ по трогательности содержанія, такъ и по элегическому, задумчивому тону. Замѣтна въ немъ какая-то философская *Résignation*, вообще мало свойственная автору...

Много трагизма, конечно, во взаимныхъ отношеніяхъ представителей стараго и новаго поколѣній; но едва ли не больше еще этого трагизма въ судьбѣ среднего между ними, «переходнаго поколѣнія», стоявшаго въ самомъ центрѣ борьбы между старымъ и новымъ и своимъ самоотверженіемъ проторившаго нуть великому прогрессивному движенію въ еврействѣ. Одинъ изъ представителей этого поколѣнія фигурируетъ въ прекрасномъ разсказѣ «Помѣшанный: разсказъ болельцаго и запуганнаго чело-вѣка». Гиршъ Бродовскій (такъ звали героя) обнаружилъ склонность къ «новому просвѣщенію» еще въ ту эпоху густого мрака, когда на это никому невѣдомое «просвѣщеніе» русскіе евреи смотрѣли какъ на чудовище, какъ на холеру, чуму, кару Божію. Человѣку, «зараженному» столь опаснымъ для общественнаго благополучія духомъ, по-истинѣ страшно было жить при тогдашнихъ условіяхъ, ибо духовные санитары—печальной памяти кагалъ и частныя «ревнителн вѣры»—бодрствовали на стражѣ Израиля и могли въ порошокъ стереть всякаго вольнодумца, въ особенности если послѣдній принадлежалъ къ бѣдному классу. Но Гиршъ Бродовскій былъ человѣкъ состоятельный и независимый, и вдобавокъ тщателью маскировалъ свои убѣжденія, а потому былъ подвергнутъ только легкому наказанію: его огласили въ городкѣ, гдѣ онъ жилъ, помѣшан-

ныи и пугали ихъ дѣтей. Благодаря своему независимому состоянію, Гиршъ отъ этого не пострадалъ матеріально; напротивъ, данная ему клочка предохраняла его отъ гораздо худшихъ напастей, и онъ самъ даже умышленно поддерживалъ такую неестественную о себѣ славу нѣкоторыми странностями своего поведенія; но въ душѣ онъ, конечно, долженъ былъ сокрушаться и испытывать немалыя нравственныя муки. Когда Гирша спросили, почему о немъ идетъ такая слава и почему онъ ее еще поддерживаетъ, онъ грустно отвѣчалъ: «Горькій опытъ умудрилъ меня—и я могу всякому дать такой совѣтъ: если на твою долю выпало родиться евреемъ, если Богъ разгнѣвался на тебя и открылъ твои духовныя очи среди этихъ людей, живущихъ во тьмѣ,—тогда иди и прикнись съумасшедшимъ, покажись имъ полоумнымъ, ибо тогда лишь они спокойно будутъ смотрѣть на тебя и не причинять тебѣ зла, не погубятъ дѣла рукъ твоихъ; тогда только ты спасешься отъ внутреннего раздраженія и отъ вѣшной бѣды!» (стр. 144). Въ этомъ трагическомъ *самоотреченіи* заключается одна изъ характернѣйшихъ чертъ людей переходной эпохи. Мы уже однажды видѣли эту черту, еще болѣе ярко выступающую въ однородныхъ типахъ двухъ героевъ Францова—Шлюмъ Мешумедъ и Давидъ Блюмъ,—о которыхъ мы когда-то бесѣдовали съ нашими читателями¹.

Г. Гордонъ могъ бы и долженъ былъ бы гораздо яснѣе, детальнѣе очертить типъ своего «помѣшаннаго», если бы послѣдній (какъ можно думать судя по заглавію) игралъ роль главнаго героя разсказа. Но Гиршъ Вродовскій выступаетъ въ разсказѣ не одинъ, а въ сопровожденіи цѣлой группы другихъ дѣйствующихъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторыя играютъ болѣе активную роль, чѣмъ онъ. Таковъ, напримѣръ, герой, отъ лица котораго ведется разсказъ,—юноша, идущій постепенно отъ мрака къ свѣту, отъ хедера и іешибота къ университету. Таковъ и бѣдный *Іеремія*-іешиботникъ, страдающій за свое вольномысліе, изгоняемый изъ города за то, что у него пашли книгу И. В. Левинзона, и наконецъ, благодаря этимъ именно страданіямъ, выбивающійся на торный путь разумнаго труда. Іешиботская среда изображена г. Гордономъ хоть и не новыми чертами, но вѣрно и довольно рельефно. Въ особенности удались автору типы стараго поколѣнія, выведенные въ разсказѣ, какъ, напримѣръ, личность *Юделя-портного* и его зятя *Мойши*. Разжившійся невѣжда, попавшій изъ

¹ „Трагизмъ еврейской жизни въ разсказахъ К. Э. Францова“. „Восходъ“ 1886 г., кн. II.

портныхъ въ подрядчики, Юдель представляетъ собою антипатичнѣйшій типъ стараго общественнаго «дѣятеля», т. е. деснета, самодура и мироѣдай. Истиннѣе выскочки подобнаго рода дѣвуютъ въ «европейство» и стараются задавать шикъ въ «свѣтѣ»; въ старину же такіе выскочки полагали все свое честолюбіе въ томъ, чтобы держать въ рукахъ своихъ бразды правленія и заправлять всѣми общественными дѣлами. Такъ дѣлалъ и Юдель. Онъ построилъ на свой счетъ большую синагогу, собралъ туда массу прихожанъ и иешиботниковъ и наслаждался тѣмъ, что деспотически властвовалъ надъ всей этой массой обездоленныхъ и беззащитныхъ. Онъ-то виѣсть съ своими приспѣшниками давилъ бѣдныхъ юношей, которые, «соблазнившись» новыми вѣяніями, предавались втайнѣ чтенію произведеній пресвѣтительной литературы и волновались стремленіями къ новой, свободной и разумной жизни... Жертвой его фанатизма былъ, между прочимъ, и упомянутый выше Іеремія. Конечно, своими преслѣдованіями Юдели всякаго рода безсильны были остановить то могучее умственное движеніе, которое охватило значительную часть нашей молодежи. Это внутреннее созидательное движеніе все росло и росло, пока не столкнулось съ другимъ страннымъ и неожиданнымъ движеніемъ, пришедшимъ *извне*, оглушившимъ всѣхъ свою стренительностью и перевернувшимъ вверхъ дномъ всѣ наши понятія. Это новое (а въ сущности—болѣе чѣмъ старое) *разрушительное* движеніе, именуемое «юдофобіей», погубило много раннихъ всходовъ нашего прогресса, вызвало страшный умственный застой, и создало ту невыносимо-удушливую нравственную атмосферу, въ которой мы теперь задыхаемся...

И вотъ, читатели, мы прошли съ вами галерею картинъ нашего недавняго прошедшаго—картинъ по большей части невеселыхъ, трагическихъ. Мы вновь нащупали наши старыя раны, которыя ступевались передъ новыми нашими недугами, гораздо болѣе жестокими и опасными. Теперь скажите: грустнѣе-ли вамъ сдѣлалось, тяжелѣе-ли у васъ стало на душѣ послѣ того, какъ вы на часокъ отвлеклись отъ настоящаго и погрузились въ воспоминанія прошедшаго? Нѣтъ!—сильно отвѣчаемъ за васъ. Мы съ вами чувствуемъ, что на душѣ у насъ стало какъ будто легче, свѣтлѣе. Отчего же это? Вѣдь мы и въ прошедшемъ видѣли почти однѣ только трагедіи, борьбу и страданія.. А вотъ отчего.

Страдали мы прежде, страдаемъ и теперь; но свойства этихъ двухъ моментовъ страдальчества совершенно различны, болѣе того—рѣзко противоположны. *Тогда*, въ эпоху нашего умственнаго пробужденія, въ эпоху

борьбы «отцовъ и дѣтей»—мы страдали, но ясно видѣли цѣль своихъ страданій. Мы видѣли и надѣялись, что внутренняя борьба поколѣній, при всемъ своемъ глубокомъ трагизмѣ, все-таки въ концѣ концовъ приведетъ къ торжеству свѣта и правды. Мы видѣли, что борьба эта не истощаетъ наши силы, а, напротивъ, развиваетъ ихъ; мы чувствовали, что, страдая, исцѣляемся, ибо мы страдали за святое дѣло самоусовершенствованія, страдали съ надеждою въ груди... *Теперь* же мы страдаемъ *безцѣльно*, бессмысленно, съ холоднымъ отчаяніемъ въ груди; страдаемъ по средневѣковому—за свое происхожденіе, за самый фактъ своего существованія. *Эти* страданія дѣйствительно извуряютъ наши силы, губятъ и развѣдаютъ нашъ народный организмъ, погружаютъ нашъ духъ въ прахъ и тьму кровопролитную. Эти внѣшнія страданія насильственно задержали и надолго остановили наше движеніе впередъ, разлучили насъ съ нашими свѣтлыми идеалами, разбили въ прахъ наши священные завѣты... Надежда уступила мѣсто отчаянію.

И вотъ почему намъ теперь какъ-то легче дышется въ атмосферѣ недавняго прошлаго; вотъ почему намъ отрадно хоть на часъ оторваться отъ горькаго настоящаго и увести мысль въ трагическое, но полное поэзіи и жизни прошедшее... Вотъ почему намъ такъ пріятно—какъ выражается Викторъ Гюго—«оглянуться почти со слезами на глазахъ на минувшее горе»—

Se tourner presque en pleurs vers le malheur passé...

КРИТИКУСЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

рус.: *Еврейская нравственно-поучительная и историческая хрестоматія, въ трехъ частяхъ, съ приложеніемъ словаря къ 1-й части. Составилъ Л. Р. Клячко. Варшава, 1890 г. (75+167+48 стр. in 12°).*

Радѣя о благѣ нашего учащагося юношества, большинство котораго нынѣ «выростаетъ безъ всякихъ познаній въ области своей вѣры, безъ всякаго понятія объ историческихъ судьбахъ своего народа», вслѣдствіе чего «наша молодежь нерѣдко стыдится своего происхожденія и чуждается всего еврейскаго», — г. Клячко, авторъ нѣсколькихъ извѣстныхъ еврейскихъ учебниковъ, задумалъ составить такую хрестоматію, которая, кромѣ обыкновеннаго дидактическаго матеріала, заключала бы въ себѣ и спеціальныя свѣдѣнія о еврейской религіи и исторіи въ формѣ доступной учащимся. «Книга эта, — говорятъ авторъ въ проспектѣ, приложенномъ къ его хрестоматіи, — по слогу и подобранному матеріалу приспособлена такъ, чтобы учащійся дѣйствительно могъ проникнуться благолюбіемъ къ нашей религіи и любовью къ нашему народу, его исторіи и богатой литературѣ». Эта, до извѣстной степени похвальная, патріотическая тенденція составителя проявляется только въ послѣднихъ двухъ частяхъ его «Хрестоматіи»; первая же часть, предназначенная для дѣтей младшаго возраста, состоитъ изъ обыкновенныхъ коротенькихъ разсказовъ и басенъ нравоучительнаго содержанія, на чистомъ древнееврейскомъ языкѣ. Отрывки выбраны главнымъ образомъ изъ сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, нашихъ извѣстныхъ стилистовъ, въ родѣ Лебенсона, Гинцбурга, Гордона, Манделькерн и пр. Выборъ въ общемъ хорошъ, только иногда встрѣчаются статейки неудобочитаемыя по слогу и неудобопонятныя по содержанію для дѣтей младшаго возраста, какъ, напр., «Глушій и разумный сынъ» (изъ писаній нѣкоего Велера), нравоучитель-

нія размышленія (изъ устарѣлыхъ сочиненій Бенгъ-Зеева, Трахтмана и др.), которыя могутъ заставитьъ дѣтей только зѣвать. Въ концѣ книжки помѣщено нѣсколько легендъ изъ Талмуда и Мидраша, переведенныхъ составителемъ съ талмудическаго діалекта и приспособленныхъ къ пониманію учащихся.

Во второй части излагаются, въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ, различные свѣдѣнія объ основаніяхъ еврейской религіи, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, обрядовыхъ. Въ этой области авторъ придерживается преимущественно *консервативнаго* начала и внушаетъ юношамъ, словами И. Б. Левинсона, что «обязательны для каждаго еврея не только основныя заповѣди вѣры, но и всѣ обычаи, принятыя націей» такъ какъ именно эти особенности сохраняютъ отдѣльное бытіе еврейскаго народа (стр. 40). Стало быть, Талмудъ въ системѣ еврейскаго вѣрученія долженъ играть главнѣйшую роль; но въ такомъ случаѣ почему же авторъ, сообщая свѣдѣнія о многихъ еврейскихъ обрядахъ, не даетъ учащимся точныхъ понятій объ источникѣ этихъ обрядовъ—о Талмудѣ, а говоритъ въ началѣ разсматриваемаго отдѣла только о Вабліи и библейскихъ законахъ? Вѣдь такъ несвѣдущій юноша можетъ подумать, что обряды «Кидуша», «Гавдалы» и даже «Ташлиха» также взяты изъ Св. Писанія, что произведетъ страшную путаницу въ его умѣ. По нашему мнѣнію, законы бы ни были личныя убѣжденія составителя какого либо религіознаго руководства, сторонникъ-ли онъ или противникъ талмудическаго духа, онъ во всякомъ случаѣ долженъ проводить рѣзкую грань между Вабліей и Талмудомъ,—ту грань, которую между ними положила сама исторія. Иначе онъ рискуетъ не просвѣтить умъ юноши, а только пуще затемнить его религіозныя понятія. Вѣдь вся-то бѣда наша въ томъ, что для темнаго люда какая либо основная библейская заповѣдь отождествляется съ прибавленными къ ней безчисленными и мелочными талмудическими предписаніями, такъ что, напр., простая заповѣдь объ отдыхѣ въ субботу теряется въ представленіяхъ о ношеніи платковъ, неприкосновеніи къ подсвѣчнику, и т. п. мелочахъ. Необходимо, чтобы учащійся юноша усвоилъ себѣ—въ чемъ главное библейское ядро нашей религіи и каковъ характеръ окружающей это ядро талмудической скорлупы.

Гораздо болѣе удовлетворительно составлена г. Клячко третья—историческая часть «Хрестоматіи», составляющая со второю одинъ томъ. Отрывки, описывающіе различные моменты еврейской исторіи, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, причѣмъ главное вниманіе обращено на то,

что можетъ будить національное патриотическое чувство. Много разсказы-
вается объ исторіи еврейскаго мученичества въ среднихъ вѣкахъ, рисуются
въ идеальныхъ чертахъ представители нашей религіозной мысли и корифеи
нашей средневѣковой литературы и т. п. Особенно много мѣста удѣлено
правоучительнымъ характеристикамъ дѣятелей Талмуда (стр. 74—91).
О самомъ Талмудѣ также нѣтъ кое-что, но это относится не къ его
содержанію (что было бы уместно во 2-й части книги), а только къ его
составу и внѣшней исторической судьбѣ (стр. 69 и сл.). Позднѣйшей
исторіи евреевъ и характеристикъ позднѣйшихъ дѣятелей посвящено уже
сравнительно очень мало статей. Изъ историческихъ моментовъ взяты только
иквизиція, мессіанство Саббатая Цви, сектантство у евреевъ и судьба
хазаровъ, а изъ области литературы представлены вкратцѣ только личности
Раши, Іегуды Галеви, Ибнъ-Эзри, Маймонида, рабби Амнона Мученика,
Саула Воля, С. Д. Луцнато и Монтефіоре, — что ужъ чрезчуръ мало для
исторической хрестоматіи. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что
въ этихъ неширокихъ предѣлахъ историческій отдѣлъ «Хрестоматіи» само-
стоятельно разработанъ г. Клячко на основаніи многочисленныхъ источ-
никовъ на разныхъ языкахъ. Всѣ статьи въ этомъ отдѣлѣ отличаются
простотою и ясностью изложенія, причемъ языкъ представляетъ удачную
смѣсь библейскаго и талмудическаго діалектовъ, весьма пригодную и даже
необходимую для сочиненій серьезныхъ, научныхъ.

Вообще «Хрестоматію» г. Клячко, не смотря на указанные нами не-
полноты, слѣдуетъ признать хорошею учебною книгою для еврейскаго
юношества, получающаго какъ общее, такъ и специальное хедерное обра-
зованіе. Введеніе этого руководства въ хедерахъ и талмудъ-торахъ много
содѣйствовало бы разсѣянію тѣмъ, царящей въ этихъ заведеніяхъ. Вѣстѣ
съ тѣмъ на составителя лежитъ обязанность въ слѣдующихъ изданіяхъ по
возможности расширить программу своей «Хрестоматіи», дополнить истори-
ческій отдѣлъ и въ особенности преобразовать составъ второго отдѣла
(правоучительнаго) въ смыслъ болѣе рациональнаго распредѣленія въ немъ
матеріаловъ. Тогда его книга станетъ еще болѣе совершенною.

תמונות וציורים: *Картинки и силуэты изъ жизни евреевъ въ Ма-
зевеккѣ. Сочиненіе Шаломъ-Алехема. Три выпуска. С.-Петербургъ,
1889—90 г. (37+31+22 стр. in. 32°).*

Это — легкіе фельетонные наброски, юмористически изображающіе нѣ-
которые явленія еврейской захолустной жизни и, очевидно, между дѣломъ

написанные известными жаргонными писателями, автором гораздо более крупных произведений. Умение схватывать сущности стороны жизни и представлять их в уморительно-комической форме составляет одно из главных качеств таланта г. Шаломъ-Алексея, и это-то именно качество проявляется также в новых его «Картинках», написанных на сей раз по древне-еврейски. Мазепевка — его типический еврейский «Глушовец» — представляет для него неистощимый живой родник всяких бытовых курьезов. Здесь он встречается «философа», — юнца, вычитавшагося популярно-научных еврейских книжечек и терзающаго всех своими разсужденіями о воздухе, о геометрическом извѣщеніи количества песку на берегу рѣки и тому подобных «научных истинках», пока наконец не надобѣдает всѣмъ, оглашается въ городѣ сумасшедшимъ и, какъ таковой, вынуждается дать разводъ своей молодой женѣ (разсказъ первый). Тутъ же автору понадеется на глаза еврейскій Хлестаковъ — плутъ-комисіонеръ, покинувшій гдѣ-то дѣтей и жену и пріѣхавшій въ образѣ «нѣнца» въ Мазепевку, гдѣ занимается тѣмъ, что кружить голову неопытнымъ дѣвкамъ, «развиваетъ» ихъ по всѣмъ правиламъ европейской цивилизаціи и даетъ бѣднымъ «шаденкамъ» поводъ для волненія и заботъ известнаго сорта; комедія кончается тѣмъ, что внезапно пріѣзжаетъ жена «нѣнца» съ цѣлою кучей дѣтей — и «нѣмецъ» Гейнрихъ Фрейфайгель оказывается попросту Шмеркомъ изъ Вендсгола, отцомъ семейства и жалкимъ проходинцемъ, убѣжавшимъ изъ дому отъ голодовки (разсказъ второй). Картинка, озаглавленная «Кладъ», изображаетъ волненіе «мазепевцевъ» по случаю прибытія въ нихъ какихъ-то таинственныхъ двухъ лицъ, которыя разыгрывали лотерейнымъ порядкомъ какой-то миллионный «кладъ», ключъ отъ котораго они всѣмъ предъявляли въ видѣ вещественнаго доказательства. Мазепевцы, въ ожиданіи великихъ богатствъ, раскошались, — и въ концѣ концовъ, понятно, были одурочены, ибо все дѣло оказалось сѣтлою кошенинческою продѣлкой, рассчитанною только на легковѣрность «глушовцевъ». Маленькій очеркъ «Изъ-за рѣдки» повѣствуетъ о томъ, какъ «цивилизованный» подрядчикъ Пфеферкранцъ развелся съ своею женою Натальей (бывшею Гентель) за то только, что послѣдняя позволила себѣ тайкомъ отъ мужа изготовить себѣ въ субботу традиціонную рѣдку съ лукомъ, которая, подобно всѣмъ другимъ «національнымъ блюдамъ», строго изъята была изъ столоваго обихода вольнодумнаго подрядчика. Крошечная комедія «Собраніе» есть въ сущности легкій фарсъ, гдѣ осмѣи-

вается нѣтъшняя модная игра въ организацію «палестинскихъ кружковъ», занимающая всѣхъ недорослей въ разныхъ захолустьяхъ и порождающая подчасъ уморительныя сцены.

Всѣ эти вещицы, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ крупными произведеніями г. Шаломъ-Аলেখема, который является виртуозомъ въ жаргонѣ и лишь новичкомъ въ древне-еврейской литературѣ; однако, и онѣ не лишены нѣкотораго значенія. Крупицы бытовой правды разбросаны и въ нихъ. Эти сценки «съ натуры», полныя живого юмора, заставляютъ много смѣяться, а иногда не только смѣяться, но и задумываться, — что для легкихъ фельетонныхъ очерковъ составляетъ уже немаловажную заслугу.

СМѢТЪ УЧЕБЪ: *Изъ преисподней. Очерки и картины изъ жизни евреевъ въ литовскихъ городкахъ. Соч. И. Н. Гольдберга. С.-Петербургъ, 1889 (16+52 стр. 12°).*

«Очерки» г. Гольдберга, подобно разсмѣрившимъ въ предыдущей рецензій разсказамъ, печатались первоначально въ фельетонахъ газеты «Гамелиць», и хотя они гораздо обширнѣе «Картинокъ» Шаломъ-Аলেখема и нѣмѣютъ претензію на большую серьезность, однако, уступаютъ имъ во многихъ отношеніяхъ. Въ разбираемой книгѣ помѣщены три разсказа. Въ первомъ, названномъ «Воръ съ поличнымъ», описывается ешиботская среда, составляющая обыкновенно излюбленный матеріалъ еврейскихъ бытописателей. Выводится на сцену юноша-талмудистъ, который нѣкогда былъ оскорбленъ служителемъ синагоги, гдѣ онъ учился, а спустя много лѣтъ, вышедши въ люди и кончивъ университетъ юристомъ, заступилъ на судѣ этого самаго служителя и спасъ его отъ уголовной кары. Сюжетъ недурень, описанія въ общемъ вѣрны, но композиція плоха и обличаетъ неопытность. То же можно сказать и о второмъ разсказѣ, гдѣ изображается еврейскій «староста-предстатель», кулакъ и мироѣдъ Миха, который изъ личной зависти къ своему земляку Монсею отказалъ сыну послѣдняго, кончившему гимназію и долженствовавшему поступить въ университетъ, въ выдачѣ необходимаго для поступающихъ увольнительнаго отъ общества свидѣтельства, вслѣдствіе чего юноша не могъ продолжать свое образованіе и съ горя умеръ. Третій разсказъ («Непоправимая ошибка») описываетъ мелкія синагогальныя интриги, столь обычныя въ маленькихъ еврейскихъ обществахъ. Авторъ заявляетъ, что рассказанное имъ имѣло мѣсто въ дѣйствительности.

Довольно богатая наблюдательность, но неуѣлая обработка своихъ наблюдений—вотъ характеристическая черта г. Гольдберга, какъ рассказчика. Но такъ какъ г. Гольдбергъ—писатель начинающій, а беллетристическіе приемы могутъ быть приобрѣтены съ годами и послѣ надлежащаго упражненія, то есть надежда, что изъ него еще выйдетъ порядочный повѣствователь,—а этому можно было бы только порадоваться въ виду крайняго оскудѣнія беллетристическаго творчества въ литературѣ на древне-еврейскомъ языкѣ.

О. Лурье. Дубровинскіе евреи-кустари. Москва, 1890 (27 стр. in 32°).

Читателямъ нашего журнала должно быть знакомо содержаніе этой крошечной брошюры, составляющей перепечатку статейки, появившейся нѣкогда въ «Восходѣ». Но то, что имѣетъ нѣкоторое значеніе какъ журнальная замятка, не можетъ еще претендовать на значеніе въ качествѣ отдѣльнаго изданія. По крайней мѣрѣ брошюрка г. Лурье не можетъ предъявить такую претензію. Не говоримъ о цѣли автора: она очень похвальна. Устроить талосное кустарное производство въ Дубровнѣ на широкихъ артельныхъ началахъ—дѣло хорошее, спору нѣтъ. Но автору, взявшемуся описать положеніе извѣстной группы евреевъ-кустарей, слѣдовало бы запастись предварительно большимъ фактическимъ матеріаломъ, чѣмъ тотъ, какой мы находимъ въ рассматриваемой брошюрѣ, которой вдобавокъ добрая половина взята изъ чужой статьи, помѣщенной въ «Экономическомъ Журналѣ» (стр. 12—22). То, что принадлежитъ въ книгѣ лично г. Лурье, состоитъ или изъ общихъ свѣдѣній по исторіи м. Дубровны, или изъ теоретическихъ *ria desideria*. Фактовъ по существу дѣла мало, поразительно мало, такъ что читатель не выноситъ никакого опредѣленнаго понятія о трактуемомъ предметѣ.

Кстати исправимъ одну ошибку автора въ отдѣлѣ общихъ свѣдѣній. Царь Алексѣй Михайловичъ запретилъ евреямъ въ 1654 г. (а не въ 1655 г.) жить не въ *Мошлевской губерніи*, какъ пишетъ г. Лурье (стр. 11), а только въ *самомъ городѣ Мошлевѣ*. Стало быть, запрещеніе къ м. Дубровнѣ не относилось.

С. М.

Замѣтка.

Давно вѣстно, какою небрежностью отличаются нерѣдко изданія по нашей древне-раввинской и синагогальной письменности, гдѣ знаменитый «habschur hasetzer» пользуется неограниченною свободой дѣйствія, являя собою видъ самаго вопіющаго совмѣстательства: онъ и набираетъ, и верстаетъ, и корректируетъ, словомъ—самъ онъ, по поговоркѣ, и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ. Но у насъ есть нѣкоторые литературные памятники, по отношенію къ которымъ даже наималѣйшая неточность въ изданіи является крайне непростительной, почти святотатственной. Синагогальная наша поэзія, не считая, конечно, псалмовъ, вообще не изобилуетъ истинно-художественными образцами, и тѣмъ болѣе должны быть намъ дороги немногія лучшія ея вещи, въ числѣ каковыхъ едва-ли не первое мѣсто занимаютъ безсмертныя пѣсни Іегуды Галеви. Оказывается, однако, что какъ разъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ наши издатели проявляютъ сугубую небрежность, о чемъ читатели могутъ убѣдиться изъ слѣдующаго.

Нѣкоторое время назадъ въ «Недѣльной Хроникѣ Восхода» былъ напечатанъ мой фальетонъ «Девятое Аба», въ которомъ помѣщена въ переводѣ знаменитая стихира Іегуды Галеви «חן ונאם תשאל לישלום אסירך». Переводъ сдѣланъ былъ по «סדר קטן לתשעה באב» вилненскаго изданія 1851 г. Мнѣ, конечно, и въ голову не могло придти, что переводъ, который я по мѣрѣ силъ моихъ старался сдѣлать удовлетворительно, окажется, въ сличеніи съ оригиналомъ по другому изданію, преисполненнымъ невѣроятныхъ, вопіющихъ неточностей. А на дѣлѣ такъ именно оказалось. Благодаря любезному указанію А. Н. Розенфельда, автора хрестоматій «במשנה ופסוק», мнѣ стало извѣстнымъ, что многія мѣста въ упомянутой пѣснѣ Іегуды Галеви крайне искажены и въ разныхъ изданіяхъ напечатаны различно.

Такъ, нацрнѣбрь: въ томъ изданіи, которымъ я пользовался для перевода, напечатано: «לְבִי לְבִיחַ אֵל וּלְשׁוֹנֵי אֵל כִּמְדַד יִהְיֶה וּלְסַרְסָרִים וְכֹל נִגְעֵי סַרְסָרִים». Поищенннй въ упомянутомъ изданіи жаргонный переводъ гласитъ въ этомъ мѣстѣ такъ:

«מִיָּן הֶאֱרָץ זֶה בְּרוֹמֶעֶן בָּר גַּמָּם אִזְנֵי זֶה אֵל קְלָאֲנֵץ אִזְנֵי דַעַן (בִּ"ה) אִזְנֵי אִזְנֵי (סַרְסָרִים אִזְנֵי סַרְסָרִים לִוּיָּה) אִזְנֵי רִינִיקִים מִן דִּי (נִגְעִים) דִּם זִי זִינֵעַ פֶּרֶשְׁמֵרִים».

Признаться, я не могъ удержаться отъ смѣха, читая этотъ курьезный переводъ, тѣмъ болѣе курьезный, что авторъ пѣсни — Іегуда Галеви, и это онъ-то, выходящій, скорбитъ о томъ, что съ разсѣяніемъ израильскаго народа нарушенъ библейскій уставъ о прокаженныхъ, именно, что съ развитіемъ медицинской науки на эту ужасную болѣзнь постепенно устанавливается болѣе правильный и гуманный взглядъ и заболѣвающіе проказою не изгоняются за черту города, оставляемые безъ помощи и попеченія, какъ это дѣлалось въ библейскую старину. Мною же смыслъ этого стиха переданъ такъ:

«Къ тебѣ летитъ мое сердце, Господень домъ, предъ Тобой, о, Господи, вопить и рыдаетъ оно о разбитыхъ дружинахъ, объ оскорбленной святинѣ твоей, о, Сионъ!»

Иначе я этого стиха комментировать не могъ. Оказывается, что по другому изданію въ этомъ стихѣ только три слова измѣнены, именно: слова בֵּית אֵל, означающія: Домъ Божій, соединены въ одно слово «בֵּית-אֵל», означающее названіе мѣстности «Беиель»; слова «לְשׁוֹנֵי אֵל» — передъ Богомъ — составляютъ также одно слово — названіе другой мѣстности «Пеніель»; наконецъ, слово סַרְסָרִים — названіе третьей мѣстности; въ словѣ же נִגְעֵי первая буква замѣнена буквою «ב» — вмѣсто נִגְעֵי выходитъ נִבְנֵי, въ конечномъ результатѣ получаются три библейскія мѣстности, гдѣ происходила встрѣча праотца Іакова съ ангелами, и упомянутый стихъ въ переводѣ долженъ означать:

«Сердце мое скорбитъ о Беиель, Пеніель, Махваннѣ и другихъ мѣстахъ встрѣчи съ чистыми ангелами».

Какъ видите, эти версіи имѣютъ очень мало общаго между собою. Есть и другія неточности. Напримѣръ: въ изданіи, бывшемъ въ моемъ распоряженіи, напечатано: «עַל אִמָּה בְּפִי עַרְבִים מְגִירֵי בְּשִׂרְךָ», а въ другомъ изданіи слово «בְּשִׂרְךָ» замѣнено словомъ «נְשִׂרְךָ» и послѣднее, очевидно, правильнѣе, такъ какъ получается полная антитеза съ предыдущимъ стихомъ. Но опять-таки не найдется-ли третье изданіе съ еще по-

выми вариантами? Конечно, упрекъ въ невѣрности моего перевода лишь до нѣкоторой степени можно смягчить тѣмъ обстоятельствомъ, что я перевелъ эту вещь случайно, для фельетона, гдѣ она непосредственнаго литературнаго значенія не имѣетъ, и желающіе получить вѣрное и точное понятіе о знаменитой стихирѣ Іегуды Галеви могутъ обратиться къ источникамъ болѣе авторитетнымъ, чѣмъ мои фельетонные наброски. Но, совершенно независимо отъ этого, нельзя не высказать строгаго порицанія тѣмъ нашимъ издательскимъ фирмамъ, которыя допускаютъ столь вопиющую небрежность по отношенію къ лучшимъ сокровищамъ нашей синагогальной литературы.

Случайный Фельетонистъ.

3) מארץ רפאים: Изъ преисподней. Очерки и картины изъ жизни евреевъ въ литовскихъ городкахъ. Соч. И. Н. Гольдберга. С.-Петербургъ, 1889 г. (16+52 стр. 12°). 36

4) О. Лурье. Дубровинскіе евреи-кустари. Москва, 1890 г. (27 стр. in 32°). С. М. 37

XIII. ЗАМѢТКА. «Случайнаго Фельетониста». 38

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границу.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца.	3 ” — ”	4 ” — ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя №№ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналъ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—10 коп. за строчку петита, въ $\frac{1}{2}$ столбца или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

ГОДЪ

1890

Х.

ВОСХОДЪ

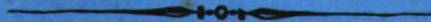
ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

IX

Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литография А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 3.

1890.

Digitized by Google

Книга 9-я. СЕНТЯБРЬ, 1890 г.

- I. ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ. Хроника XIII вѣка о лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ Книжнымъ Червякомъ. Н. А. Рубанина.
- II. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ (Продолженіе). С. М. Дубнова.
- III. РАЗСЪЯННЫЕ. Стихотвореніе С. Г. Фруга.
- IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Нинитина.
- V. ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Романъ (Продолженіе). Б. Ротманна.
- VI. СОНЪ ВЪ НОЧЬ НА ЮМЪ-КИПУРЪ. Воспоминанія изъ одной литовской синагоги. Г. Б.
- VII. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Днѣпровскаго.
- VIII. НА ЗАПАДѢ. Лондонскіе силуэты. П. Я. Левенсона.
- IX. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- X. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ. *Veritas*.
- XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: Народная и простонародная литература. Критикуса
- XII. БИБЛОГРАФІЯ: В. Розановъ. *Мѣсто христіанства въ исторіи*. Москва, 1890 (40 стр. in 12°).

ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ.

ХРОНИКА XIII ВѢКА О ЛАНГЕДОКСКИХЪ ЕРЕТИКАХЪ, ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗЪ АРХИВОВЪ КНИЖНЫМЪ ЧЕРВЯКОМЪ.

Петръ приказывалъ всѣмъ государямъ и всѣмъ людямъ повиноваться и прекло-
нять голову предъ нимъ (патерами), и
онъ объявлялъ всѣхъ тѣхъ, которые отка-
зали бы въ этомъ повиновеніи, осужден-
ными и безчестными, до тѣхъ поръ, пока
не дадутъ удовольствія, и если бы они
не обратились, то онъ повелѣвалъ изго-
нять ихъ изъ церкви.

Лже-Исидоровы декреталии, стр. 21.
An justum sit homini hominem dominari?
Александръ Галесскій. *Summ. Pars*
III, g. XLVIII, т. I, а 1.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Въ наши дни Господь совершилъ ве-
ликія дѣла, достойныя восхваленія и вос-
поминанія людей, въ Испаніи противъ
мавровъ, въ Провансѣ противъ еретиковъ
альбигойцевъ, въ Греціи противъ схи-
матиковъ.

Яковъ Витрійскій, епископъ Авконн
(въ XIII в.).

28-го марта 1252 года лангедокскій городокъ Безьеръ нахо-
дился въ большомъ волненіи. Жителямъ предстояло въ этотъ
день присутствовать при зрѣлищѣ, которое происходило въ тѣ
времена 4—6 разъ въ годъ ¹.

¹ Вносхѣдствіи, въ XIV—XVI вв.,—ріже.

На городской площади долженъ былъ въ этотъ день погибнуть на кострѣ нѣкто Пьеръ Дюмуленъ, «еретикъ, колдунъ, слугитель дьявола». Судъ несомнѣнно выяснилъ, что Пьеръ Дюмуленъ находится въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ, которому онъ продалъ свою душу и поклонился; дьяволъ неоднократно посѣщалъ богатый когда-то домъ Пьера (это видѣли многіе монахи); дьяволъ нашептывалъ ему въ уши тѣ «нечестивыя, гнусныя, богохульныя, богомерзкія, преисполненныя клеветы и лжи» мысли, которыя Пьеръ Дюмуленъ изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ «О плѣненіи истины» и «Объ отступничествѣ папы». Наконецъ, дьяволъ же несомнѣнно помогъ Дюмулену выдержать тѣ испытанія, какія долженъ былъ, по постановленіямъ судей инквизиціи, вынести Дюмуленъ, а именно: ему вывихнули руки, прожгли каленымъ желѣзомъ ноги, заставили безъ передышки проглотить около полутора ведра воды, наконецъ исполосовали ременными бичами его жалкія костявыя плечи¹. Если всѣ эти «испытанія» Дюмуленъ вынесъ, не отказавшись и не раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, очевидно, — ему помогъ дьяволъ. Съ неисправимымъ еретикомъ священному суду ничего не осталось дѣлать, какъ «предать его свѣтской власти», чтобы эта послѣдняя наказала его «милостиво, безъ пролитія крови», другими словами — сожгла живьемъ...

Такой конецъ, по общему признанію правобѣрныхъ католиковъ, несомнѣнно былъ вполне заслуженъ «еретикомъ, колдуномъ, слугою дьявола». Не прощать, а наказывать и искоренять еретиковъ пришла инквизиція въ Лангедокъ, и костры, на которыхъ гибли однѣ «заблудшія овцы», должны были спасти другихъ.

Какъ извѣстно, съ древнихъ временъ ересь, по выраженію монаха-лѣтописца, свила себѣ въ Провансѣ и Лангедокѣ прочное гнѣздо. Съ далекаго Востока проникли сюда превратныя идеи манихеевъ, павликіанъ, богумиловъ, патареновъ, каттаровъ (такъ назывались въ разныхъ мѣстахъ «дѣти одного и того же заблужденія»). Передаваясь изъ страны въ страну, отъ одного

¹ См. о пыткахъ въ соч. проф. Осокина „Исторія альбигойцевъ“ и въ его же „Исторія среднихъ вѣковъ“. т. II, ч. I.

народа къ другому, изъ одного поколѣнія въ другое, идеи эти достигли наконецъ юга Франціи, счастливо миновавъ всѣ заставы и таможи, воздвигаемыя имъ на пути вѣрными слугами папы. Идеи эти усвоили люди всѣхъ сословій; ихъ хранили въ своей душѣ и могущественные тулузскіе герцоги, «владѣльцы Нарбонны, Венесеннъ, Санъ-Жиль, де-Фуа, Комментъ, Альбизжа, Вивофе etc.»; ихъ проповѣдывали и благородные рыцари, и мирные буржуа; ересь звучала въ задушевныхъ тенсонахъ и сирвентахъ провансальскихъ трубадуровъ, въ тихихъ пѣсняхъ лангедокскихъ поселянъ. Больше чѣмъ у другихъ трубадуровъ ересью были проникнуты пѣсни Леона Дюмуленъ, — единственнаго сына еретика Пьера Дюмуленъ. По общему признанію, Леонъ принадлежалъ къ неисправимымъ еретикамъ. Еретики эти отвергали всѣ книги Ветхаго Завѣта, а книги Новаго имѣли на своемъ языкѣ. Они говорили, что слово Божіе слѣдуетъ понимать духовно, а не буква въ букву, ибо «буква мертва, а духъ живъ», что въ дѣлѣ религіи слѣдуетъ повиноваться одному Богу, а не людямъ. Они учили, что души человѣческія создалъ Богъ, а дьяволъ облекъ ихъ плотью, которую они должны носить до тѣхъ поръ, пока не освободятся отъ грѣховъ и земныхъ узъ; тогда онѣ вернутся въ горнюю обитель, а до тѣхъ поръ будутъ души странствовать и мучиться на землѣ. Еретики по этому самому отрицали существованіе ада. Они называли себя *nos paupes Christi* (нищіе во Христѣ) и богатство считали грѣхомъ; они учили не повиноваться властямъ, побуждали рабовъ не работать на господѣ; они считали смертнымъ грѣхомъ клятву и божбу, убійство и войну. «Хотя бы за самое святое дѣло проливалась кровь, — говорили они, — она не угодна Богу». Наконецъ, они говорили, что для всѣхъ народовъ — одинъ Богъ, одинъ Отецъ; что всѣ народы — дѣти одного Отца, что нѣтъ ни лучшихъ, ни худшихъ народовъ предъ Богомъ, но въ каждомъ народѣ есть дурные и хорошіе люди... И сверхъ всего этого еретики не хотѣли знать монаховъ и епископовъ, которыхъ считали грѣшниками и дармоѣдами; наконецъ, — *horribile dictu!* — при этихъ словахъ содрогается сердце каждаго истиннаго католика, — еретики не хотѣли знать и не признавали самого папы, утверждая, что «Римская церковь отказалась отъ истинной

вѣры и сдѣлалась вавилонской блудницей, тою безплодною смоковницей, которую проклялъ Иисусъ и повелѣлъ уничтожить»¹.

Естественно, что намѣстникъ св. Петра на землѣ «Dominus raris» не могъ хладнокровно смотрѣть на это «погибшее стадо», и миръ увидѣлъ, какъ духовная рука папы протянулась къ вооруженной и закованной въ сталь рукѣ «великаго покровителя церкви» — французскаго короля, благословила мечъ, блестящій въ этой рукѣ, и, указывая на Провансъ, папа сказалъ:

— «Пора идти на помощь Богу!»². «Тебѣ извѣстно, возлюбленный сынъ нашъ, что свѣтская власть имѣетъ право употреблять мечъ вещественный, когда духовный не въ силахъ остановить нечестія; что государи должны изгонять дурныхъ людей изъ своихъ владѣній и что церковь, въ случаѣ ихъ нерадѣнія, имѣетъ право отнимать ихъ достоянія... Мы просимъ и увѣщаемъ Ваше высочество присоединить всѣ земли (еретиковъ)... въ твое потомственное владѣніе; ты можешь владѣть ими ненарушимо. И такъ, трудись неустанно и дружно вмѣстѣ съ нами, какъ и подобаетъ королевскому великолѣпію, для ускоренія этого дѣла»³... «Пора идти на помощь Богу!»

Баронамъ папа сказалъ: «Вы обязаны вѣрностью и присягой служить королю противъ всѣхъ, кто нападетъ на королевство, а государство не имѣетъ болѣе опасныхъ утѣснителей, какъ еретики»⁴.

«Кто не будетъ огнемъ и мечомъ искоренять еретиковъ, тотъ самъ еретикъ. Кто укрываетъ еретиковъ, кто не доноситъ на нихъ, — тотъ вмѣстѣ съ ними достоинъ наказанія»⁵.

Въ тѣ времена (да и не только въ тѣ) мало кто сомнѣвался въ ученіи блаженнаго Августина⁶, доказывавшаго, что еретиковъ надлежитъ преслѣдовать и что насиліе необходимо и полезно, и благословлено Богомъ: «Развѣ не сказано въ Писаніи, —

¹ Очеркъ ученія альбигойцевъ сдѣланъ по соч. проф. Осокина.

² Выраженіе того времени.

³ Изъ буллы папы Гонорія III къ Филиппу-Августу.

⁴ Осокинъ, „Истор. средн. вѣковъ“, т. II, ч. I, стр. 166.

⁵ Подобную же мысль высказывалъ и императоръ Фридрихъ II въ 1224 г.

⁶ Жана, „Исторія государственной науки въ связи съ нравственностью“, т. I, стр. 221.

разсуждалъ этотъ святой отецъ: — «принуждайте войти всѣхъ, кого встрѣтите»? Развѣ апостоль Цавель не былъ приневоленъ насиліемъ со стороны Христа почитать истину? Развѣ самъ Христосъ не говорилъ: «Никто не приходитъ ко Мнѣ, кого не приведетъ ко Мнѣ Отецъ»? Наконецъ, самъ Богъ не пощадилъ Своего Сына, и отдалъ Его ради насъ палачамъ. Егго, — человекъ, преслѣдующій еретиковъ, слѣдуетъ Писанію, подражаетъ Богу. Начальникъ же — есть Вожій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло»¹.

Такова была господствующая теорія и, не вникая въ ея существо, ее раздѣляла и была убѣждена въ ея справедливости не только толпа, но люди, возвышавшіеся надъ толпою. Слова папы не могли быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что къ теоріи присоединялись соображенія чисто практическаго свойства, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ уклоняютъ мысль даже самыхъ умныхъ людей съ путей истины.

Папа ничѣмъ не брезговалъ, чтобы воздвигнуть на еретиковъ огонь и мечъ. Онъ писалъ королю², что христіане, должники евреевъ, отправляясь противъ альбигойцевъ, могутъ не платить своимъ кредиторамъ процентовъ не только текущихъ, но и прежнихъ, а уплата капитала, по повелѣнію папы, можетъ быть отсрочена. Затѣмъ, папа разрѣшилъ склонять еретиковъ къ сдачѣ ложными обѣщаніями³.

И французскій король внялъ голосу папы; вняли ему и рыцари, и бароны, и всѣ тѣ, кто жилъ грабежомъ и войною. Многотысячное воинство обрушилось на тулузскаго еретика Раймонда; огненный и кровавый ураганъ пронесся по цвѣтущимъ и плодороднымъ долинамъ Лангедока и Прованса, убивая, уничтожая на своемъ пути правыхъ и виноватыхъ, некрѣпкихъ католиковъ и еретиковъ. «Вейте всѣхъ, — говорилъ аббатъ Арнольдъ, вѣрный слуга папы, благословляя окровавленные мечи

¹ Посланіе Павла къ римлянамъ, XIII, 4.

² Деншиль, „Исторія евреевъ въ среднихъ вѣкахъ съ начала шестого до шестидеятаго вѣка“, пер. В. Модестовъ. Т. I, стр. 192—98.

³ Грачевскій, „Средняя исторія“, стр. 236. Кольбъ, „Истор. чело. культуры“ т. II, стр. 105.

и конья католическихъ воиновъ,—бейте всѣхъ, Господь разберетъ своихъ»¹.

Тулуза, Нарбонна, Безьеръ, Альби, Аженъ, Нимъ, Каркасонъ и много другихъ городовъ и еще больше деревень были разрушены. Сотни тысячъ народа были избиты; оставшіеся въ живыхъ признали власть папы и короля («*faciunt eis homagium contra omnes homines, et foeminas, qui possunt vivere et mori*», по характерному выраженію лѣтописи); могущественные владѣльцы отдали «себя, всѣхъ бароновъ и людей своихъ, и всю землю свою въ полную волю возлюбленнаго господина своего, преславнаго короля французовъ»².

Но ересь не погибла. Мечи и конья не искоренили ея, а загнали куда-то глубоко-глубоко въ души тѣхъ, кто спасся отъ меча. Логика крови и гоненій не разубѣдила еретиковъ въ ихъ ученіи; одно дѣло мечъ и гоненія,—говорили они,— а другое дѣло истина. И все глубже и глубже хоронили они въ себѣ свои искреннія, задушевные убѣжденія.

Между тѣмъ въ души людей, за ними во слѣдъ, гнался мечъ: папа старался заглянуть и въ души людей. Святой Доминикъ предложилъ, а папа благословилъ устроить особое судилище для искорененія ереси. Такъ возникъ святой трибуналъ *Sancti Officii*, т. е. инквизиція, и «святое дѣло искорененія ереси» было предоставлено монахамъ ордена св. Доминика.

«Не будучи достаточно сильны,—пишетъ папа пріору-доминиканцу,—остановить поношенія Создателя, но желая прекратить эту опасность гибели для душъ заблудшихъ, мы просимъ, убѣждаемъ и приказываемъ симъ апостольскимъ посланіемъ, дабы ты тѣхъ изъ братьевъ, вѣранныхъ тебѣ, которые научены закону Господню и которыхъ ты признаешь склонными къ этому дѣлу, разослалъ по разнымъ сопредѣльнымъ мѣстамъ твоего надзора, дабы они поучали клиръ и народъ общему проповѣдью, гдѣ сочтутъ ее удобною. Для основательнаго исполненія этого дѣла они изберутъ себѣ разныя мѣстности и зай-

¹ Кольбъ, II, 106.

² Осокинъ, „Ист. ер. вѣковъ“, т. II, ч. I, стр. 172.

мутся съ особеннымъ стараніемъ еретиками и отлученными (infamatis). Если виновные и заключенные, будучи допрошены, не захотятъ вполне подчиниться приказаніямъ церкви, то братья станутъ исполнять относительно ихъ наши справедливые статуты противъ еретиковъ, вновь обнаруженные, направленные на укрывателей, защитниковъ и покровителей еретиковъ, дѣйствуя, однакожь, въ предѣлахъ этихъ статутовъ».

Доминиканцы были призваны дѣйствовать; мѣстные же епископы, равно и свѣтскія власти и люди всѣхъ состояній были призваны содѣйствовать. Епископамъ было внушено, что они могутъ засѣдать на судѣ рядомъ съ инквизиторами, буде того пожелають, а свѣтскимъ властямъ предоставлено было право посылать въ трибуналь своихъ «ассесоровъ» и получать цѣлую треть имущества осужденныхъ еретиковъ. Статуты ad haereticos были написаны еще заранѣе; они разрѣшали доминиканцамъ съ помощью пытокъ и тюремъ заглядывать въ самую глубину души каждаго католика, искать тамъ ереси и лжеученія и, найдя, искоренять таковыя. Статуты, и еще больше самая практика давали инквизиторамъ широкія полномочія, а именно: осуждать невинныхъ и оправдывать виновныхъ. Это былъ предѣлъ ширины ихъ полномочій, но до болѣе широкихъ предѣловъ люди не додумались и до сего дня...

Какъ бы то ни было, инквизиція скоро дала себя знать. Получивъ право читать въ душахъ, доминиканцы открыли огромное число нераскаянныхъ еретиковъ. Положимъ, хотя инквизиторы и не могли доказать ересь многихъ обвиняемыхъ, но наглядныхъ доказательствъ и не требовалось. Для обвиненія достаточно было того, что инквизиторъ былъ *убѣжденъ* въ ереси такогото-то,—и онъ имѣлъ уже возможность наказать¹...

Такъ предсталъ на судъ инквизиціи ученый и уважаемый всѣми Пьеръ Дюмуленъ; его судили, пытали и приговорили къ сожженію на кострѣ.

¹ Кольбъ, II, 236.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ad majorem Dei gloriam.

День былъ ясный и теплый. Роскошное небо Лангедока кое-гдѣ украшали легкія, граціозныя облака. Вѣтеръ навѣвалъ запахъ жасмина и розъ. Природа дышала жизнью. Жажда жизни была видна въ каждомъ цвѣтѣ; жажда жизни слышалась въ пѣніи птицъ; жажда жизни была написана нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ молодыхъ поселенцевъ, которые вмѣстѣ съ прочей толпой собрались на площадь въ Беаьерѣ изъ соседнихъ селеній. О предстоящемъ событіи было объявлено заранее по всѣмъ окрестностямъ.

Толпа наполняла площадь. Горожане, разбившись на кучки, не стѣсняясь, порицали «гнусное судилище, небывающее лучшихъ людей». Въ тѣ времена шпионство не было еще развито, а трибуналъ не былъ такъ силенъ, какъ впоследствии. Провансальцы не питали ни малѣйшаго сочувствія къ инквизиціи. Они понимали, что инквизиція выгодна прежде всего инквизиторамъ, королю и папѣ, а религіи и народу она вредна. Инквизиторы отлично знали настроеніе народа, но обращали на него мало вниманія: вѣдь не этимъ настроеніемъ держалась ихъ власть.

— Бѣдный нашъ Пьеръ!—говорилъ пожилой, солидный буржуа въ черной одеждѣ.—Этотъ разбойникъ Беренгаръ добрался таки до него.

— Ты хочешь сказать—до его имущества,—возразилъ другой горожанинъ.—Я этого давно ожидалъ. Братъ Беренгаръ оставляетъ небогатыхъ еретиковъ про запасъ.

— Разумѣется! Своими кострами и пытками онъ спасаетъ души богатыхъ буржуа. Оно и понятно,—богатые всегда впереди. Вотъ, напримѣръ, Рокенъ, Пижу, Брюн...

— Не говорите про Пижу. Бѣдный Пижу сожженъ за то, что у него хорошенькая дочь. А братъ Беренгаръ—поклонникъ ангельской красоты...

— Онъ поклонникъ всякой красоты. На его душѣ лежитъ гибель несчастной Эсфири.

— Бѣдная Эсфирь! Такая красавица цѣлый годъ томилась

въ тюрьмѣ и умерла подъ пыткой. Ну, кто изъ честныхъ людей можетъ повѣрить, что Эсфирь совращала вѣрныхъ католиковъ въ иудейскую вѣру?

Вдругъ волненіе пробѣжало по толпѣ. Издали донеслись звуки священнаго гимна. Надъ толпой у собора замелькали хоругви и кресты. Показалась торжественная процессія, которая направилась отъ доминиканскаго монастыря, гдѣ помещалась инквизиція, къ срединѣ площади.

Здѣсь были устроены подмостки и лежали дрова и содома для костра.

Впереди шло духовенство съ хоругвями, которыя красиво колыхались вѣтромъ. За духовенствомъ шель съ торжественно-смирненнымъ видомъ главный инквизиторъ въ бѣлой рясѣ доминиканскаго монаха. Его окружали клирошане, пѣвшіе духовные гимны, а надъ его головой колыхалось черное знамя инквизиціи. За нимъ, по два въ рядъ, шли остальные члены трибунала, — доминиканцы въ бѣлыхъ рясахъ и черныхъ плащахъ и ассесора въ черныхъ одеждахъ.

За этими шель осужденный, котораго окружали воины въ стальныхъ и кожаныхъ кирасахъ и служители инквизиціи. Это былъ высокій, худой старикъ, съ открытымъ и умнымъ лицомъ, которое было красиво, не смотря на печать страданій, лежащую на немъ. Сѣдые волосы падали въ беспорядкѣ на его плечи; сѣдая же борода наполовину была опалена. Ноги, покрытыя залекшими ранами, едва переступали. Пьеръ Дюмузень былъ въ одной рубашкѣ, а въ рукахъ держалъ зажженный факель. Передъ нимъ несли распятіе, за нимъ шли воины.

У костра процессія остановилась. Пѣніе гимновъ затихло. Впередъ выступилъ секретарь инквизиціи, который прочелъ краткое извѣщеніе изъ дѣла.

— Пьеръ Дюмузень! Несчастный! Изверги! Будьте прокляты! Войнство сатанинское! Domini cani! ¹.

При видѣ осужденнаго какая-то дѣвушка, лицо которой наполовину было закрыто покрываломъ, всплеснула руками,

¹ Пера словъ: Dominicani — доминиканцы, и Domini cani — гон Господни (Dominus — Господь, cani — собака). См. Трагетский, „Средн. исторія“.

вскрикнула и, опустившись на широкія ступени отеля Тренсеваль ¹, горько заплакала.

Взоры всѣхъ устремлены были на подсудимаго; у многихъ на глазахъ видѣлись слезы. На дѣвушку и ея слезы никто не обратилъ вниманія, кромѣ одного человѣка, который стоялъ, прижавшись къ колоннѣ стариннаго, украшеннаго гербами отеля.

Этотъ человѣкъ былъ одѣтъ въ обыкновенный костюмъ доминиканца. На немъ была бѣлая ряса, бѣлый нараменникъ и широкая черная мантия съ остроконечнымъ капюшономъ ². Капюшонъ былъ надвинутъ на глаза. Монахъ смотрѣлъ неподобья на площадь и въ то же время перебиралъ четки.

Увидѣвъ слезы и скорбь дѣвушки, онъ подошелъ къ ней и дотронулся до ея плеча.

— Дѣвушка,—сказалъ онъ ей голосомъ, въ которомъ слышалась задушевная нотка.— Не плачь! Богъ видитъ праведныхъ, но Богъ наказуетъ грѣшныхъ... Ну, полно, чего же ты плачешь? Или это твой отецъ, родственникъ, другъ?... Забудь же его! Молись Богу!...

— *Mors stupebit et natura
Cum resurget creatura
Judicanti responsura.
Iuste iudex ultionis
Donum fac remissionis
Ante diem rationis* ³...

неслось со средины площади. Тамъ, около подмостковъ, толпились монахи — камальдолійцы въ бѣлыхъ одеждахъ съ чернымъ капоромъ, кармелиты въ полосатыхъ рясахъ, сильвестринцы въ голубыхъ, гумиліаты въ сѣрыхъ. Кое-гдѣ видны были бѣлые платки клюнійскихъ сестеръ, коричневая мантия и черная покрывала доминиканокъ. Изрѣдка мелькали коричневые одѣянія босоногихъ францисканцевъ. Всѣ эти монахи и

¹ Владѣтель Безьера—виконтъ Тренсеваль, графъ Безьерскій и Каркасонскій.

² О костюмѣ доминиканцевъ XIII в. см. Вейсъ, „Визнній бытъ народовъ“, т. II, ч. 2, стр. 415 и слѣд.

³ Природа и смерть ужаснутся, когда человѣкъ возстанетъ изъ мертвыхъ, чтобы дать отвѣтъ своему судѣ... О, справедливый судья, отпусти мои прегрѣшенія прежде чѣмъ наступитъ день суда.

монахини, *fratres et socios militiae Christi*, стеклись въ Дангедокъ изъ разныхъ странъ Европы—присутствовать при торжествѣ церкви надъ еретиками. Они пѣли священный гимнъ. Имъ вторили рыцари св. Маріи ¹, на бѣлыхъ плащахъ у которыхъ были нашиты красные кресты. Въ толпѣ, окружавшей костеръ, многіе воины имѣли такіе же кресты. Это были крестоносцы, незадолго передъ тѣмъ возвратившіеся изъ неудачнаго похода въ Палестину. Съ высокаго крыльца отеля Тренсеваля осужденнаго едва было видно изъ-за этой толпы...

Дѣвушка откинула покрывало. Монахъ увидѣлъ предъ собою прекрасное, хотя и блѣдное лицо, большіе черные глаза съ длинными рѣсницами, полные ужаса и скорби. На нихъ, какъ брилліанты, блестѣли слезы. На щекахъ горѣлъ лихорадочный румянецъ. Тонкій носъ и изящно очерченныя губы и подбородокъ доказывали еврейское происхожденіе дѣвушки. Монахъ наклонился надъ нею и ласково смотрѣлъ на нее; на его лицѣ было написано теплое участіе. Дѣвушка посмотрѣла на монаха и снова заплакала.

У монаха было строгое, задумчивое лицо, добрые, умные глаза, толстыя губы. Онъ положилъ руку на плечо дѣвушки и продолжалъ говорить слова утѣшенія.

Между тѣмъ у костра монахи кончили пѣть. На помостъ взошелъ главный инквизиторъ, и въ высокопарныхъ выраженіяхъ началъ говорить объ ужасахъ и нечестіи еретика, о томъ великомъ благѣ, какое получаетъ душа грѣшника благодаря заботамъ о ней папы; но грѣшникъ этого не понимаетъ, онъ не раскается, не смотря на увѣщанія, онъ *impenitenter obstinatus*, не смотря на нѣкоторое «умаленіе членовъ» ², къ которому должны были прибѣгнуть святыя отцы ради спасенія души грѣшника. Такъ пусть же онъ будетъ проклятъ, «церковь не можетъ его защитить, отступается отъ него и передаетъ свѣтской власти» ³.

¹ Рыцари св. Маріи или *Cavalieri Gaudentes*—орденъ времени востребленія вальденцевъ. О покровѣ одеждъ и орденахъ см. Вейсъ, „Внѣшній бытъ народовъ“, т. II, ч. 2, стр. 303.

² „Умаленіемъ членовъ“ называли пытку.

³ Формула того времени.

Осужденный стоялъ, повода вокругъ мутнымъ, блуждающимъ взоромъ. Онъ словно не сознавалъ того, что съ нимъ совершается; только по временамъ на его лицѣ отражалось чувство острой, жгучей боли.

Воины въ стальныхъ каскахъ окружили осужденнаго. Человѣкъ въ черной одеждѣ—королевскій чиновникъ—выступилъ впередъ и объявилъ, что въ силу закона еретикъ предается сожженію.

Толпа дрогнула. Подавленный ронотъ пронесся по площади. Палачи набросились на Пьера Дюмулена и, быстро скрутивъ ему руки, поволокли на костеръ. Тамъ его поставили на колѣни. Пьеръ Дюмулень возвелъ взглядъ на небо. Его взоръ прояснился, но въ ту же минуту глаза расширились отъ ужаса. Сознаніе къ нему вернулось. Онъ рванулся впередъ, но тотчасъ же упалъ лицомъ на солому.

Раздалось гнѣие священнаго гимна. Надъ костромъ поднялось бѣлое облачко дыма и разсѣялось. Затѣмъ показался дымъ сѣрый, густой, все выше и выше и наконецъ столбомъ протянулся къ небу. Въ немъ мелькнули желто-красные языки пламени. Отчаянный стонъ или, вѣрнѣе, вой раздался изъ глубины костра. Еще и еще. Его не заглушили стройные аккорды священнаго гимна. По временамъ, когда вѣтеръ разгонялъ клубы дыма, можно было видѣть, какъ корчился на горящей соломѣ человѣкъ. Толпа загудѣла, дрогнула, по ней пронеслось:

— Боже праведный! Накажи изверговъ!!.

Лица горожанъ и горожанокъ, поселянъ-земледѣльцевъ, полные ужаса, не могли оторваться отъ страшнаго вѣщанья. Правда, неоднократное повтореніе приучаетъ толпу и къ такимъ вѣщаньямъ. Но жители Бевьера еще не были приучены къ этому.

Дѣвушка на крыльцѣ отеля лежала безъ чувствъ на рукахъ доминиканскаго монаха. Ея голова была на его плечѣ; его рука обхватывала ее гибкій станъ.

Толпа все болѣе и болѣе напирала на крыльцо. Дѣвушка, лежавшая безъ чувствъ, легко могла быть смята въ невозможной толкотнѣ и давлѣ. Монахъ поднялъ ее на руки и, восклик-

ца: «дорогу! дорогу!», проскользнула со своей ношей въ узкій и мрачный переулочекъ, чтобы выйти изъ толкотни...

На встрѣчу ему бѣжали разные люди, которые слѣпили на площадь и съ удивленіемъ смотрѣли на блѣднаго монаха, несущаго закрытую покрываломъ дѣвушку.

— Э, монахъ-то не дуракъ, хотя и позабылъ кой-какія заповѣди!— смѣялся толстый буржуа, который чуть не упалъ, столкнувшись съ монахомъ.

— Ва! Да это братъ Антуанъ!—воскликнула другой.—О, нѣтъ! братъ Антуанъ святой человѣкъ! Онъ не грѣшитъ даже противъ десятой заповѣди, а не то, что седьмой!

Прохожій почтительно поклонился Антуану.

Въ это время порывъ вѣтра отбросилъ покрывало съ лица дѣвушки. Прохожій въ недоумѣніи остановился.

— Что я вижу!—воскликнулъ онъ,— братъ Антуанъ несетъ на своихъ рукахъ еврейку Дину! Святой отецъ, что вы дѣлаете?

Но Антуанъ его не слышалъ. Онъ сложилъ свою ношу на землю и, добывъ изъ сосѣдняго дома кружку воды, осторожно смачивалъ лобъ и виски дѣвушки.

Дѣвушка скоро очнулась. Она открыла глаза.

— Дѣвушка!—заговорилъ монахъ, и въ его голосѣ послышались нотки еще болѣе задушевныя; лицо приняло доброе, хорошее выраженіе.—Ну, полно! Молись Богу! Онъ поддержитъ тебя.

Изъ-за острой черепичной кровли сосѣдняго дома еще былъ виденъ столбъ дыма, рѣзко выдѣляясь на голубомъ фонѣ неба. Дѣвушка, замѣтивъ этотъ дымъ, горько заплакала.

— Слушай,—заговорилъ монахъ.—Чего же ты плачешь? Это твой отецъ?

Дѣвушка посмотрѣла своими ясными, добѣрчивыми глазами на монаха и беззвучно отвѣчала сквозь слезы: «Нѣтъ».

— Это твой родственникъ?

— Нѣтъ!

— Это твой единовѣрецъ?

— Нѣтъ!

— Это твой другъ, знакомый?...

Но дѣвушка не отвѣчала. Она быстрымъ и граціознымъ движеніемъ накинула покрывало на свое лицо и, вскочивъ на ноги, скорыми шагами пошла по темному и сырому переулку.

Монахъ не слѣдовалъ за нею. Онъ стоялъ задумавшись у стѣны дома и перебиралъ четки. Мимо него проѣхалъ на красивомъ бѣломъ конѣ какой-то рыцарь, одѣтый въ бархатное платье, обшитое мѣхомъ. Горожане возвращались съ площади небольшими группами. Казнь кончилась. Догоралъ только костеръ, на которомъ чернѣли безобразные обугленные остатки человѣка.

— Разбойники!—говорили горожане.—Это они насъ спасаютъ отъ заблужденій, сжигая нашихъ лучшихъ людей?! Придетъ, чертъ возьми, и ихъ чередъ! ¹.

— Придетъ конецъ и брату Беренгару. Хоть онъ и главный инквизиторъ и призванъ папой спасти отъ ада еретиковъ,—не миновать ему ада. Онъ ужъ теперь на ладонь дышетъ. Да, хоть бы скорѣе отправлялся ad patres.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„Невозможно убѣдить чловѣка въ томъ, чтобы онъ призналъ за конечную цѣль счастье другихъ людей, если только этотъ чловѣкъ уже по собственному разумію не принялъ извѣстнаго ученія, обвиняющаго это положеніе“. Бенъ, „Логика“, кн. V, гл. VII.

Quot sunt homines, tot sunt sententiae.
O tempora! O mores! (Cicero).

Братъ Беренгаръ, шестидесятилѣтній обрюзглый монахъ, толстый, грубый и невѣжественный, былъ одинъ изъ тѣхъ печальныхъ представителей XIII вѣка, про которыхъ самъ папа Иннокентій писалъ, что они «подъ тяжестью плотскихъ страстей не краснѣютъ», «совершаютъ тысячи обмановъ» и вмѣсто того, чтобы сдерживать другихъ, «какъ собаки нѣкія боятся лишиться своихъ приношеній, десятинъ и богатствъ (oblationes,

¹ Объ отношеніи народа къ инквизиціи см. Осокинъ, II, ч. I, стр. 153.

decimae atque ptimitias) ¹. Братъ Беренгаръ не обладалъ даже знаніями устарѣвшихъ уже въ XIII в. trivium'a и quadrivium'a ² и очень любилъ повторять изреченіе Ансельма: «я не дерзаю, о, Господи, проникать въ твои глубины». Онъ не завидовалъ тѣмъ, которые были мужи «divinis et humanis disciplinis ad plenum eruditi et famosissimi» ³.

— «Незнание — мать благочестія», говорилъ онъ, и ради второго пребывалъ въ первомъ, даже съ трудомъ разбиралъ латынь, изъ которой зналъ главнымъ образомъ окончанія глаголовъ. Въ случаѣ нужды онъ нускалъ въ дѣло французскія слова съ латинскими окончаніями. Онъ лучше зналъ разные духовные гимны, чѣмъ Евангеліе, которое никогда не читалъ, и не столько помнилъ молитвы, сколько заклинанія, въ родѣ Ioth aglanabagoth и т. д. или Нах, рах, шах, и этими заклинаніями онъ подчасъ пользовался не только для своихъ цѣлей, но и для отысканія колдуновъ и еретиковъ. А такъ какъ ему доподлинно было извѣстно, что демоны Феронъ, Малонъ, «Адскій левъ» и «Уголь нечисти» неоднократно преслѣдуютъ молодыхъ дѣвушекъ, и къ тому же удачно, то братъ Беренгаръ любилъ вызывать этихъ демоновъ на помощь и себѣ, — и для той же цѣли. Вообще Беренгаръ глубоко вѣровалъ въ черта, тѣмъ болѣе, что существованіе его несомнѣнно подтверждалось папскими буллами и твореніями почтенныхъ отцовъ церкви, какъ, напр., Фомы Аквината, который даже доказывалъ, что «бѣсъ можетъ подражать Богу во всемъ естественномъ; онъ не въ силахъ только превращать человѣка въ скота и воскрешать мертвыхъ» ⁴.

Братъ Беренгаръ былъ ревностный инквизиторъ. Онъ отправилъ на костеръ немало еретиковъ, которые, по его выраженію, «горѣли отличнымъ пламенемъ и прямо съ костра отправлялись горѣть вѣчно — въ адъ» ⁵. Рассказывали, что во славу

¹ Innocentii sermones de tempore s. XII. Migne CCXVIII, 368—369.

² Trivium, — грамматика, риторика, философія; quadrivium — геометрія, музыка, арифметика, астрономія.

³ Мужья преславные и вполне постигшіе божескія и человѣческія науки.

⁴ Трачевскій, Ср. Ист., стр. 229.

⁵ Дрэнперъ. Ист. умств. развитія Европы, II, 54.

католической церкви Беренгаръ сжегъ одну молодую дѣвушку, равностную католичку, за то, что она приняла своего отца-еретика, котораго не видала съ дѣтства ¹. Благая цѣль, по его мнѣнію, вполне покупала жестокое средство; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, благія средства служили къ оправданію цѣли, и во всѣхъ случаяхъ, когда братъ Беренгаръ вдругъ чувствовалъ въ себѣ какія либо желанія и грѣшилъ, приводя ихъ въ исполненіе, онъ всегда умѣлъ оправдать самого себя. Законъ для брата Беренгара не существовалъ. Народъ считалъ его извергомъ, пьяницей и распутникомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ его смерти.

Дни Беренгара дѣйствительно были сочтены. Онъ умеръ ударомъ, но передъ самой смертью успѣлъ передать собственное имущество своей «духовной сестрѣ» (*Sub-introductae*), — Клариссѣ-Маріи, съ которой жилъ уже нѣсколько лѣтъ далеко не въ братскихъ отношеніяхъ.

Els com quega malignes e homicidiers (онъ былъ злой и великій убійца),—говоритъ про него лѣтописецъ.

Смерть Беренгара не могла не отразиться на дѣятельности инквизиціи въ Безьерѣ. Его мѣсто въ духовномъ судилищѣ занялъ, по назначенію папы, братъ Антуанъ.

Доминиканскій монахъ Антуанъ былъ извѣстенъ жителямъ Безьера очень давно. Онъ славился, во первыхъ, какъ хороший, добрый человекъ, во вторыхъ, какъ богословъ и проповѣдникъ. По своему времени это былъ человекъ ученый. Онъ вполне превзошелъ все, что полагалось знать образованному человеку тѣхъ временъ,—основательно былъ знакомъ съ твореніями Аристотеля, Платона, Птолемея, Евклида и отцовъ церкви. Онъ слушалъ лекціи Фомы Аквината и восхищался его *Summa philosophica de veritate catholica*. Онъ не чуждался и ученыхъ трудовъ арабовъ и евреевъ, съ которыми познакомился въ университетѣ въ Монпелье, гдѣ изучалъ еврейскій и арабскій языки, математику и ботанику. Въ болонскомъ университетѣ онъ занимался юриспруденціей, а въ салернскомъ меди-

¹ Этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто въ Провансѣ въ XIII в. Треческій, стр. 236.

диной. Творенія Моисея бенъ Маймуни, съ которыми онъ познакомился отъ нарбоннскихъ раввиновъ, научили его примирять истину Св. Писанія съ твореніями греческихъ философовъ. Многіе еврейскіе врачи и раввины были его друзьями. Братъ Антуанъ въ глубинѣ души сознавалъ, что Эригена правъ, когда говоритъ, что разумъ выше авторитета. Впрочемъ, та жажда истины, которую онъ чувствовалъ въ себѣ самомъ, сильнѣе всякихъ разсужденій ученыхъ схоластиковъ побуждала его не останавливаться предъ авторитетами. Жажда истины неудержимо влекла его впередъ, а свѣтлый и острый умъ открывалъ противорѣчія и слабыя стороны даже въ такихъ вещахъ, въ которыхъ не было мѣста сомнѣніямъ правовѣрныхъ католиковъ. Разумъ говорилъ Антуану, что тѣ люди, которыхъ его братія-доминиканцы называютъ еретиками, на самомъ дѣлѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ сама эта братія.

Доминиканцы не долюбливали брата Антуана. Они смутно сознавали, что этотъ монахъ смотритъ на міръ не тѣми глазами, какъ они. Имъ были подозрительны занятія Антуана медициной и его знакомство съ евреями. Впрочемъ, братъ Антуанъ былъ ревностный монахъ; онъ аккуратно исполнялъ мессы, участвовалъ въ процессіяхъ, писалъ богословскія сочиненія, безъ усталы переписывалъ книги, лѣчилъ больныхъ, помогалъ нищимъ и бѣднымъ. Его литературные труды обратили на него вниманіе папскаго легата и, благодаря этому обстоятельству, доминиканская братія смотрѣла на Антуана, какъ на несомнѣннаго преемника главному инквизитору — брату Беренгару.

Братъ Антуанъ не отклонилъ отъ себя эту должность. Онъ видѣлъ, что церковь падаетъ, разъядаемая внутри и извнѣ, и пороки среди духовенства и невѣріе въ высшихъ классахъ усиливаются съ каждымъ годомъ. Антуанъ не закрывалъ глаза на окружающее зло, — онъ видѣлъ и чувствовалъ его. Въ его душѣ очень ясно опредѣлилась мысль, что оставлять зло расти и процвѣтать — нельзя; необходимо бороться съ нимъ, и однимъ изъ средствъ такой борьбы онъ считалъ Sanctum Officium, — инквизицію. Священный трибуналъ, по его мнѣнію, былъ *по существу* полезенъ и важенъ; нужно только его преобразовать, усовершенствовать, и вмѣсто вредоноснаго орудія, *ваковъ* онъ

былъ въ рукахъ Беренгара, сдѣлать его орудіемъ добра и истины. Антуанъ не отклонилъ отъ себя должности инквизитора: не онъ-ли, къ тому же, далъ монашескій обѣтъ повиновенія? Не онъ-ли многократно писалъ и заявлялъ на публичныхъ диспутахъ, что преслѣдовать еретиковъ—необходимо, но прежде чѣмъ преслѣдовать, нужно доказать, что такой-то человѣкъ дѣйствительно еретикъ, что онъ говоритъ ложь, не выдерживающую никакой критики. Таково было мнѣніе того вѣка, и даже лучшихъ его людей. Братъ Антуанъ горячо защищалъ необходимость искоренять ереси. Онъ былъ искренне убѣжденъ, что человѣкъ долженъ дѣлать добро, а людей заблуждающихся и пребывающихъ во злѣ можно возвращать къ добру и силою. Въ этомъ не только нѣтъ грѣха,—это благословилъ самъ Богъ. Отчего не остановить и силою человѣка, бѣгущаго въ пропасть? А заблужденіе, ложь — та же пропасть. Блаженный Августинъ говоритъ: «Не всегда тотъ другъ, кто падаетъ, а тотъ врагъ, кто бѣжитъ. Иногда и гонимый несправедливъ, и тотъ, кто гонитъ—справедливъ. Можетъ случиться, что и добрые преслѣдуютъ злыхъ, такъ же какъ и злые преслѣдуютъ добрыхъ. Но злые дѣлаютъ это по несправедливости, а добрые—во имя справедливой строгости. Правда, въ Евангеліи нельзя найти, чтобы апостолы когда нибудь просили о вступничествѣ у царей земныхъ противъ враговъ церкви. Но какимъ образомъ могли они это дѣлать, когда цари не были тогда еще христианами?»

Такъ говорятъ блаженный Августинъ¹ и со всѣми его доводами братъ Антуанъ былъ согласенъ. Принимая на себя должность инквизитора, онъ глубоко былъ убѣжденъ, что идетъ служить добру и правдѣ. Онъ искалъ распространять истину, а не мучить и жечь еретиковъ.

Смертные приговоры инквизиціи, повидому, прекратились. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ,—неслыханное дѣло при Беренгарѣ,—не было сожжено ни одного еретика и ни одного не пытали. Многіе заключенные были подвергнуты вмѣсто смертной казни—тюремному заключенію, «покаянію», «увѣщанію». Прочіе члены священнаго трибунала искоса поглядывали на

¹ Epistolae. CXIII и CXIII. Жав. Ист. госуд. наукъ, т. I, стр. 220—21.

брата Антуана. Имъ не нравилось, что новый инквизиторъ преслѣдуетъ еретиковъ *verbo et exemplo* (словомъ и примѣромъ), а не костромъ и дыбой, и что такъ мало было случаевъ конфискаціи имущества еретиковъ. Они неоднократно настаивали на этомъ, но добились своей цѣли не болѣе, какъ два или три раза. Большою частью братъ Антуанъ былъ непреклоненъ и никогда не измѣнялъ своихъ рѣшеній.

Однажды агентами инквизиціи былъ представленъ на судъ старый почтенный еврей Авраамъ бенъ-Хариси. Это былъ одинъ изъ представителей еврейско-испанской культуры XIII вѣка, дальній родственникъ Іегуды бенъ Соломонъ Альхариси, поэта, умершаго въ 1230 году. Отецъ Авраама бенъ-Хариси былъ выходецъ изъ Испаніи, одинъ изъ тѣхъ изгнанниковъ, которыхъ заставила выселиться съ Пиренейскаго полуострова религиозная нетерпимость Альмогадовъ,—владѣтелей мусульманскихъ областей, и еще большая нетерпимость аррагонскихъ и кастильскихъ королей.

Какъ извѣстно, сотни ученыхъ евреевъ, богослововъ, философовъ, астрономовъ, медиковъ, правовѣдовъ—переселились въ тѣ времена изъ-за Пиренейскихъ горъ въ Лангедокъ и Провансъ и перенесли съ собою тотъ свободный [философскій духъ, который лежалъ въ основаніи арабской культуры. Эта любовь къ философіи и жажда изслѣдованія были заимствованы арабами, вмѣстѣ съ запасомъ научныхъ] данныхъ, оставленнымъ учеными александрійцами, у еретиковъ-несторіанъ и эллинизированныхъ евреевъ¹ и въ свою очередь сильно воздѣйствовали сперва на евреевъ Запада, потомъ на западныхъ христіанъ². Цвѣтущая община южной Франціи, домены герцоговъ Тулузскихъ, привлекали] къ себѣ гонимыхъ евреевъ, такъ какъ, по выраженію хроникъ, «тулузскіе и сень-жильскіе еретики не понимали того зла, какое можетъ произойти вѣрнымъ католикамъ, если среди] нихъ будутъ жить люди другихъ убѣжденій». Такъ было положено основаніе провансальской культурѣ, выразившейся въ свободѣ

¹ Дреперъ. Истор. умств. развитія Европы, II, стр. 113.

² Ланге. Исторія материализма. т. I, стр. 139.

духа, во враждебномъ отношеніи къ авторитету папы, презиравшей папскія буллы, осмѣливавшей высококомѣрное духовенство и бичевавшей пороки римскаго двора.

У испанскихъ изгнанниковъ нашлось больше общаго съ тулузскими еретиками, чѣмъ у этихъ еретиковъ съ римскимъ дворомъ. Еврейскіе врачи приобрѣли почетное положеніе при дворахъ провансальскихъ и лангедокскихъ владѣльцевъ; многіе евреи служили у нихъ чиновниками. Бывали случаи, что этимъ послѣднимъ даже ввѣрялась должность балъи или *Vajulus* (областного начальника), на которомъ лежали не только полицейскія, но и судебныя обязанности. Такъ, у графа Рожера Тренсеваль, въ XII вѣкѣ, были областными начальниками евреи Моисей де-Каваритъ и Натанъ ¹. Такъ же поступали и другіе покровители евреевъ, герцоги тулузскіе Раймонды. Но папа Иннокентій III обязалъ Раймонда VI, съ помощью французскаго короля, не быть вѣротерпимымъ. Нашествіе крестоносцевъ тяжело отозвалось и на положеніи евреевъ, а Раймондъ долженъ былъ даже торжественно дать клятву отстранить евреевъ-чиновниковъ отъ должностей, не назначать ни одного еврея на службу и вообще не покровительствовать имъ ².

Католическое духовенство никогда и нигдѣ не благопріятствовало евреямъ, и всемірная исторія богата фактами, уясняющими печальную роль, которую играли монахи и патеры въ пролитіи еврейской крови. Въ Бевьерѣ издавна существовалъ обычай, въ силу котораго каждый годъ въ Вербное воскресенье епископъ возбуждалъ своихъ прихожанъ противъ евреевъ, какъ «бгоубійць», и готовая на грабежъ чернь, вооружившись камнями, нападала на еврейскія жилища. Евреи защищались, и поэтому каждый годъ въ Вербное воскресенье въ Бевьерѣ происходило кровопролитіе ³. Въ 1160 году этотъ обычай, позорящій католическую церковь, былъ уничтоженъ. 2-го мая 1160 года былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго каждый священникъ, возбуждающій народъ противъ евреевъ, отлучается отъ церкви. Евреи же обязались ежегодно вно-

¹ Грець. Истор. евр. Рус. пер., стр. 245.

² Ibid., стр. 251.

³ Vaisette. Histoire de Languedoc, II, 484.

ситъ въ Вербное воскресенье 4 фунта серебра. Этотъ обычай держался долгое время. Послѣ альбигойскихъ войнъ духовенство неоднократно пыталось возбудить чернь противъ евреевъ.

Въ день Св. Духа одинъ доминиканецъ, членъ священнаго судилища, произнесъ во время службы проповѣдь, въ которой евреи выставялись какъ враги церкви Христовой и еретики. Эта проповѣдь была простымъ повтореніемъ проповѣди Петра Ключійскаго. «Что пользы,—говорилъ монахъ,—отыскивать въ далекихъ странахъ враговъ христіанства, когда богохульные евреи хуже сараѣиновъ въ нашей средѣ безнаказанно смѣютъ поворить Христа и св. Таинства! Но не смотря на то, я не требую преданія смерти достойныхъ проклятія, ибо написано: «не убивай» ихъ. Богъ не требуетъ ихъ истребленія, напротивъ, они должны, подобно братоубійцѣ Каину, жить для великихъ мукъ, для позора, должны вести жизнь хуже смерти. Они въ зависимости, они жалки, несчастны, трусливы и бѣдны,—они и должны такими оставаться, пока не обратятся къ своему спасенію»¹.

Проповѣдь эта произвела впечатлѣніе на чернь, которая легко поддается всякимъ внушеніямъ сверху, особенно тѣмъ, которыя затрагиваютъ ея дурныя чувства.

При выходѣ изъ церкви кое-гдѣ раздавались крики: «Бей жидовъ!»

Ученый еврей бенъ-Хариси, проходившій мимо, безъ труда узналъ о причинѣ волненія. Рѣчь доминиканца-проповѣдника возмутила его до глубины души. Бенъ-Хариси былъ изъ числа тѣхъ людей, которые не могутъ не возмущаться несправедливостью, надъ кѣмъ бы она ни совершалась. Увидѣвъ проповѣдника, выходящаго изъ церкви, онъ подошелъ къ нему и заговорилъ. Онъ напомнилъ доминиканцу договоръ 1160 года, онъ убѣждалъ его не играть на дурныхъ чувствахъ толпы, доказывалъ текстами Священнаго Писанія, что кровь невинныхъ противна Господу, что она вопіетъ къ Нему.

¹ Bouquet. Recueil. XIV, 642. Duchènes. Scriptores Franc. IV, 460. Цит. у Graetz. Gesch. der Juden, V.

Произнося свою рѣчь, докторъ бенъ-Хариси не размышлялъ о томъ, достигнетъ-ли онъ такимъ способомъ желанной цѣли. Онъ только чувствовалъ, что не можетъ молчать.

Доминиканецъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Чего же ты хочешь?—спросилъ онъ.

— Хочу напомнить тебѣ, что ты нарушаешь договоръ. Твоя рѣчь можетъ вызвать кровавыя событія.

— А твои дерзкія рѣчи уже непременно вызовутъ кровавыя событія, только на одну твою голову!—воскликнулъ служитель инквизиціи, повернулся и ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней, въ домѣ доктора бенъ-Хариси служителями инквизиціи былъ произведенъ тщательный обыскъ; всѣ книги и рукописи, которыя были найдены, арестованы, самого бенъ-Хариси заковали въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

По статутамъ инквизиціи, обвиняемому не говорили, въ чемъ его обвиняютъ и кто его обвинитель.

Всѣмъ было извѣстно, что кто попалъ въ руки инквизиціи хоть разъ, тотъ на весь вѣкъ долженъ былъ остаться въ подзвѣніи, если только не погибнуть въ тюрьмѣ или на кострѣ.

Между тѣмъ, инквизиція XIII вѣка далеко уступала въ жестокости инквизиціи XV и XVI столѣтій.

Н. Рубакинъ.

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

VIII. Польско-галиційскій хасидизмъ ¹.

А.

Неблагоприятныя внѣшнія условія. — Эдиктъ терпимости и декреты Іосифа II (1781) объ учрежденіи нѣмецко-еврейскихъ школъ; попытка преобразованія еврейскаго быта. — Переполохъ, вызванный этими попытками среди галиційскихъ хасидовъ. — Недопущеніе хасидскихъ книгъ въ Австрію. — Смерть Іосифа II. — Притѣсненія со стороны раввиновъ: краковскій херемъ 1785 г., безсильныя попытки такого же рода во Львовѣ, истребленіе хасидскихъ книгъ. — Непрерывный ростъ секты. — Родоначальникъ польско-галиційскихъ цадиковъ — *Элимеlech Ливецскій*. Его жизнь и ученіе. — Его книга, какъ кодексъ крайняго практическаго цадикизма.

Нельзя сказать, чтобы внѣшнія обстоятельства особенно благоприятствовали развитію хасидизма въ Польшѣ и Галиціи въ періодъ времени между 1780 и 1796 гг. Напротивъ, мы видимъ, что именно въ это время, въ самый разгаръ хасидской пропаганды, здѣсь вдругъ воздвигаются сильныя препятствія, долженствующія загородить путь гордому своимъ успѣхами вѣроученію. Ибо если раввинскій гнетъ и раввинская нетерпимость къ сектантамъ не были въ Польшѣ и Галиціи такъ сильны, какъ въ Литвѣ, то здѣсь существовали такія неблагоприятныя условія, какихъ Литва не знала. Главныя препятствія вытекали изъ внезапной перемѣны внѣшняго, политическаго положенія польскихъ евреевъ, — перемѣны, вызванной раз-

¹ См. «Восходъ», кн. VIII.

дѣломъ Польши 1772 года. Отъ Польши вдругъ оторвана была громадная территория и присоединена (кромѣ сѣверной Бѣлороссіи, отошедшей къ Россіи) къ западно-европейскимъ государствамъ—Австріи и Пруссіи. Многочисленное еврейское населеніе этой оторванной территоріи, свыкшееся съ патріархальными, хотя довольно безобразными, польскими порядками, съ которыми оно сообразовало весь свой бытъ, весь складъ жизни и понятій,—очутилось неожиданно въ новой обстановкѣ и должно было подчиняться новымъ законамъ, приспособляться къ новымъ нравамъ и сословнымъ отношеніямъ. Особенно чувствительна была эта перемѣна для галиційскихъ евреевъ, среди которыхъ впервые зародилась хасидская пропаганда, рассчитанная именно на старые патріархальные порядки. На бѣду хасидовъ, Галиція была вдвинута въ Европу какъ разъ передъ тѣмъ моментомъ, когда новое правительство края стало замышлять коренныя преобразованія въ быту еврейскомъ, — наканунѣ царствованія австрійскаго императора Іосифа II (1780—1790).

Извѣстно, какое значеніе и какую цѣль имѣла реформа этого монарха-гуманиста, задумавшаго въ нѣкоторой степени эмансипировать евреевъ еще прежде чѣмъ великая французская революція провозгласила принципъ еврейской эмансипаціи. Іосифъ II имѣлъ въ виду не только улучшеніе гражданскаго положенія своихъ подданныхъ-евреевъ, но и преобразование духовнаго ихъ быта, устраненіе въ немъ замкнутости и рѣзкой исключительности. Его знаменитый «эдиктъ терпимости» 1781 г. уже предвѣщалъ такое направленіе. Въ томъ же году и въ слѣдующихъ былъ изданъ имъ рядъ законовъ, клонившихся къ коренной передѣлкѣ стариннаго еврейскаго быта. Евреямъ открытъ былъ доступъ къ нѣкоторымъ почетнымъ профессіямъ, разрѣшено заниматься ремеслами, наукой и искусствами, дозволено заниматься земледѣліемъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, предоставлено право поступать въ университеты и академіи. Кромѣ того, Іосифъ II, заботясь объ образованіи юношества, издалъ указъ объ учрежденіи еврейскихъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, и сдѣлалъ обученіе въ этихъ школахъ, равно какъ вообще изученіе нѣмецкаго языка, обя-

зательнымъ. Наконецъ, онъ первый сталъ брать евреевъ въ военную службу, о которой послѣдніе до тѣхъ поръ и понятія не имѣли.

Вся эта ломка стараго порядка вещей ужасала евреевъ галиційскихъ, которые подъ польскимъ владычествомъ ни къ чему подобному не привыкли. Они усмотрѣли въ этихъ скромныхъ и въ сущности благодѣтельныхъ мѣрахъ покушеніе на ихъ вѣру и освященный преданіемъ бытъ; они видѣли въ этомъ чуть-ли не злой умыселъ стереть еврейство съ лица земли. Особенно возмущали ихъ обязательное посѣщеніе нѣмецкихъ школъ и военная служба. Они не иначе называли эти мѣры какъ «наказаніями» (גזירות). Вся ихъ старая жизнь, давно принявшая рѣзкія своеобразныя формы, не клеилась съ этими новыми мѣрами, протестовала противъ нихъ, возмущалась ими... Но больше всего новыя мѣропріятія австрійскаго правительства повліяли на настроеніе хасидовъ, которыхъ они совершенно повергли въ уныніе. Хасидизмъ, выросшій на почвѣ патриархальнаго польскаго быта, былъ, какъ уже сказано, исключительно рассчитанъ на этотъ именно бытъ. Замкнутость, мракъ, обособленность отъ прочаго міра были атмосферою, внѣ которой онъ не могъ жить. Есть растенія, которыя не выдерживаютъ яркаго солнечнаго свѣта, которыя растутъ и благоухаютъ только ночью, при блѣдномъ лунномъ сіяніи. Такимъ растеніемъ былъ хасидизмъ... Для него новыя просвѣтительныя мѣры Иосифа II могли быть прямо губительны.

Къ довершенію «несчастія», около этого же времени была принята австрійскимъ правительствомъ одна мѣра, которая уже прямо была направлена противъ развитія хасидизма. Въ 1785 г. изданъ былъ декретъ, запрещавшій ввозъ въ Галицію (изъ Польши и Россіи) книгъ хасидскихъ и вообще произведеній мистическаго или каббалистическаго содержанія на еврейскомъ языкѣ ¹. Этотъ декретъ изданъ былъ, повидимому, вслѣдствіе ходатайства раввиновъ-ревнителей, во главѣ которыхъ стоялъ тогда пражскій раввинъ, извѣстный гонитель хасидовъ,

¹ Grätz, Geschichte der Juden, XI, 125. Ср. רב' נח' Черномыльскаго, Жолкіевъ, 1800, въ апробациі („гаскомо“).

Иезекиель Ландау; этому могли содѣйствовать также появившіеся тогда въ Галиціи поклонники Мендельсона и германскаго просвѣщенія, жаловавшіеся правительству на вредное направленіе такого рода книгъ... Положеніе хасидской секты было нѣкоторое время критическимъ. Противъ нея возстали всѣ «сильные земли». Иосифъ II казался ей страшилищемъ, чѣмъ-то въ родѣ апокалиптическаго звѣря на тронѣ. Хасидская легенда создала даже мнѣческаго героя, который будто бы вступилъ въ отчаянную борьбу съ «безбожнымъ» австрійскимъ императоромъ за его дерзкія преобразованія еврейскаго быта. Этимъ рыцаремъ хасидизма былъ подольско-галиційскій странствующій цадикъ Лейбъ Соресъ, о которомъ легенда говоритъ, что онъ семь лѣтъ боролся (духовнымъ оружіемъ) съ императоромъ Иосифомъ и наконецъ побѣдилъ его, избавивъ тѣмъ евреевъ отъ его ужасныхъ нововведеній¹. Конецъ легенды, въ переносномъ смыслѣ, оказывается вѣрнымъ: смерть, еще болѣе неумолимая, чѣмъ разгнѣванный цадикъ, дѣйствительно похитила императора-гуманиста въ цвѣтѣ лѣтъ, раньше чѣмъ онъ успѣлъ прочно утвердить свои реформы (1790 г.). У хасидовъ, послѣ десятилѣтнихъ мучительныхъ тревогъ, отлегло отъ сердца. Преемники Иосифа не шли по его путямъ, предали его реформу забвенію—и въ богоспасаемой Галиціи опять водворился тотъ же мракъ, который господствовалъ прежде, подъ режимомъ Рѣчи Посполитой, и который такъ нуженъ былъ въ интересахъ преуспѣянія хасидской пропаганды, выродившейся въ проповѣдь идолопоклонства, именуемаго «культомъ цадиковъ»...

Не легко приходилось галиційскимъ сектантамъ и отъ раввиновъ, которые все еще отъ времени до времени выступали противъ нихъ во всеоружіи «отлученій». Мы видѣли выше (гл. VI), что въ Бродахъ, въ 1781 г., впервые воздвигнуть былъ костеръ для антираввинской книги Яковъ-Иосифа. Въ 1785 г. *краковскіе* раввины затѣяли гораздо болѣе серьезный походъ противъ самой секты. Размноженіе послѣдней въ славномъ го-

¹ Подробнѣе о Лейбѣ Соресѣ—см. ниже, въ концѣ этой главн.

родѣ Краковѣ вывело, повидимому, мѣстныхъ раввиновъ изъ терпѣнія, и они въ сентябрѣ 1785 г., по примѣру своихъ литовскихъ коллегъ, обнародовали строгій херемъ противъ хасидовъ. Изъ дошедшаго до насъ обширнаго текста херема, изложеннаго на двухъ языкахъ—древне-еврейскомъ и разговорномъ жаргонѣ, необходимо привести слѣдующія существенныя выдержки, характерныя въ смыслѣ историческомъ:

... «Нынѣ же, за великіе наши грѣхи, появились съизнова люди, молодые лѣтами и невѣрлые разумомъ, не знающіе путей ко храминѣ талмудической. Они устраиваютъ себѣ особыя алтари, измѣняютъ текстъ молитвъ, учреждаютъ молитвенныя собранія, гдѣ сопровождаютъ свое богослуженіе странными тѣлодвиженіями и ужимками: закидываютъ голову, хлопаютъ руками, неистово качаются во всѣ стороны, испускаютъ дикіе вопли, отъ конхъ земля дрожитъ. Они то и дѣло совершаютъ омовенія и затягиваютъ молитву свою до полудня. Они разрушаютъ основы святаго ученія, и кто знаетъ—до чего они еще дойдутъ въ своихъ безумствахъ?!...

«Въ виду этого мы, именитые люди и правители града сего, купно съ верховнымъ раввиномъ и духовнымъ судомъ нашей общины, собрались съ тѣмъ, чтобы озаботиться о принятіи предупредительныхъ мѣръ, дабы не было такого безобразія во Израилѣ. Съ согласія цѣлаго собранія рѣшено поставить преграды (развитію секты), и постановлено, подъ угровою великаго херема: чтобы никто изъ нашей общины не осмѣливался впредь устраивать себѣ особую молеблю, чтобы не молился со странными и смѣшными ужимками и кривляніями, въ родѣ хлопанія руками, качанія головою, подобно пьяницѣ, и выдѣлыванія разныхъ гримасъ губами, и чтобы никто не дернулъ перемѣнить порядокъ молитвъ, завѣщанный намъ святыми предками... Если же найдется хоть одинъ, который сіе постановленіе нарушитъ, то да будетъ онъ отлученъ и проклятъ въ семь мірѣ и въ томъ, да будетъ онъ изверженъ изъ еврейскаго общества; хлѣбъ его—хлѣбъ язычниковъ, и по смерти такой человѣкъ долженъ быть погребенъ какъ скотина. Такая же кара постигнетъ всѣхъ, которые будутъ оказывать сектантамъ под-

держку въ устраиваніи молельн и пр. Пусть же народъ слушаетъ и боится»¹.

Еще значительнѣе, чѣмъ въ Бродахъ и Краковѣ, былъ хасидскій элементъ въ третьей крупнѣйшей общинѣ Галиціи—во Львовѣ. Здѣсь хасиды прочно утвердились и имѣли даже свою обширную типографію. Слабое духовенство, застрашенное ихъ успѣхами, не осмѣливалось бороться съ ними. Такъ, въ началѣ 1794 года верховный раввинъ Венгріи Мешуламъ Эйгеръ, жившій въ Пресбургѣ, въ своемъ посланіи къ львовскому кагалу и раввинамъ жалуется на бездѣйствіе послѣднихъ противъ еретиковъ, «сомнѣвающихся въ томъ, что важнѣе: Талмудъ (книжное ученіе) или богослуженіе». Онъ воодушевляетъ львовскихъ пастырей, призывая ихъ ополчиться на брань противъ сектантовъ, гнать ихъ и преслѣдовать, подъ главенствомъ бродской общины, выказавшей въ этомъ дѣлѣ большое усердіе². На это посланіе послѣдовалъ отъ львовской общины отвѣтъ, въ которомъ кагалъ выражаетъ готовность поступить согласно призыву пресбургскаго раввина, но присовокупляетъ, что приступить къ дѣлу лишь тогда, когда на это изъявятъ согласіе представители бродской общины³. Чѣмъ кончилась эта затѣя—намъ неизвѣстно.

Борьба противъ хасидской литературы, начатая въ Бродахъ, продолжалась въ Галиціи и въ первой половинѣ 1790 годовъ. Около 1793 г. въ Краковѣ сожжены были, по распоряженію раввиновъ, всѣ найденные экземпляры только что напечатаннаго «Завѣщанія Бешта»⁴. Краковскій раввинатъ обратился къ про-

¹ п"у л"от, док. № 11. Этотъ черекъ былъ объявленъ въ субботу, что послѣ праздника Куцей, 5546 года (т. е. въ сентябрь 1785 г.), во всѣхъ синагогахъ г. Кракова. Подлинникъ подписанъ многими представителями мѣстнаго духовенства.

² Тамъ же, № 6.

³ Тамъ же, № 7.

⁴ Тамъ же, № 21, въ концѣ. Грекъ ошибается (Noten, 606), относя это краковское ауто-да-фе къ книгѣ Яковъ-Иосифа, ибо хотя въ документѣ упоминается и эта послѣдняя книга вмѣстѣ съ другими, но непосредственно передъ рассказомъ о соженіи говорится о „Завѣщаніи Бешта“, какъ о сочиненіи особенно зловредномъ, и затѣмъ сказано: „Сію книгу краковскій кагалъ распорядился сжечь кѣликомъ“ etc. Ошибка произошла, повидимому, отъ того, что Грекъ

чимъ общинамъ съ призывомъ истреблять «эту нечисть», равно какъ прочія еретическія сочиненія хасидовъ, въ родѣ сочиненій Яковъ-Іосифа, Вера изъ Межирича и Элимелеха изъ Ливенска. Тотъ фактъ, что въ настоящее время крайне рѣдко или даже вовсе не встрѣчаются первыя изданія хасидскихъ книгъ, печатавшихся въ концѣ прошлаго вѣка, доказываетъ, что раввины особенно усердствовали въ дѣлѣ истребленія такого рода книгъ.

Преслѣдованія со стороны раввиновъ не могли, однако, принести большого вреда дѣлу распространенія хасидизма въ Польшѣ и Галиціи. Въ послѣдней, съ переходомъ ея къ Австріи, власть кагаловъ и духовныхъ судовъ была крайне ограничена; «херемъ» официально не признавался и даже преслѣдовался правительствомъ; раввинское сословіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ единицъ, все болѣе мельчало и теряло значеніе. Стало быть, тутъ походъ противъ хасидовъ могъ быть еще менѣе удаченъ, чѣмъ въ архиталмудической Литвѣ, гдѣ, какъ мы уже видѣли, не смотря на могущество кагаловъ и духовенства, все-таки не могли совсѣмъ справиться съ упорною сектой. Галиційскія гоненія на хасидовъ имѣли силу ровно настолько, чтобы подогрѣвать религіозное чувство сектантовъ и постоянно поддерживать ихъ духъ въ той высокой температурѣ, которая столь необходима для усиленнаго роста религіозныхъ ученій и всегда предохраняетъ послѣдователей такихъ ученій отъ охлажденія... И дѣйствительно, хасидизмъ въ Галиціи и пограничной съ нею части привислянскаго края (губ. Люблинская, Кѣлецкая, Петроковская и др.) дѣлалъ гигантскіе шаги и распространялся съ быстротой неудержимою. Вмѣстѣ съ нимъ прочно утверждался и его-неизбѣжный отнынѣ спутникъ—цадикизмъ. Послѣдній имѣлъ здѣсь свое особое жреческое сословіе, о происхожденіи и роли котораго мы теперь будемъ рассказывать.

Родоначальникомъ польско-галиційскаго цадикизма былъ, по всеобщему признанію, *Элимелехъ изъ Ливенска* (или Лезайска,

знакомился съ такого рода рукописными документами только по коротенькимъ изъ нихъ отрывкамъ.

мѣстечка въ Львовскомъ районѣ) ¹. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Бера изъ Межирича, котораго онъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи подъ титуломъ «Довъ-Бера, проповѣдника изъ Ровна, моего святого учителя» ². Обратился онъ въ хасидство уже въ преклонномъ возрастѣ. Его братъ, также очень извѣстный цадикъ *Зуся Аннопольскій* (Аннополь—и. Люблинской губ.), еще раньше его присталъ къ сектѣ и былъ вхожъ въ межиричскій кружокъ. Онъ-то и уговорилъ брата вступить въ этотъ кружокъ. Зуся стоялъ гораздо ниже Элимелеха въ учености. Легенда передаетъ, что онъ склонилъ своего ученаго брата къ принятію хасидскаго ученія тѣмъ, что рассказалъ ему слѣдующую прекрасную притчу. Нѣкій ремесленникъ очень возлюбилъ своего царя, и чтобы быть къ нему ближе, нанялся истопникомъ во дворцѣ. Чтобы непрестанно наслаждаться лицезрѣніемъ любимаго царя, онъ продѣлалъ отверстіе въ стѣнѣ, отдѣлявшей доступную ему комнату отъ недоступнаго царскаго кабинета, и черезъ это отверстіе тайно любовался своимъ кумиромъ. Однажды царскій сынъ за какую-то оплошность въ разговорѣ впалъ въ немилость и былъ заключенъ въ ту же комнату, гдѣ сидѣлъ истопникъ. Тоскуя по своему отцѣ, царевичъ выпросилъ позволенія у истопника уступить ему отверстіе и отводить себѣ душу тѣмъ, что хоть издали смотрѣлъ на своего отца. Тогда истопникъ сказалъ ему: «Горе тебѣ, царевичъ! Я, человѣкъ простой и бѣдный, не могу быть допускаемъ къ царю и вынужденъ любоваться имъ хоть издали и чрезъ маленькое отверстіе; ты же, человѣкъ умный и воспитанный, способный засѣдать въ царскомъ совѣтѣ и постоянно нужный царю, теперь обреченъ на ту же участь лишь потому, что не счумѣлъ вести себя хорошо и внимательнѣе взвѣшивать свои слова передъ царемъ. Послушайся же меня: исправь свое поведеніе—и ты будешь всегда воссѣдать одесную царя!» Таково же,—пояснилъ

¹ Крупнѣйшіе изъ слѣдующихъ польскихъ цадиковъ считались его учениками. Ср. очень вѣроятный рассказъ въ апокрифѣ *Грѣхъ Ливуръ*, стр. 24, согласно которому извѣстный раввинъ М. Беннетъ официально засвидѣтельствовалъ происхожденіе польскихъ цадиковъ отъ Элимелеха.

² *Грѣхъ Ливуръ*, изд. 1880 г., стр. 82, 114.

Зуся брату,—и мое положеніе сравнительно съ твоимъ: я простой человѣкъ, совершенный неучъ, вынужденъ исполнять тяжелую службу истопника у Царя небснаго, и то могу видѣть Его лишь черезъ маленькое отверстіе; ты же, ученый и много знающій, взысканный милостію Божіею, нуженъ въ совѣтъ Царя и могъ бы однимъ изъ первыхъ воссѣдать въ Его чертогъ, а между тѣмъ вслѣдствіе собственной небрежности, вслѣдствіе нежеланія ввѣривать свои слова въ присутствіи Царя (т. е. молиться по хасидскому рецепту), ты удаленъ отъ него и не можешь, какъ подобаешь тебѣ, видѣть его вблизи.—Притча эта, какъ увѣряетъ легенда, сильно подѣйствовала на Элимелеха: онъ тотчасъ же вмѣстѣ съ братомъ поѣхалъ въ Межиричъ и сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ тамошняго великаго кружка ¹.

Убѣдившись въ истинности хасидскаго ученія, Элимелехъ пожелалъ проповѣдывать его другимъ. И вотъ онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествуетъ вмѣстѣ съ братомъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и оба они «спасаютъ души людей, заставляютъ грѣшниковъ каяться, очищаютъ сердца евреевъ, учатъ ихъ—въ чемъ состоитъ истинное служеніе Богу и насаждаютъ въ нихъ сѣмена страха Божія» ². По-видимому, они были изъ числа эмиссаровъ Вера въ Польшѣ. По смерти своего учителя, братья начинаютъ вести болѣе осѣдлую жизнь: Зуся поселяется въ Аннополь, гдѣ играетъ роль «человѣка Божія»; Элимелехъ же утверждаетъ въ Ливенскѣ, въ качествѣ проповѣдника, нѣкоторое время живетъ и въ сосѣднемъ Ярославѣ ³, и принимаетъ на себя роль верховнаго цадика-пропагандиста. Для этого, конечно, нужно было вести особенно святую жизнь, нужно было импонировать своею религіозностью и прослыть чудотворцемъ, пророкомъ, приближеннымъ къ Богу. Преданіе дѣйствительно много рассказываетъ о необыкновенной святости и подвижничествѣ Элимелеха. Восторженность его молитвы доходила до изступленія; когда онъ молился, все тѣло

¹ ארץ חזון, стр. 18—21.

² *Вальденъ*, Лексіонъ לקראת הוללות, I. 7 а; *Бодекъ* סדר תורת מרדכי, стр. 57.

³ חזון חזון, док. подъ № 28.

его дрожало какъ въ лихорадкѣ, колѣни стучали одно о другое, жилы натягивались, лицо принимало какое-то особенное выраженіе ¹. Такое зрѣлище должно было вліять на присутствующихъ потрясающимъ образомъ. Рассказывается еще, какъ Элимелехъ заставлялъ каяться закоренѣлыхъ грѣшниковъ: онъ не налагалъ на нихъ постовъ, не морилъ и не истязалъ ихъ плоти, но словами доводилъ ихъ до такого сердечнаго сокрушенія, что многіе тутъ же, передъ цадикомъ, падали въ обморокъ и каялись отъ всей души; тогда цадикъ ихъ отпускалъ, какъ людей, уже очищенныхъ отъ грѣха.

Слава о святой жизни ливенскаго цадика привлекала къ нему много народу. Одни, люди книжные, являлись къ нему съ цѣлью учиться началамъ хасидизма и освятиться близостью къ праведнику, дабы впослѣдствіи самимъ стать цадиками. Другіе, люди простые и вѣрующіе, стекались къ Элимелеху съ цѣлью спрашивать совѣта въ практическихъ дѣлахъ или просить о помощи больнымъ, исцѣленіи недужныхъ и вообще о заступничествѣ передъ Богомъ. За все это цадика щедро вознаграждали деньгами ². Популярность Элимелеха навлекла на него нерѣдко гоненія со стороны раввиновъ. Такъ, онъ самъ въ одномъ письмѣ къ другу жалуется, что «великіе міра сего преслѣдуютъ его, разгоняютъ его «миньонъ» (молитвенное собраніе), вовлекаютъ его въ борьбу и распри»; но присовокупляетъ, что смотритъ на все это, какъ на кару Божію, которую слѣдуетъ покорно переносить, и совѣтуетъ своему другу, которому также досаждали и не давали говорить проповѣди,—смириться, молчать и не бороться противъ своихъ гонителей ³. При всемъ своемъ смиреніи, однако, Элимелехъ вѣрилъ въ свою духовную мощь и умѣлъ иногда отвѣ-

¹ חסידותו ופיו, стр. 57: сообщеніе отъ имени ученика Элимелеха, Мендела Пристидцаго.

² Въ этомъ признается косвенно и сынъ его, Элизеръ, въ письмѣ, приложенномъ къ сочиненію חסידותו ופיו, стр. 169, хотя онъ и увѣряетъ, что деньги брались цадикомъ только для благотворительныхъ цѣлей.

³ Тамъ же, стр. 174, письмо Элимелеха къ своему рабби Іегудѣ. Письмо—безъ даты, но повидимому писано между 1772 и 1780 годами. Гоненія были; вѣроятно, результатомъ бродскаго херема 1772 г.

чать противникамъ. Антихасидскій источникъ рассказываетъ, что «нечестивецъ Мейлехъ (сокращенное имя Элимелеха) изъ Ливенска и Ярослава въ Малой Польшѣ» (Галиціи) имѣлъ однажды религиозный диспутъ съ славнымъ раввиномъ рейпскимъ, Эттингеромъ. Раввинъ спросилъ его:

— Какъ же ты увѣряешь всѣхъ, что тебя посѣщаетъ духъ Божій (пророческое ясновидѣніе), когда Талмудъ прямо говорить, что духъ Божій никогда не нисходитъ на людей, живущихъ внѣ Святой Земли?

На это Элимелехъ возразилъ:

— Но вѣдь тотъ же Талмудъ говорить, что стихъ въ книгѣ Эсэри (V, 1): «И облеклась Эсэри по царски» слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она облеклась духомъ Божиимъ, духомъ Царя міра. А вѣдь Эсэри жила внѣ Палестины ¹.

Этотъ отвѣтъ, конечно, не озадачилъ раввина, который умудрился приискать возраженіе; послѣ диспута онъ навѣрное еще сильнѣе убѣдился въ заблужденіи и еретическомъ образѣ мыслей цадика-пророка, но для толпы, для вѣрующихъ хасидовъ Элимелехъ все-таки не переставалъ быть кумиромъ, свято почитаемымъ и почти боготворимымъ. Одинъ его современникъ и сподвижникъ печатно заявляетъ, спустя два года по смерти Элимелеха, что мѣстечко Ливенскъ при жизни послѣдняго играло роль «источника живой воды», что народъ искалъ этого цадика и «стекался къ нему со всѣхъ концовъ земли» ².

Въ историческомъ отношеніи особенно важна дѣятельность Элимелеха въ качествѣ учителя и проповѣдника. Онъ былъ основателемъ школы польско-галиційскихъ цадиковъ. Къ нему, послѣ смерти его учителя Бера, собирались главнѣйшіе дѣятели хасидизма, признавшіе его своимъ главою. Даже нѣкоторые изъ его младшихъ товарищей, бывшихъ учениковъ Бера, въ родѣ знаменитаго Израиля Козеницкаго, признали его главенство надъ собою. Въ числѣ его учениковъ были Мендель Пристицкій, Яковъ-Ицхокъ Люблинскій, Мендель Ярославскій, Гешель,

¹ п'у п'у, докум. № 28.

² Въ одобреніи къ книгѣ *תולדות צדיקים*, изд. 1798 г.; ср. Лексиконъ Вальдена, I, 18, № 7.

Опатовскій — все столпы будущаго польскаго цадикизма. Элимелехъ имѣлъ и сыновей, но они никакими выдающимися качествами не отличались. Дѣятельность его продолжалась между 1772 и 1786 гг. ¹. Послѣ его смерти (1786 г.), его слава, распространяемая многочисленными учениками и массою вѣрующихъ, еще возрасла, и онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ хасидской секты. Его иногда даже ставили рядомъ съ Бештомъ ². Въ особенности прославилось имя Элимелеха, когда, спустя два года по смерти его, въ 1788 г., во Львовѣ появилась его знаменитая книга подъ заглавіемъ «Сладость Элимелеха», — книга, въ которой онъ изложилъ всю сущность своихъ воззрѣній.

Это—знаменательная книга, составляющая эпоху въ исторіи хасидской литературы. Это — первый *полный и опредѣленный кодексъ цадикизма*, первое сочиненіе, въ которомъ культъ цадиковъ, имѣвшій лишь теоретическое основаніе въ произведеніяхъ предшественниковъ Элимелеха, получаетъ плоть и кровь, провозглашается *главнымъ* догматомъ хасидизма и становится тѣмъ-то практическимъ, осязательнымъ. Вся проповѣдь Элимелеха, всѣ его толкованія Св. Писанія (ибо книга имѣетъ обычную форму комментарія) принаровнены къ одному—къ возвеличенію роли цадика. Прочіе, даже наиважнѣйшіе догматы хасидизма здѣсь почти и не затронуты. Авторъ книги, очевидно, задался цѣлью доказать, что стоитъ признать культъ цадиковъ, чтобы уже тѣмъ самымъ стать идеальнымъ хасидомъ. И вотъ какъ онъ это доказываетъ.

Весь народъ, — разсуждаетъ Элимелехъ; — живетъ, удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, пользуется благами земными исключительно благодаря заслугамъ немногихъ, находящихся среди этого народа, праведниковъ. Всѣ блага жизни находятся въ рукахъ Бога; но Богъ установилъ разъ навсегда, что лишь добрыми, угодными Ему дѣлами могутъ люди низводить эти блага къ себѣ на землю; грѣхами же и отступленіями отъ воли Божіей люди какъ бы замыкаютъ источникъ сихъ благъ и при-

¹ Лексиконъ Вальдена, 7, а.

² Ср. Энциклопедію вѣстн 777, т. 106, в, цитату изъ старинной книги 1227 г.

останавливаютъ теченіе ихъ сверху внизъ. Но вѣдь въ силу такого закона «міру» очень часто приходилось бы совсѣмъ погибать, такъ какъ обыкновенные люди не могутъ же всегда стоять на высотѣ духовнаго совершенства, а иногда даже цѣлыя поколѣнія погружаются въ «омуть грѣховности». Такъ вотъ для того-то именно и существуютъ праведники, чтобы предотвращать подобные страшные катаклизмы въ земной жизни. Цадики своими молитвами, своимъ заступничествомъ передъ Богомъ за весь народъ—вновь открываютъ источники благъ и даютъ послѣднимъ правильное, животворное теченіе, направляя ихъ ко всѣмъ людямъ, сообразно потребностямъ каждаго. Насущныя людскія потребности заключаются въ *жизни, пропитаніи и размноженіи рода*—и все это дается міру вслѣдствіе заслугъ цадиковъ¹. Для того же, чтобы этими благодѣяніями пользоваться, необходимо, чтобы масса была всегда близка къ цадикѣ, подобно тому какъ послѣдній близокъ къ Богу, чтобы она сообщала ему о своихъ потребностяхъ и нуждахъ, а—главное, чтобы она *безусловно вѣрила* въ цадика, ибо въ противномъ случаѣ заступничество послѣдняго не принесетъ никакой пользы². Съ другой стороны, необходимо,

¹ *Толъи вуц*, изд. 1880 г. (Варшава, Мунъ), стр. 14, 51, 52, 81, 136 и др.

² Родоначальникъ польскихъ цадиковъ, очевидно, глубоко постигъ тайну *психическаго водовдѣствія* или, какъ это нинѣ называютъ, *мысленнаго тушепія*. Онъ беретъ за роль чудодѣя и всеобщаго заступника, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы нуждающіеся въ его помощи безусловно вѣрили въ него; иначе онъ не ручается за послѣдствія своего заступничества. Такимъ образомъ цадикъ, съ одной стороны, обезпечиваетъ себѣ успѣхъ, ибо во многихъ случаяхъ, въ силу психическаго водовдѣствія, вѣрующій дѣйствительно получаетъ нравственное и даже физическое облегченіе отъ того, въ кого онъ твердо вѣритъ: сама увѣренность въ достиженіи своего желанія черезъ цадика дѣлаетъ просителя бодрѣе и предприимчивѣе, а отъ бодрости духа и предприимчивости очень часто зависятъ и здоровье тѣлесное, и матеріальный успѣхъ въ какомъ нибудь, наприимѣръ, промышленномъ предпріятіи. Съ другой стороны—цадикъ застраховываетъ себя отъ нарекавій въ случаѣ неудачи, ибо предупреждаетъ, что за того, кто не твердо вѣритъ въ его, цадика, чудотворную силу, онъ беретъ ходатайствовать, но безъ ручательства за успѣхъ, такъ что при неблагоприятномъ исходѣ заступничества проситель будетъ винить не цадика, а самого себя, свое маловѣріе и сомнѣніе... Здѣсь-то лежитъ разгадка необъяснимыхъ на первый взглядъ успѣховъ цадиковъ и обаятельнаго ихъ дѣйствія на массу. Все это объясняется, какъ мы видѣли, очень просто и согласно съ психологическими законами...

чтобы падикъ не запирался, не жилъ бы затворникомъ, а сношлся бы почаще съ народомъ, ибо только вникая въ людскія нужды и сосредоточивая на нихъ свои мысли, онъ можетъ извѣдывать свыше все нужное людямъ¹. Правда, есть еще одинъ разрядъ праведниковъ, которые вовсе не вникаютъ въ дѣла земныя, не заботятся о нуждахъ людей, а думаютъ исключительно объ очищеніи и усовершенствованіи своей души,—но праведники такого рода стоятъ ниже тѣхъ падиковъ, которые заботятся и печалются постоянно о благѣ людей и служатъ Богу даже во всѣхъ мелочахъ жизни². Падикъ не долженъ непременно быть очень ученымъ и многознающимъ книжникомъ, ибо многознаніе обыкновенно порождаетъ гордыню³. Онъ не нуждается и въ знатности рода, или въ заслугахъ предковъ, ибо такія отличія также вызываютъ въ человѣкѣ невольную надменность и закрываютъ путь къ истинному смиренію⁴. Нѣтъ, падикъ долженъ имѣть личныя заслуги, изъ коихъ главная—горячая привязанность къ Богу и постоянное мысленное съ Нимъ общеніе, которое можетъ проявляться и въ мелочахъ. Достигая такого духовнаго совершенства, при которомъ «общеніе» переходитъ въ сліяніе души съ Божествомъ, падикъ дѣлается какъ бы составною частью послѣдняго и одаренъ поэтому необыкновенною мощью и чудотворною силой. Онъ самостоятельно распоряжается, нерѣдко помимо или даже вопреки волѣ Божества, ибо падикъ въ силахъ отмѣнять божественныя распоряженія, клонящіяся ко вреду людей, и въ этомъ отношеніи падикъ выше ангеловъ, которые обязаны безпрекословно исполнять порученія Бога⁵.

Частныя, практическія примѣненія этихъ принциповъ — безчисленны. Многія изъ нихъ прямо, безъ обиняковъ и безъ

¹ Тамъ же, стр. 19: שלשה מלה בני חי וכחיו צדק אלקותא דלתתן שיתן הצדק שלשה מלה בני חי וכחיו צדק אלקותא דלתתן שיתן הצדק לית את עטת עליהם שמה צורך לעולם ועמיה וכל הצדק להשבע אותם לעולם... וצדק הצדק לית וצדקו שוב. См. еще стр. 9, 14, 107, 119 и passim.

² Тамъ же, стр. 45, 114.

³ Тамъ же, стр. 35, 152.

⁴ Тамъ же, стр. 96 и др.

⁵ Тамъ же, стр. 19, 91, 103, 133 и мн. др. Въ одномъ мѣстѣ эта смѣлая мысль выражена даже почти въ кощунственной формѣ: „Богъ послушаетъ падику какъ рабъ—господину“ (стр. 103).

отступленія передъ крайностями, указываются въ книгѣ Эли-мелеха Ливенскаго. «Отличіе цадика отъ простыхъ смертныхъ— въ томъ, что первый получаетъ земныя блага по праву, не нуждаясь въ милости, между тѣмъ какъ послѣдніе живутъ лишь по милости какъ Бога, такъ и праведниковъ Его» ¹. «Богъ сдѣлалъ цадика ответственнымъ хозяиномъ въ мірѣ; онъ, этотъ хозяинъ, обязанъ заботиться о нуждахъ людей; Богъ же какъ бы снялъ съ Себя эту заботу, ибо вѣдь и цадикъ своими святыми дѣяніями можетъ все сдѣлать» ². «Нельзя получать свыше никакихъ благъ, иначе какъ черезъ посредство цадика, который пріемлетъ такія блага въ изобиліи и уже потомъ распредѣляетъ ихъ между людьми, причѣмъ часто даетъ и недостойнымъ» ³. «Праведникъ — это маклеръ между Израилемъ и Богомъ» ⁴. «Онъ долженъ всегда быть готовъ къ услугамъ каждаго, долженъ быть всеобщимъ достояніемъ» ⁵. «Кто нуждается въ заработкѣ или излеченіи отъ болѣзней, пусть обратится къ цадикѣ; цадикъ скажетъ: «будетъ тебѣ заработокъ или исцѣленіе»—и будетъ, ибо, произнося эти слова, означающія внѣшніе предметы, онъ вноситъ въ эти предметы имя Божества, произносимое въ молитвѣ, и, стало быть, скрѣпляетъ свой приговоръ волею Бога» ⁶. «Иные люди являются къ цадикѣ со своими нуждами, прося, напр., чтобы онъ повліялъ въ ихъ пользу на волю какого нибудь пана, либо власть имущаго. Цадикъ говоритъ просителю: «Панъ исполнить твое желаніе»—и иначе уже не будетъ, ибо панъ какъ бы принуждается цадикомъ поступить такъ, а не иначе» ⁷. Тутъ уже практическій цадикизмъ договаривается до чертиковъ; но мы не то еще услышимъ...

Не только обычный ходъ жизни управляется цадикомъ; послѣдній можетъ измѣнять естественный порядокъ вещей и тво-

¹ Тамъ же, стр. 3.

² Тамъ же, стр. 34.

³ Тамъ же, стр. 58.

⁴ Тамъ же, стр. 149 и пр.

⁵ Тамъ же, стр. 136.

⁶ Тамъ же, стр. 51.

⁷ Тамъ же, стр. 52.

рить сверхъестественное, ибо, живя въ Богѣ, падики какъ бы держатъ въ рукахъ причины явленій и, слѣдовательно, можетъ дать явленіямъ какое угодно направленіе. Доставляя людямъ все нужное—жизнь, пропитаніе, дѣтей—падики можетъ также отвращать отъ нихъ всякія бѣдствія. Такъ, въ случаѣ болѣзни нѣтъ надобности обращаться къ врачу, а лучше всего обращаться къ падику. «Стоитъ падику помолиться о больномъ — и больной выздоровѣетъ» ¹. «Причина чудесныхъ исцѣленій, совершаемыхъ праведниками, заключается въ томъ, что праведникъ связанъ съ Богомъ, т. е. съ источникомъ жизни, а слѣдовательно, можетъ прибавить жизни и больному» ². «Онъ можетъ даже спасти отъ смерти и переименовать приговоръ неба» ³. Онъ легко спасаетъ души закоренѣлыхъ грѣшниковъ; «онъ *объявляетъ враги* и перелагаетъ гнѣвъ на милость» ⁴. «Нуждающійся въ духовной опорѣ пусть идетъ къ первосвященнику, сирѣчь къ падику—и спасется» ⁵. «Люди, не одаренные способностью постичь величіе Божіе и служить Творцу истиннымъ и совершеннымъ способомъ, сдѣлаютъ всего лучше, если прижмутъ къ людямъ праведнымъ, которые постигаютъ величіе Бога и служатъ Ему какъ должно; и тѣмъ простолюдинамъ вѣнчается это въ заслугу, какъ если бы они сами служили Богу по образцу совершенныхъ падиковъ» ⁶.

Теорію «паденія падика» Элимелехъ доводитъ до опасныхъ крайностей. Мы видѣли, что предшественники Элимелеха, Беръ и Яковъ-Іосифъ, изъ опасенія, что дѣйствительность будетъ противорѣчить выставленному ими лучезарному идеалу падика, допускали, что праведникъ можетъ иногда на время спуститься съ своей высоты и жить подобно всѣмъ грѣшнымъ людямъ. съ тѣмъ, чтобы поднять впоследствии этихъ людей на свою высоту ⁷. Элимелехъ же высказывается въ этомъ отношеніи

¹ Тамъ же, стр. 27, 41.

² Тамъ же, стр. 137.

³ Тамъ же, стр. 91.

⁴ Тамъ же, стр. 133.

⁵ Тамъ же, стр. 90.

⁶ Тамъ же, стр. 138.

⁷ *Возникновеніе падикизма*, гл. III и IV («Восходъ» 1889 г., кн. 11, № 1890 г., кн. 1).

гораздо рѣзче. Онъ допускаетъ даже, что падикъ въ правѣ нарочно совершить какой либо грѣхъ, съ тою лишь цѣлью, чтобы связать свою душу съ душою человѣка, совершившаго тотъ же грѣхъ, и чтобы своимъ послѣдующимъ покаяніемъ въ содѣянномъ грѣхѣ очистить отъ него и того грѣшника и «поднять его съ собою»¹. Да и вообще временное паденіе праведника приноситъ благо людямъ, ибо вслѣдъ за паденіемъ наступаетъ реакція — и праведникъ возносится на такую высоту, на которой онъ и прежде не стоялъ, а этимъ онъ уже прямо благодѣтельствуетъ міру².

Но въ какомъ бы положеніи ни видѣли люди падика, они должны безусловно стирить въ него, благоговѣть передъ нимъ и отнюдь не должны сомнѣваться. «Есть люди, которые приходятъ къ падикю и становятся втупикъ, видя, что и онъ не свободенъ отъ недостатковъ; но стоятъ такимъ людямъ сблизиться съ нимъ — и они убѣждаются въ его святости, и сами очищаются и обѣляются вслѣдствіе прикосновенія къ праведнику»³. Бываютъ и такіе люди, которые не только не вѣрятъ въ падиковъ, но даже носятъ ихъ, оскорбляютъ и безчестятъ; эти люди совершаютъ тяжкій грѣхъ, ибо, «оскорбляя падика, они въ его лицѣ какъ бы самого Бога оскорбляютъ»⁴. «Инымъ падикъ, пылающіе любовью къ Богу и пребывающіе въ восторженномъ состояніи, кажутся какъ бы сумасшедшими»⁵. Многие, даже изъ ученаго класса, позволяютъ себѣ, вслѣдствіе такихъ убѣжденій, гнать и преслѣдовать падиковъ⁶. Не такъ должны поступать истинно благочестивые люди. Они должны вѣрить, что вся ихъ жизнь, судьба и достоиніе зависятъ отъ воли падика; поэтому они должны заботиться о томъ, чтобы сдѣлать падикю жизнь какъ можно болѣе пріятною, чтобы обезпечить его матеріально, дабы житейскія заботы

¹ אדם צדיק, עמ' 19, 107: ויש' אדם אשר יעשה ג' חטאין על מנת ש' יציל את' אדם אחר' מן' הג' עוון' ... לו' יזלזל ע'בדו ויש' לו' ...

² Тамъ же, стр. 31, 42, 119.

³ Тамъ же, стр. 89.

⁴ Тамъ же, стр. 116.

⁵ Тамъ же, стр. 85.

⁶ Тамъ же, стр. 166.

не мѣшали ему предаваться служенію Богу и изліянію всяческихъ благъ на землю. Конечно, тутъ можно остановить падику и предложить ему Гедеоновскій вопросъ: «Если ты по-длинно Богъ, то отчего ты не защищаешь самого себя?» Если падику доставляетъ всему міру «жизнь, пропитаніе и потомство», то зачѣмъ ему нуждаться въ матеріальной помощи людей; почему онъ, всѣхъ людей обезпечивающій, не сдумаетъ обезпечить самого себя? Но логика не обязательна для вѣрующихъ хасидовъ; безграничная вѣра ничѣмъ не смущается, даже нелѣпостями и противорѣчіями... И такъ, рука руку моетъ: падику невримо доставляетъ все людямъ; люди должны за это доставлять все падику, но уже въ осязательной формѣ. *«Черезъ дальніе праведнику челоуцькы связывается съ послѣдними крѣпко и неразрывно, и тогда онъ не только застрахованъ отъ большихъ грѣховъ, но даже освящается черезъ падику»*¹. *«Полное покаяніе въ грѣхъ достигается черезъ дальніе праведнику»*². «Для того, чтобы праведникъ могъ предаваться религіознымъ подвигамъ, ему необходимо имѣть въ изобиліи все то, что нужно на землѣ: ему надо имѣть жену, дѣтей и средства на гостепримство, постройку кущи (въ осенній праздникъ) и на покупку другихъ предметовъ, нужныхъ для исполненія религіозныхъ обрядовъ. *На все это нужны деньги, которыя должны доставляться падику въ достаточномъ количествѣ»*³. «Собственно говоря, падику ничего земного не желаетъ, ибо онъ такъ высокъ и святъ, что не можетъ ничего желать; но чѣмъ же объяснить, что иногда падику хочется имѣть что нибудь, напримѣръ, пищу, одежду, серебро или золото? Тѣмъ, что люди міра того желаютъ и добиваются этого въ своихъ молитвахъ, но такъ какъ они по малымъ своимъ заслугамъ добиться того не могутъ, то падику вдругъ приходитъ желаніе имѣть такія же вещи и, молясь о ниспосланіи ихъ свыше, онъ ужъ вмѣстѣ съ своею молитвой возводитъ и молитвы простыхъ людей къ небу, и просители, такимъ образомъ, получаютъ

¹ Тамъ же, стр. 120.

² Тамъ же, стр. 121: ...התנה תגורו שחיהו השונתו שלום.

³ Тамъ же, стр. 148: ...לזה צריך וכל שיהיה להצדיק טעם ביהוה.

удовлетвореніе»¹. Этому софизму нельзя отказать въ хитроуміи и изворотливости.

Кромѣ матеріальныхъ приношеній, цадикъ требуетъ отъ своихъ поклонниковъ и прославленія. Хасиды должны всегда помнить, что назначеніе цадика—служить примѣромъ и образцомъ для подражанія другимъ. Поэтому цадика слѣдуетъ при всякомъ случаѣ прославлять, о его святости и чудесахъ слѣдуетъ рассказывать, дабы тѣмъ воспламенить умы людей. «О великихъ цадикахъ всегда слѣдуетъ рассказывать и перечислять ихъ хорошія качества»,—и «если подобными рассказами сердце человѣка воспаляется къ служенію Богу, то это значить, что Богъ его поддерживаетъ»². Иногда съ этою же цѣлью «цадикъ восхваляетъ самого себя предъ людьми, причемъ никто, конечно, не долженъ заподозрѣть его въ хвастовствѣ»³.

Такова широкая программа практическаго цадикизма, начертанная Элимелехомъ Ливенскимъ. Она очень важна въ историческомъ отношеніи. До такого апогея цадикизма не дошелъ еще никто изъ предшественниковъ Элимелеха. Преемники Бешта и его литературные апостолы дали культу цадиковъ широкое теоретическое основаніе; въ нѣкоторой степени они даже намѣтили и практическое его примѣненіе; но ни они, ни сподвижники ихъ до Элимелеха не дали такой опредѣленной, рѣзкой программы. Элимелехъ первый заговорилъ публично, въ печати, о томъ, что цадики изливаютъ свыше на людей всякія земныя блага, что они даютъ всѣмъ «жизнь, пропитаніе и потомство», и что взаменъ этого люди должны имъ дѣлать приношенія, попросту—давать деньги и платить за услуги. Эти заповѣди практическаго цадикизма объявлены были во всеуслышаніе въ 1788 г.—и съ тѣхъ поръ онѣ вошли въ жизнь и стали источникомъ великихъ безобразій въ поведеніи цѣлаго ряда поколѣній цадиковъ, вплоть до нашихъ дней...

С. Дубявъ.

(Продолженіе будетъ).

¹ Тамъ же, стр. 156.

² Тамъ же, стр. 49 и 55.

³ Тамъ же, стр. 95, 164.

„РАЗСЪЯННЫЕ“.

— „Я васъ разсѣю! — возгласилъ
Господь во гнѣвѣ справедливомъ: —
По пустырямъ, заглохшимъ нивамъ,
Среди развалинъ и могилъ,
Средь пенелищъ необозримыхъ,
Вблизи вамъ чуждыхъ очаговъ
Я брошу васъ, тоской томимыхъ,
Отца отринувшихъ сыновъ!“ ...

И вотъ, въ грозу Господня гнѣва,
Какъ зерна легкія посѣва
Дыханьемъ грозныхъ непогодъ,
Разсѣянъ всреду мой народъ...
Мертваций зной степи песчаной
Падилъ и жегъ скитальца раны;
На стужѣ вѣчныхъ ледниковъ
Текли и стыли наши слезы;
Насъ блии сѣверныя грозы,
Душила тьма вѣмныхъ лѣсовъ, —
И нѣтъ угла на всемъ просторѣ,
Гдѣ братъ мой бѣдный не бродилъ,

Гдѣ не стонало наше горе,
 Гдѣ нашихъ не было бѣ могилъ...
 И та же тьма волной мятежной
 Шлываетъ, и тьмѣ предѣла нѣтъ...
 Но чей я слышу голосъ нѣжный,
 Кто сердцу сладкій шлетъ привѣтъ?—

Подруга думъ моихъ унылыхъ,
 Дитя души моей больной,—
 Съ какимъ огнемъ во взорахъ милыхъ
 Она склонилась надо мной!
 Библейскій стихъ въ устахъ прекрасныхъ
 Созвучій полонъ стройныхъ, ясныхъ,
 И шепчетъ радостно она,
 Порывовъ пламенныхъ полна,
 Объята пыломъ жгучимъ, юнымъ:

— „О, да, Господь разсѣялъ ихъ!—
 Взгляни, по каседрамъ, трибунамъ
 Въ горнилахъ Духа, въ мастерскихъ
 Везсмертной Мысли... Сколько ихъ
 Науки плодъ святой лелѣеть,
 И сколько истины живой
 Они, разсѣянные, съютъ
 На нивѣ жизни вѣковой!...
 Господь повсюду ихъ разсѣялъ,—
 И нынѣ, гдѣ бы въ мракъ тучъ
 Ни загорѣлся правды лучъ
 И геній свѣта ни повѣялъ,

Повсюду слышенъ голосъ ихъ,
Питомцевъ рабства и невзгоды,
Во славу думъ и дѣлъ благихъ,
Въ защиту правды и свободы...
И если нѣтъ скорбямъ конца,
Исхода нѣтъ изъ тяжелой доли,—
Изъ глубины моей неволи
Молю я Господа-Творца:
Дай намъ пожгучѣй испытанья
И въ пору смутныхъ, горькихъ дней
По нивамъ правды, свѣта, знанья
Разсѣй насъ, Господи, разсѣй!...

С. Фругъ.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ¹.

Палатамъ даны были планы построекъ домовъ въ еврейскихъ поселеніяхъ, но, по удостовѣренію г. Иславина, въ рѣдкомъ поселеніи соблюдены были требовавшіяся условія: «во многихъ—вицъ былъ плановой, но размѣръ недостаточенъ, а свойство матеріала—дурно». Изъ 79 поселеній только 10 было совершенно устроенныхъ и построенныхъ въ плановомъ видѣ и размѣрѣ, а именно въ губерніяхъ: Витебской: Ивановой—5 дворовъ; Виленской: Гуры—два двора; Подбржезѣ—6 дворовъ и Декшнѣ—16 дворовъ; Гродненской: Константиновѣ—28 дворовъ; Минской: Ковловичи—16 и Ковчицѣ—23 двора, и Подольской: въ Кузьминой слободѣ—50 дворовъ». Въ прочихъ же поселеніяхъ г. Иславинъ нашелъ дома «отстроенными только вполонину противъ законнаго размѣра и изъ стараго лѣса. Поселенцы помѣщались въ фольварковыхъ строеніяхъ, «нанимали углы въ крестьянскихъ избахъ; жили въ землянкахъ или въ ближнихъ мѣстечкахъ, откуда тѣ, которые имѣли на что купить лѣсной матеріалъ и начали постройки,—приходили наблюдать за ними».

Вообще и въ отношеніи построекъ существовалъ въ еврейскихъ поселеніяхъ, какъ г. Иславинъ убѣдился, «большой безпорядокъ и все не такъ исполнялось, какъ желало бы прави-

¹ См. „Восходъ“, кн. VIII.

тельство». Происходило это «отъ недосмотра и нераспорядительности жьстнаго начальства, отъ несостоятельности поселявшихся евреевъ и отъ дозволенія строиться на время, какъ нибудь, подъ предлогомъ впослѣдствіи перестроить дома по плану». Г. Иславинъ замѣтилъ, что «гдѣ окружный начальникъ былъ распорядителемъ и заботливъ,—тамъ и еврейскіе дома лучше были построены. Такъ, напр., въ Минской губерніи бобруйскій окружный начальникъ Соллогубъ въ счетъ 50 рублеваго на семейство пособия самъ нанялъ рабочихъ, заплатилъ имъ по 27 руб. за каждый домъ (разумѣется, лѣсъ былъ готовый) и воввелъ очень хорошихъ 39 домовъ, остальные же 23 рубля, по окончаніи построекъ,—отдалъ на руки каждому семейству для первоначальнаго обзаведенія. Такъ точно началъ дѣйствовать и виленскій окружный начальникъ Данилевичъ и отъ его распоряженій видѣнъ былъ успѣхъ. Тамъ же, гдѣ «окружное начальство не обращало надлежащаго вниманія на поселенія, или инженеры палатъ не во-время прѣвзжали для указанія плановъ усадьбамъ и домамъ (какъ это, напримѣръ, случилось въ Ковенской губерніи въ поселеніяхъ: Курклецъ и Нечунѣ, и Минской—въ поселеніи Черемошиѣ), тамъ и евреи строились небрежно и медленно».

Конечно, многое зависѣло, по словамъ г. Иславина, и отъ денежныхъ средствъ. «Еврей, если даже и получилъ отъ казны 50 руб. въ пособіе и самъ имѣлъ кое-какія деньги,—не въ состояніи былъ выстроить хозяйственныя строенія и домъ по плану (нигдѣ не обходился онъ дешавле 100 руб.), обзавестись рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями, купить сѣмена на посѣвъ и прокормить себя съ многочисленнымъ семействомъ. Пока онъ не совѣзмъ еще основался и осмотрѣлся въ новомъ хозяйствѣ,—все это ему было очень трудно». Оттого онъ «половину семейства посылалъ на заработки; самъ начиналъ по-немногу устраиваться, а какъ начальство изрѣдка его поуждало къ скорѣйшей постройкѣ, то онъ покупалъ старую избу, или старый лѣсъ, и начиналъ строиться, чтобы, съ одной стороны—исполнить волю начальства, а съ другой—доставить хоть какой нибудь пріютъ своему семейству». Такъ «начиналась

новая жизнь еврея; въ такомъ неудовлетворительномъ видѣ возникало и новое еврейское поселеніе».

Мало видѣть г. Иславинъ помѣщеній для скота, но и скота было не много: «евреямъ не на что было обзавестись и нечѣмъ было кормить скотъ, по неимѣнію сѣнокосовъ». «Если бы хотя старыя фольварковыя строенія, которыя застали евреи на отведенныхъ имъ участкахъ, были имъ отданы,—если не даромъ, то по крайней мѣрѣ хоть по дешевой опѣнкѣ,—то и это подвинуло бы впередъ надворныя постройки». Г. Иславинъ умалчивалъ уже о важности помощи, которая была бы оказана евреямъ-поселенцамъ «безденежнымъ отпускомъ дѣса изъ казенныхъ дачъ».

Прочія затрудненія къ устройству евреевъ-земледѣльцевъ заключались, по отчету г. Иславина, въ томъ, что «еврей, неопытный въ земледѣліи, приходилъ на поселеніе, гдѣ ему ни отъ кого не было помощи и не у кого было спросить совѣта какъ взяться за дѣло: окружные начальники вездѣ жаловались, что и безъ того обременены дѣлами, и не съ охотою принимались за поселеніе евреевъ; сосѣдніе крестьяне—*поднимали еоря на смѣхъ*, или брали съ него высокую за обработку земли плату, *упрекали* его за то, что онъ лишилъ ихъ имъ же будто бы принадлежавшей земли и, пользуясь ею—ничего за нее не платилъ, и на этомъ основаніи пускали скотъ свой на его поле и старались дѣлать ему всякаго рода стѣсненія и неудовольствія». На жалобу еврея сельское начальство «не обращало никакого вниманія и всегда брало сторону своихъ же крестьянъ». Въ этомъ г. Иславинъ удостовѣрился при осмотрѣ поселеній губерній: Ковенской—Курклеца, Гродненской—Синайской и Волынской—Озеранъ.

«Небрежны въ домоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ», евреи «вредны были и сосѣдямъ, и себѣ: тамъ, гдѣ евреи были поселены вмѣстѣ съ крестьянами,—последніе не любили ихъ за то, что небрежно обращались съ огнемъ, держали много ковъ, которыя причиняли вредъ огороднымъ растеніямъ; себѣ же они вредили тѣмъ, что не имѣли должнаго ухода за скотомъ, дурно обдѣлывали поля и не во-время ихъ обсеменяли. Болѣзненные и тѣлесно слабые отъ тощей и пряной пищи,—евреи

были плохіе работники; не имѣя еклонности къ земледѣлію, они и дѣтей своихъ не приучали къ этому занятію; къ тому же религіозныя обряды и частые праздники отнимали у нихъ много времени, особенно въ весенній и осенній постѣвы. Не преслѣдуя цѣли—сдѣлаться настоящими хлѣбонашцами и не видя поэтому пользы и необходимости дѣйствовать въ хозяйствѣ согласно, за-одно,—евреи при самомъ же поселеніи начинали ссориться и дѣйствовать врознь: приписанному одиночнику глава семейства хотѣлъ показывать, что онъ не равный ему, а только батракъ, который за это покидалъ поселеніе и шелъ на промыселъ. Два женатыхъ брата почти всегда находились въ разладѣ отъ женъ; жили на два хозяйства, иногда на одномъ семейномъ участкѣ строили два дома (гораздо менѣе планового) и даже поля раздѣляли на пай и обрабатывали отдѣльно. Кое-какъ справившись съ своимъ хозяйствомъ,—новые поселенцы «могли бы еще жить спокойно, если бъ не были тревожимы земскою полиціей, которая, *по наученію* еврейскихъ обществъ, или сама наѣзжала въ поселенія для требованія рекрутъ и уплаты податей и недоимокъ прежнихъ лѣтъ, или ставила тягостныя экзекуціи». Происходило это отъ того, что половина поселенцевъ, «бывъ уже принята въ земледѣльцы, не была перечислена, до осмотра колоній г. Иславинымъ, казенною палатой изъ прежняго званія». Поселенцы *отдѣлывались* отъ этихъ посѣщеній—гдѣ *деньгами*, гдѣ *силою*, гдѣ *укривательствомъ*, а гдѣ—ихъ отстаивало и окружное начальство». Наконецъ изъ разговоровъ со многими изъ тѣхъ, которые по казеннымъ мѣстечкамъ платили чиншъ за занимаемый *платцъ*, г. Иславинъ удостовѣрился, что они согласны бы были перейти въ земледѣльцы, но владѣли только участками въ 1½, 2 десятины, которые большею частью владѣли подъ огородами.

На владѣльческихъ земляхъ евреи были поселены, по засвидѣтельствуванію г. Иславина, «еще хуже, чѣмъ на казенныхъ земляхъ, и за ними никакого уже надвора не было». Многие помѣщичьи отпустили отъ себя принятыхъ на поселеніе евреевъ, потому что они будто бы «занимались не земледѣліемъ, а по прежнему—корчемствомъ и разными плутовскими оборотами; на собственныхъ же земляхъ они лучше устроились: тѣхъ, ко-

торые купили землю—побуждать къ тому собственный интересъ, а которые поселены были на счетъ единовѣрцевъ—состояли подъ ихъ надзоромъ и руководствомъ. Въ Витебской губерніи г. Иславинъ посѣтилъ колонию въ 23 двора, устроенную евреемъ Рапопортомъ, и нашелъ ее въ хорошемъ состояніи; такъ же выгодно отзывались ему и о поселеніяхъ, устроенныхъ на земляхъ, приобретенныхъ евреями въ другихъ губерніяхъ; въ Подольской, напр., они даже состояли подъ вѣденіемъ палаты государственныхъ имуществъ.

Для лучшаго устройства еврейскихъ поселеній въ западныхъ губерніяхъ г. Иславинъ предлагалъ принять слѣдующія мѣры: 1) объ ускореніи разрѣшенія прошеній, евреями поданныхъ,—предписать начальникамъ губерній и казеннымъ палатамъ перечислить изъ прежняго званія семейства принятыхъ въ земледѣльцы; 2) для отклоненія промедленія при повѣркѣ городскими думами и ратушами семейныхъ списковъ,—вмѣнить просителямъ въ обязанность предъявлять при прошеніяхъ эти списки, уже засвидѣтельствованные думами, съ изложеніемъ всѣхъ тѣхъ условій, какія требовались для поступленія въ поселенцы; 3) желавшихъ поселиться раздѣлить на три категоріи и отнести къ первой—тѣхъ, которые поселятся собственными средствами, и не принимать ихъ иначе, какъ съ предъявленіемъ при водвореніи не менѣе 150 руб. на семейство, дабы могли устроить помѣщанія и обзавестись хозяйствомъ; во второй—тѣхъ, которые пожелаю бы поселиться съ 50 рублевымъ пособіемъ отъ казны, и отъ нихъ требовать предъявленія капитала въ 100 руб.; а къ третьей—самыхъ бѣдныхъ и имъ опредѣлить по соображенію съ наличною суммою коробочнаго сбора—по 150 руб., или хоть только по 75 руб., и на постройку дѣль изъ казенныхъ дачъ; 4) устройство помѣщеній, закупку скота и земледѣльческихъ орудій—поручить палатамъ государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы съ водворяющимися на казенный счетъ употребленная на нихъ сумма выскладалась по истеченіи первыхъ четырехъ льготныхъ лѣтъ, съ разѣрочною; 5) губернскимъ правленіемъ вмѣнить въ обязанность о всѣхъ поступившихъ отъ евреевъ прошеніяхъ о поселеніи на казенныхъ земляхъ—сообщать палатамъ государственныхъ имуществъ, а при пала-

тахъ—опредѣлить на счетъ коробочныхъ суммъ особыхъ чиновниковъ по дѣламъ еврейскимъ, для ходатайства объ ускореніи переселенія, для разрѣшенія разныхъ недоразумѣній, для наблюденія за постройками, за обзаведеніемъ хозяйствомъ на новыхъ мѣстахъ водворенія и т. д.; 6) палатамъ же поручить сообразить о степени возможности замѣнить назначенные подѣ поселеніе евреевъ участки другими, болѣе удобными, и въ особенности о добавленіи повсемѣстно сѣнокосовъ; 7) ускорить составленіемъ нормальнаго инвентаря; 8) дозволить многочисленнымъ семействамъ занимать, при извѣстномъ числѣ душъ, и по два участка, ибо, при освобожденіи евреевъ отъ рекрутства на 25 лѣтъ,—семейства современемъ расплодятся до того, что и отведенной земли будетъ имъ недостаточно; 9) дозволить евреямъ, какъ мѣру неизбежную, въ первые три года поселенія, наемать для обработки земли соседнихъ крестьянъ; 10) евреямъ, поступившимъ на поселеніе, дозволить возвращаться въ первообычное состояніе по самымъ лишь уважительнымъ причинамъ и то съ согласія обществъ на увольненіе и пріемъ на ихъ мѣсто новыхъ семействъ; воспретить покидать земледѣліе не только по истеченіи 25 льготныхъ, но и 50 лѣтъ, ибо послѣ 25 лѣтъ могли еще остаться въ живыхъ тѣ члены семействъ, которые первоначально были водворены и отъ которыхъ нельзя еще ожидать, чтобы совершенно измѣнились въ нравахъ и образѣ мыслей и не желали возвратиться къ прежнимъ, болѣе свойственнымъ имъ занятіямъ, тогда какъ по истеченіи 50 лѣтъ на молодое поколѣніе можно надѣяться, что оно не захочетъ разстаться съ своимъ бытомъ; 11) воспретить евреямъ всякую передачу и перепродажу назначенныхъ участковъ; 12) мѣстному управленію государственныхъ имуществъ внушить наблюдать за лучшею постройкой домовъ, и тамъ, гдѣ они построены не по плану,—обязать перестроить ихъ на счетъ тѣхъ еврейскихъ обществъ, которымъ поручены за выселенцевъ; 13) дозволить евреямъ воспользоваться, для хозяйственныхъ построекъ, хотя по еднѣй, тѣмъ фольварковыми строеніями, которыя они застали на отведенныхъ имъ участкахъ; 14) окружному и сельскому начальству вмѣнить въ обязанность оказывать болѣе защиты и всякаго рода помощи еврейскимъ поселенцамъ; 15) ев-

Еврейскія земледѣльческія колоніи.

реевъ, поселенныхъ на собственныя земли,—принять въ вѣдѣніе палаты государственныхъ имуществъ и подчинить всѣмъ правиламъ, существовавшимъ для евреевъ, возвращенныхъ на земли казенныя; 16) тѣхъ же, которые считались на владѣльческихъ земляхъ, какъ не приносящихъ никакой пользы и не исполнявшихъ условій, предначертанныхъ правительствомъ, лишить дарованныхъ имъ преимуществъ и льготъ; наконецъ 17) всѣхъ евреевъ-поселенцевъ, которые по нерадивію или упорству не сдѣлаются исправными клѣбашниками,—подвергнуть самымъ строгимъ мѣрамъ ограниченій.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Отъ общихъ замѣчаній о причинахъ малаго успѣха обращенія евреевъ въ земледѣльцы г. Исмаилъ перешелъ къ описанію отдѣльныхъ поселеній, причемъ началъ ихъ по губерніямъ:

Витебской: въ уѣздахъ: Невельскомъ, при деревнѣ Ивановъ, на пустотѣ Ворожейкѣ — 4 и Ленельскаго—при деревнѣ Шелковичевѣ 5, всего 9 семействъ. Поселенцы пустоши жаловались на недостатокъ сѣнокосовъ и просили, для его добавленія, отвести имъ пустошь по прежней мѣжѣ, такъ какъ сѣнокосы, находившіеся по этой мѣжѣ, отдѣлены были изостражемъ подъ лѣсную заросль. Дома въ поселеніяхъ были выстроены хорошо и просторно, но въ Шелковичевѣ не были достроены, по недостатку средствъ. Жена и огороды были водѣланы и обсажены. Скота было: въ Ивановѣ—достаточно, въ Шелковичевѣ—мало, говорили—отъ пренебреженія надена. Поселенцы при деревнѣ Ивановъ жаловались г. Исмаилу на притѣсненія невельской городской думы, терзавшейся порочнаго изъ витебскаго названіемъ палатой изъ прежняго званія.

Валенской: въ Ошмянскомъ уѣздѣ, въ мѣстѣ Сморгонь, на пустоши Боровой-Млынь, изъ близлежащаго мѣстечка Сморгонь (1½ верст) назначено было въ поселенію 22 семейства, просившія еще въ 1845 г., не получившіе дозволенія — въ 1848 г., а порочительныя ихъ справки были поданы въ казенную палату въ январѣ 1851 года; потому они, какъ не по-

клятенные еще изъ общества, подвергались отъ него стѣсненіямъ. Дома они только что начали строить изъ толкаго дѣса, который покупали за 15 верстъ у помѣщикавъ за дорогую цѣну, и платили рабочимъ за постройку по 30 коп. въ сутки; поэтому каждый домъ обходился хозяину до 100 руб. Издержки эти они пополнили 50 р. пособіемъ, да заработками въ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ проживали или въ своихъ домахъ или нанимали убиты по 8—10 р. въ годъ. Огороды у нихъ были воздѣланы и засажены картофелемъ; поля обработаны наемными крестьянами, а въ рапортахъ сельскаго правленія окружному начальнику говорилось, что евреи сами занимались хлѣбопашествомъ; сѣнокосовъ было у нихъ мало, но и на тѣхъ пасли свой скотъ сосѣдніе крестьяне, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на нихъ, лишившихъ ихъ части прежнихъ земель; скота имѣли они также мало, особенно рабочаго (частью наивній, частью проданный на поддержку семействъ); земля же требовала сильнаго удобренія, а навозъ изъ мѣстечка покупался дорого. При мѣстечкѣ Вакинѣ на хуторѣ Борисовѣ было назначено 9 семействъ, которыя прошенія подали въ 1847 г., а разрѣшеніе получили также въ 1851 г. Евреи эти и прежде занимались хлѣбопашествомъ, а потому и новые ихъ участки были хорошо воздѣланы; они имѣли достаточное количество скота и орудій, но затруднялись въ ередствахъ перенести изъ мѣстечка свои дома и прикупить нужный дѣсной матеріалъ, ибо первоначально согласились поселиться безъ пособія отъ казны. Такъ какъ они въ 1847 г. отказались отъ пособія, вслѣдствіе общаго имъ дароваго дѣса, то г. Исавинъ просилъ виленскаго губернатора объ отпускѣ имъ законнаго пособія, какъ поселенцамъ, подававшимъ надежду на прочное водвореніе. Общественны имѣли они посредственныя, но разбросанныя въ трехъ мѣстахъ, ближайшій въ 6 верст.; перевозить сѣно было имъ не удобно: луга находились въ болотахъ за рѣжкой, которую осенью разливало и перевозить приходилось только зимою. Поселенцы еще не были перечислены, поэтому жаловались на то, что прежнее общество заставляло ихъ платить коробочный сборъ, а Лейба Бакинъ, по многочисленности семейства, желалъ поселиться особнякъ домоу отъ верснаго сына своего, съ которымъ записанъ былъ недѣ однимъ №.

Свободный участокъ еще былъ, потому просаба его, по мѣнѣнію Иславина, поднесла удовлетворенію. Въ Вилненскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Гуры два семейства жогатыхъ вилненскихъ мѣщанъ поселились на свой счетъ роскошно; два построили дома не по плану и изъ тонкаго матеріала; занимались еще по городамъ разными промыслами, доставлявшими имъ средства платить по 3 золотыхъ въ день плотникамъ, покупать сѣмена и навозъ. Просились на поселеніе въ 1845 г. и въ 1847 г., а получили разрѣшеніе только въ 1851 г. Сѣнокосовъ имѣли недостаточнo, о добавленіи имъ таковыхъ, объ отпускѣ дѣса на постройку и о назначеніи другихъ свободныхъ земель два поселенца просили г. Иславина, а онъ—напату, съ тѣмъ, чтобы она о своемъ распоряженіи донесла департаменту. Въ имѣніи Подбужезъ дома въ 6 дворѣвъ были построены очень хорошо; иные даже роскошно; хозяйственныхъ строеній и скота было достаточно, оттого, что поселяне прежде были зажиточны отъ торговли льномъ въ Ригѣ. Для обработки земли нанимали крестьянъ.

Въ Трокскомъ уѣздѣ, при имѣніи *Ольшеники* еврейскъ отведена земля въ 3-хъ фольваркахъ, причѣмъ жили въ Панашишкѣ—10 семействъ въ двухъ старыхъ фольварочныхъ избахъ, очень тѣсно: въ одномъ семействѣ было до 25 душъ; желали бы кунить строенія по оцѣнкѣ, но еще не добились разрѣшенія. Просились на поселеніе въ 1845 г., а напатою представлено въ министерство въ 1851 г.; пособие по 50 руб. получили, купили немного скота и сѣмянъ, но земля была пещанаго свойства, требовала сильнаго удобренія, чего не могли достигнуть, по скудности средствъ, тѣмъ болѣе, что сѣнокосовъ имѣли мало, да и то за 10 верстъ; соевдніе крестьяне относились къ нимъ съ ненавистью, потому что сами жаловались на недостаточный надѣлъ. Въ Дойлунахъ—8 семействъ жили въ одной старой избѣ, которую желали купить по оцѣнкѣ. Просились на поселеніе въ 1844 г., а представлено въ министерство въ 1851 г. Пособіе по 50 руб. получили; обзавелись скотомъ, обрабатывали и обоживали поля сами, ибо и прежде брали земли въ наемъ и привозили къ хлѣбопашеству. Земли имѣли достаточно; но дурного свойства и безъ сѣнокосовъ; поэтому просили объ отбѣдѣ имъ сѣнокосовъ иъ близлежащихъ фоль-

варковъ, Монишкинъ и Шумицарни, которые уже и назначены, подь поселеніе евреевъ, но по худому качеству земли — ей никто не бралъ. Сосѣдніе лейпувскіе крестьяне тоже жаловались на недостаточную наръвку лиострацію земли и предлагали выслать или евреевъ, или ихъ — въ близкое имѣніе Гудакамъ, на свободный участокъ, на что были согласны и евреи. Объ этомъ г. Иславинъ предложилъ пакетъ, съ тѣмъ, чтобы она о распоряженіяхъ своихъ донесла департаменту. Въ урочищѣ Девнина — 17 семействъ хорошо обстроились по плану; просились на поселеніе въ 1844 г., разрѣшено имъ въ 1848 г., пособіе по 50 руб. на семейство получили; скота имѣли достаточно, огороды воздѣляли, сѣнокосовъ было мало; земля худого свойства, а потому имъ прибавлено песку изъ урочища Лисовицы, гдѣ никто тоже не соглашался селиться. Всѣ просили дѣла для возведенія построекъ. По этимъ тремъ поселеніямъ, во 1-хъ, лиостракторъ Рытвинскій и землемѣръ Хоецкій съ августа 1850 г. до весны 1851 г. медлили: одинъ — соображеніемъ объ отводѣ участковъ, а другой — наръвкою въ натурѣ; во 2-хъ, старшины Меречскаго еврейскаго общества, откуда вышли эти поселенцы, — уже до перечисленія ихъ въ земледѣльцы, — принуждали ихъ въ уплатѣ коробочнаго сбора и рекрутскихъ денегъ, посредствомъ эдакуціи. О приостановленіи этихъ дѣйствій оружейный начальникъ относился въ земскій судъ.

Въ *Лидскомъ* уѣздѣ при наръвкѣ земель, по ходатайству крестьянъ, отдѣлены имъ сѣнокосы, предназначенные для 8-ми еврейскихъ семействъ, поэтому изъ 14 осталось только 6 тяглицъ, остальные безъ сѣнокоса. Лиострація предположила поселить ихъ въ урочищѣ Домбровѣ. Въ имѣніи Радунь лиостракторъ Рытвинскій совершенно произвольно распредѣлилъ землю между евреями и крестьянами, отчего возникли жалобы, изъ коихъ одну — еврей Остринскаго — онъ, г. Иславинъ, препроводилъ въ виланскую палату.

Каленской въ *Нико-Александровскомъ* уѣздѣ въ 1848 г. разрѣшено было поселить въ деревнѣ Ужковѣ 10 еврейскихъ семействъ, но, когда начали приступать къ поселенію, оказалось, что земля эта не свободна и потому задерживалась пере-

писки тянулась и при г. Иславигѣ. Между тѣмъ изъ 10 еврейскихъ семействъ, 4 жили въ самомъ Угольскѣ, въ двухъ избахъ выбившихъ оттуда, самовольно зашедшихъ вольныхъ людей; одно въ деревнѣ—Яйсы; 2—въ городѣ Кевно, одно—въ мѣстечкѣ Обольникахъ и 2 семейства—въ мѣстечкѣ Ветлахъ. Въ Яйсы—8 семействъ евреевъ заняли усадьбы крестьянъ, выселившихся въ другія мѣста; поэтому жили въ крестьянскихъ избахъ, построенныхъ не по плану, и нуждались въ дѣлѣ на введеніе хозяйственныхъ строеній; хлѣбопашествомъ занимались и имѣли достаточно скота, кромѣ одного изъ нихъ—Фердгейля, о которомъ г. Иславигъ сообщилъ ковенской палатѣ. Въ Ельно изъ 10 семействъ, пришедшихъ на поселеніе, осталось только одно; прочія же покинули участокъ, вслѣдствіе того, что земля была худая, а они не имѣли средствъ къ ея обработкѣ. Въ Друйсѣ 16 семействъ поселены были весьма удовлетворительно: жилие дома и хозяйственные строенія были возведены по плану, земля обработана, рабочаго скота было достаточно, но, по недостатку земли подъ огороды, просили прирѣзать имъ такуюю изъ свободныхъ участковъ осѣдней деревни, Черневы, или же уменьшить чиншъ, который они обязывались платить за участокъ по истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ. Въ Дубиново 14 семействъ жили болышею частью въ старыхъ фольварковыхъ домахъ или въ избахъ, купленныхъ отъ выселившихся крестьянъ; немногіе изъ нихъ начинали строить дома и хозяйственные строенія по плану и нуждались въ дѣлѣ. При евреяхъ много проживало *бобмаей* изъ христіанъ, которыхъ они употребляли на раяныя работы, но которыхъ слѣдовало выселить, какъ замѣтилъ г. Иславигъ. Въ Курклець 6 семействъ жили въ старыхъ фольварковыхъ строеніяхъ, купленныхъ по осѣднѣ. Поля и огороды были водѣланы, скота имѣли достаточно. Поселенцы жаловались на сельское управленіе, за «неоказаніе имъ защиты противъ осѣдлыхъ государственныхъ крестьянъ, пускавшихъ скотъ на ихъ поля и грозившихъ выжить ихъ за то, что воспользовались землею, за которую не платили никакихъ податей и повинностей». Хотя курклецкіе и друйскіе поселенцы просили г. Иславигъ объ исключительномъ имъ особаго, изъ нихъ самыхъ составленнаго управленія,

но онъ нашелъ ихъ «затѣю несоответственной кѣли—слиянiя евреевъ съ общимъ населенiемъ». Въ Нечуны 4 семейства жили въ 2 домахъ, купленныхъ отъ выселившихся крестьянъ; дома были построены просторно, а хозяйственные строения были довольно хороши. Инженеръ только за недѣлю до прибытiя г. Иславина указалъ на границы участковъ и планы домовъ, хотя еще въ 1848 г. это было предписано палатою.

Гродненской: въ *Сокальскомъ* уѣздѣ было въ имѣнiяхъ Одельска—26, Климовки—6 и Дубовой—10 семействъ. Постройки были возведены, но инныя только вполонину, противъ плановаго размѣра; земля была порядочная, но обрабатывалась не евреями, а крестьянами, которымъ евреи отдавали ее за плату, съ тѣмъ, чтобы они воздѣляли, обдѣменили ее и сняли хлѣбъ въ свою пользу. Изъ евреевъ этихъ трехъ поселенiй: Исаковой—просили о дозволенiи имъ снять хлѣбъ съ 6 участковъ, имъ предназначенныхъ, но обдѣмленныхъ содержателемъ фермы Эйнарвичемъ; Палестинской—жаловались на дурное свойство и чрезполонное, съ крестьянами, расположенiе ихъ сѣнокосовъ; на худое качество земли для огородовъ; на завладѣнiе Эйнарвичемъ овимымъ хлѣбомъ съ ихъ участковъ, а Ханаанской—на притѣсненiя ихъ сосѣднимъ помѣщикомъ Реймшею. Въ *Брестскомъ* уѣздѣ въ имѣнiяхъ: Ельна—10; Суrowsкой—25 и въ Плесиче Аврамовъ—13 семействъ. Домовъ еще мало было поставлено, а большего частью еще только заготовленъ лѣсной материалъ; въ Аврамовѣ поселенцы занимали фольварковый домъ, который просили отдать имъ со всеми службами по оцѣнкѣ. Сѣнокосовъ вездѣ было мало, сѣно тоже евреи нанимали косить крестьянъ по 1½ золотыхъ за день. Поселенцы просили: Саровскiе—добавить имъ сѣнокосовъ изъ 4 десятинъ, находившихся за 5 верстъ отъ нихъ и лострацiю назначенныхъ подъ лѣсную заросль, а Авраамовскiе—объ отдачѣ имъ хотя за оброкъ запасныхъ сѣнокосовъ, состоявшихъ въ содержанiи у помѣщиковъ, такъ какъ недостатокъ сѣна вынуждалъ ихъ продать скоть, которымъ въ достаточномъ количествѣ обзавелись и который составлялъ главное условiе выгоднаго самамаго хозяйства. Въ этихъ трехъ колонiяхъ осы не было и поселенцы рыли колодцы. Въ *Волковыжскомъ* уѣздѣ

въ имѣніи Свислонецкомъ, при фольваркѣ Михаилки, жили Израильскіе поселенцы, 6 семействъ, въ фольварковомъ домѣ и къ постройкамъ еще не приступали, а въ колоніи Галилейской при фольваркѣ Голубуцы было 18 семействъ, проживавшихъ въ 4-хъ землянкахъ, въ старомъ фольварковомъ домѣ и въ сараѣхъ. Изъ построенныхъ ими 4-хъ домовъ одинъ былъ по плану. Евреи «безпрестанно передавали участки другимъ евреямъ за плату и новымъ арендаторамъ прежніе принимали съ удовольствіемъ». Евреи жаловались на недостатокъ сѣнокосовъ, а сами продавали сѣно въ мѣстечко Рожаны. Въ Сіонской колоніи при фольваркѣ Соколкѣ полагалось 14 семействъ, желающихъ поселиться, но еще не прибывшихъ для принятія участкавъ. Въ Словимскомъ уѣздѣ, Рожанскомъ имѣніи, при фольваркѣ Молочки значилась колонія Константиново въ 28 семействъ, построившихъ хорошіе дома и имѣвшихъ хозяйственные строения, но просили еще пособія для окончанія построекъ. Огороды вездѣ воздѣлывали, сѣнокосы были у нихъ хорошіе, но 3 семейства жили еще въ землянкахъ. Въ Николаевкѣ, при фольваркѣ Христіанполь, было 6 семействъ, изъ коихъ 5 коихъ построили дома; земли обрабатывали не вполне, по недостатку средствъ, худой почвы и варослей. Въ Павловѣ при фольваркѣ Одиновщаннѣ 80 семействъ приступили къ постройкѣ домовъ, жили въ землянкахъ, засеяли поля и обработали огороды небрежно. Въ Иерусалимской (Деречинская имѣніи) при фольваркѣ Лазы—7 семействъ, изъ коихъ 6 отказались отъ поселенія, а послѣднее не приготовило даже материала на постройку. Въ Иудейской, при фольваркѣ Подрыковѣ, 5 семействъ заготовили гдѣсь на постройку, но жили въ фольварковомъ строеніи въ ожиданіи согласія едержателя имѣніи генерал-лейтенанта Муравьева уступить имъ усадьбу съ лучшею землею подъ огородами, обращенную иностранцевъ въ общественную записку. Въ Синайской, при фольваркѣ Чешейковѣ, согласилось поселиться 18 семействъ, но при принятіи ими участка въ натурѣ оказалось лишь 12 $\frac{1}{2}$ участковъ, потому, послѣ трехъ прошеній евреевъ, палата придала, для уваженія сѣнокосовъ на каждое семейство, землянѣра и двостранера, которые не обобщали, однакожъ, въ натурѣ, каждого отдѣльнаго участка. Сѣ-

новесовъ этихъ при всемъ томъ было недостаточно. Сосѣдніе крестьяне пускали смотигу свою на еврейскіе поля и огороды, на томъ основаніи, что они прежніе владѣльцы земли, а сельское «начальство изъ потворства крестьянамъ и невѣжести къ евреямъ не защищало послѣднихъ». Новыя поселенцы жили еще въ фольварковыхъ строеніяхъ. Въ Моисеевѣ, при фольваркѣ Мѣховскѣ, согласились поселиться 21 семейство, но такъ какъ участки засыпало пескомъ, то только 16 семействъ осталось, а остальные 5 отказались отъ поселенія. Изъ 16 построили дома только 5. Весьма много изъ поселенцевъ были въ отлучкѣ для заработковъ или еще не прибыли, а въ поселеніи проживали чужіе люди. Въ Аареновѣ, при фольваркѣ Нивинце—7 семействъ проживало частью въ Моисеевѣ, частью у перевоза при рѣкѣ Шарѣ, а въ самомъ фольваркѣ—арендаторъ. Въ Гердановѣ, имѣнія Ярнева—14 семействъ еще не жили, потому что срокъ аренднаго содержанія участка оканчивался только послѣ уборки хлѣба, осенью 1861 г. Въ Фаворской, при фольваркѣ Савокѣ, 14 семействъ отказались отъ поселенія.

Мониланской: въ Гортворѣцкомъ имѣніи, при фольваркѣ Севѣ 4 семейства обстроились довольно хорошо, но не вполне по плану. При фольваркѣ Рутковичевѣ изъ 8 семействъ, 3 начали строиться; но близкій родственникъ одного изъ нихъ содержалъ тамъ почтовую станцію, построилъ рядомъ съ участками, назначенными для поселенцевъ, станціонный домъ и потому предостовало высвѣдять, чтобы занятія при станціи не отвлекали поселенцевъ отъ земледѣлія. При фольваркѣ Анненгофѣ—20 и Пушкахъ—6 семействъ. Построили дома (исключая двухъ въ Анненгофѣ и одного въ Пушкахъ) слишкомъ небрежно, не по плану и изъ стараго хлѣсу. Поселенцы двухъ колоній жаловались на недостатокъ онокосовъ. Въ Пушкахъ поля не всѣ были водѣланы, но въ Анненгофѣ и огороды, и поля хорошо были обработаны и обсеменованы. Припустевѣ Веренцакѣ желало поселиться только одно семейство. Въ *Мстиславскомъ* уѣздѣ, Трипутинскаго имѣніи, при фольваркѣ Мартинковѣ—6 семействъ земледѣльцы зарежь обстроились отлично, но поселеніе лежало на торговомъ пути, во близости сплавенской гра-

ницы, почему предстояло бдительнo наблюдать, чтобы они не обратили дома свои въ постоялыя дворы и не занимались корчемствомъ. Въ *Черниговскомъ* уѣздѣ, Городецкаго имѣнія, при деревнѣ Гиженѣ—8 семействъ жили вмѣстѣ съ крестьянами, начали только строиться и жаловались на смудность обнова; при деревнѣ Тростливиѣ—2 семейства, изъ коихъ явилось одно, проживавшее у крестьянина. При деревнѣ Гижениѣ—8 семействъ начали строиться, а 3 совсѣмъ обстроились довольно удовлетворительно. Сѣнокосовъ имѣли мало, а земли только лѣтомъ 1851 года были указаны каждому кованину. Для обработки земли нанимали крестьянъ, но и сами занимались въ полѣ. При селѣ Телешин изъ 5 семействъ—3 построили дома, въ которыхъ жили и остальные два семейства; сѣнокосовъ имѣли мало и далеко отъ колоніи. При деревнѣ Любань—глава семейства нанялъ для обработки земли привычныхъ крестьянъ, построекъ никакихъ еще не возвелъ. При фольварѣ Городецъ—2 семейства жили въ фольварковскъ строеніяхъ, но «по враждѣ, существовавшей между братьями въ одномъ изъ семействъ, посaденіе не устранивалось», хотя «было расположено очень удобно и выгодно для хозяйства». Въ *Мѣгилевскомъ* уѣздѣ при деревнѣ *Бадакимосинъ*, въ 1½ верст. отъ шоссе, изъ 3-хъ семействъ 1—построило домъ, 1—строило, а 1—нанимало у крестьянина угодъ. Сѣнокосовъ было имъ недостаточно. Въ *Выховскомъ* уѣздѣ при фольварѣ Сапезкинѣ—17 семействъ построили дома, болыпаю частью изъ стараго лѣса, пражкиихъ фольварковскъ строеній и иноплевному противъ планового размѣра; поля и огороды воздѣланы; земля была хороша и населеніе надежнае. При фольварѣ Выхотъ—13 семействъ еще не обстроились, а помѣщались въ дощатъ, прибрѣтенныхъ отъ выселившихся крестьянъ.

Минской: въ имѣніи Юрчицкии 2 семейства не окончили постройки жилыхъ домовъ, хозяйствомъ занимались усердно и могли быть надежными посaденцами, если бы имъ данъ былъ коробочкаго сбора суду, по 25 руб. на 10 лѣтъ, безъ процентовъ. Въ *Бобринскомъ* уѣздѣ при деревнѣ Козакини—18 семействъ построили дома хорошо, вслѣдствіи благотворнаго распорядка оружнаго начальника Солдуба. Въ посaденіи се-

бывало по 50 коп. со двора, для составленія вспомогательнаго капитала. Въ этомъ и въ другихъ поселеніяхъ члены семействъ не всё были на лицо, а въ разбродъ по мѣсточкамъ. Этому обстоятельству г. Иславинъ приписывалъ лежащую вгустъ землю и небрежную обработку огородовъ. При деревнѣ Ковчинѣ изъ 28 семействъ поселились: одни—на свой счетъ, а другіе—съ пособіемъ отъ казны. Отъ послѣдними окружной начальникъ распорядился при постройкѣ домовъ точно такъ же, какъ и съ ковловичскими; поэтому дома ихъ построены были хорошо; сѣнокосовъ было мало, да и тѣ расположены по болоту; земля хороша. Большую часть посѣва лѣтомъ 1851 г. выбило градомъ, но нѣкоторые участки вовсе не были водѣяны. Поселенцы, просившіе пособія сѣменами, съ 1850 г. не были еще выключены изъ мѣщанъ, а потому сборщики податей изъ ихъ пражникъ еврейскихъ обществъ наѣзжали требовать отъ нихъ поставки рекрутъ, но окружной начальникъ оградилъ ихъ отъ стѣсненій. При деревнѣ Домановѣ—6 семействъ возвала строенія посредственно. Усадьба была у нихъ тѣсная, близъ бокота, много имѣлось мелкаго лѣса, требовавшаго расчистки. Сѣнокосовъ было мало и тѣ по болотамъ. Хотя евреи эти съ 1850 г. назначены были на поселеніе, но и въ 1851 г. тоже еще не исключены изъ мѣщанъ, почему подверглись нападенію земской полиціи, прѣзжавшей требовать рекрутъ. Поселенцы эти за третій снагъ отдавали обрабатывать свои земли соседнимъ однодворцамъ. При имѣніи Омельно 5 семействъ опредѣлены только въ 1851 г. и потому еще не успѣли обзавестись домами и хозяйствомъ. Въ Могирскомъ уѣздѣ, при деревнѣ Родовина—5 семействъ построили избы дурно, а поля мало обработали; сѣнокосы же имѣли по болотамъ въ 15 верстахъ отъ поселенія, за рѣкою Припечью. При деревнѣ Черемоннѣ—5 семействъ, изъ которыхъ одно построило большой домъ, но не по плану, а прочіе дома худые. Инженеръ палаты прѣзжалъ съ цѣлями на усадьбу тогда, когда нѣкоторые дома были уже построены. При деревнѣ Редкѣ—8 семействъ жили у помѣщиковъ: старшіе—Пущина, въ мѣстечкѣ Паритѣ, а потому—Корсаки, но оба удалили ихъ, какъ ненадежныхъ людей. Они и на казенное поселеніе перешли совершенными нищими. Всего

трехъ поселеніямъ г. Иславнъ считалъ необходимымъ оказать пособіе на образованіе хованствомъ, тѣмъ болѣе, что и окружной начальникъ Левковичъ не заботился объ устройствѣ ихъ.

Кіевской: въ уѣздахъ: *Радомишльскомъ* было: при мѣстечкѣ Рожовѣ—20 и при селеніи Ситнявахъ—20 семействъ. Изъ нихъ построили дома: въ первомъ—11, а во второмъ—9 семействъ, болѣею частью по планамъ и довольно хорошо. Поселенія эти обѣщали успѣхъ. При селеніи Возовичи—1; при деревнѣ Вобрь—3; въ урочищѣ Рыкунь—22 семейства ничего еще не имѣли, ибо поселились лишь въ 1861 г. Въ *Василковскомъ* уѣздѣ при селеніи Венрявѣ въ урочищѣ Мотилахъ или Кадубичѣ—30; въ урочищѣ Махновкѣ—17 семействъ начали постройку въ плановомъ видѣ и размѣрѣ, многіе начали дома въ мѣстечкѣ Фасовѣ и другіихъ мѣстахъ, которые полагали перевести въ новое поселеніе. Евреи просили о добавленіи имъ пядь усадьбы выгонной и сѣнокосной земли; объ отпускѣ лѣса и объ огражденіи ихъ отъ притѣненій еврейскаго общества мѣстечка Фацова, въ которомъ они прежде проживали. Въ *Тимиринскомъ* уѣздѣ въ селѣ Цвѣтной изъ 22 семействъ не всѣ еще прибыли и не построились, а жили въ самомъ селеніи у крестьянъ. Мѣсто для поселенія оказалось весьма удобное. Въ селѣ Вышнякѣ Верещакахъ изъ 25 семействъ 23 построили дома, но, кромѣ двухъ, всѣ не по плану и изъ дурнаго матеріала. Члены одного семейства строились и жили разными домами, иногда даже вполвину противъ планового размѣра. Крестьяне «ненавидѣли новыя соудѣй за то, что имъ отдана земля, которую они считали своею». При ссорахъ съ крестьянами, евреи, не привыкнуши къ новому управленію и не находя защиты въ саяскомъ правленіи, обращались съ жалобами къ земской полиціи. Въ селеніи Соснакѣ изъ 20 семействъ только 1 построило домъ, а въ селеніи Ферноотѣ всѣ 10 обстроились довольно хорошо, но надлежало замандировать землемѣра для возобновленія межевыхъ знаковъ, ибо земля хотя и была раздѣлена въ натурѣ на участки, но межи запамятаны прежними содержателями.

Волынской: въ *Житомирскомъ* уѣздѣ при селеніи Вильовѣ 14 семействамъ разрѣшено поселеніе въ 1847 и 1849 годахъ, построили только 4, а начали строить 6 домовъ. Впрочемъ, иѣ-

которымъ только въ 1850 г. указаны участки; многие не имѣли никакихъ средствъ и слабо занимались земледѣліемъ. Евреи ходатайствовали о добавленіи имъ оброчныхъ и наслѣдственныхъ мѣстъ. Въ *Дубинскомъ* уѣздѣ при деревнѣ Озеранакъ—40 семействъ построились вполнѣ противъ плахи и дурно содержали ихъ. Хозяйственныхъ строеній было тамъ мало. На поселеніе пришли разновременно, потому что не знали, какой кому отведенъ участокъ. Избранный изъ среды евреевъ староста жаловался г. Иславину на то, что поселенцы ему не повиновались, а сельское начальство, когда онъ о какихъ либо безпорядкахъ довелъ до его свѣдѣнія, — не оказывало никакого содѣянія. Въ мартѣ 1849 г. поселенцы просили о пособіи по 50 руб. на дворъ. Имѣла, въ августѣ 1849 г., предписала ровенскому окружному управленію объявить имъ, что получить деньги по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, которымъ собирались до августа 1851 г., тогда какъ пособіе весьма бы водвинуло впередъ поселеніе; 14 семействъ же осмотра г. Иславиннаго еще не были перечислены изъ прежняго званія и подвергались поэтому разнымъ стѣсненіямъ со стороны общества, изъ которыхъ перенли. Въ *Думкомъ* уѣздѣ въ имѣніи Рафаловскемъ—46 семействъ почти всё обзавелись домами и хозяйствомъ. Въ имѣніи Стрѣльскомъ было 1 семейство, а другое отказалось переселиться по неимѣнію средствъ къ устройству хозяйства. Въ имѣніи Нуине изъ считавшихся 19 семействъ, только 12 прибыли, а о высылкѣ 7 производилась переписка; начатныя начали строиться, жили у крестьянъ и въ фельдвар конныхъ строеніяхъ, домогались командированія землемѣра для приведенія въ порядокъ участковъ; заслуживали пособія сбереженими по случаю градобія, и въ особенности огражденія ихъ отъ притѣсненія еврейскихъ обществъ, къ которымъ прежде принадлежали и отъ которыхъ заставляли ихъ заискиваться, не смотря на то, что они зачислены уже въ земледѣльцы.

Недолесной: въ *Менделескомъ* уѣздѣ при Кузьминой слободѣ—50 семействъ очень хорошо поселены надъ Днѣстромъ; болѣе половины домовъ по плану построены, остальные начаты были, но изъ всѣхъ перечислены только 26 семействъ. Въ *Валтскомъ* уѣздѣ при слободахъ Гелбншовой и Голоче было предполагено

244, а на лицо оказалось лишь 92; такъ что изъ прежнихъ мѣстъ жительства требовалось—152 семейства. Въ слободѣ Гелбиновой участки подъ усадьбы расположены были неудобно и окончательно еще не наръзаны. Евреи жили у крестьянъ; 4 начали только строиться. При первоначальномъ ходатайствѣ евреевъ о поселеніи факторъ бывшаго окружного начальника Поленко взялся хлопотать объ ускореніи поселенія и перечисленія, но ни того, ни другого не исполнилъ, хотя за труды получилъ по 20 руб. съ семейства, а самъ отдавалъ въ оброкъ землю, назначенную подъ поселеніе. Поселенцы и сами то же дѣлали съ сѣнокосами, которые отдавали въ наемъ за половину урожая. Въ имѣніи Чернянскомъ только что приступали къ устройству хозяйства. При слободѣ Маншиуровой предлагавшіеся 100 семействъ требовались еще изъ прежнихъ мѣстъ жительства. Усадьба расположена была неудобно, а поселенцы жили у крестьянъ. При слободѣ Покутиной—60 семействъ большею частью уже обстроились довольно просторно и красиво, но не по плану. Въ имѣніи Богачевскомъ было 90 семействъ, изъ коихъ одни уже обстроились домами, другія еще строились, но всё небрежно и ни одно въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ требовалось по плану, не устроилось.

Въ общемъ г. Иславинъ заявляетъ, что «евреи всѣхъ колоній еще не были перечислены изъ мѣщанскаго званія» и «подвергались разнымъ стѣснительнымъ требованіямъ со стороны земской полиціи, относительно денежной и рекрутской повинности, взимаемой прежнимъ еврейскимъ обществомъ, а сельское начальство не оказывало имъ въ этомъ случаѣ должной заботы».

В. Ивнтинъ.

(Продолженіе слѣдующаго).

ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ.

РОМАНЪ.

—
XIII ¹.

Была середина лѣта, и страшная жара выжгла даже лужайки на виллѣ Геннегауера. Въ квартирѣ Анжелики всѣ окна стояли настежь отворенными и въ нихъ было видно, какъ директрисса института Брауна ходила по комнатамъ, надвирая за воспитанницами. Маленькая Лидія Томсонъ брэнчала на фортепіано и г-жа Браунъ неутомимо повторяла: „Разъ-два, с-cis-la-la-la! Cis возьмите, cis!“ Въ то же время она считала крестики въ рукодѣльи двухъ пансіонерокъ-нѣмокъ и кричала англичанкамъ, находившимся въ смежной комнатѣ: „Parlez seulement français!“

Въ сотый разъ она заставляла перечитывать себѣ рассказы во французскомъ учебникѣ: „Autrefois à Bagdad le Chalife Al-mahmond“. Потомъ, внушивъ дѣвочкамъ заниматься прилежнѣе, она перешла въ другую комнату, къ маленькимъ, и подошла къ своей Сигмондѣ, написавшей цѣлую страницу слогами: „oh“ и „eh“, и къ Эленѣ Стиръ, которая сидѣла за письмомъ къ своимъ роднымъ и грызла перо, не зная, что писать.

Съ тѣхъ поръ, какъ наступили сильныя жары, Анжелика почувствовала, что бѣдная голова ея не выдержитъ долго такого напряженія. Геннегауеръ каждую недѣлю настоятельно представ-

¹ См. „Восходъ“, кн. VIII.

лялъ ей, что она губить свое здоровье и что ей необходима помощница. Но разборчивость г-жи Браунъ и невозможность найти за малое жалованье хорошую гувернантку не позволяли ей до сихъ поръ послѣдовать его совѣту. Сигмунду, дѣлавшему вначалѣ видъ, что вся тяжесть заведенія лежитъ на его плечахъ, вскорѣ надобло заниматься „съ глухими дѣвчонками“, какъ онъ называлъ ученицъ. Давъ имъ поутру двухъ-часовой урокъ, онъ считалъ свою обязанность исполненною; остальное время онъ бродилъ по окрестнымъ лѣсамъ съ маленькимъ Вальтеромъ, которому было еще рано начинать учиться, или проводилъ полуденные часы въ роскошномъ саду, кура сигару и читая газету. Видя изо дня въ день, какъ этотъ человѣкъ сваливаетъ все бремя жизни на свою нѣжную жену, Геннегауеръ постепенно проникался глубокою досадою, которую онъ, однако, подавлялъ въ себѣ для того, чтобы не затруднять еще болѣе положенія молодой женщины. Когда же Сигмундъ снова обратился къ нему по дѣлу, въ которомъ еврей принялъ вначалѣ такое горячее участіе, то онъ не выдержалъ и далъ ему почувствовать, какъ низко онъ упалъ во мнѣніи друга своей юности въ этотъ годъ ихъ сожитія.

Книга Бюхтеманна „Странствованія по древне-кельтской странѣ“, стоившая Брауну столькокихъ непріятностей, наконецъ вышла изъ печати, но не имѣла никакого успѣха. Издатель ея, Шлейхмаеръ, былъ озлобленъ неудачей, да и Браунъ, настоявшій на этомъ изданіи, не имѣлъ причины радоваться результатамъ его.

„Мы не можемъ одобрять, — говорила „Филологическая газета“, — изданія этого незаконченнаго труда, и полагаемъ, что оно состоялось вопреки воли ученаго автора, во многихъ отношеніяхъ заслуживающаго уваженія“. Рецензентъ другой руководящей газеты замѣтилъ, что издатель, д-ръ Браунъ, вѣроятно, выпустилъ въ свѣтъ этотъ неудачный трудъ покойнаго ученаго для контраста со своимъ собственнымъ трудомъ; а юный рецензентъ „Южно-Германской Литературной Газеты“ писалъ: „Мы безусловно порицаемъ

обычай обыскивать письменные столы умершихъ ученыхъ и выпускать въ свѣтъ труды, которые сами они признавали недостаточно зрѣлыми для печати. Уже одно уваженіе къ ихъ памяти должно бы удерживать отъ этого“.

Сигмундъ выходилъ изъ себя, читая эти отзывы, и когда Геннегауеръ пришелъ въ полдень въ садъ, Браунъ положилъ передъ нимъ всѣ листки съ рецензіями на столы, за которыми они пили кофе, и вскричалъ:

— Вотъ, прочти! Что ни сдѣлалъ бы я, за все меня бранять!

Еврей пробѣжалъ рецензіи и сказалъ:

— Я полагаю, любезный другъ, что вообще не слѣдуетъ слишкомъ заботиться о томъ, что о насъ говорятъ или пишутъ, иначе вѣдь въ самомъ дѣлѣ придется, какъ въ баснѣ, взвалить осла себѣ на плечи. Умѣрять свои требованія отъ людей и не заботиться о томъ, что они говорятъ о насъ,—вотъ единственное правило, способное обезпечить наше душевное спокойствіе.

— Это значить, что я долженъ смиренно стоять, пока эти собаки рвутъ меня со всѣхъ сторонъ!—гнѣвно вскричалъ Сигмундъ.

— Не понимаю, чего ты такъ горячишься,—возразилъ Геннегауеръ.—Эти господа намекаютъ на то, что сочиненіе Бюхтемманна кажется устарѣвшимъ, благодаря твоей книгѣ. Это должно только поощрить тебя продолжать твои изслѣдованія. Времени у тебя на это вдоволь.

— Если бы это признаніе моихъ заслугъ—второе ты, впрочемъ, подтасовалъ, явилось раньше,—съ горечью возразилъ Браунъ,—то, можетъ быть, оно и спасло бы меня; но теперь, послѣ всего, что я испыталъ, жестоко было бы и требовать, чтобы я продолжалъ писать. Озлобленіе разрастается въ человѣческой душѣ, какъ крапива, помимо нашей воли, а мои сочиненія не принесли мнѣ ничего, кромѣ озлобленія.

Эта манера маскировать свою позорную лѣнь, корча изъ

тебя человека, надломленного жизнью, возмущала энергичнаго еврея и онъ замѣтилъ:

— Такъ не относись, но крайней мѣрѣ, съ такимъ величавымъ равнодушіемъ къ твоей достойнѣйшей женѣ, которая убиваетъ себя непосильнымъ трудомъ. Ты обязанъ взять на себя всѣ уроки, которые ты можешь давать. Развѣ не видишь ты, какъ вянетъ твоя жена?

— Ну, ужъ это слишкомъ,—возразилъ Браунъ,—если еще меня дѣлаютъ ответственнымъ за неудачу этого глупаго предпріятія! Кто предложилъ завести этотъ нелѣпный институтъ—ты или я? Вы нравственно принудили меня къ этому, хотя я зналъ и предсказывалъ съ самаго начала, что при нашихъ средствахъ это предпріятіе лопнетъ. Теперь же, когда мое предсказаніе сбывается, опять-таки я оказываюсь виноватымъ, что Анжелика вянетъ.

— Ты напрасно горячишься,—сказалъ Геннегауеръ, укоризненно глядя на друга своими серьезными, черными глазами.—Я хотѣлъ только сказать...

— Прошу извѣстить меня отъ всякихъ совѣтовъ,—съ раздраженіемъ перебилъ Сигмундъ.—Никому нѣтъ дѣла до того, какъ мы дѣлимъ съ женой наши труды, и если ты думаешь, что приобрѣлъ своимъ гостепріимствомъ право вмѣшиваться въ наши дѣла, то я предпочитаю съѣхать на другую квартиру.

— Замолчи, жена твоя идетъ,—остановилъ его еврей.—Все это одно недоразумѣніе.

Въ калитку дѣйствительно вошла Анжелика и поставила кофе на столикъ, за которымъ сидѣли мужчины. Сигмундъ не могъ скрыть отъ себя въ эту минуту, что щеки ея въ самомъ дѣлѣ поблѣднѣли и вoзвругъ лихорадочно блестящихъ глазъ легли синіе круги. Это дало ему предлогъ возобновить предложеніе, которое онъ не разъ уже дѣлалъ,—предложеніе закрыть институтъ или взять учительницу музыки, которая взяла бы на себя отчасти и

преподаваніе языковъ. Анжелика созналась, что она дѣйствительно не въ состояніи продолжать дѣло настоящимъ способомъ.

— Я теперь серьезно займусь этимъ, — рѣшительно объявилъ Сигмундъ.

У Анжелики была на языкѣ какая-то оговорка, но она не высказалась, замѣтивъ, что мужъ ея раздраженъ, и понявъ, что между нимъ и Геннегауеромъ произошло какое-то непріятное объясненіе. Внутренній разладъ между друзьями еще болѣе усилился съ этого дня. Геннегауеръ не позволялъ себѣ болѣе никакихъ замѣчаній, сознавая, что онъ не въ правѣ вѣшпиваться между супругами, но, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, не могъ совершенно скрыть въ своемъ обращеніи съ Брауномъ возрастающаго презрѣнія къ нему. А тотъ, съ своей стороны, всячески старался встрѣчаться съ нимъ какъ можно рѣже, чтобы не подвергаться новымъ „жидовскимъ дерзостямъ“, какъ онъ выражался. Въ то же время онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сходилса съ Баскецеромъ, который также разошелся съ директоромъ, но тщательно скрывалъ, однако, причину этого разрыва.

Такъ какъ Баскецеръ старательно поддерживалъ свои старыя политическія связи, служившія ему въ его практикѣ, то и Сигмунду часто случалось вращаться въ мѣстахъ, гдѣ собирались румпенгеймскіе журналисты. Онъ посѣщалъ также собранія рабочаго союза и вскорѣ былъ выбранъ старшиной народнической партіи. Это побудило его снова взяться за перо и посвятить часть своего свободнаго времени сотрудничеству въ различныхъ газетахъ. Анжелика и Геннегауеръ только покачивали головами, видя возрожденіе его журнальной дѣятельности, неожиданное и вовсе нежелательное теперь, когда онъ взялъ на себя институтъ; но оба молчали, отчаявшись усадить его прочно за какое нибудь серьезное занятіе. Нѣкоторое время жизнь шла этой колеей довольно сносно и Баскецеръ не переставалъ восхвалять Сигмунда, говоря, что онъ выпелъ, наконецъ, на свою настоящую дорогу и началъ жить по человѣчески, что рано или поздно должно принести свои плоды.

— Ты долженъ избрать политическую карьеру; ты создашь для нея,—толковалъ ему Баскецерь.— У тебя такая видная наружность; ты выглядишь кронпринцемъ. И рѣчь у тебя мѣткая, въ карманѣ за словомъ не лѣзешь, да притомъ же во всемъ, что ты говоришь, есть нѣкоторый полетъ къ идеаламъ. Мы выставимъ тебя кандидатомъ на слѣдующихъ выборахъ.

Въ сущности, Баскецерь самъ подумывалъ выступить кандидатомъ на этихъ выборахъ. Ему уже успѣла надобность его профессіи. Забавлявшія его въ началѣ шарлатанскія выходки наконецъ прискучили ему, а такъ какъ въ немъ не было гуманнаго влеченія помогать страждущему человечеству, присущаго врачу по призванію, то обязанность интересоваться головными, грудными и ножными болѣзнями всего Румпейнгейма стала казаться ему невыносимой. Поэтому онъ продолжалъ свою практику, которая давала ему деньги, дѣйствительно же интересовался только политическими спорами и перебранкой, которыми онъ постоянно занимался въ послѣднія десять лѣтъ.

— Прослуживъ, какъ я, десять лѣтъ народному дѣлу, я и не думаю бросить его не достигнувъ никакого политическаго результата,—говорилъ онъ Сигмунду.

Теперь же, въ качествѣ лейбъ-медика ландграфа и при той значительной практикѣ, какую онъ приобрѣлъ, можно было стремиться къ такимъ цѣлямъ, о какихъ бывшій скромный журналистъ не смѣлъ и мечтать. Сигмундъ, обманутый его грубоватой простотой и кажущимся прамодушіемъ, не замѣчалъ сврътности, съ которою Баскецерь избѣгалъ говорить о своихъ сокровенныхъ цѣляхъ, и не подозрѣвалъ, что онъ хороводится съ нимъ собственноручно съ тѣмъ, чтобы имѣть въ своемъ кружкѣ одною представительною личностью болѣе. Однако, случай вскорѣ открылъ Брауну глаза. Однажды, въ кофейнѣ, гдѣ собралась ихъ „партія“, онъ засталъ Баскецера въ жаркомъ разговорѣ съ ненавистнымъ Шмидтомъ. Сигмундъ сѣлъ въ уголъ и сталъ читать газету, пережидая,

когда уйдетъ Шмидтъ, чтобы подойти къ Васкеперу. Спрятанный за газетою, онъ услышалъ, какъ грубый голосъ послѣдняго говорилъ:

— Мой единственный конкурентъ въ третьемъ округѣ—это окружной нотариусъ. Вы должны прихлопнуть его, прежде чѣмъ начнется избирательное движеніе. Позже будетъ замѣтно и нападки не произведутъ впечатлѣнія. Изучите хорошенько этого молодца. Говорятъ, что онъ дурно живетъ со своей женой. Можетъ быть, и въ нотаріальныхъ дѣлахъ его найдутся прорѣхи. Гербовные сборы и безъ того страшно высоки, а вѣдь эти нотариусы всегда обчищаютъ своихъ кліентовъ. Окружной врачъ — мой пріятель, и я уже освѣдомлялся у него на счетъ слабыхъ мѣстъ нашего конкурента.

— Не беспокойтесь, дружокъ,—отвѣчалъ Шмидтъ; — ужъ мы отыщемъ пятнышки въ этомъ померанцѣ. Обличеніе зла—мой хлѣбъ, а я уже напередъ убѣжденъ, что вашъ конкурентъ—человѣкъ испорченный. Такъ какъ же его зовутъ?

Онъ записалъ имя въ своей памятной книжкѣ.

Браунъ слышалъ весь этотъ разговоръ и ему невольно вспомнилось то время, когда эти двое людей „изучали“ и его, потому что онъ стоялъ на дорогѣ Васкепера. Мучительныя чувства, пережитыя имъ въ тѣ дни, живо воскресли въ его душѣ, и въ немъ шевельнулось то, что было лучшаго въ его натурѣ. Нѣтъ, не хочетъ онъ имѣть ничего общаго съ этими безсовѣстными, грубыми людьми! „Если для того, чтобы сдѣлаться депутатомъ, нужны такія средства и такіе союзники,—сказалъ онъ себѣ,—то я отказываюсь отъ „довѣрія моихъ гражданъ“, и отъ одобренія „общественнаго мнѣнія““.

Молча допилъ онъ свою чашку кофе и ушелъ, не обращая болѣе вниманія на Васкепера и Шмидта.

Сдѣланный имъ печальный опытъ навалъ его на вопросъ—не лучше-ли будетъ подѣлать съ женою уроки въ институтѣ? Но

онъ не могъ рѣшить, какую специальность взять на себя, и пришелъ къ заключенію, что лучше оставить на этомъ курсѣ тотъ порядокъ, который уже заведенъ. И такъ какъ июльскія жары дѣлали пребываніе въ пыльномъ городѣ неприятнымъ, то Сигмундъ рѣшилъ отправиться на сосѣднія Влизигенштейнскія воды, чтобы отдохнуть среди горъ и лѣсовъ, между тѣмъ какъ жена его, довольствуясь прекраснымъ садомъ Геннегауера, осталась бы въ городѣ.

Вскорѣ и Геннегауеръ взялъ отпускъ и уѣхалъ на морской берегъ, чтобы запастись силами для окончательной обработки давно подготовленнаго сочиненія. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Сигмундъ Браунъ отдыхалъ въ горахъ отъ долгой праздности, жена его проводила дни въ наблюденіи за музыкальными упражненіями и руководила пансіонерокъ и отдыхала съ ними въ прохладные часы въ своемъ саду.

Вскорѣ пришло письмо отъ Сигмунда, который сожалѣлъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ о томъ, что Анжелика принуждена оставаться въ пыльномъ и душномъ городѣ, въ то время какъ мужъ ея дышетъ ароматами лѣса. „Было со мною здѣсь и заключеніе,—продолжалъ онъ,—разомъ сдѣлавшее меня львомъ сезона въ Влизигенштейнѣ. Отправился я обѣдать въ кургаузъ и, вооружившись моноклемъ, тщетно искалъ знакомыхъ лицъ. Въ кургаузѣ собралось эlegantное общество, которое пило кофе на террасѣ, слушая музыку и любуясь видомъ на долину. Кальнеры стояли у дверей, повернувшись къ гостямъ спиной, и громко смѣялись, вмѣсто того, чтобы прислуживать. Я положилъ мою изящную дорожную сумку—твой подарокъ—и постучалъ по столу. Прошло, однако, нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ одинъ изъ этихъ негодяевъ соблаговолилъ подать мнѣ кофе.

— Вотъ тебѣ, на!—сказалъ подъ самымъ моимъ ухомъ одинъ изъ кальнеровъ тому, который прислуживалъ мнѣ: — пять пфениговъ на чай!

— Это все же лучше, чѣмъ ничего, — отвѣтилъ другой. — Я не слуга тому, кто ничего не дастъ! — крикнулъ первый. — И я также, — сказалъ второй.

— И мнѣ тоже это не съ руки, — подтвердилъ третій.

„Пока они такъ разговаривали, мимо моего стола прошли двѣ очень приличныя дамы и въ то же время я услышалъ, какъ одинъ изъ кельнеровъ сказалъ: „Вотъ эта старая корга въ тирбушонахъ никогда ничего не даетъ! Вотъ она сейчасъ и испытаетъ, какъ изъ ничего — ничего и не выходитъ!“ Мнѣ хотѣлось сейчасъ же вскочить и отвалить палкой этихъ мерзавцевъ, но я удержался, дожидаясь, что будетъ далѣе. Старая дама съ длинными локонами, сохраняя свое достоинство, сѣла за одинъ изъ столиковъ и знакомъ подозвала свою спутницу, замѣчательно красивую молодую особу, державшую на рукѣ свѣтлый ватерпруфъ. Кожанный поясъ съ вызолоченными бляхами, похожій на новнй собачій ошейникъ, придавалъ ей нѣсколько предпримчивый видъ. Она нерѣшительно сѣла за столикъ, послѣ чего старшая дама крикнула довольно повелительнымъ тономъ: „Кельнеръ, кофе!“ Отвѣтомъ былъ громкій смѣхъ молодыхъ парней. „Кельнеръ, кофе!“ — дерзко передразнилъ одинъ изъ нихъ. Тутъ ужъ я не выдержалъ. Я вскочилъ съ мѣста, схватилъ ближайшаго изъ этихъ молодцовъ и такъ встряхнулъ его, что у него голова закивала. — „Не слышите вы, что-ли, что эта дама требуетъ кофе?“ — крикнулъ я. Онъ отвѣтилъ ругательствомъ и полѣзъ драться, но я поднялъ его, какъ перо, и перебросилъ черезъ эстраду, такъ что онъ скрылся за краемъ ея. Тутъ поднялся такой шумъ и переполохъ, словно кто-нибудь бросилъ камень въ муравейную кучу. Публика повскакала съ мѣстъ, дамы визжали, нѣкоторые изъ мужчинъ кричали „браво“. Но изъ близняго окна высунулся хозяинъ, зеленый отъ бѣшенства, и закричалъ: „Это еще что? А если онъ себя шею свернулъ?“ — „Тогда поставьте его мнѣ въ счетъ, — крикнулъ я въ отвѣтъ, — а себя возьмите другого, лучше!“ Сказавъ это,

я ухватился за ближайшаго изъ этихъ проклятыхъ олуховъ, все еще стоявшаго съ разинутымъ ртомъ, и закричалъ ему: „Чего вы зѣбаете? Сейчасъ идите служить дамамъ!“ И посмотрѣла бы ты, какъ подѣйствовалъ урочъ: трое разомъ бросились къ буфету! Должно быть, предвкушали тяжеловѣсную пощечину. Однако, старшей дамѣ видимо было не очень-то пріятно, что, благодаря мнѣ, она сдѣлалась предметомъ общаго вниманія.

— Уйдемъ, — сказала она своей спутницѣ. — Если здѣсь можно добиться услугъ только съ помощью драки, такъ ужъ лучше отказаться отъ нихъ.

— Нѣтъ, тетя, — возразила младшая, упрямо вскинувъ свою красивую головку Юноны съ темными глазами, блестящими негодованіемъ, — намъ должны подать кофе. Изъ буфета уже бѣжалъ къ нимъ кельнеръ съ подносомъ, между тѣмъ, какъ товарищъ ихъ, такъ неожиданно перелетѣвшій черезъ эстраду, ковыляя, поднимался по лѣстницѣ, весь выпачканный въ пыли, но цѣлый и невредимый. Онъ робко проскользнулъ мимо меня въ дверь. Я подошелъ къ двумъ дамамъ и съ поклономъ сказалъ: — Прощу извинить меня, если я обезножилъ васъ моимъ черезчуръ горячимъ рыцарствомъ, но необходимо учить этихъ людей примѣрамъ, иначе они сдѣлаются положительно общественнымъ зломъ.

— Я не люблю скандаловъ, — довольно чопорно отвѣтила пожилая дама. Мнѣ стало досадно; но младшая поспѣшила вмѣшаться и съ живостью сказала: — Вы поступили какъ слѣдовало, милостивый государь. Если оставлять безнаказанной подобную распущенность, то отъ этого пострадаетъ цѣлое общество. Конечно, непріятно обращать на себя вниманіе, но что дѣлать? — нужно принести эту жертву для общественной пользы. — Не скрою, что я съ удовольствіемъ глядѣлъ на полное, цвѣтущее здоровьѣмъ личико этой дамы, глядѣвшее на меня живыми, блестящими глазами изъ-подъ изящной бѣлой шляпки. Я отрекомендовался и младшая поглядѣла на старшую, какъ бы приглашая ее назвать и

свое имя. Но та промолчала, видимо не прощая мнѣ, что я сдѣлалъ ихъ предметомъ „исторіи“, и спѣшила уйти. Однако, передъ тѣмъ она сказала:—Теперь и со счетомъ задача! Я ни за что не рѣшусь звать этихъ людей.—„Разумѣется, я тотчасъ всталъ и пошелъ уплатить по ихъ маленькому счету. Но тутъ къ первому приключенію присоединилось второе. Когда я протянулъ хозяину пяти-марковій билетъ, онъ грубо бросилъ мнѣ его назадъ, сказавъ:—Вить людей, да еще расплачиваться фальшивыми деньгами!—нѣтъ, такъ у насъ не водится! Будьте благодарны, если я васъ полиціи не выдамъ!—Я взялъ ассигнацію и убѣдился, что мнѣ дѣйствительно кто-то подsunулъ фальшивую, пользуясь моею безпечностью. Чтобы не оставаться въ подозрѣніи, я достала карандашъ и написалъ адресъ табачнаго магазина, на углу нашей улицы, гдѣ получилъ въ размѣнъ эту ассигнацію, а внизу приписалъ свой адресъ. Я далъ эту записку хозяину ресторана, говоря:—Вы обяжете меня, если представите эту ассигнацію въ полицію. Я готовъ явиться по вызову во всякое время.—Онъ засмѣялся, взялъ фальшивый билетъ и серебро въ уплату по счету, а я вернулся къ своимъ дамамъ. Тутъ только я сообразилъ, что этотъ человекъ навѣрное самъ подsunетъ комунибудь фальшивую бумажку и мнѣ придется въ концѣ концовъ снова выкупать ее. Между тѣмъ, дамы мои поджидали меня, чтобы возвратить мнѣ деньги.

— Опять какіянибудь непріятности?—спросила младшая, наблюдавшая издали долгія объясненія мои съ хозяиномъ.

— У меня оказался фальшивый пяти-марковій билетъ,—отвѣтилъ я.—Но объ этомъ не стоитъ и говорить; мнѣ непріятно только то, что это случилось въ глазахъ этихъ людей.

— Теперь много фальшивыхъ бумажекъ въ обращеніи,—замѣтила старшая изъ дамъ.—Никто не принимаетъ ни одного кредитнаго билета, не осматривъ его со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, будто всѣ эти фальшивыя деньги исходятъ изъ Румпенгейма.

„Сказавъ это, она откланялась мнѣ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что я не посмѣлъ вызваться въ провозатно. Вотъ мое приключеніе, сокровище мое. Я такъ и не узналъ, кто были эти дамы. Полагаю, что это какія нибудь окрестныя помѣщицы или дамы офицерскаго круга. Затрудняюсь рѣшить—дѣвушка или замужняя женщина младшая изъ нихъ, но полагаю, что послѣднее вѣрнѣе“.

Анжелика съ улыбкой положила письмо.—„Бѣдный малый!—подумала она.—Имѣй онъ возможность жить въ большомъ свѣтѣ, онъ былъ бы, при своемъ темпераментѣ, самымъ счастливымъ человекомъ. Онъ не созданъ для мелкихъ житейскихъ заботъ“.—Она такъ живо представила себѣ приключеніе Сигмунда, словно сама пережила его съ нимъ, и гордилась рыцарскимъ поведеніемъ своего мужа. Вечеромъ она передала своимъ воспитанницамъ о подвигѣ директора „института Брауна“. Юная компанія пришла въ восторгъ.

— Я всегда представляла себѣ Гектора въ видѣ г-на Брауна,—объявила Лидія Томсонъ.

Другія освѣдомились, не свихнуть-ли себѣ кельнеръ ногу вообще не расшибся-ли; и всё спрашивали, какъ полагаетъ г-жа Браунъ, сдѣлались-ли кельнеры вѣжливѣе послѣ таковаго урока, и прислуживаютъ-ли они г-ну Брауну, когда онъ приходитъ въ кургаузъ.

Спустя нѣсколько дней, изъ Близигенштейна пришло новое письмо. Оно начиналось увѣреніями въ любви и описаніемъ идиллическихъ уголковъ, которые пишущій надѣялся посѣтить будущимъ лѣтомъ вмѣстѣ съ Анжеликой; но она съ грустью замѣтила, что онъ ни словомъ не упомянулъ о дѣтяхъ. Далѣе опять шла рѣчь о молодой незнакомкѣ, съ которою Сигмундъ встрѣтился при такихъ романтическихъ обстоятельствахъ.

„Третьяго дня,—писалъ онъ,—ида отъ источника, я спустился въ прелестную долину, гдѣ тропинка тянется вдоль золотистаго.

тѣмъстаго ручья; и вдругъ я увидалъ передъ однимъ изъ крестьянскихъ домовъ здоровенную бабу, лицо которой показалось мнѣ знакомымъ. Она держала на рукахъ прелестное дитя, не старше вѣсколькихъ недѣль. Полагая, что это кормилица изъ какаго нибудь знакомаго мнѣ семейства, я спросилъ:—Чье это дитя?

— Это моя дочурка,—отвѣтила женщина.—Вѣдь ты мой?—обратилась она къ ребенку, цѣлуя его.

„Тутъ я вдругъ вспомнилъ—гдѣ видѣлъ эту женщину. Это была неустрашимая вафельница Жозефина съ Троицына луга, которая, къ удивленію моему, оказалась такой близкой пріятельницей Баскецера. Любопытство подстрекнуло меня спросить,—не ему ли обязана она этимъ анрельчикомъ, но я рисковалъ дорого заплатить за эту плохую шутку: Жозефина окрысилась и чуть не выпарапала мнѣ глаза.

— Ну да, ему!—задорно отвѣтила она.—Никто не хотѣлъ брать малютки, а я взяла, потому что мой другъ, докторъ, уговорилъ меня взять. И если вы знаете что нибудь объ этомъ, то ваши шутки совсѣмъ неумѣстны. Не вы-ли и виновникъ-то этого несчастія?—Мнѣ стоило труда объяснить ей, гдѣ я встрѣтилъ ее съ Баскецеромъ, и увѣрить, что я не имѣлъ никакого понятія объ ихъ тайнахъ. Тутъ она обозлилась на себя за то, что безъ нужды проболталась, и принялась, безъ всякаго визова съ моей стороны, пространно объяснять мнѣ, какъ она бродила съ Баскецеромъ по ярмаркамъ и какъ поселилась теперь на покой у своего дяди и ведетъ его хозяйство. Когда же я сталъ разспрашивать ее о ярмарочной жизни Баскецера, подозрительность ея вновь пробудилась. Она замолчала и, услыхавъ голосъ звавшаго ее старика, коротко пожалала мнѣ „спокойной ночи“ и скрылась.

„На слѣдующее утро я рано вышелъ изъ дома, чтобы насладиться утреннею свѣжестью, и спустился въ долину по той же дорогѣ, какъ и наканунѣ. Проходя мимо дома Жозефины, я не удержался, чтобы не остановиться и не заглянуть въ окно. Меня

мучило любопытство вывѣдать у этой женщины, каково отношеніе имѣетъ мой другъ Васкецеръ къ хорошенькому ребенку, отданному ей на воспитаніе. Но каково же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ въ комнатѣ прелестную незнакомку, ради которой я разыгралъ роль донъ-Бихота передъ кельнерами въ куртаузѣ! Она держала малютку на рукахъ и глядѣла на нее съ выраженіемъ материнской любви. Признаюсь, эта граціозная картина пробудила во мнѣ самыя странныя мысли. Замѣтивъ тѣнь, заслонившую окно, незнакомка подняла голову и увидѣла меня. Очевидно, она сразу узнала меня, потому что торопливо, какъ бы испугавшись, положила ребенка въ колыбель и тотчасъ вышла изъ дома. Мы встрѣтились, какъ старые знакомые; она дружески кивнула мнѣ головой и сказала: „Я пью здѣсь парное молоко,—это мое леченіе; а отсюда уже иду за тетей, чтобы сопровождать ее къ источнику“. Въ смущеніи я пробормоталъ что-то о чудесномъ утрѣ. Она поклонилась, говоря: „Вы, вѣроятно, идете къ замку; я не стану васъ удерживать“, — и поспѣшно повернула за уголъ. Разузнется, я былъ теперь вдвое болѣе заинтригованъ ребенкомъ, а въ особенности отношеніемъ къ нему этой молодой особы. Подъ предлогомъ также выпить стаканъ молока, я зашелъ въ домъ, чтобы разспросить Жозефину, кто эта дама и не ей-ли принадлежитъ ребенокъ. Но мнѣ не удалось получить ни молока, ни разъясненій. Миссъ Жозефина, очевидно воспитанная въ хорошей школѣ, отвѣчала мнѣ одиными насмѣшками. Дитя отдано ей на воспитаніе изъ города, и если я желаю усыновить его, то мнѣ слѣдуетъ обратиться къ Васкецеру. Молока у нея нѣтъ, его пьютъ на фермѣ, гдѣ все приспособлено къ принятію такихъ изящныхъ гостей, какъ я. Любопытство мое видимо разсердило ее и пробудило въ ней подозрѣніе, что я пришелъ шпионить съ какими нибудь цѣлями. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось выкинуть изъ головы сочиненный мною романъ; но я не подарю этой тайны честному „Другу Народа“.

Письмо это разсердило Анжелику. „Какая противная при-

вычека у этихъ мужчинъ изъ всего сочинять двусмысленныя исторіи!— подумала она.— Докторъ велитъ отдать въ деревню больное или осиротѣлое дитя, молодая дѣвушка заходитъ въ крестьянскій домъ выпить молока и беретъ дитя на руки—сейчасъ сочиняется пѣ-
 лый романъ, который могъ бы превратиться въ ядовитую сплетню, если бы я передала его кому нибудь. Пускай же все на этомъ и кончится!“—прибавила она, бросивъ письмо въ каминъ, у котораго жарил тартинки къ ужину для пансіонерокъ.

XIV.

Въ Румпенгеймѣ еще продолжали стоять августовскія жары. Липовая аллея, ведущая къ больницѣ, почернѣла, выжженная солн-
 цемъ, и сыпала сухіе листья на пыльную дорогу. Дома, въ про-
 долженіе пятнадцати часовъ дня пропеваемые знойными лучами, выдыхали по ночамъ теплоту, и трудно сказать, что болѣе дѣй-
 ствовало на нервы—убійственный-ли зной дня, или печная теплота
 ночи. Даже на улицѣ воздухъ былъ душенъ, какъ въ непровѣтри-
 ваемой комнатѣ.

Анжелика продолжала жить со своими ученицами въ городѣ, терпѣливо выслушивая изъ дня въ день все однѣ и тѣ же эзер-
 дици на фортепіано и упражненія въ языкахъ, поправляя въ тетрадахъ все однѣ и тѣ же ошибки.

Отъ Сигмунда приходили въ послѣднее время только корот-
 кія и безсодержательныя письма, производившія на жену его груст-
 ное впечатлѣніе. До сихъ поръ онъ отворачивался только отъ
 труда и отъ старыхъ товарищей, теперь же въ этихъ безсодер-
 жательныхъ письмахъ сквозило равнодушіе празднолюбца даже къ
 женѣ и къ дѣтямъ. Грустно откладывала Анжелика эти ничего
 не говорящія посланія, пока не пришло однажды такое, которое
 она бросила съ глубокимъ раздраженіемъ.

— Нѣтъ, съ нимъ нельзя жить!—сказала она съ негодо-
 ваніемъ.

Письмо было длиннѣе обыкновеннаго и заключало въ себѣ явно преувеличенныя увѣренія, что писавшій соскучился по женѣ и дѣтямъ. Далѣе говорилось: „Кстати, могу тебѣ сообщить, что я нашелъ помощь для нашего института. Мнѣ попалась именно такая гувернантка, какая намъ нужна. Надѣюсь, что ей не повредитъ въ твоихъ глазахъ то, что я познакомился съ нею такъ романтическииъ способомъ. Это та самая молодая дама, которую я рыцарски защищалъ противъ кельнеровъ. Я узналъ случайно, что она ищетъ мѣста, и по ближайшемъ знакомствѣ убѣдился, что она словно создана для насъ. Она достаточно обезпечена, чтобы довольствоваться маленькимъ жалованьемъ, которое мы можемъ предложить ей; манеры у нея прекрасныя, говорить на трехъ языкахъ, которыми учатъ у насъ, совершенно правильно, и свѣтская опытность ея необыкновенно велика для 22-хъ-лѣтней дѣвушки. Быть можетъ, ты слышала ея имя: это фрейлейнъ Ванда фонъ-Мауершнекъ, бывшая фрейлина ландграфини. Она оставила дворъ нынѣшнею весной, потому что придворная служба вредна для ея здоровья, и я читалъ аттестатъ, выданный ей ландграфиней. Онъ написанъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ признательности. Впрочемъ, по наружности, фрейлейнъ Ванда цвѣтетъ здоровьемъ, и трудно повѣрить, что она выдержала недавно тяжкую болѣзнь. Такъ какъ она настаивала на безотлагательномъ рѣшеніи, то я пригласилъ ее къ намъ; если же она не понравится тебѣ, то мы можемъ потомъ отпустить ее. Это не болѣе, какъ проба“.

Анжелика бросила письмо въ рабочую корзинку и глаза ея неподвижно усталились на мистическую звѣздочку страстоцвѣта, глядѣвшую съ близняго куста. Такъ вотъ, какъ онъ отблагодарилъ ее за ея самоотверженіе:—пригласилъ, не спросивъ ея, въ домъ особу, слывущую по всему городу за легкомысленную кокетку! Жена его взяла на свои плечи всѣ заботы по воспитанію молодыхъ дѣвушекъ, а онъ приглашаетъ къ ней въ сотрудницы

и сожигательницы первую встрѣченную изъ своихъ лѣтнихъ знакомыхъ. Можно-ли вести какое нибудь дѣло съ человекомъ, который самъ ничего не дѣлаетъ и только вредитъ ея трудамъ?— Не приму я ее въ свой домъ!—рѣшительно сказала себѣ молодая женщина.—Я отвѣчаю за нравственность вѣранныхъ мнѣ дѣтей и не могу допустить къ нимъ вредныхъ элементовъ.

Волеиё окончательно подорвало силу ея давно уже непомерно напряженныхъ нервовъ. Она истерически разрыдалась и съ трудомъ собрала настолько твердости, чтобы сказать бывшимъ въ смежной комнатѣ пансіонеркамъ, что онѣ могутъ идти въ садъ, такъ какъ она не въ состояннн продолжать занятій.

Она легла на софу, обвязала мокрымъ платкомъ разболѣвшуюся голову и погрузилась въ тупое раздумье, спрашивая себя, что ей дѣлать. Поручить воспитаніе дѣтей подобной дамѣ было, по ея мнѣннн, немислимо. Раздѣлять свой домъ съ отставною фрейликою, въ которую Сигмундъ, безъ сомнѣннн, влюбился, такъ какъ она навѣрное опутала его сѣтями кокетства,—это значило бы проститься навсегда съ семейнымъ счастьемъ. Уже присутствіе молоденькихъ пансіонерокъ служило для ея мужа только случаемъ къ забавамъ, а теперь еще заведется въ домѣ любовная интрига съ прошедшей огонь и воду придворной жизни гувернанткой, которая, конечно, будетъ столь же мало интересоваться воспитаніемъ дѣтей, какъ и самъ Сигмундъ! Все это можетъ повести къ такимъ обстоятельствамъ, что ужъ лучше закрыть институтъ, чѣмъ рисковать подобною отвѣтственностью. Предчувствія давили какъ свинцовая тяжесть наболѣвшее сердце молодой женщины и наполняли ее горькимъ сознаніемъ неудачности выбора, сдѣланнаго ея сердцемъ. Вся ея жизнь, казалось, готова была разбиться объ эту ошибку, сдѣланную семнадцатилѣтнею дѣвочкой. „Но кто заглядываетъ въ будущее, выходя замужъ“,—съ горечью говорила она себѣ.

Подъ вечеръ она встала, силясь преодолѣть продолжавшееся

голововращеніе, и одѣлась, чтобы выйти со двора. Она взяла съ собою свою маленькую дочурку, хотя сама не знала хорошенько, куда она идетъ. Ей хотѣлось только уйти куда нибудь изъ испорченнаго городского воздуха. Она направилась къ парку и пошла длинною, прямою тропкою черезъ сосновый лѣсъ, нища вдали отъ людей облегченія своему щемящему сердцу.

—Если бы Генриетауръ былъ здѣсь! Одинъ онъ могъ бы заставить Сигмунда понять, что онъ обязанъ оказывать мнѣ хотя сколько нибудь вниманія за мои труды и заботы, — со вздохомъ подумала она, возбужденно шагая по лѣсной дорогѣ и увлекая за собою дѣвочку.

Послѣ долгой жары и засухи, небо приняло свинцовый тонъ и воздухъ былъ смертью подъ тяжелою грозовою тучей. Пересохшіе кусты вяло свѣсили сучья, дерягъ пылилъ подъ ногами. Молодая женщина машинально шагала, не будучи въ состояніи даже думать въ овладѣвшей ею апатіи. Она шла только для того, чтобы облегчить тяжесть, давившую ей сердце, и не замѣчала, что тучи сгустились и въ лѣсу дѣлалось все темнѣе и темнѣе. Вдругъ она замѣтила, что верхушки деревьевъ срываются и скрипятъ, а вихрь крутитъ по дорогѣ пыль и сухія листья. Ясно было, что собирается гроза. Анжелика, въ своемъ волненіи, не обратила вниманія на то, что дѣвочка ее легко одѣта, и взяла ее въ томъ платьѣ, въ какомъ та была дома. Сама она также не взяла ни зонтика, ни накидки, и, не замѣчая времени, зашла довольно далеко отъ города. Кратчайшимъ путемъ домой была большая дорога, пересѣкавшая лѣсъ, но когда Анжелика дошла до нея, буря уже разыгралась, сосны стонали, сгибаемыя вѣтрами, и по дорогѣ неслись тучи пыли. Дѣвочка плакала, уцѣпившись за руку матери; круглая шляпа ее свѣслась на затылокъ. Такимъ образомъ обѣ продолжали идти къ городскимъ воротамъ, борясь съ вѣтрами. Какъ разъ въ ту минуту, когда блеснула первая молнія и страшный ударъ грома потрясъ воздухъ,

ихъ нагнала придворная карета. Дѣвочка громко закричала и, въ смертельномъ страхѣ, судорожно вцѣпилась въ руку матери, которая нагнулась къ ней, лаская и ободряя ее. Карета также остановилась, потому что статный кучеръ въ придворной ливреѣ съ галунами сдержалъ лошадей, опасаясь, что онѣ понесутъ. Лакей соскочилъ съ козелъ, чтобы доложить сидѣвшей въ каретѣ дамѣ, что кучеръ признаетъ за лучшее постоять пока лошади не привыкнутъ къ грозу. При первыхъ крупныхъ капляхъ дождя, Анжелика, боровшаяся съ бурей, прикрывая ребенка, машинально обратила на экипажъ молящій о помощи взглядъ. Изъ окна кареты высунулась маленькая ландграфиня и поманила ее своею крошечною ручкой, обтянутою перчаткой:

— Придите сюда, придите, добрая женщина! Садитесь ко мнѣ въ карету съ вашимъ милымъ ребенкомъ! Я охотно помогаю страждущимъ.

Анжелика поблагодарила и побѣжала съ дѣвочкой къ экипажу, въ который лакей подсадылъ ихъ. Молодая женщина скромно прижалась въ уголь экипажа. Заплаканные, лихорадочно блестящіе глаза и легкій румянецъ, залившійся ея нѣжное личико во время борьбы съ бурей, придавали ея лицу что-то трогательное. Ландграфиня приласкала дѣвочку, спрашивая, какъ ее зовутъ, именица-ли она и гдѣ учится.

— Васъ, должно быть, удивляетъ, что я выѣзжаю совсѣмъ одна, — сказала она Анжеликѣ, когда экипажъ, обливаемый дождемъ, тихо двинулся въ путь. — Но моя добрая старушка Мауершнеекъ такъ больна, что я должна дать ей отпускъ.

— Баронесса, кажется, живетъ съ племянницею въ Близигенштейнѣ, — замѣтила Анжелика, ухватившись за случай вывѣдать у разговорчивой принцессы, что побудило Ванду Мауершнеекъ удалиться отъ двора и какими судьбами бывшая фрейлина снизошла до званія гувернантки.

— Да, съ моей доброй Вандой,—сказала ландграфиня, разсѣянно глядя въ сторону.

— Фрейлейбъ Ванда вынуждается поступить къ намъ въ учительницы,—выпала г-жа Браунъ, жалая во что бы то ни стало узнать, что думаетъ ландграфиня объ этой молодой дѣвушкѣ.

— Здѣсь—въ городѣ?—оторопѣло проговорила принцесса.— Нѣтъ, это невозможно.

— Вамъ свѣтлость полагаетъ, что она неспособна быть воспитательницей молодыхъ дѣвицъ?—напрямикъ спросила Анжелика.

Ландграфиня нервно встрепенулась.

— О, нѣтъ, не то! Я была бы неблагодарной, если бы не признавала ея вѣрной службѣи мнѣ. Но — не понимаю, какъ это могло случиться, только докторъ нашегъ, что она сильно разстроила свое здоровье на службѣ. Видѣ она такая самоотверженная. Я хотѣла только сказать, что ей не слѣдуетъ жить въ городѣ...

— Развѣ она нелюбима здѣсь? — допытывалась Анжелика.

Но принцесса только неохотно пошевелила губами и снова разсѣянно замолчала, скосивъ свои безцвѣтные глаза на крышку экипажа.

— Ахъ! вамъ хорошо!—начала она, немного погодя.—Вы можете сосредоточиваться. А вотъ, если бы вы знали, какъ меня треплютъ со всѣхъ сторонъ! У меня столько заботъ, что нѣрѣдко голова идетъ кругомъ.

Экипажъ остановился и Анжелика тутъ только замѣтила, что онѣ уже подъѣхали къ заднему фасаду дворца. Изъ подтѣзда выскочилъ лакей, отворилъ дверцу и раскрылъ зонтикъ надъ принцессой.

— Добраго пути вамъ и вашей милой малюткѣ! Какъ вы счастливы, что у васъ есть дѣти!—со вздохомъ прибавила ландграфиня.

Она поцѣловала дѣвочку, приказала лакею отвезти дамъ до-

ней и скривилась въ подѣздѣ. Анжеликѣ такъ и не удалось разспросить ее толкомъ о Вадѣ.

Между тѣмъ въ „институтѣ Брауна“ царствовалъ переполохъ. Воспитанницы терались въ догадкахъ на счетъ страннаго поведенія любимой начальницы, за которую всѣ онѣ готовы были идти въ огонь и въ воду. Предводительницей маленькой кучки во всѣхъ проказахъ и президентшей во всѣхъ совѣтахъ была маленькая англичанка Лидія Томсонъ. Она придумывала шалости, отпускала остроты и сердилась, когда ктонибудь изъ подругъ не давалъ ей читать своихъ писемъ. При этомъ она охотно сочиняла исторіи, которыми другія обыкновенно вѣрили. На этотъ разъ она сочинила, будто г-жа Браунъ сказала ей по секрету, что она ѣдетъ за своимъ мужемъ, который ужъ слишкомъ много урковъ пропустилъ. И Лидія прибавила, что родители ея не стали бы платить такія большія деньги за нее, если бы знали, чтъ д-ръ Браунъ по цѣлымъ мѣсяцамъ путешествуетъ. Разговоръ этотъ наконецъ истощился, но дѣвочки продолжали гулять по саду покуда разразившаяся гроза не загнала всю шаловливую компанію домой. Тутъ началось оплакиваніе судьбы бѣдной г-жи Браунъ, застигнутой такою непогодой. Но каково же было удивленіе воспитанницъ, когда начальница ихъ вернулась домой, подъ проливнымъ дождемъ, въ придворномъ экипажѣ! Еще болѣе озадачило ихъ то, что она тотчасъ прошла въ свою комнату, чтобы уложить свою дѣвочку въ постель, и ни слова не сказала имъ въ объясненіе рѣдкой чести, которой она удостоилась. „Она плакала, когда уходила,— шептали другъ другу воспитанницы.— Должно быть, она была съ дочкой у ландграфа“.

— Она только что получила передъ тѣмъ письмо отъ своего мужа,—замѣтила Эленъ Стиръ.

— Навѣрное, она жаловалась ландграфу, что мужъ сваливаетъ весь трудъ на нее одну, а самъ прогуливается по свѣту,—рѣшила Лидія Томсонъ.

— Можетъ быть, онъ съжалъ отъ нея и она просила ландграфа вернуть его,—шепнула Эленъ, уже начитавшаяся дома романовъ. Другія захихикали и рѣшили, что она говорить глупости. Но какъ бы то ни было, а всѣ были убѣждены, что въ домѣ случилось нѣчто необыкновенное. Однако, всѣ ихъ романтическія догадки были опровергнуты самымъ прозаическимъ образомъ, когда вышедшая къ нимъ Анжелика, съ обычной ласковой улыбкой на блѣдномъ личикѣ, объяснила все дѣло грозой. Когда она кончила свой рассказъ, дѣвочки единогласно рѣшили, что ландграфиня поступила въ этомъ случаѣ очень хорошо.

— Быть можетъ, узнавъ г-жу Браунъ, она станетъ почаще посылать за нами свою карету для прогулки.—Онѣ были твердо убѣждены, что стоило только узнать г-жу Браунъ, чтобы полюбить ее.

Цѣлый вечеръ послѣ того только и разговора было, что о веревитыхъ дѣвочками грозахъ, которыя оказывались одна другой страшнѣе.

Когда воспитанницы улеглись, Анжелика долго еще сидѣла на своемъ стулѣ и въ раздумьи глядѣла въ пламя лампы. Рѣшимость ея—попросту запретить мужу привозить Ванду—ослабѣла. Послѣ преувеличенныхъ похвалъ ландграфини, молодая женщина опасалась поступить несправедливо, отвергнувъ эту гувернантку единственно изъ предубѣжденія. Къ этому присоединилось и любопытство, и даже жалость. Отчего принцесса, такъ восхищавшаяся Вандой, не желаетъ, однако, чтобы та жила въ Рупенгеймѣ? И зачѣмъ Ванда хочетъ возвратиться въ городъ, гдѣ необыкновенный шагъ ея долженъ обратитъ на себя общее вниманіе? Всѣ эти вопросы тѣснились къ головѣ Анжелики и, не смотря на восторженные возгласы безтолковой ландграфини, которая никакъ не могла „сосредоточиться“, поддерживали въ ней глубокое недовѣріе къ неожиданно навязанной ей сожительницѣ.

„Ничего не понимаю я въ этой исторіи,—говорила она себѣ.—Можетъ быть, Сигмундъ разрѣшитъ загадку. Подождемъ—увѣ-

днѣ, а пока приготовилъ для гостя комнату“. Съ этимъ рѣшеніемъ она легла спать и оттого-ли, что напряженное состояніе ея разрѣшилось, или же оттого, что гроза очистила и освѣтила воздухъ, но въ первый разъ послѣ многихъ ночей Анжелика заснула крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

Однако, поутру ей опять стало казаться, что нужно написать Сигмунду, что она не нуждается ни въ какой помощницѣ. Ей страшно было подумать, что въ ея мирную, ясную жизнь вторгнется чужой человѣкъ, который постоянно будетъ торчать передъ нею, наблюдать за нею, вставлять свое слово въ ея дѣла. Мысль, что ей ни на часъ не придется оставаться наединѣ съ дѣтьми, съ мужемъ, съ Геннегауеромъ,—была невыносима для нея. Въ ней шевельнулась ревность, когда она представляла себѣ, что ей придется раздѣлить съ другою свое вліяніе на воспитанницъ и даже для своихъ дѣтей она не будетъ болѣе всѣмъ. „Сигмундъ не знаетъ,—говорила она себѣ,—онъ никогда не испыталъ, что значить безраздѣльно обладать довѣріемъ ребенка, видящаго въ своей матери провидѣніе, у котораго онъ естественно ищетъ совѣта, защиты, руководства въ занятіяхъ и удовольствіяхъ, помощи во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ. Дитя—это часть нашего я, которая сбѣгаетъ отдѣльно отъ насъ, но постоянно возвращается къ намъ. Что если, вмѣсто „я пойду спросить маму“, мнѣ придется слышать отъ моихъ дѣтей: „я пойду спросить фрейлейнъ Банду?“ Анжеликѣ казалось, что она не переживетъ этого. До сихъ поръ сердца ея дѣтей были всецѣло въ ея рукахъ, она могла контролировать каждое ихъ впечатлѣніе. Все это переживается, когда въ мирномъ домѣ ихъ поселится свѣтская дама. Мужа Анжелика не ревновала; этого рода чувство было чуждо ея душѣ. Она ревновала только дѣтей.

Однако, времени на размышленіе оставалось немного. Вскорѣ послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа и Анжелика, выглянувъ въ окно, увидѣла Сигмунда, высаживавшаго изъ кареты статную

и красивую молодую особу. Поблагодаривъ его улыбкой, она обратила свои большіе темные глаза на домъ, и взглядъ этихъ жгучихъ глазъ встрѣтился съ ясными голубыми глазами Анжелики. Но непривѣтвенна была эта встрѣча. Ванда быстро перевела глаза на экипажъ, изъ котораго Сигмундъ заботливо доставалъ ей чемоданы и баулы.

Анжелика видѣла, какъ дѣти бросились изъ сада къ отцу и какъ онъ дѣлилъ свое вниманіе между ними и гостьей. „Этихъ она не отобьетъ у меня,—подумала молодая женщина, видя, какъ пріѣзжая пачется отъ дѣтей, боясь, чтобы они не испортили ея платья.—Впередъ! нужно встрѣтить врага“,—сказала себѣ г-жа Браунъ.

Волющія державы встрѣтились въ дверяхъ. Ванда, которую велъ Сигмундъ, оставила его руку, чтобы дать ему возможность обнять жену, но Анжелика сначала протянула руку гостьѣ, которую та приняла съ граціознымъ поклономъ, а потомъ уже подставила щеку своему мужу для поцѣлуя. „Пускай чувствуетъ, какъ она стѣсняетъ насъ“,—подумала молодая женщина.

Она повела пріѣзжую въ ея комнату, куда Сигмундъ со служанкой перенесли ея вещи. Ванда держала себя хорошо, всѣмъ была довольна, за все благодарила и, привыкнувъ въ обращеніи съ ландграфиней выражать каждымъ движеніемъ свою подчиненность, оставаясь въ то же время знатной дамой,—во всемъ уступала первую роль Анжеликѣ, не ностушаясь, однако, собственнымъ достоинствомъ.

„А у нея много такта,—подумала г-жа Браунъ.—Это не лишнее въ обществѣ“.

Она сообщила новой гувернантѣ, сколько у нихъ воспитанницъ, и предложила свой планъ раздѣленія уроковъ. Помощница все понимала и со всѣмъ соглашалась.

За столомъ пансіонерки глядѣли на пріѣзжую большими глазами.

— Она хорошенькая, но не любезная, — замѣтила послѣ обѣда Эленъ Стеръ, — съ нами она ни слова не сказала.

Послѣ обѣда Вагда предложила „г-жѣ докторшѣ“, — какъ она называла Анжелику съ отгѣнкомъ формализма, — отдохнуть въ саду, пока она займется съ дѣвочками мюзикальными упражненіями, и та слышала изъ сада, какъ она сначала очень правильно сыграла имъ піесу, потомъ блестяще варьировала ее, послѣ чего началось скучное повтореніе ея ученицами.

— Ну, скажи же мнѣ спасибо, — сказалъ Сигмундъ женѣ, когда они сѣли въ саду на свое обычное мѣсто. — Сама ты никогда не пришла бы ни къ какому рѣшенію. Какъ она тебѣ нравится?

— Я одного не понимаю, — уклончиво отвѣтила жена: — если дворъ считаетъ себя обязаннымъ передъ фрейлейнъ Вандой, какъ увѣряла меня ландграфиня, то почему же ландграфъ не обезпечить ея?

— Ты была у ландграфини? — спросилъ Сигмундъ вочти съ испугомъ.

— Мы встрѣтились случайно, — равнодушно отвѣтила Анжелика и передала мужу приключенія вчерашняго дня.

Онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и видимо почувствовалъ облегченіе, когда жена его кончила свой рассказъ.

— Я могу разъяснить твои сомнѣнія, — сказалъ онъ послѣ того равнодушнымъ тономъ. — Ландграфъ обезпечилъ фрейлейнъ Вагду, но — фальшивыми кредитными билетами. Я видѣлъ ихъ собственными глазами. Гордость не позволяетъ ей сказать ему, что данныя имъ деньги не имѣютъ никакой цѣны, и я былъ свидѣтелемъ сцены, которую сдѣлала ей по этому поводу ея тетка. Гордость — то и понравилась мнѣ въ этой молодой дѣвушкѣ.

Анжелика поколчала и потомъ спросила:

— И ты не знаешь, отчего она оставила дворъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Сигмундъ, краснѣя.

— Я ничего не понимаю въ этой исторіи, — сказала жена. —

Впрочемъ, посмотришь, какъ у нея пойдетъ дѣло.

Ей показалось, что мужъ ея знаетъ болѣе, чѣмъ сознается, но она не хотѣла вторгаться въ чужія тайны, и замолчала.

Вечеромъ Ванда рано удалилась къ себѣ, чтобы оставить сунруговъ вдвоемъ, и Анжелика была благодарна ей за это. У нея лежало на сердцѣ много заботъ, которыми она обыкновенно дѣлилась съ Геннегауеромъ, но теперь попыталась посоветоваться со своимъ мужемъ, въ надеждѣ, что онъ выслушаетъ ее.

Лишь только Ванда вошла въ свою комнату, какъ веселое и любезное выраженіе сошло съ ея лица. Она съ мрачной миной заперла на ключъ свою дверь, отворила окно и сѣла воалѣ него такимъ образомъ, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ, не будучи видимою со двора. Она сидѣла, устремивъ неподвижный взоръ на темныя, разорванныя тучи надъ опушкой лѣса, на которомъ еще потухалъ грязновато-красный вечерній свѣтъ. На дворѣ было такъ тихо, словно вымерло все живущее на землѣ. Молодая женщина, лицо которой приняло жесткое, упрямое выраженіе, размышляла о своихъ дальнѣйшихъ мѣрахъ. Тетка ея, эта несносная старая дура, отдѣлалась отъ нея и Ванда пріѣхала въ Румпенгеймъ съ тѣмъ, чтобы принудить ландграфа обезпечить ее, пока тетка не разгласила ея тайны по всему городу. Впрочемъ, такіа тайны никогда не остаются скрытыми навѣкъ, а ея тайну уже и теперь знаютъ слишкомъ многіе. Поэтому необходимо найти поспорѣе мужа. Тогда пускай судачатъ сколько хотять!

Положеніе ея въ семьѣ Брауна было для нея безразлично; она смотрѣла на этотъ домъ, какъ на временное пристанище, — правда, съ докучливыми обязанностями, но онѣ будутъ кратко-временны. Нуженъ же былъ какой нибудь благовидный предлогъ для появленія ея въ Румпенгеймъ, а чѣмъ ниже будетъ ея положеніе, тѣмъ большую сенсацію произведетъ оно и тѣмъ вѣрнѣе принудитъ ландграфа обезпечить ее ради своего собственнаго интереса. Положеніе ея было не изъ пріятныхъ; но не сама-ли она довела себя до этого? Испорченная, страстная кровь ея свергнула

ее въ эту бездну; бездушный эгоистъ, которому она отдалась, предоставилъ ее самой себѣ, а шарлатанъ-докторъ, взглянувшій на все это какъ на фарсъ, думалъ лишь о томъ, какъ бы обмануть глупую свинье всякой жѣры ландграфиню. Но что ей, Вандѣ, въ добромъ мнѣннн этой дурочки! Главное—средства къ жизни, обезпеченность. Хуже всего то, что у нея нѣтъ другого посредника въ переговорахъ съ дворомъ, кромѣ того же Басвепера, у котораго столько же деликатности, сколько у любого фельдфебеля. Отъ былъ невыносимъ ей своими пошлыми шутками, но она не желала брать еще новаго повѣреннаго своей тайны. Раскаленіе, злоба, ненависть ко всему человѣчеству—кипѣли въ ея сердцѣ, пока она сидѣла, прислонившись пышными босами къ босяку окна, и теплый ночной вѣтеръ ласкалъ ея росовыи затылокъ. Отчего ей одной приходится такъ горько расплачиваться за то, что другихъ ведетъ къ высокому положенію, влиянію и почету? Она злобно тоннула ногой, проклиная свое легкомисліе, такъ грубо одурачившее ее. Вѣдь ландграфъ румпенгеймскій не Людовикъ XIV. Мелкіе князьки не могутъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ...

Долго просидѣла она въ раздумьи въ эту тихую ночь.

— Трусъ!—прошипѣла она наконецъ, затворяя окно.—Берегись же! Я опять здѣсь и останусь здѣсь, не смотря на всѣ твои угрозы, пока ты не обезпечишь меня, какъ обѣщалъ. Я настою на моемъ правѣ, хотя бы все это проклятое гнѣздо, со всѣмъ его ландграфскимъ величіемъ, перевернулось вверхъ ногами!..

Б. Ротманнъ.

(Продолженіе будетъ).

СОНЪ ВЪ НОЧЬ НА ІОМЪ-КИПУРЪ.

(ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ОДНОЙ ЛИТОВСКОЙ СИНАГОГИ).

Знакомы-ли вы, читатель, съ угрюмою страной, которая гордится своими громадными болотами, исполинскими лѣсами и священною породою невымирающихъ зубровъ? Это—Литва, моя дорогая родина, несчастная и обнищавшая страна, съ унылою тоской влачащая свое незавидное, жалкое существованіе. Но сквозь ея нищенскія лохмотья просвѣчиваются величественно-прекрасныя формы, исполненныя прелести и таинственнаго очарованія; точно развѣчанная царица, наклонилась она въ грустномъ уныніи надъ берегами Нѣмана, тоскливо вперивъ свои заплаканные глаза въ его зеркальную поверхность. Въ его прозрачныхъ водахъ отражаются величественныя литовскіе лѣса, дивныя ландшафты причудливыхъ береговъ, восходящее солнце, прогоняющее тускло-мерцающія звѣзды, и меланхолическая луна, плавно выплывающая изъ лѣсной чащи на голубой небосклонъ. Но на его таинственномъ днѣ видны только бѣлѣющія кости храбрыхъ рыцарей Литвы, сронившихъ подъ безмолвными волнами кровавую тайну своей жизни...

Когда моя фантазія блуждаетъ въ заповѣдныхъ литовскихъ лѣсахъ, я всякій разъ съ недоумѣніемъ спрашиваю себя, неужели здѣсь когда-то древніе вайделоты, жрецы независимаго, свободнаго народа, совершали свои священныя мистеріи? Неужели здѣсь когда-то раздавались игривые звуки охотничьяго рога литовскихъ магнатовъ, во всю ширь своего шляхетскаго «гонору» веселившихся въ нихъ съ цвѣтущими розовыми паннами и ихъ любезными элегантными кавалерами? — И точно

въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, иной разъ по топкой лѣсной тропинкѣ протащится на своей понурой клячонкѣ приниженный, сосредоточенный въ себѣ бѣлорусскій крестьянинъ; за нимъ промчится въ разбитомъ тарантасѣ литовскій шляхтичъ, крутя свои длинные молодецкіе усы; иногда также въ лѣсной грязи прошлепаются несчастный жидъ-коробейникъ, изнывающій подъ своею тяжелою ношай... а высокія, угрюмыя ели заповѣднаго литовскаго лѣса таинственно шепчутся между собою, какъ и сотни лѣтъ тому назадъ, точно хотятъ передать другъ другу какую-то грустную тайну, и сострадательно киваютъ своими зелеными верхушками. Есть что-то томительно-тоскливое въ этомъ таинственномъ шопотѣ, есть что-то болѣзненно-грустное въ монотонномъ щебетаніи одичалыхъ птицъ литовскихъ лѣсовъ и въ безумныхъ прыжкахъ одинокой, запуганной бѣлки!

Тоскливо и грустно въ этихъ зеленыхъ дубравахъ: заглянете лучше въ литовскіе города! Можетъ быть, тамъ намъ брызнетъ въ лицо освѣжающая струя довольной народной жизни, можетъ быть, тамъ мы услышимъ веселыя народныя пѣсни за шипучимъ бокаломъ пѣнящагося вина? Но напрасно мы убаюкиваемъ себя этими розовыми надеждами: въ литовскихъ городахъ мы увидимъ тѣсныя кривыя улицы, неизмѣрно-грязные еврейскіе кварталы и ихъ обшарпанныхъ гражданъ съ черными курчавыми волосами, классическими горбатыми носами и умными, бѣгающими глазами. Вотъ предъ вами любопытнымъ взоромъ одна изъ главныхъ улицъ моего родного города: по грязному тротуару степенно и медленно шествуетъ подрядчикъ, выпучивъ впередъ свое сытое брюхо; рядомъ съ нимъ, въ почтительномъ отдаленіи еле плетется проголодавшійся ремесленникъ, со стыдливою мольбой протягивающій къ нему свои костлявыя руки; всѣ прохожіе почтительно кланяются разжирѣвшему «гвиру» и съ какою-то затаенною боязнью уступаютъ ему дорогу; только пробѣжавшая мимо набожная полька съ бархатымъ молитвенникомъ въ рукѣ непочтительно задѣла его своимъ тоненькимъ локтемъ и, окинувъ его полную фигуру презрительно-завистливымъ взглядомъ, ядовито прошипѣла сквозь злобно стиснутые зубы: «ишь, жидовская фанаберія!» Далѣе, на томъ же тротуарѣ, у порога убогой лавчонки

блѣднеликій, чахоточный торгашъ слезливымъ груднымъ голосомъ зовываетъ къ себѣ прохожихъ: «купите у меня что нибудь, Богъ вамъ поможетъ», а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, у воротъ какой-то невзрачной еврейской гостиницы, вертлявый факторъ, точно запуганная собака, подобострастно влѣзаетъ около молоданькаго офицера, подмигивая ему своими замаслившимися глазами.

Мрачны и грустны мои воспоминанія изъ Литвы, такъ же, какъ мрачно и угрюмо это излюбленное гнѣздо нищеты и предразсудковъ! Но когда я переносусь своимъ воображеніемъ въ мой родной литовскій городъ, гдѣ я провелъ свои дѣтскіе и юношескіе годы, оно прежде всего останавливается на старой синагогѣ, изъ которой я вынесъ также много и отрадныхъ воспоминаній. Въ ея стѣнахъ я уже съ самаго ранняго дѣтства, какъ всѣ еврейскіе мальчики, возносилъ свои молитвы къ страшному, всеильному Богу, а на большомъ синагогальномъ дворѣ игралъ въ кости и другія игры съ моими маленькими ровесниками. Когда же я, къ зависти моихъ хедерныхъ товарищей, надѣлъ гимназическій мундиръ съ блестящими серебряными пуговицами, старая, родная синагога сдѣлалась для меня убѣжищемъ, въ которомъ я находилъ отдыхъ отъ подавляющихъ классныхъ впечатлѣній и успокаивалъ свое дѣтское самолюбіе, раздраженное частыми пинками моихъ новыхъ товарищей. Когда же я сталъ еще старше, и критическая мысль начала шевелиться въ моей головѣ, ея мрачныя, угрюмыя стѣны пріобрѣли для меня особую мистическую прелесть, и я часто съ удовольствіемъ посѣщалъ старую городскую синагогу, съ которой я былъ связанъ разнообразными воспоминаніями дѣтства.

На грязной площади еврейскаго квартала, среди кучи деревянныхъ лачугъ, возвышается неуклюжее каменное зданіе, въ которомъ каждый болѣе или менѣе знакомый съ литовскими городами сейчасъ же узнаетъ еврейскую синагогу. Строитель ея, повидимому, не имѣлъ никакого понятія о художественномъ стилѣ, но за то онъ сумѣлъ наложить на все зданіе тотъ суровый отпечатокъ нищеты и униженія, которое составляетъ характеристическую особенность еврейскаго квартала.

Широкій корпусъ синагоги, занимающій почти всю ширину площади, имѣетъ неуклюжую продолговатую форму и скорѣе принижено наклоняется къ землѣ, чѣмъ гордо возвышается къ небу, какъ другіе храмы въ нанемъ городѣ; полукруглыя рѣшетчатыя окна издали кажутся зияющими дырами, пробурвленными въ массивныхъ каменныхъ глыбахъ, кое-гдѣ уже покрытыхъ плѣсенью; только во фронтонѣ зданія робкій полетъ забитой фантазіи сказался въ невысокой башнѣ, боязливо выдвигающейся надъ остальнымъ корпусомъ, съ громаднымъ щитомъ Давида на своей остроконечной верхушкѣ. Словомъ, внѣшній видъ синагоги производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе; при совершеніи ея невольно овладѣваетъ то же самое чувство, какое испытываешь при видѣ нищаго въ лохмотьяхъ, робко просящаго подавнїя; за то внутри синагоги взоръ зрителя поражается величественной, мрачной простотой ея аскетическаго убранства: широкая каменная лѣстница ведетъ въ громадный залъ, обладающій холодомъ подземелья; таинственный полумракъ густыми облаками нависъ надъ каменнымъ поломъ и только кое-гдѣ прорѣзывается слабыми полосками свѣта, пробивающимися чрезъ высокія рѣшетчатыя окна; въ самомъ центрѣ зала выдвигаются изъ полумрака, точно изъ бездонной черной пропасти, четыре стройныя бѣлыя колонны, поддерживающія мощный потолокъ, испещренный дугообразными линиями перекрещивающихся мрачныхъ сводовъ; эти колонны ограничиваютъ собою мѣсто для эстрады, на которой по субботамъ читаются отрывки изъ божественной Торы; по обѣимъ сторонамъ эстрады тянутся нескончаемые ряды простыхъ некрашеныхъ скамеекъ и высокихъ покатыхъ столовъ, занимающихъ все пространство синагоги вплоть до самыхъ стѣнъ; послѣднія, блистая бѣливною, возвышаются въ своей гордой наготѣ до самаго потолка, точно онѣ брегаваютъ мишурными украшеніями суетнаго свѣта; только одна восточная стѣна, находящаяся въ глубинѣ синагоги, убрана со всею роскошью, какаю только доступна обитателямъ черты: она вся почти испещрена причудливыми арабесками и изображеніями всевозможныхъ птицъ и звѣрей, перамѣшанныхъ между собою въ самой разнообразной пестротѣ; среди нихъ, въ глубокой темной нишѣ во-

сточной стѣны, покоится, точно жемчужина въ дорогой оправѣ; священный кивотъ со свитками божественнаго завета; спереди тяжелый бархатный занавѣсъ, вышитый золотомъ, скрываетъ его отъ нескромныхъ взоровъ, сбоку два херувима обѣщаютъ его своими крыльями, а сверху два благородныхъ гипсовыхъ льва высоко держатъ надъ нимъ въ своихъ державныхъ жогтяхъ каменные скрижали, на которыхъ золотыми буквами начертаны 10 заповѣдей; передъ священнымъ кивотомъ стоитъ простой деревянный налож, за которымъ канторъ читаетъ молитвы. Заботливое убранство восточной стѣны и аскетическая бѣдность прочихъ стѣнъ, богатый бархатный занавѣсъ предъ священнымъ кивотомъ, вышитый золотомъ, и тяжелыя мѣдныя люстры, спускающіяся съ потолка на толстыхъ канатахъ, — все это производитъ чрезвычайно трогательный контрастъ и внушаетъ невольное уваженіе къ людямъ, которые умѣютъ окружать такимъ почетомъ абстрактное писанное слово.

Во время молитвенныхъ паузъ я любилъ погружаться своими мечтами въ таинственный полумракъ, наполняющій собою синагогу, и уноситься своимъ юнымъ воображеніемъ въ далекое прошлое нашего народа, изобилующее столькими чудесными событіями; я любилъ также смотрѣть на мрачныя, угрюмыя фигуры еврейскихъ прихожанъ, которые такимъ удивительнымъ образомъ преобразуются во время молитвы; на улицѣ они хлепотливо бѣгаютъ, согнувшись въ три погибели, трусливо озираются по сторонамъ, точно ихъ вѣчно преслѣдуетъ погоня, и отчаянно жестикулируютъ своими руками; въ синагогѣ они еще ниже склоняютъ свои головы предъ священнымъ кивотомъ, еще ревностнѣе жестикулируютъ, но за то какъ сосредоточенно-торжественны ихъ лица, какъ идеальна эта жестикуляція, служащая выраженіемъ религіознаго экстаза; когда же, во время вечерней молитвы, въ огромномъ залѣ, слабо освѣщенномъ салными огарками, слышенъ молитвеннаго шопота, вдругъ раздавались изъ десяти тысячъ густыя торжественныя звуки: «Услышь, Израиль, Господь одинъ!» — меня всегда охватывала благоговѣйная дрожь. Тогда я теперь еще припоминаю эти моменты, я невольно уношусь на крыльяхъ своей фантазіи въ мрачную Испанію, столь часто оплакиваемое отечество на-

шихъ предковъ; огромный залъ синагоги, освѣщенный слабыми огоньками, бояливо борющимися съ чудовищными тѣнями на высокихъ стѣнахъ и каменномъ полу, представляется мнѣ тайнымъ подземельемъ, въ которомъ запуганные марраны справляютъ свое богослуженіе. «Услышь, Израиль, Господь нашъ—Богъ единъ! Услышь, Израиль»... отдается торжественнымъ, глухимъ эхо въ громадномъ залѣ. Вдругъ въ стѣнахъ синагоги раздается подозрительный стукъ, съ трескомъ и шумомъ растворяются желѣзныя двери подземелья, въ синагогу входятъ прислужники великой инквизиціи въ черныхъ мантияхъ, съ черными факелами въ рукахъ, и безмолвно, точно черныя тѣни подземнаго міра, приближаются къ трепещущимъ членамъ общины, но тогда еще въ седьмой разъ раздается торжественное: «Услышь, Израиль, Господь нашъ—Богъ единъ!» и марраны съ обновленными силами слѣдуютъ за своими черными палачами въ знаменитыя свинцовыя тюрьмы инквизиціи.

Изъ лицъ, особенно усердно посѣщавшихъ мою дорогую старую синагогу, въ памяти моей особенно ярко запечатлѣлись двѣ оригинальныя фигуры, — оригинальныя настолько, насколько оригинальна была сама синагога, создавшая ихъ. Это были: ребъ Нохимъ Хромой и Айзикъ Рыжій.

Ребъ Нохимъ Хромой получилъ свое прозвище оттого, что прихрамывалъ на одну ногу. Онъ принадлежалъ къ благородному сословію такъ называемыхъ «прушимъ», т. е. людей, все ремесло которыхъ заключалось въ прилежномъ изученіи Торы; за это богоугодное занятіе ребъ Нохимъ получалъ обѣды у благочестивыхъ единовѣрцевъ и такимъ образомъ кое-какъ поддерживалъ свое брѣнное существованіе. До сихъ поръ еще свѣжа въ моей памяти его толстенъкая, немного грузная фигура, болтающаяся на тоненькихъ ножкахъ, его остроконечная бородка, вздернутыя толстыя губы и добрые глаза, безпкойно бѣгающіе въ своихъ орбитахъ; не смотря на сосредоточенность и серьезность умственной работы, которой требовали его ежедневныя занятія, добродушный ребъ Нохимъ былъ одержимъ одною слабостью, которая, впрочемъ, сдѣлалась національною особенностью всего еврейства: онъ страстно любилъ болтать; его гибкій язычокъ вертѣлся во рту, точно мельнич-

ное колесо; бѣдный ребъ, Нохимъ долженъ былъ давать ему волю, когда только находилъ благосклоннаго слушателя. Благодаря этой счастливой особености его характера, мы вскорѣ сблизились другъ съ другомъ, не смотря на громадную разницу нашихъ лѣтъ, такъ какъ во мнѣ ребъ Нохимъ нашлъ постоянного и вдобавокъ очень внимательнаго слушателя. Я часто по цѣлымъ часамъ засиживался въ молельнѣ, прилежавшей къ синагогѣ, которую ребъ Нохимъ считалъ своею главною квартирою, и съ жадностью слушалъ удивительныя легенды, которыхъ онъ зналъ такое множество: о знаменитой рѣкѣ Самбатіонѣ, по ту сторону которой живутъ 10 затерявшихся колѣнъ; 6 дней это рѣка кипитъ, бурлитъ и извергаетъ камни, на седьмой день она успокаивается, но тогда благовѣрному еврею, изъ-за страха нарушенія Субботы, нельзя переправиться на другой берегъ; о злодѣѣ Титѣ, которому послѣ блестящаго триумфа надъ несчастными евреями, муха попала въ носъ и отсюда съ такою силою начала долбить его мозгъ, что этотъ злодѣй вскорѣ умеръ среди самыхъ ужасныхъ мукъ; о виленскомъ гаонѣ, который сдѣлалъ себѣ изъ глины автомата, чтобы имѣть дароваго лакея—и тому подобныя удивительныя вещи; мало того, кромѣ всѣхъ этихъ чудесныхъ легендъ, ребъ Нохимъ въ совершенствѣ зналъ, какъ выглядит Мессія, избавитель несчастнаго народа отъ его «голуса», зналъ всѣ примѣты блага коня, на которомъ онъ объѣдетъ Востокъ, зналъ также, сколько вѣситъ знаменитый Левіаевъ, которымъ Мессія будетъ угощать свой народъ, и даже съ точностью опредѣлялъ, какъ велика будетъ порція этой вкусной рыбы, которая достанется каждому благовѣрному еврею на всемірномъ пирѣ у Мессія. Когда ребъ Нохимъ рассказывалъ свои фантастическія легенды, добрая улыбка оживляла его вадернутыя губы и глаза испускали ровный, мягкій блескъ; отъ его рассказа вѣяло такою теплотою, что чѣмъ больше я его слушалъ, тѣмъ все сильнѣе привязывался къ этому простодушному, доброму талмудисту.

Другой человѣкъ, съ которымъ я сошелся въ синагогѣ, Айвикъ Рыжій, это тоже экзemplаръ, какими только изобилуетъ «черта», гдѣ рядомъ съ поразительною нищетою уживаются самыя блестящія таланты. Представьте себѣ худенькаго, неряшливаго

парня, лѣтъ 15—16, съ золотушнымъ лицомъ, апатичнымъ взглядомъ и желтыми всклокоченными кудрями, и вы едва-ли въ этой хрупкой, неказистой оболочкѣ станете предполагать ту массу умственныхъ сокровища, которая въ ней заключалась. Когда ему стукнуло 5 лѣтъ отъ роду, Айзика Рыжаго, какъ и большую часть еврейскаго юношества, посвятили и изученію богословія, въ которомъ онъ скоро сдѣлалъ такіе успѣхи, что родители ужъ прочили его въ знаменитые раввины; но всѣ великіе танаиты были простыми ремесленниками, и Айзикъ Рыжій также поступилъ къ пекарю; съ этой поры онъ сталъ являться въ синагогу, весь выпачканный мукою, но я тѣмъ не менѣе всегда восхищался его изумительною математическою сообразительностью; я нарочно давалъ ему труднѣйшія задачи, остававшіяся нерѣшенными въ классѣ, и онъ, къ моему безпредѣльному восторгу, рѣшалъ ихъ съ изумительною быстротою, помимо всякихъ правилъ алгебры и ариеметики, все на основаніи какого-то таинственнаго трактата, въ которомъ онъ считалъ себя специалистомъ. О дальнѣйшей судьбѣ Айзика Рыжаго я не имѣю никакихъ свѣдѣній; приходится-ли ему въ пекарнѣ прилагать къ дѣлу свои математическія способности—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію; во всякомъ случаѣ я очень скептически отнесся бы къ способности булокъ, изготовленныхъ Айзикомъ Рыжимъ. А между тѣмъ изъ него при другихъ обстоятельствахъ могъ выйти блестящій астрономъ и знаменитый математикъ...

До сихъ поръ мерещится въ моей памяти добрая улыбка ребѣ Нохима Хромого, сопровождавшая его удивительные рассказы, и недоумѣвающий взглядъ Айзика Рыжаго, который онъ всякій разъ бросалъ на меня, послѣ того какъ побѣдоносно преодолевалъ всѣ трудности предложенной ему задачи. Но когда я припоминаю старую синагогу, въ моемъ воображеніи все болѣе выростаетъ фигура Моисея Бесеребренника, и его удивительный сонъ въ ночь на Томъ-Кипуръ заслоняетъ собою прочіе образы моихъ воспоминаній.

Въ одинъ сентябрскій вечеръ 18...-го года, незадолго до великихъ осеннихъ праздниковъ, я забѣжалъ въ синагогу на вечернюю молитву. Синагога была почти пуста, только кое-гдѣ

мелькали слабые огоньки сальныхъ огарковъ, торчавшихъ въ огромныхъ мѣдныхъ люстрахъ, и черныя тѣни немногихъ набожныхъ прихожанъ, тихимъ шопотомъ разговаривавшихъ между собою, въ ожиданіи вечерней молитвы. Я также сѣлъ на одну скамью, и не найдя ни ребъ Нохима Хромого, котораго я хотѣлъ спросить, какой смертью умеръ императоръ Адрианъ, ни Айвика Рыжаго, для котораго я имѣлъ одну очень хитроумную задачу, я уже готовъ былъ, по обыкновенію, погрузиться въ мои юношескія мечтанія, но около меня сидѣли и оживленно разговаривали ребъ Іекусіэль и ребъ Палтіэль, и я наострилъ свои уши, какъ только могъ.

Ребъ Іекусіэль былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ шадхеновъ нашего города, поставившій себѣ благородною цѣлью своей жизни устраивать счастье молодыхъ дѣвицъ съ приданнымъ и молодыхъ людей «изъ благороднаго дома» безъ приданого. За его самоотверженные труды на пользу человѣчества Высшій Промыслъ наградилъ ребъ Іекусіэля почетною дородностью, нѣсколько мѣшавшей свободнымъ движеніямъ, необходимымъ знаменитому шадхену по самому существу его плодотворной дѣятельности; тѣмъ не менѣе еще ни одинъ «быстроногий» молодой человѣкъ не спасся отъ его маленькихъ подозрительныхъ глазъ, которые, повидимому, даже не давали себѣ труда выслѣживать свою добычу; напротивъ того, добыча, обезсиленная долгимъ скитаніемъ и блужданіемъ по всевозможнымъ дебрямъ любви, всегда сама прибѣгала къ нему и въ изнеможеніи падала къ его ногамъ: «дѣлайте со мною, что хотите, ребъ Іекусіэль, но только милуйте!» Сердце ребъ Іекусіэля было мягко какъ воскъ, и онъ не только охотно прощалъ молодымъ вольнодумцамъ прегрѣшенія юности, но даже великодушно устраивалъ ихъ счастье, снабжая ихъ подругами жизни «съ капиталомъ, съ французскимъ языкомъ и съ музыкой».

Ребъ Палтіэль также принадлежалъ къ знаменитостямъ нашего города: онъ былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ бадхеновъ¹ и потому на общественной лѣстницѣ составлялъ прямое дополненіе къ почетной личности ребъ Іекусіэля. Главная цѣль его

¹ Нѣчто въ родѣ митровизатора и шута на еврейскихъ свадьбахъ.

жизни состояла въ томъ, чтобы давать торжественное освѣщеніе вдохновенной поэзіи благородныхъ начинаній знаменитаго шадхена, почему на всѣхъ брачныхъ торжествахъ онъ пѣлъ всегда хвалебныя оды новобрачнымъ, на которыхъ великодушная рука ребъ Іекусіаля наложила счастливыя узы Ги-меная, и своими приемованными шутками развеселялъ «великихъ, знаменитыхъ, глубоко-ученыхъ, прославленныхъ» гостей, удостоившихъ скромное торжество своимъ высоко-снисходительнымъ участіемъ. Хотя дѣятельность ребъ Палтіаля на пользу человечества отличалась немалымъ самоотверженіемъ, чѣмъ дѣятельность ребъ Іекусіаля, тѣмъ не менѣе Высшій Промыслъ, управляющій міромъ, не хотѣлъ цѣнить его трудовъ, и потому дорожность никогда не мѣшала свободнымъ и быстрымъ движеніямъ ребъ Палтіаля; снисходительная судьба надѣлила его только парюю черныхъ большихъ глазъ, завистливо смотрѣвшихъ на тучное брюхо и широкіе карманы ребъ Іекусіаля, и огромною головою со включенными длинными кудрями, которая хранила въ себѣ цѣлый кладъ всевозможныхъ приемъ и виршей.

— Скажите, ребъ Іекусіаль, знаете-ли вы этого мальчика, который задумчиво сидитъ тамъ въ углу?

— Гм! Еще бы, ребъ Палтіаль, я—чтобъ не зналъ его! Это сынъ Шмуля Безсеребренника, который только на прошлой недѣлѣ переѣхалъ сюда съ нимъ и дочерью изъ Сосновки.

— А знаете-ли вы, что собою представляетъ этотъ мальчикъ? Это—будущая звѣзда во Израилѣ!

— Гм! Я это, ребъ Палтіаль, зналъ еще раньше, чѣмъ даже кому нибудь могла запасть въ голову мысль—сказать вамъ, что на свѣтѣ существуетъ Шмуль Безсеребренникъ. Еще бы, когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ проѣзжалъ чрезъ Сосновку, ребъ Шмуль уже приглашалъ меня къ себѣ полюбоваться ученостью его сына и я, провѣкзаменовавъ его, тогда еще сказалъ, что если молодой бохеръ и впредь не сойдетъ со своего пути, то изъ него можетъ выйти большой «ламденъ»¹.

— А все-таки вы, ребъ Іекусіаль, не знаете, что я хочу у

¹ Ученый талмудистъ.

вась спросить,—возразилъ ребъ Палтіэль съ дипломатическою улыбкой. Скажите, что вы думаете о сосновскомъ гвирѣ ребъ Нохимъ Айзиковъ и его дочери Двейрѣ?

— Ха, ха, ха!—громко разсмѣялся ребъ Іекусіэль,—вотъ это дѣйствительно блестящій планъ, достойный министерской головы! Послушайте, ребъ Палтіэль, Господь вамъ далъ уже кажется, почтенную бороду, а вы рассуждаете, точно ребенокъ, только что вышедшій изъ пленокъ; ну, подумайте только, ребъ Нохимъ Айзиковъ, сосновскій гвиръ, къ которому приходитъ въ гости самъ приставъ и дочь котораго читаетъ русскія книги—и Моисей Безсеребренникъ, сынъ бѣднаго столбра, юноша, правда, очень ученый, но который не сдумаетъ даже повернуться такъ, какъ этого требуетъ настоящая мода, не то, что ужъ прилично по русски говорить съ сосновскимъ приставомъ. Нѣтъ, милѣйшій ребъ Палтіэль, то, что двадцать лѣтъ тому назадъ считалось добродѣтелью, теперь просто называютъ глупостью.

— Что вы говорите!—воскликнулъ уязвленный ребъ Палтіэль;—я также видалъ свѣтъ: я былъ въ Бѣлостокѣ, Волковыскѣ, Сейнахъ, Маріамполѣ и во многихъ другихъ городахъ, имена которыхъ я даже забылъ; я вамъ говорю, что это—великолѣпная партія, что такой партіи нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ, что еще прежде чѣмъ они родились Двейра была предназначена для Мойши, а Мойша—для Двейры, и наконецъ, какъ я честный еврей, какъ живы мои жена и дѣти, я вамъ говорю, что вы тутъ безъ особыхъ трудовъ можете зашибить порядочный кушъ!

— Милѣйшій ребъ Палтіэль, пожалуйста, не горячитесь, не портьте своей драгоценной крови! Вы, мой дорогой другъ, во всякомъ случаѣ можете быть спокойны: за кого ребъ Нохимъ ни выдастъ свою дочь, ему пока еще не миновать вашихъ виршей.

Споръ почтенныхъ джентльменовъ достигъ такимъ образомъ высшихъ предѣловъ. Кровная, смертельная обида была брошена въ лицо вдохновенному жрецу Аполлона, и онъ, конечно, съ гордостью, приличною его званію, долженъ былъ поднять брошенную перчатку. Ребъ Іекусіэль, выставивъ впередъ свое

брюшко, принявъ величественную позу олимпійца, не удостоивающаго своего противника даже и снисходительнаго взгляда. Ребъ Палтіэль взбѣлился, и поднявъ уже руку въ угрожающемъ направленіи, которое имѣло близкое отношеніе къ почтенной бородѣ ребъ Іекусіэля; но, къ счастью, какъ разъ въ это критическое мгновеніе, широкоплечій служака синагоги ударилъ своей мощною лапой по столу, подавая этимъ сигналъ, что вечерняя служба уже начинается. Вскорѣ въ синагогѣ зашумѣли, встрепенулись. Ребъ Іекусіэль быстро повернулъ свое брюшко къ восточной стѣнѣ и началъ молиться; ребъ Палтіэль также смиренно опустилъ свою воинственную руку и сталъ у стѣны рядомъ съ ребъ Іекусіэлемъ.

Такимъ образомъ, ожесточенный споръ двухъ джентльменовъ, къ чести XIX вѣка, окончился самымъ мирнымъ, идиллическимъ образомъ. Но мое вниманіе давно уже было устремлено на бѣднаго юношу, который, едва прибывъ въ нашъ богоспасаемый городъ, успѣлъ уже бросить яблоко раздора между двумя его именитыми гражданами. Оказалось, что онъ въ дѣйствительности заслуживалъ того, чтобы изъ-за него ссорились: черныя шелковистыя локоны обрамляли высокій бѣлый лобъ; тонкія правильныя линіи бѣднаго лица дышали строгою серьезностью и въ то же время были проникнуты тихою грустью; большіе черныя глаза, отѣненные густыми бровями, горѣли внутреннимъ огнемъ, который такъ присущъ мечтательнымъ, экзальтированнымъ натурамъ; вообще все лицо его носило въ себѣ нѣчто античное, только не совѣмъ правильный носъ немного нарушалъ пластическую гармонію цѣлаго и давалъ опытному наблюдателю ясное указаніе на его семитическое происхожденіе.

Когда служака хлопнулъ своей ладонью по столу, Моисей быстро поднялся со своего мѣста, сталъ у восточной стѣны и началъ молиться; онъ молился долго, — дольше, чѣмъ всѣ прочіе; его молитва была страстная и горячая, жестикюляція дикая и порывистая, точно онъ въ каждое движеніе свое хотѣлъ вложить всю свою душу, весь свой религіозный экстазъ. Такое горячее, страстное отношеніе къ молитвѣ, какое обнаружилъ Моисей Безсеребренникъ, было рѣдкостью даже въ нашей ста-

рой синагогѣ, и потому обращало на себя всеобщее вниманіе: старики одобрительно перешептывались между собою и съ уваженіемъ указывали на него своимъ дѣтямъ; молодые даже съ нѣкоторою робостью посматривали на своего юнаго коллегу, который, повидимому, такъ мало былъ похожъ на нихъ, а онъ точно не замѣчалъ всеобщей сенсаціи, вызванной его появленіемъ въ синагогѣ, и молился съ одинаковою страстностью и горячностью: только блѣдное лицо по временамъ судорожно вздрагивало и глаза испускали лихорадочный блескъ.

Черезъ нѣсколько дней наступили великіе осенніе праздники. Сначала пошелъ «Рошъ-Гашана», еврейскій Новый годъ, который евреи, вмѣсто бокаловъ шампанскаго сиччей и тостовъ, встрѣчаютъ съ плачемъ, слезами и молитвою. Черезъ недѣлю послѣ Новаго года все еврейское населеніе нашего города приготовлялось уже къ великому дню Іомъ-Кипура, дню страшнаго суда всесильнаго, всемогущаго Бога надъ всѣми живыми созданіями,—этому страшному празднику, самому торжественному, какой только могло выдумать человѣческое воображеніе. Никакой обрядъ, никакая церемонія въ мірѣ не въ состояніи въ такихъ подавляющихъ краскахъ унизить и обезличить человѣка и въ то же время возвысить и возвеличить Божество. Уже наканунѣ великаго праздника разыгрываются его потрясающія прелюдіи. Задолго до вечерней службы запираются всѣ лавки и магазины; всѣ правовѣрные евреи, омывшись и очистившись въ баняхъ, сѣдѣли домой къ ранней вечерней трапезѣ, чтобы приготовиться къ трудному посту. Вечерняя трапеза проходитъ въ благоговѣйномъ молчаніи: глава семейства, въ праздничномъ костюмѣ и бархатной ермолѣѣ, строго и серьезно смотритъ въ тарелку, стараясь ѣсть вдвое болѣе, чѣмъ обыкновенно; мать семейства, въ праздничномъ чепцѣ, украдкою вытираетъ своимъ бѣлымъ передникомъ предательскія слезы, капающія изъ заплаканныхъ глазъ на раскрасѣвшіяся щени; присмирѣвшія дѣти испуганно смотрятъ то на мать, то на отца: «кушайте, милыя дѣти, кушайте: завтра большой и трудный постъ».

Послѣ ужина отецъ и мать обнимаютъ и цѣлуютъ своихъ дѣтей, благословляютъ ихъ на будущій годъ и со слезами прощаются съ ними, точно они собираются въ далекій, опасный

путь, изъ котораго они, можетъ быть, уже не возвратятся. Маленькія дѣти, остающіяся дома, плачутъ навзрыдь, во всѣхъ комнатахъ разставляются въ глиняныхъ горшкахъ, наполненныхъ желтымъ пескомъ, высокія восковыя свѣчи; всѣ ставни и ворота дома наглухо запираются. Страшно уныло и тоскливо въ еврейскомъ домѣ въ вечеръ Іомъ-Кипура: всѣ его обитатели ушли на молитву. Въ синагогѣ цѣлый гѣсъ желтыхъ восковыхъ свѣчей, разставленныхъ въ длинныхъ корытахъ на высокихъ столахъ, освѣщаетъ громадный залъ; на каменномъ полу разостлана мягкая желтая солома, и на всемъ огромномъ пространствѣ храма среди горящаго гѣса свѣчей неслышно движется многочисленная толпа истощенныхъ, блѣдныхъ фигуръ, качающихся, точно подземныя привидѣнія, въ бѣлоснѣжныхъ саванахъ. Вечерняя служба еще не началась, только нѣкоторые набожные старички читаютъ какія-то спеціальныя молитвы, по временамъ визгливо всхлипываютъ и усердно колотятъ себя кулаками въ грудь. Но вотъ пронесся шопотъ по многотысячной толпѣ живыхъ мертвецовъ, канторъ главной городской синагоги, тоже высокій, худощавый мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, становится у аналоя и начинаетъ пѣть знаменитую «Коль-Нидре», составляющую собою кульминаціонный пунктъ торжественности еврейскаго молитвеннаго ритуала.

Моисей стоялъ со мною въ одномъ ряду: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, его глаза горѣли, точно распаленные уголья. Знаменитая мелодія давно уже кончилась, но ея заунывные переливы, повидимому, все еще звучатъ въ его ушахъ. Онъ припалъ въ стѣнѣ головою и уста его тихо шепчуть: «О, Господи! затѣмъ ты такъ долго преслѣдуешь насъ Своимъ гѣвномъ... Неужели столько гѣтъ еще мало, чтобы заслужить Твое прощенье? О, Господи, смѣлся надъ нами! О Господи! мы во многомъ согрѣшили предъ Тобой! мы прибѣгали ко лжи и клеветѣ, мы оскорбляли своихъ ближнихъ, мы пресмыкались въ лицемѣрїи и обманѣ, мы злословили Твое божественное имя, мы лелѣвали ненависть и месть въ своемъ порочномъ сердцѣ, мы давали волю своимъ разнузданнымъ страстямъ»...

Канторъ давно уже началъ и окончилъ эту молитву и давно

уже, по установленному ритуалу, перешелъ къ другимъ молитвамъ, а Моисей все еще неистово бьетъ себя въ грудь и страстно повторяетъ слова самообличенія; но скоро онъ самъ уже не слышитъ того что говорить; усталыя губы только автоматически бормочутъ слова молитвы и, наконецъ, охваченный дымомъ безчисленныхъ свѣчей и своимъ молитвеннымъ экстазомъ, Моисей въ изнеможеніи падаетъ на скамью. Стоявшіе вблизи тревожно засуетились около него и поспѣшно вынесли его на балконъ синагоги. Свѣжая струя чистаго воздуха и нѣсколько капель холодной воды скоро оказали свое спасительное дѣйствіе, и Моисей чрезъ нѣсколько минутъ съ глубокимъ вздохомъ открылъ свои большіе черные глаза. Двурогая луна, сіявшая надъ балкономъ синагоги, оваряла его блѣдное, изнуренное лицо своими матовыми лучами. Какъ только вернулись къ нему силы, Моисей порывисто вскочилъ со скамьи, на которой онъ лежалъ, точно онъ разомъ хотѣлъ стряхнуть съ себя занимавшія его мечты и думы и, не смотря на настойчивыя упрашиванія своего старика-отца, воротился въ душный залъ синагоги, гдѣ онъ опять съ прежнимъ азартомъ продолжалъ прерванную молитву.

Послѣ этого маленькаго происшествія въ ночь на Юмъ-Кипуръ, я по прежнему встрѣчался съ Моисеемъ въ нашей старой синагогѣ. Это былъ все тотъ же молчаливый, необщительный юноша, который ни съ кѣмъ почти не обмѣнялся ни однимъ словомъ. Каждый день онъ три раза приходилъ въ синагогу, и либо задумчиво сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, уткнувшись въ темный уголъ, либо молился все съ тою же неизмѣнною фанатическою страстью и энергіей. Такимъ образомъ безъ особыхъ приключеній прошли 3—4 мѣсяца послѣ нашей первой встрѣчи, и всѣ въ синагогѣ привыкли уже къ странному необщительному юношѣ, который внушалъ къ себѣ невольное уваженіе. Каково же было всеобщее изумленіе, когда вдругъ въ одинъ вечеръ Моисей не явился на молитву. На слѣдующій день онъ также не пришелъ, и въ синагогѣ распространилось извѣстіе, что Моисей опасно заболѣлъ дифтеритомъ, который свирѣпствовалъ тогда въ нашемъ городѣ. Каждый день въ синагогу приходили вѣсти, что Моисею становится все хуже и

хуже, и наконецъ чрезъ недѣлю послѣ его исчезновенія изъ синагоги я уже встрѣтилъ на улицѣ печальныя дроги, за которыми медленно двигалась мрачная фигура старика Самуила Вессеребренника и маленькая черная кучка народу, провожавшая юнаго покойника на еврейское кладбище.

Всѣ въ синагогѣ искренно жалѣли бѣднаго юношу и первые дни только и говорили о его внезапной болѣзни и преждевременной смерти. Но скоро синагогальная жизнь опять потекла своею обычною колеей, новыя впечатлѣнія явились на мѣсто старыхъ, и я мало-по-малу совсѣмъ ужъ началъ забывать бѣднаго юношу съ меланхолическимъ лицомъ и черными глазами, какъ вдругъ одно случайное обстоятельство снова вызвало его образъ въ моемъ воображеніи.

Года черезъ два послѣ смерти Моисея я однажды отправился къ старику Самуилу съ маленькимъ заказомъ отъ моей матери. Добрый старикъ меня радушно встрѣтилъ и сейчасъ же заговорилъ о своемъ покойникѣ. Слезы заблестѣли на его глазахъ, и онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ расхваливать мнѣ набожность и способности умершаго сына: «Рабби Мейеръ, нашъ духовный раввинъ, сказалъ, что онъ никогда еще не видѣлъ такого набожнаго «бохера»; рабби Ицхокъ, основскій раввинъ, предсказалъ, что изъ него выйдетъ «илуй»¹, и наконецъ—какъ онъ отлично владѣлъ нашимъ священнымъ языкомъ!»... И при этихъ словахъ старикъ вытащилъ изъ шкафа бархатный мѣшочекъ, бережно развязалъ его и съ гордостью показалъ мнѣ маленькую исписанную тетрадочку, на обложкѣ которой было написано большими буквами на древне-еврейскомъ языкѣ: «Сонъ въ ночь на Юмъ-Кипуръ». Я съ жаднымъ любопытствомъ набросился на рукопись, и, еле выпросивъ ее у упрямаго старика на нѣсколько дней, убѣжалъ съ нею домой.

Вотъ что прочелъ я въ этой рукописи:

В. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹ Гениальный ученый талмудистъ.

ИСУСЪ НАВИНЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВИБЛВЙСКОЙ ЭПОХИ.

Георга Эберса.

ГЛАВА XX ¹.

Буря, подыавшаяся при наступленіи сумерекъ, прошла также по перешейку, въ срединѣ котораго въ озерахъ вздымались высокія волны. Черное море, вдававшееся въ перешеекъ съ юга своею бухтою на подобіе рога изобилія, бушевало съ необычайною силой.

И далѣе на сѣверѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ расположилось лагерьмъ фараоново войско, защищаемое сильнѣйшей крѣпостію Этамской линіи—Мигдаломъ юга, гонимые бурею пески прорѣзывали воздухъ, и въ шатрахъ царя и знатнѣйшихъ лицъ безпрестанно работали молотами, вбивая глубже въ землю шесты, такъ какъ раздуваемые вѣтромъ брезенты, ткани и льняныя матеріи, составлявшіе походныя жилища фараона и его свиты, грозили свалить столбы, къ которымъ они были прикрѣплены.

На сѣверѣ висѣли черныя тучи, но луна и звѣзды часто показывались, издали внося свѣтъ въ окружающую мглу. Дождь, повидимому, и сегодня не собирався освѣжить эту

¹ См. „Восходъ“, кн. VIII.

страдавшую отъ засухъ полосу земли, и повсюду горѣли костры, которые войны окружали густыми двойными рядами, образуя живую ограду отъ вѣтра.

На долю очередной стражи выпала тяжелая служба. Воздухъ, не смотря на сѣверный вѣтеръ, былъ душливъ, и воинновъ безпрестанно ударяло въ лицо потоками песку, носившимися съ большой стремительностью.

У сѣверныхъ воротъ лагеря расхаживали, прислушиваясь, взадъ и впередъ только два стражника, но ихъ было достаточно, такъ какъ вслѣдствіе дурной погоды уже давно никто не требовалъ пропуска черезъ ворота. Только черезъ три часа послѣ захода солнца появился стройный юноша, почти мальчишья, который увѣренно подошелъ къ стражникамъ, показалъ имъ значокъ гонца и спросилъ, гдѣ находится палатка принца Сипты.

Этотъ юноша, должно быть, продѣлалъ очень трудный путь; его густые, вьющіеся, черные волосы были сильно растрепаны, ноги—покрыты пылью и засохшей глиной. Но онъ не возбуждалъ никакихъ подозрѣній; онъ держалъ себя какъ сознающій свое достоинство, свободный человекъ; его посольскій значокъ былъ въ полномъ порядкѣ, а письмо, которое онъ показалъ, дѣйствительно предназначалось для принца Сипты; это подтвердилъ обозный письмоводъ, сидѣвшій у ближайшаго костра съ другими чиновниками и начальниками низшаго ранга.

Такъ какъ наружность этого юноши понравилась многимъ, и онъ шелъ изъ Таниса, откуда, быть можетъ, принесъ разныя новости, то ему было отведено мѣсто у огня и предложено участіе въ ужинѣ. Но юноша торопился.

Онъ съ благодарностью отклонилъ предложеніе, коротко и торопливо отвѣтилъ на вопросы и попросилъ дать ему проводника. Таковой былъ ему предоставленъ немедленно.

Но скоро ему пришлось убѣдиться, что не такъ-то легко пробраться къ члену царской семьи. Шатры фараона, его родныхъ и сановниковъ—стояли въ самой срединѣ лагеря, на особомъ мѣстѣ, окруженномъ щитами тяжеловооруженныхъ воиновъ, и когда юноша приблизился къ этому мѣсту, то его стали отсылать отъ одного стража къ другому, и его посольскій знакъ, а также и письмо, подверглись многократнымъ внимательнымъ осмотрамъ. Проводника услали; вмѣсто него выступилъ представительный господинъ, котораго окружающіе называли глазомъ и ухомъ царя и который тщательно осматривалъ печать письма. Но гонецъ настойчиво потребовалъ письмо обратно. Ему указали на двѣ стоявшія рядомъ палатки, вачавшіяся на вѣтрѣ, изъ которыхъ въ одной жилъ принцъ Сипта, а въ другой Казана, дочь Горнехта; юноша съ письмомъ въ рукѣ направился туда; онъ предъявилъ письмо вышедшему изъ первой палатки придворному чиновнику и попросилъ провести къ самому принцу. Чиновникъ предложилъ отдать письмо ему, домоправителю принца, но Ефраимъ, —это именно и былъ гонецъ,—согласился отдать письмо только на томъ условіи, что тотъ немедленно дастъ ему пропускъ въ молодой вдовѣ.

Домоправителю было очень важно получить въ свои руки это письмо. Осмотрѣвъ Ефраима съ головы до пятокъ, онъ спросилъ его—знаетъ-ли его Казана? Получивъ удовлетворительный отвѣтъ и объясненіе, что юноша имѣетъ къ вдовѣ устное порученіе, египтянинъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, хорошо. Но такими ногами нельзя ходить по нашимъ коврамъ, да къ тому же ты очень усталъ, и тебя нужно подкрѣпить. Пойдемъ со мною.

Египтянинъ отвелъ Ефраима въ маленькую палатку, возлѣ которой у огня сидѣли старикъ-невольникъ и дру-

гой, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста; они заканчивали свой ужинъ пучкомъ чеснока.

При видѣ своего господина, они вскочили. Тотъ приказалъ старику обмыть гонцу ноги; младшему онъ велѣлъ вытребовать изъ княжеской кухни отъ его имени мяса, хлѣба и вина. Затѣмъ онъ увелъ Еффраима въ свою освѣщенную свѣтильникомъ палатку, и спросилъ его, какъ онъ—повидимому, не невольникъ и не простой юноша—дошелъ до такого отчаяннаго состоянія. Гонецъ отвѣчалъ, что въ дорогѣ онъ на перевязку одного тяжело-раненаго отдалъ верхнюю часть своей одежды. Домоправитель порылся въ своихъ узлахъ и досталъ оттуда для Еффраима накидку изъ красиво сложенной льняной ткани.

Отвѣтъ Еффраима, дѣйствительно не далекій отъ истины, послѣдовалъ такъ скоро и звучалъ такъ правдиво, что его приняли за чистую монету, и доброта домоправителя казалась юношѣ столь заслуживающею благодарности, что онъ нисколько не сталъ возражать, когда египтянинъ, не трогая печати, привычными движеніями подавилъ на свернутый въ трубку мягкій папирусъ и, расправивъ отдѣльные перегибы, началъ разбирать содержаніе письма. Вдругъ круглые глаза толстаго египтянина радостно свергнули, и лицо его, полное, круглое, гладкое, сначала показавшееся юношѣ отраженіемъ безконечной сердечной доброты этого человѣка, приняло хитрое, кошачье выраженіе.

Кончивъ свою работу, домоправитель предложилъ юношѣ спокойно покушать, удалился и вернулся обратно только тогда, когда Еффраимъ, основательно почистившійся, стоялъ предъ зеркаломъ въ новой льняной накидкѣ, съ намазанными, пахучими волосами, и собирался одѣть выше локтя широкій золотой обручъ.

Но на это юноша не рѣшался: онъ зналъ, что ему предстоятъ еще большія опасности, а этотъ обручъ былъ его единственной цѣнной собственностью. Въ заточеніи ему стоило много труда скрыть это сокровище подъ одеждою, и оно могло ему сослужить хорошую службу. Если онъ одѣнетъ теперь обручъ, то онъ обратитъ на себя вниманіе и подвергнется большой опасности быть узаннымъ.

Но видъ собственной фигуры въ зеркалѣ, тщеславіе и желаніе поправиться Казанъ взяли верхъ надъ предусмотрительностью и разсудительными соображеніями, и на его плечѣ снова засверкало драгоцѣнное украшеніе.

Вернувшійся домоправитель съ удивленіемъ остановился предъ красивымъ, представительнымъ, гордо пріосанившимся юношей, въ котораго такъ быстро превратился простой голецъ. Онъ поспѣшилъ спросить, не родственникъ-ли юноша Казанъ, и получивъ отрицательный отвѣтъ, спросилъ далѣе, въ какому онъ семейству принадлежитъ.

При этомъ вопросѣ Ефраимъ въ замѣшательствѣ опустилъ взоръ и затѣмъ попросилъ египтянина освободить его отъ отвѣта, пока онъ не поговоритъ съ дочерью Горнехта.

Египтянинъ покачалъ головой, вторично окинулъ юношу долгимъ взоромъ, и пересталъ его спрашивать. То, что онъ развѣдалъ изъ письма, было такой тайной, одно знаніе которой уже могло накливать смерть, а этотъ красивый юноша, навѣрное, сынъ одного изъ тѣхъ сановниковъ, которые состояли въ заговорѣ съ принцемъ Сиптою, его поводителемъ.

Морозъ пробѣжалъ по мощному, жирному тѣлу царедворца, и онъ съ участіемъ и ужасомъ взглянулъ на этого расцвѣтающаго юношу, который такъ рано замѣшался въ опасный заговоръ.

Принцъ Сипта до сихъ поръ привлекалъ его къ тайному предпріятію только намеками, и ему теперь еще легко было отдѣлать свою судьбу отъ участи принца. Если бы онъ такъ поступилъ, то онъ обезпечилъ бы себѣ беззаботную старость. Съ другой стороны, если онъ послѣдуетъ за принцемъ и предпріятіе увѣнчается успѣхомъ,—какой высоты онъ тогда достигнетъ! Ужасно серьезенъ былъ вопросъ, который ему, отцу многихъ дѣтей, приходилось рѣшить, и съ каплями пота на лбу, съ отуманенными мыслями въ головѣ, онъ повелъ Ефраима къ шатру Казаны, а самъ поспѣшилъ затѣмъ къ своему господину.

Въ легкой постройкѣ изъ шестовъ и пестрыхъ тканей, въ которой жила Казана, было тихо.

Съ сильно бьющимся сердцемъ приблизился Ефраимъ къ входу и, собравшись наконецъ съ духомъ, чтобъ раздвинуть прирѣпленную къ землѣ, раздувавшуюся на вѣтрѣ какъ парусъ, завѣсу, онъ увидѣлъ темное пространство, справа и слѣва закрытое такими же завѣсами. Прямо противъ входа и слѣва было совсѣмъ темно, справа же черезъ щели кое-гдѣ проглядывалъ свѣтъ. Палатка была трехъ-раздѣльная, крытая плоской крышею, какія онъ уже часто видѣлъ раньше; въ освѣщенномъ отдѣленіи, должно быть, находилась та, къ которой его такъ влекло.

Чтобы не навлекать на себя новаго подозрѣнія, онъ долженъ былъ поворить свою робость. Онъ нагнулся, чтобъ отстегнуть петлю съ крючка, удерживавшаго завѣсу внизу, на землѣ. Но тутъ отворилась дверь освѣщенной палатки, и въ среднее отдѣленіе вышла женская фигура.

Она-ли это?

Рѣшиться-ли ему заговорить съ нею?

Да, онъ долженъ это сдѣлать!

Сжавъ ладони и глубоко вздохнувъ, онъ набирался храб-

рости, какъ возривавшій, вираднующійся въ запертое сокровенное святилище храма. Онъ отодвинулъ завѣсу въ сторону. Женщина испустила легкій крикъ. Ефраимъ снова овладалъ собою. Упавшій на лицо женщины лучъ свѣта показалъ ему, что предъ нимъ была не Казана, а ея кормилица, сопровождавшая ее въ поѣздѣ къ ссыльнымъ, а также въ походѣ. Старуха увидѣла Ефраима и оставила въ него удивленные глаза, точно увидѣла мертвеца, востанувшаго изъ могилы.

Они были расположены другъ къ другу. Когда Ефраимъ впервые пришелъ въ домъ начальника стрѣлковъ, старуха приготовила ему ванну и натерла его рану цѣлебной мазью; при его вторичномъ пребываніи въ этомъ домѣ, она вмѣстѣ со своей госпожой ухаживала за нимъ. Много часовъ провели они тогда вмѣстѣ въ разговорахъ, и онъ зналъ, что старуха относится къ нему дружелюбно. Когда онъ лежалъ въ горячкѣ, въ полусознаніи и полубреду, онъ чувствовалъ, какъ она съ материнской нѣжностью гладила его по головѣ. Впослѣдствіи она не переставала разспрашивать его о его народѣ и наконецъ созналась ему, что она происходитъ отъ сирійцевъ, родственныхъ евреямъ. Даже его языкъ не былъ ей совсѣмъ чуждъ, такъ какъ ее, въ числѣ плѣнныхъ великаго Рамзеса, увели въ плѣнъ въ Египеть, уже на двадцатомъ году жизни. Ефраимъ,—говорила она охотно,—напоминаетъ ей ея сына, какимъ тотъ былъ въ юности.

Со стороны этой женщины юноша не опасался никакихъ непріятностей. Поэтому онъ схватилъ ее за руку и прошепталъ ей, что онъ бѣжалъ отъ стражниковъ и является теперь, чтобы посоветоваться съ нею и ея госпожою.

Слова „бѣжалъ“ было достаточно, чтобы успокоить старуху, потому что привидѣнія обращали другихъ въ бѣгство,

но сами въ бѣгство не бросались. Успокоенная, она провела рукою по кудрямъ юноши, и не давъ ему кончить своего шопота, повернулась и побѣжала въ освѣщенную часть палатки, чтобы сказать господамъ о неожиданномъ приходѣ Ефраима.

Немного погодя Ефраимъ стоялъ предъ женщиной, одѣланнойся путеводною звѣздой въ его жизни. Съ пылающимъ лицомъ глядѣлъ онъ на ея прекрасное, повраснѣвшее отъ слезъ лицо. Его сильно кольнуло, что Казана, прежде чѣмъ отвѣтить на его привѣтствіе, спросила, не идетъ-ли вслѣдъ за нимъ Осія. Однако, онъ скоро оправился отъ этого ребяческаго огорченія, когда она посмотрѣла на него дружескими глазами. Когда же предложила кормилицѣ вопросъ, не находить-ли она, что онъ поздоровѣлъ, обрѣтъ и возмужалъ, ему показалось даже, что онъ въ самомъ дѣлѣ сильно выросъ, и сердце его забилось еще чаще.

Казана пожелала узнать всѣ подробности судьбы его дяди. Удовлетворивъ это ея желаніе, онъ затѣмъ, по ея просьбѣ, началъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ. Но она прервала его, чтобы посоветоваться съ кормилицей о томъ, какъ удобнѣе скрыть его отъ нескромныхъ взоровъ и избавить отъ новыхъ опасностей. Скоро надлежащій исходъ былъ найденъ.

Сначала старуха, при помощи Ефраима, крѣпко заперла главный входъ въ палатку. Затѣмъ она указала ему на темное отдѣленіе, куда онъ быстро и безшумно долженъ былъ удалиться тотчасъ, какъ только она ему сдѣлаетъ знакъ.

Между тѣмъ Казана налила возвратившемуся кубокъ вина и, когда юноша снова вошелъ съ кормилицей, она заставила его расположиться на жирафовой кожѣ, у ея ногъ, и просила его рассказать, какъ ему удалось уйти отъ

стражи и какіе у него виды на будущее. Она предупредила его, что ея отецъ остался въ Танисѣ и что Ефраиму поэтому нечего бояться опасности съ этой стороны.

По ея виду и рѣчи можно было замѣтить, какъ сильно ее обрадовало это свиданіе. Когда Ефраимъ въ началѣ своего разсказа сообщилъ, что его бѣгство стало возможно лишь благодаря приказу принца Сипты—снять цѣпи съ арестантовъ, она, по волѣ которой этотъ приказъ былъ отдавъ, дѣтски-весело захопала въ ладоши. Затѣмъ лицо ея омрачилось и съ глубокимъ вздохомъ она сказала, что до его прихода у ней сердце надрывалось отъ тоски и слезъ. Но Осія узнаеть, на какія жертвы способна женщина для удовлетворенія страстнаго стремленія ея сердца.

На заявленіе Ефраима, что онъ, прежде чѣмъ бѣжать, предлагалъ дядѣ развязать ему его веревки, она отвѣтила благодарными словами, а услышавъ, что Осія отказался принять помощь своего племянника, дабы не мѣшать удачѣ его такъ умно задуманнаго плана, она съ влажными глазами сказала кормилицѣ, что такъ благородно поступить способенъ только одинъ Осія.

Она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за разсказомъ бѣглеца, перебивая его часто участливыми вопросами.

Что мучительные дни и ночи, имъ пережитые, завершились для него такъ счастливо, это представлялось ему какимъ-то блаженнымъ сновидѣніемъ, умопомрачающей сказкой, и не было вовсе надобности въ кубкѣ, который Казана безпрестанно наполняла,—чтобы сдѣлать его вдохновеннымъ расквацикомъ.

Съ небывалымъ у него краснорѣчіемъ изображалъ онъ, какъ онъ въ ущельи попалъ на шаткіе камни, вмѣстѣ съ которыми повалился въ пропасть. Внизу ему казалось, что все

погибло, такъ какъ, едва онъ выбрался изъ обмянувшейся на него груди, чтобы побѣжать къ солончаку, какъ раздались свистокъ стражника.

Но быстроногимъ онъ былъ еще съ дѣтства, и узнавать направленіе даже при звѣздномъ небѣ онъ научился дома, отъ настуховъ, а потому, не оглядываясь по сторонамъ, онъ, какъ только позволяли ноги, стремглавъ пустился на югъ, все къ югу. Въ темнотѣ онъ безпрестанно спотыкался и падалъ на камни и въ рытвины дикой мѣстности, но онъ быстро вскакивалъ и устремлялся дальше по направленію къ югу, гдѣ, какъ онъ зналъ, находится она, Казана, ради которой онъ пренебрегъ мудрыми совѣтами, за которую онъ готовъ пожертвовать жизнью и свободой.

Какъ у него хватило смѣлости для такого признанія? Онъ этого самъ не зналъ, но отрезвить его не могъ ни ея ударъ опахаломъ, ни громкое восклицаніе старухи: „каковъ мальчишка-то!“ Нѣтъ, глаза его еще жаднѣе искали глаза Казани, когда онъ сталъ рассказывать дальше.

Одну изъ нававшихъ на него собакъ-нищеевъ онъ швырнулъ объ камень, другую забросалъ камнями до того, что та съ визгомъ убѣжала въ кусты. Другихъ преслѣдователей онъ не видѣлъ ни ночью, ни въ продолженіе всего слѣдующаго дня. Наконецъ онъ снова вышелъ на оживленную дорогу, и поселяне показавали ему, по какой дорогѣ пошли войска фараона. Въ полдень онъ отъ изнеможенія уснулъ подъ тѣнью смоковницы и проснулся только при заходѣ солнца. Онъ былъ очень голоденъ, и потому онъ взялъ нѣсколько свекловицъ на близлежащемъ огородѣ. Но внезапно изъ нававы наскочилъ на него владѣлецъ, отъ преслѣдованія котораго онъ укрылся только съ большимъ трудомъ.

Часть ночи онъ провелъ на ходу, затѣмъ онъ остановился для отдыха у ограды колодца, такъ какъ онъ зналъ,

что дикіе звѣри избѣгаютъ подобныя, несвѣдущихъ многими мѣсть.

Когда разсвѣло, онъ снова пустился въ путь, идя въ томъ же направленіи, какого держалось войско, оставившее здѣсь повсюду свои слѣды. Незадолго до полудня, онъ, обессиленный, измученный голодомъ, добрался до одной деревни, лежащей въ орошаемой каналомъ Сета плодородной полосѣ земли. У него явилась мысль продать своей золотой обручъ и, достать взаменъ его укрѣпляющую пищу и получить въ придачу немного серебра и мѣди. Но онъ оказался, что его примутъ за вора, и онъ снова попадетъ въ заточеніе; накидку онъ давно разорвалъ объ колючія растенія, кожаныхъ подошвъ у него тоже уже давно не было на ногахъ. Онъ думалъ, что его жалкій видъ долженъ возбудить участіе даже въ жестокосердныхъ, и потому онъ постучался къ одному поселанину, и какъ это ему ни было тяжело, сталъ просить милостыню. Но отъ крестьянина ему ничего не досталось, кромѣ насмѣшливаго замѣчанія, что такой молодой, вѣрнѣе малый долженъ работать, предоставляя побираться слабымъ и старымъ. Другой крестьянинъ пригрозилъ ему даже кулаками. Но когда онъ, понуря голову, отправился дальше, слѣдомъ за нимъ пошла молодая женщина, которую онъ видѣлъ воздѣ дома этого буяна, сунула ему въ руку хлѣбъ и нѣсколько финиковъ и шепнула при этомъ, что при проѣздѣ фараона деревнѣ пришлось представить много запасовъ,—иначе она бы дала ему что нибудь получше.

Никогда еще ни одно блюдо не казалось ему такъ вкуснымъ, какъ это подаваніе, которое онъ истребилъ у ближайшаго колодца. Онъ, однако, не сказалъ Казанѣ, что этотъ завтракъ ему отравляла трудность рѣшить вопросъ: вснол-

вить-ли порученіе Іисуса и отправиться къ своимъ единоплеменникамъ или, слѣдуя влеченію сердца, идти къ ней.

Онъ нерѣшительно шелъ дальше. Но судьба, повидимому, взяла на себя обязанность указать ему путь. Пройдя около полудня по пустынной мѣстности, онъ у самой дороги увидѣлъ молодого человѣка своихъ лѣтъ, который руками сжималъ ногу и стоналъ. Ефраимъ почувствовалъ состраданіе, подошелъ къ нему и, къ своему изумленію, узналъ въ немъ гонца и разсыльнаго Горнехта, съ которымъ часто бесѣдовалъ.

— Ану, нашъ расторопный нубіецъ-гонецъ?! — переспросила его молодая вдова.

Ефраимъ отвѣтилъ утвердительно и сообщилъ затѣмъ, что гонецъ былъ посланъ съ письмомъ, которое нужно было какъ можно скорѣе доставить принцу Смитъ; быстроногій юноша, бѣгавшій обыкновенно впереди коней своего господина, стрѣлою помчался по большой дорогѣ и двумя часами позже навѣрное добрался бы по назначенію, еслибы не наступилъ ногою на осколокъ бутылки, раздавленной колесомъ проѣзжавшаго воза, и не причинилъ себѣ глубокую, уязвленную рану.

— И ты ему оказалъ помощь?—спросила Казана.

— А то какже?—отвѣчалъ Ефраимъ,—онъ уже потерялъ половину своей крови и былъ блѣденъ какъ мертвецъ. Я понесъ его къ ближайшей канавѣ, обмылъ водою его зияющую рану и натеръ ее бальзамомъ.

— Въ прошломъ году я ему сама всунула эту коробку въ карманъ, — прибавила расчувствованная кормилица и утерла слезу.

Ефраимъ подтвердилъ это, такъ какъ Ану самъ ему сказалъ о томъ съ благодарностью. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Я разорвалъ также на полосы свою накидку и перевязалъ рану какъ умѣлъ. Апу меня все торопилъ. Онъ далъ мнѣ свой значекъ посла и свертокъ, который ему вручилъ его господинъ. Не зная о постигшемъ меня несчастіи, онъ предложилъ мнѣ вмѣсто него доставить письмо принцу. О, съ какой радостью я взялъ на себя это порученіе. Не прошло и двухъ часовъ, какъ я былъ уже въ лагерь. Письмо уже въ рукахъ принца, а я вотъ предъ тобою. Я по тебѣ вижу, что ты рада этому! А я, о, какъ я счастливъ, что сижу здѣсь у ногъ твоихъ и гляжу на тебя. Какъ я благодаренъ тебѣ, что ты слушала меня съ такою добротой. Если меня снова закуютъ въ цѣпи, я все перенесу, если только ты сохранишь расположеніе ко мнѣ. О, я былъ такъ несчастливъ! У меня нѣтъ ни отца, ни матери, никого, кто бы меня любилъ. Ты, и только ты одна мнѣ дорога. Ты меня не оттолкнешь отъ себя, не правда-ли?

Послѣднія слова онъ произнесъ уже виѣ себя. Обуреваемый кипучею страстью, измученный ужасными напряжениями послѣднихъ дней и потому безсильный сдержатъ наплывъ чувствъ, этотъ юноша, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста, но уже видѣвшій себя предоставленнымъ самому себѣ и оторваннымъ отъ всѣхъ, которые могли его поддерживать и защищать, — громко разрыдался и боязливо, какъ испуганная птичка, ищущая защиты подъ крылышкомъ матери, онъ, обливаясь слезами, опустилъ голову на колѣны Казани.

Добросердечная молодая женщина почувствовала глубокое состраданіе къ юношѣ; у ней на глазахъ показались слезы. Она дружески положила руку на его голову и, ощутивъ дрожь, охватившую все тѣло юноши, она поцѣловала его въ лобъ и щеки, взглянула ему въ лицо влажными глазами и сказала:

— Бѣдный, глупенькій мальчикъ! Почему же мнѣ те

быть расположенною къ тебѣ или еще отталкивать тебя? Твой дядя милѣе мнѣ всѣхъ на свѣтѣ, а ты для него что родной сынъ. Чтобы заслужить ваше расположеніе, я рѣшилась на то, чего не позволяла бы себѣ никогда, никогда... Но теперь для меня все равно,—что бы обо мнѣ ни думали или говорили, меня ничего не огорчитъ, лишь бы достигнуть мнѣ того, для чего и готова пожертвовать имуществомъ, жизнью, всѣмъ, чѣмъ дорожила. Потерпи немного, бѣдный, пылкій юноша, — при этомъ она его еще разъ поцѣловала въ щеку, — потерпи, мнѣ ужъ удастся и для тебя расчистить дорожку! Ну, а теперь довольно!

Этотъ приказъ звучалъ опять серьезно. Казана хотѣла этимъ охладить возрастающую пылкость страстнаго юноши. Вдругъ она вскочила и крикнула ему испуганнымъ, торопливымъ голосомъ:

— Уходи! Уходи сію минуту!

Казана крикнула это потому, что услышала приближающіеся къ палаткѣ мужскіе шаги и предостереженіе кормилицы. Ефραίимъ, своимъ тонкимъ слухомъ, замѣтилъ въ чемъ дѣло, и онъ побѣжалъ за старухою въ темное отдѣленіе шатра. Тамъ онъ убѣдился, что промедли еще нѣсколько мгновеній, и онъ попался бы, ибо сейчасъ же поднялась завѣса и въ среднемъ отдѣленіи показался мужчина, который прямо направился къ тому мѣсту, гдѣ находилась Казана. Вдова, — юноша слышалъ это очень хорошо, — встрѣтила гостя чрезвычайно привѣтливо и приняла его, какъ принимаютъ неожиданныхъ, запоздалыхъ гостей.

Старуха, между тѣмъ, сняла съ себя плащъ, накинула его на голыя плечи бѣглеца и шепнула:

— Предъ разсвѣтомъ ты будь вблизи нашей палатки; но если тебѣ жизнь мила, не входи къ намъ, пока я тебя не позову. У тебя нѣтъ ни отца, ни матери. Казана — это

золотое, любящее сердце, конечно, лучшая изъ лучшихъ; но годится-ли она въ руководительницы неопытнаго вѣтрогона, который пылаетъ къ ней какъ солома,—это другой вопросъ. При твоёмъ разсказѣ, я о многомъ передумала, и такъ какъ я желаю тебѣ добра, то я тебѣ скажу: у тебя дядя, который,—мое дитя знаетъ это ужъ очень хорошо,—выше всѣхъ людей; и я людей знаю. Что онъ тебѣ посоветовалъ, это ты и дѣлай, потому что такъ навѣрное для тебя всего нужнѣе. Повинуйся ему! Если его приказъ уведетъ тебя далеко отсюда и отъ Казани, то тѣмъ лучше для тебя. Мы идемъ по опасной дорогѣ, и если бы это дѣлалось не для Осии, то я старалась бы удержать Казану обѣими руками. Но для него,—я, старая женщина,—но за этого чловѣка я сама пошла бы въ огонь. Мнѣ, конечно, больнѣе, чѣмъ я могу выразить, но ради чистаго, добродушнаго ребенка и ради тебя, на котораго такъ похожъ былъ мой сынъ, я повторяю тебѣ: слушайся дядю, мальчикъ! Исполни это, иначе ты погибнешь, а тебя было бы жаль!

Съ этими словами она, не дожидаясь отвѣта, раздвинула завѣсы и постояла, пока Ефраимъ не удалился. Затѣмъ, она утерла слезы и, какъ ни въ чемъ не бывало, вошла въ освѣщенное отдѣленіе. Но у Казани и ея запоздалаго гости происходили объясненія, не допускавшія постороннихъ лицъ; ея „дорогое дитя“ позволила ей только зажечь свѣтильникъ на тройномъ подсвѣчникѣ и потомъ отослала ее спать.

Старуха послушно удалилась и въ слабоосвѣщенномъ отдѣленіи опустилась на кровать, которая стояла рядомъ съ ложемъ Казани, закрыла лицо руками и заплакала.

Кормилицѣ казалось, что весь міръ перевернулся. Она перестала понимать Казану, перестала разбирать книгу ея сердца, ибо Казана жертвовала своей чистотою и честью

для мужчины, который, какъ это знала старуха, былъ ей противенъ.

ГЛАВА XXI.

Подъ тѣнью шатра, изъ котораго онъ прокрался, Еффраимъ сѣлъ на корточки и прильнулъ ухомъ къ ковровой стѣнѣ. Онъ осторожно продѣлалъ маленькое отверстіе, распоровъ швы въ ткани, и такимъ образомъ онъ могъ слышать и видѣть все, что происходило въ освѣщенной палаткѣ любимой женщины.

Буря удержала въ лагерныхъ палаткахъ всѣхъ, чья служба не требовала быть на воздухѣ, а Еффраиму тѣмъ меньше грозила опасность быть открытымъ, такъ какъ мѣсто, гдѣ онъ находился, лежало глубоко въ тѣни. Онъ укутался въ плащъ кормилицы, и если по его тѣлу все-таки нѣсколько разъ пробѣгаль морозъ, то виною тому была острая боль, рѣзавшая ему сердце.

Онъ видѣлъ, какъ Казана прильнула головою къ груди принца, этого важнаго и могущественнаго человѣка; когда этотъ дерзкій мужчина губами искалъ ея поцѣлуя, то вѣтренная красавица не всегда ему отказывала, — она, чьего поцѣлуя онъ, Еффраимъ, такъ страстно добивался.

Впрочемъ, предъ нимъ, Еффраимомъ, у ней не было никакихъ обязательствъ; но его дядѣ принадлежало ея сердце, ему она отдала предпочтеніе предъ всѣми мужчинами, для его освобожденія она изъявила готовность подвергнуться ужаснѣйшей участи. И вотъ, онъ видитъ собственными глазами, что она лжива и вѣроломна, что она и другому предоставила то, что могло принадлежать только одному. Ему самому, Еффраиму, она тоже оказывала дружбу, но это были только крохи, упавшія со стола Осія; это было, — онъ сонавалъ это съ краской стыда въ лицѣ, — пользованіе чужой

собственностью, собственностью его дяди. Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ себя теперь задѣтымъ, оскорбленнымъ, обманутымъ и снѣдаемымъ пылкой ревностью за своего дядю, котораго онъ почиталъ и любилъ, хотя и сопротивлялся его желаніямъ.

А Осія? Какъ онъ самъ, какъ эта княжеская особа и какъ всякій другой человѣкъ, онъ долженъ былъ стремиться въ Казань, вопреки его странному поведенію у володца и на дорогѣ; иначе не могло быть. Между тѣмъ она, чувствуя себя огражденной отъ мести несчастнаго арестанта, трусливо и коварно принимаетъ ласки другого.

Сипта, — какъ Ефраимъ узналъ при послѣдней его встрѣчѣ съ Осіей, — былъ врагомъ его дяди... И именно въ немъ она нашла себѣ возлюбленнаго.

Щель въ стѣнѣ шатра была достаточно широка, чтобы онъ могъ видѣть все происходящее внутри. Но подчасъ ему приходилось закрывать глаза, чтобы не видѣть. Часто ненавистное зрѣлище охватывало его съ таинственной силой, и тогда онъ съ радостью разорвалъ бы ковровую стѣну, швырнулъ бы отвратительнаго принца на землю, и ей, коварной, бросилъ бы въ лицо имя Осія и самыя жестокия слова.

Пылкая страсть, которою онъ былъ охваченъ раньше, незамѣтно превратилась въ ненависть и презрѣніе. Онъ было считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, и вдругъ онъ сталъ такъ жалокъ. Такого паденія съ громадной высоты въ глубокую бездну, — думалъ онъ, — не испыталъ еще никто.

Кормилица была права. Отъ вѣроломной ожидало его только отчаяніе и несчастіе.

Одинъ разъ онъ было вскочилъ, чтобы убѣжать, но тутъ снова раздались подкупающіе звуки ея пріятнаго смѣха;

тайнственная сила удержала его на мѣстѣ, заставила подслушивать дальше.

Сначала испуганная кровь такъ сильно шумѣла въ его ушахъ, что онъ чувствовалъ себя неспособнымъ слѣдить за объясненіемъ, происходившимъ въ освѣщенной палаткѣ. Но постепенно онъ сталъ понимать содержаніе цѣлыхъ фразъ, и теперь онъ постигъ все, что они говорили другъ съ другомъ, — ни одно слово ихъ дальнѣйшаго разговора не ускользнуло отъ него. Бесѣда приковывала къ себѣ его вниманіе, но она заставила его заглянуть въ такую пропасть, которая исполнила его ужасомъ.

Казана во многомъ отказывала безстыдному Сиптѣ, но это только подзадоривало его съ большей еще страстностью требовать отъ нея всего, тѣла и души, и за это онъ обѣщала ей самое высшее благо, мѣсто царицы рядомъ съ нимъ на египетскомъ тронѣ, котораго онъ добивался. Онъ это высказалъ ясно. Но вотъ что трудно было понять. Пылкій искатель руки сильно торопился; онъ часто перебывалъ дѣлаемыми ему возраженіямъ, чтобы увѣрить въ своей любви Казану, которой онъ въ этотъ часъ отдалъ въ руки свою жизнь и свободу, или успокоить ее, когда гнусность его предложеній возбуждала въ ней страхъ и отвращеніе. Но скоро онъ заговорилъ о письмѣ, переносчикомъ котораго былъ Ефрамъ, и когда онъ прочиталъ его съ объясненіями, юноша съ ужасомъ увидѣлъ, что рѣчь идетъ тутъ о самомъ преступномъ изъ всѣхъ заговоровъ. На одинъ мигъ его было охватило желаніе выдать измѣнниковъ, предать ихъ въ руки могущественнаго, чью гибель они замыслили. Но онъ отстранилъ отъ себя эту мысль и утѣшился пріятнымъ сознаніемъ, — первымъ въ этотъ ужасный часъ, — что онъ держитъ и Казану, и этого важнаго господина въ своихъ рукахъ, какъ кузнечика на ниткѣ. Это его успокоило и вернуло ему увѣ-

решность и присутствіе духа, которыя онъ было-потерялъ. Чѣмъ больше онъ затѣмъ узнавалъ преступнаго и омерзительнаго, тѣмъ прочѣе устанавливалось въ немъ возвратившееся къ нему, потерянное-было сознаніе правды и добра. При этомъ онъ вспоминалъ также слова дяди: „не давай ни великому, ни малому права смотрѣть на тебя иначе, какъ съ уваженіемъ, и тогда ты сможешь держать голову такъ же высоко, какъ самый гордый воинъ въ пурпуровомъ одѣяніи и золотомъ панцирѣ“.

Когда онъ, охваченный лихорадкой, лежалъ въ постели въ домѣ Назана, онъ безпрестанно повторялъ себѣ это наставленіе; но въ несчастномъ заточеніи и находясь въ бѣгахъ, оно снова было-исчезло изъ его памяти. Только въ шатрѣ домоуправителя, когда старый невольникъ держалъ зеркало предъ нимъ, освѣщеннымъ и помазаннымъ, онъ снова вспомнилъ о земъ вскользь; теперь оно уже вполне овладѣло его сознаніемъ. И вотъ что удивительно! Недостойный измѣнникъ былъ въ пурпуровомъ одѣяніи и золотомъ панцирѣ и имѣлъ видъ доблестнаго воина; однако, онъ не смѣлъ высоко поднять головы, ибо дѣло, которое онъ намѣревался совершить, могло увѣнчаться успѣхомъ только въ беспросвѣтной таинственности, и уподоблялось работѣ отвратительнаго врата, разрывающаго землю въ темнотѣ.

Ложь, обманъ и вѣроломство — таковы отвратительныя ярмы для его дѣянія и для той, которую онъ избралъ себѣ въ сообщницы; этой женщины, которой, — онъ въ глубинѣ души стыдился этого, — которой онъ такъ сильно желалъ нравиться, что готовъ былъ бросить все, что онъ уважалъ, что считалъ хорошимъ, чѣмъ дорожилъ.

Омерзительныя гнусности, которыя его учили избѣгать, были ступенями лѣстницы, по которой дурной человекъ, сидящій въ палаткѣ, думалъ взобраться на высоту. Ефραίимъ

зналъ это, потому что замысли принца лежали предъ нимъ, какъ открытая книга.

Въ свертѣхъ, который юноша самъ принесъ въ лагерь, находились два письма: одно отъ танисскихъ заговорщиковъ, другое отъ матери Сипты.

Первые ожидали принца вскорѣ обратно и сообщали ему, что сиріецъ Аарсу, начальникъ наемныхъ чужеземцевъ, охранявшій дворецъ, и обитательницы женскаго дома готовы ему присягнуть. Когда верховный жрецъ Амона, состоящій въ то же время верховнымъ судьей, намѣстникомъ и хранителемъ печати, провозгласитъ его, то онъ будетъ царемъ, и во дворцѣ, который открытъ для него, онъ сможетъ безпрепятственно занять тронъ. Если фараонъ вернется, то тѣлохранители захватятъ его въ плѣнъ и уберутъ его съ дороги, согласно тайному привазу Сипты, не любящаго полумѣръ, хотя верховный жрецъ настаивалъ на томъ, чтобы ограничиться однимъ заточеніемъ фараона.

Опасаться было нечего, кромѣ развѣ преждевременнаго возвращенія изъ Египта второго сына Менеэты — Сета, который послѣ смерти своего старшаго брата сталъ наследникомъ престола; а навазунѣ голуби-письмоносы принесли извѣстіе, что Сеть находится уже въ дорогѣ. Поэтому нужно было торопиться и принцу Сиптѣ, и могущественному жрецу, который долженъ былъ его провозгласить.

Противъ возможнаго сопротивленія войска тоже приняты были необходимыя мѣры. Какъ только войско уничтожитъ евреевъ, большую часть его рѣшено было отвести на прежнія мѣста стоянни, скрывъ отъ него о предстоящемъ изверженіи его повелителя. Отряды же тѣлохранителей были на сторонѣ Сипты, а прочіе, имѣвшіе вернуться въ столицу, въ крайнемъ случаѣ легко могли быть побѣждены сирійцемъ и его наемниками,

— Мы теперь остается только, — произнесъ принцъ и съ пріятностью потянулся при этомъ, какъ человѣкъ, которому удалось до конца трудную работу, — мы остается только черезъ нѣсколько часовъ помчаться съ Бая въ Тависъ, возложить на себя корону въ храмѣ Амона, провозгласить себя царемъ и устроить себѣ пріемъ во дворцѣ фараона. Все прочее придетъ само собою. Сеть, котораго они называютъ послѣднимъ престола, такая же слабенькая тварь, какъ и его отецъ, и долженъ будетъ примириться съ совершившимися дѣлами, а въ крайнемъ случаѣ уступить силѣ. Чтобы Менеета больше не вступилъ во дворецъ града Рамзесова, объ этомъ позаботится начальникъ тѣлохранителей.

Второе письмо, предназначавшееся для фараона, писано было матерью принца, дабы возможно-скорѣе отозвать въ столицу своего сына и верховнаго жреца, не подавая повода къ упрекамъ, что принцъ изъ трусости оставилъ войско предъ самой битвою. Хотя она чувствовала себя лучше, чѣмъ когда либо, она, однако, въ притворныхъ жалобахъ и просьбахъ увѣряла, что часы ея жизни сосчитаны. Она умоляла фараона немедленно отпустить ея сына и верховнаго жреца и тѣмъ дать ей возможность предъ кончиною благословить свое единственное дитя.

Она сознавала за собою кое-какіе грѣхи, — писала она фараону, — и никто, кромѣ верховнаго жреца, не обладалъ силою вымолить милость боговъ къ ней, умирающей. Безъ его напутствія она оставитъ сей міръ въ отчаяніи.

Недостойный похититель короны прочиталъ также и это письмо, назвалъ его мастерскимъ произведеніемъ женской хитрости и сталъ потирать руки отъ удовольствія.

Измѣна, убійство, коварство, хитрость, возмутительное злоупотребленіе самыми святыми чувствами, все, что есть на

свѣтъ дурного, — должно было служить Сиптѣ для достиженія имъ престола. Если Казана ломала руки и проливала слезы, узнавъ, что онъ намѣренъ смести фараона съ дороги, — то потому она успокоилась, когда принцъ поставилъ ей на видъ, что ее родной отецъ одобряетъ всѣ его распоряженія, направленныя къ избавленію Египта изъ рукъ царя — губителя страны.

Письмо матери Сипты къ фараону, матери, толкавшей родного сына на путь ужаснѣйшаго преступленія, было послѣднее, что Ефраимъ слышалъ здѣсь. Онъ привыкъ считать узы, связывающія родителей съ дѣтьми, самыми почтенными и чистыми, а потому это письмо возмутило его до того, что онъ грозно поднялъ кулакъ и, вскочивъ, началъ тихо проносить ругательства.

Онъ не слышалъ уже, какъ Казана заставила принца поклясться, что когда онъ достигнетъ власти, онъ исполнитъ первую ее просьбу, — она не будетъ ему стоить ни денегъ, ни имущества. Казана будетъ просить, чтобъ ей дано было право оказывать милосердіе тамъ, гдѣ это потребуетъ ее сердце. Это ей необходимо потому, что грядущія событія вызовутъ гнѣвъ боговъ, и умопоставленіе ихъ Сипта долженъ предоставить ей.

Ефраимъ не могъ, да и не хотѣлъ слышать или видѣть дольше эти отвратительныя вещи.

Онъ впервые почувствовалъ, что подвергался сильной опасности втянуться въ это болото и стать погибшимъ человѣкомъ. Но такимъ гнуснымъ, недостойнымъ человѣкомъ, какъ эти, онъ бы никогда не сдѣлался. Слова его дяди снова ему пришли на умъ; онъ гордо закинулъ голову назадъ, выставилъ впередъ свою хорошо развитую грудь, точно желалъ удостовѣриться въ своей силѣ. При этомъ онъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ себѣ, что онъ слишкомъ хорошій чело-

вѣкъ, чтобы погубить себя изъ-за дурной женщины, будь она даже, какъ Казана, красивѣйшая и обольстительнѣйшая женщина въ мірѣ.

Прочь, скорѣе прочь, подальше отъ этихъ сѣтей, которыя грозили затянуть и его въ убійства и позорныя дѣла!

Рѣшившись отыскать своихъ единоплеменниковъ, онъ пошелъ къ воротамъ лагеря, но послѣ нѣсколькихъ быстрыхъ шаговъ остановился. Посмотрѣвъ на небо, онъ увидѣлъ, что едва прошелъ второй часъ по полуночи. Все вокругъ лежало въ глубокой тишинѣ, только изъ царскихъ конюшенъ отъ времени до времени раздавались лягъ цѣпей или ударъ копытъ борзого коня.

Еслибъ онъ рѣшился теперь убѣжать изъ лагеря, то его могли бы замѣтить и задержать. Разумъ требовалъ, чтобы онъ на короткое время пообуздаль свое нетерпѣніе. Озираясь кругомъ, онъ бросилъ взглядъ на шатеръ домоправителя, откуда только что вышелъ старый невольникъ, чтобы посмотреть, не идетъ-ли его господинъ, который все еще дождался возвращенія Сипты въ его шатрѣ.

Старикъ раньше отнесся очень дружелюбно къ Ефраиму, и теперь онъ тоже съ добродушной настойчивостью пригласилъ его пойти за нимъ въ палатку и отдохнуть тамъ, потому что юношамъ необходимъ сонъ.

Ефраимъ принялъ это прамодушное приглашеніе, но тутъ только онъ почувствовалъ, какъ у него отяжелѣли ноги. Едва онъ растянулся на циновкѣ, которую старикъ, ея владѣлецъ, положилъ для него, какъ онъ почувствовалъ, что у него какъ будто отнимаются члены; онъ, однако, думалъ воспользоваться временемъ и отдыхомъ для спокойнаго размышленія.

Онъ началъ думать о будущемъ и о порученіи дяди.

Что ему необходимо тотчасъ же устремиться въ своиѣ, —

это было для него дѣло рѣшенное. Если имъ удастся избавиться отъ фараоновыхъ войскъ, то пусть другіе дѣлаютъ что хотятъ, онъ же долженъ собрать своихъ пастуховъ, рабовъ и сверстниковъ и поспѣшить съ ними къ рудникамъ, чтобъ освободить Иисуса отъ цѣпей и вернуть его къ престарѣлому отцу и къ народу, которому онъ былъ такъ нуженъ. Онъ уже видѣлъ себя съ пращой у пояса и боевымъ топоромъ въ рукѣ, стремительно идущимъ впередъ другихъ. Но тутъ одолѣлъ его сонъ, крѣпкій и пріятный, который унесъ его видѣнія далеко отъ лагеря. Когда стало свѣтать, то старому невольнику пришлось долго тормошить юношу, пока онъ его разбудилъ.

Въ лагерѣ шла уже оживленная дѣятельность. Всюду снимали палатки, выучили ослевъ и быковъ, впряженныхъ въ телеги, одѣвали узды и сбруи на лошадей, мыли возы, чистили оружіе и посуду, раздѣляли провизію, завтракали.

Вдругъ раздался оглушительный звукъ трубъ, послышались громкіе приказы вомандировъ. Изъ восточной части лагеря донеслось нѣміе жрецовъ, благоговѣнно привѣтствовавшихъ новорожденного бога Солнца.

Къ роскошному пурпуровому шатру, стоявшему рядомъ съ шатромъ Казаны, который расторопные слуги уже начали разбирать, подъѣхала золоченая колесница, а за нею другая, такая же.

Принцъ Сипта и верховный жрецъ получили отъ фараона разрѣшеніе отправиться въ Танисъ, чтобы исполнить желаніе „умирающей“.

Вслѣдъ затѣмъ Ефраимъ распрощался со старикомъ-невольникомъ и поручилъ ему передать кормилицѣ Казаны плащъ и сказать ей, что гонецъ послѣдовалъ ея совѣту и приказанію своего дяди.

Затѣмъ онъ отправился въ путь.

Онъ безпрепятственно прошелъ черезъ все пространство, занятое египетскимъ лагеремъ, и когда онъ дошелъ до пустыни, онъ испустилъ крикъ, которымъ онъ сзывалъ пастуховъ на пастбищахъ. Пронесшійся по равнинѣ его дребезжащій крикъ спугнулъ какую-то птицу, съ утеса глядѣвшую въ даль, и когда птица вспорхнула, юноша, простирая руки, почувствовалъ, точно у него самого выростають крылья, достаточно сильные, чтобъ нести его по воздуху. Онъ никогда не признавалъ себя такимъ легкимъ, подвижнымъ, сильнымъ и свободнымъ какъ теперь. Если бы жрецъ поставилъ ему теперь вопросъ: желаетъ-ли онъ взять должность начальника цѣлаго корпуса египетскаго войска, онъ, Ефраимъ, навѣрное, какъ у разрушеннаго дома Навина, далъ бы ему отвѣтъ, что онъ желаетъ только остаться пастухомъ и свободно управлять своими стадами и слугами.

Онъ былъ круглый сирота; но у него былъ народъ, которому онъ принадлежалъ, и гдѣ пребывалъ его народъ, тамъ онъ былъ дома.

Какъ путникъ, послѣ долгихъ, далекихъ странствованій приближающійся къ своей родинѣ, онъ сталъ теперь ускорять шаги.

Въ ночь неволунія пришелъ онъ въ Танисъ, и мягкій серебрястый свѣтъ, угасавшій въ это утро, исходилъ отъ той же луны, которая тогда была недоступна взору. Но Ефраиму казалось, что со времени его разлуки съ Миріамъ прошли уже годы и что эти немногіе дни дали ему опытъ цѣлой жизни.

Онъ ушелъ мальчикомъ, а возвращается домой мужчиной; и все-таки, благодаря одной только послѣдней ночи, онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, и могъ глядѣть прямо въ глаза тѣмъ, кого любилъ и на которыхъ взиралъ съ почтеніемъ.

Даже больше того.

Тому, кого онъ ставилъ выше всѣхъ,—ему онъ докажетъ, что и онъ, Ефраимъ, смѣетъ высоко держать голову. Онъ хотѣлъ вознаградить Иисуса за добро, имъ оказанное, за то, что онъ остался въ цѣпяхъ, дабы дать ему, племяннику, возможность улетѣть свободной птичкой.

Послѣ часа быстрой ходьбы, Ефраимъ очутился у одной запущенной сторожевой башни. Взобравшись на верхушку, онъ въ недалекомъ разстояніи, по сю сторону отъ Бааль-Цефонской горы, давно уже величественно выступавшей на горизонтъ, увидѣлъ блестящій вдали сѣверный конецъ Чернаго моря.

Хотя вѣтеръ стихъ, однако Ефраимъ по зыби зеленой морской поверхности заключилъ, что море еще несколько не успокоилось, а одиночныя темныя тучи на довольно чистомъ небѣ предвѣщали наступающую бурю.

Осматривая мѣстность, юноша спрашивалъ себя, каковы были намѣренія у вождей народа, если они, какъ принцъ сообщилъ Казанѣ, расположились лагеремъ между Бааль-Цефонской горой и Пи-гахиротомъ, возвышавшимся своими хижинами и шатрами у узкой бухты сѣверо-восточнаго рукава Чернаго моря?

Или Сипта въ этомъ случаѣ тоже солгалъ?

Но нѣтъ, лживый измѣнникъ на этотъ разъ отступилъ отъ своей привычки. Вотъ, между деревней и моремъ, гдѣ вѣтеръ разгоняетъ тонкіе столбы дыма, астребинный глазъ Ефраима замѣтилъ много точекъ, въ родѣ стада овецъ, а въ промежуткѣ между ними и возлѣ нихъ, въ пескахъ, происходило, повидимому, сильное движеніе.

Это былъ лагерь его соплеменниковъ.

Но чѣмъ ближе онъ былъ въ этому лагерю, тѣмъ сильнѣе было его опасеніе, что эта масса народа, съ женами и дѣтьми, стадами и шатрами, не скроется отъ могуще-

ственной военной силы, которая должна была его настичь черезъ нѣсколько часовъ.

Сердце сжималось у него при дальнѣйшемъ обзорѣ: ни на востокъ, гдѣ волхался глубокой заливъ, ни на югъ, гдѣ поднимались волны Чермнаго моря, ни на сѣверъ, откуда наступали войска фараона, негдѣ было укрыться народу. На западѣ же лежала пустынная страна Эанъ, и если бы странники направились туда, то, все болѣе тѣснимые войскомъ, они бы опять дошли до египетской земли, и все выселеніе постыдно разстроилось бы.

Его соплеменникамъ, слѣдовательно, ничего болѣе не оставалось, какъ рѣшиться на открытый бой. Но при этой мысли у юноши пробѣжалъ морозъ по тѣлу; онъ зналъ плоховооруженныя, необученныя, частью дикія и неповорныя, частью боязливныя полчища своихъ единоплеменниковъ, а недавно на его глазахъ прошло могущественное, отлично вооруженное египетское войско, съ его многочисленными пѣхотницами и великолѣпными боевыми колесницами.

Какъ недавно его дядѣ, такъ теперь ему народъ представлялся обреченнымъ на гибель, если только Господь его праотцевъ не придетъ ему на помощь. Миріамъ въ прежніе годы и предъ его уходомъ прочувствованно и краснорѣчиво превозносила ему могущество и величіе Всесильнаго Господа, Который далъ Своему народу преимущество предъ всѣми другими. Но возвышенныя слова пророчицы вселили въ его дѣтское сердце страхъ предъ недоступнымъ величіемъ и ужаснымъ гнѣвомъ этого Бога.

Ему было легче возноситься духомъ къ богу Солица, когда учитель Ефраима, веселый египетскій жрецъ, свелъ его въ храмъ, въ Питомъ. Впослѣдствіи онъ вообще потерялъ всякую потребность обращаться къ какому бы ни было божеству, потому что онъ не ощущалъ недостатка ни въ

чемъ. Въ то время, какъ другіе мальчики слѣдовали указаніямъ родителей, пастухи, знавшіе, что стада, ими охраняемыя, принадлежать ему, называли его своимъ молодымъ господиномъ, а сначала шутя, а затѣмъ уже серьезно оказывали ему всѣ почести, подобающія повелителю. Это преждевременно развило въ немъ сознаніе собственного достоинства и сдѣлало его своевольнымъ юношею.

Здоровый, крѣпкій малый, которому повиновались взрослые, онъ былъ доволенъ самъ собою, чувствовалъ, что другіе въ немъ нуждаются, а потому самымъ для него тягостнымъ дѣломъ было обращаться къ кому бы ни было съ просьбой о большомъ и маломъ; столь же противно было ему возноситься съ мольбою къ богу, который былъ ему чуждъ и стоялъ неизмѣримо выше его.

Но теперь, когда страшная участь, грозившая его соплеменникамъ, сжимала ему сердце, его охватило сознаніе, что спасти его народъ отъ ужасной, неописуемой бѣды можетъ только Величайшій и Всемогуцій, что оказать сопротивление египетской военной силѣ можетъ только Тотъ, въ Чьей власти было разбить въ дребезги небо и землю.

Что представилъ собою онъ, Ефрамъ, чтобы Всевышній, Котораго Мириамъ и Осія рисовали такимъ величественнымъ, обращалъ на него вниманіе? Но въ его народѣ насчитывалось много тысячъ человѣкъ, и Господь не побрезгалъ называть его Своимъ и обѣщать ему великія блага. Нынѣ народъ этотъ стоитъ на краю гибели, и онъ, возвращаясь изъ непріятельскаго лагеря, можетъ быть, единственный человѣкъ, видѣвшій угрожающую опасность во всемъ ея ужасѣ.

Тутъ у него внезапно явилось убѣжденіе, что именно на немъ, Ефрамъ, лежитъ обязанность указать Господу его праотцевъ, Который въ заботахъ о небѣ, землѣ, солнцѣ и звѣздахъ, можетъ быть, забылъ о Своемъ народѣ, на стран-

ную угрожающую народу опасность, и что онъ же долженъ молить Бога о спасеніи народа. Онъ все еще стоялъ на вершинѣ пустой башни, и отсюда онъ воздѣлъ къ небу взоры и руки.

Съ сѣвера надвигались черныя тучи, которыя онъ еще предъ тѣмъ замѣчалъ на голубомъ небѣ. Онѣ быстро отдѣлялись одна отъ другой и разбивались на части. Вѣтеръ, стихшій-было на разсвѣтѣ, становился теперь сильнѣе и стремительнѣе. Снова начиналась буря. Порывы вѣтра, слѣдовавшіе другъ за другомъ все чаще и чаще, проносились надъ перешейкомъ, поднимая густыя столбы желтаго неску.

Чтобы Тотъ, къ Которому онъ взывалъ, услышалъ его мольбу въ небесной выси, ему нужно было громко возвысить голосъ,—и потому Ефраимъ, напрягая всѣ силы своей молодой груди, воскликнулъ сквозь ревъ бури:

„Адонай! Адонай! Ты, Кого мы называемъ Іеговой, Ты, Великій Богъ моихъ праотцевъ, услышь меня, юнаго и неопытнаго, недостойнаго Твоего вниманія по своей ничтожности. Для себя я ничего не прошу! Но народъ, который Ты называешь Своимъ, находится въ большой нуждѣ. Онъ оставилъ свои крѣпкіе дома и хорошія пастбища, потому что Ты ему обѣтовалъ лучшую и красивѣйшую страну, а онъ вѣритъ Тебѣ и Твоимъ обѣщаніямъ. Но вотъ на него наступаетъ войско фараона, столь многочисленное, что наши никогда не смогутъ ему противустоять.

„Повѣрь, Эйли, мой Боже! Я видѣлъ это войско, я находился среди него. Такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою, знаю я, что оно слишкомъ сильно для Твоего народа. Могущество фараона растопчетъ нашихъ, какъ копыта скота топчутъ солому на дугу. А мои соплеменники, которые также Твои сыны, стоятъ лагеремъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ

воини фараона могутъ имъ отрѣзать путь со всѣхъ сторонъ, такъ что имъ не будетъ выхода для бѣгства, никакого выхода,—я это отсюда вижу очень ясно. Услышь же меня, Адонай! Но дойдутъ-ли до Тебя мои слова при такой бурѣ? Конечно, дойдутъ, если Ты пожелаешь. Тебя называютъ Всемогущимъ, и если Ты услышишь меня и внинешь въ смыслъ моихъ словъ, то Ты, если только согласишься, Самъ убѣдишься въ ихъ вѣрности Своими властными очами. Но тогда Ты вспомнишь также объ обѣтѣ, данномъ Тобою народу черезъ Моисея, слугу Твоего.

„Я видѣлъ у египтянъ измѣну, убійства и поворную безсовѣстность; ихъ поступки наполнили меня, также вѣдъ грѣшнаго и неопытнаго юношу, отвращеніемъ и негодованіемъ. Какъ можешь Ты, отъ Кого исходить все доброе и Кого Миріамъ называетъ Самою Истиной, поступать какъ тѣ недостойные люди и нарушить вѣрность и обѣщаніе въ отношеніи тѣхъ, которые Тебѣ доверились. Я знаю, Всевышній, Всемогущій, что Ты далекъ отъ этого, я, можетъ быть, даже грѣшно, что я такъ думаю. Услышь меня, Адонай! Посмотри на сѣверъ, на военныя силы египтянъ, которые навѣрное скоро оставятъ лагерь и двинутся на югъ для преслѣдованія Твоихъ. Забѣть, что мои соплеменники не могутъ болѣе уйти нигуда, и спаси ихъ силою Твоей власти и премудрости. Ты обѣщалъ имъ новую страну, а если они будутъ уничтожены, то какъ же въ состояніи будутъ въ нее проникнуть?“

Такъ закончилъ онъ свою дѣтскую, наивную, но вырвавшуюся изъ глубины сердца молитву. Затѣмъ онъ срыгнулъ съ башни на ровную пустынную землю и бросился бѣжать по направленію къ югу съ такою быстротой, какъ будто вторично долженъ былъ укрыться отъ заточенія. Онъ чувствовалъ, какъ дувній съ сѣверо-востока сильный вѣ-

теперь подталкивалъ его, и подумалъ, что вѣтеръ ускорить также вѣстивіе фараонскихъ иѣхотинцевъ. Можетъ быть, вожди его народа не знали вовсе, какъ громадны угрожавшія имъ военныя силы египтянъ, и не придавали должнаго значенія опасности, въ которую ставило ихъ это положеніе. Но онъ видѣлъ эти войска и сможетъ дать отчетъ обо всемъ. Тутъ нужно было торопиться, и ему казалось, что въ этой быстрой ходьбѣ, въ перегонку съ вѣтромъ, у него выросли крылья.

Скоро онъ пришелъ въ селеніе Пи-гахиротъ и, пробѣгая мимо него не останавливаясь, онъ замѣтилъ, что хижины и палатки оставлены ихъ обитателями и животными. Можетъ быть, жители удалились и унесли свое добро изъ болыни предъ египетскими войсками или предъ его соплеменниками.

Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ гуще заволакивалось небо, которое здѣсь въ полдень рѣдко не блеститъ солнечной лазурью, тѣмъ нечетовѣ бушевалъ вѣтеръ. Густые его вудри въ безпорядкѣ раскинулись по пылающей головѣ, онъ едва переводилъ духъ, но все-таки бѣжалъ все дальше и дальше, и ему казалось, что его ноги все выше и выше поднимаются надъ землею.

Чѣмъ болѣе онъ приближался къ морю, тѣмъ громче ревѣла и свистала буря, тѣмъ гутьче раздавались удары подбрасываемыхъ вѣтромъ, kloкочущихъ волнъ объ утесы Бааль-Цефова. Теперь,—это было едва часъ спустя послѣ его ухода изъ башни,—онъ достигъ первой палатки лагеря, и хорошо знакомый ему возгласъ „нечистъ“, а также скорбная одежда и проказенныя, обезображенныя лица выглядывавшихъ изъ полуразрушенныхъ бурей палатокъ показавали ему, что онъ находился воелѣ проказенныхъ, котормъ Моисей приказалъ расположиться внѣ лагеря.

Но Ефраимъ такъ торопился, что онъ не обошелъ кругомъ это нечистое мѣсто, но прорѣзавъ его поперекъ бѣгомъ. Онъ не остановился даже, когда высокоствольная палма, вырванная вѣтромъ съ корнемъ, упала возлѣ него такъ близко, что задѣла его своей верхушкой.

Наконецъ, онъ добрался до шатровъ своихъ соплеменниковъ; изъ нихъ многіе тоже были разорваны вѣтромъ.

Перваго знакомаго, котораго онъ встрѣтилъ, онъ спросилъ, гдѣ находится Навинъ, отецъ его покойной матери и Исуса.

Навинъ вмѣстѣ съ Моисеемъ и другими старѣйшинами народа удалился на берегъ, и Ефраимъ направился туда. Влажный, пропитанный солью морской воздухъ освѣжилъ его и остудилъ ему лобъ.

Но юноша не могъ сразу заговорить съ Навиномъ. Онъ рѣшилъ собраться съ духомъ, отдышаться. Онъ видѣлъ, какъ въ это время старѣйшины оживленно разговаривали съ одѣтыми въ пестрые одежды финикійскими моряками.

Такому юношѣ, какъ Ефраимъ, не дозволялось безпочинтъ сѣдовласыхъ старѣйшинъ во время совѣщанія; вѣроятно, рѣчь шла о морѣ, потому что евреи безпрестанно указывали на самый конецъ морской бухты, а финикійцы, въ свою очередь, указывали пальцами то на бухту, то на гору, то на небо, на сѣверъ, откуда дулъ все болѣе усиливающійся вѣтеръ.

Выступъ стѣны защищалъ престарѣлыхъ мужей отъ вѣтра, и все-таки они съ трудомъ стояли на ногахъ, опираясь на свои предводительскіе посохи или на камни.

Наконецъ, совѣщаніе прекратилось. Величественная фигура Моисея, какъ видѣлъ юноша, медленнымъ, но увѣреннымъ шагомъ направилась къ морскому берегу вмѣстѣ со знатнѣйшими изъ евреевъ. Навинъ же, поддерживаемый од-

нимъ изъ своихъ пастуховъ, пошелъ въ лагерь быстро, какъ только онъ могъ, идя противъ вѣтра. На немъ была траурная одежда, и въ то время какъ другіе, при разставаніи, глядѣли радостно, полные надеждъ, его прекрасное, окаймленное бѣлоснѣжными волосами и бородою, лицо носило отпечатокъ грусти, удручающей духъ и тѣло.

Лишь когда Ефраимъ его окликнулъ, онъ поднялъ поную львиную голову. Увидя юношу, старикъ, пораженный и испуганный, отступилъ назадъ и ухватился за пастуха, который его поддерживалъ.

О суровой участи, постигшей его сына и внука, онъ узналъ отъ отпущенныхъ на волю рабовъ, оставленныхъ имъ въ Танисѣ.

Тогда старикъ разорвалъ одежду свою, пощипалъ пеломъ голову, одѣлъ траурную одежду, и предался скорби о любимомъ, прекрасномъ, единственномъ сынѣ и цвѣтущемъ внуѣ.

И вдругъ Ефраимъ стоялъ предъ нимъ! Положивъ руки на его плечи и облобызавъ его многократно, онъ освѣдомился прежде всего, живъ-ли его сынъ и помнитъ-ли онъ о немъ и о своемъ народѣ.

Ефраимъ съ радостью отвѣчалъ на это утвердительно. Навинъ еще разъ положилъ руки на его плечи, желая, чтобъ отнынѣ опорой и защитникомъ отъ бури былъ для него родной человѣкъ, а не чужіе.

Старику предстояли важныя и настоятельныя обязанности, которыхъ никакъ нельзя было отложить. Но когда на пути въ лагерь пылкій юноша, сквозъ рѣвъ урагана, провривалъ ему въ ухо, что онъ хочетъ собрать своихъ пастуховъ и сверстниковъ, чтобъ пойти освободить Осію, нынѣ называвшагося Иисусомъ, — въ старикѣ пробудилась его бодрость и свѣжесть. Онъ привлекъ къ себѣ внука и, крѣпко прижавъ его къ груди,

заговорилъ съ живостью, что хотя онъ старъ, но онъ еще не такъ дрожалъ, чтобъ не могъ работать боевымъ топоромъ. Онъ присоединится къ отряду молодежи, чтобъ освободить сына. При этомъ у Навина сверкали слезы въ глазахъ. Вздвѣвъ свободную руку къ небу, онъ воскликнулъ:

— Богъ праотцевъ нашихъ, на Котораго я привыкъ уповать, бодрствуетъ надъ своими вѣрными сынами. Видишь-ли тамъ, въ концѣ залива, песокъ, водоросли и раковины? Какойнибудь часъ тому назадъ тамъ еще стояла вода и бурныя волны высоко бросали свою бѣлую пѣну. Вотъ, мой мальчикъ, путь къ нашему спасенію. Если вѣтеръ продержится, воды залива уйдутъ еще дальше, въ морѣ, а свѣдущіе въ мореходствѣ финикіане предсказываютъ, что такъ именно и будетъ. Ихъ богъ сѣвернаго вѣтра,—говорятъ они,—проводитъ насъ. По ту сторону, на Бааль-Цефонѣ, финикійскіе юноши уже зажигаютъ въ честь его огни. Но мы знаемъ, что путь въ пустыню отерываеъ намъ Другой. А намъ было уже сѣверно, сынъ мой!

— Да, дѣдушка,—воскликнулъ Ефраимъ,—вамъ пришлось быть какъ львамъ въ западнѣ. Египетское войско,—я видѣлъ его отъ перваго до послѣдняго человѣка,—сильно и непобѣдимо. Я спѣшилъ сюда изо всѣхъ силъ, чтобы предупредить васъ, что множество тяжеловооруженныхъ, стрѣлковъ, коней, колесницъ...

— Знаемъ, знаемъ,—перебилъ его старецъ.—Но вотъ мы и пришли.

Онъ указалъ полуопроvincнутую палатку, которую его слуги старались укрѣпить, а возлѣ нея престарѣлаго еврея. Это былъ отецъ Навина, Элншама, отдохавшій въ носилкахъ, плотно укутанный.

Навинъ торопливо сказалъ ему нѣсколько словъ и повелъ къ нему Ефраима. Пока юноша обнималъ своего пра-

дѣда и принималъ его ласки, Навинъ сталъ съ юношескимъ жаромъ отдавать приказанія пастухамъ и слугамъ.

— Опрокиньте палатку! Буря начала за васъ работу! Сверните ткани вокругъ шестовъ; вьютъе животныхъ, грузите возы! Живо за дѣло! А вы Гади, Шама, Иаковъ, ступайте къ остальнымъ! Пора въ походъ! Торопитесь всѣ, скорѣе запрягайте коней, готовьте возы, сворѣе, какъ можно сворѣе! Господь указываетъ намъ путь. Пойдемъ во имя Господа и по приказанью Моисея. Скажите всѣмъ, чтобы шли въ прежнемъ порядкѣ. Во главѣ шествія пойдѣмъ мы, за нами другія колѣна, далѣе чужеземцы и наконецъ прокаженные, мужчины и женщины. Радуйтесь, люди! Господь творитъ великое чудо: для насъ, Своего избраннаго народа, Онъ осушаетъ море. Пусть каждый за работою благодаритъ и вознесетъ Ему отъ глубины сердца молитву, да защититъ Онъ насъ и впредь. Кто не хочетъ, чтобы его сразилъ мечъ египтянина или раздавила его волесница, пусть работаетъ изо всѣхъ силъ и забудетъ объ отдыхѣ. Отдохнемъ мы, когда минетъ опасность. Дайте-ка сюда это золотно отъ палатки, я его самъ сверну. Помогай, юноша! Сметрите-ка, вотъ дѣти Менасин уже все укладываютъ и нагружаютъ. Хорошо, Ефраимъ, вотъ такъ; ты умѣешь владѣть руками. Ну, что еще остается дѣлать? Ахъ, старая моя, забывчивая голова! Впрочемъ, ей такъ много придется помнить въ одно время. У тебя, Рафу, проворныя ноги, бѣги сворѣе къ чужеземцамъ, — я взялся ихъ предупредить о началѣ похода, — скажи имъ, чтобы они собирались и не отставали отъ народа. Время дорого! Господи, Боже нашъ, простри охраняющую десницу надъ Твоимъ народомъ, и пусть предъ этой бурей, мощнымъ Твоимъ дыханіемъ, волны отступятъ еще далѣе въ море. Молитесь каждый про себя, когда вы двинетесь въ путь! Вездѣсущій видитъ ваши сердца и услышитъ ваши

молитвы. Стой, Ефраимъ! Эта ноша слишкомъ тяжела для тебя, ты надорвешься! Но смотри, каковъ юноша: вѣдъ справился! Берите съ него примѣръ, люди изъ Сукота, полюбуйтесь на вашего юнаго господина и его силу!

Слова эти пришлись по сердцу пастухамъ, слугамъ и служанкамъ Ефраима. Большинство изъ нихъ уже среди работы привѣтствовали его, дѣловали ему руки и плечи, высказывали радость по случаю его возвращенія. Они укладывали, нагружали, заворачивали, убирали посуду, таскали тяжести, криками и ударами собирали вмѣстѣ разгоняемый вѣтромъ скотъ.

Выходцы изъ Сукота исполняли приказы своего молодого господина; выходцы изъ Таниса не отставали отъ нихъ, видя въ Ефраимѣ внука своего повелителя, такъ же какъ и ставовладѣльцы и менѣе значительные люди изъ колѣна Ефраимова, палатки которыхъ окружали шатеръ ихъ вождя Навина. При всемъ томъ потребовалось нѣсколько часовъ, чтобъ убрать всѣ палатки, домашнюю рухлядь, приготовить запасы пищи для людей и корма для животныхъ, все сложить и навьючить, размѣстить слабыхъ и больныхъ по носилкамъ и повозкамъ.

Издали вѣтеръ доносилъ по временамъ до лагеря Ефраимитовъ звуки густого повелительнаго голоса Моисея и болѣе мягкой рѣчи Аарона. Но ни Ефраимиты, ни колѣно Іудино не нуждались въ напоминаніяхъ: ими руководили Хуръ и Нахшонъ. При первомъ къ тому же неотлучно находилась его молодая жена, Миріамъ. У другихъ колѣнъ и у иноземцевъ дѣло шло не такъ быстро, вслѣдствіе упорства или нерѣшительности ихъ старѣйшинъ, на которыхъ и падала главная вина въ грустномъ положеніи народа.

Перев. С. Дѣвировскій.

(Продолженіе будетъ).

НА ЗАПАДѢ.

ЛОНДОНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

IV¹.

Жутко становится на душѣ, когда изъ оглушительныхъ, освѣщенныхъ парижскихъ бульваровъ, въ какіе нибудь 7—8 часовъ, выходишь на улицу Utrand, самую бойкую въ столицѣ, соединяющую фешенебельные кварталы Удеръ-диди съ условнымъ центромъ дѣловой лондонской жизни, находящимся въ Сити, этомъ средоточіи богатства вліятельнѣйшихъ, по-истинѣ правящихъ классовъ страны. Вездѣ мрачно, непривѣтливо, хотя нельзя сказать, чтобы улицы пустовали; напротивъ, очень много снующей публики, но это не фланеры, безцѣльно шляющіеся по столичнымъ стогнамъ, чтобы себя показать и на людей посмотреть, правда, затрудняющіе движеніе, но все-таки придающіе оживленный характеръ мѣняющейся фizioноміи гуляющей публики, а люди, вѣчно занятые дѣломъ. Преобладающая черта англійскаго народнаго характера — дѣловитость, экономія времени, которое приравняется къ деньгамъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, куда бы ни направлялъ свои шаги, въ храмъ, въ судъ, въ парламентъ, на биржу, фабрику или академію, расчетливый Джонъ-Буль твердо помнитъ, что онъ дѣло дѣлаетъ, а не собирается баклуши бить, что нечего безцѣльно транжирить время, когда есть возможность утилизировать его, для пріобрѣтенія лишнихъ «money», которыя никогда не мѣшаютъ въ жизни. Потому и гулянье носитъ характеръ дѣловой, а не по-

¹ См. „Восходъ“, кн. VIII.

хоже на благодушное разгильдяйство людей, которымъ дѣваться некуда и которые не знаютъ, какъ убить время. Тою же спѣшной, дѣловой походкой гуляетъ онъ по аллеямъ большихъ парковъ, не исключая и фешенебельнаго Гайдъ-Парка, беззаботно расталкивая локтями людей, мѣщающихъ его движенію, какъ и шагаетъ по направлениямъ къ докамъ, къ биржѣ, таможнѣ, размахивая руками, и мало заботясь о пинкахъ, получаемыхъ отъ другихъ пѣшеходовъ, также развязно пробивающихъ себѣ дорогу дюжими локтями.

Ко всему этому туристъ, воспитанный на иныхъ правилахъ континентальной вѣжливости и предупредительности, скоро привыкаетъ. Принимая толчки и раздавая ихъ, въ свою очередь, безъ разныхъ излишнихъ извиненій и просьбъ, иностранецъ знаетъ, что мѣстныя возрѣнія на вѣжливость не лишены практическаго смысла, что, когда дѣломъ занимаешься, тогда некогда думать о салонныхъ требованіяхъ, выдуманныхъ давно истлѣвшими маркизами и щеголями временъ владычества королевскихъ фаворитокъ. Въ одному только трудно привыкнуть, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: къ англійской кухнѣ. Надо обладать какимъ-то луженымъ желудкомъ, чтобы переварить эту тяжелую пищу, прѣсную, безвкусную, неудобоваримую, не смотря на массу говядины и рыбы, этотъ противный эль, отъ котораго жжетъ небо, першить въ горлѣ, а ужъ не говорю о супѣ изъ бычачьихъ хвостовъ, ox-tail, о винахъ, о спиртныхъ напиткахъ, въ родѣ brandy, грогъ или джиннѣ. Даже чай, самъ по себѣ очень хорошій, подается тамъ чарный, какъ чернида, и съ непривычки не рѣшаешься глотнуть этотъ душистый, хорошій напитокъ, съ виду похожій на все, что угодно, только не на чай, какъ принято его пить у насъ. Частая и обильная пища тамъ необходима, отчасти по причинѣ климата, но больше всего потому, что огромное израсходование мускульной силы требуетъ соразмѣрнаго уравновѣшенія организма въ обмѣнѣ веществъ. Постоянное движеніе на воздухѣ, гимнастика, верховая ѣзда, гребля и тому подобныя упражненія чрезвычайно развиваютъ аппетитъ, находящій свое удовлетвореніе въ двухъ завтракахъ и повднемъ обильномъ обѣдѣ, не считая промежуточныхъ минутныхъ набѣдываній въ

понадающихся по дорогѣ таверны, «bar» или кофейни. Это многобденіе находится въ прямомъ отношеніи къ непрерывному тяжелому труду, необходимому для удовлетворенія всѣхъ требованій дорого-стоящей жизни. Нигдѣ жизнь такъ не дорога, какъ въ Англии, и нигдѣ въ Европѣ не требуется такого упорнаго, всепоглощающаго труда, какъ въ этой странѣ, гдѣ борьба за существованіе дожила, кажется, до самаго крайняго напряженія. Не смотря на страсть англичанъ къ сильно дѣйствующимъ спиртнымъ напиткамъ,—страсть, обусловливаемую климатомъ, тамъ почти не встрѣчаются на улицѣ пьяные, горлающіе пѣсни, пишущіе мыслете, какъ у насъ. Это сначала странное явленіе объясняется очень просто. Англичане пьютъ не много, но часто. Каждая четверть часа онъ завернетъ по дорогѣ въ «bar», опрокинетъ рюмку, закуситъ и побѣжитъ дальше по дѣлу, такъ что, въ концѣ концовъ, у него, можетъ быть, будетъ легкій туманъ въ головѣ, отъ него будетъ разить ѣдкимъ запахомъ brandy, но его нельзя считать хвятившимся черезъ край. У насъ же, напротивъ, люди пьютъ сравнительно рѣдко, но ужъ разъ дорвавшись до стойки питейнаго заведенія, они уже вознаграждаютъ себя съ лихвой за вынужденный постъ. Оттуда приходится оттащить человѣка въ состояніи близкомъ къ невмѣняемости, когда ему, что называется, море по колѣни и онъ готовъ и въ присядку пуститься, и лѣзать цѣловаться съ первымъ встрѣчнымъ, и пустить въ ходъ свой «кулакъ-скуловоротъ», а не то—такъ ножомъ пырнуть въ своего ближняго, зачастую лучшаго своего друга-пріятеля.

Аномалии англійской жизни, сильно поражающія новичка, получившаго на родинѣ самое превратное понятіе о странѣ, которую онъ собирается посѣтить, очень скоро утрачиваютъ свой острый характеръ. Чѣмъ больше знакомишься съ этими людьми, чѣмъ основательнѣе изучаешь мѣстную жизнь, частную и общественную, тѣмъ скорѣе прежнія предвзятія мнѣнія оказываются несостоятельными, уступая мѣсто совершенно новымъ взглядамъ, объясняющимъ неминувость этихъ аномалій,—взглядамъ, очень благоприятнымъ для страны и ея обитателей. Такъ всегда и вездѣ бываетъ со всеми почти предразсудками, воссанными съ молокомъ матери, преемственно

и бессознательно уяснёванными отъ цѣлаго ряда предпоставившихъ поколѣній. Я не знаю человека, который, проживъ въ Англiи известное время, не измѣнилъ бы кореннымъ образомъ своего взгляда на эту страну. И мои собственные взгляды, не смотря на трудность въ зрѣломъ возрастѣ измѣнить то, что ужъ, такъ сказать, кристаллизировалось въ образѣ мысленiя, должны были, въ виду новыхъ, дотогѣ невѣдомыхъ обстоятельствъ, подвергнуться этой неминуемой метаморфозѣ. Даже самыя закорючлые нѣмцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить, поклонники новой Бисмарковской Германiи, видящiе свѣтъ только въ своемъ окошечкѣ, и тѣ должны были сознаться, что континентальнымъ народамъ есть чему поучиться у коварнаго Альбиона.

Упорное желанiе отстоять свою индивидуальность во что бы то ни стало, при стеченiи какихъ бы то ни было обстоятельствъ, во многомъ повредило репутацiи англiйскаго общества, о странностяхъ котораго составились цѣлыя легенды. Нѣтъ ничего безтолковѣе, какъ судить о цѣломъ народѣ, во всей его совокупности, по сотнямъ шалыгановъ, сорящимъ соверенами въ игорныхъ домахъ, увеселительныхъ заведенiяхъ всѣхъ большихъ городовъ или курортовъ материка. Закрытый въ тѣсномъ кружкѣ друзей и единомышленниковъ, туго сходящiйся съ первыми встрѣчными, ревниво оберегающiй чистоту семейнаго очага, своего «home», къ которому онъ привыкъ относиться какъ къ нѣмоей святынѣ,—неповоротливый бритъ кажется не-людимымъ, чуть-ли не дикаремъ, въ глазахъ бульварныхъ философовъ, вся жизнь которыхъ проходитъ въ шапочныхъ знакомствахъ съ посѣтителями кофеенъ, имѣющихъ значенiе парходной палубы, тогда какъ свой уголь—не болѣе какъ каюта, отведенная для отдыха и сна. Въ странѣ англо-саксовъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Дѣловыя сношенiя могутъ продолжаться десятки лѣтъ и, кромѣ свиданiй въ конторѣ, банкѣ, биржѣ или въ судѣ, ни одинъ изъ нихъ не проникнетъ въ семейный кругъ другого, пожалуй, другъ другу руки не подастъ. Это не то, что въ Германiи, гдѣ переходъ отъ *Geschäftsfreund* къ *Haushfreund* очень легокъ, а къ знакомству домами почти неизбеженъ. Но разъ вы рекомендованы, всѣ запоры исчезаютъ,

двери отворяются настѣжь, вы чувствуете себя въ англійскомъ семейномъ домѣ, какъ у родныхъ, и вы навсегда сохраните самое теплое воспоминаніе объ истинномъ радушіи англичанъ у себя. Суровый хозяинъ, который въ своемъ рабочемъ кабинетѣ производитъ впечатлѣніе какой-то муміи, окаменѣлой и неподвижной, съ большими пальцами, засунутыми за борта жилетки, въ своемъ drawing-room, былъ за обѣденнымъ столомъ положительно неузнаваемъ. Это воплощенное радушіе, гостепріимство, готовность оказывать своему гостю всѣ зависящія отъ него услуги. Ледъ, прежнихъ дѣловыхъ сношеній, носившихъ сухо-официальный характеръ, разбитъ; теплое чувство непритворнаго расположенія согрѣваетъ разговоръ; между гостемъ и хозяиномъ устанавливаются тѣ хорошія, человѣчныя отношенія, d'égal à égal, которыя дѣлаютъ пребываніе въ англійскомъ семействѣ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній о классической странѣ, гдѣ, говорятъ, царитъ безконтрольно одна лишь чопорность и двоедушіе, какъ будто послѣднія качества совершенно неизвѣстны въ другихъ мѣстахъ, а составляютъ основной элементъ дрессировки благовоспитанныхъ джентльменовъ, занимающихся политикой. Англичанъ упрекаютъ въ политическомъ коварствѣ, ненасытной жадности къ пріобрѣтеніямъ и захватамъ всего, что плохо лежитъ, въ сферѣ международныхъ сношеній, гдѣ ихъ государственные дѣятели являются настоящими смутьянами, несправимыми нарушителями вселенскаго мира, чтобы въ мутной водѣ рыбу ловить. Не мнѣ, конечно, судить въ бѣглыхъ затѣткахъ туриста, насколько основательны эти упреки, отъ которыхъ врядъ-ли свободны и остальные народы. Но кто имѣлъ возможность узнать англичанъ въ семейномъ быту, тотъ врядъ-ли согласится съ ходячими предразсудками, что двуличность и эгоизмъ составляютъ исключительные пороки, взращенные на британской почвѣ. Мало того, что онъ будетъ всегда относиться съ чувствомъ искренняго уваженія къ солиднымъ достоинствамъ этого великаго народа, оказавшаго культурѣ неоцѣнимыя услуги, но онъ готовъ скорѣе согласиться съ выводами самыхъ извѣстныхъ писателей, что его грядущая роль во всемірной исторіи далеко не исчерпана, что въ этомъ народѣ хранится еще достаточный запасъ умствен-

ныхъ и нравственныхъ силъ для проведенія въ жизни великихъ реформъ, на англійскій манеръ, т. е. прочно и долговѣчно, безъ кровопролитія, насильственныхъ мѣръ и шумихи трескучихъ фразъ, не играющихъ никакой роли въ изолированной жизни этихъ заморскихъ «торгашей» и «бѣлокурыхъ жидавъ», какъ ихъ обыкновенно чествуютъ иные изъ непримиримыхъ враговъ соотечественниковъ Гладстона и Биконсфильда.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ описанію лондонскихъ достопримѣчательностей. Но прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію читателей съ положеніемъ нашихъ единовѣрцевъ въ этой свободной странѣ, скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ выдающихся достопримѣчательностяхъ Лондона, его храмахъ, учрежденій и т. д., имѣющихъ несомнѣнный интересъ для каждаго любознательнаго человѣка, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія. Это тѣмъ болѣе умѣстно будетъ, что я намѣренъ говорить о значеніи одной государственной знаменитости, хотя и давно сошедшей въ могилу, но оставившей по себѣ такую нетлѣнную память въ средѣ своихъ согражданъ, что онъ и теперь считается какъ бы не вычеркнутымъ изъ списка живыхъ дѣятелей. Этотъ государственный человѣкъ, дѣятельность котораго интересовала весь цивилизованный міръ, тѣмъ болѣе имѣетъ право на наше вниманіе, что онъ вышелъ изъ рядовъ гонимаго племени, дѣти котораго считаются, въ ннхъ странахъ, недостойными занимать даже скромныя должности писцовъ въ нотаріальныхъ конторахъ.

V.

На правой сторонѣ набережной Темзы, возлѣ Уэстминстерскаго моста, при сліяній улицъ Уайтголла съ Парламентскою площадью, красуются другъ противъ друга два величественныя зданія, составляющія предметъ самыхъ жгучихъ вождедѣній каждаго полноправнаго гражданина Британской имперіи, стремящагося занять видное положеніе въ общественной жизни и исторіи своей страны. Это—парламентъ и Уэстминстерское аббатство. Многомилліонная столица всемірной торговли, не смотря на набожность своихъ обывателей, не можетъ похвастаться

замѣчательными храмами, какъ, наприимѣръ, другіе крупныя центры на континентѣ. Даже прославленный храмъ св. Павла, о которомъ въ старинныхъ географіяхъ печатались восторженные отзывы, какъ о достойномъ соперникѣ римской базилики св. Петра, производитъ полное разочарованіе въ глазахъ людей, ожидающихъ встрѣтить одинъ изъ крупныхъ перловъ средневѣковаго зодчества, которыхъ немало во всѣхъ большихъ городахъ западной Европы. St Paul's Church не только не затмѣваетъ чуднаго сооруженія въ Римѣ, но онъ далеко уступаетъ Исаакіевскому собору въ Петербургѣ или храму Спасителя въ Москвѣ. Мрачный, закоптѣлый извѣтъ, безвкусный, лишенный всякихъ украшеній внутри, съ гробницами двухъ англійскихъ полководцевъ на сушѣ и на морѣ, прославившихся во время наполеоновскихъ войнъ—герцога Уэллингтона и лорда Нельсона, какъ единственными историческими памятниками не особенно сѣдой старины, онъ расколачиваетъ интересъ посѣтителя, ожидающаго встрѣтить нѣчто необыкновенное, о которомъ давно сложилось незаслуженное мнѣніе, какъ о первоклассномъ шедеврѣ искусства. Если главный храмъ, о славѣ котораго такъ много трубили, не оправдываетъ возложенныхъ на него упованій, то о другихъ второстепенныхъ храмахъ нечего и говорить. Остаются, слѣдовательно, два капитальнѣйшія сооруженія, не имѣющія себѣ подобныхъ въ Европѣ, о которыхъ мы только что упомянули—парламентъ и аббатство.

Первое зданіе служитъ для приобрѣтенія прижизненной извѣстности, второе—для посмертной славы. Но между парламентомъ и аббатствомъ есть еще третья и послѣдняя инстанція. Это скверъ, украшенный пятью монументами самыхъ знаменитыхъ государственныхъ людей текущаго столѣтія: Каннинга, Роберта Пиля, Пальмерстона, Дерби и Виконсфильда. Послѣдній обращенъ лицомъ къ главному входу въ аббатство. Скверъ, который, вѣроятно, современемъ украсится шестымъ памятникомъ—Гладстона, служитъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между представительнымъ собраніемъ страны и ея Пантеономъ, куда попадаютъ далеко не одни парламентскіе дѣятели. Всякій, кто чѣмъ нибудь ознаменовалъ свою общественную дѣятельность, направленную къ пользѣ или славѣ государства, можетъ раз-

считывать, что его брѣнные останки будутъ покояться подъ сводами историческаго аббатства, въ обществѣ великихъ покойниковъ, создавшихъ современную Англiю. Подобной центральной усыпальницы общественныхъ дѣятелей, собравшихъ, устроившихъ и прославившихъ страну въ теченiи всей ея многовѣковой исторiи вплоть до нашихъ дней, нѣтъ нигдѣ въ Европѣ. Парижскiй Пантеонъ, созданный какъ дань уваженiя отчизнѣ къ ея великимъ сынамъ, — *la patrie à ses grands hommes*, какъ гласитъ надпись на фронтонѣ, — почти пуста. За исключенiемъ Вольтера, Руссо, Виктора Гюго и строителя собора, тамъ нѣтъ замѣчательныхъ покойниковъ, разсыпанныхъ большею частью на кладбищѣ Пэръ-Лашеза. Въ Германiи и Италiи тоже нѣтъ одной общей усыпальницы, на которую можно бы указать какъ на единственное вмѣстилище всѣхъ знаменитостей народа, населяющаго страну. Могилы народныхъ богатырей и любимцевъ, жившихъ и умиравшихъ для ея блага, разбросаны по разнымъ городамъ и имѣнiямъ. Только практическiе англичане додумались до той простой истины, что надгробные памятники ея королей, вождей, поэтовъ, ученыхъ, водчихъ, мореплавателей, вѣроучителей, законовѣдовъ, изобрѣтателей, воиновъ, раздвинувшихъ предѣлы государства, содѣйствовавшихъ ея умственному росту, экономическому преуспѣянiю, прославившихъ народный генiй во всѣхъ областяхъ знанiя, — должны быть собраны во-едино, въ центрѣ столицы государства, обязаннаго этимъ людямъ своимъ современнымъ разцвѣтомъ, въ поученiе потомству и какъ наглядный примѣръ, достойный подражанiя со стороны подрастающихъ поколѣнiй. Въ воспримчивой памяти десятка тысячъ людей, посѣщающихъ эту замѣчательную, единственную въ своемъ родѣ усыпальницу, неизгладимыми чертами останутся художественно-исполненные мраморныя изваянiя великихъ гражданъ, составляющихъ гордость страны. Нельзя передать словами то впечатлѣнiе, которое производится на посѣтителя, когда онъ очутится посреди громадной шпалеры надгробныхъ памятниковъ первоклассныхъ знаменитостей, — вся исторiя Англiи воскресаетъ передъ его глазами, когда на него глядятъ изваянiя всѣхъ этихъ работниковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ колоссальную задачу соз-

данія такой великой державы, «владычествующей надъ морскими волнами, но не выносящей рабства»¹.

И на-стражѣ этой національной святыни, охраняемой при вхождѣ въ аббатство грушовой изваяній такихъ людей, какъ Питтъ, Фоксъ, три Каннинга (отецъ и два сына), Робертъ Пиль, Пальмерстонъ и др., врасуется превосходный мраморный монументъ еврея Веніамина Дизраэли. Этотъ памятникъ сооруженъ парламентомъ Веніамину Дизраэли, графу Беконсфильду, кавалеру ордена Подвязки, бывшему два раза первымъ министромъ. Родился въ 1804 году, скончался въ 1881 г. (Erected by Parliament to Benjamin Disraeli, earl of Beaconsfield, k. g. twice Prime Minister. Born 1804, died 1881). На разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, гениальному государственному человѣку и знаменитому писателю сооружены два памятника: одинъ бронзовый, въ скверѣ, противъ входа въ соборъ, другой бѣло-мраморный въ самомъ храмѣ. И всегда передъ обоими монументами масса народа, хотя, по моему, они значительно разнятся между собою. На площади—Диззи въ длинной мантіи и башмакахъ съ пряжками, со своею пріятной типичной наружностью и мефистофельской бородкой, нѣсколько согбенный, удрученный не столько годами, сколько вынесенною борьбой, удивительно напоминаетъ, во крайней мѣрѣ въ профиль, кантора, благоговѣнно подходящаго къ кивоту передъ началомъ торжественной службы наканунѣ Суднаго дня, когда онъ готовится пропѣть передъ умиленной паствой величественный гимнъ «Kol-Nidreh». Пьедесталь обложенъ любимыми цвѣтками покойнаго министра, Grimrose, скороспѣлкой, которая получила теперь особое значеніе. Въ годовщину смерти Диззи чуть-ли не весь Лондонъ украшаетъ свои петлицы этимъ Grimrose, такъ что эта годовщина извѣстна въ народѣ подъ именемъ Grimrose day. Каждому посѣтителю собора предлагаютъ купить эту фіалку, а иныя развязныя цвѣточницы прямо, не дожидаясь вашего согласія, особенно если замѣтять, что имѣетъ дѣло съ иностранцемъ, втыкають въ бутоньерку любимую фіалку лорда Беконсфильда, сдѣлав-

¹ Слова народнаго гимна: Rule, Britannia, the waves,
Britain shall never be slaves!

нущюся символомъ всѣхъ сторонниковъ старой Англїи, the old merry England. Даже общество консерваторовъ, поклонниковъ невабвеннаго Диззи, носитъ названіе Grimrose-league¹. Теперь посмотримъ надпись, всегда приковывающую сосредоточенное вниманіе туристовъ и преимущественно англійскаго просто-народа. Надпись состоитъ изъ двухъ частей: изъ краткой эпитафіи и двухъ удачныхъ словъ его рѣчи, произнесенной въ день триумфальнаго его въѣзда въ Лондонъ, по возвращеніи съ Берлинскаго конгресса, и изъ краткой выдержки этой рѣчи. «Миръ и почетъ. Въ память о глубоко оплакиваемомъ, любимомъ и уважаемомъ первомъ министрѣ Англїи, высокопочтенномъ графѣ Висонсфилдѣ, скончавшемся 19 апрѣля 1881 г.» (Peace with honour. In memory of England's deeply regretted, loved and honoured Premier, the right honourable Earl of Beaconsfield, died 19 April 1881). Выдержка изъ рѣчи гласитъ такъ: «Лордъ Сольсбери и я принесли вамъ миръ; но надѣюсь, что миръ но-

¹ Фіалка несларомъ пользовалась такимъ расположеніемъ знаменитаго лорда: она была неразрывно связана съ однимъ романтическимъ эпизодомъ его молодости, когда красавецъ-дэнди имѣлъ такой колоссальный успѣхъ въ женскомъ обществѣ. На какомъ-то балу онъ обратилъ вниманіе на красивую бижутею, хорошенькая головка которой была украшена вѣнкомъ изъ фіалокъ. Улыбавшаяся одному пріятелю на этотъ вѣнокъ, Дизраэли утверждалъ, что цѣтты настоящія; пріятель доказывалъ, что они искусственны. Составилось пари, какъ и победитъ англичанамъ. Для рѣшенія этого спора, молодые люди обратились къ хозяйкѣ съ просьбой представить ихъ незнакомой дамѣ, которой рассказали въ чемъ суть.

— Миръ очень жалъ,—отвѣтила она пріятелю Диззи,—что вы проиграли пари. Но я вамъ должна сказать, что цѣтты настоящія, а вы сама парвала сегодня въ своемъ саду и сплела вѣнокъ.

Притомъ она вынула одинъ цѣтокъ изъ вѣнка и подала его Веніамину, сказавъ:

— Убѣдитесь въ вашей побѣдѣ!

Благодарный Дизраэли взялъ цѣтокъ изъ рукъ хорошенькой лэди, украсилъ имъ свою петлицу и щеголялъ въ немъ цѣлый вечеръ. Съ тѣхъ поръ между молодыми людьми завязалось знакомство, перешедшее вскорѣ въ очень нѣжную дружбу. Разъ онъ пріѣхалъ къ ней въ вѣнчѣе погостить и съ ужасомъ узналъ, что дама его сердца умерла вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади. Онъ немедленно отправился на ея могилу, покрытую фіалками, и на память о своей возлюбленной сорвалъ одинъ цѣтокъ. Съ тѣхъ поръ фіалка Grimrose сдѣлалась для него самымъ дорогимъ цѣткомъ.

четный, который можетъ удовлетворить нашу государыню и содѣйствовать благосостоянію страны» (Lord Solisbury and myself have brought you back Peace; but a Peace, hope, with honour, which may satisfy our Sovereign and tend to the welfare of the Country).

Что касается художественной отдѣлки обѣихъ монументовъ на площади и въ храмѣ, то, не говоря уже о томъ, что мраморный памятникъ, красующійся въ аббатствѣ, несравненно импозантнѣе бронзоваго изображенія въ скверѣ, самое выраженіе лица усопшаго премьера отличается разительнымъ контрастомъ. Вмѣсто согбеннаго старца, удрученнаго бременемъ лѣтъ, страданій, вынесенной борьбы, вы видите въ храмѣ сіяющее, блаженное лицо человѣка, радостно прижимающаго руку къ сердцу, какъ бы въ знакъ благодарности, что всѣ муки вынесенной борьбы исчезли, остались тамъ, за порогомъ храма, а здѣсь онъ подызуется заслуженнымъ и давно желаннымъ успокоеніемъ отъ житейскихъ бурь, волненій и дрягъ.

Аббатство раздѣляется на три части: усыпальницу королевской фамиліи, гдѣ подъ однимъ сводомъ, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, почиваютъ вѣчнымъ сномъ знаменитая королева Елисавета и казненная по ея приказанію несчастная Марія Стюартъ. Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей тамъ показываютъ камень, который обязательно фигурируетъ при торжествѣ вѣнчанія англійскихъ королей. Этотъ историческій камень, говорятъ, служилъ изголовьемъ нашему патриарху Іакову, когда онъ, по словамъ Св. Писанія, «легъ на томъ мѣстѣ и увидѣлъ во снѣ: вотъ гѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба; и вотъ ангелы Вожи восходятъ и нисходятъ по ней»¹, номѣщается подъ трономъ, вѣрнѣе—ветхимъ кресломъ, на которомъ воссѣдаетъ монархъ во время коронаціи.

О могилахъ Кромвелля, Монка, Сомерсетта, Бокенгема, особенно всей этой массы Карловъ, Эдуардовъ, Ричардовъ, Джемсовъ, Ульямовъ, ихъ женъ, любовницъ и наперсниковъ,—не стоитъ говорить.

¹ Бытіе, 28, 12.

Другая часть аббатства, едва ли не самая интересная, это—такъ называемый «уголь поэтовъ» (Poets' corner). Тамъ похоронены дѣйствительная гордость и слава страны, квинтъ-эссенція ея умственной жизни. Есть тамъ бюсты, памятники и надгробныя плиты такихъ людей, какъ Мильтонъ, Шекспиръ, Франклинъ, Уатте, Дарвинъ, Лайблль, Ливингстонъ, Гротъ, Маколей, Диккенсъ, Тэккерей, даже двухъ иностранцевъ: американскаго поэта Лонфелло, воздвигнутый англійскими читателями его таланта, и композитора Бидля, котораго англичане считаютъ своимъ, вѣроятно, за то, что онъ былъ композиторомъ ихъ національнаго гимна. Одного надгробнаго памятника я не нашелъ—Байрона. По объясненію сакристана, деканъ аббатства всячески воспротивился, чтобы въ этомъ національномъ святилищѣ помѣщались бранныя останки такого завѣдомаго безбожника, какимъ былъ, по мнѣнію ханжей, незабвенный авторъ «Чайльдъ-Гарольда». Не знаю, насколько достовѣрны эти объясненія церковнаго служки, но я съ трудомъ повѣрилъ, чтобы глупая вражда неумолимо преслѣдовала великаго поэта такъ долго—по прошествіи 60 лѣтъ со дня его кончины.

Разсматривая остальные мавзолеи, украшающіе аббатство, я былъ пораженъ вторженіемъ... еврейскаго элемента въ христіанскую святыню. За исключеніемъ единственнаго въ своемъ родѣ римскаго собора Св. Петра, гдѣ много еврейскихъ надписей, о чемъ скажу впослѣдствіи, я нигдѣ не видалъ столько еврейскихъ эпитафій, сколько въ аббатствѣ. Правда, въ Парижѣ, въ церкви Инвалидовъ, гдѣ покоится прахъ Наполеона I, начертано еврейскими буквами имя Всевышняго—Адонай—окруженное всевидящимъ Окомъ; то же самое можно видѣть въ церкви св. Роха. Но цѣлыя фразы я видѣлъ только въ версальской дворцовой капеллѣ и въ лондонскомъ аббатствѣ. Въ Версали, надъ самымъ входомъ въ опустѣвшую капеллу бывшихъ французскихъ королей, изображенъ Богъ-Отецъ, держащій въ десницѣ хартію съ начальными словами десяти заповѣдей, данныхъ на горѣ Синайской. «Азъ есмь Господь Богъ твой... (Anochi Adonai elohesco...). Но все это не то, что двѣ

эпитафій, списанныя мною для памяти въ правомъ придѣлѣ аббатства. Эти эпитафій, начертанныя на трехъ языкахъ—латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ, сочинены въ XVII вѣкѣ нѣкимъ безутѣшнымъ вдовцомъ, Самуиломъ Морлендомъ, въ память двухъ своихъ женъ, которыхъ онъ одинаково любилъ и одинаково оплакивалъ. Первую жену звали Карола, вторую—Анной.

«Карола,—гласить первая надпись,— дочь сквайра Роджера Гарснета и жены его, Каролы, искренно любящая и искренно любимая супруга Самуэля Морленда, скончалась въ 1674 году». «*Bevucha at ladonai eschat jekara; sichronech liberacha eschet chajil*»¹.

Прошло пять лѣтъ. Безутѣшный мужъ успѣлъ въ это время забыть свою «доблестную жену», Каролу, сочетаться бракомъ съ другою особой, потерять и вторую жену, которой онъ не замедлил посвятить слѣдующія прочувствованныя строки, на трехъ языкахъ:

«Анна,—говорить онъ нѣсколько лаконически,—дочь сквайра Джорджа Фильдинга... жена Самуэля Морленда, скончалась въ 1679 году». «*Hajarha banaschim eschet chajil jad Adonai aseta zot; Adonai natan, Adonai lakach, jehi schem Adonai mebo-gach*»².

Вѣроятно, такихъ забывчивыхъ супруговъ, какимъ, очевидно, былъ почтенный мистеръ Морлендъ, немало въ историческомъ аббатствѣ, но съ меня было довольно и этого экземпляра, захотѣвшаго увѣковѣчить память о своихъ подругахъ жизни на трехъ классическихъ языкахъ, знаніе которыхъ считается обязательнымъ для каждаго порядочнаго англичанина. Я лучше поговорю объ изумительной популярности одного изъ потомковъ Авраама, Исаака и Иакова, блистательно доказав-

¹ Благословенна ты въ Господѣ, милая супруга. Да будетъ благословенна твоя память, доблестная жена.

² Прекраснѣйшая изъ женщинъ, доблестная жена, рука Господня сотворила сіе. Господь далъ и Господь взялъ. Да будетъ имя Господне благословенно.

шаго на дѣлѣ негѣность одной изъ самыхъ злобныхъ инсинуаций господѣ антисемитовъ, когда-то вызвавшей шумную полемику, вызванную статьей кэмбриджскаго профессора Смита о томъ, могутъ-ли евреи быть патриотами? Can Jews be patriots?

Н. Левенсонъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

III¹.

Право, не знаешь плакать или смѣяться, когда видишь, сколько рвенія, сколько нѣжной заботливости о насъ проявляютъ теперь тѣ самыя газеты, которыя доселѣ преподносили намъ лишь отраву и желчь. Теперь, изволите-ли видѣть, эти добрые друзья наши неусыпно бдятъ надъ тѣмъ, чтобы Гиршевскіе милліоны не попали—опаси Боже!—въ ненадлежащія руки и не поселили розни и отчужденности между нами и ими. Надлежитъ-де фондъ барона Гирша передать обязательно въ вѣданіе краевой администраціи; и не только потому, что лишь она одна будто сумѣетъ направить еврейскій вопросъ на самый подходящій путь, — главное: милліонамъ этимъ не слѣдуетъ-де попасть въ лапы Allianz, наравящей культивировать еврейскій сепаратизмъ въ нашемъ отечествѣ. Что благіе совѣты эти простекаютъ изъ чистѣйшаго источника любви къ ближнему, — въ этомъ врядъ-ли усумнится кто либо изъ читателей упомянутыхъ газетъ, имѣвшій удовольствіе чуть-ли не ежедневно наслаждаться на ихъ столбцахъ и настоящими возмутительными статьями противъ евреевъ. Что въ томъ? Въ настоящую минуту онѣ снова—наши благомыслящія совѣтчицы, полны заботъ о нашемъ духовномъ и матеріальномъ благоденствіи, и не допустятъ, молъ, чтобы наша любовь къ нимъ охладѣла, чего добраго, и чтобы какая нибудь Allianz осмѣлилась агитировать въ пользу еврейскаго обособленія. Вольшой трудъ будетъ, однако, для газетъ этихъ отвести глаза кому бы то

¹ См. „Восходъ“, кн. VIII.

ни было. Кто не знаетъ, что онѣ-то исключительно и виновны, если пропасть между нами обнаружилась и расширяется; виновны своими вѣчными инсинуаціями, безчестными клеветами и подтасовками, своими ежедневными напоминаніями о необходимости отчужденія отъ евреевъ на всѣхъ поприщахъ. Напротивъ того, попавшая подъ подозрѣніе Allianz—та дѣйствительно обнаруживаетъ постоянное стремленіе насадить въ странѣ духъ единенія, залечить открытую рану нашей общественной жизни и засыпать бездну, вырытую юдофобами. Въ ея галиційскихъ школахъ не только одно преподаваніе ведется по польски, — тамъ озабочены и прививкой дѣтямъ любви къ родинѣ и искорененіемъ изъ ихъ сердецъ всего, что граничитъ съ обособленностью. Недавно еще самъ львовскій намѣстникъ графъ Бодани, посѣтивъ Коломею, болѣе двухъ часовъ провелъ въ мѣстной школѣ Allianz, лично произвелъ экзамены ученикамъ разныхъ классовъ и непосредственно затѣмъ счелъ долгомъ заявить во всеуслышаніе, что коломейское училище можетъ быть поставлено за образецъ и государственнымъ школамъ и что здѣсь польскій языкъ поставленъ—какъ дай Богъ многимъ заведеніямъ, пользующимся поддержкой правительства. Но что значить эта блестящая аттестація намѣстника въ глазахъ господъ редакторовъ, имѣющихъ свой интересъ видѣть въ Allianz какое-то привидѣніе сепаратизма и проповѣдывать въ передовыхъ статьяхъ одно лишь братство, весьма, впрочемъ, смахивающее на братство Каина и Авеля.

Рискуя быть объявленнымъ предателемъ отечества, я все-таки принужденъ еще разъ категорически заявить, что пожертвованіе барона Гирша не могло попасть въ лучшія руки, чѣмъ вѣнской Allianz. Это общество дѣйствительно исполнено теплыхъ братскихъ чувствъ къ галиційскимъ своимъ единобѣрцамъ, понимаетъ наши нужды и серьезно заинтересовано въ повышеніи уровня нашего духовнаго развитія и подавленіи нищеты, господствующей въ нашей средѣ; Allianz къ тому единственно и направляетъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать изъ евреевъ достойныхъ уваженія гражданъ, настоящихъ сыновъ ихъ родины, способныхъ рядомъ со своими христіанскими соотечественниками содѣйствовать умноженію силы и славы стра-

ны. Передача фондовъ Гирна въ завѣдываніе мѣстной администраціи,—не всегда составленной изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ,—привела бы совсѣмъ къ инымъ результатамъ. Евреи, вѣроятно, оказались бы послѣдними въ числѣ тѣхъ, кто пользовался бы Гиршевскими милліонами; имъ пришлось бы довольствоваться развѣ кой-какими оставшимися крохами. Намъ въ этомъ удостовѣряетъ, къ сожалѣнію, многолѣтній опытъ. По введеніи обязательнаго школьнаго обученія при императорѣ Іосифѣ, образовался съ теченіемъ времени капиталъ болѣе чѣмъ въ милліонъ гульденовъ изъ пеней, присужденныхъ съ евреевъ, нежелавшихъ отдавать дѣтей въ общественныя училища; капиталъ этотъ, правда, предназначенъ былъ для еврейскихъ общественныхъ интересовъ, но какова въ дѣйствительности оказалась судьба этого милліона? Прежде всего руку протянула къ нему католическая церковь и загрѣбла себѣ добрую половину; изъ оставшейся пользовались и другія учрежденія; словомъ, съ теченіемъ времени милліонъ соохся въ сумму что-то около двухъ сотъ тысячъ гульденовъ, и эти-то двѣсти тысячъ—подразумѣвалось—отложены въ депозитъ еврейскихъ учреждений; но этому «подразумѣвается» уже вотъ шестой десятокъ лѣтъ, а между тѣмъ евреи не видали еще и крейцера изъ своего капитала. — Диво-ли послѣ того, что баронъ Гиршъ, имѣвшій случай составить себѣ ясное понятіе о положеніи дѣлъ въ Галиціи, не отразился ввѣрить свой многомилліонный даръ галиційскому правительству? Никогда не скрывались истинныя побужденія великодушнаго жертвователя. Онъ имѣлъ въ виду освободить отъ духовной и матеріальной несности галиційскихъ евреевъ и—только евреевъ. Это намѣреніе объяснимо даже не исключительно съ точки зрѣнія племеннаго родства,—оно въ равной мѣрѣ могло бы простечь и изъ общаго чувства гуманности. Евреи въ Галиціи, къ сожалѣнію, наиболѣе нуждаются въ помощи, ихъ печальная судьба громче всего вопіетъ о спасеніи. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ деньгамъ могло быть дано надлежащее направленіе только еврейскими руками. А кто болѣе подходящимъ представлялся въ данномъ случаѣ, чѣмъ Allianz, уже и до того взявшая на себя дѣло возрожденія своихъ галиційскихъ

братъевъ и повсюду основанная на собственныхъ средства школы, пользу которыхъ никто не станетъ у насъ отрицать.

Баронъ Гиринъ несколько, однако, не расположенъ слушаться своихъ непривзванныхъ собѣтниковъ и идетъ по направленію, которое ему кажется наиболѣе подходящимъ. Добрые люди въ гаветахъ продолжаютъ еще ломать себѣ головы надъ задачей, кому будутъ выданы милліоны; а между тѣмъ,—какъ я уже сообщалъ и какъ теперь, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, могу повторить,—вопросъ уже разрѣшенъ и деньги переданы барономъ въ распоряженіе Allianz, а эта послѣдняя уже приступила даже къ дѣлу. Д-ръ Фридендеръ, секретарь Allianz, большой знатокъ нашего быта, инициативѣ коего обязана своимъ существованіемъ не одна школа въ Галиціи, путешествуетъ, какъ вамъ извѣстно уже, въ настоящее время по странѣ, чтобы, подобно искусному военачальнику, намѣтить самый подходящій пунктъ для предстоящаго генеральнаго сраженія съ наследственными врагами нашими—невѣжествомъ и нищетою. Почти окончательно рѣшено устроить въ Коломеѣ обширное ремесленное училище по образцу существующаго уже два года въ Краковѣ. Для Львова планируются большая учительская семинарія и нѣсколько дѣтскихъ садовъ по типу Фребелевскихъ школъ; во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе будетъ вестись на польскомъ языкѣ и будетъ обращено должное вниманіе на выполненіе требованій мѣстнаго правительства.

Не могу упустить случая сказать здѣсь нѣсколько словъ въ отвѣтъ варшавской газетѣ «Prawda», задѣвшей меня въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ номеровъ по поводу моего майскаго письма въ «Восходъ». Словно пророчество, вырвалось у меня въ томъ письмѣ замѣчаніе, что мой неподсланный отзывъ о мѣстныхъ отношеніяхъ въ Галиціи приведетъ къ обвиненію меня въ предательствѣ со стороны національной партіи. И вотъ дѣйствительно, «Prawda» обратила мое предположеніе въ свершившійся фактъ. Вы помните, конечно, требованія, предъявленные мною каждому кандидату въ львовскіе равнины. Я говорилъ, что при выборѣ въ эту должность слѣдуетъ, главнымъ образомъ, удостовѣриться, обладаетъ-ли претендентъ всѣми соотвѣтственными качествами; силенъ-ли онъ въ равнинчѣской

литературѣ; владѣть-ли глубокими познаніями въ области святаго языка; чувствуетъ-ли и мыслить-ли по еврейски; имѣть-ли должное призваніе; краснорѣчивъ-ли, знаетъ-ли, наконецъ, языкъ доступный большинству прихожанъ, т. е., въ данномъ случаѣ, нѣмецкій? Вотъ всѣ эти слова мои въ майскомъ письмѣ были переданы «Правдой» въ такомъ видѣ, будто я утверждалъ, что знаніе польскаго языка надлежитъ для кандидата въ раввины считать за излишнее. Однако, какъ же это я и самъ готовъ объявить неистинностью подобное мнѣніе? Спора нѣтъ, что для кандидата было бы лишь большимъ преимуществомъ, еслибъ, кромѣ нѣмецкаго, онъ оказался бы знатокомъ и языка страны, т. е. польскаго. Я говорилъ только, что будущій раввинъ нашъ первымъ дѣломъ обязанъ умѣть говорить языкомъ, понятнымъ прихожанамъ его синагоги; знаніе польскаго одного,—выразился я,—само по себѣ никоимъ образомъ не можетъ покрыть недостачу прочихъ потребныхъ качествъ; правда, представляется желательнымъ найти и это достоинство въ человѣкѣ, подходящемъ подъ всѣ прочія условія; но пока, съ одной стороны, ни въ русской, ни въ галиційской Польгѣ нѣтъ семинаріи, гдѣ учили бы будущихъ раввиновъ проповѣдывать по польски, съ другой же—неоспоримъ тотъ фактъ, что посѣтители еврейскаго храма,—преимущественно люди въ дѣтахъ,—далеко не всѣ владѣютъ польскимъ языкомъ, между тѣмъ какъ по нѣмецки понимаютъ всѣ безъ исключенія. Но именно это послѣднее признаніе «Prawda» и считаетъ чѣмъ-то въ родѣ свидѣтельства бѣдности, выданнаго мною львовскому еврейству: дескать, это-то и прискорбно, что большинство еврейской общины не понимаетъ языка той страны, которая кормитъ и содержитъ ее вотъ сколько ужъ времени. Спрашивается, однако, рекомендуетъ-ли выданное мною свидѣтельство однихъ только евреевъ, или также и христіанскихъ согражданъ ихъ, немало коспособствовавшихъ такому положенію вещей? Не были-ли съ ихъ стороны приняты прямо насильственныя мѣры для того, чтобы мѣшать ассимиляціонному процессу идти своимъ путемъ, не пытались-ли препятствовать всевозможными средствами прямому еврейскихъ дѣтей въ общественныя школы; а тѣ, которымъ съ

большимъ трудомъ да удавалось, наконецъ, пробраться туда, не вынуждены-ли были ежедневно слушать, какъ господа наставники поносили ихъ религію и насмѣхались надъ ихъ происхожденіемъ; не-стоило-ли имъ подчасъ ихъ единственное прегрѣшеніе—что они дѣти евреевъ—лишняго года въ классѣ? А до сего дня сколько учителей и учительницъ, снабженныхъ лучшими аттестаціями галиційскихъ семинарій, бросаются тѣмъ не менѣе на равныя чуждыя имъ поприща лишь бы не помереть съ голода, единственно потому, что не найдется у насъ ни одной общественной школы, которая терпѣла бы ихъ у себя въ качествѣ преподавателей? И почему? — опять-таки вслѣдствіе все того же прирожденнаго порока, все потому и потому же, что ихъ произвели на свѣтъ еврейскіе родители. Что побуждаетъ въ самомъ дѣлѣ Allianz учреждать повсемѣстно въ Галиціи конфессіональныя училища? Пустое вѣдь дѣло утверждать, какъ у насъ ивлюблено, что цѣль этого союза—ростить сѣмена сепаратизма; неоспоримо, напротивъ того, что Allianz всецѣло стремится къ ихъ искорененію и къ сліянію путемъ развитія и просвѣщенія еврейской массы съ ея согражданами. Но Allianz видитъ себя прямо вынужденной основать пристанища для бѣдныхъ дѣтей и учителей, оттолкнутыхъ общегалиційской школой, чтобы дать имъ возможность стать взаимно полезными. Что сталося бы со всѣмъ крупнымъ контингентомъ дипломированныхъ учителей и учительницъ изъ евреевъ, если бы не существовало специально-еврейскихъ заведеній, гдѣ они могли бы найти для себя занятія и, работая на пользу подрастающаго поколѣнія, честно кормиться трудами рукъ своихъ? Лучше-ли обстоятъ дѣла евреевъ въ средѣ чиновничьей? Сколькихъ дѣльныхъ, ревностныхъ служащихъ обходятъ по службѣ, или не принимаютъ вовсе, опять-таки потому, что они не могутъ приложить къ прошенію свидѣтельства о крещеніи? А на широкой дорогѣ торговли и промышленности?—Здѣсь образуются ферейны благочестивыхъ христіанъ, ставящихъ себѣ задачей разорить мелкихъ торговцевъ изъ евреевъ; духовенство съ амвона высказывается за это доброе дѣло и призываетъ всѣ кары преисподней на голову того несчастнаго грѣшника, который не убоится ступить за порогъ еврейской лавки, чтобы купить чего

нибудь хотя бы на одинъ крейцеръ. И послѣ этого все еще еврей, дескать, обособляется, еврей держится въ сторонѣ. Это звучитъ почти такъ же мило, какъ если бы волкъ вздумалъ жаловаться, что баранъ съ нимъ не ассимилируется. Спрашиваю теперь, чудо-ли, что еврей,—и въ особенности еврей старшаго поколѣнія,—недостаточно сильны въ отечественномъ языкѣ и стоятъ поодаль отъ всѣхъ новѣйшихъ движеній? Но именно люди этой-то генераціи наиболѣе жаждутъ слова Божія, и,—само собою разумѣется,—оно должно быть имъ преподано на языкѣ имъ наиболѣе доступномъ и понятномъ. Почему, собственно, они понимаютъ только по нѣмецки, а не по польски также,—въ этомъ не одни они, очевидно, виноваты. Если бы, допустимъ, имъ еще и можно было сколько нибудь вмѣнить этотъ недостатокъ въ преступленіе, то въ дѣтяхъ своихъ,—слѣдуетъ отмѣтить,—они сами уже стараются исправить его, стремясь дать имъ воспитаніе въ духѣ націи и научить ихъ польскому языку. Почти не найти теперь въ любомъ ортодоксальномъ семействѣ ребенка, который не объяснялся бы на языкѣ своей родины. Насколько евреи желаютъ принимать участіе въ интересахъ страны и жить въ добромъ согласіи съ христіанами,—можно было еще недавно видѣть во время торжества по поводу перенесенія останковъ Мицкевича изъ Парижа въ Краковъ въ началѣ прошлаго мѣсяца. Тутъ галиційскіе евреи не остались позади прочихъ своихъ соотечественниковъ въ выраженіи одушевляющихъ ихъ чувствъ къ знаменитому національному поэту. Не было еврейскаго дома, не вывѣсившаго днемъ флаговъ и не освѣтившагося огнями во время вечерней иллюминаціи. Тутъ уже и евреи стараго покроя дали волю своей неподдѣльной симпатіи къ польскому великому человѣку; повсюду въ синагогахъ шло торжественное богослуженіе и многія, почти всѣ, еврейскія общины имѣли своихъ представителей у могилы Мицкевича въ Краковѣ. Новое блестящее доказательство въ пользу того, что евреи свято хранятъ чувство признательности къ тому, кто словомъ или дѣломъ выступилъ защитникомъ ихъ человѣческихъ нравъ. Если бы всѣ, или по крайней мѣрѣ хоть часть поляковъ думала и писала о евреяхъ такъ, какъ писалъ Мицкевичъ, то

имъ навѣрно не пришлось бы жаловаться на отчужденность и враждебность нашу. «Израиллю, нашему старшему брату, — говоритъ Мицкавичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — подобаетъ уваженіе, братство и помощь на пути къ его земному и вѣчному благу. Во всемъ ему слѣдуютъ равныя права!» Въ другомъ письмѣ онъ опять высказывается о евреяхъ въ такихъ словахъ: «Не насиліемъ и исключительными законами можно ихъ ассимилировать съ націей, — говоритъ онъ, — а предоставленіемъ имъ гражданскаго полноправія, свободы слова и свободы выбора во всѣхъ отрасляхъ службы и труда». Въ своемъ знаменитомъ національномъ эпосѣ «Панъ Тадеушъ» Мицкевичъ ввелъ въ польскую литературу типъ простаго еврея изъ народа въ лицѣ Янкеля Цимбалиста, сочетающаго въ себѣ рядомъ съ истиннымъ благочестіемъ и высшія гражданскія добродѣтели. При всякомъ удобномъ случаѣ Мицкевичъ выставялъ своимъ девизомъ: «Любите еврея, смотрите на него, какъ на брата, — и онъ всегда воздастъ вамъ любовью и братствомъ».

Соотвѣтствуетъ-ли этотъ девизъ образу мыслей и поступкамъ нашихъ христіанскихъ согражданъ? Вы постоянно слышите отъ нихъ только одно: «евреи не хотятъ съ нами ассимилироваться»; но я, право, ума не приложу, что бы еще такое евреямъ предпринять, чтобы облить себя предъ господами обвинителями. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, отъ стариковъ потребовать, чтобы они за одну ночь усвоили себѣ языкъ людей, воздвигавшихъ на нихъ гоненіе за гоненіемъ? — Молодежи же еврейской — что, собственно, желалъ бы я знать, недостаетъ еще для пресловутаго сліянія? Она объясняется, думаетъ и чувствуетъ по польски, полна воодушевленія къ польскѣ и славѣ нація и страны; — на много-ли только и послѣ всего этого измѣнились отношенія къ ней ея христіанскихъ согражданъ? Признаны-ли, наконецъ, наши юноши за братьевъ поляками, пользуются-ли ихъ поддержкой на житейскихъ поприщахъ? — Сотни еврейскихъ учителей и учительницъ, взявшихъ, съ дипломами въ карманахъ, за равныя постороннія занятія, — лучшая иллюстрація этихъ братскихъ отношеній.

Что же будетъ, однако, когда евреи еще болѣе ассимилируются съ поляками? Вотъ и теперь уже въ варшавскихъ га-

зетахъ все жалуются, что еврей слишкомъ широко расположенъ въ польской литературѣ... Удивительно! Здѣсь громить насъ за то, что мы не понимаемъ отечественнаго языка, а тамъ вводятъ на насъ тяжкое обвиненіе въ томъ, что мы не убоялись выдвинуться своими литературными произведеніями и утвердиться въ области польской печати! — Какъ прикажете согласовать эти противорѣчія? — Отвѣтъ, впрочемъ, давно извѣстенъ: «Thut nichts;—der Jude wird verbrannt!»...

Тѣмъ не менѣе надо имъ отдать справедливость. Тѣ же самыя господа, которые такъ мало заботятся о нашемъ земномъ благоденствіи, не перестаютъ печаловаться о спасеніи душъ нашихъ и возвели въ газетахъ своихъ раввинскій вопросъ въ рангъ какого-то саише сѣлѣбге; насъ хотятъ вставить обязательно снасаться на польскомъ, а не нѣмецкомъ нарѣчій, и воспринять слово Божье на языкѣ Ягеллоновъ, а не Тевтоновъ. Это безцеремонное нашествіе юдофобской печати на область нашей внутренней жизни вызвало, къ сожалѣнію, и въ самой средѣ еврейства кой-какіе инциденты, отнюдь не говорящіе въ нашу пользу. Такъ, на примѣръ, нѣкій д-ръ Таубелесъ, какой-то темненькій раввинишка крошечной общины гдѣ-то въ захолустьномъ углу Германіи, взялъ да отважился выставить свою кандидатуру въ Львовъ, метрополи Галиціи, поощренный къ тому боевымъ лозунгомъ ассимиляторовъ объ обязательности для раввина польской рѣчи. Встрѣтивъ на первыхъ же порахъ отпоръ со стороны мѣстныхъ представителей еврейскаго общества, кандидатъ нашъ позволилъ себѣ ступить шагъ дальше и состряпать уже и доносецъ. Онъ тиснулъ въ одной галиційской газетѣ статейку, въ коей побуждаетъ прессу произвести давленіе на евреевъ съ цѣлью заставить ихъ непременно избрать раввина, умѣющаго по польски; изъ хорошо освѣдомленныхъ источниковъ онъ-де узналъ, что львовская община склоняется на сторону кандидата, не знающаго этого языка, что одно уже составляетъ намѣну отечеству. Добрый человѣкъ этотъ имѣлъ въ виду ни болѣе и ни менѣе какъ принудить общину остановить свой выборъ на немъ самомъ, такъ какъ изъ числа кандидатовъ, умѣющихъ по польски, онъ одинъ и есть на лицо. За первымъ смѣлымъ шагомъ не за-

медляя послѣдовать и второй. Въ одинъ прекрасный день львовскій ландмаршалъ графъ Тарновскій получаетъ телеграмму въ цѣлыхъ двѣсти словъ, гдѣ ему формально доносятъ, что львовскіе евреи имѣютъ въ виду раввина, не умѣющаго ни говорить, ни писать по польски; поэтому, молъ, надлежитъ графу вмѣшаться лично въ дѣло и во что бы то ни стало помѣшать избранію проповѣдника, не говорящаго на языкѣ страны.

Нужно-ли рассказывать, что шустрому кандидату, благодаря его шпионскимъ продѣлкамъ, удалось только сдѣлать себя прямо невозможнымъ. Прискорбно во всемъ этомъ дѣлѣ, главное, что милый іезуитикъ поворить своими поступками не одного себя, но все галиційское еврейство; къ великому сожалѣнію, онъ еще имѣетъ претензіи на то, что колыбель его стояла нѣкогда на нашей почвѣ.

Да, мало чести для насъ въ этомъ знаменательномъ обстоятельстве, что колыбель такого мужа была въ Галиціи. Но тѣмъ большее чувство удовольствія доставляетъ намъ возможность остановиться здѣсь на двухъ людяхъ, которыми Галиція, въ качествѣ ихъ родины, дѣйствительно въ правѣ гордиться. Дѣло идетъ тоже о двухъ нѣмецкихъ раввинахъ, но такихъ, которые, если посмотрѣть на ихъ образованіе, способности, кротость характера и строгую честность,—кажется, и родились для того, чтобы быть пастырями душъ. Одного зовутъ д-ръ Самуиль Маргулисъ. До послѣдняго времени онъ былъ раввиномъ въ Вейлбургѣ и давно уже обратилъ на себя вниманіе ученаго міра разными статьями въ специальныхъ изданіяхъ и трудами по части философіи іудаизма. Выдающіяся дарованія и ученость д-ра Маргулиса повели къ тому, что онъ получилъ приглашеніе изъ Флоренціи выставить тамъ свою кандидатуру въ раввины; а вскорѣ затѣмъ онъ и получилъ это мѣсто. На избраніе Маргулиса во Флоренцію посмотрѣли какъ на такого рода цѣнное пріобрѣтеніе, что помѣхою не послужило даже то, что онъ не вполне владѣетъ еще итальянскимъ языкомъ и не въ состояніи пока проповѣдывать въ синагогѣ; никто, однако, не сомнѣвается, что человѣкъ такихъ громадныхъ способностей въ теченіи года вполне усвоитъ себѣ новый

языкъ. Всего какихъ нибудь тринадцать лѣтъ тому назадъ этотъ самый д-ръ Маргулисъ, пользующійся теперь обширной извѣстностью въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ, прибылъ въ Львовъ изъ незначительнаго мѣстечка Бучаца восемнадцатилѣтнимъ юношей, съ завитыми пейсами, въ подпоясанной «капотѣ»,—настоящимъ «клаузникомъ». Но неизсякаемая жажда знанія побуждала его тайно заняться гимназическими предметами, и вотъ, въ поразительно короткій срокъ, спустя всего два года, онъ въ качествѣ экстерна уже добивается аттестата зрѣлости. Тутъ, однако, началась у него борьба съ родителями его жены, львовскими галантерейными торговцами, которые не хотѣли и слышать о дальнѣйшихъ научныхъ занятіяхъ, а настаивали, чтобы онъ занялся торговлей, такъ какъ наукой, дескать, въ наши дни семьи не накормишь. Тѣмъ не менѣе, непоборимое стремленіе къ знанію помогло ему выйти побѣдителемъ изъ семейной распри, и скоро уже онъ съ женою покинули Львовъ и переѣхали въ Бреславль. Маргулисъ поступилъ въ раввинскую семинарію и сразу обратилъ на себя вниманіе своихъ профессоровъ. Рядомъ съ семинаріей онъ посѣщалъ также и университетъ и одновременно получилъ званіе доктора философіи и сдалъ экзамены на раввина и проповѣдника. Успѣху его немало способствовало и то обстоятельство, что онъ изъ дому принесъ съ собою въ семинарію такое пониманіе и знаніе Талмуда, благодаря которому онъ импонировалъ не только своимъ товарищамъ, но и самимъ преподавателямъ. Непосредственно затѣмъ онъ былъ приглашенъ проповѣдникомъ въ Вейлбургъ, и въ скорости приобрѣлъ тамъ расположеніе и уваженіе всего общества. Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Вейлбургѣ онъ всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ и помѣстилъ въ спеціальныхъ журналахъ нѣсколько блестящихъ работъ, о которыхъ сразу заговорили. Въ одномъ изъ моихъ ближайшихъ писемъ я буду имѣть еще случай ближе коснуться нѣкоторыхъ изъ печатныхъ трудовъ д-ра Маргулиса. Въ настоящее время, какъ я уже сказалъ, онъ состоитъ раввиномъ при флорентійской общинѣ, получая жалованіе болѣе чѣмъ въ шесть тысячъ лиръ, и родители жены его, пожалуй, ужъ не прочь и согласиться, что иногда и раввинствомъ

удается прокормить себя и семью. Выходящія въ Италиі еврейскія газеты полны хвалебныхъ отзывовъ о новомъ флорентійскомъ раввинѣ.

Второй—это д-ръ Гельбгаузъ, тоже уроженецъ Галиціи, родомъ изъ мѣстечка Тызыминца, въ окрестностяхъ города Станислава. Также самоучка, онъ, какъ и д-ръ Маргулисъ, началъ регулярно учиться уже послѣ женитьбы. Онъ извѣстенъ своими работами въ области гомилетики и, едва окончивъ семинарію въ Бреславлѣ, по рекомендаціи Геллинека былъ допущенъ къ пробной проповѣди въ Прагѣ, послѣ которой, годъ тому назадъ, приглашенъ на мѣсто раввина въ этомъ городѣ.

Двумя вышеупомянутыми далеко, однако, не исчерпывается списокъ выдающихся людей, которыми мы въ правѣ гордиться. Галиційскіе евреи изъ своей среды всегда выдвигали лицъ, имена которыхъ составляютъ украшеніе еврейства, въ совокупности взятаго. Недавно еще повсюду, гдѣ только сохранилось уваженіе къ еврейской наукѣ и исторіи, праздновалась столѣтняя годовщина рожденія мужа, заслужившаго, чтобы имя его золотыми буквами изобразить на скрижаляхъ хѣтписей еврейской народности. Мы говоримъ о раби Соломонѣ Раппопортѣ, Несторѣ науки іудаизма. Онъ родился 1-го іюня 1799 г. въ Львовѣ и женился семнадцати лѣтъ отъ роду въ мѣстечкѣ Стрыбѣ, на дочери знаменитаго раввина Лейбша Геллера, стяжавшаго обширную популярность своей книгой «Kesor Choschen». Еще у многихъ жителей Львова предъ глазами осанистая, атлетическая фигура раби Раппопорта; немало еще среди насъ найдется людей, припоминающихъ титаническую борьбу покойнаго съ современными ему адентами мракобѣсія, преслѣдовавшими его своими анаемами. Раппопортъ былъ самоучка; онъ никогда не былъ ни въ какомъ общественномъ училищѣ, не имѣлъ никакого диплома, но это—прямой гигантъ духа, на котораго невольно взираешь съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Феноменальное явленіе въ области еврейской литературы, онъ по справедливости можетъ быть названъ и ввродителемъ ея. Творецъ науки іудаизма, онъ первый началъ собирать камни для возведенія зданія еврейской исторіи, которая безъ него и немислима была бы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открываетъ собою

вообще новую эпоху еврейской жизни въ качествѣ пионера и передового борца замѣчательно свѣтлаго вѣка. Еврейская школа, синагога всё вообще общеплеменные учрежденія еврейскихъ общинъ обязаны своимъ возникновеніемъ его инициативѣ. Вокругъ него смыкалась цѣлая рать борцовъ, настоящая маккавейская дружина витязей, одаренныхъ безпримѣрнымъ мужествомъ, направленнымъ на атаку и разгромъ твердынь фанатизма,—подъ знаменемъ восходящаго свѣта.

Взоръ, брошенный на этотъ удивительный періодъ, открываетъ предъ ними картину, наполняющую душу священнымъ трепетомъ. Плечо-о-плечо стоятъ въ длинномъ ряду одни боговдохновенные бойцы, которымъ суждено выдаваться головой надъ всѣми поколѣніями. Каждый былъ вѣчно дѣятеленъ на своемъ поприщѣ. Этотъ былъ поэтъ, тотъ философъ, третій писалъ ѣдкия сатиры, а четвертый прибавлялъ камень за камнемъ къ зданію исторіи, и всё смыкалось вокругъ одной и той же великой цѣли предъуготовленія новой свѣтоносной эпохи. Влагородный меценатъ Іосифъ Перль выступилъ застрѣльщикомъ новаго направленія въ городѣ Тарнополѣ. Онъ основывалъ школы, нежревительствовалъ общему просвѣщенію, насаждалъ ремесла и земледѣліе въ средѣ еврейства, вооружался противъ хасидизма и фанатизма ортодоксовъ. Современникъ Перля, Нахманъ Крохмаль, проявлялъ болѣе теоретическое вѣдѣніе на жизнь. Это былъ уединенный мыслитель, одинъ изъ тѣхъ скромныхъ мучениковъ воинствующаго знанія, число которыхъ такъ велико въ средѣ Израиля. Глубоко захватывающее вліяніе его на другихъ было еще плодотворнѣе его собственныхъ произведеній, которыя онъ боязливо скрывалъ отъ современниковъ. Третій въ этомъ союзе доблестныхъ былъ поэтъ, сгумѣвшій изъ тѣсныхъ житейскихъ отношеній своей родины возвыситься до міросозерцанія, ставящаго его на ряду съ наиболѣе выдающимися образами мировой поэзіи; имя его Исаакъ Эртеръ изъ Пшемисла; онъ мастерски владѣлъ поэзіей и прозой, серьезной и юмористической, онъ былъ одинаково смѣль и великъ въ сатирѣ и въ паесѣ. Вотъ изъ этого-то кружка гуманистовъ, собиравшагося въ домѣ одного львовскаго мецената, и вышелъ тотъ мужъ, которому суждено было ря-

домъ съ Цунцемъ стать творцомъ новой науки іуданнама. Мужъ этотъ былъ Соломонъ Раппопортъ.

Не здѣсь мѣсто подробно характеризировать преемственные стадіи развитія этого замѣчательнаго дарованія. Ограничимся одной поверхностной помѣткой. Началось беллетристическими опытами по образцу того вѣка, драматической обработкой исторіи Эсепри по Расину, древне-еврейскими переводами изъ Клопштока, Эвальда и Шиллера. Затѣмъ наступилъ второй періодъ, когда будущій ученый впервые отважился на обработку научныхъ темъ, и, наконецъ, третій, — въ теченіе котораго быстро одна за другой появились въ свѣтъ его біографіи знаменитыхъ еврейскихъ ученыхъ (1820 г.), сразу освѣтившія всю область по-талмудической исторіи культуры и письменности іуданнама и въ которыхъ гениальный самоучка выказалъ себя мастеромъ историко-критическаго изслѣдованія и научной обработки исторіи литературы.

Эти шесть жизнеописаній: Саадьи, Гаиц, Элеазера б. Калиръ, Хананеля, Нисима б. Якова и Натана б. Іехиэла, естественно, не могли не привлечь вниманія всего ученаго міра и произвели очень сильное впечатлѣніе на современниковъ. Въ чемъ, однако, состояло собственно значеніе этихъ произведеній? Прежде всего Раппопортъ, выдающійся знатокъ раввинической литературы, сумѣлъ критически перебрать огромную сокровищницу талмудической письменности и ясно формулировать добытые результаты. О немъ можно выразиться, что онъ снова поднималъ уваженіе къ тому Талмуду, на который привыкли смотрѣть, какъ на источникъ всѣхъ напастей, постигшихъ еврейство. Историческій методъ, примѣнявшійся въ то время во всѣмъ наукамъ съ большою пользою, — методъ, направленный не столько на изслѣдованіе основъ всякаго вѣдѣнія, сколько на уразумѣніе процесса происхожденія явленія изъ его отдаленнѣйшихъ источниковъ, — былъ впервые къ еврейской исторіи приспособленъ именно Раппопортомъ, проявившимъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательное остроуміе и прямо соколиный взглядъ природнаго критика. И въ этомъ-то счастливомъ сочетаніи талмудическаго знанія съ всеобщей наукой, остроумныхъ комбинацій съ глубокимъ критическимъ — и надлежитъ искать объясне-

ніе того вліянія, которое Раппопортъ оказывалъ на современниковъ. Въ упомянутыхъ шести біографіяхъ ему удалось удивительно жѣтко охарактеризовать своеобразный ходъ всего по-талмудическаго іудаизма. Въ Саадѣ онъ показываетъ намъ мыслителя, который, стоя на рубежѣ двухъ міросозерцаній, сдѣлалъ попытку согласовать вѣру со знаніемъ въ одной философской системѣ. При характеристикѣ Калира онъ излагаетъ дотогѣ неизвѣстную исторію богослужебной поэзіи, разыскиваетъ ея источники и прослѣживаетъ ея постепенное развитіе. Въ лицѣ гаона Гаи онъ представляетъ намъ послѣдняго представителя гаоната во всемъ значеніи его многосторонней дѣятельности. Говоря о Хананелѣ б. Хасхилѣ и Нисимѣ б. Якобѣ, онъ вводитъ читателя въ область мѣстныхъ отношеній еврейства сѣверной Африки и въ духовныя теченія періода, означаемого этими двумя именами. Въ біографіи Натана б. Іехиля онъ даетъ историческій очеркъ развитія древне-еврейскаго языка, восходя въ своихъ изысканіяхъ до талмудистовъ и таргумимовъ. Новый міръ кипучей жизни духа открылся предъ глазами исследователей въ этихъ вдохновенныхъ твореніяхъ учителя, и цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій, донинѣ еще не заключенный, тѣсно примкнулъ къ первымъ опытамъ Раппопорта. Съ этимъ послѣднимъ періодомъ литературной дѣятельности Раппопорта совпадаетъ приглашеніе его на должность тарнопольскаго окружного раввина, а три года спустя смерть постигла его, 16 октября 1867 г., въ званіи старшаго раввина въ Прагѣ.

Дѣло, начатое въ Львовѣ, Раппопортъ продолжалъ и по отъѣздѣ изъ этого города. Къ сожалѣнію, въ свѣтъ появилась только первая часть того сочиненія, которое должно было стать основнымъ трудомъ его жизни. Оно носило заглавіе «Erich Müllers» и представляло, по замыслу, полную реальную энциклопедію Талмуда въ историческомъ, лингвистическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. И въ этой книгѣ поневолѣ удивляешься его обширной эрудиціи, тонкому критическому чутью и глубокому взгляду въ области источниковъ литературы. Раппопортъ, кромѣ того ввелъ въ кругъ своего мышленія почти всѣ предметы еврейскаго быта, занимаясь ихъ обсужденіемъ

въ безчисленныхъ своихъ письмахъ, замѣткахъ, заключеніяхъ и предисловіяхъ.

Я попытался очертить предъ читателями фигуру одного изъ тѣхъ рыцарей духа, колыбель котораго находилась на почвѣ Галиціи; но нити его вліянія простираются далеко за предѣлы его родины, связуя минувшее съ настоящимъ и влетающа въ славу каждой новой эпохи умственного прогресса еврейства. Таковы-то были люди нашего прошлаго, подобно столпамъ огненнымъ предшествовавшіе намъ по пустынь изгнанія, имена коихъ останутся вѣчной гордостью грядущихъ поколѣній.

Не могу не воспользоваться столь подходящимъ случаемъ, чтобы не вырвать изъ забвенія имя еще одной замѣчательной личности, бывшей въ числѣ первыхъ борцовъ того періода, котораго я коснулся въ этомъ письмѣ моемъ. Оцѣнка творчества и дѣяній этого лица тѣмъ болѣе уместна на страницахъ «Восхода», что центръ его вліянія былъ въ Россіи. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ переселился изъ Галиціи въ Минскъ, и въ этомъ же городѣ онъ умеръ въ 1852 г., всего тридцати шести лѣтъ отъ роду. Я говорю о Захаріи-Исаи Іолесѣ. Это была гениальная личность высшаго порядка. Если имя его все болѣе и болѣе отходить въ область забвенія,—то виною тому во всякомъ случаѣ не его произведенія: отъ твореній этого человѣка вѣетъ мощнымъ дуновеніемъ бессмертія. Виноваты просто наследники Іолеса, оставляя съ безпримѣрной—скажу—небрежностью моли и гніенію манускрипты такихъ твореній, которыя послужили бы къ славѣ всѣхъ вѣковъ. Появились они еще въ настоящее время на свѣтъ Божій, ими стали бы восхищаться еще и теперь, благодаря разлитой въ каждой строчкѣ оригинальности и гениальности. Іолесъ былъ самобытный, своеобразный талантъ и все, что выходитъ изъ-подъ его пера, знаменуетъ мощную индивидуальность духа и такое напряженіе мысли, что, читая его, кажется, что идеи его каждый мигъ наравятъ порвать наружную оболочку слова. Куда не проникало творчество этой души?—Почти во всѣ области человѣческаго вѣдѣнія!

Еще ребенкомъ, не полныхъ тринадцати лѣтъ, онъ привелъ

въ недоумѣніе весь талмудическій міръ своимъ «Eis ledaber», отпечатаннымъ тогда же его отцомъ. Это—полемическое сочиненіе, направленное противъ тогдашняго львовскаго раввина, извѣстнаго целота Якова Орнштейна, именно противъ его книги «Ieschias Iacob». Маленькій Іолесъ казался всѣмъ Давидомъ, отважившимся на единоборство съ Голиафомъ, и тѣмъ изумительнѣе была побѣда, одержанная имъ! Онъ указалъ раввину безчисленное количество плагиатовъ въ его «Ieschias Iacob»,—плагиатовъ, такъ неуклюже произведенныхъ, что опечатки оригиналовъ оказались и въ перепечаткѣ Орнштейна. Весь талмудическій міръ въираль съ удивленіемъ на поразительную отвагу ребенка и на ту всеобъемлющую эрудицію, которую онъ проявилъ, указывая пальцемъ на каждое украденное слово и приводя мѣсто, откуда оно было похищено.

За этимъ дебютомъ гениальнаго ребенка послѣдовала цѣлая масса блестящихъ работъ, обнародованныхъ въ періодическихъ изданіяхъ того времени, въ журналахъ «Zion», «Orient», «Ozer Neschmod», часто подъ псевдонимомъ Кесіель, Катцъ и др., такъ какъ полчища ревнителей мракобѣсія стали все болѣе напирать на него, и Іолесъ вынужденъ бывалъ выступать въ рядахъ рыцарей свѣта не иначе, какъ съ опущеннымъ забраломъ. Но истинный гениі этого мужа обнаружился во весь свой исполинскій ростъ въ трудахъ его, доннынѣ лежащихъ еще въ манускриптахъ.

Предо мною въ данную минуту лежитъ цѣлая куча рукописей, въ которыя я получилъ возможность заглянуть благодаря любезности одного изъ родственниковъ покойнаго. Какое универсальное знаніе обнаружено въ этихъ писаніяхъ! Сколько основательности, многосторонности, самобытности мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальности самаго языка и пріемовъ! Просто, нельзя достаточно надивиться, какъ это столько разнообразныхъ знаній могло умѣститься въ одномъ черепѣ. И это челоуѣкъ, прожившій едва тридцать шесть лѣтъ на свѣтѣ! Чего только онъ за этотъ короткій промежутокъ не изучилъ, не продумалъ, не написалъ! Мнѣ доступна только частица сокровищницы его манускриптовъ, писанныхъ его рукою, почеркъ которой ужъ самъ по себѣ чудо каллиграфическаго искусства. Вотъ прежде

всего книга подъ заглавіемъ «Dibre Chaschomim». Это религиозно-философское сочиненіе было имъ написано, когда ему было семнадцать лѣтъ, и представляетъ собою разсужденіе о томъ, что реформы и измѣненія въ религиозныхъ постановленіяхъ сообразно времени и обстоятельствамъ—лежать въ самомъ духѣ еврейства и его ученія. Какъ мѣтко ведется доказательство, съ какой убѣдительною аргументировкою и какими обиліемъ цитатъ и документовъ изъ обоихъ Талмудовъ!

Другое сочиненіе, восходящее къ тому же періоду жизни Голеса, называется «Awone Neser» и заключаетъ въ себѣ нападки на виленскаго гаона. Съ поразительной ясностью и съ запасомъ неопровержимыхъ доводовъ Голесъ ведетъ здѣсь свои доказательства, что гаонъ не имѣлъ хотя бы слабаго понятія объ ариметикѣ и высшей математикѣ, на знаніе коихъ онъ предъявлялъ столько претензій.

Третья рукопись «Товим Насchnajim» составляетъ критическое освѣщеніе системы чиселъ по Лейбницу. Тутъ авторъ проявляетъ удивительное знаніе алгебры и математики вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ съ равной основательностью трактуетъ и о китайской численной системѣ, по результатамъ новѣйшихъ изысканій.

Еще въ одномъ произведеніи, носящемъ заглавіе «Таем Секепim», очерчены съ увлекательною силою рѣчи всѣ философскія системы и вмѣстѣ съ тѣмъ указано на отношенія между каждой изъ нихъ и еврейскимъ міросозерцаніемъ, въ какой мѣрѣ иныя съ нимъ совпадаютъ, а другія ему противорѣчатъ.

Кромѣ того въ моемъ распоряженіи еще нѣсколько вещей изъ областей Галахи и Шилпулъ.

И, какъ это ни невѣроятно, этотъ замѣчательный мыслитель, изслѣдователь и талмудистъ былъ также и поэтомъ, по силѣ языка и мощи изображенія мѣстами напоминающимъ Шекспира. Въ числѣ находящихся у меня манускриптовъ, кромѣ собранія лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ стихотвореній, отличающихся почти сплошь и по языку, и по содержанию своему удивительною оригинальностью, находятся еще двѣ драмы на древне-еврейскомъ языкѣ; одна—«Aschmedaj» по названію—нѣчто въ родѣ еврейскаго Фауста, а другая носить

заглавіе «Eisch Dov». Объ этихъ двухъ своеобразныхъ произведеніяхъ можно было бы сказать очень многое, и я къ нимъ еще вернусь впоследствии, при случаѣ.

Подобно его сочиненіямъ, и обширная переписка Голеса съ наиболѣе выдающимися современниками свидѣтельствуетъ о той же многосторонности и универсальности его познаній. Здѣсь найдешь цѣлыя пачки писемъ людей, различающихся по своему мышленію, знаніямъ и занятіямъ, и всѣ эти письма переполнены восхищеніемъ и уваженіемъ къ человеку, которому адресованы. Вотъ письма отъ талмудическихъ знаменитостей: Акибы Ейгера, Моше Софера, Саула Натансона, Энаила Паузмера; вотъ подписи разныхъ свѣтилъ науки: Якоби, Гирунди, Кармоли, Іостъ, Цунцъ, Вейль и Дейтшъ; вотъ Соломонъ-Лебъ Рапппортъ, Гиршъ Хаисъ, Самуиль-Давидъ Луццато; затѣмъ слѣдуютъ письма Моисея Монтефіоре, Леви, Алберта Кона, Натана Адлера и Лиіенталя. И о какихъ только предметахъ здѣсь не говорится! Письма знаменитыхъ талмудическихъ авторитетовъ Эйгера, Софера, Натансона и Хаиса касаются разныхъ проблемъ Талмуда. Якоби, Гирунди, Крохмаль, Цунцъ, Іостъ и Вейль говорятъ объ астрономическихъ, математическихъ, физическихъ и историческихъ вопросахъ. Рапппортъ, Адлеръ, Луццато пишутъ частью по поводу религіозно-философскихъ, частью относительно еврейско-историческихъ предметовъ. Изъ одного письма Слонимскаго узнаемъ, что Голесъ изобрѣлъ новую глазурь для желѣзной посуды; изъ другого—о попыткѣ согласовать взгляды обоихъ по одному вопросу физики. Въ письмахъ Лиіенталя рѣчь идетъ о житомірскомъ раввинскомъ училищѣ, основанію котораго Голесъ оказалъ немалое содѣйствіе, а въ перепискѣ съ Монтефіоре, Леви и Кономъ обсуждается учрежденіе агрономической школы для евреевъ, которыхъ хотѣли попытаться обратить къ занятію земледѣліемъ.

И всѣ эти письма и рукописи предоставлены моли и гніенію! Видно, у отца Голеса нашлось гораздо болѣе смысла для оцѣнки перваго опыта его сына, чѣмъ у наслѣдниковъ его—пониманія значенія соврѣвней жатвы этого таланта. Отецъ тринадцатилѣтняго писателя, провидя по первому шагу лви-

ную натуру своего сына, сгѣшнѣтъ отдать въ печать его рукопись, а дѣти оставляютъ лежать въ пыли манускрипты внолѣтъ развившагося, великаго таланта,—творенія, предназначенныя быть украшеніемъ еврейской литературы. Не знаемъ, чему приписать это непростительное отношеніе,—непониманію-ли, или просто инертности. Обращаемся ко всѣмъ еврейскимъ издателямъ. Пусть, хотя бы изъ-за однихъ меркантильныхъ цѣлей они постараются добыть у наследниковъ Толеса его рукописи, и, если въ насъ еще не окончательно исчезли любовь и влеченіе къ твореніямъ нашихъ великихъ людей,—издатели, я ручаюсь имъ, сдѣлаютъ блестящее дѣло съ сочиненіями покойнаго.

Но, кажется, у самихъ издателей совершенно притупилось чутье къ неподдѣльно-прекрасному и полезному въ литературѣ.

Книжный рынокъ у насъ въ Галиціи наводненъ одной макулатурой, а цѣлныя сокровищницы ума и генія пропадаютъ въ рукописи! О томъ, что за послѣднее время здѣсь появилось въ печати, не стоить, право, и упоминать вовсе; исключеніе слѣдуетъ сдѣлать лишь для одного небольшого еврейскаго разсказа «Нагішоу»—авторъ Аврамъ Бродисъ—въ которомъ весьма мѣтко очерчены въ образахъ послѣднія злобы дня и съ поразительной живостью изображены побѣги на нивѣ современныхъ общественныхъ теченій. Но объ этомъ въ другой разъ.

Veritas.

Львовъ.

Августъ 1890 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАРОДНАЯ И ПРОСТОНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Приступая въ третій разъ къ ежегодному отчету о состояніи жаргонной литературы ¹, намъ было бы весьма желательно разрѣшить общій, интересующій многихъ вопросъ: оправдала-ли эта литература въ новомъ своемъ фазисѣ возлагавшіяся на нее надежды и удовлетворяетъ-ли она вообще своему назначенію? При всемъ желаніи, однако, намъ приходится признать, что отвѣчать рѣшительно на этотъ вопросъ пока еще не настало время. Опредѣлять вліяніе какого нибудь новаго литературнаго движенія на развитіе общества—дѣло крайне сложное, требующее многолѣтнихъ наблюденій, а новѣйшій фазисъ жаргонной литературы едва лишь насчитываетъ нѣсколько лѣтъ. Остерегаясь поспѣшныхъ заключеній и предоставляя точныя рѣшенія будущему, мы въ настоящій моментъ можемъ только слегка отмѣтить тѣ общіе результаты, которые, судя по имѣющимся даннымъ, слѣдуетъ приписать вліянію нашей новой школы народныхъ писателей.

Отличительныя черты этой школы нами уже указаны, а съ каждымъ годомъ онѣ все болѣе выясняются. Жарговисты рутиннаго направленія, по-нимаемая «народъ» въ узкомъ смыслѣ—въ смыслѣ *простонародья*, толпы—видѣли и продолжаютъ видѣть въ литературѣ только средство *забавлять* публику, доставлять ей на досугѣ легкое и «пріятное» чтеніе, а потому считаютъ своимъ долгомъ приравниваться къ грубымъ, даже непорочнымъ вкусамъ этой публики, къ ея скуднымъ умственнымъ потребностямъ, и являются простыми поставщиками дешеваго литературнаго товара. Молодые же писатели, воспитанные по большей части на русскихъ или даже европейскихъ литературныхъ образцахъ, видятъ въ литературѣ средство *учить* и развивать народъ, возвышать его понятія, очищать его вкусы, причемъ слову

¹ Предыдущіе два обзора помѣщены въ „Восходѣ“ 1888 г., кн. 10, и 1889 г., кн. 7.

Восходъ, кн. 9.

«народъ» они придаютъ вообще обширное значеніе; они вносятъ въ свою дѣятельность болѣе совершенныя и правильныя приемы, даютъ публикѣ болѣе или менѣе художественныя, обработанныя произведенія, требующія отъ простаго читателя нѣкотораго умственнаго напряженія. Эти двѣ литературныя группы, столь рѣзко расходящіяся въ своихъ воззрѣніяхъ, стоятъ въ послѣднее время другъ противъ друга двумя враждебными лагерями. Но такъ какъ новая школа писателей имѣетъ на своей сторонѣ значительный перевѣсъ умственной энергіи, способностей и дарованій, то она, естественно, постепенно забираетъ верхъ и вытѣсняетъ свою противницу изъ тѣхъ круговъ, гдѣ сама пріобрѣтаетъ вліяніе. Очищая вкусы публики, приучая ее къ болѣе изысканной умственной пищѣ, молодые писатели тѣмъ самымъ отвлекаютъ ее отъ произведеній лубочной литературы. Та часть публики, которая читаетъ произведенія нынѣшнихъ реформаторовъ жаргона, становится уже болѣе взыскательною и не можетъ довольствоваться грубыми издѣліями рутинныхъ жаргонистовъ. Это должно заставить и «простонародныхъ» писателей заботиться о большей опрятности своей литературной стряпни и, пожалуй, даже о большей питательности стряпаемыхъ блюдъ. И дѣйствительно, въ послѣднее время нерѣдко встрѣчаются такіе жаргонныя произведенія, которыя, при совершенно лубочныхъ приемахъ и неказистой виѣшности, все-таки отличаются болѣе или менѣе идейнымъ, дидактическимъ содержаніемъ (на одно изъ такихъ произведеній, крупнѣшее въ своемъ родѣ, мы ниже укажемъ). Какъ ни элементарно и азбучно это «идейное» содержаніе, оно все-таки гораздо желательнѣе, въ интересахъ духовнаго развитія просто народа, чѣмъ содержаніе безнравственныхъ базарныхъ романовъ разныхъ *Шомеровъ*, которые недавно почти исключительно читались жаргонною публикой. Въ этомъ косвенномъ нравственномъ вліяніи, въ этомъ постепенномъ очищеніи испорченныхъ литературныхъ вкусовъ заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ нашей обновленной народной литературы.

Нельзя успѣхомъ слѣдуетъ считать и то, что этой литературѣ, за давшею столь серьезными пѣлянн, удалось въ сравнительно короткое время *создать свою публику*, подготовить свой контингентъ читателей, хоть и немногочисленный, но изъ года въ годъ умножающійся. Нельзя отрицать, что на первыхъ порахъ наши молодые «серьезные» жаргонисты рисковали говорить передъ пустой аудиторіей или, въ лучшемъ случаѣ, быть непонятныи, такъ какъ внезапный переходъ отъ легкаго, увеселительнаго чтенія къ серьезному и содержательному, требующему умственнаго

выраженія, былъ для массы читателей очень труденъ. Новой литературной школь предстояло преодолѣть эту народную инерцію, предстояло бороться съ равнодушіемъ, неразвитостію, непониманіемъ. Отчасти она уже эти трудности побѣдила; дальнѣйшіе же успѣхи зависятъ отъ ея будущей дѣятельности и энергии.

Обращаясь къ частностямъ, мы замѣчаемъ, что по прежнему новыя литературныя силы «народниковъ» группируются главнымъ образомъ вокругъ сегоднѣшня г. С. Рабиновича (Шаломъ-Алейхема) — «Еврейская народная бібліотека». Второй объемистый томъ этого сборника, недавно вышедшій, превосходить еще предыдущій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Другой сегоднѣшня — «Домашній Другъ» г. Спектора — почему-то не появился въ этомъ году. Надо полагать, что это временная приостановка. Было бы очень жаль, если бы изданіе г. Спектора вовсе прекратилось, ибо, уступая во многомъ «Народной Библиотекѣ», «Домашній Другъ» все-таки былъ небезполезенъ для извѣстныхъ круговъ читателей и могъ служить для нихъ переходной ступенію отъ любезныхъ изданій къ литературѣ болѣе серьезной, пока еще не вполне доступной низшимъ слоямъ народа.

Въ настоящемъ обзорѣ мы рассмотримъ новѣйшіе образцы обѣихъ отраслей жаргонной литературы — «народной» и «простонародной», какъ мы ихъ выше назвали. Такіе образцы выяснятся одновременно и свойства текущей жаргонной литературы въ цѣломъ, и взаимныя отношенія ея частей.

Начнемъ съ «Библиотеки» г. Шаломъ-Алейхема ¹.

Главное мѣсто въ новомъ выпускѣ этого сборника занимаетъ романъ издателя «*Йосель Соловей*». Сюжетъ этого новаго романа поразительно сходенъ въ существенныхъ чертахъ съ сюжетомъ романа «*Степению*» того же автора, напечатаннаго въ предыдущемъ томѣ «Библиотеки» и въ свое время нами разобраннаго. Герой новаго романа также взятъ изъ еврейской «артистической» среды: Степению былъ талантливымъ скрипачомъ, а Йосель Соловей является замѣчательнымъ канторомъ. Также сходны между собою по душевному складу и героини обѣихъ романовъ, Рахиль и Эсфирь, изъ коихъ первая представляетъ собою самобытный типъ еврейской замужней женщины патриархальнаго круга, а вторая — типъ цѣльной и самобытной

¹ русскія изданія упомянутой Библиотеки. Сборникъ статей литературныхъ, критическихъ и научныхъ. Изданіе Соломона Рабиновича (Шаломъ-Алейхема). Книга вторая. Киевъ, 1889 (310+199+180 стр. in 8°).

еврейской дѣвушки того же круга. Но кровъ следствъ есть и различіе. Отличительныя черты новаго романа заключаются въ болѣе тщательной разработкѣ подробностей, въ болѣе большомъ количествѣ бытовыхъ картинъ и эпизодическихкихъ лицъ и въ болѣе правильномъ развитіи фабулы. Объемомъ новый романъ вышелъ постому вдвое больше предыдущаго и, можетъ быть, въ меньшей проверіи было бы сильнѣе и впечатлѣннѣе, производимое имъ, если бы этому не мѣшали указанныя сейчасъ новосторонія лицъ и положеній въ двухъ послѣдовательныхъ произведеніяхъ одного и того же автора. Но обратимся къ сути дѣла и позаймемся не столько пересказомъ содержанія романа, сколько анализомъ выводимыхъ въ немъ главныхъ лицъ и характеровъ.

Юсель, сынъ бѣднаго синагогальнаго кантора въ городишкѣ Массеповкѣ, попадаетъ въ герои благодаря двумъ сильнымъ чувствамъ, волновавшимъ его съ юныхъ лѣтъ. Чувства эти были: страсть къ пѣнію и любовь къ прекрасной дѣвушкѣ, Эсэри. Первая создала карьеру героя, вторая разбила и его карьеру, и его жизнь. Характеры героя и героини ничѣмъ весьма мало общаго между собою. Юсель былъ мечтательнымъ юношей, котораго влекло ко всему красивому, гармоническому въ природѣ и въ жизни. Сознавательныхъ идеаловъ, выработанныхъ размышленіемъ, у него не было: ихъ замѣняли непосредственныя чувства и влеченія пылкой натуры. Въ практической жизни онъ также былъ совершеннымъ младенцемъ, подобно многимъ талантливымъ артистамъ. Не такимъ была Эсэри. Здравый смыслъ и даже житейскій практицизмъ гармонически соединялись въ ней съ непосредственными порывами добраго и чистаго сердца. Дочь бѣдной лавочницы-вдовы, выросшая за прилавкомъ, среди мелочныхъ грошовыхъ заботъ, суеты и погони за кускомъ хлѣба, Эсэри все-таки сохранила свѣжесть нетронутаго чувства. Суровая жизнь научила ее только управлять своими чувствами, подчинять ихъ вѣшной дисциплинѣ; горькій опытъ умудрилъ ее раньше времени, пріучилъ ее къ стоическимъ добродѣтелямъ, вообще сдѣлалъ ее натуру болѣе *интенсивною*, въ противоположность младенческой, *экспансивной* натурѣ ея избранника—Юселя.

Съ юныхъ лѣтъ заглявъ въ сердцѣ Эсэри тилая любовь къ этому юношѣ, товарищу ея дѣтскихъ игръ, который въ свою очередь полюбилъ ее еще болѣе страстно, хотя и менѣе чистою любовью. Долгіе, долгіе годы приходилось Эсэри таить въ себѣ это святое чувство, которое окружающимъ показалось бы грѣховнымъ, пожалуй, даже безнравственнымъ. Юсель провель почти всю свою юность въ странствованіяхъ по чужимъ краямъ, сначала съ цѣлью усовершенствовать свой музыкальный талантъ, а затѣмъ

въ качествѣ знаменитаго кантора, получившаго, благодаря своему чудному снлагогальному пѣнію, прозвище *Соловей*. Эсэръ и въ эти тяжелые годы разлуки непрерывно думала о своемъ возлюбленномъ, мечтала о его возвращеніи и о совместной жизни съ нимъ; но Иосель оказался далеко не такимъ стойкимъ. Вслѣдствіе мягкости своего характера и неустоячивости своихъ нравственныхъ началъ, онъ поддавалъ вліянію дурного общества бродячихъ артистовъ, гдѣ мало-по-малу дошелъ до нѣибны своей первой любви ради грубой связи съ богатою вдовушкой, которая прибрала его къ рукамъ и въ концѣ концовъ женила на себѣ. Только когда этотъ роковой шагъ былъ сдѣланъ, Иосель вспомнилъ о своемъ прежнемъ святомъ чувствѣ, которое не утратило въ вѣкъ, а лишь временно заслонено было другими случайными увлеченіями. Любовь къ Эстери снова разгорѣлась въ вѣкъ, и еще съ большою силой, чѣмъ прежде. Онъ съѣздить въ родную Мазеповку послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, но—является уже слишкомъ поздно: Эсэръ, измученная долгимъ ожиданіемъ и почти отчаявшаяся въ возвращеніи Иоселя, вынуждена была настояяими матерн и родимы выйти замужъ за богатаго вдовца-рестовщика. Иосель пріѣзжаетъ въ Мазеповку въ тотъ самый моментъ, когда происходилъ свадебный пиръ. Онъ не выноситъ удара, заболѣваетъ воспаленіемъ мозга и наконецъ, по выадоросленіи, впадаетъ въ тихое умопомѣшательство.

Какъ видите, исторія Иоселя и Эсэры есть отчасти надозигибенный перифраза, отчасти же болѣе детальное изложенеіе исторіи Станиславу и Рахили. Обѣ романтическія пары скроены по одному образцу, только по разнымъ масштабамъ. Рахиль и Эсэръ являются разновидностями одного и того же типа, только вторая стоитъ одной ступенью выше первой въ духовномъ отношеніи, да и личность ея изображена въ романѣ гораздо яснѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ личность героини перваго романа. Послѣднее можно сказать и объ Иоселѣ, характеръ котораго развитъ въ романѣ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ характеръ его антагониста Станиславу, къ которому онъ стоитъ еще ближе, чѣмъ Эсэръ къ Рахили. Однако, отъ этой детальной обработки выигрываетъ въ новеллѣ романѣ только личность героини, а не героя. Эсэръ, подобно Рахили, дѣйствительно является живымъ, цѣльнымъ типомъ средней еврейской дѣвушки, но—нельзя просто и вѣстѣ съ тѣмъ классически зарисованнымъ. Сила и обаяніе этого образа заключается именно въ его величавой патриархальной простотѣ, въ выраженной имъ идѣе вѣковой заботы еврейской дѣвушки, которая не можетъ громко протестовать противъ своей «злой доли» во имя святого

чувства любви, ибо въ ея кругу любовь къ мужчинамъ считается не святымъ, а грѣховнымъ чувствомъ, а бракъ по любви считается скандаломъ... Но если автору удалось главные женскіе типы въ его послѣднихъ двухъ романахъ, то нельзя того же сказать о его главныхъ мужскихъ типахъ. Герои обоихъ его романовъ, Степанию и Юселя, представляютъ собою смѣсь необычайнаго таланта съ значительною дозою безхарактерности, умышленной незрѣлости и нравственнаго убожества. Въ общемъ они являются блѣдными, безжизненными, хотя въ нихъ образцы нѣтъ ничего нереальнаго или неестественнаго. Вы проходите мимо нихъ какъ-то бесучастно; даже трагическая судьба ихъ не трогаетъ васъ особенно сильно; они какъ-то чужды вамъ, и вы не знаете, за что имъ сочувствовать. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ необычности положенія названныхъ героевъ,—ибо талантъ всегда будетъ составлять исключеніе, а не обычное явленіе,—а съ другой—отъ ничтожности ихъ характеровъ и шаткости ихъ нравственнаго склада. Вы видите, какъ живы глеть и ломаются эти хрупкія, жалкія созданія, и думаете: такъ и должно быть, много и ждать нечего было,—а это уже ослабляетъ весь драматизмъ романа, гдѣ такіа лица играютъ главную роль. Вообще, въ главные герои романовъ такіе люди не годятся, а если ихъ надо изображать, то лишь въ видѣ второстепенныхъ, эпизодическихъ лицъ.

Г. Шаломъ-Алейхемъ, повидимому, и самъ предвидѣлъ этотъ упрекъ, который можетъ сдѣлать ему критика, и онъ заранѣе оправдываетъ свой неудачный выборъ главныхъ героевъ тѣмъ, что, сочиняя свои романы для массы, онъ не могъ брать своихъ персонажей изъ высшихъ интеллигентныхъ сферъ, а вынужденъ былъ вербовать ихъ въ среднихъ или низшихъ слояхъ и вдобавокъ тамъ, гдѣ романтическая любовь хоть нрѣдка встрѣчается (см. «Письмо къ другу», помѣщенное въ разсвѣтлившемся томѣ «Библиотеки», стр. 306—308). Но если такъ, то, сравнивается, для чего понадобилось автору выбрать въ герои непремѣнно даровитыхъ артистовъ и непремѣнно пассивныхъ, слабохарактерныхъ и малолетнихъ? Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы требовать отъ романиста «правоучительныхъ» героевъ: мы желаемъ только видѣть въ реально-художественныхъ произведеніяхъ героевъ живыхъ, характерныхъ, активныхъ, производящихъ сильное впечатлѣніе на читателя какъ хороними, такъ и дурными сторонами своей натурн,—и тѣмъ болѣе въ правѣ предъявлять подобныя требованія такому писателю, какъ Шаломъ-Алейхемъ.

Большинство эпизодическихъ лицъ и картинъ въ романѣ изображено

авторомъ съ его обычнымъ пасторствомъ. Въ особенности хороша личность матери героини, *Златы*,—дѣятельной, умной и здравомыслящей вдовы, прокармливающей своихъ трудовъ дѣлую семью. Своимъ простымъ здравымъ смысломъ и мужествомъ она можетъ заткнуть за поясъ своего сосѣда, честнаго, но слабохарактернаго *Шмуэля*, мазеповскаго кантора, отца главнаго героя. Весьма недуренъ и набросанный мимоходомъ силуэтъ одной изъ сестеръ Златы, *Лентель*,—живой, юркой бабенки, способной отдѣлывать всякія дѣла силою своего остраго язычка и неустойчивыхъ дипломатическихъ хитростей. Не лишена интереса и личность богатой вдовушки *Перель*,—еврейской «мадамши» худшаго разбора,—съ ея дворней. Влѣдѣнъ очерченъ образъ богатаго ростовщика *Альтера Песиса*, того самаго вдовца, который женится на несчастной Эсэри,—что, впрочемъ, объясняется пассивностью его роли въ романѣ. Объ отдѣльных яркихъ картинахъ и эпизодахъ въ романѣ г. Шаломъ-Алейхона мы не станемъ говорить: изъ таихъ довольно много и много между ними прекрасныхъ, доставляющихъ внимающему читателю истинное эстетическое наслажденіе.

Вообще, что касается вѣшняго художественнаго облика, романъ «Юсэль-Соловей» стоитъ гораздо выше своего предшественника «Степено», однороднаго съ нимъ по содержанию: рисунокъ въ немъ крупнѣе, фонъ обширнѣе, бытовыхъ подробностей гораздо больше и самое расположеніе событій правильнѣе и послѣдовательнѣе.

Въ разсмотрѣнномъ выпускѣ «Народной Библиотеки» мы находимъ еще продолженіе замѣчательной эпопеи *С. М. Абрамовича*: «Волшебное Кольцо». По началу, стихичному нами въ прошломъ году, трудно было еще составить себѣ ясное понятіе о планѣ и замыслѣ всего произведенія, да и теперь нельзя еще сказать ничего опредѣленнаго о характерѣ дѣялаго, такъ какъ напечатанныя двѣ книги составляютъ, повидимому, только небольшую часть произведенія. Но съ каждой новой главой все болѣе выясняется планъ этой бытовой эпопеи, въ которой вѣсь исключительно подавляетъ обиліе превосходныхъ картинъ, яркихъ описаній и глубокаго душевнаго анализа.

Личность главнаго героя «Волшебнаго Кольца», Гершела, играетъ здѣсь только роль нити, на которую навязана масса истинно-поэтическихъ жемчужинъ. Авторъ заставляетъ своего юнаго героя странствовать и сталкиваться со многими новыми людьми, которыя тутъ же подробно изображаются и, соединяясь посредствомъ разныхъ коллицій съ прежними

знакомыми лицами, упоминають собою персональ рассказа. Въ разбрасанной второй части «Кольца» излагается исторія юности Гершеля и его переселенія изъ родного Каббана въ большой еврейскій городъ Глуксъ. Тутъ Гершель, въ качествѣ бѣднаго сироты (у него умираетъ отецъ), занимается въ синагогѣ Талмудотъ и призрѣвается сердобольными приюжанами. Вокругъ него—знакомая патриархальная среда стараго времени: іешивотники, «набожные евреи», караемые дѣлцы и вся эта мрачная обстановка ужасной эпохи «ловцовъ и пейманниковъ» (рассказъ относится къ 40-мъ и 50-мъ годамъ). Самъ герой чуть не становится жертвою коварнаго «ловца» и спасается отъ бѣды только благодаря счастливой случайности. Въ послѣднихъ главахъ второй части авторъ слегка нагнѣчаетъ зародивши новыя началъ въ душѣ своего героя: онъ, во первыхъ, сводитъ его съ однимъ «просвѣщеннымъ» идеалистомъ Рафаиломъ, который въ будущемъ, вѣроятно, повліяетъ на переѣзду его нирессердана, и во вторыхъ, возмаетъ въ его сердце смутное чувство любви къ одной бѣдной дѣвушкѣ. Эти два обстоятельства должны, повидному, произвести переворотъ въ дальнѣйшей судьбѣ Гершеля, о которой мы, конечно, узнаемъ, хотя и не скоро, изъ слѣдующихъ частей рассказа.

Впрочемъ, какъ имъ уже замѣтили, не въ судьбѣ главнаго героя тутъ дѣло, а во всемъ складѣ жизни, гдѣ этотъ герой вращается. Вся суть—въ подробностяхъ, въ бытовыхъ картинахъ, набросанныхъ свѣтлою и широкою кистью, даже въ лирическихъ отступленіяхъ, которыми необалууетъ левое произведеніе г. Абрамовича. Слѣсъ объективнаго эноса съ лиризмомъ—характернѣйшая черта этого произведенія, напоминающая «Мертвыя Души» Гегеля. Гордая любовь въ народу и глубокая скорбь о его тяжелой догѣ повсюду прорываются сквозь стройные ряды художественныхъ описаній и картинъ; мыслитель и патриотъ замѣтитъ изъ-за фигуръ бытописателя. Вотъ, напримеръ, лирическій вокаль, вырвавшійся у автора изъ глубины наболѣващаго сердца по поводу зинвода о «ловцахъ» стараго времени. Изображая ужасы той мрачной эпохи, авторъ устани своего героя восклицаетъ: «О, братья! Всѣ наши сотни тысячъ жертвъ, заколотыхъ Титомъ во время великаго разрушенія, залученныхъ, сожженныхъ на кострахъ Исааки,—хѣтъ эта и тому подобные ужасы не отравляютъ нѣтъ жизни въ твоей стѣнѣ, какъ тѣ нѣсколько фантоновъ, которые сами евреи другъ другу разшибали. Тамъ у насъ есть утѣшеніе: тамъ я вижу верою, умершихъ за отечество, сажимыхъ, погребенныхъ за вѣру. Но умѣ! Что могу я сказать о еврейскихъ фантонахъ, взуродованныхъ руками са-

мать же спреть? О пощечинах, полученных нами от друзей, и являю, но все-таки говорю: не бѣда! Хорошие и слабые люди всегда страдают за свѣтъ, да и возможно, что тѣ бывшіе и преслѣдуемые насъ еще раскаются. Но когда битые бьютъ сами другъ друга, когда раненые ранятъ другъ друга,—тогда я плачу и—увъ!—не знаю что сказать въ утѣшеніе!.. И какъ вспомню я о тѣхъ несчастныхъ «попанинцахъ», которыхъ вы сами мучили, у меня разрывается сердце. Оно во мнѣ кричитъ и вопиетъ: О, мой вслѣпски разбитый, мой милое навѣи народъ Израиль!» (стр. 98). Этотъ апофеозъ (который въ переводѣ теряетъ добрую половину силы подлинника) заканчивается вторая часть «Волшебнаго Кольца». Не знаетъ, будетъ-ли это произведеніе г. Абрамовича достаточно понято насой, для которой оно преимущественно предназначено, но читатели-искусники и понимающіе несомнѣнно оцѣнятъ его по достоинству и будутъ съ нетерпѣніемъ ждать его продолженія.

Вслѣдъ за рассказомъ г. Абрамовича идетъ въ сборникѣ окончиле очерка г. Линецкого «Червякъ въ вануэтѣ». Это короткое окончиле совершенно разочаровало насъ. Мы смотрѣли на начало очерка, вычитанное въ прошломъ году, какъ на вступленіе въ повѣствованіе, и ждали, что основная идея его выяснится изъ дальнѣйшихъ главъ. Оказывается, однако, что очеркъ уже законченъ, а идея его нѣтъ какъ нѣтъ; но крайней мѣрѣ мы никакъ не могли ее отыскать. Авторъ, какъ можно смутно догадываться, нѣтъ въ виду описать переходъ еврейскаго ювени, издѣ влияніемъ «просвѣщеннаго» литовскаго учителя, отъ мрака къ свѣту, изъ темной гасидской среды въ кругъ культурныхъ людей; но эта тема нѣтъ не выполнена, ибо вся его работа представляетъ собою рядъ длинныхъ и утомительныхъ подчасъ отступленій отъ главнаго сюжета, да и весь очеркъ въ цѣломъ есть лишь сплошное отступленіе... отъ законовъ беллетристическаго творчества¹. Г. Линецкий, очевидно, *подражалъ* наперѣ г. Абра-

¹ Мы должны сдѣлать оговорку. Г. Линецкий въ своемъ письмѣ, присланномъ недавно на нн редакціи «Восхода», заявляетъ, что окончиле его «Червяка» значительно урѣзано издателемъ «Народной Библиотеки», вслѣдствіе чего рассказъ будто бы лишился своей силы и лучшихъ своихъ чертъ. Охотно принимаемъ это заявленіе, могущее служить нѣкоторымъ «смягчающимъ обстоятельствомъ» небрежности автора, хотя сомнѣваемся, чтобы изъ рассказа была вынуждена вся его существенная повѣствовательная часть, вся его соль; если же вынужденны или сокращены были только побочныя описанія и отступленія, то издатель, напротивъ, этикъ могъ оказать только услугу автору, ибо у несладкаго избыточно изъ-за доросель гѣбу не видать, и даже въ изложенномъ сокра-

ковича (отъ чего превращено отищенное нами поразительное видѣнное сходство между писанинами обоимъ авторомъ, начатыми въ «Библиотекѣ»), но онъ оказался очень плохимъ раздражителемъ. Его длинныя «описанія» въ послѣднихъ главахъ рассказа смахиваютъ уже на скучную болтовню, а его «картины» лишены красокъ. Весь рассказъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ потерялъ нить своего повѣствованія и, въ поискахъ за нею, заблудился и ушелъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда предполагалъ идти. Это—крупная литературная ошибка, которой мы никакъ не ожидали отъ автора, «Польскаго юноши».

Въ небольшомъ эскизѣ г. Венъ-Ами «Сапожникъ Беръ» описывается семейная жизнь еврейскаго мелкаго люда въ связи съ общественнымъ броженіемъ, вызваннымъ нервными всхлипами «погроминой» эпохи. Бѣдный сапожникъ Беръ выставляется идеально-добродѣтельнымъ человекомъ, сокрушающимся о нашемъ народномъ горѣ, а его жена Бася — идеальной влюбленной, ненавидящей своего добраго мужа и бросающей своего крошечнаго ребенка, въ моментъ разгрома, на произволъ судьбы. Вообще г. Венъ-Ами является одинаково неуѣреннымъ и въ выраженіи восторга, и въ выраженіи презрѣнія. При всей самитачности основной идеи, эскизъ все-таки выходитъ блѣднымъ и производитъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, недоговореннаго. Весьма возможно, впрочемъ, что послѣднее вызвано совершенно побочными обстоятельствами, въ родѣ тѣхъ, которыя заставили автора перенести дѣйствіе своего рассказа въ Румынію... Прибавимъ еще, что авторъ, какъ бы въ свое оправданіе, относитъ свой эскизъ къ разряду «Мелочей» («Kleinigkeiten») — общее заглавіе).

Изъ красивыхъ аксессуаровъ баллетристическаго отлѣва сборника слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ пѣсняхъ и балладахъ *С. Г. Фруга*, гдѣ немало найдется прелестныхъ, мастеровскихъ строфъ, и о знакомыхъ отчасти нашимъ читателямъ крошечныхъ «новеллахъ» г. *Переца*, изъ коихъ двѣ переведены недавно въ фельетонахъ «Хроники Восхода».

Очень живо и остроумно написанъ «фельетонъ» г. *Исаакъ*, подъ заглавіемъ: «Палестинская земля», слѣдующаго содержанія: Авторъ объявилъ, что желаетъ купить «палестинскую землю» (Erez-Isroel Erd, т. е. землю въ Палестинѣ), — и вотъ къ нему посыпались благочестивые странники съ горсточками и вѣсточками «валеставской земли», предлагая купить

ценнымъ видъ его очеркъ весьма утомителенъ по непропорціональному обилію многословныхъ описаній, въ коихъ терлется весь главный сюжетъ, въ ущербъ прямому дѣйствию и значенію рассказа.

этот товар для известной надобности (состоятельные и небогатые евреи покупают при жизни горсти палестинской земли, съ тѣмъ, чтобы послѣ ихъ смерти эти горсти земли, зашитыя въ навѣшныя подушечки, подкадывались въ могилѣ подъ ихъ изголовье, такъ какъ существуетъ поверье, что это предохраняетъ тѣло отъ истребленія могильными червями). Напрасно злополучный покупатель толкуетъ имъ, что ему нужна не горсть земли на случай смерти; а настоящій кусокъ, надѣлъ земли въ Палестинѣ, для того, чтобы обработывать ее и жить этой работой; благочестивые евреи его не понимаютъ и не хотятъ понимать. Для нихъ Святая Земля имѣетъ значеніе исключительно религиозное, и святость ея связана съ загробными ображеніями, а не съ жизненными надеждами и увеселеніями. Ихъ идеалъ — умереть въ Палестинѣ, быть похороненнымъ въ палестинской землѣ, гдѣ, по преданію, гнѣтъ «могильныхъ червей»; идеалъ же кодомыхъ «палестинцевъ» — *жить* въ Палестинѣ, жить и трудиться, пахать землю и надѣяться на возрожденіе еврейскаго народа на его древней національной почвѣ... Тутъ имъ уже вступаемъ въ область современной публицистики.

Изъ публицистическихъ статей въ сборникѣ слѣдуетъ отнѣсти: статью г. *Брандта* «Времена мѣняются», гдѣ въ доступной для массы формѣ излагается исторія переворотовъ въ нашей общественной жизни за послѣдніи 50 лѣтъ, и «Отчетъ о состояніи палестинскихъ колоній», весьма толково составленный г. *Усымакманомъ*. Къ публицистикѣ принадлежатъ отчасти и популярно-научныя статьи, въ которыхъ общедоступно излагается практическая гигиена (д-ровъ Чернаго и Соколовскаго) и пр.

Въ историческомъ отдѣлѣ преобладаютъ переводы и компіляціи («Манассе-бенъ-Израиль» г. *Загородскаго*, «Марраны» г. *Покрасы*), но есть кое-что и самостоятельное. Такъ, въ качествѣ историческаго матеріала немаловажна статьяка д-ра *Скомаровскаго* «Рѣзня Гонты въ Умани и Украинѣ», гдѣ приводятся многіе интереснѣйшіе отрывки изъ одной ставшей нынѣ библиографическою рѣдкостью жаргонной книжки объ уманской рѣзнѣ 1768 г. Въ особомъ приложеніи къ сборнику помѣщено начало большого ученаго труда г. *Л. Шульмана* «Исторія жаргонной литературы». Пока передъ нами только «введеніе», въ которомъ излагаются библиографія вопроса и нѣкоторыя гипотезы о происхожденіи нашего нѣмецко-еврейскаго жаргона. Признавая, что ни происхожденія, ни времени возникновенія нашего жаргона нельзя въ точности опредѣлить, г. Шульманъ склоняется, однако, къ гипотезѣ Юста, будто жаргонъ беретъ свое начало отъ французскихъ евреевъ, изгнанныхъ изъ родины въ концѣ

XIV вѣка (у автора по подсчету сказано: «въ концѣ XIII вѣка») и послѣдніе затѣлъ въ Германіи. Настоящій же жаргонъ расцвѣлъ нѣсколько позже, среди польскихъ евреевъ, которые въ свою очередь распространили его въ сосѣднія нѣмецкія земли. Намъ кажется, что было бы крайне интересно прослѣдить именно этотъ послѣдній моментъ, т. е. превращеніе нѣмецкаго жаргона въ польско-русскій, и мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи можно добиться существенныхъ результатовъ, если въ старинной письменности хронологически отбѣчать постепенное возрастаніе въ жаргонѣ польско-русскихъ словъ и оборотовъ. Къ сожалѣнію, авторъ «Исторіи жаргонной литературы» не беретъ на себя этой важнѣйшей части задачи и даже напередъ отказывается дѣлать въ своемъ историческомъ изложеніи различіе между нѣмецкимъ и польскимъ жаргономъ (стр. 128 второго отдѣла), упуская изъ виду, что между этими двумя отраслями жаргона есть различіе не только фонетическое, но и историческое... Впрочемъ, надеждемъ, что ознаютъ г. Шульманъ въ слѣдующей, существенной части своего вообще многообъемлющаго труда. Историческіе источники—и между ними много рѣдкихъ—собраны авторомъ въ изобиліи, какъ показываетъ его библиографическій перечень и образцы старинной жаргонной письменности, взятые изъ разныхъ книгъ и помѣщенные въ прилѣжаніяхъ къ «Введенію». Надѣемся, что авторъ справится съ своимъ богатымъ матеріаломъ и дастъ намъ трудъ, столь же богатый по своимъ фактическимъ свѣдѣніямъ.

Съ литературныхъ верховъ жаргона спустился внизъ. Отъ новой «народной» литературы перейдемъ къ «простонародной».

Въ этой области крупнѣйшимъ произведеніемъ послѣдняго времени является большой романъ г. Я. Динесона, подъ заглавіемъ «Камень Преткновенія»¹. Г. Динесонъ можетъ считаться въ жаргонной литературѣ родоначальникомъ *сентиментально-нравоучительнаго романа*,—этого давно отжившаго вида беллетристики, составляющаго, какъ показываетъ исторія, характерную черту всякой неразвитой, пребывающей въ періодѣ дѣтства, литературы. Первый романъ г. Динесона въ этомъ родѣ, появившійся слишкомъ 15 лѣтъ тому назадъ («Черный молодой человѣкъ»), очень понравился простой публикѣ, имѣлъ большой успѣхъ и выдержалъ много изданій. Немало слезъ было пролито надъ этой еврейской «Бѣдной

¹ Тутъ же рѣдкимъ членомъ былъ «жм. Романъ въ четырехъ частяхъ Якова Динесона. Два тома. Варшава, 1890 (856 стр. in 8°).

Лисей» чувствительными жемчуги и дѣвизки; немало назвать людей горько жалались увидѣть во-очію героя романа, этого таинственнаго «чернаго молодого человѣка», котораго они по простотѣ души считали дѣйствительно существующимъ лицомъ и даже указывали его нѣтожительство... Авторъ сразу сдѣлался любимцемъ престопродѣя. Его роль въ литературѣ была опредѣлена. И теперь, выступая послѣ долгаго перерыва въ своей дѣятельности съ новыми романомъ, онъ продолжаетъ исполнять въ сущности ту же роль и нѣтъ въ виду ту же публику.

Канва этого романа—трагическая участь еврейской дѣвушки, борющейся съ обружающей тонкой средой за свое свободное чувство, нѣтъ не по-лишившее и даже осуждаемое. Рахиль (или героиня) представляеть собою нѣчто среднее между дѣвушкой стараго покроя и современною еврейской «барышней»,—нѣчто вообще очень неопредѣленное въ общественно-генетическомъ отношеніи. Это — просто дѣвица съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, «немного образованная», немного усвоившая себѣ новыя понятія подъ впливомъ своего мудраго и благороднаго отца, богатаго еврея Лейзера, который хотя и жилъ среди фанатическихъ хасидовъ и велъ себя какъ подобаетъ благочестивому еврею, однако, тайно въ умѣ довольно трезвыя воззрѣнія на религію и на жизнь. Это не нѣшало ему уживаться съ своею женой Хной,—незаместенной и суевѣрной хасидкой, вѣрившей въ падша какъ въ Бога и считавшей идеаломъ благочестія веселый хасидскій разгулъ: мужъ не нѣшалъ женѣ ѣздить на праздники къ наядку съ богатыми дарами, а она ему не нѣшала воспитывать дочь по своему и читать ей мудрыя и чувствительныя сентенціи, немного либеральныя съ хасидской точки зрѣнія. И вотъ эта воспитанная на мудрыхъ поученіяхъ отца Рахиль горячо полюбила молодого человѣка — Мошеля, своего двоюроднаго брата, который, конечно, не могъ не полюбить и ее, ибо она была прекрасна и добродѣтельна. Но герой былъ еще очень юнъ и собирался не жениться, а учиться. Начитавшись просвѣтительныхъ книжекъ, онъ захотѣлъ сдѣлаться ученымъ богословомъ въ новомъ духѣ,—и для этой цѣли поѣхалъ въ Бреславль, чтобы поступить въ тамошнюю раввинскую семинарію, давъ предварительно своей возлюбленной слово вернуться къ ней по окончаніи курса и устроить тогда нѣхъ обоюдное счастье. Тайну его любви и его поѣздки знали на первыхъ порахъ только Рахиль да ея отецъ, который въ душѣ радовался и выбору дочери, и планамъ своего племянника и будущаго зятя. Доброму Лейзеру не суждено было, однако, дожить до

осуществленія своей мечты: онъ ушелъ неожиданно, вконецъ послѣ отъѣзда Мошеля за границу.

Отъ этой минуты начинаются для бѣдной героини горькіе, страшные дни. Она осталась безъ руководителя и, что было еще хуже, безъ защитника среди людей, которые не могли ее понимать, хотя по своему и любили ее. Когда разоблачалась тайна ее любви и цѣль звѣздки Мошеля, противъ Рахили возсталъ родная мать и всея ея дадишки и тетушки. Чувство Рахили они считали вдвойнѣ преступнымъ: какъ чувство свободной любви вообще и какъ любовь къ еретичу, къ отщепенцу, изувачивающему инеознанныя науки. Больше всего губили героиню лживое и грубое эгоистическое расчеты ея матери. Хая вскорѣ послѣ смерти своего мужа угнѣдилась и готовилась уже выйти вновь замужъ за небожнаго раба Пинхоса, секретаря того самого надика, къ которому она такъ часто ѣздилла на поклоненіе. Чтобы устроить этотъ бракъ, ей нужно было раньше сбыть съ рукъ дочь, которую выѣсть съ тѣмъ хотѣла спасти отъ брака съ еретичомъ Мошеляемъ. И вотъ энергичная Хая пускаетъ въ ходъ все дружны, чтобы добиться сразу всего своего цѣлей. По волѣи надика, прискивается для Рахили приличный женихъ, какой-то богатый матушкинъ сыночекъ, и начинаются приготовления въ торжественной свадьбѣ. Рахиль мучится и протестуетъ, но видя, что ничего не подѣлаетъ и что ее готовы насильно повести подъ вѣнецъ, убѣгаетъ изъ дому накануне назначеннаго дня свадьбы, и нѣсколько дней прячется въ загородной хижинѣ одной бѣдной еврейки. Мать ея между тѣмъ преспокойно справляетъ собственную свадьбу и уѣзжаетъ съ своимъ раба Пинхосомъ, а несчастная Рахиль, возвратясь въ опустѣлый родной домъ, заболѣваетъ горячкой и умираетъ. Мошаль возвращается уже слишкомъ поздно.

Сюжетъ, какъ видите, очень ужъ ординарный, избитый, но приемы автора отличаются свойствами еще менѣе привлекательными: устарѣлостью и совершенной негодностью со стороны здраваго эстетическаго вкуса. Сентиментальность въ этомъ романѣ граничитъ съ плаксивостью, а правдоучительность — съ прописною моралью. На всемъ протяженіи романа слышится непрерывный плачь. Больше всѣхъ плачутъ героиня: у нея ни одинъ разговоръ почти не обходится безъ слезъ радости или горя, безъ пламенныхъ чувствительныхъ порывовъ, безъ приторныхъ нѣжностей, безъ вздоховъ, отъ которыхъ порядочному читателю подчасъ тошно ставовится. Въ этомъ потокѣ слезъ и сердечныхъ излияній положительно тонутъ главнѣйшія лица романа, за нѣкоторыми лишь исключениями. Объ руку съ крайней сенти-

ментальности идет сухая рассудительность. Здесь также больше всего рассуждает и резонирует героиня, резонирует о своих чувствах и восторгих, о житейском горь, о добродѣтели и верою—и все въ несокопарномъ тонѣ. Особенно много морализируетъ она въ письмахъ къ своему возлюбленному, гдѣ вы те и дѣло натикается на такіа выраженія: «Въ человеческомъ сердцѣ также есть небо, голубое чистое небо, гдѣ надежда сияетъ иногда, какъ солнце на настоящемъ небѣ; но теперь... тяжелый туманъ нависъ *надъ небомъ моего сердца*. Ахъ, я много плакала и проливала слезъ» etc. (стр. 72). Наша меланхолическая героиня вступаетъ иногда въ философскую бесѣду съ тѣмъ природою и съ неразумными тварями, предъ конни громогласно изливаетъ свое сердце. Тамъ, въ одной сценѣ въ саду, она, обращаясь къ птичкѣ, восклицаетъ: «Повѣдай мнѣ, птичка, откуда ты идешь? Не летѣла-ли надъ тѣмъ полемъ, гдѣ похороненъ мой отецъ? Скажи, растутъ тамъ травки, цвѣточки?.. Пой, невинная пташка, свою пѣсенку! Тебѣ можно пѣть, ты больше видишь, чѣмъ мы, гордые люди!.. Одолжи мнѣ, пташка, свои крылья: я полечу на тотъ холмикъ, подъ которыми лежатъ мой отецъ!»—и такъ далѣе въ протяженіи двухъ страницъ (160—161). Отъ своей несчастной привычки плакать и морализировать Рахиль не можетъ отвыкнуть даже на одрѣ смерти. Умирая, она восклицаетъ, обращаясь къ дядѣ: «О, ваши очи опять выпускаютъ горячую слезу на мои сокращенные годя!.. Неужели я опять вижу передъ собою моего милаго дядю?» (стр. 328) и далѣе тутъ же изрекаетъ мудрую сентенцію: «Дядя, какъ вамъ не болело сдѣлать Бога соучастникомъ вашихъ грѣшныхъ дѣлъ, učinенныхъ вами до сихъ поръ противъ Его воли?»... (стр. 332). Такъ-то героиня умираетъ столь же естественно, какъ жила.

Отъ общаго потока чувствительности, въ которомъ г. Динесонъ безжалостно потопилъ своихъ собственныхъ героевъ и героинь, уцѣлѣли только три лица: Хая—мать героини, ея новый мужъ Пинхосъ—секретарь падиша, и меламедъ-шахионъ «Шимале-Плугъ». Эти лица пошажены авторомъ и изображены по человечески, т. е. не только съ способностью рассуждать и проливать слезы, но также и съ другими человеческими способностями: дѣйствовать, двигаться и даже творить пакости. Въ этихъ отрицательныхъ образахъ есть хоть признаки жизни, дѣйствительности. Меламедъ и святъ Шимале изображены даже не безъ юмора, и характеръ его строго выдержанъ. Равнымъ образомъ, довольно вѣрно, хотя и безъ притязаній на оригинальность, описана хасидская среда, окружающая «дворъ»

падка изъ Виногородки. Глядя на эти немногіе живые образы, необездѣленные приторною сентиментальностью, невольно думаешь: почему это авторъ, скрутившій дуть жизнь нѣсколькими страдательными образами, не могъ вдунуть это самое «дыханіе жизни» въ свѣтъ положительныхъ героевъ, и для чего повадилось ему называть изъ лишенныхъ образа и подобія человѣческаго?

На это есть только одинъ отвѣтъ: г. Динесонъ писалъ свой романъ не для насъ, людей съ болѣе или менѣе тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, не для читателю мыслящихъ, не нуждающихся въ изученіи правилъ прописной морали, а для—простонародья. Г. Динесонъ могъ весьма правильно рассудить, что для того, чтобы книгою повліять на простолюдина, надо, чтобы что-либо книги его «пробрало», а пробрать такого читателя можно сильными эффектами, кричащею чувствительностью, раздражительными сценами; необходимо не только, чтобы такой читатель чувствовалъ, но чтобы онъ *расчувствовался*, чтобы его слеза прошибла; тогда-то онъ запомнитъ рассказъ и усвоитъ себѣ заодно и мораль послѣдняго, которая какъ разъ ему по плечу. Такого ображеніи могъ руководствоваться авторъ разбросанной книги,—и нельзя отрицать, что съ своей точки зрѣнія онъ отчасти правъ. Дайте еврейскому простолюдину, читающему книгу разъ въ недѣлю, въ субботу, или еще того рѣже, какойнибудь чисто-художественный или «идейный» современный романъ,—и онъ надъ нимъ будетъ такъ же смертельно скучать, какъ мы скучаемъ надъ нравящимися ему сентиментальными и раздражительными романами. Лубочные и базарные писатели, въ родѣ Шайкевича, пользуются этою страстью простонароднаго читателя къ сильнымъ эффектамъ для того, чтобы корчить его сенсационными или сказочными романами, лишенными всякой нравственной идеи или даже прямо безнравственными. Подобно грубымъ балаганщикамъ, они забавляютъ народъ *дурными* эффектами. Г. Динесонъ, будучи также простонароднымъ писателемъ, тѣмъ не менѣе очень далекъ отъ такихъ приемовъ. Онъ всегда выступаетъ на сцену съ искреннимъ желаніемъ поучать народъ, будитъ въ немъ добрыя чувства—любовь, состраданіе къ слабымъ, уваженіе къ порывамъ чистаго сердца и т. п. Ради достиженія этой похвальной цѣли онъ прибѣгаетъ также къ эффектамъ, но къ эффектамъ чистымъ, совершенно нравственнымъ. Онъ заставляетъ темныхъ людей *плакать* надъ своими *сентиментальными* романами; но пусть лучше люди плачутъ надъ несчастіемъ такихъ вымышленныхъ героевъ или героинь, чѣмъ забавляются и хоютъ надъ грубыми *сенсационными* представленіями

въ романахъ разныхъ *Шомеровъ!* Пусть лучше усваиваютъ себѣ хоть элементарное правоученіе, чѣмъ тѣшатся веселыми розсказнями балагуровъ!..

Съ этой-то именно точки зрѣнія мы признаемъ новый романъ г. Денсона удовлетворительнымъ и сравнительно полезнымъ чтеніемъ для *простонародья*,—тотъ самый романъ, который съ точки зрѣнія художественной критики мы выше рѣзко осудили. Пусть народъ читаетъ эту книгу, пусть будитъ она въ немъ добрыя чувства и честныя мысли, но пусть это элементарное чтеніе подготавливаетъ его къ чтенію болѣе серьезному, къ воспріятію истинъ болѣе сложныхъ, изложенныхъ въ формѣ болѣе совершенной! Безъ первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики нельзя вѣдь дойти и до высшей математики...

Критикусь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Розановъ. *Мѣсто христіанства въ исторіи. Москва, 1890* (40 стр. *in 12°*).

Брошюрка г. Розанова содержитъ въ себѣ рѣчь, произнесенную авторомъ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси на публичномъ актѣ елецкой гимназіи, въ 1888 г. Нынѣ, хотя уже нѣсколько поздно, авторъ выпустилъ эту рѣчь въ свѣтъ, ибо «считаетъ мысли, въ ней изложенныя, истинными и самый предметъ ихъ—важнымъ» (стр. 6). Предметъ дѣйствительно не только важный, но даже чрезвычайъ важный и обширный для маленькой брошюры. Однако, и на небольшомъ пространствѣ авторъ сумѣлъ ясно выразить свои основныя мысли и изложить ихъ даже краснорѣчиво и увлекательно.

Ходъ мыслей г. Розанова—слѣдующій. Между аріями и семитами искони лежитъ глубокое различіе во всемъ ихъ душевномъ складѣ. Отличительными чертами арійскаго духа служатъ *объективность*, «направленіе душевныхъ силъ на внѣшнее, на встрѣчу впечатлѣніямъ, идущимъ снаружи», жизнерадостное настроеніе, любовь къ внѣшней природѣ. Въ силу этихъ свойствъ аріицы (греки, римляне) первые выработали *искусство, науку и государство*. Отличительными же чертами семитическаго духа являются: *субъективность*, направленіе душевныхъ силъ внутрь, стремленіе къ познанію не формъ вещей, а ихъ сущности, ихъ первичныхъ причинъ, пренебреженіе ко всему внѣшнему—и вслѣдствіе этого семиты (евреи) дали міру истинную *религію*, Откровеніе. «Еврейскій народъ одинъ въ исторіи искалъ Откровенія, и былъ достоинъ воспринять его—именно потому, что душа его не запятнана была земными помыслами и заботами, въ которые такъ безраздѣльно погрузилась душа аріица» (стр. 17). Но тутъ авторъ ставитъ себѣ вопросъ: если во времена ветхозавѣтнаго скипетра истинной религіи находился всецѣло и по праву въ ру-

какъ еврейскаго народа, то почему же впоследствии онъ вырванъ былъ изъ рукъ этого народа? На это у него отвѣтъ наготовѣ: еврейскій народъ, прежде избранный Господомъ, какъ возвѣститель истинной вѣры всему міру, не исполнилъ этой возложенной на него великой миссіи; онъ замкнулся въ себя, наслаждался добытыми религіозными истинами самъ, не хотѣлъ дѣлиться ими съ другими, ибо на всѣ прочіе народы смотрѣлъ свысока, какъ на скопище низшихъ тварей; онъ оставилъ послѣднимъ землю, а себѣ одному захотѣлъ взять небо. За это-то Богъ его и наказалъ: явился Спаситель и далъ міру религію любви и милосердія, а еврейскій народъ, за свой эгоизмъ, былъ навсегда отвергнутъ Богомъ.

Какъ видите, «не длиненъ и не новъ разговоръ». Авторъ всецѣло стоитъ на догматической почвѣ и, повидимому, считаетъ свою позицію очень прочною. Но дѣйствительно-ли это такъ на самомъ дѣлѣ? Конечно, дискутировать съ авторомъ на этой почвѣ мы не станемъ; но даже ставоясь на точку зрѣнія г. Розанова, можно съ нимъ серьезно поспорить. Мы охотно допускаемъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, первую половину разсужденій г. Розанова, а именно мысль о различіи душевнаго склада у арійцевъ и у семитовъ, съ существенною оговоркою, что у однихъ *преобладаетъ* (а не исключительно господствуетъ, какъ пишетъ авторъ) объективизмъ, а у другихъ *преобладаетъ* субъективизмъ (ибо надо вспомнить, что и еврейскій народъ, кромѣ религіи, выработалъ великій типъ *государственности*, хотя и уступающій по значенію греко-римской государственности, но все-таки не совсѣмъ лишенный значенія). Но мы уже никакъ не можемъ признать правильною вторую половину аргументаціи автора. Прежде всего—откуда авторъ взялъ, что еврейскій народъ въ цѣломъ отличался замкнутостью и не хотѣлъ дѣлиться ни съ кѣмъ своими религіозными сокровищами? Въ доказательство этой мысли онъ ссылается на нѣкоторыя выраженія въ *апокрифической* «Третьей книгѣ Эздры» (стр. 20—21). Но развѣ не гораздо болѣе достовѣрнымъ и *подлиннымъ* доказательствомъ противнаго служатъ пламенные и уже, конечно, не апокрифическія рѣчи великихъ пророковъ—Исаи, Михи, Амоса,—призывавшихъ *всѣ* народы увѣровать въ единого Бога и бросить язычество? Если въ древнемъ еврействѣ было теченіе узко-національное, то въ немъ же было и другое теченіе—*универсальное*, стремившееся объединить всѣ народы едино-истиннымъ богопознаніемъ. Да наконецъ, развѣ основатели и проповѣдники христіанства въ первое время не были евреями? Авторъ говоритъ: «Среди народа, гордаго своимъ избран-

ничествомъ, ни съ кѣмъ не сообщающагося, ходилъ и училъ Спаситель» (стр. 22). Но вѣдь и Спаситель и Его главные апостолы не только учили среди евреевъ, но и сами были чадами еврейскаго народа. Стало быть, еврейство не только получило отъ Бога Откровеніе, но и передало послѣднее міру, т. е. добросовѣстно исполнило свою миссію. А если такъ, то что же станется съ отвѣтомъ автора на вопросъ: «отчего Богъ, раньше избравъ еврейскій народъ, впоследствии его отвергнулъ?» Въ томъ-то и дѣло, что не только отвѣтъ не вѣренъ, но и самый вопросъ ложенъ. Ибо въ чемъ же авторъ видитъ признаки «отверженія» еврейскаго народа?— Въ его страданіяхъ? Но вѣдь мученичество никогда никого не позорило, а, напротивъ, прославляло. Или онъ видитъ ихъ въ позднѣйшемъ развитіи еврейской религіи? Но вѣдь въ дѣлѣ сравнительной оцѣнки разныхъ религій могутъ быть разные мнѣнія. Не называютъ же магометанъ и буддистовъ отверженными, оттого что они исповѣдуютъ религію не-христіанскую. А если ужъ авторъ слѣло вѣрить, вѣсто того, чтобы мыслить на основаніи фактовъ, то не долженъ-ли самый фактъ *сохраненія* еврейскаго народа, послѣ двухтысячелѣтняго мученичества, внушить ему вѣру, что Богъ желаетъ для чего-то сохранить этотъ народъ,—можетъ быть, для чего-то великаго?..

Г. Розановъ, правда, рыцарски-великодушенъ къ евреямъ и говоритъ: «Одна и та же причина породила оба эти явленія—избраніе и отверженіе евреевъ, и если мы поймемъ, если мы почувствуемъ, съ какою страшною необходимостью совершалось это, то проникнемся глубокою жалостью къ еврейскому племени, нѣкогда столь великому и святому, а теперь такъ низко павшему. Этотъ законъ воздаянія, это сдѣяніе причинъ и слѣдствій—оно виситъ надъ всѣми народами, и также надъ нашими, и если мы могущественны, свободны и счастливы теперь, мы должны помнить, что это одна половина явленія, и, думая о другой, должны быть сострадательны ко всему, что уже пало и унижено въ исторіи» (стр. 24—25). Безспорно, хорошее, благородное чувство продиктовало эти прекрасныя строки, — чувство, которое, еслибъ оно получило преобладаніе въ русскомъ народѣ, пригвоздило бы къ позорному столбу всѣхъ современныхъ гонителей еврейства, не знающихъ ни вѣры, ни совѣсти. Но къ словамъ автора мы должны прибавить слѣдующее: если еврейскій народъ нынѣ (и то не вездѣ) «палъ низко», то вовсе не въ духовномъ, а только въ общественномъ отношеніи, благодаря лишь временнымъ неблагоприятнымъ влчяніямъ и усерднымъ стараніямъ унижить его... Въ духовно-нравственномъ же

отношеніи еврейство не начало, а живетъ полною жизнью, и будетъ жить, и будетъ служить силами духа не только себѣ, но и всему человечеству...

Вѣдь вотъ и самъ авторъ говорить, въ концѣ своей рѣчи, что *«цѣль исторіи состоитъ въ полномъ сліяніи въ насъ самихъ и во всемъ, что мы дѣлаемъ и что создаемъ, элементовъ семитическаго духа съ элементами духа арійскаго»* (стр. 38). Стало быть, семиты, — т. е. еврейскій народъ, какъ главный ихъ представитель, — еще не сыграли своей исторической роли, ибо разъ они живы и духовно здравствуютъ, они уже, конечно, съумѣютъ вносить благотворные элементы своего духа въ духъ арійскихъ народовъ. И они дѣйствительно это дѣлаютъ. Въ Европѣ нѣтъ ни одной отрасли умственной дѣятельности, гдѣ еврей не являлся бы въ числѣ главныхъ представителей, подчасъ историческихъ и безсмертныхъ... Надо-ли называть имена?.. Ну-съ, а теперь рѣшайте по разуму и по совѣсти: имѣеть-ли еврейство право на существованіе или нѣтъ? Разумъ и совѣсть, конечно, дадутъ положительный отвѣтъ; а если люди, лишённые и того, и другого, утверждаютъ противное, то будущее несомнѣнно дастъ имъ рѣшительный отпоръ, ибо истина мститъ за себя.

С. М.

О Г Л А В Л Е Н І Я .

I. ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ. Хроника XIII вѣка о лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ Княжннмъ Черныжонъ. Н. А. Рубаина.	1
II. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ (Продолженіе). С. М. Дубнова.	23
III. РАЗСЪЯННЫЕ. Стихотвореніе С. Г. Фруга.	42
IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Никитина	45
V. ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Романъ (Продолженіе). Б. Ротманна.	64
VI. СОНЪ ВЪ НОЧЬ НА ЮМЪ-КИЦУРЬ. Воспоминанія изъ одной литовской синагоги. Г. Б.	91
VII. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Дитъпровскаго.	107
VIII. НА ЗАПАДѢ. Лондонскіе силуэты. П. Я. Левенсона.	143
IX. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ. Veritas.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: Народная и простонародная литература. Критикуса	21
XII. БИБЛИОГРАФІЯ: В. Розановъ. <i>Мѣсто христіанства въ исторіи. Москва, 1890 (40 стр. in 12°)</i>	38

Въ книжномъ складѣ при типографіи А. Е. Ландау

(С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская бібліотена. Историко-Литературный сборникъ. Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 5 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.

Повѣсти и разсказы. К. Э. Францоza. Цѣна 1 р. 5 к.

Мельпомена. Трагическая исторія К. Э. Францоza. Пер. Петра Вейнберга. Ц. 6 р. к
Яковъ Тирадо. Историческій романъ Л. Филиппсона. Перев. Петра Вейнберга. Цѣна 1 р. 5 к.

Талмудъ. Соч. бібліотекаря британскаго музея Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 5 к.

О книгѣ нагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Ц. 5 к.

Евреи и ихъ ученіе объ инновѣцахъ. Д. И. Флисседера. Цѣна 1 р. 5 к.

Мендель Гибборъ. Фейгеле Маггидъ. Повѣсти А. Бернштейна. Цѣна 1 р.

Очерки прошлаго. Л. О. Леванды. Цѣна 1 р.

Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Орманскаго. Ц. 2 р.

Евреи въ Россіи. И. Г. Орманскаго. Ц. 2 р.

Записки еврея. Г. И. Богрова на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ V. Цѣна 2 р. 5 коп.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ X. Цѣна 2 р. 5 к.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Д. И. Флисседера. Ц. 1 р. 25 к.

Объ употребленіи евреями христіанской крови для религиозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 1 к.

Tragikomisches aus dem Leben. H. Scharfr. Ц. 75 к.

Сочиненіе О. А. Рабиновича. Т. I, II и III. Цѣна 5 р., съ пересылкой 6 р.

РИЛЬ. Г. В. Гражданское общество. Ц. 2 р.

Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.

Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Совѣтъ матерямъ. Съ нѣмецкаго перевелъ и дополнилъ зубной врачъ А. Казарновскій. Съ 27-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна 50 к., съ пересылкой 6 к.

Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьею и біографіею.

Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.

Выпускъ I. Гете. Ифигенія въ Тавридѣ.

" П. Шекспиръ. Коріоланъ.

" III. Мольеръ. Скупой.

" IV. Данте. Адъ.

" V. Шиллеръ. Пѣснь о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна

" VI. Ширеданъ. Школа злословія.

" VII. Софоня. Эдипъ-Царь.

" VIII. Байронъ. Мазепа. Шильонскій узникъ и др.

Цѣна каждому выпуску 5 к.

Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платятъ

